

Полное собрание сочинений. Том IV священномученик Иоанн Восторгов

[Том I](#) * [Том II](#) * [Том III](#) * [Том V](#)

Статьи по вопросам миссионерским, педагогическим и публицистическим 1887–1912 гг.

В настоящий том вошли церковно-публицистические статьи отца Иоанна Восторгова периода 1887–1912 гг., а также работы, связанные с его миссионерской деятельностью. Эти труды, раскрывающие важнейшие стороны церковной и общественно-политической жизни России накануне великих испытаний, в наши дни приобрели особое духовное значение.

1887 г.

Раскольническая австрийская иерархия с точки зрения церковных канонов

1

В 1846 году в селении Белой Кринице, находящейся в австрийских владениях, преимущественно трудами старообрядческого инок Павла основана была раскольническая иерархия или, точнее сказать, лже-иерархия, которая и была принята почти всеми² старообрядцами так называемого поповщинского толка. Человек, которому суждено было начать собой ряд раскольнических иерархов, был бесместный греческий митрополит Амвросий, проживавший при дворе Константинопольского Патриарха. Находясь в крайне стеснительном материальном положении и прельщенный относительно богатыми и заманчивыми для него обещаниями раскольников, он решился оставить своего Патриарха и бежать в чуждый ему край, к чуждому народу, верований и религиозных воззрений которого, как ясно видно из некоторых документов, он и сам хорошенько и не знал, и не понимал.

Понятно, с какой радостью он был принят раскольниками, почти двести лет не имевшими своего епископа и принужденными довольствоваться так называемыми «беглыми от Великороссийской Церкви попами», – чаще всего людьми недостойными, нередко даже самозванцами. Раскольники рады были, что у них явились свои «попы», свои «епископы»; ревнители «древнего благочестия» умилялись духом, видя чинно и благообразно совершающиеся у них церковные службы, вместо прежних безобразий, допуская их беглыми пастырями, которые, например, служили часы вместо литургии, устраивали общую исповедь, общее крещение, свадьбы чуть не для 300 человек сразу, или совершали таинство для раскольников по почте³. Немудрено, что после такого незавидного положения, в котором находился весь поповщинский раскольничий мир, раскольники и в прежнее время, когда у них только что появилась своя иерархия, и теперь всеми силами стараются доказать законность существующего у них собственного самозванного священства или, как принято называть, австрийской, иначе белокриницкой иерархии.

Но беспристрастному взгляду человека постороннего, да и самого раскольника, будь только и он беспристрастен и хотя несколько знаком с церковными положениями, очевидно после недолгих размышлений, что принятая раскольниками-поповцами, происшедшая от митрополита Амвросия иерархия в доказательство своей законности, своего, так сказать,

права на существование не может привести ни одного основания, которое опиралось бы на церковные каноны, – а этими канонами и должна определяться и регулироваться внутренняя жизнь истинной Христовой, руководящейся Священным Писанием и Священным Преданием, Церкви. Напротив, с точки зрения этих канонов, иерархия, которой в настоящее время пользуются раскольники, должна быть признана незаконной, безблагодатной.

Мы уже видели, что в «обретении» австрийского «священства» раскольники-поповцы видели выход из своего прежнего печального положения, видели возможность освободиться от старых порядков, при которых их учили, для них священнодействовали и ими управляли беглые от Православной Церкви пастыри, – пусть все это так, но раскольники не достигли того, чего хотели достигнуть, они, если так возможно выразиться, ошиблись в своей иерархии: она все-таки была и есть беглая. Перемена произошла только в бежавших лицах: прежде к ним бегали запрещенные, или страшившиеся суда церковного попы и диаконы, – теперь перебежал корыстолюбивый епископ. Поэтому-то и оценивать правильность австрийской иерархии необходимо прежде всего в связи с беглопоповщиной и так же, как беглопоповщину.

Эта последняя мысль подтверждается еще более, если мы обратим внимание на то положение, которое занимал Амвросий по отношению к Константинопольскому патриарху. Амвросий был безместный митрополит; своей епархии он не имел, другой еще не получал, в чужую идти, по смыслу церковных правил⁴, не имел права, не смел под страхом снятия сана. Единственное право, какое он удерживал, как епископ, было право священнослужения и совершения таинств, но и этим правом он мог пользоваться только с дозволения патриарха. Таким образом, выходит, что митрополит Амвросий по отношению к Константинопольскому патриарху находился точно в таком же положении, в каком находится пресвитер по отношению к своему епархиальному епископу⁵. Если так, то и бегство его к раскольникам должно быть рассматриваемо как и бегство к ним прежних русских священников, и, следовательно, те церковные каноны, которые говорят против «беглых попов», осуждая, так или иначе, их незаконные действия⁶, относятся прямо и к Амвросию и его переходу к раскольникам. И если раскольники, приемлющие австрийскую иерархию, в настоящее время сами осуждают беглопоповцев и считают беглое священство незаконным⁷, то такой же суд, если они желают быть последовательными, должны они приложить и к австрийской иерархии, которая, по справедливому выражению архимандрита Павла

Прусского, «наздана (аки бы на твердом основании) на том же безиерархическом бегствующих священников временном слеплении»⁸.

Итак, австрийская иерархия, как незначительное только видоизменение беглопоповства, уже по одному этому незаконна, безблагодатна, имя же ей: лже-иерархия.

Но это только одна сторона дела, далеко еще не вполне исчерпывающая данный вопрос, хотя и приводящая путем правильных умозаключений к указанному выше выводу; другая сторона гораздо важнее, которая поэтому требует и более подробнейшего изложения, с одной стороны, и опровержения некоторых возражений со стороны раскольников – с другой.

Против Амвросия, как лица, носящего высший пресвитерского сан епископа, говорят, кроме того, и другие церковные каноны, неприложимые к «беглым попам», совершенно осуждающие Амвросия и через это подрывающие и происшедшую от него иерархию. В ряду этих канонов Церкви, обращающих на себя наше внимание при решении данного вопроса, мы прежде всего укажем на 34-е правило Святых Апостолов. «Епископам всякого народа, – гласит это правило, «подобает знати первого в них, и признавати его, яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения»... И Амвросий, конечно, как бывший епархиальный епископ, также должен был признавать «первого», «яко главу», над собой. Таковым «первым» для Амвросия, находящегося в Константинопольском патриархате, был, конечно, патриарх Константинопольский (см. II Всел. Соб. пр. 2-е; ср. IV Всел. Соб. пр. 28-е); без воли и «рассуждения» этого патриарха Амвросий, по смыслу приведенного правила, ничего не мог делать, превышающего его власть. Если же он позволил себе, вопреки воле своего патриарха, «отыти во иной предел», – к старообрядцам, т. е. допустить действие, превышающее его власть (см. 15-е пр. св. ап.), то, очевидно, он поступил прежде всего противозаконно. Но продолжим далее изложение 34-го апостольского правила. Признавая над собой главу, епископ, однако, с полным правом может «творити то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих». Амвросий, таким образом, имел право распоряжаться по своему усмотрению только в пределах своей епархии, но он был безместный епископ и своей епархии не имел. Однако от подчинения патриарху он через это не освободился: не сохранив своих прав, он все-таки не утерял своих обязанностей, которые поставляли его теперь, по церковным правилам, уже в полную зависимость и подчинение патриарху, наравне с пресвитерами, ибо епископ, находящийся не в своем, а «во ином

граде», каковым для Амвросия был Константинополь, по 20-му правилу VI-го Вселенского Собора, «да совершает дела пресвитерства», т. е. пользуется такими же правами, как и пресвитер. И сам Амвросий признавал свое положение и признавал его законным, что и доказал тем, что просил у патриарха разрешения на совершение, по просьбе старообрядцев, одной литургии, за упокой рабы Божией Анастасии⁹.

Итак, воля и «рассуждение» патриарха служили прежде всего для Амвросия преградой к переходу в Белую Криницу, – он пошел против этой воли и, нарушив таким образом апостольское правило, поступив противозаконно, должен был быть извергнут из сана по 17-му правилу VI-го Вселенского Собора: «никто из клириков, в какой бы степени кто ни был, не имеет права без увольнительной от своего епископа (в данном случае – от патриарха) грамоты определен быти к иной церкви: не соблюдающий сего отныне, да будет извержен».

Таким образом, невидимым действием церковной власти изверженный из сана митрополит Амвросий не мог уже никому сообщить благодати священства: очевидно поэтому, какую цену имеют и переход его к старообрядцам, и совершенные им рукоположения на месте своего нового самозванного служения.

Но кроме воли патриарха, которая должна бы удержать Амвросия от бегства к раскольникам, самое свойство этого поступка, ясно и определенно осуждаемого и огражденного в церковных канонах угрозой извержения из сана, должно было бы также удержать его от рокового шага. «Епископу, говорит 14-е правило св. апостолов, «не позволительно переходить во иную епархию, аще бы и от многих убеждаем был». Если же и возможен для него такой переход, то только по суду многих епископов (конечно, во главе с патриархом, по 16-му прав. Антиох. поместн. собора) и по сильнейшему убеждению»; то же самое подтверждает и 21-е правило того же собора. Нечего и говорить, что Амвросий своим поступком нарушил указанные правила и за это должен подлежать осуждению и наказанию, которое (наказание) также не преминула указать Церковь в своих канонах. 15-е правило святых апостолов говорит: «Аще кто, находящийся в списке клира, оставит свой предел и во иной отъидет, и, совсем переместясь, в другом жити начнет, без воли епископа своего, таковому повелеваем не служити более, и наипаче, аще своего епископа, призывающего его к возвращению, не послушал; аще же останется в сем безчинии, тамо, яко мирянин, в общении да будет». Амвросий совершил оба указанные здесь проступка, на которые и выражены прещения апостолов: во-первых, он, оставив свой, перешел в иной предел и за это

был запрещен в священнослужении; во-вторых, зову своего патриарха, приглашавшего его в 1847 году возвратиться в Константинополь, – а это факт, засвидетельствованный историей¹⁰, – не внял и за это окончательно лишен сана и низведен в разряд мирян. Точно такое же наказание, только еще с большею ясностью и определенностью, налагает на Амвросия и 3-е правило Антиох. собора: «Аще кто-либо из священного чина упорствовать будет в сем безчинии (т. е. если отыдет во иной предел и не возвратится на зов своего епископа): то совершенно да будет извержен из священнослужительства без возможности восстановления в прежний чин».

В силу такого осуждения Церкви, которому еси не явно и открыто, то невидимо подпал митрополит Амвросий, уже само собой следует заключение, что и рукоположения, которые совершил Амвросий в Белой Кринице (например, Кирилла, Аркадия Славского, Софрония Симбирского и др.), не могут быть приняты за действительные, и австрийская иерархия является таким образом безблагодатной, является в полном смысле лже-иерархией. Но если для убеждения раскольников мало соображений здравого разума, то можно привести и постановления Церкви, говорящие в том же духе.

35-е правило св. апостолов вместе с запрещением переходить епископу в чужую епархию запрещает ему и творить там рукоположения: «Аще же обличен будет в сем», говорит это правило, – да будет извержен и он, и поставленнии от него». Отцы 1-го Вселенского Собора, подтвердив своим 15-м правилом недозволительность самовольных переходов клириков в чужие епархии, узаконивают, что в случае, если кто осмелится поступить вопреки указанному постановлению, тот должен быть снова возвращен в прежнее место своего служения. Если же таким лицом был епископ и он успел совершить рукоположения в чуждом пределе (подобно тому, как Амвросий в Белой Кринице), то, продолжают Отцы уже в 16-м правиле, «недействительно да будет рукоположение». А 13-е правило Антиох. собора говорит так ясно против Амвросия и его действий, что как будто направлено было специально против него: «Аще епископ, никем не быв призван, вне порядка пойдет для рукоположения некоторых и для устройства церковных дел, до него не принадлежащих, то все, содеянное им, да будет недействительно и он за бесчиние свое и за безрассудное начинание да понесет приличное наказание через немедленное извержение из своего чина». В частности и рукоположения епископа, совершенные им в неподчиненном ему граде, объявляются недействительными по 22-му уже правилу того же собора. Наконец, 4-ый Вселенский Собор своим 5-м правилом подтверждает вообще все

постановления, изданные когда-либо Церковью относительно перехода клириков в чужие епархии. «О епископах», гласит это правило, «или клириках, переходящих из града в град, рассуждено, чтобы положенные святыми отцами правила пребывали в своей силе». Итак, все приведенные нами церковные каноны говорят ясно и определенно о незаконности перехода Амвросия в Белую Криницу к старообрядцам, о незаконности всех совершенных им в бытность свою верховным старообрядческим пастырем действий и о незаконности, безблагодатности всего старообрядческого священства.

Против приведенных церковных канонов, избличающих незаконность австрийской лже-иерархии, раскольники обыкновенно делают возражения. Так, еще когда Константинопольский патриарх Анфим III-й приглашал Амвросия возвратиться снова к нему и указывал на 15-е и 35-е правила св. апостолов, которые Амвросий нарушил своим бегством в Белую Криницу, старообрядцы отвечали, что и приведенные патриархом правила, а вместе и все поясняющие их правила, – те самые, которые приведены нами выше, – не приложимы к Амвросию и к происшедшей от него иерархии, а относятся только «до внутрь круга православных», действуют только «внутри Церкви»¹¹. Это значит, что приведенные правила имеют значение и действие только в пределах Церкви, говорят только о переходе православного епископа в чужую, православную же епархию, но эти правила ничего не говорят о переходе от ереси, – в данном случае от греческой Церкви, – в православие, т. е. в старообрядчество. А таков именно, говорят раскольники, и был переход Амвросия. Если так, то Амвросий не только остается в сущем сани, но еще заслуживает похвалы, как сознавший ложность той церкви, в которой он прежде состоял епископом. При этом раскольники ссылаются на 15-е правило перво-второго поместного собора, которое говорит, что если кто отступит от епископа «за ересь его, от собора или святых отец неведому сущу, таковии чисти и приятия достойни суть, яко правовернии»¹².

Что сказать в ответ на такие мудрования раскольников? С логической стороны приводимый ими силлогизм, пожалуй, и верен, и правилен: Амвросий бежал от своего епископа за ересь его, а отступившие от своего епископа за ересь его «чисти и приятия достойни суть», – следовательно... и т. д. Но если мы обратим внимание на внутреннюю сторону этого силлогизма, то несостоятельность его становится ясной до очевидности; неправильность и несостоятельность эта заключается в ложности основания (посылки), из которого раскольники выводят заключение и на котором построяется вся пресловутая раскольничья доктрина. Этим

основанием служит мнимое еретичество греко-восточной Церкви и, в частности, еретичество патриарха для Амвросия, который, выходит, перешел от ереси в Православие.

Кто хотя несколько знаком с подлинной историей учреждения австрийской иерархии, тому ясно до очевидности, что не ересь патриарха, не интересы правоверия или заботы о спасении своей души в лоне истинной Христовой Церкви руководили Амвросием, но совершенно иные, далеко не чистые побуждения заставили Амвросия отступить от своего патриарха и решиться на пагубное, незаконное дело. Известно тяжелое положение Амвросия при патриархе, безвыходное материальное положение сына его Георгия, громадные долги Амвросия и сына его, грозившие им тюрьмой; известны томительные, долго длившиеся для Павла Васильева и Алипия переговоры с Амвросием о переходе его к раскольникам, его первоначальный, решительный отказ, очень мастерское закидывание Павлом Васильевым золотой удочки, на которую попался сначала Георгий, сын Амвросия, а потом и сам Амвросий; известна и внутренняя борьба этого последнего с самим собой, терзания его податливой, на этот раз в таком важном деле, заговорившей совести; известны старания Павла Васильева, достойные лучшего дела, заглушить и усыпить этого бдительного стража; известны сочинения Павла (целых два), написанные им с целью путем искусно подобранных доказательств и свидетельств убедить Амвросия в раскольнической неправде и доказать ему, что старообрядчество есть то же православие; известны разговоры Амвросия с каким-то славянином о существовании раскольнического учения и его мнимо-незначительных отличиях от учения православной греко-восточной Церкви; наконец – и это самое главное – известны переговоры Амвросия – долгие, пространные переговоры – и письменные контракты об его положении в качестве раскольнического епископа и об его обеспечении: о постройке ему дома, о выдаче ежегодного жалованья в 500 червонцев, о помещении и жаловании для сына его и проч., и проч. Кто не увидит в этом, с одной стороны, внешних обнаружений упорной и жестокой внутренней борьбы Амвросия с самим собой – борьбы, окончившейся полным игнорированием истины и ломкой своих собственных убеждений, а с другой стороны, самого наглядного проявления низменных, своекорыстных стремлений безместного греческого митрополита?! Разве только раскольник...

Все вышесказанное свидетельствует главным образом о том, что Амвросий не считал православной Церковью горсть отщепенцев-старообрядцев, а тем более не допускал и мысли об еретичестве греко-

восточной Церкви и патриарха Константинопольского; в противном случае он, как знавший каноны церковные и православное учение не хуже раскольников, согласился бы на предложение Павла Васильева и Алипия без всяких колебаний и без всяких их красноречивых и хитрых убеждений, а как человек честный и бескорыстный, заботящейся только об интересах правоверия и о своем душевном спасении, ограничился бы по крайней мере короткими переговорами, а не разыгрывал бы чего-то в роде аукциона... Неужели же, в самом деле, человек, переходящей сознательно, из-за убеждений, от ереси в православие, как думают раскольники об Амвросии, человек, руководящийся в этом случае единственно интересами истины, стал бы так беззастенчиво торговать собой? Нужно быть слишком наивным или лукаво-простодушным, чтобы так думать. Да притом же сам Амвросий при переходе своем к старообрядцам вовсе не знал даже сущности их вероучения и считал его тем же православием с незначительными только несущественными различиями, в роде приверженности к старине, и сам оболститель его, инок Павел, как мы видели раньше, старался убедить его в том же своими сочинениями; подобные же сведения он получил и от того славянина, с которым, как со знатоком раскола, он вел разговор о сущности учения старообрядцев. Об ереси патриарха и греческой Церкви здесь не было упомянуто ни слова и впоследствии не упоминалось. Даже, напротив, Амвросий, когда уже истина была для него открыта и когда возвратиться назад было уже трудно, почти невозможно, в задушевной переписке с сыном своим Георгием горько жаловался на свое крайне тяжелое положение отщепенца истинной Христовой греко-восточной Церкви, которой он запрещен и предан анафеме; далее в спорах окружников и противокружников он всегда принимал сторону окружников, стоящих, как известно, ближе всего к православной Церкви и не считающих ее не истинной, еретической (на стороне же противокружников только тогда, когда ему представляли дело, так сказать, в «окружническом» смысле); наконец, он прямо объявил о причинах своего побега к раскольникам и отступления от Константинопольского патриарха в ответном письме своем к австрийскому правительству. Здесь он, ни слово не упоминая об еретичестве греко-восточной Церкви и патриарха Константинопольского, выставляет причиной своего побега только несправедливость по отношению к нему со стороны патриарха, который, благодаря ложным слухам и клевете, лишил его митрополичьей кафедры и после не давал ему даже незначительной епархии в управление, через что поставил его в безвыходное материальное положение, заставившее его уйти к

старообрядцам в Белую Криницу, где он надеялся быть вполне обеспеченным. Пред своей смертью (28 окт. 1863 г.), когда обыкновенно земные интересы совершенно исчезают, корыстные расчеты более не нужны и уста умирающего правдивы и искренни, Амвросий, как теперь положительно и достоверно известно, возвратился в лоно православной греко-восточной Церкви, он был напутствован и удостоен Св. Тайн православным греческим священником и отпет и погребен в Триэсте православными же греческими священниками и по православному обряду. Против таких аргументов, взятых прямо из действительной истории, раскольникам невозможно возразить что-либо в защиту себя и своей именуемой «австрийской» иерархии.

Итак, Амвросий, как это показали вся его жизнь и все действия до и после побега к раскольникам, удалился от своего патриарха не за ересь его и поэтому оправданий в нарушении церковных узаконений не имеет. Положим, что Анфим III, патриарх Константинопольский, современник Амвросия, был несправедлив к нему, но это еще не могло служить для подчиненного епископа достаточным и справедливым поводом к тому, чтобы покинуть своего патриарха. Слово Божие заповедует нам повиноваться «господнем не токмо благим и кротким, но и строптивым»; о том же говорят небезызвестные, конечно, Амвросию и церковные каноны, хотя бы, например, то же 15-е правило перво-второго собора, которым раскольники хотят оправдать Амвросия: «Аще который пресвитер, или епископ, или митрополит дерзнет отступить от общения с своим патриархом и не будет возносить имя его в Божественном тайнодействии (как это сделал Амвросий): таковой да будет чужд священства». Если же Амвросий и терпел несправедливость от своего патриарха, то не должен был самовольно уходить от него, а должен был ждать соборного решения, по 13-му правилу того же перво-второго Константинопольского поместного собора. Это правило повелевает: «Аще который пресвитер или диакон (а в положении пресвитера, по вышесказанному, находился и Амвросий по отношению к своему патриарху), по некоторым обвинениям зазрев своего епископа, прежде соборного исследования и рассмотрения и совершенного осуждения его, дерзнет отступить от общения с ним (подобно Амвросию)..., да повергнется извержению и лишится всякия священнической чести».

Раскольники делают еще возражение, хотя несколько в другом роде. Они, по своему всегдашнему обыкновению, оправдывают переход Амвросия в Белую Криницу «нуждой», появившеюся в Церкви, или, придерживаясь их буквального выражения, «смотрительным случаем»;

при этом софистическими толкованиями они искажают истинный смысл церковных правил, чтобы как-нибудь отстоять законность своей иерархии. Они говорят, что ведь Амвросий ушел на кафедру новую, прежде не существовавшую, и притом ушел к овцам, бывшим без пастыря, побуждаемый будто бы «слезным общенародным (?) молением» (молением Павла и Алипия), а такой случай, рассуждают старообрядцы якобы не предусмотрен в церковных канонах и не противоречит общему духу этих канонов. Но, рассуждая таким образом, раскольники прежде всего впадают в противоречие с самими собой, признавая обязательными для себя те самые правила, которые, по их же мнению, как мы видели раньше, относятся не к ним и не к митрополиту Амвросию, а «до внутрь круга православных», действуют «внутри Церкви». Очевидно, расчет раскольников сделан в данном случае на то, что если нельзя оправдать перехода к ним Амвросия еретичеством греко-восточной Церкви, правила которой для них, раскольников, в таком случае необязательны, то может быть переход возможно оправдать теми же правилами, только искаженно и неверно протолкованными, – правилами, которые при таком обороте дела являются уже обязательными и для раскольников... Это значит: не выигрывает одно доказательство, – можно придумать и другое, хотя бы противоречащее первому. Далее, и самые обстоятельства, на которые ссылаются раскольники, в церковных законоположениях предусмотрены, но говорят они далеко не в пользу их: ни новость их мнимой белокриницкой «кафедры», ни общенародное (?) слезное моление не могут оправдать Амвросия за его бегство от своего патриарха и за самовольное, без разрешения собора и патриарха, вторжение в «церковь», прежде не имевшую епископа, и снова навлекают на него грозный суд Церкви. Вот что говорит 16-е правило святого Антиохийского поместного собора, в данном случае как нельзя более применимое к Амвросию: «Аще который епископ, не имеющий епархии (как Амвросий), вторгнется в церковь, не имеющую епископа, и наскочит на престол ея без соизволения совершеннаго собора: таковий да будет извержен, хотя бы его избирал весь народ, который он себе восхитил».

В таком виде представляется поступок Амвросия и происшедшая от него раскольническая иерархия с точки зрения церковных канонов. По суду этих канонов, Амвросий за свой поступок – за отступление от своего патриарха и за бегство в Белую Криницу – был связан отлучением и подвергнут извержению из сана. Выходит, что связанный захотел разрешить связанных – старообрядцев; «не имущий благословения и преподавательныя благодати Святаго Духа» захотел сообщить ее другим,

таким же, как и сам он¹³... Спрашивается: какая же здесь иерархия? Конечно, незаконная, безблагодатная, ибо все действия Амвросия в Белой Кринице, все совершенные им рукоположения, по суду вышеприведенных церковных канонов, недействительны, а рукоположенные лица, следовательно, не имеют благодати священства. Таким образом, истинной иерархии, составляющей существенную принадлежность Христовой Церкви, – иерархии, без которой невозможно спасение человека, у старообрядцев-поповцев все-таки нет. «Общество поповцев, окормляемое австрийскою лжеиерархией», заключим словами архимандрита Павла Прусского, «есть такое же самочинное собрание людей, как и общество «безпоповцев». К такому обществу, а не к Церкви, от Христа созданной, притек и Амвросий; посему и происходящее от него священство не есть преемственное, от апостолов идущее, благодатное, истинное священство, но оторвавшаяся иссохшая отрасль»¹⁴.

1895 г.

Суд над Иисусом Христом с юридической точки зрения

15

В порядке богословских чтений двух прошлых лет нам следовало бы в настоящий раз изложить историю суда над Иисусом Христом и последовавшего потом осуждения Его на смертную казнь. Но так как эта история, к тому же ежегодно прочитываемая в храмах во дни Страстной недели, более или менее в общем известна, то мы решили остановить ваше внимание, достопочтенное собрание, собственно на юридической стороне суда над Иисусом Христом. Не скрываем трудностей дела, особенно чувствительных для неспециалиста-юриста, не скрываем особенной скудости научных пособий в нашей русской литературе по этому вопросу, особенно же невозможность иметь под руками необходимые справки в нашем городе, и поэтому уверены в снисходительной оценке нашего труда, по необходимости неполного и не всестороннего¹⁶.

С юридической точки зрения, судопроизводство над Иисусом Христом является необыкновенным и даже единственным в своем роде фактом. История сохранила нам много судебных трагедий; уголовные процессы, в роде процессов Сократа, Карла Английского и Марии Стюарт всегда с особенной силой привлекали к себе внимание людей. Но суд над Христом произвел большее впечатление на мир, чем все и всякие суды вместе. Помимо своего всемирно-исторического значения, утверждающегося на громадном влиянии жизни и лица Иисуса Христа, гроб Которого, по выражению поэта, сделался могилой древнего мира и колыбелью нового, суд над Христом имеет еще чисто-юридический интерес, которым не обладает ни один из упомянутых процессов. По общему убеждению законоведов, самое важное место между юриспруденциями занимает юриспруденция древнего Рима, а самая своеобразная, и притом наиболее древняя и высоко ценяемая христианским миром, была юриспруденция Иудейского государства. Понятно, что если эти две славные и решительно различные системы встречаются между собой, – а это именно мы и видим в суде над Христом, – то исследование такого дела с юридической точки зрения, необходимо представляет большой интерес, который увеличивается еще от того, что рассматривается событие поразительное и обильное последствиями. В настоящий раз мы имеем время рассмотреть одно только еврейское судопроизводство.

Еврейское законодательство прежде всего обращает на себя внимание

глубокой древностью. За 1500 лет до Христа, когда ни Греция, ни Рим, умственное наследие которых лежит в основе современной цивилизации, еще не выступали на поприще мировой истории, Моисей уже дал еврейскому народу определенные судебные учреждения и постановления. Он именно установил Великий Совет из 70 старцев, которые имели обязанностью разбирать тяжёбые дела народа. Этот Совет является первообразом позднейшего Синедриона времен Иисуса Христа. Насколько чувство правды и забота о предохранении суда от ошибок были развиты среди еврейского народа, показывает то обстоятельство, что самые книги Моисея, включая и историю еврейского народа, получили выразительное название: «Закон» или «Тора», оставшееся за ними на все века, а среди постановлений нравственных запрещение клеветы выражено не вообще, а в форме, которая показывает сильно развитый в народе юридический интерес: «не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна», т. е. прямо предполагает клевету именно на суде. Лежащие в основе еврейского общества чувства правды и закона в позднейшей истории еврейского народа только развились и окрепли. «Не делай неправды суде», – вот что читаем в отеческих еврейских преданиях. «Если, – сказано там с обыною еврейскою своеобразностью, – если судья произносит решение не согласно с истиною, то он удаляет величие Бога от Израиля. Но если он судит согласно с истиною, хотя бы только в течение одного часа, то он как бы укрепляет весь мир, ибо в суде именно выражается присутствие Бога в Израиле». Вот другой не менее своеобразный взгляд еврейский: «Что думает Бог (если можно человекообразно говорить о Боге), когда злодей терпит должную муку за свое преступление? Он говорит: Моя голова и Мои члены страждут. Но если Он так говорит о страданиях виновного, то что должен Он сказать, когда осуждается невинный»? При таких взглядах вполне естественным становится, что вся обширная еврейская литература, которую мы называем Талмудом (10 томов in folio), является не чем иным, как своего рода Corpus juris, – энциклопедией всего закона. Это единогласно признается всеми учеными, из которых можем указать еврейского исследователя Когена, христианских Швоба и Делите (Фаррар: «Жизнь Иисуса Христа», стр. 651). Правда, Талмуд содержит много других предметов, но закон составляет его основу, занимая средоточную часть, 12 томов так называемой Мишны, и притом часть древнейшую по происхождению.

Мы имеем доказательства, что развитие Мишны началось очень рано, именно со времени возвращения евреев из плена, и окончилось приблизительно до 220 года до Р. Хр., в так называемый период

деятельности мужей «великой Синагоги». В основу их законодательной деятельности положено следующее ясное правило: «Будь осторожен и медлен в суде». За мужами великой Синагоги следовал век Синедриона, который разработал этот принцип осторожности в судебной деятельности до мельчайших подробностей. Этот-то Синедрион и судил Иисуса Христа. Основное правило судебной деятельности Синедриона выражено в следующем изречении одного из главных раввинов (Симона Праведного): «На трех вещах стоит мир: на законе, богопочитании и милости». Таким образом, мы видим в еврейском законодательстве, кроме строгой справедливости, и начала мягкости и гуманности. Иначе, впрочем, и не могло быть. Во всяком случае, в основе жизни евреев лежали взгляды библейские. И Спаситель в обличительной речи против фарисеев, из закона взявших только обряды, прямо говорить, что они оставили вящие в законе: суд, милость и правду... и этим характеризует дух еврейского закона. Но библейский взгляд совершенно чужд часто встречающейся теперь мысли о том, что правда и любовь суть понятия взаимно себя уничтожающие и несогласные; напротив, справедливость, по этому взгляду, есть вид любви, или, выражаясь библейским же языком, есть повитие и облачение любви. Мы увидим, что внушаемая везде в еврейском законодательстве «осторожность на суде» нигде и никогда не приводит к выискиванию обвинения, а наоборот, стремится к оправданию подсудимого, и таким образом обнаруживает свое сродство с любовью. Эти начала особенно ясно выступают в тех случаях, когда дело касается жизни человека. Суд об имуществе и суд о жизни, или судопроизводство гражданское и уголовное в еврейском законодательстве разграничены совершенно точно и определенно. И в отношении к гражданскому судопроизводству правила еврейского древнего суда поражают современный юридический ум своей склонностью к педантической осторожности. Но это еще более нужно сказать о суде по преступлениям уголовным, особенно наказывавшимся смертью. Ученый еврейский исследователь Мишны Сальвадор указывает четыре великие правила еврейской уголовной юриспруденции: 1) точность в обвинении; 2) гласность в разбирательстве; 3) полную свободу подсудимого и 4) обеспечение против всех опасностей и ошибок со стороны свидетелей. Эти правила сопровождаются подробными и точными указаниями, которые везде явно клонятся во всех пунктах в пользу обвиняемого. Предосторожность доходит здесь до того, что невольно внушает мысль, что смертная казнь противна самому духу еврейской юриспруденции. И мы действительно с изумлением останавливаемся перед таким изречением

Мишны: «Синедрион, раз в семь лет осуждающий человека на смерть, но есть судилище, а есть бойня». Кажется, нельзя яснее выразить отвращение от смертной казни. Поэтому, чтобы спасти неповинную кровь и защитить священное право человека на жизнь, еврейское законодательство соблюдало всевозможную осторожность. Вот место из Мишны, касающееся судопроизводства гражданского и уголовного. Оно говорит за себя, и мы приводим его буквально.

«Гражданское и уголовное судопроизводство подчинены одним и тем же правилам относительно допросов и следствия, но они отличаются способом производства в следующих пунктах. Для первого нужны лишь три судьи, для последнего 28; в первом безразлично, в чью пользу говорят судьи, первыми подающие мнения; в последнем – те, которые говорят за оправдание, должны говорить первыми; в первом большинства одного голоса всегда достаточно; в последнем – большинства одного голоса всегда достаточно для оправдания, но требуется большинство не менее двух третей голосов для осуждения. В первом решение в случае ошибки может быть отменено, в какую бы сторону оно ни склонилось; в последнем осуждение может быть отменено, но оправдание – никогда (хотя бы ясно стало, что оправдание ошибочно). В первом так называемые учение закона, присутствующие на суде, могут говорить (как заседатели или ассистенты) и за, и против обвиняемого; в последнем – они могут говорить только за обвиняемого, но против – нет. В первом – судья, высказавший свое мнение все равно за или против, может изменить его; в последнем – тот, кто подал голос за обвинение, может изменить мнение, но тот, кто подал голос за оправдание, – нет. Гражданское судопроизводство начинается только днем, но оканчивается быть может и по наступлении ночи; уголовное судопроизводство и начинается только днем, и должно быть оканчиваемо только днем. Первое может кончаться оправданием или осуждением в тот же день, в который начато; последнее может быть кончаемо в тот же день, если произносится оправдательный приговор, но непременно должно быть отлагаемо до следующего дня в случае, если должно кончиться осуждением, и в таком случае, в полном собрании всего Синедриона. И по этой причине уголовное судопроизводство не может быть начинаемо накануне субботы или праздника».

Справедливостью и гуманностью отличались и правила допроса и следствия. Прежде всего никого нельзя было судить заочно (Иоанн. VII, 51). Личное задержание, взятие под стражу или арест прежде следствия иудейскими узаконениями допускались очень редко, только тогда, когда обвиняемый оказывал вооруженное сопротивление или намерен был

бегством укрыться от судебного преследования. Самое привлечение к суду могло быть только в том случае, если этого требовали свидетели, которым еврейское законодательство вообще придавало в суде особенное, первенствующее значение. По книге Второзакония (XIX, 15–18), со времен Моисея, таких свидетелей требовалось 3, в крайнем случае 2. Своеобразная особенность еврейского суда состояла в том, что обвиняемый совершенно освобождался от всякого личного допроса, пока его не представят для разбора дела в собрание его братьев, как называются в Талмуде свидетели. Мишна ясно гласила: «Не становись судьей один, ибо нет одного судьи, кроме Единого», т.е. Бога. Вот почему единоличный допрос И. Христа у Анны, без предварительного обвинения свидетелями и даже в отсутствии их, был совершенно незаконен, тем более, что Анна был отставной первосвященник, и если и был членом Синедриона, то не имел каких-либо особых полномочий. Впрочем, ученый Дюпен утверждает, что Анна даже совсем не был членом суда. Так или иначе, вообще незаконность допроса у Анны настолько ясна, с точки зрения еврейского законодательства, что даже Сальвадор, испанский ученый еврей, задавшийся целью доказать справедливость действия Синедриона в суде над И. Христом, принимая, однако, факты, как они изложены в евангелии, ловким, хотя и неверным, перетолкованием греческого слова ἀπέστειλεν (несовершенный вид глагола: посылал) устраняет возможность допроса у Анны и считает его бывшим у Каиафы. Однако, перед тем или другим (это все равно) из этих сановников, во всяком случае, Обвиняемый был подвергнут предварительному одиночному и тайному допросу, и притом, прежде чем были призваны свидетели. Здесь же Обвиняемому в присутствии первосвященников нанесено было грубое оскорбление действием со стороны одного из слуг. Но тот же Сальвадор признает, что суд по еврейским законам начинался только после произнесения обвинения свидетелями и совершенно ограждал личную безопасность подсудимого от всякого рода насилий и оскорблений. Вот буквально слова Сальвадора: «Принцип, постоянно проводимый в еврейских писаниях, требует двух условий: гласности и свободы. Здесь не подвергали обвиняемого тайным допросам, при которых и невинный в смятении мог дать смертельные оружия против себя». Этими словами ясно осуждаются действия Анны. Когда И. Христос на лукавый вопрос первосвященника об учениках отвечает ему: «Я тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь меня? Спроси слышавших, что Я говорил им»; когда затем на дерзкий укор и удар слуги первосвященника И. Христос отвечает: «Если Я сказал худо, покажи, что худо, а если хорошо, что ты бьешь меня»? то здесь в каждом

слове слышатся отзвуки еврейского правосудия, основывавшегося на весьма широких началах. Христос напоминает судье об его долге и Сам решительно становится на почву юридических прав еврея.

Власть судить человека уголовным судом, как мы уже видели, принадлежала только Синедриону. Это учреждение состояло из 71 лица и разделялось на три комитета, из которых каждый назывался малым Синедрионом, по 23 члена в каждом. Но осудить на смертную казнь, а также судить за преступления против религии и государства во все времена мог только великий Синедрион в полном собрании всех трех своих комитетов. Неизвестно, был ли собран у Каиафы весь Синедрион, однако, трудно предположить это в виду ночного времени и в виду того, что члены Синедриона не все жили, в Иерусалиме, хотя, с другой стороны, в виду праздника Пасхи, могли быть все в сборе. Но предположим, что Синедрион по числу членов представлял законное собрание, $\frac{2}{3}$ голосов. В таком случае место председателя занял Каиафа в середине, полукругом с обеих сторон по 35 в ряд разместились члены Синедриона на мягких сиденьях, по восточному обычаю, в тюрбанах, со скрещенными ногами. Здесь были отставные первосвященники, главы священнических родов, начальники и предстоятели синагог и, наконец, так-называемые книжники и законоучители, то есть почетные лица из сведущих законоведов. Около председателя, или по-еврейски мази, сели непосредственные помощники председателя, так называемый «отец Суда» и «мудрец»; два писца сидели за особым столом для записывания приговоров; два служителя стерегли обвиняемого, который вместе со свидетелями стоял прямо перед председателем. В таком виде мы можем себе представить судилище над Иисусом. Его протест перед Анной достиг цели. Евангелисты говорят, что Анна послал Иисуса связанного к Каиафе ночью в заседание Синедриона, который всегда, как мы уже видели из прочитанного отрывка Мишны, должен был начинать свой суд днем, а не ночью. Кроме указаний Мишны, здесь можно сослаться на совершенно подобный судебный случай, указываемый в Деяниях Апостольских. В IV гл. этой книге рассказано, как схвачены были во время проповеди апп. Петр и Иоанн, и при этом замечено; «взявши отдали их под стражу до утра, ибо уже был вечер». В данном случае, видимо, очень спешили, и чтобы начать суд, немедленно стали искать свидетелей, или, как выражается евангелист, лжесвидетелей. И когда они явились, но ни в каком случае не раньше, тогда только по еврейским законам мог начаться настоящий формальный суд. Все действия, которые произведены раньше, были незаконны. Отметим незаконность личного ареста Иисуса Христа, незаконность предания Его в

узы, незаконность не только времени собрания Синедриона ночью, как уже сказано, но и незаконность места собрания в частном доме Каиафы, тогда как Синедрион имел определенные законом места для заседания. Отметим также незаконность самого начала судопроизводства у Анны без свидетелей. Повторяем, в иудейском законодательстве свидетели играли весьма важную роль: им принадлежала инициатива судебного преследования (и этого в суде над И. Христом не видно), их же показания составляли основу всякого судебного разбирательства, а потому, по словам Мишны, пока свидетельские показания не были даны публично против какого-либо человека, он считался перед судом не только невиновным, но и не обвиняемым. В деле И. Христа этот закон не был соблюден.

В то время, как судьи по духу еврейского законодательства представляются, как мы видели, защитниками обвиняемого, первосвященники сами занялись позорным делом выискивания свидетелей, что нелегко, однако, было сделать в виду ночного времени. Впрочем, трудно было выискать против Иисуса Христа и обвинение не только в виду святости Его жизни, но и в виду глубокого разделения между членами Синедриона, которые резко расходились в мнениях религиозных (а судили ведь И. Христа за религиозное преступление) и составляли две враждебные партии: фарисеев и саддукеев. Иисуса Христа могли обвинять в нарушении субботы отеческих преданий, обрядности: и в этом более всего повинны были саддукеи, главные Его судьи; Его могли обвинять во властном очищении храма: но этому сочувствовали фарисеи и раввины, которые открыто возмущались против нечестия и беззастенчивого корыстолюбия первосвященников, принадлежавших тогда к саддукейской партии и устроивших из корыстных расчетов позорнейший торг в доме Бога Израилева. Обвинение в тайном учении отвергалось открытостью жизни Иисуса, а одно слово об ереси выдвигало вопрос о том, в чем же состоит ортодоксия еврейская, о чем смертельно препирались между собой присутствующие здесь фарисеи и саддукеи.

Однако, несколько свидетелей против Иисуса нашлось.

Еврейский закон был в высшей степени строг и разборчив в отношении к свидетелям. Свидетели брали на себя почин обвинения, на них возлагалась и вся тяжесть ответственности, и они, в случае осуждения подсудимого на смерть, обязаны были являться по окончании дела и из собственных рук побивать обвиняемого. Вот почему как только свидетели вводились в заседание Синедриона, первосвященник, по закону и обычаю, внушал им, чтоб они ничего не забыли из того, что можно сказать в пользу узника, помня ценность человеческой жизни... Затем следовал привод к

присяге и торжественное заклинание в таких словах, на которых ясно лежит печать еврейского мировоззрения, дающего высокую цену индивидууму, в противоположность греко-римскому античному взгляду, по которому личность, как известно, терялась в государстве. Эти слова заклинания, сохранившиеся в Мишне, мы приводим целиком, как чрезвычайно характерные и интересные.

«Не забудь, о, свидетель, говорил первосвященник, что иное дело давать показания в суде об имуществе, и иное – в суде, на котором дело идет о жизни. В денежной тяжбе, если свидетельство твое будет неправильно, все дело кончается деньгами. Но если ты согрешишь в суде, решающем вопрос о жизни, то кровь обвиняемого и кровь его Ангела до скончания века вменится тебе. Почему и Адам был создан один, – чтобы научить тебя, что если какой-либо свидетель погубит одну душу из среды Израиля, то Писание признает его погубившим весь мир, а того, кто спасает одну такую душу, оно считает спасшим как бы Весь мир. Ибо человек одной печатью своего перстня может сделать много оттисков, – и все они будут точно схожи. Но Он Царь царей Он Святой и Благословенный, со Своего Образа первого человека взял образы всех людей, которые будут жить, – впрочем, так, что ни одно человеческое существо не похоже вполне на другое. Посему будем думать и веровать, что весь мир сотворен для человека такого, каков тот, жизнь которого теперь зависит от твоих слов». Прибавим к этому, что во все время произнесения слов заклинания и последующих слов обвинения свидетели обязаны были прямо смотреть в лицо обвиняемому, и мы можем представить себе впечатление на свидетелей от заклинания верховного и священного судьи Израиля. После заклинания, по требованию председателя, свидетели произносили свои обвинения публично и непременно громко, но и после этого обвиняемый все еще считался невиновным и не подсудимым. К достоверности показаний свидетелей, закон еврейский относился с большой строгостью и разборчивостью, и делил их на три рода: 1) свидетельства пустые, т. е. не заключающие в себе ничего важного или ничем не подтвержденные; 2) свидетельства недостаточные, т. е. или одиночные или несогласные между собой, и 3) наконец, свидетельства надлежащие, т. е. согласные между собой и подтвержденные фактически. Первого рода свидетельства совсем не принимались во внимание и даже не записывались; второго рода свидетельства допускались временно, но не имели силы, пока не подтверждались другими. По словам Сальвадора, малейшее разногласие в словесном выражении свидетельства у двух лиц уже делало его

недостаточным. Вероятно, к этому разряду отнесены были и свидетельства против Иисуса о том, что Он будто бы грозил разрушить храм Иерусалимский: один свидетель, речь Иисуса, передавал в такой форме: разрушьте храм сей рукотворенный и Я воздвигну нерукотворенный; другой, видоизменяя слова, передавал речь Иисуса так: Я разрушу храм сей рукотворенный и воздвигну нерукотворенный. С точки зрения строгих требований еврейского судопроизводства по отношению к свидетелям, здесь уже было словесное разногласие в показаниях о фактах, что ниспровергало силу свидетельства. Евангелист Марк, употребляя технические выражения, как бы вскользь говорит, что, кроме указанных свидетелей, многих других выискивали члены Синедриона, но свидетельства их были *оук іоα*, что может означать: и несогласный, и недостаточный. Между тем, на основании закона, порядок судопроизводства при свидетелях был таков: когда они оканчивали свою речь и показания двух из них оказывались согласными между собой, тогда только эти показания получали силу законного обвинения, доноса и обвинительного акта, и обвиняемый становился подсудимым. В противном случае, он немедленно отпускался: правило закона на такой случай говорило ясно. Если же обвинительные показания были найдены достаточными и обвиняемый, уличаемый в преступлении, становился подсудимым, следующий шаг суда, по правилам еврейского судопроизводства, должен состоять в приглашении свидетелей защиты и в назначении подсудимому адвоката для защиты, который в Мишне называется *Baal-rīb*, или в переводе *Dominus litis*, господин тяжбы. В ночное время, когда второпях судили Иисуса, ни того, ни другого не сделали: мы не видим даже обычного заклинания свидетелей. Иисусу не предоставлено никаких льгот по закону, который давал Ему, как везде, право призывать свидетелей в Свою пользу, а свидетелей этих при открытой общественной деятельности Иисуса могло быть много. Вместо этого в Синедрионе совершенно незаконно подвергли Обвиняемого перекрестному допросу: «Что же Ты не отвечаешь, что они против Тебя свидетельствуют», – с такими словами обратился первосвященник к Иисусу. Но Он молчал и не отвечал ничего.

Допрос был, повторяем, совершенно незаконный. По правилам, после выслушания защитительного слова господина тяжбы и после свидетельских показаний в пользу обвиняемого, чего в данном случае не было, все дальнейшее судопроизводство, по еврейскому закону, наклонялось к тому, чтобы дать подсудимому все средства к оправданию. Он мог говорить только то, что служило к его оправданию, и как это ни

странно с нашей точки зрения, даже собственное добровольное сознание в преступлении, если оно не подтверждалось достаточными и согласными свидетельствами, не могло служить основанием для обвинения и осуждения. Чтобы не быть голословными, приводим об этом ясном правиле Мишны, для большего доказательства, показания четырех ученых, еврейских исследователей этого вопроса:

«Наш закон, – говорит Маймонид, – никого не осуждает на смерть на основании его собственных признаний».

«Наше основное правило, – свидетельствует Бартенора, – говорит, что никто не может повредить себе тем, что он говорит о себе на суде».

Кокцей пишет: «Наставники заповедуют, что никого нельзя предавать смерти на основании его признания, или пророка – на основании его пророчества».

Даже Сальвадор, доказывающий, как мы уже говорили, законность осуждения И. Христа, сознается: «наш закон никогда не осуждает на основании одного собственного сознания обвиняемого».

Весь суд над И. Христом был противен и духу еврейского законодательства, – которое, как мы говорили, становится скорее защитником обвиняемого в уголовных преступлениях. – и во многих отношениях и форме его. Иисуса не отпустили после того, как свидетельские показания признаны были недостаточными; затем незаконно подвергли Его допросу, не дали ни свидетелей защиты, ни господина тяжбы; наконец, первосвященник сам обратился к Иисусу и привел Его к присяге: «заклинаю Тебя Богом Живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?» Иисус отвечал, согласно установившейся формуле: «ты глаголеши». Затем следовало раздирание риз Каиафы, как законное выражение негодований при виде богохульства, и потом отобрание голосов и приговор: «Повинен смерти».

Не станем здесь вдаваться в разрешение вопроса, заключалось ли новое преступление в заявлении Иисуса Христа, согласившись даже с Сальвадором, что здесь, с точки зрения еврейского первосвященника, было великое преступление. Тем не менее, все судопроизводство, и предшествующее и дальнейшее, оказывается незаконным и несправедливым. Приведение к присяге подсудимого во все времена и у евреев считалось незаконным; таким же представляется и допрос Подсудимого относительно такого преступления, о котором свидетели не говорили; неправильно юридическое употребление, которое было сделано из признания Обвиняемого.

Но раз смертный приговор произнесли, дальнейшее течение

судебного процесса обставлено в Мишне множеством подробностей, которые все опять-таки направлены к тому, чтобы предохранить судей от неправильного приговора и чтобы дать подсудимому испробовать все средства к спасению.

Beatus iudex, qui ferinentat iudicium suum – блажен судья, который дает своему приговору время перебродиться. *Proferre diem mortis damnati nefas est* – преступно ускорять день смерти осужденного. Вот основные положения Мишны, проникнутые высокогуманными началами. Сообразно с ними и слагалось дальнейшее судопроизводство после произнесения смертного приговора. Мы уже выше приводили постановление Мишны, по которому уголовный суд мог быть начинаем и оканчиваем в один день, если кончался оправданием, и непременно для окончательного приговора должен был откладываться на сутки, если кончался осуждением. И в деле Иисуса соблюдена была несколько формальная сторона: после ночного заседания Синедриона назначено было утреннее, вторичное, на котором подтвержден был приговор смерти. Оно было собрано с ранним рассветом, как предписывал закон, по которому великий Синедрион начинал заседание тотчас же после «ежедневного утреннего жертвоприношения», совершавшегося, как известно, при первом рассвете. Но промежуток между заседаниями не равнялся и 4 часам, вместо законных 24-х. Далее: уголовное судопроизводство не могло быть начинаемо накануне субботы или праздника, как мы уже видели из приведенных слов Мишны. Это вызывалось именно возможностью случая, когда нужно было отсрочить суд на сутки и, следовательно, заседать и судить в праздник, что у евреев было строго воспрещено. Не следует забывать, что день у евреев начинался с вечера, таким образом, ночь с четверга на пятницу была уже кануном субботы, и притом великой пасхальной субботы. В пятницу, в полдень И. Христос уже был распят, и таким образом, взятие под стражу, допрос у Анны, первое заседание Синедриона, второе заседание Синедриона (на рассвете, часа в 3 утра), суд у Пилата и Ирода, опять у Пилата и, наконец, распятие, – все это с необыкновенной поспешностью успели сделать в какие-нибудь – самое большое – 15 часов.

Вот буквальная выдержка из Мишны, безусловно осуждающая преступную поспешность судей Иисуса:

«Если человек, оказывается невиновным, суд оправдывает его. В противном случае приговор откладывается на следующий день. Между тем, судьи собираются вместе и, проводя весь день в посте (и молитве), совещаются о деле. На следующее утро они возвращаются в присутствие и опять подадут голоса с такими же предосторожностями, как прежде. Если,

наконец, приговор произнесен, они выводят приговоренного для побития камнями на место, отдельное от суда. В это время один служитель правосудия должен стоять у двери суда с платком в руке; другой верхом следует за шествием на казнь, но останавливается на самом дальнем пункте, с которого он еще может видеть человека с платком. Судьи продолжают сидеть, и если кто-нибудь берется доказать, что осужденный невинен, то стоящий у дверей машет платком, а верховой в тот же миг скачет за осужденным и призывает его защищаться опять».

В соответствии с этими прямыми указаниями закона, по свидетельству Гемары, т. е. толкования на Мишну, и по словам ученого еврея Маймонида, у иудеев вообще существовал еще обычай, чтобы осужденный на смерть не скоро предавался казни. Во всяком случае, никого нельзя было казнить в тот день, в который состоялось решение. Особый глашатай несколько раз всенародно объявлял его имя, вину, свидетелей преступлений и в день казни, ему назначенной, вызывая всякого, кто может, идти в суд и защищать несчастного.

Так высоко закон еврейский ценил жизнь человека. С точки зрения его, суд над И. Христом представляется полным попранием форм и правил еврейского судопроизводства и основных начал правосудия, проникнутых духом гуманности, по которой судьи являются не столько судьями, сколько защитниками подсудимого, а самому подсудимому предоставляются всевозможные средства для оправдания.

У Иос. Флавия есть рассказ о суде над Захарией, сыном Варуха, обвиняемым в псевдопророчестве. Этот суд, законно обставленный, соблюдавший все формы и предосторожности, при сравнении с судом над Христом, ясно говорит нам, сколько в деле Иисуса было личной злобы, опрометчивой в таком важном деле, как рассмотрение оснований мессианского достоинства Иисуса, как бы поспешающей на преступление и убийство.

Мысль о несправедливости суда над Иисусом настолько представлялась ясной для самих евреев, что, спустя несколько столетий после смерти Христа, в разгар споров христиан с евреями, – конечно, с осуждением последних, – одновременно в Талмуд внесены были два совершенно противоречивые известия, оба предназначенные к оправданию Синедриона; первое – это постановление, что ложного пророка, Синедрион мог судить и предать смерти в один день и даже ночью; второе – это известие, будто бы над Иисусом Назаретским смертный приговор был исполнен сорок дней спустя после его произнесения, в течение которых будто бы ежедневно глашатаем было объявляемо народу об Его

деле и вызывались защитники. Оба эти места единодушно признаются подложными всеми исследователями и христианскими, и – к чести их сказать – еврейскими.

Мы доселе намеренно обходили вопрос: за какое же преступление все время судили Иисуса в Синедрионе иудейском? Замечательно, – точное обозначение того, что называется *poen juris*, как бы намеренно устраняется во все время судопроизводства, и только в конце Каиафа, раздрав одежды, заявил: «на что нам свидетели? вы слышали хулу Его», и таким образом обозначил преступление Подсудимого, это – *crimen laesae majestatis divinae*, т. е. преступление оскорбления Божественного величия. Мы не будем исследовать, необходимо ли вообще для обыкновенных народов и законодательств иметь в своих уложениях такое преступление, хотя, без сомнения, в большинстве кодексов европейских народов оно занимает первое место, предшествуя даже измене против государства. Но в еврейском государстве, при особенностях его устройства, указание такого преступления и усвоение ему особой важности было необходимо, если мы примем во внимание, что еврейское государство было чистой теократией, и все правители его были в соответственном смысле сановниками и служителями Единого Невидимого Царя, откровением Которого определялись государственное устройство и закон Израиля. Несомненно, приписываемое Иисусу покушение относительно Иерусалимского храма, усвоение Себе достоинства Мессии не могли быть оставлены без внимания Синедрионом. Но мы уже выше заметили о глубокой религиозной розни между фарисейской и саддукейской партиями Синедриона. Требовалась очень большая осторожность в выражениях, чтобы вместо суда над обвиняемым не заняться собственными спорами по вопросам религиозным. Так и случилось несколько лет спустя с ап. Павлом, когда он своими объяснениями в Синедрионе возбудил сильнейший спор между фарисеями и саддукеями. Здесь же нужно было торопиться, и потому Каиафа с осторожностью избегает всякого повода к распре. В массе судей, Каиафа и его друзья представляли сильную саддукейскую партию. Саддукеи, как рационалисты, теоретически не питали большой вражды к Иисусу; их отталкивало от Христа только общее всем им нерасположение признавать какое бы то ни было участие Божественного Промысла в человеческих делах. Как это ни странно для первосвященников, которые принадлежали к саддукеям, всякое дело с религиозным характером им было противно, и они обходили его с презрительным молчанием и игнорированием, свойственным саддукеям и нашего и всех времен. Но как правящая партия,

они весьма живо принимали к сердцу, то расстройство, которое религиозный энтузиазм обыкновенно производит в обыденной жизни общества, и всегда были расположены подавлять этот энтузиазм прежде, чем он успеет распространиться до опасных границ. Христос объявляет Себя Мессией, а с именем мессии фарисеи и народ соединяли представление о политическом деятеле: итак, близка опасность народных волнений, восстаний, за которыми впереди стояло крушение личной власти всех этих первосвященников... Уже начал Иисус властное очищение храма, которое прямо подрывало доходы первосвященников. И вот, мы видим из евангелия, за 6 дней до осуждения И. Христа, в среду, после воскрешения Лазаря, уже собирается заседание Синедриона для выяснения положения дела: что делать с Иисусом? Народ идет за Ним, признает Его Мессией, – и придут римляне и овладеют народом нашим. Характерны в высшей степени здесь рассуждения главы саддукеев – Каиафы, который сделал при этом замечательную ссылку на *Salus populi*, как цель, стоящую выше всех прав личности, т. е. высказал взгляд, свойственный языческому Риму, но совершенно противоположный библейскому воззрению. «Вы ничего не знаете, говорил безбожный слугитель Бога, и не подумаете, что лучше нам, чтоб один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Иоан. XI, 50). Ссылка была, по-видимому, основательна и свидетельствовала о здоровом взгляде Каиафы на характер и своего народа, и римских властей, – взгляде широком, не упускавшем из внимания ни одного элемента, который должно было принять в расчет, – ни одного, кроме бытия Бога и промыслительной близости Его к человеку, кроме требований нравственного закона. Первосвященник высказывал тогда, по-видимому, чуждую ненависти, холодную и спокойную решимость освободиться от Иисуса, и тогда же было решено убить Иисуса, как ясно и дает понять еванг. Иоанна (XI, 53). Вот почему, оставаясь выше на строго исторической почве в нашем юридическом разборе, мы должны признать, что общий ход ночного судопроизводства над И. Христом был предначертан заранее руководящими членами Синедриона, и что они отступали от духа еврейского судопроизводства, собственно были обвинителями Иисуса, а не судьями и не защитниками, как того требовал закон. Почему же, однако, примкнули к саддукеям и фарисеи, эти защитники древней религии, преданные закону, хотя мелочные и узкие ревнители его, однако же, бесконечно высшие саддукеев – людей без религии, без отечества, без нравственных принципов? Фарисеи со своими патриотическими и религиозными убеждениями поначалу должны были задуматься над

проповедью Иисуса и даже питать к ней некоторое сочувствие. Скоро, однако, они увидели, что Иисус есть Мессия не в их вкусе, не политический деятель, не надежда и не носитель заветных еврейских патриотических вожделений. Напротив, Он всей Своей жизнью и деятельностью осуждал их узкое и мелочное понимание закона, ниспровергал их понятия о Мессии, – а, между тем, народ шел за Ним. Итак, что же? Остаться еврейскому народу под ненавистной чужеземной властью, погибнуть, как нации, из-за приверженности к какому-то неуловимому царству духовному, в котором, по учению И. Христа, придут и возлягут и язычники, и ненавистные самаряне? И вот фарисеи решительно отвергли учение Иисуса, и чем сильнее было их разочарование в Нем, тем сильнее, по законам человеческой природы, возрастала в них враждебность. Так произошло странное явление: саддукеи хотели избавиться от Иисуса из опасения, что Он сделается политическим деятелем, а фарисеи – из-за того, что Он действительно не сделался этим деятелем. Ко всему этому присоединилось и личное озлобление, зависть и родная сестра ее – ненависть. Как саддукеи-первосвященники в очищении Иисусом храма, подрывавшем их доходы, имели причину личной ненависти к Иисусу, так фарисеи имели эту причину в неоднократных обличениях их мелочности и лицемерия, что, без сомнения, подрывало их значение и влияние в народе. Вот почему первоначальный план Синедриона был основан на холодной и спокойной решимости освободиться от Иисуса, но при самом исполнении этого плана уже слышалось в голосах судей Иисусовых несомненное личное раздражение. И вот, когда ни в свидетельских показаниях и ни в чем другом нельзя было найти обвинения против Иисуса, тогда над толпой старых, искаженных злобой лиц поднялся первосвященник Израиля, этот главный сановник и судья святого народа *de jure* и безбожный саддукей *de facto*, и во имя Бога, Которому он якобы служил, но в Которого не веровал, потребовал ответа на свое торжественное заклинание: «заклинаю Тебя Богом Живым, Ты ли Христос Сын Благословенного»? Это был вопрос, решения которого люди так долго и так томительно ожидали. И вот теперь последовало решение: «Я – Христос, Сын Божий». Можно согласиться с Сальвадором, что в заявлении И. Христа о Своем Мессиианском достоинстве, если оно несправедливо и рассчитано на обольщение народа, с еврейской теократической точки зрения можно было усмотреть хулу, как и заявил об этом Каиафа; но заявление Иисуса, во всяком случае, не могло освобождать еврейское судилище от обязанности обсудить Его притязания. Гражданское и церковное судопроизводство сливалось вместе

в теократическом еврейском государстве, и при свете пророчеств, на основании всех имеющихся данных, Синедрион даже обязан был обсудить заявление Иисуса, проверить Его притязания на звание Мессии, Которого все ожидали, обязан был, по крайней мере, после заявления Иисуса о Своем Мессианском достоинстве задать Ему вопрос, какой не раз задавали Иисусу даже простые галилейские слушатели: «какое же Ты нам дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе»? Вместо этого первосвященник разодрал свои одежды и сказал: «на что еще нам свидетелей», потом, спросив своих сотоварищей: «как вам кажется»? получил ответ: «Isch Maveth», т. е. повинен смерти, в буквальном переводе: Он есть муж смерти...

Если мы примем во внимание предшествующие действия Синедриона, о которых говорит евангелие и которые были прямым предрешением судьбы Иисуса, то само собой напрашивается и вполне оправдывается предположение, что такой оборот дела, какой дал ему Каиафа, был условлен наперед, чтоб этим маневром покончить мнимозаконное судопроизводство, в котором, правда, соблюдены были некоторые формы законного суда, но который противоречил совершенно, духу гуманности и справедливости еврейского законодательства. К тому же самое осуждение на смертную казнь было незаконно потому, что римляне лишили Синедрион права присуждать к смерти. По свидетельству Иосифа Флавия в его сочин. «Иудейские древности», позднее, через 30 лет, другой Анна, или Анан, первосвященник потерпел много неприятностей за участие Синедриона в казни ап. Иакова Младшего. Сам Анна за то и был лишен первосвященнического сана Валерием Гратом, предшественником Пилата, что превышал власть и стал произносить смертные приговоры. Тот же Флавий и сам Талмуд свидетельствуют, что за 40 лет до И. Христа римляне ограничили власть Синедриона в деле суда, именно – в деле осуждения преступников на смерть. Наконец, это ясно видно из того, что из заседания Синедриона Иисуса повели к Пилату, где судьи и заявили: «нам не позволено предавать смерти» и просили разрешения римской власти казнить своего Царя и Мессию.

Нам, в заключение речи о еврейском судопроизводстве над И. Христом остается решить вопрос, возбуждающий недоумение; как могло случиться такое явно-несправедливое осуждение Иисуса при существовании у евреев ясного закона, и гуманного, и справедливого? Действительно, прекрасное законодательство есть непременно условие, обеспечивающее суду правду и милость, но, увы, без сомнения, оно – условие не единственное. Еще не нашлось ни одного на земле средства,

которое само в себе носило бы закон совершенства: пока оно в руках человеческих, до тех пор оно может служить орудием и добра и зла. То же нужно сказать и об учреждениях и законодательствах. Говоря словами нашего поэта, бывает такое явление, когда законы святы, а исполнители – лихие супостаты. Законы прекрасные бывают часто прекрасны только на бумаге, и чем больший нравственный упадок переживает общество, чем больше оно управляется страстями; чем в нем слабее слышится голос долга, тем ближе оно к опасности в таком деле, как суд, впасть не только в ошибки, но и в прямые и намеренные злоупотребления. Мы уже отчасти видели, каковы были главные представители суда над Иисусом. Одно то, что главные религиозные вожди еврейского народа, служители Святого Святых, были саддукеями, одно это говорит о глубоком упадке в правящих иудейских классах. Саддукейство с его отрицанием духовного мира, загробной жизни, с его отрицанием Промысла, представляло своего рода деизм, полуверу и полуневерие, во всяком случае, полный религиозный индифферентизм. Но этот индифферентизм никогда в истории, в общем, не был одиноким: он всегда сопровождался и индифферентизмом нравственным, подчиняя вопросы чистой нравственности соображениям то удовольствия, то пользы. Даже христианский мир одно время видел господство такого религиозного равнодушия в первосвященниках Рима: и эта эпоха произвела знаменитого папу Александра Борджиа и ему подобных, с отравлениями, убийствами, с самым диким и грубым разгулом страстей. Мы имеем свидетельства истории и о современных Христу первосвященниках еврейских: мы знаем, как должность эта была опозорена рабелепной низостью и тонким коварством ее носителей, как первосвященство позорно покупалось и продавалось, так что, по свидетельству Иосифа Флавия, за 100 лет сменилось 28 первосвященников. «Как мухи на ране», – заметил сам импер. Тиверий о той быстроте, с которой в его царствование сменяли в Иерусалиме друг друга верховные духовные сановники. Мы знаем, как первосвященник, по свидетельству Талмуда, ежедневно употреблял на свои обеды по 300 телят и 300 мер вина, как безумная роскошь, доходившая до того, что некоторые первосвященники имели одежды ценностью до миллиона рублей, заставляла прибегнуть к воровству из храма и особенно, к торговле священными предметами, когда цена голубя для жертвы дошла до золотой монеты, когда грабили и обирали религиозный и преданный обрядности народ. Эвальд в своей «Истории израильского народа» говорит о первосвященниках, что они под влиянием алчности и честолюбия делали из благочестия нечто вроде ремесла или торговли. Этим особенно

отличался Анна со всей своей фамилией, тот самый Анна, который руководил допросом и осуждением Иисуса, тот самый Анна, для которого двукратное изгнание Иисусом торгующих из храма служило незабываемым оскорблением, покушением на доходы его фамилии, требовавшим мести и скорейшего устранения Иисуса. Энергические проклятия сыплются в самом Талмуде на первосвященников этого времени: «Одни бьют народ своими жезлами, другие порицаются за свои «дубинки», иные за кулаки, иные за клеветнические наветы». «Горе мне от дома Анны, горе мне от змеиного шипенья», – таков приговор Талмуда об Анне и его фамилии. Итак, если история знает осуждение Сократа, изгнание Аристида, многократную ссылку св. Афанасия, осуждений Галилея, смерть Гуса и у нас, на Руси, суд над Филиппом, – то мудрено ли, что Синедрион в эпоху своего упадка произвел суд над И. Христом, не имевший ни форм, ни добросовестности законного судопроизводства и противный духу еврейского гуманного и справедливого законодательства.

Мы можем здесь привести историческое свидетельство, которое ясно указывает и на глубокий нравственный упадок Синедриона времен Иисуса Христа, и на возможность незаконной деятельности этого Синедриона. Иосиф Флавий в своем сочинении об иудейской войне, случившейся всего через 32 года после суда над Иисусом Христом, говорит буквально вот что: «Составлялись (в поправление всякой справедливости) фиктивные суды и ложные приговоры, когда нужно было обеспечить смерть какого-либо противника».

Если так, то неудивительно, что Синедрион, которому в основу деятельности было положено правило: «спасать, а не разрушать жизнь», в деле суда над И. Христом, соблюдая отчасти форму, а скорее карикатуру судилища, стремился, лишь, к осуждению Иисуса, а не к оправданию Его, как это требовалось законом.

Но в человеческой неправде торжествовала правда Божия; это, однако, не дает оправдания Синедриону. По законам этой вечной Правды, Иисус должен был умереть, но судьи Его на земле действовали не по насилию и не принудительно, а по обыкновенному течению человеческих дел, сохраняя и свой разум, и свою свободу. Оттого деятельность их справедливо в истории всегда вызывала негодование и ужас, справедливо заклеямена названием позорной, преступной и богоубийственной.

Ренан с редким остроумием говорит: «Лучшие из людей были из иудеев, худшие из людей были – также из Иудеев. Станный народ, поистине отмеченный клеймом у Бога: он мог произвести параллельно, как два отпрыска одного стебля, первенствующую церковь – и яростный

фанатизм мятежников Иерусалима, Иисуса – и Иоанна Гискальского, апостолов и зилотов – и убийц, евангелие – и талмуд. Можно ли удивляться, что такие роды сопровождались болями, схватками и горячкой, каких еще никогда не видано было»?

Форму выражения можно критиковать, замечает Фаррар, но факт сам по себе и знаменательный, и поразительный.

Не потому Иуда предал, а Синедрион осудил, – не потому, что это было предсказано, но потому-то и было предсказано, что Иуда предаст, а Синедрион осудит, – сам, вольной волей, а не по принуждению. И посему с полной справедливостью на судьях народа иудейского, судивших и осудивших Иисуса Христа, лежит проклятие Божие и проклятие человеческой истории.

1896 г.

Деятельность Императора Николая I-го на пользу просвещения России и в частности Кавказского края¹⁷

25 июня настоящего года исполнилось ровно 100 лет со дня рождения в Бозе почивающего Государя Императора Николая I-го. В этот день на всем протяжении нашего отечества в редком населенном пункте не помянули усопшего Монарха, одни словом молитвы, другие посильным изображением его нравственного облика, или изображением той или другой стороны его государственной деятельности. Наша гимназия по случаю каникулярного времени и по местным условиям не могла в свое время почтить память усопшего Государя, и посему пользуется настоящим торжественным собранием в стенах ее именитых и образованнейших представителей нашего города и считает вполне уместным и благовременным предложить вашему просвещенному вниманию, милостивые государыни и государи, настоящую речь, посвященную памяти Государя Императора Николая I-го.

Мы не будем входить в подробную и всестороннюю оценку значения царствования его; для этого потребовалось бы слишком много времени, да и едва ли для такой оценки наступил удобный исторический момент.

В виду таких соображений мы избрали из государственной деятельности Императора Николая I-го одну область, наиболее близкую нам, говорить о которой находим особенно уместным в стенах учебного заведения и притом такого, которое получило начало в его царствование: мы избрали предметом настоящей речи обозрение деятельности Государя Императора Николая Павловича на пользу просвещения России и, в частности, нашего Кавказского края. В истории русской образованности царствование Николая I-го, несомненно, занимает видные и почетные страницы. Правда, в этом отношении делались нападки на эпоху Императора Николая I-го, не прекратившиеся всецело и в наше время; рассматриваемую эпоху обвиняют в слишком резко выраженном охранительном направлении, которое дано было тогда школьному делу, и в узко-сословном характере тогдашних редких и высших учебных заведений. В нашу задачу, не входит подробное рассмотрение и оценка начал, на которых на торжественном акте Елисаветпольской гимназии, в октябре 1898 г. хотел почивший Государь основать русское образование, но чтобы покончить с этим вопросом и беспрепятственно перейти прямо к фактическим указаниям, мы должны заметить, что Император Николай Павлович, подобно своему знаменитому предшественнику – Петру

Великому, действовал в этом отношении, главным образом, имея в виду точку зрения государственную, а не педагогическую.

Государь, конечно, не мог стоять вне истории и вне современных ему событий. То, что было в его деятельности вызвано временными условиями, нуждами минуты, само собой, с исчезновением этих условий и само исчезло, а то, что было в его деятельности постоянного, непреходящего, истинно-доброе и полезное, то остается доньше и заслуживает вечной благодарной памяти потомков. Рассматривая деятельность Императора Николая I-го на пользу просвещения, на основании точных фактов и исторических документов, мы должны признать, что этого непреходящего истинно-доброе и полезное, сделано было покойным Императором очень и очень много.

Что застал он при вступлении на престол? Со дня смерти великого преобразователя России, Петра Великого, который первый сознал необходимость европейского образования для себя и для своего народа, до воцарения Императора Николая прошло ровно сто лет. За этот, в сущности, небольшой период времени собственно для народного образования в России и нельзя было сделать много, особенно если принять во внимание очень частые смены лиц, занимавших престол русского царства от Петра Великого до Императрицы Екатерины II-й. Правда, число образованных людей в России, без сомнения, увеличивалось, но большая часть их получала образование не дома, а в чужих краях. Самая нужда в европейском образовании сознавалась очень мало в первой половине XVIII в.; первая гимназия, открытая по приказанию Петра Великого в Москве в 1703 году, закрылась через 3 года по недостатку учеников; такова же была судьба и других открытых в то же время школ. Только в царствование Екатерины II-й отношение русского общества к делу образования начинает меняться, доказательством чему служат единодушные и даже настойчивые заявления о необходимости образования мальчиков и девочек, – заявления, сделанные съехавшимися в Москву представителями сословий для составления нового «Уложения». Действительно, с этого времени число учебных заведений начинает возрастать, и в 1786 году впервые издан у нас «Общий устав народных училищ», по которому положено открывать школы главные и малые, – но только в городах губернских и уездных, а не в селах. Для управления ими образована была «Комиссия народных училищ», которая с воцарением Императора Александра I-го, была преобразована в Министерство Народного Просвещения. Министерство это в самом начале своей деятельности в 1804 году обнародовало «Новый Устав учебных

заведений», по которому училища разделялись на 3 разряда: университеты, губернские гимназии, уездные и приходские училища. С увеличением сношений с Западной Европой, чему много способствовало царствование Екатерины II-й и европейская война при Александре I-м, более и более сознавалась нужда в образовании; в первую четверть настоящего столетия мы видим, что учебные заведения открываются охотно и часто, но внутреннее их устройство и по новости дела, и по недостатку руководителей оставляло желать очень многого.

Начало царствования Императора Николая Павловича ознаменовалось необыкновенным оживлением во всех сферах государственной деятельности. В первый же год по своем воцарении, возвратившись из Москвы после священного коронования, Государь 6-го декабря 1826 года учредил особый комитет, которому поручено было сделать обстоятельное обозрение тогдашнего положения в Империи всех отраслей управления, причем указывалось следующее направление деятельности комитета: изъяснить, «что ныне хорошо, чего оставить нельзя, и чем нужно последнее заменить». Соответственно с этим и с такими же целями был учрежден особый комитет и по вопросу о положении и лучшем устройстве учебных заведений в России. Из участников этого комитета достойны упоминания председатель его министр народного просвещения А. Шишков и члены, составившие себе имя: гр. М. Сперанский, гр. С. Уваров, братья А. А. и В. А. Перовские, гр. С. Г. Строганов. Высочайшим рескриптом 14 мая 1826 года была указана комитету программа его занятий, из которой мы видим, что недостатки учебного дела в России тогда уже ясно сознавались Императором. Так, комитету поручено было: «1) сличить все уставы учебных заведений, начиная от школ и до университетов, и рассмотреть курсы учения в них; 2) уравнивать по всей Империи уставы учебных заведений; 3) определить подробно все курсы учения, означив и сочинения, по коим оные должны впредь быть преподаваемы». Занятия вновь учрежденного комитета обнаружили множество и других недостатков в ходе учебного дела современных школ. Интересно познакомиться хоть в кратких чертах с этими недостатками. Не будем говорить о начальных училищах, которых было очень немного и о положении которых и сведения достать очень трудно. И уездные училища, и гимназии страдали многопредметностью курсов которые на практике пройти было невозможно. Довольно сказать, что в уездных училищах с двухгодичным курсом, кроме обычных начальных наук, проходились: начала геометрии и физики, краткая всеобщая и русская история, и география и даже наставление о сельском домоводстве, а для готовящихся

в гимназии – латинский и немецкий языки. Нужно прибавить к этому, что для уездных училищ трудно было находить учителей при отсутствии специально-педагогических учебных заведений; вследствие этого определение учителей зависело от причин и соображений случайных, педагогическая корпорация поэтому не имела единства, а правил в деле обучения, даже основных и самых главных, не было выработано.

Не в лучшем положении были гимназии, главный недостаток которых состоял, во-первых, в отсутствии единства в предметах обучения, что было неудобно для университетов, куда поступали юноши по окончании гимназического курса, во-вторых, в поверхностности сообщаемых сведений, которую Император Николай Павлович метко назвал в одном из своих указов «роскошью полужнаний», губительной в нравственном и умственном отношениях. Ревизия гимназий, произведенная в 1826 году, обнаружила крайнюю неудовлетворительность их тогдашнего состояния и относительно внутреннего благоустройства. Причиной этого было неудовлетворительное устройство управления гимназиями, которое поручено было университетам, по уставу 1804 г. От этого происходило, что профессора университетов обременены были административными обязанностями по управлению гимназиями в ущерб своему главному делу, с другой стороны, вследствие занятий по университету, не могли достаточно вникать и в устройство подведомых им гимназий.

Что касается внутреннего состояния тогдашних университетов, то достаточно для характеристики его указать на то, что каждый университет жил по своей собственной учредительной грамоте, не имел связи с другими университетами, поэтому и предметы преподавания, и внутреннее устройство, и жизнь в каждом университете были свои особые. Граф С. Уваров в должности товарища министра народного просвещения в 1882 году, по Высочайшему повелению, произвел подробный осмотр Московского университета. Вот результаты осмотра, как видно из его отчета: «Как в Московском, так и в прочих университетах, – пишет гр. Уваров, – ввелось в обычай производить преподавателей из одной ученой степени в другую за выслугу лет, не обращая внимания, имеют ли они потребную ученость, или нет». Далее гр. Уваров заявляет, что он нашел в университете многих устаревших и малоспособных профессоров, а «юридическая, столь, важная наука не имеет ни одного надежного преподавателя». Вообще ревизор нашел дело «в расстройстве», в состоянии, близком «к разрушению» университета, «который, без малейшего сомнения, требует во многих отношениях преобразования». Таков был старейший университет – Московский; положение других

университетов было еще хуже: по свидетельству академика Паррота, в 1827 году С. Петербургский университет представлялся ему в таком упадке, что «нет возможности привести его в цветущее состояние». Харьковский университет не имел даже библиотеки; число учащихся в каждом университете было незначительно и даже в С. Петербургском университете среднее годовое число студентов за целое десятилетие не достигало и 30 человек!

Был еще один вопрос относительно средних и высших учебных заведений, – вопрос, требовавший немедленного разрешения: откуда брать преподавателей для гимназий и профессоров для университетов? Небольшое число учащихся в учебных заведениях, крайняя скудость материального обеспечения преподавателей, странное, недоброжелательное отношение общества к педагогам, странный порядок назначения в должности начальников учебных заведений лиц не из преподавателей, а из других ведомств, а самое главное – отсутствие специально назначенных для приготовления преподавателей учебных заведений, – все это чрезвычайно вредно отзывалось на педагогическом составе гимназий и университетов.

Из этого краткого обозрения видно, в чем нуждалась тогдашняя низшая, средняя и высшая школа в России. Все мероприятия Государя Императора Николая Павловича по учебному делу и направлены были к устранению вышеуказанных недостатков. Этих недостатков Государь, по свойственной ему прямоте, не скрывал ни от себя, ни от других; но он не скрывал своей любви к просвещению и своего пламенного желания доставить учебные заведения России на должную высоту. В Москву, во время коронации, Государь вызвал знаменитого А. С. Пушкина и с ним беседовал по глубоко-интересовавшему его вопросу о народном образовании; в заключение беседы Государь поручил поэту изложить письменно высказанные им перед Государем мнения, с необходимыми разъяснениями и дополнениями. В следующем, 1827-м году в рескрипте на имя министра народного просвещения Государь писал: «Почитая народное воспитание одним из главнейших оснований благосостояния державы, от Бога Мне врученной, Я желаю, чтобы для оно́го были поставлены правила, вполне соответствующие истинным потребностям и положению государства». В другом указе позднее Государь так определил свое отношение к народному образованию: «Наблюдая с постоянным вниманием за ходом народного образования и усматривая с удовольствием стремление всех состоящие к просвещению, на истинных здоровых началах основанному, Мы признаем за благо содействовать сему порыву любезных

верноподданных Наших всеми зависящими от Нас средствами».

Все царствование Государя служит убедительным доказательством этих слов. Вскоре после учреждения вышеупомянутого организационного комитета по народному образованию, именно 8 декабря 1828 года, издан был новый устав гимназий, действовавший с небольшими изменениями до 1848 года, а потом, после нового пересмотра, – до 1871 года; вместе с этим издан был и устав уездных и приходских училищ. Ряд новых заведений возникает в различных городах и местах Империи, но гораздо важнее этого количественного прогресса – прогресс качественный в деле устройства школ и постановки в них учебного дела. Двухсотлетнее школьное законодательство получило, наконец, законченный вид, стройность и единство. Прежде всего, нужно указать, что в рассматриваемое время впервые начинаются заботы о собственно низшем образовании, назначенном для крестьян. Министерство Государственных Имуществ, начиная с 1837 года, открывает 3 000 сельских начальных школ, в которых в год смерти Императора Николая I-го уже обучалось 170 000 детей, из них около 12 000 крестьянских девочек. Удельное ведомство также открывало начальные школы. Независимо от этих ведомств, и православное духовенство специально для народного образования среди крестьян имело к концу царствования Николая I-го 7 000 начальных школ. Таким образом, сельское население только при Императоре Николае I-ом призвано было к просвещению, так как до него в этом отношении сделано было очень мало, почти ничего.

Что касается гимназий, то число их в царствование Императора Николая Павловича увеличилось значительно – с 48 до 74, а количество учащихся в них возросло более чем вдвое – с 7-ми тысяч до 18-ти. Училищный закон 1828 г. дал нашим гимназиям строго определенную постановку учебного дела, сообщил им единство, уничтожил многопредметность, и дал в течение нескольких десятков лет устойчивость гимназическому курсу, что содействовало возрастанию числа поступавших в университеты и, в связи с нижеуказанной реформой последних, способствовало замечательному оживлению научных интересов и литературы в нашем отечестве. Несомненно, что получивших образование в средних и высших учебных заведениях Николаевского времени нельзя было упрекнуть ни в недостаточных познаниях, ни в отсутствии интересов научных и художественных. Вот отзыв министра народного просвещения известного Уварова о состоянии наших гимназий в 1837 году, следовательно, в первое десятилетие со времени их преобразования: «Утешительно думать, что наши гимназии, находившиеся

недавно в совершенном упадке, без доверия, без средств, без питомцев, ныне процветают почти по всему пространству государства до того/ что во многих городах должна оказаться в скором времени потребность открыть и вторые гимназии». Следует упомянуть о том, что при многих гимназиях, в целях удобств образования и воспитания, открыты были пансионы; кроме того, во многих губернских городах были учреждены дворянские институты с гимназическим курсом.

Число уездных училищ также увеличилось значительно в царствование Императора Николая I-го. Так, в одном Петербургском учебном округе в конце царствования Государя было вместо 89-ти прежних, уже 172 уездных училища. Училищный закон 1828 года, принимая содержание этих училищ на средства казны, точно определил их штаты, предметы преподавания, порядок управления и уничтожив многопредметность, увеличил курс их с двухлетнего на трехлетний. Всем известно, что старые уездные училища воспитали для нашего отечества много почтенных деятелей, которые с честью и пользой послужили преимущественно в провинции, где нередко достигали весьма высокого положения.

Мы уже упомянули выше о преобразовании наших университетов. Организационный комитет 1826 года, по мысли Императора, одновременно с устройством гимназий, уездных и приходских училищ должен был заняться и составлением нового устава для университетов. Но в то время, как новый училищный закон для средних и низших школ был готов и вошел в жизнь через 2 года, устав университетов мог появиться только через 9 лет, именно в 1835 году. Дело устройства университетов велось с большой осмотрительностью, – без сомнения, и важности этих учебных заведений, и по трудности предмета, особенно, если принять во внимание что это был первый опыт составления общего устава для высших учебных заведений, которые тогда, как выше замечено, руководствовались каждый своей особой учредительной грамотой.

Число университетов в царствование Императора Николая I-го не увеличилось: их было всего 6. Один университет из прежде существовавших, именно Виленский, в 30-х годах был закрыт, так как оказался притоном враждебной России политической пропаганды, причем употреблял все средства к тому, чтобы в том же преступном направлении вести воспитание детей и в средних учебных заведениях своего округа. Взамен университета, из медицинского факультета его была учреждена Виленская медико-хирургическая академия, а богословское отделение было преобразовано в духовное училище. Наконец, открыт был новый

университет в Киеве в 1834 году.

Новый устав русских университетов 1835 года по возможности соединил требования ученой самостоятельности и строгого административного наблюдения. Общее число университетских кафедр по этому уставу было увеличено с 28 до 34, причем разрешено увеличивать их и впредь сообразно с научными или местными потребностями. Упорядочен университетский совет, установлены взаимные отношения служащих при университете лиц, строго определены их обязанности; узаконены ученые степени докторов и магистров для профессоров и адъюнктов университетов, причем от профессора требовались, по выражению устава, «достоверные сведения о ходе и успехах его науки в ученом мире»; учреждены были при университетах ученые общества из действительных членов и корреспондентов, «для усовершенствования совокупными изысканиями какой-либо определенной части наук»; вновь учреждены были: библиотека, обсерватория, лаборатория, кабинеты физический, зоологический, ботанический, минералогический, технологический, архитектурный, музеи изящных искусств и древностей, анатомические театры, клинические институты и проч.; изданы были штаты университетов, и почти вдвое увеличен отпуск денег из казны на содержание университетов. Кроме того, обращено было внимание на помещения, занимаемые университетами; так, в Москве при университете устроена церковь, куплен новый дом, Казанскому университету для новых построек отпущено 400 000 руб., в С. Петербурге для университета приобретен новый огромный дом и на его приспособление для целей университета отпущено 350 000 руб., – все цифры, по тому времени, огромные, отпуск которых и при хороших финансах государства не легок.

Новый университетский устав 1835 года был для своего времени государственным актом первостепенного значения, установившим на твердых началах дальнейшее развитие в нашем отечестве высшего образования и обеспечившим его достаточными материальными средствами. Результаты деятельности Императора Николая I-го на пользу просвещения не замедлили сказаться. Достаточно сказать, что вместо прежнего ограниченного числа студентов в университетах (например, в Петербургском – менее 30 студентов в год), к концу царствования Николая I-го в высших учебных заведениях России было 4 300 учащихся. Затем, несомненно, что 30-е и 40-е годы настоящего столетия не скудны были и выдающимися деятелями на поприще наук и искусств и литературы.

Стоит припомнить, что это было время деятельности Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Плетнева, Полевого, Аксаковых, начало литературной

деятельности Тургенева, Григоровича, Гончарова, Некрасова, Достоевского, Островского. Сюда же нужно прибавить и такие имена, как Бенедиктов, Баратынский, Гнедич, Гребенка, Давидов, Даль, Дельвиг, Загоскин, Козлов, Кольцов, Кукольник, Лажечников, Одоевский, Сенковский, Тютчев, Хомяков. В области живописи достойны упоминания Айвазовский, бр. Брюлловы, Виллевалд, Иванов, Иордан, Клодт, Сверчков, Солнцев, Тим, Федотов; в области музыки: Алябьев, Бахметьев, Варламов, Вереговский, Глинка, Гурилев, Даргомыжский, Ломакин, Львов и др.

Но и все вообще отрасли наук и знания имели в рассматриваемый период своих почтенных представителей. Из длинного ряда имен укажем некоторые всем известные. Таковы: Арсеньев, Афанасьев, Вантыш-Каменский, Богданович, Бодянский, Бунге, Буслаев, Буссе, Буяльский, Бычков, Беляев, Бэр, Востоков, Галахов, протоиерей Голубинский, протоиерей Горский, Грановский, Григорьев, Грог, митрополит Евгений, Забелин, архиеп. Иннокентий, архим. Иоакимф (Бичурин), Иноземцев, Казанский, Катков, Киреевский, Ковалевский, Коссович Куторга, Леонтьев, Лобачевский, архиеп., впоследствии митрополит Макарий, Милютин, Михайловский-Данилевский, Морошкин, Надеждин, Неволин, Неверов, Никитенко, Остроградский, протоиерей Павский, Парот, Пассек, Перевлесский, Пирогов, Погодин, Рождественский, Ровинский, Редкин, Сахаров, С. Соловьев, Спасский, знаменитый Сперанский, Срезневский, Устрялов, известный гр. Уваров, Ушинский, архиеп. Черниговский Филарет, митрополит Филарет Московский, Филарет, митрополит Киевский, Чистяков, Шмшков, Шульгин, Якоби и др.

Даже русская сцена времени Императора Николая I-го богата была такими выдающимися деятелями, как: Щепкин, Мочалов, Садоаский, Артемовский, братья Каратыгины, Ленский, братья Самойловы, Мартынов.

Если к этому присоединить имена всем известных военных деятелей времен Императора Николая I-го, то мы увидим, что во всех областях и сферах жизни государства в рассматриваемый период было довольно почтенных деятелей, имена которых перешли в потомство. Император Николай в сороковых годах нашего столетия мог уже сказать, что все эти деятели были подготовлены в его царствование. К этой же эпохе принадлежат уже немногие из ныне здравствующих деятелей, каков и наш непосредственный начальник – попечитель округа К. П. Яновский.

Таким образом, реформа учебных заведений, совершенная Императором Николаем I-м, была чрезвычайно плодотворна. Но на создании нового школьного устава не остановилась деятельность Государя

в этом отношении. Нужно было разрешить вопрос чрезвычайной важности: откуда взять для низших, средних и высших учебных заведений, годных и надежных преподавателей и профессоров, и каким образом готовить их для будущих потребностей школы? Мудрено было иметь профессоров и учителей гимназий и уездных училищ, когда в университетах число учащихся иногда равнялось 30-ти. Необходимо было, с одной стороны, создать специально педагогические заведения, с другой – привлечь к ученой и учебной деятельности способных людей. Последнее было особенно нужно. Следует признаться, не особенно привлекает к себе этого рода деятельность и в настоящее время, так как требует много труда, налагает большие обязанности, разрушает здоровье, а между тем, по сравнению с другими поприщами служения, не всегда может считаться достаточно вознагражденной. Еще более нужно сказать это о времени, относящемся к началу XIX-го века: «ученая» карьера считалась тогда просто жалкой и унижительной, и сам Пушкин был, как известно, не очень доволен, если его называли сочинителем. Мин. нар. просвещения граф А. П. Разумовский в 1811 году писал Императору Александру I-му: «Известно, сколько предрассудки действуют в рассуждении чиновников, не имеющих другого круга деятельности своей, кроме училища, и другой именитости, кроме в ученом свете». И немудрено было учителям жаловаться на свою судьбу, когда им не предоставлялось даже возможности в своей собственной сфере хотя сколько-нибудь возвыситься, потому что на должности начальственные в училищах весьма нередко назначались люди совсем посторонние. Так, в одном из учебных заведений Кавказа (уездное училище в Ставрополе) смотрителями его были то начальники переселенцев, то управители минеральных вод, то бывшие стряпчие. Как пережиток старого порядка, первым директором Ставропольской гимназии был «Мариупольский полицеймейстер, попавший под суд за жестокое сечение мещан»...

Император Николай Павлович ясно понимал и сознавал, выражаясь словами одной из его указов, необходимость «умножения числа достаточных наставников юношества во всех учебных заведениях». В указе 30 сентября 1828 года сказано: «Вникая тщательно в настоящие потребности училищ наших вообще, и занимаясь изысканием средств для приведения оных в лучшее состояние, Мы обратили внимание на чувствуемый во многих местах важный недостаток в надежных преподавателях». Этим же указом утвержден был устав нового учебного заведения, именно Главного Педагогического Института, в котором полагалось сначала содержать 100 воспитанников-интернов,

преимущественно из бывших учеников духовных семинарий, в возрасте от 17-ти лет. Институт этот был в непосредственном заведывании мин. нар. просвещения и имел задачей готовить надежных преподавателей для гимназий. В 1832 г. при Институте открыта школа для упражнения студентов в преподавании, а в 1838 г. при Институте открыто особое отделение для приготовления специально учителей для уездных училищ. Вновь учрежденный Институт за время царствования Императора Николая I-го приготовил 575 преподавателей, действительно вполне надежных. Независимо от этого, для той же цели – приготовления учителей – при каждом университете открыты были особые кафедры педагогики с теоретическими и практическими занятиями для студентов, готовящихся к учительскому званию. В целях ограждения школ от недостойных преподавателей, в 1846 году издано было положение о специальных испытаниях на различные учительские звания. Наконец, для большего упорядочения дела и для более действительного контроля, и непосредственного руководства преподавателями решено было в корне изменить самое управление учебными заведениями. Выше было замечено, что, по уставу 1804 года, учебные заведения разделены были по округам и подчинялись находящемуся в центре округа университету; замечено было выше и о неудобствах такого управления и для самих университетов, и для учебных заведений. В 1835 году утверждено было положение об учебных округах Мин. Нар. Просвещения, действующее в существенных чертах неизменно и по новому положению, университеты освобождены были от стеснявших их административных обязанностей, и управление учебными заведениями вверено было попечителю округа, его помощникам и окружным инспекторам. Все это внесло много порядка в школьную жизнь.

Что касается университетов, то и для них сделана была весьма важная и, как оказалось, вполне целесообразная попытка обеспечить их постоянными профессорами, которые прежде набирались случайно и преимущественно из иностранцев. Разрешение вопроса о подготовке для университетов надежного контингента преподавателей было поставлено в главную обязанность организационному училищному комитету 1826 года. В следующем году, по личному распоряжению Государя, 20 молодых людей из лучших студентов были посланы в Дерпт, а потом в Берлин и Париж. Затем в 1828 году в Дерпте уже основан был так называемый Профессорский Институт, и последовало Высочайшее повеление отправить туда избранных молодых людей. Государь при этом выразил твердую волю: «чтобы непременно все были природные русские». Через пять лет, эти молодые люди отправлены были за границу, а на их

место были вызваны новые. Вместе с тем и в С. Петербургском университете с 1828 года повелено было готовить из лучших студентов таких, которые «со временем могли бы занять места профессоров». Время, проведенное в заграничных ученых командировках, считалось состоянием на государственной службе, и таким образом эти командировки не были отяготительны в смысле соображений служебной карьеры. Известны результаты этих мер Императора Николая I-го: русские университеты из этих профессорских институтов получили много достойных преподавателей. Упомянем некоторые имена; таковы: Куторга, Редкин, Неволин, Калмыков, Крылов, Бодянский, Срезневский и друг.

Рядом с этими мерами издавались одно за другим законоположения, клонившиеся к тому, чтобы возвысить материальное и общественное положение педагогов и тем привлечь к этого рода деятельности лучшие силы. В 1830 году собственноручной резолюцией Императора преподаватели получили прибавки к своему жалованью. В 1836 году издано новое положение о пенсиях преподавателей, по которому размер пенсий был значительно увеличен и введен доселе существующий порядок, как особая привилегия учебного ведомства, по которому преподаватели средних и высших учебных заведений получают пенсию, состоя на службе. Вместе с тем установлены были пенсии по сокращенному сроку, назначены пособия семьям в случае смерти до выслуги пенсии. Общественное положение преподавателей было возвышено тем, что им предоставлено и доньше принадлежащее им право на производство тремя чинами выше присвоенного их должности класса, что по тогдашнему времени имело немало значения. Как прямой вывод из улучшения материального положения учителей последовало тогда же, в 1838 году, запрещение для них занятий по другим ведомствам, как препятствующих исполнению их главных обязанностей.

Законодательство Императора Николая Павловича не оставило без внимания и профессионального образования, высших учебных заведений, духовных и, наконец, частных школ. Ограничимся указанием самых кратких и необходимых данных для подтверждения сказанного. В царствование Императора Николая Павловича учреждены: в Петербурге – Технологический Институт (1828 г.), Училище правоведения (1835 г.), Институт гражданских инженеров (прежнее строительное училище 1842 г.); в Москве – Школа технического рисования (1826 г.), Императорское техническое училище (1830 г., прежде – ремесленное учебное заведение при Воспитательном доме), Константиновский межевой Институт (1844 г.); Практическое учебное заведение близ Дерпта (1834 г.), Ветеринарный

Институт в Дерпте (1848 г.); Горыгорецкий земледельческий институт в Могилевской губернии (1840 г.). В этих учебных заведениях к концу царствования Императора Николая I-го было 1 800 учащихся.

Военно-учебное дело, можно сказать, всецело обязано своим благоустройством Императору Николаю I-му. Всем известно, с каким отеческим участием относится он к кадетским корпусам и их питомцам. В начале царствования Николая Павловича было всего 8 военных учебных заведений (не считая специальных училищ), из которых некоторые обязаны были своим существованием самому же Николаю Павловичу, который способствовал их открытию в бытность свою Великим Князем. Эти учебные заведения не имели определенной, прочно установленной центральной администрации и общего плана обучения и воспитания; не имели контингента достаточных и надежных наставников. Император Николай I-й увеличил число учебных заведений до 22 (также кроме специальных училищ), а отпуск на их содержание возрос с 690 000 р. до $3\frac{1}{4}$ миллионов, не считая частных пожертвований, которые достигли в царствование императора Николая I-го с 450 000 до 5 320 000 р. Сюда не входит разновременно отпущенные большие суммы на постройку зданий для вновь открываемых военно-учебных заведений. Число Учащихся возросло с 3 до 9 тысяч; число кандидатов для поступления – с 1 000 до 7 000, а число выпущенных, за окончанием в период царствования Императора Николая I-го равняется 25 000 человек. Внутреннее устройство, постановка обучения и питания, – все это стояло на такой высоте, что прусский король Фридрих-Вильгельм III в 1888 г. по образцу русских военных учебных заведений преобразовал Берлинское военное училище и 4 его провинциальные отделения. Управление военными учебными заведениями было объединено, составлены общие уставы, привлечены лучшие преподавательские силы привилегиями и преимуществами, которые дарованы были преобразователям кадетских корпусов особым положением 1836 года.

Кроме указанных выше 22 военных учебных заведений, подчиненных главному их начальнику, Императором Николаем I-м учреждена Военная Академия, – это завершение военного образования, – и существовало также несколько особых учебных заведений в ведении генеральных штабов, Артиллерийском, Инженерном, Военно-медицинском и Военных поселений и значительное число низших школ при войсках регулярных и казачьих. Большинство этих учебных заведений вновь учреждены или преобразованы были при Императоре Николае Павловиче. Наконец, в рассматриваемое время упорядочено и улучшено состояние учебных

заведений военно-морского ведомства; общая численность учащихся в них с 360 возросла до 2 000 человек. Не следует забывать, что из них, кроме специально-военных деятелей, вышло немало и писателей, администраторов и деятелей высшего управления в России. Не следует забывать и того, что заботы об улучшении постановки учебного дела в военных школах отразились и на общем образовании в нашем отечестве, что само собой понятно. Для доказательства укажем на тот факт, что для военно-учебных заведений издавались печатные учебники, руководства по предметам преподавания, на что отпущен был особый капитал в 140 000 р. В рассматриваемый период издано было до 50 таких учебников, среди которых встречаются почтенные труды, каковы: по русской словесности – Буслаева, Галахова и Разина, по математике – Бунаковского, Остроградского, Савича, Сомова и много других.

Для полноты следует упомянуть о духовно-учебных заведениях. В духовном ведомстве к концу царствования Императора Николая I-го было 4 академии, 50 семинарий, 240 духовных училищ и свыше 7 тысяч начальных училищ при церквях и монастырях.

К сожалению, мы ничего не можем сообщить, за отсутствием под руками справок, о положении учебных заведений, находившихся в ведении Государыни Императрицы, но должны упомянуть об Институте для призрения и образования сирот офицерских в С. Петербурге, Москве и Гатчине; в этих учреждениях было свыше 2 000 призреваемых.

Чтобы закончить обзор учебных заведений, представляем следующие цифровые данные: общая сумма, отпускаемая на содержание Министерства Народного Просвещения, более чем удвоилась в царствование Императора Николая I-го, а число учебных заведений и количество учащихся представляется в таком виде: в начале царствования было исключительно в заведывании Министерства Народного Просвещения 6 университетов, 1 411 средних и низших учебных заведений, в них 5 844 преподавателя и 69 629 учащихся.

В 1854-м году, к концу царствования Императора Николая Павловича, учебная статистика М. Н. Пр. представляется в следующем виде: 6 университетов, 4 423 средних и низших учебных заведений и в числе их 3 лица и 84 гимназии, 9 013 учащихся и 220 083 учащихся. Число учащихся в школах других ведомств – около 100 000. Цифры эти относятся к Российской Империи без Польши и Финляндии.

Переходим теперь от учебных заведений к ученым учреждениям. К сожалению, размеры настоящей статьи не позволяют нам сообщить здесь многих подробностей и заставляют ограничиться конспективным обзором

мероприятий Императора Николая I-го в этом отношении. В 1836 году преобразована была Академия наук, для которой издан новый устав и штаты, увеличен отпуск от казны и положено начало изданию «Записок Академии». В 1841-м году учрежденная при Императрице Екатерине II-й Российская Академия была присоединена к Академии наук в виде особого отделения русского языка и словесности, причем определен круг знаний этого отделения, чрезвычайно обширный и глубоко-задуманный, и даны средства для издания ученых трудов этого отделения. Действительно, в рассматриваемый период издано этим отделением много капитальных сочинений и более 100 томов ученых специальных работ, из которых укажем издание полного словаря церковно-славянского и русского языка.

В 1829 году учреждена при Академии Пулковская астрономическая обсерватория. В 1828 году расширено здание Публичной библиотеки, увеличен отпуск на содержание ее, упорядочено управление, и самая библиотека от щедрот Императора обогащена Драгоценным собранием манускриптов, взятых в персидскую и турецкую войны, в нее же передано до 150 000 томов, взятых во время усмирения польского восстания. Нельзя не упомянуть и о ценных частных пожертвованиях, из которых выделяется особый музей, подаренный Румянцевым.

В 30-х годах снаряжена была особая археографическая экспедиция для собирания актов и материалов, относящихся к истории и древностям Российского государства. В 1834 году для издания собранных этой экспедицией юридических и исторических актов образована особая Археографическая комиссия, которая, между прочим, издала в 8 томах наши русские летописи. В 1844 году образована была такая же комиссия в Киеве для разбора древних актов; в 1846 году в Спб. учреждено Археологическо-Нумизматическое Общество с целью изучения классической древности и новейшей нумизматики. Наконец, правительство Николая I-го в целях более широкого распространения научных сведений и для объединения ученых сил положило начало ученым собраниям и большим научным обществам. Так, возникли: Общества истории и древностей, Общества естествоиспытателей, географическое Общество в Спб. с отделениями на Кавказе и Сибири, а также многочисленные отделения Общества сельского хозяйства в различных губернских городах, между прочим, и в Тифлисе в 1850 году. По желанию Императора Николая I-го возведено было в Петербурге монументальное здание Императорского Эрмитажа, который обогащен был его щедротами, причем одна библиотека Эрмитажа состояла из 100 тысяч томов. Академия художеств и Императорские театры постоянно

пользовались вниманием Государя.

Без сомнения, к мерам, способствовавшим процветанию ученых учреждений, нужно отнести привилегии и права, предоставленные им. Так, сообразно с приобретенной ученой степенью давались чины при определении в службу по университетскому уставу 1835 года. В числе таких же мер нужно упомянуть об издании законов, обеспечивавших права литературной собственности.

Но особенного внимания заслуживают те поощрения, которые оказывались с высоты престола царского ученым людям. Университеты ежегодно должны были представлять Государю список студентов, отличившихся выдающимися дарованиями и трудами, причем Государь писал по поводу первого такого списка в 1838 году: «Здесь более чем где-либо, знатность рода не должна быть принимаема в соображение». Точно также и президенты Академии наук обязаны были представлять Государю доклад о важнейших научных трудах и о выдающихся членах Академии.

Наконец, министр народного просвещения должен был представлять Государю отчеты о более замечательных появляющихся в России учено-литературных произведениях.

На одном из таких отчетов Государь сделал надпись, в которой отмечался «тот утешительный факт, что большинство произведений относилось к отечественной истории, к разработке нашего родного языка и к изучению юридического и общественного быта России».

Известны личные отношения Государя к ученым и литераторам. Н. М. Карамзину Государь высказал, что «История его достойна русского народа», и семейству нашего историографа пожаловал огромную пенсию в 50 тысяч рублей. Известно глубокое уважение Императора к В. А. Жуковскому; комедия Грибоедова «Горе от ума» в царствование Государя Николая Павловича допущена к представлению и разрешена к печатанию, а сам автор ее удостоился высокого служебного положения в должности посланника в Тегеране, после же смерти, семья его получила пособие в 60 тысяч рублей и пенсию в 5 тысяч в год. Цензором знаменитого А. С. Пушкина был сам Государь, и известно, что был гораздо снисходительнее, чем обыкновенные цензора; сам поэт определен был на коронную службу, получил доступ в государственные архивы и принят в число членов Академии.

На смертном одре умирающий поэт получил от Царя собственноручную записку его, такого содержания: «Если Бог не приведет нам свидеться в здешнем мире, посылаю тебе мое прощение и вместе мой совет – исполнить долг христианский. О жене и детях не беспокойся: я

беру их на свое попечение». Государь по-царски исполнил слово и одарил семью поэта: уплачены его долги – 35 тысяч рублей, дано на издание его сочинений 50 тысяч рублей и назначена семье его, пенсия по 11 тысяч рублей ежегодно.

«Ревизор» Н. В. Гоголя в 1836 году, по словам С. Т. Аксакова, не мог быть пропущен цензурой и напечатан только по личному приказанию Государя, а через два года самому автору его дано щедрое вспомоществование во время пребывания его в Риме.

М. Ю. Лермонтов, сосланный в 1837 году на Кавказ, вскоре был переведен и возвращен в Россию в один из гвардейских полков, что считалось повышением. И. А. Крылов по случаю своего юбилея получил много наград, усиленную пенсию; в честь его, выбита юбилейная медаль и учреждены в Спб. в учебных заведениях три Крыловские стипендии. По смерти Крылова государь повелел открыть повсеместную подписку на сооружение памятника великому баснописцу.

Государь оказывал внимание и иностранным ученым, художникам, композиторам, сценическим деятелям, приехавшим в Россию; таковы знаменитый А. Гумбольдт, Ганка, Гакетвузен, Крюгер, Росси, Лист и многие другие.

Подводя итоги всему сказанному о деятельности Императора Николая Павловича для поднятия просвещения России, считаем нужным, заметить следующее. Реформы Царя-Освободителя начались вскоре после его воцарения и, таким образом, все просвещенные деятели в разработке и выполнении этих обширных государственных реформ, очевидно, были подготовлены в предшествовавший период, именно в царствование Императора Николая I-го.

Этим лучше всего доказывается плодотворность деятельности Императора Николая I-го в рассматриваемом отношении.

Еще яснее и рельефнее представляются нам заслуги этого Государя при рассмотрении того, что создано им для просвещения собственно в нашем Кавказском крае и особенно в Закавказье.

В период, непосредственно предшествовавший царствованию Императора Николая I-го, относительно просвещения на Кавказе сделано было очень мало, а в Закавказье, можно сказать, ничего. Причинами этого, конечно, служили условия жизни на Кавказе, постоянные военные тревоги, частые войны за обладание Кавказом с целью усмирения непокорных горцев.

Северный Кавказ сравнительно был в более счастливом положении: здесь еще в прошлом столетии в местах, отданных по великодушию

русского правительства для поселения армян-переселенцев из Турции и других мест, решено было открыть училища. Первая школа открыта была для армян в городе Моздоке в 1764 году. Затем, благодаря особенной энергии одного из деятелей Черноморского войска, протоиерея Российского, в земле черноморских казаков в период времени с 1803 по 1822 год, т. е. приблизительно к началу рассматриваемого нами периода, открыто было уездное училище в Екатеринодаре (1803 г.), преобразованное в 1820 году в гимназию, и 10 станичных школ (в 1812 г. – 4 школы, в 1819 г. – 6 школ) с 300 учащихся. К этому нужно прибавить уездное училище в Ставрополе-Кавказском и гор. Георгиевске. Вот все, что было сделано для северного Кавказа в период, предшествовавший царствованию Императора Николая Павловича. Но и это в сущности немного покажется нам совсем в ином свете при сравнении с Закавказьем.

Русские окончательно присоединили Закавказье к своим владениям 18 января 1801 года. Россия при этом вполне сознавала свою великую задачу, которая в таких знаменательных словах выражена в манифесте Императора Александра I-го: «Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и так уже обширнейшей в свете Империи приемлем Мы на себя бремя управления Царства Грузинского. Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на Нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращение их скорбей, учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать Каждому защиту закона». (Маниф. 12 сент. 1801 г.)

В этих словах Императорского манифеста живыми чертами изображены нужды терзаемой внутренними и внешними врагами Грузии и предначертана программа деятельности русского правительства. Разумеется, при таком положении страны, как это изображено в манифесте, в Грузии в момент присоединенья ее к России не могло быть в цветущем состоянии просвещение. И действительно, исторические данные свидетельствуют, что грузинский народ, в прежнее время отличавшийся глубокой любовью в образованности, создавший свою литературу и, несомненно, в смысле культуры оказывавший сильное влияние на соседние народности, в рассматриваемое время, под влиянием тяжелых политических обстоятельств, был совершенно невежественным. В эпоху присоединения Грузии к России в ней не было ни одного училища правительственного или общественного. Князь Цицианов, образованнейший в европейском смысле человек, сам грузин, хорошо

знакомый со своей родиной, свидетельствовал перед Императором Александром I-м, что даже «большая часть грузинского дворянства» была безграмотна.

Но и русская власть на первых порах не могла сделать многого для поднятия просвещения в крае по весьма естественным причинам. После принятия Грузии России тотчас же пришлось вести целый ряд войн в ограждение безопасности вновь присоединенной страны. Поэтому Россия могла только в первое время основать в Тифлисе в 1802 году так называемое Благородное училище, с двухлетним курсом учения. В 1817 году открыта была в Тифлисе же православная духовная семинария. Вот и все, что было сделано до воцарения Императора Николая Павловича для просвещения Грузии. Нельзя сказать впрочем, чтобы число поступающих и в эти учебные заведения было слишком велико. По крайней мере, чтобы привлечь учеников в Тифлисское Благородное училище, правительство должно было сделать энергичное воззвание к кахетинским и карталинским князьям о присылке детей, которых, как сказано в воззвании, правительство желает «озарить первыми лучами просвещения», а затем приняты были такие меры, какие едва ли встретятся когда-либо в истории западных государств в их просветительной деятельности по отношению к другим народностям, именно – учащимся с 1804 года (по 1829 год) стали выдавать деньги за посещение училища. Несмотря даже на это, ученики бегали из училища «по необычайности и дикости нравов здешнего народа», как тогда объясняли этот факт современники, заинтересованные в деле. Доходило и до того, что у учеников после начала уроков отбирали шапки и сапоги, чтобы воспрепятствовать бегству.

Не в лучшем положении было дело просвещения и у армян. Эриванское и Нахичеванское ханства в первой четверти XIX столетия еще не были присоединены к России и находились под властью Персии. Нужно отдать справедливость армянам: они, подобно грузинам, высоко ценили просвещение и, по свидетельству армянских историков, у армян было не мало училищ, но все это было, по буквальному выражению составителей актов армянской истории, «в отдаленные времена». Начиная с XIV в., просвещение среди армян падает под влиянием тяжелых политических обстоятельств, и ко времени присоединения к России Эриванского и Нахичеванского ханств с армянским населением учебных заведений среди армян было очень мало, именно: духовная семинария в Эчмиадзине, две школы в Эривани и начальная школа в Вагаршапате (предместье Эчмиадзина). Были открыты для армян училища числом 10 в России – на северном Кавказе, в Крыму, в Астрахани и в Москве Лазаревский

институт, но они имели мало значения для армян Закавказья. Здесь только в 1825 году в Тифлисе открыто было первое училище для живущих в Грузии армян. В каком положении были собственно армянские школы, видно из письма армянского духовенства к патриарху Иоаннесу в 1833 году. Письмо это напечатано в «Актах Кавказской Археографической комиссии» (т. VIII, № 194) и так описывает положение Эчмиадзинской семинарии, этого главного рассадника просвещения среди армян: «Здесь (т. е. Эчмиадзинское) училище во всех почти отношениях осталось без всякого призрения, без дальнейшего успеха и без достою должного распоряжения». Вот еще свидетельство о состоянии просвещения среди армян и притом из источников совершенно разнородных: по свидетельству барона Розена, даже среди армянского духовенства встречались люди совершенно невежественные; по свидетельству базельских миссионеров, явившихся в Шушу в 1827 году, население этого города – татары и армяне – «утопали в невежестве». Без сомнения, такой же отзыв нужно было дать и о населении бывшего ханства Ганжинского, т. е. нашего Елисаветполя с окрестностями. Присоединен он был к России в 1804 году, но до 1828 года, т. е. до окончания войны с Персией из-за наших Закавказских владений, положение русской власти было здесь непрочным. До школ ли было, если в 1827 году под стенами Елисаветполя произошла знаменитая битва генерала Паскевича с персидским шахом. Мы не будем говорить много о просвещении среди татар: если и теперь школы при мечетях, собственно говоря, едва ли заслуживают названия школ в нашем смысле, если и теперь в открытых учебных заведениях число татар по сравнению, например, с армянами слишком незначительно, то можно судить, в каком состоянии находилось просвещение среди них 70–80 лет назад, в период, предшествующий царствованию Императора Николая Павловича.

В 1828 году кончилась война с Персией, и Закавказский край почти в нынешней (за исключением Карсской области и Батумского округа) территории вступил навсегда под управление России. Вместе с тем умиротворена была Грузия, окончились кровопролитные войны, собственно в Закавказье, и для края нашего наступило время внутреннего развития, которое немыслимо без правильной постановки просвещения. Мы видели, в каком положении было оно до Императора Николая I-го: с его воцарением начинается новая эра в жизни Закавказья.

Чтобы дать понятие о высоком благородстве и бескорыстии в просветительной деятельности правительства Николая I-го по отношению в Закавказью, мы позволим себе сделать одну параллель, пользуясь

историческими данными.

Первые школы в Закавказья, кроме вышеперечисленных, были открыты только при содействии русского правительства, но не им самим непосредственно. В 1827 году в г. Шушу явились с разрешения русского правительства представители Базельского Общества миссионеров и открыли в городе и окрестностях его до 5 начальных школ, около 20–80 учащихся в каждой. Почтенные деятели отличались и трудолюбием, и добросовестностью, но не имели того, о чем так много говорят в Западной Европе, именно – веротерпимости. Армянский католикос жаловался главнокомандующему на то, что базельские миссионеры под видом просвещения армян занялись и совращением их в протестантстве. Что представители Базельского Общества имели тайные намерения пропаганды своего вероисповедания и при помощи школ, и при помощи денежных средств, видно из того, что в гор. Шуше даже два диакона армяно-григориане перешли в лютеранство.

Совершенно на новых началах – на началах полного бескорыстия и свободы религиозной совести, – была основана деятельность правительства Императора Николая Павловича в деле просвещения Закавказья. Таким всегда был образ действий русского правительства по отношению к инородцам.

Это хорошо понимали и жители Закавказья. В «Актах Кавказской Археографической комиссии» (№№ 1205, 1216, 1228, 1229, 1256 и 1266) приведены свидетельства, из которых видно, что азербайджанские татары издавна имели желание войти в состав владений России, что же касается армян, то нельзя описать их чувства радости после освобождения из-под власти Персии и при переходе в подданство России. Тотчас все после присоединения Эривани в русские пределы переселилось 8 249 армянских семейств, 40 000 человек, и такие переселения повторялись потом не раз. Католикос Ефрем в 1828 году от лица всего армянского народа во всеподданнейшем письме выразил русскому правительству чувства благодарности и преданности за освобождение от рабства, а индийские армяне в письме к архиепископу Нерсесу (впоследствии католикос) в 1829 году с таким восторгом отзывались, получив известие о переходе армян в русское подданство: «Армяне, – писали они, – армяне! После многолетнего заточения прилетела к вам свобода. Если мы перенесемся во времена прошлого и сравним положение народа нашего при Аршакунянах с нынешним его положением под покровительством русских, то поистине найдем настоящих армян счастливее их предшественников в смысле гражданского и народного благополучия».

При этом выражается горячая благодарность русским, которые «оказали армянам столько человеколюбия, сколько они не видели со времени св. Григория Просветителя ни от одной христианской державы», и, наконец, выражается радость по поводу того, что «на прежних развалинах восстанавливаются учебные заведения», и высказывается надежда, что «солнце познаний, засияв снова над горизонтом Арарата, животворящими лучами будет просвещать сынов Армении».

Жители Закавказья не обманулись в своих надеждах. Царствование Императора Николая Павловича принесло им много в деле просвещения, история которого начинается немедленно после окончания персидской войны. 2 августа 1829 года вышло первое Высочайше утвержденное Положение о закавказских училищах, которым бывшее Тифлисское Благородное училище предположено преобразовать в гимназию, что и было осуществлено в 1830 году, а в городах Закавказья открыть 20 уездных училищ, и повелено отпускать из казны вместо прежних 10 000 рублей – 119 700 рублей. Между прочим, в числе других городов и в Елисаветполе предположено открыть уездное училище. Затем во все время царствования Императора Николая I-го появляются, сообразно с указаниями опыта, новые и новые положения о школах Закавказского края: таковы положения 1835, 1840, 1848 и 1853 годов. Этими положениями то увеличивается число открываемых училищ, и сообразно с этим – отпускаемая на их содержание из казны сумма, то улучшается порядок в управлении ими, пока, наконец, в 1848 году положено было начало нынешнему Кавказскому учебному округу. При открытии его оказалось, что, вместо прежних десятков, в школах одного Закавказья обучалось уже 2 733 человека, – прогресс огромный! С каким старанием относилось правительство ко вновь открываемым учебным заведениям, видно из истории Елисаветпольского уездного училища, которое впоследствии было преобразовано (в 1871 году) в прогимназию, а затем (в 1881 году) в полную классическую гимназию. Уездное училище в нашем городе открыто было в 1833 году, по предложению правительства, православным городским священником о. Захарием Исааковым, который и был его первым смотрителем до 1842 года. При открытии училища принято было 30 учеников, число которых к концу года уже возросло до 50; в следующем году учеников было уже 78 и к концу года 90, причем большинство – армяне; так, из вновь вступивших 37, армян и, только 13 татар, а в 1848 году из 85 учащихся татар не было, совсем ни одного человека. В 1837 году один из учащихся уже отправлен для продолжения образования в Тифлисскую гимназию. В 1842 году учащихся уже было 125, и так до

конца царствования Императора Николая Павловича число учащихся колеблется около 100. Какие меры приходилось принимать для привлечения и удержания детей в училище, можно видеть из документов, находящихся в архиве нашей гимназии. Есть в архиве указания на то, что ученикам выдавались деньги за посещение классов. В 1838 году правительство обратилось с особым воззванием к мусульманам Закавказья, убеждая их отдавать детей в русские школы. Несколько экземпляров было прислано и в Елисаветпольское училище, и директор закавказских училищ заботливо осведомляется, какое впечатление произвело это воззвание на мусульманское население Елисаветполя. К сожалению, рано начались и нападки на училище: в 1834 году, т. е. на второй же год его существования, учитель открытой при церкви св. Иоанна школы возбуждает родителей против уездного училища, а в 1836 году, как видно из донесения смотрителя, находятся лица, частно занимающиеся обучением детей, которым «преподают правила, противные видам правительства». Кроме всего этого, ученики вначале неисправно посещали уроки, так что смотритель училища принужден был обратиться в 1834 году к полицеймейстеру с просьбой понудить, кого следует, к высылке учеников в училище; в следующем году смотритель снова просит полицеймейстера о том же, причем оказывается, что не посещают уроков 45 учеников, т. е. половина всего состава. Положение смотрителя было чрезвычайно затруднительное, тем более, что первый учитель, присланный ему в помощь для занятий с учениками, некто Камсаракон, занимался лениво и даже вовсе не посещал уроков. Несмотря на все эти препятствия, училище крепнет и постепенно улучшается; мы видели, что число учащихся увеличивалось постепенно; с 1837 года уже появляются в училище дети немецких колонистов; в 1840 году училище на казенные средства заканчивает строением собственное здание; в 1843 году Высочайше утверждается за ним поместье, ныне занимаемое нашей гимназией; открываются постепенно: в 1834 году – второй, в 1842 – третий классы; кончившие курс чаще прежнего посылаются для продолжения образования в Тифлисскую гимназию. Почти каждый год училище осматривает или гражданский губернатор из Тифлиса, или директор закавказских училищ, а в 1842 году произвел ревизию присланный в Закавказье статс-секретарь Позен. С 1851 года ведутся при училище метеорологические наблюдения; преподаватели занимаются собиранием и записыванием местных легенд, составлением учебников, приспособленных к пониманию учеников, и т. д. Не нужно забывать, что, судя по отчетам училища, большая часть учеников состояла из детей лиц податного сословия; т. е. Россия делала

для Закавказья больше, чем для своих природных русских подданных, что видно и из того, между прочим, что учителя туземных языков и законоучители армянские и татарские всегда были при училище, а дети русских чиновников и вообще ученики православного исповедания, как видно из бумаг в архиве, случайно слушали уроки Закона Божия у кого-либо из учителей, а чаще – вовсе не учились Закону Божию...

Так бескорыстны были действия правительства. Дело просвещения Закавказья, начавшееся с 1829 года, шло безостановочно. Если мы при этом примем во внимание, что 30-е годы были тяжелым временем для нашего отечества вследствие холеры и холерных беспорядков, польского восстания и, наконец, вследствие того, что с появлением в это время мюридизма и война на Кавказе стала чрезвычайно затруднительна, то мы еще более должны будем оценить жертвы правительства. Положением 1835 года из Тифлисской гимназии отправляются 10 учеников в кадетские корпуса, 6 – в университеты; увеличивается число гимназий с пансионами, причем на Закавказские – Тифлисскую и Кутаисскую отпускается от правительства гораздо больше, чем на гимназии северного Кавказа среди русского населения; открываются новые уездные училища: учреждаются школы при военных частях, настолько многолюдные, что в них обучаются до 1 330 учащихся (в 1866 г.) в 1847 и 1848 гг. открываются в Тифлисе училища специально для мусульман, отдельно для шиитов и для суннитов; такие же училища, числом 5, открываются и в других местах Закавказья, между прочим, и в Елисаветполе (в 1849 году; при этом из уездного училища переведено было в новое заведение 15 учеников-татар, как значится в отчете училища за 1849 год); учреждается ряд женских средних учебных заведений: Закавказский девичий институт в 1840 году, Тифлисское заведение св. Нины в 1846 году, такие же заведения во имя св. Нины в Кутаисе (1847 г.) и Шемахе (в 1848 г.; перенесенное в 1861 году в Баку), во имя св. Репсидии в Эривани (1850 г.) и св. Александры в Ставрополе (1852 г.).

Вместе с этим правительство прилагает заботы о том, чтоб оканчивающим курс в кавказских гимназиях предоставить возможность продолжать образование в университетах. С этой целью в 1849 году издается особое положение о кавказских воспитанниках в высших и специальных заведениях Империи, причем на казенный счет предположено обучать в этих заведениях 160 стипендиатов. Вместе с тем казенный отпуск средств к 1853 году возвышен до 220 000 рублей в год, причем эти деньги распределялись так, что на Закавказье шло ровно вдвое больше, чем на сев. Кавказ, и в то время как на сев. Кавказе, среди

русского населения, содержание начальных училищ возложено было большей частью на средства местные, в Закавказье эти училища почти все содержимы были на счет казны; наконец, и для преподавателей, с целью привлечения на Кавказ из России лучших педагогических сил, в 1853 году сокращен срок выслуги пенсии до 20 лет и даны другие преимущества.

Если теперь сравнить положение учебного дела на Кавказе в год воцарения и в год смерти Императора Николая Павловича, те результаты окажутся поразительны. К 1-му января 1856 года Кавказский край образует особый учебный округ при нем: окружное управление, цензурный комитет, 4 дирекции народных Училищ, 4 гимназии с пансионами, коммерческое училище, 24 уездные училища, 74 начальных 13 частных, – это вместо прежде бывших в 1825 году, 16 учебных заведений на всем Кавказе; вместо 750 учащихся – теперь 5 953, вместо 51 училищных чиновников и преподавателей – теперь 370. Сюда не входят женские учебные заведения, выше указанные, и учебные заведения военного и духовного ведомств.

Таким образом, мы должны признать результаты деятельности Императора Николая I-го в рассматриваемом отношении изумительными, особенно если принять во внимание, что приходилось вести дело просвещения Кавказского края при условиях чрезвычайно тяжелых, при частом противодействии со стороны населения, так что нужно было привлекать к учению поощрительными мерами; результаты эти еще более нужно признать изумительными, если принять во внимание, что учебные заведения Кавказа не только возросли числом, но и внутренним устройством, и что последний прогресс далеко превышал первый; это ясно видно из того, что в Положении о Кавказском учебном округе 29 октября 1853 года уже определенно выражены новые начала, на которых должно было основываться учебное дело на Кавказе, и сущность которых заключалась «в постепенном сближении местных учебных заведений с таковыми же внутри Империи».

Задача эта блистательно выполнена в царствование Императоров Александра II-го и Александра III-го, но весь тяжкий труд приготовления учебных заведений Кавказа к этому новому и плодотворному пути из прежнего хаотического состояния, – весь этот труд с необыкновенной энергией и с успехом выполнил незабвенный Государь Император Николай Павлович. Имя его дорого для истории русского просвещения вообще, но особенно дорого и навеки благословенно для истории просвещения нашего Кавказского края.

Молитвенный дом и благотворительные при нем учреждения в местности гор. Тифлиса «Колючая балка»

Местность гор. Тифлиса, под названием «Колючая балка», находится почти в центре города и непосредственно примыкает к людной и лучшей его улице – Головинскому проспекту. Почти напротив здания так называемой «разгонной почты» следовательно, в бойкой части Головинского проспекта, прямо в гору поднимается узкая улица, протяжением саженей в 100, – это и есть «Колючая балка». По-видимому, такое положение вблизи центра города должно бы было обеспечивать жителям этой местности спокойную жизнь, санитарное и иное благоустройство. Действительность, однако, до самого последнего времени далека была от этих справедливых ожиданий. Дело в том, что в «Колючей балке» проживает в тесноте и скученности, главным образом, бедный люд: мастеровые, прачки с семьями, по большей части, пришлый русский элемент.

Владельцы небогатых, скромных домиков несли повинности, налагаемые городским управлением, наравне со всеми, но взамен этого получали очень мало, почти ничего. Ни порядочной мостовой, ни освещения, ни санитарного благоустройства и проч. Школа отсутствовала, а между тем, стоит только пройти по «Колючей балке», чтобы увидеть, как много здесь детей, которые сидят, бегают, играют группами в маленьких дворах и на улице без всякого призора со стороны родных и старших, занятых тяжелыми работами дома или по найму в городе с утра до вечера. Зато, вероятно, вследствие той же близости к центру города, в «Колючей балке» расплодилось кабаки, пивные, увеселительные заведения с тайными притонами разврата; довольно сказать, что до 1897 здесь числилось 11 духанов, – и это на протяжении каких-либо 100 саженей. Печальную известность стяжала себе в городе эта злосчастная «Колючая балка»: безобразия – спутники пьянства – здесь стали обычным явлением даже днем, усиливаясь и переходя всякую меру ночью. Здесь образовался притон для кутежей нижних чинов, бездомных бродяг и, к ужасу сказать, для переодетых юнцов, часто детей хороших родителей; эти юнцы здесь находили себе безопасное убежище и полную свободу от стеснительного надзора. Пьянство сопровождалось открытым развратом; пьяные, полунагие женщины появлялись свободно на улице, собирались по ночам в этих вертепах порока. Много преступлений совершено в этой местности, много ворованного добра оставлено в духанах и пивных, и немало юных

душ погибло здесь нравственно навсегда.

Можно себе представить после вышесказанного, каково было положение тех домовладельцев и обитателей, которые имели несчастье поселиться в этой особой «балке». Дело дошло до того, что здесь оставались на житье только в том случае, когда по каким-либо причинам не представлялось возможности жить где-либо в другом месте, т. е. по преимуществу, домовладельцы, или связанные какими-либо условиями квартиранты. Таких жильцов, которые бы свободно поселились в этой местности по словам домовладельцев, «заманить было трудно и даром», – так тяжелы были здесь условия жизни. Можно себе представить, какие примеры видало молодое подрастающее поколение, какое растление вносилось в их души, и как большинство из них, при отсутствии школы и руководства доброй семьи, готовилось увеличить в будущем ряды пьяниц, развратников и преступников. На несчастье, приходская церковь со школой отстоит от «Колючей балки» довольно далеко. Известно, что Тифлис весьма небогат приходскими храмами, и, например, на протяжении от военного собора, недавно к тому же выстроенного, до выезда из города по Военно-Грузинской дороге находится всего только одна приходская Иоанно-Богословская церковь с богослужением на славянском языке, да и эта церковь и ветха, и очень тесна. «Колючая балка» находится как раз в середине между собором и Иоанно-Богословской церковью. Приходской священник не оставлял без внимания этого заброшенного уголка своего прихода. Беседами при посещении домов и проповедями в церкви он расположил жителей «Колючей балки» обсудить, наконец, свое положение и принять какие либо меры к прекращению безобразных условий жизни. Словесными докладами он довел об этом до сведения бывшего экзарха высокопреосвященного Владимира и заинтересовал в деле высших представителей духовенства в городе, главным образом служащих при духовной семинарии. Наконец, путем печатного слова он старался обратить внимание и публики на несчастных обитателей «Колючей балки». Результатом было то, что обыватели, сплотившись, обсудили совместно свое положение и обратились в городскую управу с просьбой о принятии мер к улучшению их быта. Между прочим, жители просили управу, уменьшить число кабаков, принять меры к искоренению открытого разврата в «Колючей балке» и к выселению развратных пьяниц-женщин, ютившихся при духанах, и улучшить санитарные условия. Просьба жителей была заслушана, и со стороны городского управления было решено принять меры к ремонту мостовой, поставить несколько фонарей, все же прочие

пункты прошения жителей постановлено «оставить без последствий», как не заслуживающие, надо полагать, серьезного внимания... Таким образом, главное, существенное зло осталось попрежнему в полной силе. Изменение разве последовало только в том отношении, что в грязную погоду несколько поправленная мостовая, а в темные ночи несколько фонарей облегчили доступ к духанам и вертепам для их обычных посетителей.

Но раз сознанная потребность в улучшении быта сделала свое дело.

В начале сентября 1896 года приходской священник обратился к владыке-эксарху с подробным рапортом о религиозно-нравственных нуждах жителей «Колючей балки» и просил разрешения открыть здесь молитвенный дом – для совершения богослужения и церковно-приходскую школу – для обучения детей. Это было предметом первой необходимости. «Бог благословит доброе дело», – такую резолюцию положил владыка-эксарх на рапорте. К началу 1897 года были открыты и молитвенный дом во имя св. Феодосия Черниговского, и школа в особом здании на средства Иоанно-Богословской церкви и епархиального училищного совета, добрые люди не оставили без сочувствия доброго дела. Одна домовладелица «Колючей балки» уступила в своем доме бесплатно помещение для молитвенного дома (2 комнаты), жители и посторонние жертвователи украсили его иконами и снабдили всем необходимым для первого раза. Но радостнее всего было то, что молитвенный дом скоро сделался центром просветительной и благотворительной деятельности в районе «Колючей балки» и во имя служения меньшей братии собрал около себя кружок бескорыстных работников. Первым откликнулось на доброе дело семинарское духовенство, к нему присоединились и другие духовные и светские лица, мужчины и женщины; все трудились, кто, как и сколько мог, и по мере сил и возможности помогали молитвенному дому и материально. С открытием в Тифлисе епархиального духовно-просветительного братства 22-го октября 1897 года учредители молитвенного дома вступили в число членов нового братства, к которому и перешло заведывание молитвенным домом и всеми народившимися при нем учреждениями. Делу, таким образом, дано было прочное основание.

Об учреждении молитвенного дома и о нуждах жителей «Колючей балки» доведено было до сведения князя-главноначальствующего, и, по его распоряжению, в скором времени в районе «Колючей балки» закрыты были духаны и другие притоны, мостовая исправлена, и в настоящее время улица стала неузнаваемой. Остается только самую «Колючую балку» в знак обновления ее жизни, назвать Феодосиевской улицей.

Богослужение в молитвенном доме совершается 5 раз в неделю. Время от времени служат здесь соборные торжественные всенощные, причем всегда предлагаются беседы богомольцам. Богослужения эти вызывают особый наплыв молящихся. При богослужении поет хор, организованный из детей проживающих в «Колючей балке». Общее заведывание молитвенным домом по воле владыки-эксарха, вверено одному из членов братства, который имеет свой день в неделю для богослужения и проповеди. Один из священников служит воскресные вечерни и беседует с народом, он же совершает вечерни по вторникам, и при этом беседует исключительно с детьми, которые собираются в эти дни на богослужение во множестве. В трудах проповедничества и собеседование с народом принимают участие и светские лица; одним из них, предложен народу ряд совещаний о воспитании детей. Нашелся священник, который взял на себя обязанности духовника «Колючей балки», обходил убогие домики, посещая больных и располагая к исполнению христианского долга говения, иногда таких, которые, по их собственному признанию, не видели церкви по 10 и 20 лет, так как проводили время в разгуле и пьянстве. В деле духовного их возрождения весьма ценно было участие одной почтенной дамы из высшего общества. Она со своей дочерью с усердием и терпением посещала больных, читала неграмотным из них слово Божие, грамотным оставляла книги для чтения, помогала материально беднякам, особенно детям, и притом так, что левая рука не ведала, как расточала десятки и сотни рублей, а правая...

Скоро помещение, отведенное для молитвенного дома, оказалось тесно.

Нашлись работники и работницы, изъявившие желание открыть воскресную школу, которая быстро наполнилась желающими учиться. Этим желающим набралось более 100 человек, но оказалось возможным принять только 30. Пришлось рядом с уступленным бесплатно помещением для молитвенного дома нанять комнату для воскресной школы. Немедленно же пришло на мысль открыть здесь небольшую библиотеку и народную читальню; нашлись жертвователи книг, и книжные шкафы поместились в воскресной школе, руководители которой приняли на себя труд в раздаче книг. Решено было бедным детям после занятий в воскресной школе предлагать чай. Для дела милосердия открывалась все более и более широкая нива; бедность во всех видах стучалась в двери и просила помощи, – помощь давали и деньгами, и другими способами. В течение всего времени существования молитвенного дома производилось посещение бедных по домам,

снабжение их пищей, одеждой, оказывалась помощь деньгами и лекарствами. Пользовавшихся пособиями было более 200 человек. Некоторые больные, не имевшие присмотра, поручались заботам лиц, живущих в «Колючей балке» и изъявивших на то свое желание; были случаи, что больных приходилось выводить из нездоровых помещений, и находить для них лучшие и здоровые квартиры. Давались также средства на погребение, а некоторые умершие были погребены всецело на счет учредителей молитвенного дома. В минувшую Пасху на собранные деньги куплены для больных в районе «Колючей балки» пасхи, яйца, мясо, вино и проч., что и было роздано 57 особенно бедным семьям; около 20 рублей выдано деньгами. Находились среди бедняков такие лица, которых нужда в 70 лет от роду приводила к мысли о самоубийстве: находились такие, которым нужен был, прежде всего, кров, и которым временные и незначительные пособия были бесполезны.

Пришлось еще нанять комнату для таких бездомных и беспомощных, рядом с молитвенным домом, и дать им возможность получать ежедневно чай. Так образовался зародыш приюта для беспомощных и старых, – учреждение, которое заслуживает особого внимания и которое должно закрыться, если не будет средств для его поддержания. Есть теперь среди работников молитвенного дома и врач, который изъявил полную готовность бесплатно принимать больных и бесплатно же им раздавать лекарства. В деятельности его принимает участие и его семья. Один из чиновников-домовладельцев принял на себя обязанности ктитора молитвенного дома, и его энергическое участие, как представителя местных жителей, обещает быть особенно ценным. Отдельная комната около молитвенного дома нанята и отведена под квартиру церковника (он же псаломщик), который оказался необходимым для служб церковных и для надзора за всем помещением молитвенного дома. Есть еще одно учреждение при молитвенном доме, стоящее как бы особняком, это – иконописная мастерская, для которой тоже нанята особая комната.

Вырученные за иконы деньги, вместе с доходом от продажи свечей при богослужении и с небольшими частными пожертвованиями, составляли доселе источник существования молитвенного дома и находившихся при нем учреждений. Всех денег в настоящее время имеется 800 рублей.

Но и при таких небольших средствах работники при молитвенном доме бодро смотрят в будущее. В этой доброй надежде подкрепляет их пример подобных же учреждений в других городах России, начинавшихся с малого и достигших больших результатов. Первые 1¹/₂ года деятельности

показали ясно, что работы предстоит много, что работа отвечает насущным потребностям жителей «Колючей балки», что она увенчалась некоторым наглядным успехом. В декабре месяце 1897 года, кружок работников молитвенного дома был утешен таким коллективным заявлением, подписанным 60-ю лицами: «Мы, нижеподписавшиеся, проживающие в «Колючей балке» и вне этой местности сим имеем долг выразить свою искреннюю готовность служить молитвенному дому св. Феодосия, что в «Колючей балке», чем кто может: во-первых, посильными денежными средствами, во-вторых, личным трудом, каждый из нас по своему ремеслу или вообще знанию, профессии, чтобы таким образом всегда поддерживать во всех отношениях как самый молитвенный дом, так и все при нем устроенные учреждения».

Доброе семя возшло, и надо не дать ему погибнуть. Необходимо куда кратко обозначить и наметить цели, к которым стремится кружок работников при молитвенном доме. Необходимо дать этому кружку какую-либо объединяющую организацию, в виде особого отделения Тифлисского братства, не порывая с ним связи. Самый молитвенный дом пока следовало бы расширить, а в будущем настоятельно нужно иметь свой братский храм, или – еще лучше – церковь-школу, и при ней сосредоточить все просветительные и благотворительные учреждения. Храм в этой местности решительно необходим не только для «Колючей балки», но и для прилегающих улиц города.

Необходимыми учреждениями при этом братском храме должны быть: зал для народных чтений, школа для детей и особая воскресная школа для подростков и взрослых, народная библиотека и читальня. Существующий приют для беспомощных и старых, желательно было бы расширить и устроить при нем ежедневную чайную и хоть праздничную бесплатную столовую для бедняков и для жильцов приюта.

Здесь же желательно иметь особо нечто в роде «яслей» для детей прачек и других работниц, уходящих на целый день из дома, и, если возможно, также ночлежный дом для бездомных, но дом этот устроить на строго-христианских началах, т. е. завести в нем безусловную трезвость и порядок доброй семейственности: утреннюю и вечернюю молитву, религиозно-нравственное воздействие на ночлежников, помощь материальную в виде отпуска чая, даровых праздничных обедов, одежды и проч. Отсюда ночлежники могли бы переходить в дом трудолюбия. При братском храме положительно необходимо для «Колючей балки» учредить общество помощи беднякам и общество трезвости.

Особого внимания требуют дети; список тех из них, которые

остаются без надзора и особенно нуждаются в помощи, в сентябре месяце решено сообщить Тифлисскому Обществу попечения о детях, а для преподавания в воскресной школе с сентября же месяца решено просить учебное начальство отпускать учениц специального педагогического класса женской гимназии.

Решено также для воскресной школы и для народных чтений нанять в нижнем этаже здания, где помещается молитвенный дом, довольно вместительный зал.

Наконец, хоть и не сразу и не сейчас, хотелось бы что-нибудь сделать для «Артиллерийской балки» и для пригородной местности «Харпухи». Последняя особенно нуждается в заботах, так как на протяжении от Сионского собора, по направлению к епархиальному свечному заводу (до конца города), имеются и мусульманские, и армянские школы, и храмы, но отсутствуют начальные школы для православных – русских, греков и грузин.

Молитвенный дом в «Колючей балке» два раза посетил высокопреосвященный Владимир в бытность экзархом Грузии. В оба свои посещения владыка беседовал с народом, подробно осведомлялся об его нуждах, причем высказал, что он молился с особенным чувством в этом по виду убогом молитвенном помещении и что он надеется на устройство здесь храма. Когда же владыка уезжал из Тифлиса на кафедру Московской митрополии, то, принимая от жителей «Колючей балки» поднесенную ему икону «Доброго Пастыря», он высказал надежду и сердечное желание, чтобы небольшой молитвенный дом, как сионская горница, послужил во тьме источником света.

Верится от всей души, что слова архипастыря исполнятся, и доброе дело не погибнет, не останется без поддержки и не будет забыто добрыми людьми.

Странно подумать, что среди нашей интеллигенции встречаются люди, с юных лет тоскующие, не находящие цели и смысла жизни, угнетенные «убылью души» и, как они выражаются, «отсутствием живого дела»! А тут стоит и ждет работников только что поднятая новь, могущая воздать сторицей за каждое зернышко любви! Кроме пожертвований от избытка, нужны жертвы или, вернее, милости невесомые и неоценимые на деньги: личный труд, доброе слово, ласкающая рука на головке осиротевшего ребенка или гибнущего бродяги. Тут есть чем озарить души тысяч людей, тоскующих от своей праздности или беспочвенности, тут хватит живительной духовной пищи на тысячи жизней. Особенно нам, здешним русским людям, надо подумать об этом. Нелегко здесь живется

нашему простолюдину: он лишен той атмосферы, при которой там, на далекой северной родине, он и в пороке и в беде знает минуты просветления. Нужно дать ему эту атмосферу, создать обстановку, при которой ему легчилась бы тяжкая борьба за нравственное существование. А для этого нужно вернуться и вернуть его к духовной основе жизни. Надо чтобы все доброе, – и материальная, и духовная плмощь, – формировалась в Церкви; чтобы истина и добро исходили от вечного источника непреложной Истины и безусловного Добра...

1899 г.

Памяти митрополита Исидора, бывшего экзарха Грузии (1799–1899)

По распоряжению С. Петербургского митрополита Антония, 1-го октября 1899 г. во всех церквях столицы и епархии совершены были заупокойные моления о в Бозе почившем С. Петербургском митрополите Исидоре, в память столетия со дня его рождения. Покойный владыка только 7 лет не дожид до столетия. В его лице сошел в могилу живой свидетель церковной жизни нашего отечества за последние 60–70 лет. Имя митрополита Исидора, между прочим, тесно связано и с церковной жизнью Кавказа, где он 14 лет (1844–1858 гг.) был экзархом Грузии. Вообще на долю почившего владыки выпало служить среди обстоятельств, требующих большой осторожности от предстоятеля Церкви. Воспитанный под мудрым и строгим руководством знаменитого Московского митрополита Филарета, в епархии которого он начал епископскую службу в звании викария Московской митрополии (с 1834 г.), покойный владыка служил затем епископом в Западном крае (с 1837 года – епископ Полоцкий и Виленский, с 1840 г. – архиепископ Могилевский) в тревожное время умиротворенья этого края после польского мятежа и воссоединения униатов. Отсюда архиепископ Исидор назначен был экзархом Грузии во время борьбы с горцами и затем, после небольшого сравнительно перерыва – служения в Киеве в сане митрополита (1858–1880 гг.), мы видим его в ответственном звании первенствующего члена Св. Синода и митрополита С. Петербургского, в беспокойные 60-е и 70-е годы, когда русской Церкви пришлось считаться со многими противохристианскими веяниями, когда членам Синода приходилось нести усиленные труды по переводу Священного Писания на русский язык, по устройству новых епархий, реформированию духовно-учебных заведений применительно к новым требованиям времени и проч. «Митрополит С. Петербургский – тот же мученик, – сказал покойному лаврский уважаемый старец, к которому смиренно пошел за духовным утешением митрополит Исидор, отъезжая в столицу. В то время это действительно было так. Но мудрость покойного, его необыкновенная осторожность, вдумчивость, постоянное благодушие, которым он отличался, несмотря на суровую школу жизни¹⁸, дала ему возможность восторжествовать над встречавшимися препятствиями в его церковно-административной работе. Такие люда, как митрополит Исидор, при жизни обыкновенно не бросаются в глаза своей деятельностью, совершая

ее тихо, спокойно и вдумчиво; но позднейший историк Церкви, без сомнения, с благодарностью отметит, что в его управлении Церковь наша, в тревожную пору брожения умов, ломки общественной и сложившихся веками воззрений, прожила сравнительно спокойно, хотя и должна была усиленно работать, применяясь к новым условиям существования.

Деятельность митрополита Исидора на Кавказе совпадает с порой расцвета его сил. Стоит почитать сборник его проповеднических трудов, и при беглом обзоре можно увидеть, сколько пришлось ему поработать на Кавказе. Нужно иметь при этом в виду, что работать приходилось здесь в исключительных условиях. Трудно поверить, что в то время экзарх Грузии не имел даже своей канцелярии и ни одного духовного правления на все огромное пространство его епархии, так что все бумаги ему приходилось вести лично самому. Не было даже квартиры для экзарха; теперешний экзаршеский дом приобретен благодаря стараниям владыки Исидора. Трудность служения на Кавказе обуславливалась давним неустройством Церкви и беспокойным положением всей страны. Всего прошло 40 лет со времени отъезда митрополита Исидора из Тифлиса, а, между тем, странно читать, что во время путешествий по епархии восемь раз жизнь его подвергалась опасности, и три раза он едва не попал в плен к горцам. Приходилось нередко ездить верхом по горам, переправляться в брод через горные реки. Однажды, – читаем в дневнике покойного митрополита, – 15 вооруженных горцев стерегли его проезд с целью захватить важное духовное лицо и получить за него богатый выкуп; экзарх ехал без конвоя и, выехавши очень рано, в неурочное время, как-то тихо проследовал мимо спокойно спавших горцев, которые погнались за каретой, когда уже было поздно...

В другой раз экзарх ехал верхом по берегу Черного моря; дорога была очень узкая; дул сильный ветер. Вдруг хлестнула такая сильная волна, что сзади шедшая лошадь, навьюченная архиерейским облачением, снесена была в море... Экзарх благополучно миновал опасное место. Вот еще случай. Экзарх ехал верхом вместе с князем Воронцовым, наместником кавказским. Дорога шла лесом. Один из конвойных казаков почему-то неожиданно раскрыл дождевой зонт. Лошадь экзарха испугалась и понесла. Впереди стояло очень большое дерево, толстые сучья которого низко перекидывались через дорогу. Предстояла опасность или быть сброшенным с лошади, или на всем скаку испуганного животного удариться головой о толстый сук дерева и получить верную смерть. Владыка не растерялся и успел вовремя схватиться руками за сук дерева и повис на нем, а лошадь промчалась далее.

Покойный митрополит пользовался искренней любовью кавказцев, начиная от представителей власти и кончая простым населением. Как на особенность его служения на Кавказе, нужно указать на его митрополичий сан, который он получил за два – года до отъезда с Кавказа, в звании экзарха Грузии (в 1856 году во время коронации Императора Александра II). Немногие оставшиеся в живых духовные лица, служившие при экзархе Исидоре, и доселе вспоминают о нем, как об архипастыре добром, широко благотворительствовавшем, кротком и чрезвычайно доступном. Памятником его заботливости о христианском просвещении паствы остается и доселе существующее «Общество восстановления христианства на Кавказе», учрежденное по его инициативе, при поддержке наместника края кн. Варягинского. Продолжительная и плодотворная служба митрополита Исидора на Кавказе незабвенна будет в истории нашего края, и имя его останется выдающимся среди экзархов Грузии.

1900 г.

Русская православная миссия в Урмии в 1900 г.

Проездом в Урмию (в Персию) прибыл в город Тифлис начальник русской православной миссии архимандрит Феофилакт. Известно, что среди айсоров-несториан, проживающих в Урмии, уже лет пятьдесят назад возникло сильное движение в пользу православия, но до последнего времени, с одной стороны, враждебное настроение со стороны мусульман-персов, с другой – интриги инославных миссий, обладающих большими средствами и преследующих политические цели и более всего опасавшихся усиления влияния России на Востоке, что особенно нужно сказать об англиканах и американцах, – все это значительно тормозило дело. Наконец, в 1898 году стремление к православию, которое таилось в населении, взяло верх над всеми препятствиями, и 20 000 айсоров-несториан, во главе с епископом Мар-Ионою Супурганским, в течение последних двух лет были присоединены к православной российской Церкви, по благословению Святейшего Правительствующего Синода. В настоящее время изменилось отношение к миссии и персидского правительства: шах персидский подарил на имя Государя Императора в пользу миссии в городе Урмии около 8 000 квадратных сажень земли, – подарок, чрезвычайно ценный для миссии не только в смысле материальной помощи, но и в смысле престижа ее среди местного населения. Образована в Урмии особая русская православная миссия, которой было отпущено 10 000 руб. в год. На эти сравнительно очень скудные средства пришлось содержать и личный состав миссии, и устраивать церкви со школами, и оказывать материальную поддержку новоприсоединенным айсорам, причем приходилось вести борьбу и с инославной пропагандой, располагающей для своей деятельности сотнями тысяч рублей. Несмотря на это, в короткое время русская миссия, под руководством о. Феофилакта, устроила до 40 церквей, 60 школ и совершала успешно присоединения к православию во многих селах и деревнях. В настоящее время, по ходатайству о. Феофилакта, Св. Синод, в виду успеха дела, несколько увеличил отпуск на нужды Урмийской миссии. С о. Феофилактом вместе отправляются два иеромонаха, один иеродиакон, один монах, опытный в строительном искусстве, – о. Вячеслав Маршалек, о котором следует сказать особо несколько слов. О. Вячеслав, окончивший курс политехникума в Вене, родом – чех и принял православие в России 30 лет назад в числе первых чехов-католиков и видных деятелей по движению к православию среди чешского народа (в

настоящее время в России 27 000 православных чехов). Молодые люди из айсоров обучаются в русских духовно-учебных заведениях. К сожалению, окончившие здесь курс учения, большей частью они остаются в России и стремятся в здешние приходы, и таким образом не приносят пользы родине. Нужно надеяться, что со временем в Урмии будет открыто в дополнение к существующим начальным школам особое духовное училище с богословским курсом, в котором бы обучались будущие пастыри и Учителя для новой православной паствы. Дела православной миссии предстоит много, и можно ожидать, что опыт и образование о. Феофилакта принесут здесь большую пользу. О. Феофилакт окончивший курс Харьковского университета и затем С. Петербургской духовной академии, во время обучения в которой и принял монашество, в настоящее время особенно дорог для миссии. Послужить славе Церкви русской и пользе далеких айсоров, этих древнейших христиан, в отдаленной от нас стране – это великая и достойная задача. Дай Бог о. Феофилакту и его сотрудникам полного успеха.

Кукийские церковно-приходские миссионерские школы в городе Тифлисе ¹⁹

Местность города Тифлиса, расположенная около вокзала железной дороги, населенная главным образом сектантами и железнодорожными рабочими, до настоящего года не изобиловала школами. Кто проходил случайно по площади, примыкающей к артиллерийским казармам, тот без труда мог заметить, как велико в этой местности количество детей школьного возраста. Здесь постоянно можно видеть довольно многочисленные группы детей, собирающихся для игр и утром, и днем, и вечером; очевидно, это дети, оставленные за порогом школы, часто и дома не имеющие за собой никакого надзора, вследствие того, что родители их и все взрослое население этой местности занято тяжелым ежедневным трудом на железной дороге и на близлежащих различных заводах. И, тем не менее, когда в феврале месяце настоящего года некоторыми лицами, сочувствующими делу народного образования, высказано было пожелание открыть в указанном районе начальную школу, со стороны скептиков неоднократно приходилось слышать возражение: не лишнее ли это дело, и найдутся ли охотники учиться... Между тем, среди сектантского населения местности, в последний год, под влиянием просветительной деятельности Тифлисского миссионерского братства и бесед преподавателя семинарии И. А. Кленова, стало заметно движение в пользу православия; наблюдались уже не единичные случаи обращения к православной Церкви, а присоединения целыми семьями, и притом не в среде рядовых сектантов, но и из числа их руководителей.

В доме одного из таких обращенных в православие кружком духовных лиц, во главе с о. ректором семинарии архимандритом Гермогеном, открыты были богослужения и простые, семейного характера собеседования, на религиозно-нравственные темы с миссионерскими целями. Живо помним эти молитвенные собрания в семье, которая еще дышала первыми религиозными восторгами после присоединения к Церкви и была осчастливлена личным посещением владыки-эксарха. На этих-то вечерних собраниях и из наблюдений, и из отзывов присутствующих лиц замечено было особенно наглядно, как много детей в этой местности лишено первоначального образования и воспитания.

По инициативе о. ректора семинарии, грузинский епархиальный училищный совет, сознавая всю важность и необходимость просветительной и миссионерской деятельности в этом заброшенном

уголке города, решил открыть здесь церковно-приходскую школу.

Совет имел в виду идти навстречу возникшему среди сектантов движению в пользу православия, сблизить их с Церковью, помочь им в деле образования детей. Когда объявлено было об открытии школы, то детей, желающих учиться, оказалось такое множество, что пришлось открыть вторую и третью школы, да и этого было мало, потому что число учащихся быстро возросло до 300 детей. Найдено было подходящее помещение для школы в доме г. Капранова (угол Сурамской и Батарейной улиц), причем нанят был только верхний этаж. Дело так говорило за себя, что решили не ожидать обычного начала учебного года и открыли школы, вопреки обычаю, с начала марта месяца текущего года. Пишущий эти строки был назначен заведывающим школами, определен был и преподавательский состав – учитель и две учительницы; нашлись добровольные работники – дамы, принявшие на себя преподавание рукоделия для девочек, заведывание библиотекой: и выдачей книг детям и их родителям; нашлись лица, пожелавшие принять участие в открытых при школе народных религиозно-нравственных чтениях. Деятельную поддержку школам на первых порах оказали причт Александро-Невской церкви, некоторые преподаватели духовной семинарии 2-й гимназии, реального училища. Обыкновенно по четвергам, вечером, заведующий школами совершал краткое богослужение собственно для детей и затем беседовал с ними о воспоминаемых Церковью лицах и событиях о поведении в церкви, в школе и дома; все это оказалось безусловно необходимым, так как скоро выяснилось, что домашнего воспитания детям не было дано никакого. По воскресеньям, вечером, заведующий совершал богослужение для приходящих взрослых богомольцев; нередко среди них можно было видеть и солдатиков из близлежащих артиллерийских казарм; скоро образовался небольшой хор, в котором стали принимать участие и дети. Богослужение часто совершал о. ректор семинарии, и это привлекало народ. После проповеди заведующего обыкновенно устраивались народные чтения с туманными картинками; вместе со взрослыми здесь присутствовали и дети; иногда им показывали картины отдельно. Так шло дело до конца учебного года. Открытые школы при бесплатном обучении детей, видимо, приобрели расположение местного населения: среди учащихся до 20% составляли дети сектантов, и сами сектанты посещали чтения, высказывая нередко благодарность инициаторам доброго дела. Убедившись, что школы открыты вовремя и на месте и что они удовлетворяют насущным потребностям населения, руководители школьного дела должны были позаботиться о том, чтобы делу, удачно

начатому, дать прочное существование и обеспечить ему дальнейшее развитие. Заведующий вошел к владыке-эксарху с представлением о необходимости учредить при школах особое церковно-школьное попечительство из родителей учащихся и лиц, сочувствующих делу просвещения, и затем устроить школьную церковь, хотя бы и во временном помещении. Владыка-эксарх выразил свое согласие на это представление и утвердил попечительство, возложив руководство в деле его организации на заведывающего школами. Это было 24-го мая. Немедленно было назначено первое собрание, и в членах не оказалось недостатка, тем более, что взнос был назначен самый незначительный, начиная с 5 копеек в месяц. Заказаны были иконостас, иконы, приняты меры к тому, чтобы две комнаты в верхнем этаже арендуемого дома приспособить для устройства домового храма. Так как вследствие этого в нанятом помещении оказалось слишком мало комнат для классов, пришлось арендовать и нижний этаж здания, заплатив за все 1 200 руб. в год. Теперь образовалось очень хорошее помещение для четырех классов и довольно вместительная церковь, отдельный небольшой двор, два открытых балкона для детей на случай ненастной погоды. В начале июня месяца, по распоряжению грузинского епархиального училищного совета, были произведены экзамены в школах, в присутствии некоторых из членов совета. Главнотруководящий И. В. Мицкевич и генерал-лейтенант Т. М. Беляев обратили внимание на школы, живо интересовались ходом дела и принимали самое деятельное участие в испытаниях детей. Действительно, отрадно было видеть триста детей, недавно еще заброшенных, а теперь получивших приют в школах; еще отраднее было видеть быстрые успехи школьников, которые смело читали, говорили наизусть большие стихотворения, производили счет и письмо, обнаруживали хорошие познания по Закону Божию. Благодаря ходатайству о. ректора семинарии и И. В. Мицкевича, на школы обратил внимание и совет Общества восстановления православного христианства на Кавказе и отпустил достаточную сумму денег для платы учащим за летние занятия с детьми. Материальную помощь этому делу оказал и училищный совет. Такое исключение из общего правила – занятия в каникулярное время – допущено было в виду того, что школы открыты были слишком недавно, в марте месяце, и дети не устали от занятий. К тому же все учащиеся живут вблизи школ, и на первых порах они оказались очень исправными в посещении уроков. Нам приходилось не раз наблюдать эту сторону школьного дела в тех местностях, где дети-школьники принадлежат к семьям рабочих; пропуски уроков по семейным обстоятельствам в таких

случаях представляются делом самым обычным и составляют большое место школы. Здесь пока не замечалось этого явления, и летние занятия вполне подтвердили это наблюдение. Для уроков, в виду летнего зноя, назначены были ранние утренние часы, некоторые уроки (например, пение, рукоделие) перенесены были на вечер. Детям и их родителям было объявлено, что на лето оставаться могут только желающие и притом те, кому не нужно на это время выезжать из города. Желающих оказалось более 200 учеников, которые посещали уроки очень исправно. Занимались они в 3-х школах до 1-го августа и затем были отпущены на каникулярный отдых. Таким образом, к началу текущего учебного года школы имели уже вторые отделения более подготовленных детей, с 25-го августа объявлено было о приеме вновь поступающих детей, и с 1-го сентября открыты правильные занятия. В настоящее время школы представляются в следующем виде. Учащихся – около 500; обучение бесплатное; число школ пришлось увеличить до восьми; за недостатком помещения, занятия ведутся до обеда (4 школы) и после обеда (4 школы); в каждой школе имеется учитель или учительница; особые лица преподают пение и рукоделие. Помещения школьные отремонтированы заново и представляются достаточно просторными чистыми и светлыми; помещение для домово́й церкви приготовлено заказаны иконостас и иконы. Грузинский епархиальный училищный совет постановил ходатайствовать об открытии при церкви особого причта с жалованьем от Св. Синода. В виду скопления детей, нередко живущих в условиях далеко не гигиеничных, приняты меры к тому, чтобы школы обеспечены были надлежащим медицинским надзором. Мера эта вызвана и тем обстоятельством, что среди детей обнаружены трахома и другие заболевания. Предполагается в будущем ввести горячие завтраки, если найдутся для этого нужные средства. По воскресным дням уже открыты при будущей церкви богослужения и народные беседы, поет хор любителей и детей; предполагается с освящением церкви организовать здесь, при помощи церковно-школьного попечительства, Общество трезвости на религиозно-нравственных началах и народную читальню имени Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III. С ноября месяца открываются здесь же воскресные школы для взрослых. Из всего вышеизложенного не трудно видеть, как много предстоит дела, как много нужно средств и как много нужд, требующих скорейшего удовлетворения. Прежде всего, нужно обеспечить школы собственным и достаточным помещением. Училищный совет решил ходатайствовать пред высшей властью об отпуске

надлежащей суммы на покупку ныне арендуемого помещения. Но если это ходатайство и увенчается успехом, необходимы и дальнейшие траты: нужно выстроить для церкви особое здание, – а церковь крайне нужна в этой местности; существующее же ныне церковное помещение обратить в классы. Но и тогда при церкви нужно иметь помещение для 2–4 школ, потому что здание, ныне арендуемое, может поместить не более 6-ти школ, а их с будущего года, вероятно, придется иметь не менее десяти: и теперь уже в восьми школах дети помещаются с трудом. Плата преподающим, наем помещения, приобретение учебных пособий, классной мебели, отопление зданий, содержание прислуги – все это вызвало расходы в несколько тысяч; для поддержания уже начатого дела требуется не менее 4–5 тысяч в год. Все это пока доставалось с трудом; но как бы, ни были тяжелы эти траты, желательно удержать в этой местности непременно бесплатное обучение. Церковный доход и церковно-школьное попечительство – вот на что надеются руководители школьного дела, и настоящая заметка имеет, между прочим, в виду, обратиться к добрым людям с просьбой, принять участие в школьном попечительстве и в заботах о школьниках. Стоит поработать в этой местности среди исключительно русского населения, заброшенного на окраину и поставленного в тяжелые условия существования. Ежедневный тяжелый труд, захватывающий почти все свободное время, вечные заботы о куске хлеба, тесные квартиры, нередко холодные и сырые, – вот условия большинства жителей в этой местности. Их нужно сплотить, объединить, открыть для них интересы и запросы высшего порядка, пойти к ним навстречу, помочь им и дать осмысленное существование. Что лучше церкви и школы послужит для этой цели? Русские люди привыкли действовать обществом приходским или сельским: здесь нет ни той, ни другой организации, и, естественно, они сами доселе ничего не могли сделать, и молчали о своих нуждах. Открыли им школы – и вдруг 500 детей! Куда они прежде девались? Что было с ними? Куда бы они делись, и что было бы с ними, если бы не открылись эти школы? И миссионерская сторона дела заслуживает внимания. Детей сектантов в школе около 20%. Пусть они сближаются с православной Церковью, пусть видят любовь к ним и заботливость о них. Не может быть, чтобы потом на любовь они не ответили любовью. В школах не принуждают их к исполнению уставов православной Церкви: за это ручается уже то обстоятельство, что родители охотно отпускают сюда детей и не жалуется на насильственное обращение их в православие. Но дети все вместе изучают священную историю, молитвы, слушают беседы и поучения, объяснение праздников и

обрядов православной Церкви. Пусть они не перейдут в православие, но, несомненно, под влиянием того, что они в школе видят и слышат, у них в будущем уже не будет тех нелепых представлений о православной Церкви, которые мы нередко видим у сектантов и которые намеренно поддерживаются и распространяются в темной массе этих несчастных, отпадших от родной Церкви, их наставниками и руководителями. Истина же, прежде всего, имеет защиту и оправдание в себе самой: ее достаточно только показать... показать открыто и беспристрастно – и это уже миссионерство. И, вообще говоря, без отношения к сектантству, для простолюдина русского, всякие заботы о нем должны, так или иначе, стоять в связи с Церковью; без этой связи и добро, для него оказываемое, ему и чуждо, и недействительно. Особенно же все это нужно сказать о простолудине русском, живущем на окраине: он лишен здесь той атмосферы, при которой там, на далекой северной родине, он и в пороке, и в беде имеет минуты просветления и знает, где его найти, а именно – в родной Церкви, в вековом религиозном укладе жизни, в котором проходили и объединились ушедшие поколения с живущими, в котором, следовательно, непростающая жизнь и непростающее объяснение и поучение. Нужно дать и здесь нашему простолудину эту атмосферу, создать обстановку, при которой ему облегчилась бы тяжкая борьба за нравственное существование. Послужить этому делу стоит, и в этом служении – смысл и оправдание и задача открытых здесь, среди русского простонародья, церковных школ.

1901 г.

Торжество в Бодбийском женском св. Нины монастыре²⁰

Канун дня памяти святой просветительницы Грузии на месте ее блаженного упокоения, где телом почивает она в благоухании святыни, сегодня ознаменован светлым торжеством освящения новосозданного храма. Св. Нина умерла и погребена в селе Бодби, близ города Сигнаха, где теперь Бодбийский женский монастырь. Знаменательны судьбы и современное положение этого монастыря. Со дня смерти св. Нины место ее погребения было чтимым в православном грузинском народе. Но с V века до XI здесь была только усыпальница св. Нины, на том месте, где святая имела свой шатер. Царь Георгий в XI веке построил здесь довольно обширный храм во имя св. Георгия Победоносца, весьма чтимого в Грузии, и, как думают, родственника св. Нины; при этом усыпальница была обращена в придел. Некоторое время затем, здесь (до XII в.) существовал женский монастырь, который был упразднен после перенесения сюда кафедры бодбийских митрополитов. Много раз Бодби подвергалось потом нашествию врагов, но все-таки храм и усыпальница и выстроенные здания для нужд митрополии сохранялись и поддерживались. Последний митрополит Бодбийский умер в 1837 году, и кафедра была закрыта. Но домовый архиерейский монастырь, хотя и неофициально, продолжал свое существование; здесь жили архимандрит, два священника, несколько послушников. Постепенно храм обращался в приходской; порядка в управлении его не было, и заботиться о поддержании храма, называвшегося уже собором, было некому. При таких условиях, здания монастырские пришли в ветхость и рушились, церковь дала течь, которая значительно испортила древнюю своеобразную живопись; ограды вокруг не было никакой; в самом соборе и утварь, и ризница, и прочие принадлежности богослужения – все было чрезвычайно бедно и убого. Нужны были большие средства, чтобы привести все это в должный порядок, но средств не было и не предвиделось никаких. По-видимому, древний храм – место упокоения св. Нины – обречен был разрушению, подобно многим храмам Грузии, но явились люди энергичные, явились и средства, и святыня Грузии не только спасена была от окончательного падения, но в какие-нибудь 12 лет приведена в такое цветущее состояние, какого она не запомнит. Все это было сделано руками слабых женщин, как бы воодушевившихся примером и духом равноапостольной просветительницы нашего края. В 1888 году Святейший Синод определил

в Бодби быть женскому монастырю. Через полгода после этого была возведена в сан игуменьи нового монастыря монахиня Ювеналия из московского Страстного монастыря; возведение совершил приснопамятный митрополит Иоанникий. Мать Ювеналия, с восемью сестрами из того же Страстного монастыря, мужественно отправилась в неведомую страну, где и язык, и нравы, и вся окружающая обстановка, – все было чуждо и непонятно новым пришельцам. Сестры прибыли на Кавказ в мае 1889 года и тогда же последовало открытие монастыря. Можно себе представить, каково было на душе у монахинь при виде всего этого запустения: перед ними, после благоустроенного и богатого монастыря столицы, предстали жалкие развалины – остатки былого величия. На кого и на что было опереться? Откуда взять средства, чтобы все это воссоздать? В открытом поле, неогороженном монастыре, в чужой стране, о которой в России ходят страшные слухи, как о стране постоянных разбоев и нападений, беззащитные сестры, действительно, могли пасть духом. Но не такова была матушка Ювеналия и ее сподвижницы. Начавшаяся здесь новая жизнь, – жизнь разума, молитв, неустанного труда, воздержания и милосердия, – постепенно привлекала к монастырю сочувствие жителей, и жителей внутренней России, которая всегда была чутка к нуждам обитателей. И вот в течение 12 лет восстанавливается храм над гробом св. Нины, дополняется всем нужным для богослужения и теперь представляет в этом отношении полное довольство и обеспеченность; затем создается ограда вокруг монастыря, производится полный ремонт всех зданий.

Одно за другим растут и новые здания – причтовый дом, помещения для сестер, странноприимница, больница, прачечная, водопровод и проч. Все это стоило десятки тысяч рублей. Но не здесь главная заслуга матери Ювеналии. Самое существенное и главное, на что она обратила внимание с первых же дней существования новой обители, это – просвещение народа: сестры обители пожелали действительно, идти по стопам своей равноапостольной покровительницы, просветившей край наш светом христианского учения. Через несколько месяцев после своего прибытия, устроившись кое-как на новом месте, в своих кельях, стесняя себя в помещении, и без того скудном, мать Ювеналия открывает сначала небольшую женскую школу. И удивительно видеть, во что выросла эта школа! Теперь у школы свое особое трехэтажное здание, стоящее 17 000 рублей, не считая работ, произведенных самими монахинями-труженицами. Школа преобразована во второклассную, с дополнительным педагогическим курсом; по окончании курса ее воспитанницы получают

права учительниц в начальных школах грамоты. Первый выпуск этих учительниц, которые работают после на ниве народного образования, последовал в 1898 году, и, таким образом, монастырь уже вступил на почву широкого духовного сеяния в нашем крае. Последний отчет школы дает следующие сведения: обучалось 72 девочки, из которых 8 русских, 5 ингилоек, 1 имеретинка, 2 удинки, 3 осетинки, 1 пшавка, 2 армянки (православные), остальные – грузинки. Нередко и местные дворяне отдают сюда детей на воспитание. При школе имеется пансион, в котором более половины учащихся (46 девочек), по бедности их, содержатся на средства монастыря, остальные – с платой 100 рублей в год. Курс учения – шестилетний; преподают здесь два местных священника и две учительницы. «Монастырское училище, – говорит один из посетителей монастыря, – пока единственная женская школа в Сигнахском уезде, производит приятное во всех отношениях впечатление: классные комнаты чисты, светлы, поместительны, занятия идут успешно». «Добрую сторону школы составляет особенно быстрое усвоение русского языка; через год по вступлении в училище дети начинают говорить по-русски». В курс обучения, кроме Закона Божия, входят: история отечественная и церковная, русский язык, краткая теория словесности, арифметика, география, грузинский язык, пение, рукоделие; в педагогическом классе, кроме того, – краткая педагогика и дидактика. Кроме этой школы, недалеко от монастыря, среди сектантов, монастырь открыл особую школу, которая теперь имеет свое особое прекрасное здание и поставлена весьма хорошо, пользуясь полным сочувствием населения. При монастыре давно заведена живописная мастерская, из которой немало церковью уже получили полные иконостасы. В 1897 году на нужды монастыря отпущено было Государем Императором 10 000 рублей, каковые и послужили основным фондом для устройства соборной церкви во имя св. Николая. Церковь эта, прекрасно устроенная, с мраморным иконостасом, теплая и удобная, сегодня освящается высокопреосвященным Флавианом, экзархом Грузии. На очереди теперь устройство монастырского корпуса для помещения сестер, которых теперь уже до 150 в монастыре. Матушка Ювеналия сначала все устроила для Бога и ближних, и только теперь, исполнив первый долг, обратила заботы и на неотложные свои собственные нужды и нужды сестер, которые необыкновенным трудом заслужили, действительно, полное право и на покой, и на благодарную любовь края. Но, независимо от этих трудов, монастырь теперь занят устройением часовни-храма с подворьем в Тифлисе, у Верийского спуска, на участок, пожертвованном г. Коргановым, и устройством приписной к

монастырю Мамкодской женской общины св. Георгия близ Тифлиса.

В двенадцать лет столько дела, и столько успешного дела! Полагаем, что и самые скептические умы и самые скупые на похвалы сердца здесь склонятся перед фактом, воздадут должное неусыпным трудам монастыря и признают за ним во всех отношениях важное и благотворное значение для края. Неудивительно, что монастырь приобрел всеобщую любовь и уважение на Кавказе и стал известен далеко за его пределами. Не редкость теперь видеть очень многих поклонников и из внутренней России у гроба святой девы – апостола Грузии.

Так крепнет и все более и более делается родной и неразрывной духовная связь единоверных народов и церквей у этой святыни Иверии, а крепче и надежнее этой связи нет другой в мире.

Так почило благословение свыше на духовной работе тех скромных тружениц, которые в уединении, в тиши обители много сеяли трудом и слезами.

Так светит и ныне тихий и отрадный свет молитвы и учения от гроба той, что принесла сюда некогда свет высший и вечный. Сеющие слезами, да пожнут радостью! Приветствуя обитель в день ее праздника, от всей души пожелаем ей много радостей, успешного труда и полного расцвета ее сил Духовных.

Памяти просветительницы Грузии ²¹

Сегодня Кавказ празднует молитвенно память святой просветительницы Грузии равноапостольной Нины. Слабая девушка, беззащитная и бессильная, в те далекие времена, чуждая стране и называвшая себя здесь не иначе, как «пленницей», была сильна духом веры и любви и оставила по смерти своей неумирающую благодарность просвещенной страны. Этой стране святая просветительница оставила в завет и наследие одушевление веры и христианского просвещения, – и эти блага сохранили Грузию на протяжении веков среди моря крови и слез, среди страшных превратностей и невзгод политических в целостности и сохранности. Та же сила, завещанного святой Ниной православия, когда в неравной борьбе, под напором бесчисленных врагов, близка была к гибели несчастная страна, привела Грузию к единой северной державе, которой волею Промысла дано великое историческое призвание, великая мировая культурно-христианская задача на Востоке, и в частности – по охранению и поддержанию древних светильников – православных церквей. Как две родные сестры, соединились теперь общностью единого отечества и слились неразрывно воедино эти церкви Божии – российская и грузинская, имея на челе лучшее украшение: печать пережитых страданий и подвигов за чистоту веры, печать многовековых понесенных трудов для просвещения чад своих и чужих... В самом деле, знаменательны судьбы православия: страдание России от нашествия монголов, многовековой подвиг непрерывной борьбы героической Грузии, долгая и тяжкая брань православной Византии против надвигающегося ислама, разорение древних церквей Антиохии, Иерусалима, Александрии, потом гибель Византии, падение православных Болгарии, Сербии, Черногории... Как бы кровавым кольцом охватили православные народности Западную Европу, обеспечив ей своим многовековым мученическим подвигом развитие сил внешних и внутренних.

Но всякое страдание, пережитое в вере и уповании, перенесенное терпеливо и вдумчиво, есть не только незаменимый вклад в душевный капитал отдельного лица или целого народа, но и залог будущего восстания в силу и жизнь, просветленную страданием. И мнится, и видится: наступает это время для православных народностей, наступает оно и для страны, просвещенной святой девой равноапостольной, в союзе и мощной защите великой и святой Руси. Близится день столетия со дня объявления этого полного союза (собственно, 18-го января 1901 года) и

почти совпадет с днем памяти равноапостольной Нины, небесной покровительницы Грузии. И мнится, и верится: радуется дух ее светлым грядущим судьбам ее земного наследия! Пусть же святы и крепки будут для нас ее неумирающие заветы одушевленной веры, христианского разумения жизни и полного единения духовного в работе на пользу некогда просвещенного ею многострадального края!

Столетие присоединения Грузии ²²

Близится для нашего края ряд знаменательных годовщин. Сегодня истекает ровно сто лет со дня издания первого законодательного акта, положившего твердое начало окончательному присоединению Грузии к единой России «на вечные времена». Собственно днем торжественного празднования юбилея избрано 12-е сентября – день издания манифеста Императора Александра I об учреждении грузинского верховного правительства. Но этому важнейшему акту и фактическому вступлению России в управление Грузией предшествовало издание манифеста Императора Павла I 18-го января 1801 года о присоединении Грузии к России после смерти последнего царя грузинского Георгия XII. В свое время обнародование этого манифеста в нашем крае было встречено с величайшей радостью, в которой слились христианские народности Кавказа, грузины и армяне, справедливо видевшие в совершившемся событии зарю обновления своей жизни в истерзанной, истекавшей кровью стране. Напомним вкратце предшествовавшие события, и тогда мы вполне поймем те ликования, которыми встречено было в Тифлисе обнародование Царского благостного слова, оказанного далеко в столице могучей северной державы.

Конец XVIII века для Грузии принес ряд несказанных бедствий и страданий, которые привели несчастную страну к полному бессилию. Героический народ, столько веков отстаивавший веру и народную честь, бывший передовым бойцом христианского мира против векового врага христианства, видимо изнемогал в неравной и непосильной борьбе. Давно уже можно было предвидеть этот исход, и для предотвращения его возлагались надежды на постороннюю помощь. История сказала свое властное слово: пала Византия, залитая собственной кровью, отдавшая Царьград – красу христианского мира – и уже не могшая помочь единой сестре своей в борьбе против того врага, который расхитил ее собственное достояние и убил ее свободу; льстивые и заманчивые обещания западного латинства и здесь оказались тем, чем искони они были на Востоке: они требовали измены вере, а впереди имели в виду духовное рабство для народа, которому не в состоянии были дать и политической свободы; эти обещания грозили двойным и горшим рабством. Было ясно, что Россия, – и только одна Россия, к этому времени сама освободившаяся от врагов, и мощным гением Петра поставленная на твердый путь быстрого внутреннего и внешнего роста, – только одна

Россия, с которой Грузия сходилась в исторической задаче защиты христианства на Востоке, может спасти Грузию и дать ей желанную свободу от врагов. С половины 90-х годов XVIII столетия бедствия собираются над Грузией черными тучами, сквозь которые как будто не видно просвета: Тифлис разорен Ага-Магомед-ханом; свирепый завоеватель грозит новым нашествием из Шуши, где он утвердился; Омар-хан лезгинский, собрав свои полчища, в свою очередь предпринимает поход на Грузию; в стране господствует внутренняя неурядица, появляется, наконец, моровая язва. Престарелый царь Ираклий, – царь воистину великой и святой души, – умирает в Телаве 11 января 1798 года, но в последние годы жизни он ясно указывает своему преемнику единственный путь спасения Грузии – соединение с Россией. Вступление на престол Георгия XII не принесло стране облегчения: персы грозили ей с востока, турки – из Ахалциха; брат царя, Александр, домогаясь престола, сеял смуту в народе, среди князей и правителей. Нужна была скорая помощь, и царь просил о ней Императора Павла I, называя себя его верноподданным. В ответ на просьбу 26-го ноября 1799 года русские войска вступили в Тифлис, восторженно встреченные населением; в сентябре следующего 1800 года прибыли новые войска из России, а через месяц после этого русские войска вместе с грузинами нанесли совершенное поражение Омар-хану аварскому и рассеяли его 20-тысячное скопище грабителей.

Прошло еще немного более месяца, и в самом исходе XVIII столетия, 28 декабря 1800 года, царь Георгий умер, передав в новом веке царство свое великой России.

По этому поводу и издан был манифест Государя, столетняя годовщина которого истекает сегодня. Объявление манифеста в Тифлисе состоялось 16 и 17 февраля 1801 г. Все находившиеся в городе члены царского рода, духовенство, князья, дворяне и народ были приглашены в Сионский собор 16-го февраля. В празднестве приняли непосредственное участие и русские войска, возвратившиеся в Тифлис после геройского своего подвига.

Прочтен был на русском и грузинском языках манифест и объявлено, что Грузия на вечные времена присоединяется к России. Католикос всея Грузии Антоний (из царского рода) после этого отслужил молебствие с коленопреклонением, и затем целый день торжественный колокольный звон возвещал народу о радостном событии. На другой день с необыкновенным торжеством праздновалось объявление манифеста в армянских церквах. В Тифлисе случайно был в это время проездом в

Эчмиадзин патриарх всех армян князь Иосиф Аргутинский-Долгорукий, который и принял самое горячее участие в празднествах. Манифест и портрет Императора армянское духовенство несло торжественным крестным ходом в Ванкский собор из Георгиевской (крепостной) церкви. Вся знать, грузинские царевицы, высшее грузинское духовенство и множество народа, а также русские войска присоединились к крестному ходу. В ограде Ванкского собора крестный ход встретил патриарх Иосиф, окруженный восьмью епископами и многочисленным духовенством. Поклонившись и поцеловав Царский портрет, патриарх возгласил: «Да здравствует великий Августейший Монарх со всею своею Фамилиею!» «Всенебесный Творец да возвысит и укрепит царство великого Павла, яко солнце и луну, вечным потомственным временам!» Кругом восторженно отвечали: «аминь, аминь!» Процессия вошла в собор, началась церковная служба; патриарх говорил воодушевленную речь и увещевал народ хранить навсегда верность русскому Престолу. Потом был прочитан манифест на русском, грузинском и армянском языках. По окончании молебствия и по выходе из храма патриарх угощал знатнейших лиц обедом, а народ продолжал празднество на улицах Тифлиса, при колокольном целодневном звоне и блистательной вечерней иллюминации города.

Так праздновало христианское население Тифлиса сто лет назад знаменательный день объявления Царского манифеста.

Отмечаем сегодня эту годовщину, как первое приветствие и много говорящее напоминание ко дню приближающегося торжественного празднования юбилея, которое должно быть принято близко к сердцу всем населением Закавказья.

К юбилею присоединения Грузии к России

Путешественнику по дальнему северу русской земли при обозрении древних святынь народа нельзя не обратить внимания на то, что в далекой Архангельской губернии, в одном из монастырей, основанных в самом начале XVII в., главной святыней обители и всего прилегающего к ней края считается святая чудотворная Грузинская икона Божией Матери. Не одно столетие пребывает эта святыня в монастыре, завезенная сюда, по преданию, одним из благочестивых паломников глубокой древности, посетившим в числе святых мест Востока и древне-православную Грузию». О чем говорит это явление? Оно говорит о том, что взаимное тяготение России к Грузии, восходящее к самым отдаленным временам их истории, не искусственно придумано, не искусственно поддерживалось ради временных политических целей. Оно покоится на прочных основаниях религиозного сродства и, как таковое, может быть названо воистину народным. России на древнем севере нечего было искать от Грузии в смысле политическом, и благочестивый паломник Архангельской губернии, посетивший Грузию 300–400 лет назад, менее всего, конечно, думал, что появление его здесь, в пределах Иверии, имело хоть какое-либо политическое значение: он исполнял то, что лежало в сердце народа, тяготевшего к православию, он выполнял закон исторических судеб в сближении и слиянии всяких народов. А закон этот гласит ясно, что родство по вере выше родства по крови. В силу этого закона русские и поляки, славянские и родственные племена никогда не были и, пока будут разноверными, никогда не будут так близки между собой, как единоверные русские и грузины. Временные политические виды могут говорить о союзе народов, об их взаимных политических интересах; но союз этот создастся государственными людьми и политическими деятелями, народ не будет знать его и не введет его в свое мировоззрение: союз русских и грузин, напротив, написан на скрижалях сердца народного и поэтому является воистину сердечным и родственным. Давно Грузия обращала взоры к единоверной северной сестре своей, и давно российские вдумчивые князья и цари помышляли о том, чтобы придти на помощь изнемогающей в геройской и непосильной борьбе Грузии, а в то же время о том молились русские иноки в безмолвии обителей, о том молился народ перед святынями, принесенными из Грузии и постоянно напоминавшими о том, что там, далеко к югу, за высокими горами, отрезанный от северных единоверцев, лишенный помощи

задавленной Византии, один одинок, окруженный бесчисленными полчищами озлобленных врагов Креста, истекает кровью, отстаивая христианскую веру, родной, близкий народ... Не мог не понимать, не мог хотя бы чутьем, полусознательно не видеть русский народ, что если судил Господь православию мировую задачу в истории, если не забыты православные народности в очах Его, то рано или поздно должны они выйти на свет Божий и сказать миру свое слово... Великое дело часто, если не всегда, вырастает на великих страданиях... Уже принесли миру бесчисленные кровавые жертвы этих страданий православные народы: стонала Россия под нашествием монголов, залита кровью сынов своих Грузия, пала под ударами турок и Трапезундская империя, и Византия, утопали в крови Болгария, Румыния, Сербия, Черногория, восточные церкви, близкие к православию, – копты, несториане, абиссинцы поработаны были исламом. Тяжелый крест выпал на долю православия; кровавыми кольцами, в мученическом подвиге, православные народы окружили Западную Европу, задержали разлив ислама, спасли от гибели христиански-цивилизованную Европу. И могли они словами древних евреев, обращенными к пророку, взывать теперь к истории: «Сторож! Сторож! Сколько ночи?... День загорался и приближался. Первой стряхнула с себя иго чужеземное, Россия – и только что оправилась, как Казань и Астрахань, северный Кавказ, Сибирь и Крым сразу почувствовали, что Крест уже сияет над полумесяцем, что мировая задача России осуществляется. Но долго еще воля Божия не приводила Россию и Грузию к совместной работе, долго они еще и страдали, и трудились в одиночку, долго еще Россия то борьбой с остатками монгольских орд, то тяжким смутным временем, то непониманием ее задач и истории со стороны чуждых для нее государственных деятелей XVIII века, пришедших с Запада или там воспитавшихся, была удерживаема от окончательного соединения с Грузией.

Была, видно, на то воля Божия...

И вот, 100 лет тому назад, пробил предреченный сердцами народов желанный час истории, свершилась мироправящая воля Господня, и русские и грузины соединились неразрывными узами братства. Да будет вечная память деятелям и виновником этого соединения, да будет вечная память всему, что способствовало великому делу! Конечно, люди – везде люди, а где люди, там и страсти, и ошибки. Но в день святого единения народов и в дни грядущей совместной жизни, не ошибки и заблуждения надо помнить, – надо помнить одно, что если погрешал во взаимных отношениях народов русский, то погрешал он не в согласии с видами

России, а в противность им, и если погрешал грузин, то опять-таки и он действовал вопреки голосу сердца народного, а не по его велениям... Кто вспоминает об этих согрешениях, тот творит нехристианское дело. Тот плохую услугу оказывает и России, и Грузии.

Время, благоразумие и взаимное любовное доверие искупят ошибки единичных личностей и откроют обоим народам путь к силе и благоденствию. Целые 60 лет после присоединения Грузии потребовалось, чтобы защитить ее от врагов ее и врагов России, чтоб отбросить ислам от наших пределов, а внутри страны подчинить прежде страшных слугителей ислама христианской государственной власти. Теперь эта борьба окончилась, период отстаивания нашей внешней безопасности уступил место периоду внутренней работы в нашем крае. От внешних врагов спаслись мы полным единением и от внутренних неурядиц, завещанных недавно историей, мы спасемся тем же глубоким взаимным единением: Как две родные сестры, соединились теперь Церкви Божии российская и грузинская, имея на челе своем лучшую печать, – печать пережитых страданий за веру, за просвещение чад своих. Неисповедимы судьбы Божии! Но если судит Господь исполнить молитву Венценосца России, в день Нового года и столетия молившегося о том, чтобы ниспослал Господь в грядущие века России милости и благоденствие, то в благоденствии этом сеявшие некогда слезами пожнут вместе радостью – и Россия и нераздельная с ней Грузия. Еже буди, буди!

Общество ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III²³

Мы собрались средь шума и волненья.
Воскресших смут, вражды и томных дел,
Чтоб с высоты небесного селенья
Почивший Царь нас верными узрел.
(Из стихотв. гр. А. Голенищего-Кутузова).

Возникновение «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III» относится к 1895 году, ко времени, непосредственно примыкающему ко дню смерти почившего Царя-Миротворца. Задача Общества – «умножение и распространение знаний по отечественной истории в духе русских начал, проявленных в славное царствование в Бозе почившего Государя» (§ 1 уст. Общ.), ясно показывает, что связь этого Общества с именем покойного Государя была не внешняя, не по времени только, но глубокая, внутренняя, как посильное продолжение дела, завещанного минувшим царствованием; что Император Александр III гигантскими шагами подвинул вперед русское самосознание. Это был Царь в полном смысле народный. Сам Государь стал близко к народному духу не только по благодатному складу своей души, но и по основам своего образования, в котором видное место занимала русская история; в ней покойный Государь был тонким и глубоким знатоком, и ею он интересовался до конца дней, несмотря на бремя царственных трудов.

Основания и способы деятельности вновь возникшего Общества были изложены в особой прекрасной и обстоятельной записке, выдержки из которой мы и приводим здесь. Самый устав Общества, его дальнейшая деятельность и современное состояние, – все это заложено здесь, как зерно.

По словам записки, великое значение царствованья Императора Александра III в исторических судьбах русского народа, более почувствованное сердцем современников, нежели понятое их разумом, может в полном своем объеме раскрыться лишь постепенно, при помощи глубокого, всестороннего изучения созидательной и устроительной работы этого царствования, в связи с ясным пониманием всей предшествующей русской истории. Подобно Иоанну III и Петру Великому – Александр III открывает своим царствованием новый исторический период в жизни русского народа, – период расцвета народного самосознания. Претворив в

себе все те начала западного просвещения, которые были ему нужны для создания государства, русский народ вступает отныне на поприще всемирной истории, в семью других народов, как равноправный ее сочлен, во всеоружии им самим сознанных и всем миром признанных прав самостоятельной и самобытной народной личности. Но подобно тому, как Иоанн III только положил основы русского единодержавия, подобно тому, как Петр Великий только дал первый могучий толчок к сближению России с чуждым ей дотоле европейским просвещением – Александр III только создал и показал, чем может и должна быть сильная внутренним единством и озаренная светом просвещения самодержавная и православная Россия, если она останется верна коренным основам своего духа, если она не даст себя увлечь в сторону от своего исторического пути, если она не сотворит себе кумира в идеалах чужой образованности, не поклонится и не послужит им. Цель ясна, и путь к достижению ее открыт, но путь этот еще не пройден. Борьба с враждебными силами внутренними и внешними еще предстоит долгая и упорная. Чтоб устоять в этой борьбе, нужно, чтобы все, сознавшие великое значение царствования Александра III, сплотились в тесный союз не только для всестороннего познания и изучения его дум и дел, но и для посильной работы в области умственного и нравственного развития русского народа. Для развития и завершения дела Иоанна III и Петра Великого требовалась от их преемников и потомков деятельность, если не исключительно, то преимущественно государственная, опирающаяся на власть и материальную силу. Для окончательного торжества дела Александра III требуется деятельность, почти всецело заключенная в области умственной и нравственной, ускользающей от прямого воздействия государственной власти и силы; предстоит мирное завоевание умов и сердец силой просвещения, предстоит борьба с враждебными элементами оружием истинного знания, трезвой мысли и твердого слова. Это трудное, но неотложное дело, эту святую службу могут и должны сослужить только общественные силы, добровольно, сознательно и дружно сплотившиеся под хоругвью русского народного самосознания. Громадное, подавляющее большинство русского народа в этом отношении твердо и прочно. Но было бы величайшим и опаснейшим заблуждением полагать, что и в среде руководящих классов, среди образованного общества и так называемой интеллигенции господствуют в этом отношении такое же единодушие и единомыслие, как и в народных массах. Известно, что, под влиянием ложно понятого и ложно направленного европейского просвещения русская интеллигенция в период, предшествующий царствованию Александра III, пришла к таким

увлечениям, которые, несомненно, сделали ее косвенной виновницей злодеяния 1-го марта. Известно, с каким великим трудом, только опираясь на глубокую веру свою и своего народа, совершил почивший Царь великий подвиг отрезвления и умиротворения России, единственно проникнутый сознанием возложенного на него волей Провидения исторического долга. Борьба не кончилась и теперь, а только перешла в новый фазис... Для окончательного торжества государственной идеи Императора Александра III нужно, чтобы русский народ сознал величие усопшего Царя не только сердцем, но и разумом; нужно, чтоб его вера, его надежды, его взгляды проникли во все слои русского общества и преимущественно в молодое поколение, на которое Россия возлагает свои лучшие надежды. Замечаемое в некоторой части русской молодежи стремление к антирусским идеалам и происходящее от них в среде ее умственное брожение могут быть побеждены не властью и материальной силой, а истинным знанием, всесторонним изучением русской истории, русского права, русского народного быта, освещенных светом основных принципов царствования Александра III. Но усилия отдельных личностей в деле столь великой важности и трудности едва ли были бы достаточны для достижения желаемого результата. Только союз единомысленных русских людей, собранных во имя Александра III, мог бы задаться такой мирной просветительной деятельностью. На этих основаниях и создано Общество. Учредители его, во главе с графом Серг. Дим. Шереметевым, представили записку на благовоззрение Государя Императора, и Его Величеству благоугодно было на записке Собственноручно начертать: «Дай Бог успеха этому святому делу, которому Я буду сочувствовать всей Своей душой». Устав Общества в установленном порядке утвержден 14-го октября 1895 года. По уставу, Общество имеет главное средоточие деятельности в Петрограде и разделяется на три отделения: историческое, издательское и исполнительное. Оно подготавливает уже учебник по русской истории для наших школ; издает особый сборник «Старина и Новизна», в котором помещаются исторические документы и материалы; издает исторические и другие сочинения и сборники по русской истории и соприкасающимся с ней отделам по истории всеобщей, а также по церковным, правовым и бытовым вопросам; учреждает книгохранилища и читальни, а также снабжает существующие книгохранилища и читальни, учебные заведения и народные школы как своими, так и другими изданиями, признанными Обществом отвечающими его цели; кроме того, Общество устраивает народные чтения и, между прочим, ежегодно торжественное собрание 26-го февраля, в день рождения почившего

Императора Александра III. Общество имеет и свои отделы по городам; открыт такой отдел и в Тифлисе с 25-го мая 1900 г. под председательством владыки-эксарха Грузии. В особом издании «Известий общества» рассылаемом бесплатно всем членам, помещаются отчеты о деятельности и центрального управления и отделов Общества. В настоящее время совет Общества приступает к обработке материалов для жизнеописания Царя-Миротворца; в особом издании даст обзор всех узаконений и распоряжений правительства, состоявшихся в минувшее царствование.

Теперь совет объявил на премию ряд тем (числом 7) для историко-литературных работ в духе принципов, которым служит Общество. Кроме того, Общество приступает к изданию особого журнала, который будет иметь целью, следить за выходящими книгами и статьями по русской истории.

В настоящее время Обществом изданы два выпуска своих «Известий», три выпуска «Старины и Новизны», в 41 местности открыты библиотеки, отослано еще 58 комплектов библиотек, изданы сочинения «Братья Киреевские» Лясковского, сборник С. А. Рачинского, «Беседы о древнерусской литературе» И. Хрущева, 3-й выпуск изданий Общества, посвященных памяти Императора Александра III, напечатано сочинение Крауфорда «Константинополь», переведенное с английского Е. Шереметевой, под редакцией профессора Помяловского. Члены Общества избираются в Петрограде центральным советом, по представлению местных отделов; к избранию относятся с особым вниманием, причем в члены принимаются и избираются лица, действительно тяготеющие духовно к задачам и интересам Общества и готовые служить его направлению в меру сил.

Из отзывов печати о лжеучении графа Л. Толстого²⁴

Лжеучение графа Толстого с достаточной обстоятельностью разобрано и опровергнуто в нашей богословской литературе. Может быть, этим обстоятельством объясняется тот наблюдаемый факт, что последнее послание Св. Синода по поводу лжеучения графа вызвало сравнительно мало толков и статей в печати. Помещаем здесь три отзыва, исходящие из различных сторон.

«Миссионерский Сборник», издаваемый в Рязани Братством св. Василия, епископа Рязанского, в последней книжке, печатая определение Св. Синода от 20–22 февраля с посланием верным чадам православной Церкви о гр. Л. Толстом, между прочим, указывает, что:

«Имя графа Л. Н. Толстого стало в последнее время известно всей России не столько как имя знаменитого художника-писателя, обогатившего родную литературу известными произведениями своего талантливого пера, сколько как имя жестокого хулителя св. православной Церкви, ее святейших таинств и Богоучрежденной иерархии, как создателя новой веры, в которую он успел привлечь не мало неопытных людей обаянием своего знаменитого имени и ложными обещаниями недостижимых в действительности утопий.

Увлеченные так называемым толстовизмом и не подозревают даже, в какую пропасть ведет их новый лжеучитель, аристократ-проповедник, не поступающий сам в пользу своего учения ни одной из нажитых барских привычек: проповедник опрощения и физического труда, Толстой сам проживает в своем московском доме, окруженный всем комфортом, доступным богатым людям; горячий поборник общности имуществ, он в разных губерниях владеет обширными имениями, с которых сам и его семья получают немалые доходы исключительно для своего пользования; отрицатель брака, как явления будто бы противного и Божеским, и естественным законам человеческой природы, новый лжеучитель сам живет в браке, женит своих сыновей и отдает дочерей в замужество; проповедник всеобщего равенства и неподчинения властям, граф Толстой не отказывается от своего графского титула, вращается исключительно в аристократическом обществе, роднится только с членами этого кружка, платит дворянские и другие повинности. Одним словом, новый лжеучитель – в действительности «прелюбодей мысли», у которого не хватает достаточно энергии провести проповедуемое им лжеучение в жизнь, так как он прекрасно понимает неосуществимость его теорий и их

практическую несостоятельность. У него не хватает даже мужества открыто признать свою солидарность со страдающими его последователями, пытавшимися провести в жизнь его ложную теорию, чтобы вместе с ними понести заслуженную законную кару за попытки разрушить административный и общественный строй нашего отечества, и в то же время, как его доверчивые ученики изнемогают в жизненной борьбе, выбитые из нормальной колеи, граф, пропагандист разрушительных начал, спокойно проживает под охраной отрицаемой им власти. Только очень немногим из несчастных последователей этого непоследовательного лжеучителя после целого ряда разочарований и житейских невзгод удастся отрезвиться от болезненного увлечения ложным и губительным учением графа Толстого. В последнее время все чаще и чаще стали появляться в повременной печати открытые письма, исповеди и т. п. бывших толстовцев, но они, к сожалению, очень мало известны читающей публике. А, между тем, как пережившие сами всю свою муку сомнений и удаления от спасительного влияния святой православной Церкви, эти раскаявшиеся лучше всяких обличителей толстовщины могут предохранить колеблющихся от увлечения лжеучением Толстого. В виду этого Св. Синод, в своем попечении о чадах православной Церкви, об охранении их от губительного соблазна и о спасении заблуждающихся, имев суждение о графе Л. Толстом и его противохристианском и противоцерковном лжеучении, признал благовременным, в предупреждение нарушения мира, обнародовать свое послание».

Приводя послание Святейшего Синода, «Миссионерский Сборник» говорит: «Можно надеяться, что это послание отрезвит тех из последователей толстовщины, которые еще не совсем утратили доверие к церковной иерархии, и предохранит от заблуждения тех, которым, по житейским обстоятельствам, могла угрожать возможность соращения с истинного пути».

Это – голос, исходящий из церковной сферы. Приводим здесь же мнение русского светского человека.

Недавно в Петрограде начали издаваться «Письма идеалиста» и автор их, г. Ярмонкин, посвятил 10-е письмо гр. Толстому; написано оно в виде открытого письма. В начале автор, в подробном изложении, указывает на всю несообразность лжеучения гр. Толстого и в заключение касается того лицемерия, каким проникнута вся его житейская деятельность. Эту часть своего письма г. Ярмонкин начинает так:

«И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши,

нежели богатому войти в Царство Божие».

«Выставив в своем евангелии эти слова Спасителя, что же вы сделали, Лев Николаевич? Вы, по собственному вашему признанию, располагая капиталом в 600 000 руб., перевели его на имя своего семейства. Но разве вы этим разрешили вопрос? Ведь вопросы материальных средств, отношений богатых к бедным, заключаются не в юридической постановке, а в существе их. Ведь вопрос заключается не в той или иной юридической мистификации, а в том – как мне жить на белом свете, если я – человек богатый? Этот вопрос заставляет душевно страдать всех честных, искренних и сердечных людей. Ведь проснувшееся сердце, при сытой и комфортабельной обстановке, действительно, ноет и болит, когда ему одновременно рисуется картина нужды, голода, а, может быть, и смерти от истощения. Поверьте, что ведь есть на свете такие сердца – любящие и страдающие. Что же вы им даете, какой ответ несете вы им? Вы переводите все свое богатство на другое имя и таким простым способом якобы разрешаете вопрос. Что для Александра Македонского логично, то недостаточно для вас. Ну, что, если мы все последуем вашему примеру, т. е. передадим все свое имущество нашим семьям и родным, а сами останемся жить при этих семьях? Ведь этакое разрешение наболевших вопросов будет кукольной комедией даже с точки зрения религии разума и ни на одну йоту не подвинет самый вопрос нашего отношения к внешнему, материальному, миру. Это будет простым укрывательством своего имущества от кажущихся нам нравственных кредиторов, как другие люди укрывают свое имущество от действительных кредиторов.

Не есть ли все это акт простого и притом наивного лицемерия? Вы поступили так же и со своими сочинениями, переведя их на имя семьи, так что фирма, кажется братьев Силаевых, заключала договор на покупку ваших произведений с другим лицом. Что это значит, к чему этот перевод? Это даже неостроумно. Путем фикции ведь вы не докажете, что «собственность есть кража», как где-то высказал Прудон. Не докажете, по крайней мере, того, что вы искренно исповедуете этот социалистический принцип. Кстати вам сообщу, что проездом через Москву я покупал некоторые ваши брошюры с нарисованными, для завлечения покупателя, голыми женщинами на обложке. Кроме того, московские мошенники-торгаши начали выпускать ваши послания под новыми заглавиями, вроде «Потребности любви» и т. под., и заставляя кричать на улицах мальчиков: «новое сочинение графа Толстого», тем самым вводят в заблуждение покупателей и выманивают у них деньги. Да и для мальчиков-продавцов это служит хорошей школой нравственности, как результат вашей

«религии разума»! Вот единственное реальное выражение вашего внешнего отношения к собственности. Зачем вы все это делаете? Неужели вы думаете, что в наш век религии разума найдутся такие простачки, которые поверят, что такого рода действиями вы воплощаете в себе принцип отказа от собственности? Я лично – за принцип собственности и понимаю евангельское изречение не в этой казуистической форме, а в другой, но я становлюсь на вашу точку зрения и спрашиваю вас, разве вы подобного рода способами доказали, что вы воплощаете этот принцип в себе.

Не сеть ли это опять простой акт лицемерия?

После перевода всех своих сочинений на другое имя вы объявили, что все последующие ваши сочинения вы отдаете всем, но и в этом случае вы поступили недостаточно последовательно, и первое же выпущенное вами на этом новом основании сочинение, а именно роман «Воскресение», вы продали г. Марксу и, кажется, еще одному американцу, и когда против этого завопили все печатные органы, то г. Маркс пригрозил им судом. Положим, что вы выставили другое основание, хотя и не особенно нравственное, что цель оправдывает средства, и пожертвовали (говорят) эти деньги на помощь духоборам, тем несчастным, которые ведут свое сектантство уже более 150 лет, от которых вы заимствовали всю свою «религию разума» и которые теперь, благодаря вашим славлюбивым опытам на живом теле, мрут, как мухи, от болезней, голода и всевозможной нужды. Так, по крайней мере, об этом пишут гг. Скворцов и Тверской (сотрудники «Миссионерского Обозрения» и «Вестника Европы»). Но разве, беря вам не принадлежащие (нравственно) деньги и употребляя их для прославления своего имени, вы этим сколько-нибудь, доказываете, что исповедуете социалистический принцип Прудона и воплощаете его в собственной своей личности?

Конечно, нет. Вы так далеко ушли в лицемерии, что уже не видите того, что в ваших действиях и в вашей пропаганде нет даже и тени логики.

Подбежит к вам прелестный ребенок – внук или внучка – и скажет: «купи мне куклу или лошадку, милый дедушка», а вы ответите: «милый, у меня денег нет, а вот поди в правую дверь, там тебе дадут». Подойдет сын и скажет: «папа, мне нужно внести в университет, заплатить за право слушания лекций, дай, пожалуйста», а вы скажете: «да ведь ты знаешь, у меня денег нет, а вот пройди в правую дверь»... Подойдет дочь, попросит денег на шляпу, и опять тот же ответ. Не будет ли ясно для всех, что ведь это – лицемерие, одно голое лицемерие?... Придет бедный, но во всех отношениях достойный человек и попросит помочь его нужде, – нужде

болящей, скорбящей и страдающей, а вы ему ответите: «Ведь я сам бедный, у меня ничего нет, вы это должны знать»... «Как, – воскликнет бедный, – но если я, томимый жаждой, измученный дорогой, прошу вас дать мне, хотя стакан чаю, неужели вы откажете»... «Да, – ответите вы, – я вам скажу принести свой чай и свой сахар, а я, может быть, схожу за водой и поставлю тебе самовар»... Подпоручик Венц рассказывал, как не очень давно он был призван с солдатами усмирять крестьян в вашем имении «Ясная Поляна». Кто прав, кто виноват – не знаю, да до меня это и не касается. Но всякому, имеющему сердце, будет очень тяжело и грустно, что такой факт совершился, а вам же легко, вы ответите: «да ведь имение – не мое!»...

Что же все это такое, Лев Николаевич, разве это – не лицемерие?

С идеей права собственности вы управились великолепно. С экономической стороной своей собственной жизни вы устроились тоже прекрасно: хотите – сегодня наденете зипун и чеботы, завтра – сапоги и пальто... Что хотите, то и сделаете. Относительно неприкосновенности вашей личности – тоже устроились прекрасно.

В заключение я вам скажу следующее:

1) Богом дарованный вам талант, которым вы составили себе имя первоклассного художника-беллетриста, вы употребили на зло людям.

2) Этот талант – не ваша заслуга, а Божий дар, а все, что принадлежит вам, что представляет выражение вашей «свободной воли», есть только один голый и грубый разврат мысли, рассчитанный на невежество и стадность толпы.

3) Ни одного слова из вашего «учения» не принадлежит вам, – оно надергано отовсюду и, главным образом, от духоборов. В вашем «учении» все, что взято из евангелия, – конечно, прекрасно; все, что надергано из других источников, – грубо и невежественно, на самой отвратительной фарисейско-лицемерной подкладке.

4) Ваше влияние на теперешние умы крайне пагубно и враждебно Христу. Все, что носит печать злобы, ненависти, протеста, – все группируется около вашего имени. Все чистое, возвышенное и идеальное, носящее в своей душе Христа, – бежит от вас, как от болезни, как от душевной эпидемии.

И вот вы-то хотели затушить у меня лампаду перед иконой Спасителя! Не боитесь ли вы, что эта лампада осветит чудный пик Спасителя, лик смирения, кротости и любви, и не напомнит ли вам этот лик, что вам – за 70 лет, что скоро вы должны будете дать отчет Богу в вашей религии разума, в вашем безнравственном влиянии на толпу?»...

А вот и слово иностранца.

На днях выйдет из Московской Синодальной типографии брошюра под заглавием: «Правда о графе Л. Н. Толстом» с таким предисловием:

«Ради истины и здравого смысла считаем полезным познакомить русских читателей и писателей со статьей о Толстом, появившейся на днях в майской книжке известного лондонского журнала «Monthly Review» («Месячное Обозрение»). Автор, г. Кальдерон дает этой статье заглавие: «The Wrong Tolstoi» («Лже-Толстой»).

«Из среды полуобразованной, – говорит автор, – с тех пор, как в нее проникли серьезные мысли, выродилось новое общество людей, исполненных благородных, но не глубоких стремлений, – ожидающее и требующее осуществления мира и счастья на земле. Эти люди требуют немедленных, решительных для того мер, – ученые не дают им желанного ответа; тогда они ищут себе пророка.

Находя, что все ученые и философы не в силах решить неразрешимые вопросы жизни, они обратились за верным решением их к людям, которые не обременены никаким знанием.

И вот такая-то публика «отверзла уши» на проповедь Толстого. И он стал учить, что всякие доктора, законоведы, духовные, государственные люди, ученые, философы – все либо безумцы, либо обманщики и шарлатаны, и что мир должен отбросить всю свою цивилизацию, знание, искусство, таланты, верования, законы, армии, флоты и все социальное устройство. Очевидно, что такое слово должно образованным членам общества показаться диким, так как все они суть доктора, законоведы, государственные люди, духовные, военные, ученые, землевладельцы и т. п. Сверх того, есть еще более важная причина, почему людям разумным и образованным не убедительно благовестие Толстого: причина та, что это благовестие во всех частях своих состоит в противоречие не только с разумом и опытом, но и само с собою.

Но несостоятельность мысли ничего не значит для энтузиаста. Этой обширной и все возрастающей дружине энтузиастов свойственны всякие противоречия верований, свойственно даже верить в сознательную для них самих ложь. Однако, эти люди нередко орудуют общественным мнением, – они создают репутации: одних покрывают позором, других венчают славой, – они накапливают массу горючего материала, от которого может загореться и серьезная часть общества.

Делу Толстого эти люди нанесли большой вред, потому что мнимого, лже-Толстого поставили они каким-то идолом в музей славы, а настоящего, подлинного Толстого укрыли, поставив в тень.

Эта двойственность – тяжкое испытание и для самого Толстого, и для учеников его. Лже-Толстой написал большую книгу в доказательство того, что он – тот же, что и настоящий Толстой. В этой книге стремится он возвести противоречие бытия своего в религиозный догмат, который можно назвать параллелограмм нравственных сил. Ученики его выставляют этот догмат, как основание для суждений о Толстом, в оправдание очевидных противоречий между словами его и делами.

Лже-Толстой пишет памфлеты в доказательство того, что человек должен отрешиться от всякой собственности, не знать жены и детей, и в то же время настоящий Толстой живет со своим семейством, во всех удобствах жизни в поместье Тульской губернии!

И вот чем объясняет себя: «Он желал (говорит один из его хвалителей – м-р Эльметс Мод) действовать в полном согласии со своим учением, но не мог этого исполнить. Не мог, например, отрешиться от своей собственности, не раздражая жены и детей своих, – пожалуй, в таком случае они обратились бы к властям с просьбой воздержать его. Это очень смущало Толстого; но он почувствовал, что, нанося вред, не может сделать добра. Никакое решительное действие (например, раздать все бедным) не могло бы служить ему оправданием, ибо возбудило бы горькое чувство гнева в сердцах самых близких людей. Итак, пришлось ему передать всю остальную собственность жене и семейству и продолжать жить по прежнему в хорошем доме, с прислугой, с кротостью вынося упреки в «несостоятельности», и удовлетворяться тем, что, в дополнение к литературному труду, занимается ручной работой и живет по возможности просто и воздержно».

Трудно, стало быть, оказывается, «сделать добро, не причиняя вреда, не производя горького гнева в сердцах близких людей». Это «маленькое» затруднение естественно является, когда человек, особенно еще женатый, вздумает приводить в исполнение систему жизни, основанную на нищете и безбрачии. И вот толстовцы обыкновенно раздражаются, когда слышат упреки учителю их в непоследовательности: в этом раздражение, несомненно, есть личное чувство, потому что все они, поклоняясь системе, не исполняют ее, – едва найдется один такой верный в тысячах поклонников Толстого, рассеянных по всему свету. И эта черта особенно характерна в религии воинствующей, которая вопит на весь свет, что все прочие религии суть не что иное, как ложь, изобретаемая лишь для оправдания развратной жизни их последователей.

Но оборотень Толстой опирается на авторитет Иисуса Христа, чтоб оправдать свое учение, чтобы подкрепить авторитетом недостаток

разумных оснований. Где бы ему уловить столько учеников, если бы он не ссылался на евангелие...

Как бы ему укрыться от критики, когда бы он не настроил себе крепостей из библейского текста. И вот, надобно посмотреть, на чем эти крепости держатся, и эти связи, которыми силится он укрепить и привести к единству свое философское учение, – можно ли признать верными и подлинными.

Подлинный, настоящий Толстой как будто верует в Бога, подобно всем христианам.

«По моему мнению, – говорит он в сентябрьском письме 1900 года, – мало сказать, что Бог есть любовь, Бог есть слово, разум. Любовью и разумом мы познаем Бога; но идея Божества не только не тождественна с этими понятиями, но они столь же различествуют с идеей о Боге, как понятие глаза или зрения различествует с понятием света».

Но другой Толстой, оборотный, в основной схеме своего учения, пленяющей восторженных его последователей, прямо отождествляет Бога с понятием Логоса или Разума; а Бога как существо, признает ложью, изобретенной паразитами религии.

«Начало всех вещей было Разум (Логос), и Разум был равен Богу и заступал Бога, и Разум (Логос) был Бог». Таков созданный Толстым фальшивый перевод текста Иоан. I, 1 (см. Толстого – «Согласование евангелий», русское издание, т. 1, стр. 19 и 23). «Свет явился, – переводит Толстой, – в особом роде (ήλθε εἰς τὰ ἰοῦα: Иоан. I, 11), и особый род его не принял». А буквальный перевод с латинского таков: «пришел к своим, и свои его не приняли. Но Толстой, начавший учиться греческому языку в сорокалетнем возрасте, не признает родов в грамматике. «Τά ἰδία,» – говорит он – означает нечто отдельное, индивидуальное, очевидно, противоположаемое миру вообще. Свет был во всем мире, и в особом роде, и потому к слову ἰδιος – особый, отдельный, я прибавляю слово «род, народ». Казалось бы, что сочетание существительного мужского рода с прилагательным среднего рода есть операция совершенно неизвестная грамматике наших школ и университетов.

Тут не одна только игра грамматических фантазий, – тут самые корни толстовства.

Подлинный Толстой, добродушный хозяин Ясной Поляны, знает, что все мы – несовершенные существа, большей частью, подобно ему, добродушные люди, кое-как умея работающие над задачами социальной жизни, под кровом Высшего Промысла, от коего чаем, наконец, воздаяния в лучшем мире.

«Убеждаюсь более и более (говорит он в октябрьском письме 1900 года, см. листок «Свободного слова» Черткова) в нереальности того мира, в коем мы живем. Не скажу, чтоб это был сон, но это лишь одно из бесчисленных проявлений жизни».

Но философия оборотного, лже-Толстого отвергает чаяние будущей лучшей жизни. Для лже-Толстого мир осеняет не благой Промысл, но злой рок, в союзе с паразитами жизни. Жизнь есть, борьба зла с разумом. Бог – не правитель вселенной, но простой здравый смысл, слабый пособник человеку против преобладающей силы зла. Это нечто в роде мрачного буддизма, смягчаемого фантазией. Будущая жизнь – тоже изобретение паразитов, одуряющий напиток для рабочего класса людей.

Лже-Толстой, вынуждаясь искать себе опоры в евангелии, прибегает к тактике самого странного свойства для устранения из евангелия всяких обетований будущей жизни.

В евангелии от Матфея (XIX, 28) Иисус Христос говорит: «Вы последовавшие за Мною, в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых».

«Этот стих я опускаю, – говорит Толстой, – так как он не имеет никакого определенного значения... Он или ничего не означает, или звучит насмешкой, иронией».

У Марка (X, 30) Иисус говорит: «Получит сторицею ныне, и в век грядущий (ἐν τῷ αἰῶνι τῷ ἐρχομένῳ) живот вечный». «Ἐρχομαι, – говорит Толстой (разумеется, совсем неверно), – значит «переходит». И, стало быть, ἐν τῷ αἰῶνι τῷ ἐρχομένῳ значит: в веке ныне преходящем, стало быть, в этой, в здешней жизни». Это утверждает Толстой, невзирая на бессмыслие превращения вечной жизни в преходящий, временный век.

Не стоит труда следить стих за стихом толкования Толстого в его изложении евангелия. Любопытствующие могут сами рассудить об их достоинстве.

Составив какую ни есть систему своего учения, Толстой, казалось бы, должен, если верить в нее, и жить так, как верит. Он объявил, что всякое правительство, всякий закон, всякая собственность – зло; следовало бы и отвергнуть всякие удобства жизни, на этом зле основанные. Попутно отвергает он решительно и табак, и алкоголь, и мясо. Но жизнь все-таки его пересилила. Свояк его рассказывает, что когда он обработал свою схему единственно возможного счастья, то не только не ощутил себя счастливым, но почувствовал угнетение духа. Жене и детям и на мысль не приходило отказаться от владения Ясной Поляной и добывать себе хлеб

полевой работой. Затем стали одолевать его посетители. Дерулед явился и стал склонять его на сторону реванша; стали приезжать романтические дамы (тип коего он не выносит) с тем, чтобы у него «учиться жить»; появились и дамы практического свойства, угрожая застрелиться, если не спасет их, дав тысячу рублей. Лже-Толстой говорит, что когда люди просят денег то ради любви к ним не следует давать, а разве только из учтивости и он же говорит, что когда люди крадут вещи, стало быть, вещи им нужны, и, стало быть, они имеют право взять их. Однако, из рассказа выходит, что когда такие дамы являлись, подлинный Толстой выходил из себя, а графиня выживала их из дому. Сшил Толстой пару сапог, – дело, по-видимому, полезное, что один из его поклонников хранит у себя эти сапоги в стеклянном ковчеге. Правительство относится к нему очень добродушно и снисходительно; но дело требует порядка, и раз как-то Толстой был вызван в суд свидетелем по делу. Девица Сероп, жившая гувернанткой в Ясной Поляне, рассказывает, что Толстой явился в суд в тулупе, выложил на стол сверток рублей, сказав: «вы не можете меня принудить принять присягу, – вот вам мой штраф», и вышел вон.

Эта же девица рассказывает, что жалость было смотреть на бедного пророка, когда он пытался бросить куренье:

«Он ходил из угла в угол, точно не находил себе места. То зажжет папироску и бросит ее, то попробует вдыхать дым, когда закурят другие. Напоследок все-таки не в силах был совсем бросить привычку, – ведь это успокаивало ему нервы. Напрасно люди думают, будто Толстой – аскет в строгом смысле слова».

Лже-Толстой говорит, что литература – порочное дело, а подлинный Толстой точно одержим зудом писательства и не отходит от письменного стола. Один из его портретов работы Репина изображает его, окруженного косами и граблями, как он сидит в неловкой позе на табурете, в своем тулупе, у стола и перед ним два серебряные подсвечника. После обеда, – говорит девица Сероп, – он прохаживается по лесу с топориком. И она, сама аматерка толстовства, описывает с улыбкой, как он возвращается с прогулки по полям, довольный, принося с собой навозный запах. «Я помираю, – говорит, – со смеху, на него глядя». И еще, – невзирая на свои убеждения, не чуждается он и велосипеда, и даже присоединяется к молодежи в презренной и безнравственной игре в лаун-теннис.

Вообще нарадоваться можно на эту мирную картину, как хозяин Ясной Поляны по-человечески живет у себя в большом доме, в своем тулупе, с графиней, занимаясь игрой в толстовство.

Похоже на идиллию, когда смотришь на подлинного Толстого. Но

идиллия исчезает, когда является лже-Толстой, сочинитель книг. В своей книге «Царство Божие внутри вас есть» он выводит курьезную теорему «параллелограмма нравственных сил», усиливаясь доказать, что изобретение и нарушение естественных правил жизни составляет самую сущность философского христианства.

«Люди, называющие мою систему непрактичною, – говорит Толстой, – совершенно правы, если смотреть на черты совершенства, указанные в учении Христа, как на правила, подлежащие для каждого из нас к исполнению, подобно тому как по закону общества обязательны, например, платеж податей... Совершенство, черты коего пред очами христиан, бесконечно, никто не может постичь его, и Христос имеет это в виду; но Он знает, что стремление к полному и бесконечному совершенству составляет и приумножает счастье человека... Христос учит не Ангелов, но людей, живущих животной жизнью, и к животной силе движения Христос как бы прилагает другую силу, именно сознание Божественного совершенства, и таким образом направляет движение человечества по равнодействующей двух сил... Сила животная всегда одна и та же и не подчиняется контролю человека... Божественное совершенство есть асимптот²⁵ человеческой жизни, к которому она постоянно приближается, но коего может достигнуть только в вечности».

Такое учение довольно легко применить каждому человеку в своей жизни. Отречься от собственности и семьи и жить с женой и детьми в комфортабельном поместье – дело верного себе христианского философа...

Но применять такое учение к общественной жизни – дело тяжкое. Какую равнодействующую дает нам этот параллелограмм хоть бы в военном деле? Отречемся от войны – и что же? Будем сражаться вилами? Или, например, этот параллелограмм к какой приведет нас сделке между уничтожением судов и нашей порочной склонностью к правосудию? Разве к закону Линча?

И вот еще неразрешимый вопрос, если тот же параллелограмм нам не разрешит его. Если все люди станут, – как учит Толстой, – воздерживаться от произведения на свет детей, что станется с родом человеческим?

Противоречие Толстого с самим собой явственно обнаружится, если поставим рядом два его рассуждения об обязанности женщин. В эпилоге «Крейцеровой сонаты» они явно обрекаются на постоянное девство.

«Христианин не может смотреть на плотское совокупление иначе как на грех, – как сказано у Матфея – и вследствие того должен неизменно избегать брака».

Вот одно суждение. Другое находим в сочинении Толстого: «Что нам делать?»

«Как сказано в Библии, мужу и жене дан каждому свой закон: мужу – закон труда, жене – закон деторождения... Тот и другой закон – неизменный... и нарушение его неминуемо наказывается смертью... Если вы, верные матери, сколько бы ни было у вас детей – двое ли или двадцатеро – не можете сказать: довольно... Не можете вы заботу о кормлении их и няньчанье слагать с себя и поручать другой матери... потому что этот труд есть жизнь ваша, и, стало быть, чем больше у вас этого труда, тем жизнь ваша полнее будет и счастливее».

Итак, очевидно, Толстой обращает нас к параллелограмму сил для продолжения нашего рода.

Учение Толстого содержится во множестве книг и памфлетов, и нет возможности перечислить в кратком очерке все черты его непоследовательности и всю массу противоречий, поглощаемых его учениками, но и по приведенным примерам можно судить о широте умственной их восприимчивости.

Толстого можно назвать колеблющимся пророком: он не останавливается ни на положительном утверждении, ни на решительном отрицании, но говорит: «Это верно... по крайней мере, это может быть верно... но нет, в сущности, я уверен, что это неверно». А ученики, воспринимая такие слова, твердят от себя такое верование: «Мы уверены, что это верно, что это может быть верно, и что, в сущности, все-таки неверно».

Итак, мы, не будучи толстовцами, можем, пожалуй, спросить: в самом деле, этот добродушный хозяин Ясной Поляны, он-то сам вправду ли толстовец?»

Православие в Персии

(НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ)

В газете «С. Петербургские Ведомости», в номере от 13 декабря 1901 года, появилась заметка, касающаяся дела православия в Персии и личности епископа Ионы, недавно присоединенного к православию из несториан и проживающего в городе Урмии, в Персии. Приводим эту небольшую заметку целиком:

«В пределах Перми проживает несторианский епископ, именующийся митрополитом Супурганским мар-Ионой, который в 1898 году, по просьбе Московского митрополита Владимира, был 95 марта принят покойным С. Петербургским митрополитом Палладием в православную Церковь 3-м чином, как принимают раскольников, исповедующих с православными одни и те же догматы и веру.

С тех пор этот епископ не считал нужным ни подчиниться патриарху Антиохийскому, в пределах которого он проживает, ни известить православные церкви о том: находится ли он с ними в общении и думает ли он возродить персидскую церковь? По тем известиям, которые мы имеем из Закавказья, мар-Иона ежегодно посылает в Россию до тысячи несториан, которые в священническом одеянии, с паспортами «православных» служителей Церкви, имея фальшивые свидетельства якобы Иерусалимского патриарха Дамиана, не только обходят города и села России, но и священнодействуют в домах прихожан, собирая ежегодно сотни тысяч рублей на гроб Господень и ведя вполне распутную и зазорную жизнь. Русская духовная власть давно на это обратила внимание, но, тем не менее, число персидских выходцев увеличивается, как и жалобы на обман простодушных и доверчивых русских. Находятся люди, которые этих мошенников берут под свое покровительство, находя, что они подрывают веру в греков (персияне выдают себя за греков) и наносят ущерб Иерусалимской патриархии. Несторианские выходцы бывают и в Сербии и там тоже собирают на Гробь Господень».

В России очень мало осведомлены о положении дел в Урмии; поэтому и в целях восстановления истины и ради ознакомления интересующихся этим вопросом, ниже и приводятся некоторые сведения об Урмии, в виду неточных и неверных сообщений, которые нашли себе место в приведенной заметке столичной газеты.

Сведения эти пишуший настоящие строки собрал отчасти и лично на месте, в гор. Урмии, куда ездил в минувшем сентябре месяце по

распоряжению высшего духовного начальства.

Прежде всего, мар-Иона – не «несторианский епископ, именующийся митрополитом Супурганским». В 1898 г. он принял православие в Петрограде с разрешения Святейшего Синода, причем представил прошение и от своих пасомых – несториан, заявивших желание также присоединиться к православию. Давно и настойчиво айсоры-несториане, проживающие в Персии, искали соединения с православной Церковью. Еще в конце XVIII века они обращались с этой целью к грузинскому царю Ираклию; обращаются они с просьбой о присоединении к православию и к русской Церкви с 1828 года. Но особенно усилились сношения по этому вопросу с 1859 года. Посланный Святейшим Синодом архимандрит, впоследствии епископ Софония в 1861 году долго проживал вблизи персидской границы в Эриванской губернии, изучая вероучение и церковный быт несториан, имея непосредственные сношения, с Урмией; айсорские епископы – мар-Денха, мар-Юханна, мар-Иосиф, мар-Иона – один за другим приезжали в Россию, проживая то в столицах, то в Тифлисе, и просили о принятии их в православную Церковь. Напрасно в 1865 году официально, через Министерство Иностранных Дел, указывали айсорам, что они могут принять православие от Антиохийского патриарха или от Феодосиопольского (в Эрзеруме) епископа: айсоры настойчиво, в прошениях, написанных кровью народа-страдальца, которых нельзя читать без содрогания, просили православия от России, да иначе и быть не могло, потому что Урмия отстоит от русской границы всего в 200–250 верстах, а с Антиохийским патриархом она не имеет возможности сношения, и по дальности расстояния, и в следствия подданства Антиохийского патриарха чуждому для персидских айсоров и нехристианскому турецкому правительству, которое и своих, живущих в Турции айсоров сдерживает и теперь страхом курдской резни от движения в православие. При архиепископе Павле, экзархе Грузии, очень долго проживал в Тифлисе матран (митрополит) Урмийский мар-Гавриил, который сменил в Тифлисе также не малое время проживавшего там мар-Иосифа; писали письма и прошения в Святейший Синод и сам глава несториан мар-Шимун Рувим, и матран их мар-Хнанишу, занимающей в несторианской иерархии второе после мар-Шимуна место; писали и другие епископы. Все просили принять их в общение с православной Церковью. Святейший Синод разрешил этот вопрос по зрелом и долгом размышлении. Почти 40 лет изучали этот вопрос. В 1897 году в Урмийскую область были посланы из Грузинского экзархата русский протоиерей В. Синадский и с ним православный священник о. Алаверанов, природный айсор; они на месте в Урмии путем

допросов населения убедились в том, что айсоры-несториане действительно желают принять православие. Надлежало ускорить дело, потому что инославные миссии – католическая, пришедшая сюда около 100 лет назад, пресвитерианская, с 30-х гг., и англиканская, с 80-х гг. истекшего века, – расхищали древнюю сиро-халдейскую церковь.

В течение года оо. Синадский и Алаверанов при помощи местных деятелей собрали и перевели на русский язык несторианские богослужебные чины и символические книги и представили все это в Святейший Синод для ознакомления с вероучением несториан. Наконец, 25 марта 1898 года совершилось присоединение к православной Церкви епископа Ионы со многими другими членами его клира; вместе с тем, как выше замечено, им было представлено прошение с подписями 15 000 несториан Урмийского округа, изъявлявших желание принять православие. К этому времени епископ Иона, за смертью матрана Урмии мар-Гавриила, убитого курдами на пути к мар-Шимуну, оставался единственным иерархом в Урмии. Ему была прислана от мар-Шимуна грамота, дающая ему достоинство матрана Урмии, но самого возведения в митрополиты не было, и поэтому он принят епископом. Впоследствии принял православие еще один епископ, проживавший теперь в Урмии и не имеющий епархии, – мар-Соришу или мар-Авраам.

После присоединения епископа Ионы из России была послана в Урмии особая духовная миссия, которая состоит теперь из начальника, трех членов, диакона и псаломщика. В настоящее время православных в Урмии находится более 20 000 человек; наша миссия тратит ежегодно более 25 000 рублей на айсорские православные причты, которых около 10, и на православный церковные школы, которых теперь более 60; миссия уже вчерне отстроила в самом городе Урмии русскую церковь; теперь возводятся постройки для миссии на участке, который подарил ей сам шах персидский Музафер, готовятся типография, богословское училище, община Красного Креста, больница, аптека. Сам епископ Иона от щедрот Русского Государя получает ежегодно по 1 000 рублей царской дачи.

Итак, епископ Иона – не несторианский епископ, как сказано в заметке «С. Петербургских Ведомостей», а православный; митрополитом Супурганским он не именуется, а носит титул епископа Урмийского и Супурганского; в управлении епархией он Руководствуется данной ему от Святейшего Синода грамотой, восполняемой особой инструкцией, данной русской в Урмии духовной миссии и ее начальнику.

Далее митрополит Московский Владимир, ныне здравствующий, в бытность экзархом Грузии, действительно, много и отечески потрудился в

деле присоединения несториан к православию; хорошо знал об этом деле и покойный митрополит Палладий, как бывший экзарх Грузии, но приняты в общение с православной Церковью персидские несториане Святейшим Правительствующим Всероссийским Синодом, а не отдельными лицами, как намекает автор вышеприведенной заметки.

Совершенно верно, что приняты несториане в православие 3-м чином, т. е. через отречение от заблуждений, но этим именно чином обычно, по церковным правилам, принимаются все приходящие от таких христианских обществ, которые сохранили от древности апостольскую иерархию, сохранили седмеричное число таинств и в своей бывшей общине приняли святое крещение и святое миропомазание. Так, например, приемлются армяне, конфирмованные католики, потому что таинства крещения и миропомазания не повторяются. Миропомазание при чиноприеме (2-й чин) православная Церковь совершает только над бывшими членами тех христианских обществ, которые или не признают миропомазания за таинство (протестанты), или, признавая, не имеют законных совершителей его (раскольники). Поэтому вполне неосновательно скрытое осуждение автором заметки чиноприема нестортан, которых, по его словам, уравнили с раскольниками, «имеющими с православными одни догматы и веру», дело не в этом; мусульманин может отречься от магометанства и всецело проникнуться «нашими догматами и верой», и, тем не менее, в православие его примут даже 1-м чином, т. е. через крещение; раскольник, не получивший миропомазания, хотя бы и ранее исповедывал одни с нами догматы и веру, будет принят 2-м чином. Иначе и быть не может.

Автор заметки ставить в упрек епископу Ионе, что он, приняв православие, не подчинился патриарху Антиохийскому, «в пределах которого он проживает». Из вышесказанного ясно, что такого подчинения и не может быть, так как несториане обращались к русской Церкви, которая и ныне тратит и духовные и материальные средства на новоприсоединенных собратий. К тому же не мимо идет и слово; «грядущаго ко Мне не иждену вон»... Интересно знать, в чем же выразится подчинение Урмии Антиохийскому патриарху и что теряет Антиохийсей патриарх от того, что несториане, потерявшие связь с православной Церковью около 1 500 лет назад, живя около русской границы, обратились к русской Церкви и приняты ею в общение? И неужели лучше бросить совсем и осудить на духовную смерть целую область, чем нарушать права и «пределы патриархата»? Лучше пусть погибнут, но вполне по правилам, чем спасутся, только не по правилам... Здесь-то ясно слово: «милости

хощу, а не жертвы; не человек для субботы, а суббота для человека»... Иначе поистине будет *summum jus – summa injuria*. Да и где это пределы патриархата? Автор рассуждает об этом тоном знатока канониста, а история говорит нам, что пределы патриархатов не раз и в древности менялись, и если уж возвращаться к самой глубокой древности, то ведь и самый вселенский патриарший престол, с точки зрения автора, должен быть упразднен, как явившейся позднее других патриархатов и взявший от них принадлежавшие им прежде области; да и судьба Иерусалимского патриарха будет такой же. Нееториане-айсоры, правда, до уклонения в ересь входили в область Антиохийского патриархата, но это было тогда, когда они жили в Месопотамии, а не в Урмии. С тех пор они и сами пережили блестящую пору своей истории, когда считали своих последователей и на острове Цейлоне, и в Китае, и в Мерве, и всюду явились с проповедью евангелия и христианского просвещения (V–XIII вв.). Затем пробил для них час воли Божией, и они в XIV вв. бежали в горы Курдистана, спасаясь от всепосядающего меча Тамерлана, страдали и страдают от зверств мусульманства, разметавшего и сократившего древние патриархаты, и уже позднее XIV века спустились из Курдистана в соседние долины Урмии. Их сородичи, живущие теперь в Месопотамии, уже несколько столетий назад соединились с католичеством и имеют в Турции особого халдейского унита-патриарха, а бежавшие в горы Курдистана ассуриты до последнего времени оставались верны древнему несторианству, теперь же тяготеют к российской православной Церкви. При чем же тут Антиохийский патриарх, до которого бедным айсорам почти невозможно добраться и который сам тесним и угнетаем иноверным, нехристианским правительством, а подчас, как теперь, и властительными ревнителями эллинского филетизма?...

Разбираемая заметка сама по себе не стоила бы такого внимания, которое ей мы отвели, но говорим об этом в виду тех неоднократных суждений вкось и вкривь по церковно-каноническим вопросам, которые в последнее время появлялись в газете, напечатавшей заметку, и которые людей неосведомленных могли и могут смущать.

Епископ Иона находится теперь в общении с российской православной Церковью, а через это – и с православными восточными патриархами, и непонятно, почему автор заметки ставит здесь вопрос.

Непонятно, почему ставить он вопрос и о том, думает ли епископ Иона «возродить персидскую церковь». Он присоединился к православно, привел к нему и свою паству, расхищаемую обходящими сушу и море инославными миссинерами, – где тут место для вопроса? Или, по мнению

газеты, надобно было ждать, пока все несториане Урмии уйдут в католичество и пресвитерианство? Конечно, инославные миссии не постеснялись бы тем, что в Урмии – «пределы Антюхийского патриархата»...

Последнее слово о том, будто бы епископ Иона ежегодно посылает в России до тысячи несториан (опять несториан, и они даже сосчитаны...), которые в священническом одеянии, имея фальшивые свидетельства якобы Иерусалимского патриарха Дамиана, производят в России и в славянских землях сборы, выпрашивая на Гроб Господень, собирают сотни тысяч, берут деньги себе, и сами живут распутно и зазорно. Дело вот в чем. В Закавказье существуют так называемые «хачикоги», которые специально занимаются подобным противорелигиозным делом; ежегодно с августа месяца и во всю осень они бродят по богатым станицам северного Кавказа, выпрашивая зерновой хлеб у простодушных казаков на Гроб Господень. Правда, очень много среди них айсоров, но есть и греки, и армяне; попадаются проходимцы и из русских, выпрашивающее на Афон. Пишущей эти строки, в бытность приходским священником Кубанской области, однажды открыл в своем приходе целую организованную шайку проходимце-греков, имевших свидетельства за подписью: «Патриарх Никодим Иерусалимский с 12-ю братьями». Народ им верил и принимал у себя в домах, как священников; самозванцы и службы Божии совершали. Об этом в свое время было сообщено и в печати. Но самозванцы-иереи обнаруживаются иногда и в самом Петрограде; в газетах бывали взвезет, что воззваниями на Афон с обещанием «вечного поминовения» (по такое) занялась в Одессе целая еврейская фирма.

Однако, при чем же здесь предстоятели церквей? Чем виноваты здесь и епископ Иона, и армянский католикос, и греческие иерархи? А утверждать, что епископ Иона сам и нарочно посылает» вышеназванных проходимцев, сам приказывает им принимать самозвано сан священников и показывать подложные свидетельства Иерусалимского патриарха, – не слишком ли это много сказано? Имеет ли автор заметки на это неопровержимые доказательства? Едва ли, потому что он ссылается только на «известия, которые мы имеем из Закавказья». Но ведь известия бывают неодинакового достоинства... Епископ Иона больше всего борется в своей епархии с этими «хачикогами» – сборщиками, позорящими православных айсоров, пишет о них экзарху Грузии, преследует их в Урмии, и на этой почве нажил себе много озлобленных врагов из числа тех, чьи похождения были раскрыты, или из тех, кому новые сборы теперь не удаются... Враги эти, по восточной страстности, не разбирают средств в достижении целей

мстительности; знают они путь борьбы и отмищения и посредством ложных газетных известий. Не отсюда ли и «известия из Закавказья»?

Епархия Урмийская – новая; ей не исполнилось еще полных трех лет. Прошлое завещало ей много беспорядков и полное расстройство церковной дисциплины, которую сознательно и намеренно расшатывали инославные миссионеры, подрывая всеми средствами в течение последних 70 лет власть местных абун (епископов), причем епископам перестали повиноваться местные кашы и шемаши (священники и дьяконы), имея неограниченную свободу переходить от одного исповедания к другому, соблазняясь отпускаемыми от инославных миссий деньгами. Беспорядки и нестроения нельзя уничтожить в три года; для этого потребуется смена целого поколения. Но и теперь уже многое делается для упорядочения Урмийской епархии, и в настоящее время, как нам известно, в Святейшем Синоде вопросы об Урмийской епархии и Урмийской духовной миссии стоят на первой очереди.

1902 г.

Церковно-грузинское пение в школах

В день св. равноапостольной Нины, 14 января 1902 года, увенчались, наконец, желанным успехом усилия церковно-школьной инспекции поставить церковно-грузинское пение в школах Тифлиса на такую высоту, чтобы дети – школьники могли свободно петь всю литургию на грузинском языке. Как известно, обычай устраивать общешкольные празднества уже лет пять, введен во внутренней России. В Грузинской епархии до последнего времени не было ничего подобного. Когда в прошлом учебном году 25 апреля впервые решено было собрать детей, учащихся в Тифлиских церковно-приходских школах, в Сионский собор и здесь общешкольным пением принять участие в архиерейском богослужении, многие посмотрели на это, как на новшество, а большинство, сочувствуя делу, все же пророчило полный неуспех этому делу. Действительность превзошла ожидания: и в день Преполовения, и в Духов день детские хоры отлично справились со своей задачей и пели не только сносно, но очень хорошо всю архиерейскую литургию, со всеми особенностями праздника. Пение было славяно-грузинское. В начале текущего учебного года окружной наблюдатель дал предписание учителям церковного пения в школах Тифлиса приготовить детей к пению литургии исключительно на грузинском языке. Обстоятельства не благоприятствовали успешному выполнению этого намерения: сам окружной наблюдатель все первое полугодие провел в непрерывных разъездах, а по школам из четырех учителей пения в течение этого же полугодия два учителя переменились. И, несмотря на это, в знаменательный для древле-православной Грузии день 14 января, в память святой просветительницы Иверской земли, в Анчисхатском Тифлисском соборе дети-грузины на родном языке воспевали Божию службу, наполнив до краев древний величественный храм. Службу Божию совершал архимандрит Досифей в сослужении уездного наблюдателя школ о. Махатадзе и других иереев; дети пели чинно, стройно и, по отзыву слушателей, вся служба отличалась необыкновенным подъемом религиозного воодушевления и величественностью. Настоятель собора о. П. Карбелов обратился к детям с приличествующим дню и обстоятельствам поучением. Владыка экзарх в этот день, как известно, был в Бодбийском женском монастыре и не мог присутствовать на редком богослужении в Анчисхатском соборе. Для сопровождения владыки и для обозрения школ Сигнахского и Телавского уездов выехал в Бодбийский

монастырь и окружной наблюдатель. Поздно вечером в этот день от о. Махатадзе получена была о. окружным наблюдателем телеграмма с известием, что предположенное торжество совершилось успешно при помощи Божией. Велика была радость архипастыря! Радость его усугублялась еще тем, что за день до 14 января владыка лично слушал пение на церковно-грузинском языке учеников Нукрианской школы, а 13 и 14 января слушал такое же пение детей Бодбийской второклассной, что при обители, школы; дети в день 14 января пели всю раннюю литургию на грузинском языке, а затем и во время поздней литургии исполнили часть песнопений на грузинском языке. Утешен был архипастырь и докладом окружного наблюдателя после обозрения им школ Сигнахского и Телавского уездов; оказывается, что и по сельским школам теперь не редкость встретить церковные хоры из учащих детей. Таких школ окружной наблюдатель насчитал в Кахетии около десяти. Училищный совет так сочувственно отнесся к делу постановки церковно-грузинского пения, что, по докладу о. окружного наблюдателя немедленно после возвращения его из Кахетии, обеспечил денежным отпуском решительно все школы Сигнахского уезда, где школы найдены были в очень хорошем состоянии и где прививается с успехом церковное пение, и кроме того, решил немедленно ассигновать потребную сумму на содержание особого учителя церковного пения для четырех Телавских городских церковно-приходских школ. В настоящее время такой же особый учитель пения имеется и для четырех Горийских городских церковно-приходских школ.

Доказывать значение церковно-грузинского пения для наших школ излишне: так оно понятно всякому служителю Церкви, хоть сколько-нибудь любящему святое дело церковное. Вот почему мы обращаемся ко всем стоящим у дела школьного с усердной просьбою и с горячим призывом приложить все старания к устройству школьных хоров. Наш архипастырь горячо интересуется этим делом, близко принимает его к сердцу и горит желанием ввести хоть в некоторых грузинских церквях общенародное церковное пение. Несомненно, это привлечет народ в храмы, исполнит его религиозного воодушевления, введете его в святой дух церковности. Последствия этого благого почина неисчислимы. Но, с другой стороны, несомненно, и то, что в деле осуществления этого доброго почина церковные школы, и только они, окажут незаменимую услугу грузинскому народу. Воспитывая из года в год население в духе истовой церковности, приучая детей к церковному пению, школа с каждым годом будет увеличивать свой школьный детский хор голосами тех из прихожан, которые окончили курс школы, и ею приучены и к посещению храма, и к

церковному «четыю-пению».

Торжество 14 января 1902 года в Анчисхатском соборе, в котором впервые многосотенный хор грузинских детей на родном языке воссылал моления Богу и хвалы св. равноапостольной Нине, да послужит залогом осуществления благих начинаний нашего архипастыря, который во всех сторонах пастырской деятельности в короткое время явил себя, как библейский «муж желаний».

Путешествие высокопреосвященнейшего Алексия, экзарха Грузии, по Карсской области, Эриванской и Тифлисской губерниям

В сентябре и октябре месяцах 1902 года, пользуясь прекрасным временем закавказской осени, когда погода особенно благоприятствует путешествиям в нашем крае, высокопреосвященный архиепископ Алексей, экзарх Грузии, предпринял ряд поездок по своей обширной, собственно ему вверенной епархии Грузинской. Епархии Имеретинская, Гурийско-Мингрельская и Сухумская, входящие в состав экзархата, имеют своих епархиальных архиереев, подчиненных экзарху и Грузино-Имеретинской синодальной конторе по некоторым отделам епархиального управления. Можно сказать с уверенностью, что в России не найдется другой епархии, которая так поражала бы разнообразием паствы и удивительным разнообразием местных условий, как Грузинская епархия, обнимающая пять губерний. Для русского православного человека, живущего внутри России и незнакомого с Закавказьем, с именем экзарха Грузии представляется архипастырь, управляющий паствою чисто-грузинской. На самом деле это не так. Впрочем, и паства собственно грузинская является чрезвычайно разнообразной; не говоря уже обо всем экзархате, с его историческим делением на Грузию западную и восточную, из которых каждая имеет свою историю и свои особенности жизни, языка и народного характера, но и в Грузинской епархии есть грузины-горцы, пшавы и хевсуры, доселе еще находящиеся в полуязыческом состоянии, удержавшие жрецов (деканозов) и строящие особые капища; есть грузины-мусульмане, принявшие ислам 300, 200 и даже 100 лет назад, сохранившие много христианских воспоминаний и живущие на противоположных окраинах Тифлисской губернии, и, наконец, есть грузины равнинные, кахетинцы и карталинцы, никогда не изменявшие православию; все эти сыны Иверии рассеяны на пространстве одной только губернии и в духовном отношении представляют ряд переходных оттенков, особенностей церковно-приходской жизни и бытового уклада, с которыми нельзя не считаться. Не менее разнообразия представляется и за пределами Тифлисской губернии. Приходы греческие, числом до 80; поселения духоборческие и молоканские разных фракций, русские старые поселения из отставных солдат; новые русские поселки, возникшие в последние 8–5 лет, составившееся из переселенцев, собравшихся из различных губерний

внутренней России; военные поселения, в которых расположены только полки с офицерами, имеющие свои военные церкви; затем приходы из армян, недавно принявших православие; приходы из православных сирохалдеев, обратившихся из несторианства, – вот пестрая картина приходов Грузинской епархии. В довершение всего нужно сказать, что эти православные приходы в редких случаях расположены группами: большей частью они окружены поселениями татар, армян, курдов, лезгин, осетин, магометян, туркмен, карапахов, черкесов, эстонцев, немцев...

При таких условиях церковно-приходской жизни архипастырю Закавказья невозможно составить понятие об условиях быта и потребностях паствы на основании отзывов словесных или письменных со стороны оо. благочинных; необходимо все видеть самому на месте. Вот почему владыка-эксарх за короткое время пребывания своего в Закавказье успел побывать во многих местностях своей обширной епархии. Трудны эти путешествия при неустойчивости путей сообщения, а самое главное – при необыкновенных переменах климата и обстановки: ведь приходится спускаться в глубокие низменности и немедленно же подниматься в местности, лежащие на 5–6 тысяч футов над уровнем моря. В путешествиях, о которых у нас речь, пришлось владыке испытывать морозы в Карсской области и через несколько дней – зной в Эриванской губернии, не говоря уже о разреженности горного воздуха, например, в Сарыкамеше, Карсской области, где вновь приезжий на высоте 7 тысяч футов испытывает какую-то особенную слабость, головокружение и тошноту. Но Господь хранит архипастыря в бодрости и вожденном здравии, так что он поражает спутников неутомимостью и выносливостью. Зато и результаты этих путешествий весьма ценны. Пишущему эти строки, один из врачей Карсской области в случайном разговоре высказал, что после приезда эксарха живо почувствовалось всеми, что какой-то мощный ток духовной жизни приподнял, оживил, сплотил и объединил всех сынов православной Церкви, затерявшихся среди моря иноверия. Местные пастыри, которым приходится немало трудиться в деле объединения всех православных в единстве обряда и всего строя приходской жизни; школьные деятели, при разноплеменности приходов, часто поставленные в великое затруднение относительно ведения школьного дела, – все получили от архипастыря авторитетные указания, оправдание своей деятельности, поддержку в глазах народа.

Но обратимся к путешествию владыки. В гор. Карс прибыл архипастырь 21 сентября к вечеру. Карс – прежде всего военный город. Нужно отдать справедливость воинскому начальству и военному

духовенству: с их стороны сделано решительно все, чтобы устроить архипастырю встречу, достойную представителя великой русской Церкви на дальней окраине, всего 25 лет назад силой оружия присоединенной к российской державе. В приветственной речи в соборе владыка сердечно благодарил представителей воинства в Карсе и вместе с тем высказал, какие чувства пережил он при первом взгляде на неприступные твердыни Карса, облитые русской кровью.

Город Карс вместе с тем и в духовном отношении представляет собой центр православного греческого населения Карсской области. Греки поселились здесь частью при турецком владычестве, а главным образом они переселились из Эрзерумского вилайета после присоединения Карсской области к России на место выселившихся курдов, черкесов и турок. Кажется, возникал вопрос о переселении в наши пределы и греческого епископа, но это было отклонено, и греки теперь входят в епархию экзарха Грузии. Церковный быт их представляет много особенностей, которые нередко стоят в противоречии с русскими порядками и с русским законодательством; потребовалось много усилий, чтобы ввести правильное церковное писмоводство, чтобы приучить греческий клир вести хотя бы метрические книги. «Разве он не умер, если я его и не запишу умершим?» – наивно заметил один священник-грек, пришедший из Турции, в ответ на требование вести запись умершим. Греки пришли из Турции со своими многочисленными священниками, которых насчитывалось иногда до 10 на небольшое селение в 30–40 дворов; нужно было установить штаты, которые особенно потребовались в 1896 году, когда великодушный Русский Царь соизволил назначить всем греческим причтам приличное жалованье (600 р. священникам с семинарским образованием и 300 р. не имеющим семинарского образования). Вопрос этот причинил много хлопот; греки склонны к разделению и легко делятся на партии; при устранении того или другого священника от обязанностей приходского пастыря нередко партия недовольных оставляла даже посещение храма и отказывалась принимать таинства от неугодных ей пастырей; народ, привыкший в Турции к самоуправству в церковной жизни, доходящему до того, что и голос архиерея вменяется ни во что, в России с трудом свыкался со строгой дисциплиной в церковных вопросах. Прихожане-греки во всем склонны действовать скопом и всю надежду возлагают на приговоры сельских обществ. Веру в силу этих приговоров разделяло с ними до последнего времени и духовенство. Но все горе в том, что приговоры эти постоянно изменяются в зависимости от того, какая партия возьмет верх. Поэтому из

10 священников в селении, при необходимости избрать по закону одного штатным и настоятелем церкви, все запасутся приговорами каждый в свою пользу... Не так давно одно из селений греческих представило два приговора о школе, составленные в один день, подписанные одними и теми же лицами и об одном и том же предмете, но совершенно противоречащие друг другу по содержанию. Бывают приговоры и прямо курьезные: один грек желал устроить часовню на избранном месте, в нескрываемых целях наживы и притом на условиях полной независимости от епархиальной власти; в прошении по этому поводу он пишет, что ему виделись и видятся чудные сны, в которых дается ему повеление свыше устроить часовню. К прошению прилагается и приговор сельчан, которые заверяют своими подписями, что такому-то их односельцу действительно снятся чудные сны с таким-то и таким-то содержанием... Нужно заметить, что и духовенство греческое, пришедшее из Турции, крайне невежественно. За 25 лет жизни в России, однако, многое переменялось. Правда, духовенство и теперь не высокого образования; объясняется это отсутствием для греков в Карсе какого-либо духовного учебного заведения. Греческие священники принуждены воспитывать своих детей в Тифлисе, а это и далеко, и дорого, и неудобно. Но все-таки греческое духовенство Карсской области, среди которого и доньше по селениям нет ни одного священника, закончивших курс семинарии, привыкло к русским порядкам и подчинилось им всецело. Здесь справедливо воздать дань признательной хвалы нынешнему благочинному Карсского округа протоиерею И. Назарову, который неустанным трудом и редкой настойчивостью достиг того, что порядки церковной жизни крепко привились теперь ко всем греческим приходам. Труднее поддается простой народ, который упорно держится старых, усвоенных в Турции обычаев.

Не меньше церковного, дало затруднение епархиальной власти и церковно-школьное дело. В виду различных недоразумений потребовалось распоряжение епархиальной власти, чтобы на открытие школ грамоты, испрашивалось непременно предварительное согласие Карсского областного наблюдателя; объявлено, что школы грамоты, открытие без его согласия, будут считаться незаконными. Такое категорическое постановление вызвано тем, что греки Карсской области, не так давно пришедшие из Турции, чрезвычайно тяготеют всяким надзором за школами и склонны устраивать тайные школы. Нередко случалось, что инспекции министерской, пожелавшей зайти в ту или другую школу, они заявляли, что школа эта церковная; церковно-школьной же инспекции,

являвшейся для ревизии, попечители-греки заявляли, что школа эта министерская. В таких тайных школах обыкновенно состояли учителями выходцы из Турции, совершенно незнающие русского языка и преподававшие по греческим учебникам, изданным в Константинополе. В учебниках этих помещается, например, хвалебный гимн турецкому султану и статьи по географии, написанные в тенденциозном духе (России, например, отводится последнее место среди государств Европы). По словам областной администрации и инспектора народных училищ Карсской области, школы греческие проявляли недолжное направление особенно в недавний период греко-турецкой войны: школьникам рассказывалось о победах греков, показывались картины эллино-патриотического содержания; бывали случаи, что священник, заведующий школой, пользовался принадлежащими школе суммами для поддержки греческого движения и отсылал их разного рода сборщикам и греческому консулу. Благоприятным условием для развития таких школ служило правило, по которому школы грамоты могут открывать местные священники беспрепятственно. Этим правилом и пользовались греки, открывая школы чисто-туземные, вовсе без преподавания русского государственного языка. Содержа школы грамоты на свой счет и уплачивая или задерживая жалованье учителю, большею частью выходцу из Турции, греческие общества управляли школами по собственному усмотрению, оставляя без внимания распоряжения начальства. На это явление настойчиво обращал внимание Карсский военный губернатор и инспектор народных училищ Карсской области. Вот почему и потребовалось вышеприведенное распоряжение училищного совета. В тех же целях упорядочения школьного дела советом постановлено: в помощь наблюдателю церковных школ Карсской области прот. И. Назарову назначить двух священников – С. Адрианова и Г. Харитова, которым дано поручение – как можно чаще обозревать школы, за что, и назначено особое вознаграждение. В целях освобождения учителей греческих школ от безусловной зависимости в материальном отношении от сельских обществ постановлено: просить заведующих школами позаботиться о сформировании особых школьных попечительств, приняв в них председательство и выделив обязанности попечителей от обязанностей по сельской администрации; попечительствам подтвердить о необходимости вести денежные дела с правильной записью поступлений и расходов в особо выданных книгах; воспретить иметь особые негласные попечителей, зависящих только от сельских обществ; открытие новых школ обусловить непременно предварительным составлением общественных приговоров,

надлежаще утвержденных, с точным обозначением как отпускаемой на содержание школы и учителя суммы, так равно и способа взимания ее с общества; просить гражданское начальство о взимании положенной суммы вместе с земскими сборами и внесении ее в уездные казначейства для хранения в депозитах отделения совета; в тех селениях, где школы открыты в прежнее время без общественных приговоров, истребовать приговоры; в случае неисправной выдачи жалованья учителю, положенного приговором, особенно в тех случаях, когда общество делает это по недовольству на учителя за исполнение им законных требований начальства (что, к сожалению, бывало), обращаться к содействию гражданского начальства и, в крайнем случае, школы закрывать.

Теперь в гор. Карсе открывается отделение училищного совета и книжный склад для церковных школ. Этими мерами церковно-школьная жизнь в Карсской области, можно надеяться, упорядочится с внешней стороны, тем более что Карсский военный губернатор расположен в пользу церковно-приходских школ и готов оказать им содействие, которое уже не раз проявлялось.

Справедливость, однако, требует здесь заметить, что обвинения греческих школ в преднамеренном сопротивлении изучению русского языка и тем более в политической неблагонадежности основываются на простом недоразумении.

Греки Карсской области, как уже сказано, недавно пришли из Турции и оттуда принесли привычные порядки жизни. Естественно, что многое, полезное для них при турецких условиях жизни, оказывается ненужным и вредным при новых порядках русской государственности. Но сразу изменить установившийся веками строй жизни невозможно. Это именно мы и видели в отношениях греков к школам. Греки достойны величайшей похвалы за свою любовь к Церкви и церковной школе. Из всех народностей, населяющих многоплеменный экзархат, не исключая и русских, греки в этом отношении, бесспорно, занимают первое место. Любовь к Церкви и к церковному просвещению спасла Греков и сохранила их в православии в долгие века тяжкого турецкого рабства, сделала их более культурными сравнительно со своими поработителями, сплотила их в тесные «общества», столь необходимые при иноверном правительстве для сохранения основ своего племенного и религиозного быта. Естественно, в Турции всякий контроль со стороны правительства над содержимым греками школами был для них вреден, и греки в течение столетий выработали склонность и удобные способы избегать этого контроля. При непросвещенности и грубости турецких властей,

совершенно несведущих в школьном деле, этого контроля в смысле учебном по существу не могло и быть, если он проявлялся, то в виде обычных насилий. В Россию греки пришли сравнительно недавно, после русско-турецкой войны; еще не вымерло старое поколение, помнящее прежние турецкие порядки. Вот почему оно по привычке держится унаследованного от отцов строя, как в церковной жизни, так и в школьной. Этим только и можно объяснить уклонение греков от контроля над их школами со стороны русского правительства. Нынешнее поколение, вырастающее уже в новых условиях жизни, будет постепенно освобождаться от этой склонности, и теперь уже существуют селения, которые охотно дают приговоры о школах и не избегают инспекции, посещающей школы. Такого же происхождения и эллинский патриотизм в школах. Живя теперь в единоверном государстве, под единоверным правительством, подчиняясь Российскому Святейшему Синоду, благодетельствованные и землями, и жалованьем духовенству, греки Карской области, совершенно разобщенные и в территориальном отношении, и в отношении живых и непосредственно захватывающих интересов от Афинского королевства и района проявлены греческого филетизма, – постепенно будут сливаться с населением Империи в общих чувствах верноподданства и, оставаясь греками по языку и племени, будут добрыми русскими гражданами. За это порукою их православие. Процесс такого слияния не мог совершиться в 25 лет...

Остается сказать об отношениях греков к русскому языку в школах. И здесь мы имеем дело только с недоразумением. Церковно-приходских школ в Карсской области около 40. Откуда брать подготовленных и знающих русский язык учителей в греческие школы? В Карсской области нет ни духовной семинарии, ни духовного училища, ни гимназии, ни второклассной, ни даже двухклассной школы. Единственное учебное заведение, откуда могут выходить хоть сколько-нибудь подходящие учителя, это – Карское городское училище. Но и эти учителя идут скорее в министерские, очень хорошо обеспеченные училища, а церковные школы нередко закрываются вследствие полного недостатка в учителях. Притом же греческие церковные школы доселе содержались исключительно на местные средства; отпуск на эти школы из училищного совета едва превышал 1 000 рублей в год. При таких условиях трудно было найти учителей в школы, потому что обыкновенная сумма, назначаемая учителю греческими сельскими обществами, равняется 150 рублям в год, редко 200–240 руб. Между тем, чтобы обучать детей, совершенно не понимающих по-русски, русскому языку, требуется труд совершенно

незнакомый учителям внутренней России, требуется особое умение, вырабатываемое предварительной теоретической подготовкой и долгой практикой. Ни того, ни другого учителя греческих церковных школ не имели и потому или плохо учили, или совсем не учили детей русскому языку. Обвинители греческих школ были правы, констатируя факт, что русский язык в них преподавался плохо, или вовсе не преподавался; но толкование этого факта было неправильно: греческие учителя не потому избегали преподавания русского языка в школах, что не хотели этого преподавания, а просто потому, что не умели его вести. В настоящее время, однако, во всей Карсской области нет ни одной школы, в которой не преподавался бы русский язык. Экзамены на права по воинской повинности ученики держат в полном объеме требуемого курса в гор. Карсе и обнаруживают вполне удовлетворительное знание русского разговорного языка и даже русской орфографии.

В последние два года на благоустройство церковных школ обращено особое внимание: увеличен денежный отпуск в пять раз больше прежнего, преобразованы школы грамоты в одно классные и двух классные, улучшен состав учителей и уже два раза устраивались для них специально в гор. Карсе педагогические курсы. Нужно отдать справедливость грекам: они – народ глубоко церковный. Церковь сохранила их в тяжелой турецкой неволе, сплотила, объединила, вывела из горнила бедствий; греки платят своей духовной матери полной любовью, и с первым ударом колокола они уже в храме. Несмотря на бедность и недостатки, вследствие недавнего переселения и малоплодности земли, им отведенной (в некоторых местах, уже в июле бывают заморозки на высотах, и хлеб вымерзает), они во всех самых незначительных селениях уже построили церкви. Тем не менее, турецкое иго сильно повлияло на церковный быт греков; при невежестве духовенства церковное благолепие пало совершенно; особенно это нужно сказать о греческом церковном пении в Карсской области. Унисонное, нестройное, с носовыми звуками, это пение производит крайне тягостное впечатление. На помощь должна явиться церковная школа. Ко дню приезда экзарха в гор. Карс здесь заканчивались педагогические курсы учителей греческих и сиро-халдейских школ под руководством протоиерея И. Восторгова, окружного наблюдателя школ всего экзархата. На курсы был вызван специалист греческого пения г. Куцояпопуло, бывший псалт в Константинополе, из хора патриаршего. Ему отпущены были нужные денежные средства, на которые и изданы Греческие ноты в особой тетради, заключающей в себе греко-церковную нотную азбуку (вроде нашего крюкового пения) и осьмогласие. Кроме того, греческие учителя

обучались и славянскому пению под руководством музыкально образованного учителя, на обязанности которого лежало, между прочим, и переложение на обычную круглую, итальянскую ноту греческих напевов. Дело это выполнено, и сборник уже готов к печати. Считаю долгом упомянуть здесь, что Константинопольский патриарх святейший Иоаким III особым письмом благодарил владыку-экзарха за его заботы о греческом пении. Вот это письмо в русском переводе:

«Иоаким, милостию Божию патриарх Константинопольский и Трапезундский.

Высокопреосвященный архиепископ Тифлиса и экзарх Грузии, возлюбленный о Св. Духе брат и сослужитель нашей мерности владыка Алексей! Да будет благодать и мир от Бога вашей святине! Нами и вверенным нам Святейшим Синодом с большим удовольствием получено сообщение, что вождевленное благочестие православного христианского народа городов и селений на Кавказе, говорящего по-гречески, желающего научиться и ввести в святых храмах своих отечественное византийское пение, ревностно пробудилось, так что, насколько зависит от него (благочестия), возможно, по крайней мере, подействовать для удовлетворения этой церковной нужды названных христиан. Разумеется, когда дело касается великолепия и приемлемости византийского пения, этого священного искусства, которого, как достойного наследия, наша великая Церковь Христова никогда добровольно не могла лишиться и постоянное попечение, о котором всему предпочитается, мы признали благовременным письменно возблагодарить вашу святину за святое отношение и отличающееся любовью к древней форме византийского пения, которое при изменениях и требованиях времени вызывает у всякого ревнителя отечественного благочестия святое воспоминание и других церковных преданий. За сим, после наших братских во Христе приветствий да пребудет с вашим преосвященством благодать Божия и бесконечная Его милость. 1902 года октября 7-го. Иоаким, с молитвою пребывающий возлюбленный брат».

Владыка-экзарх лично имел возможность слышать и оценить успехи по пению греческих учителей, которые при его священнослужении в субботу и воскресенье, 21 и 22 сентября, пели все церковные службы по-гречески и по-славянски. Нужно сказать, что многие греческие мотивы, например все песнопения евхаристического канона, поражают своим величием; к сожалению, унисонный напев много скрадывает красоту мелодии. Необходимо переложить мелодии на три голоса, что уже отчасти предпринято.

После литургии, 22 сентября, владыка лично открыл после молебствия две новые городские церковные школы, мужскую и женскую, назначенные для греческого населения; школы открыты при щедром пособии от города; они прекрасно обставлены всеми необходимыми и наглядными пособиями, включая сюда и издания Вятского земства; в школах введено преподавание греческого языка, а для девочек – особо и рукоделие.

На другой день, 23 сентября, владыка выехал со свитой для обозрения греческих селений. Мы не станем утруждать внимание читателя подробным описанием трехдневного путешествия владыки; остановимся на общем и главном. За это время владыка посетил греческие селения: Хинзерин, Исламсор, Заладжа, Ейджа, Безиргенкечит, Веришан, Чиплахлы, Лалоглы, Дивик, Чатах, Субатан, Ельчечмиз, Ялаузчам и некоторые, на пути лежавшие деревни. Греческое население встречало архипастыря с искренней радостью и любовью; церкви и школы были полны, и владыка имел полную возможность ознакомиться с существенными сторонами церковно-приходской жизни греков. Особенности ее, носящие на себе и доселе печать турецкого влияния, сразу бросаются в глаза. Это нужно сказать, прежде всего, о положении женщины в семье. Здесь греки прониклись чисто-турецкими взглядами. Трудно поверить, чтобы в христианском населении женщину удаляли от храма, а между тем, это – факт неоспоримый в церковном быту греков. Только престарелые женщины ходят в церковь, занимая скромное место где-либо на конце храма; при посещении церковей владыкой, женщины робко жались кучкой позади всех и производили впечатление существ жалких и забитых; что же касается женщин молодых и девушек, то явиться им в церковь, с точки зрения общественного мнения в греческом населении, было бы верхом неприличия. Переходя затем к семейному строю, мы замечаем, что среди греков привился взгляд на женщину крайне унижительный: рождение девочки – несчастье или, по крайней мере, неудача в доме и приносит разочарование матери и семье; девочек редко учат в школах; молодая невестка в семье не имеет права разговаривать в доме ни с кем, кроме мужа; при появлении посторонних мужчин, все женщины семьи немедленно удаляются. Но возмутительнее всего, это – отношение к матери. Отец считал долгом унизить ее в присутствии детей, особенно сыновей; ему доставляет удовольствие, если десятилетний сын выберит свою мать, иногда скверными словами, в присутствии отца; дети называют мать просто по имени: Мария, Анна, Елисавета; нет нежного и любвеобильного наименования: «мама»; за обедом отец с сыновьями сидят, а мать, стоя, прислуживает и не участвует в трапезе. Нужно

упомянуть и о том, что доселе среди греков нередки случаи кражи невест.

В каждом селении архипастырь обращался к народу через переводчика с выяснением, что все вышеуказанные обычаи недостойны христиан. Один из сопровождавших владыку священников, грек по происхождению, благочинный о. Харитов, везде, с благословения владыки, обращался к народу с поучениями по поводу замеченных недостатков в жизни греков. Владыка же при первом вступлении в храм приказывал народу стать, разделившись пополам: мужчины направо, женщины налево; приказывал женщинам, которые, обыкновенно не входя в храм, стояли около домов и на крышах, идти всем в церковь.

Нужно было видеть необыкновенное смущение женщин, впервые и неожиданно увидевших себя в храме и притом равноправными с мужчинами! Но делу дан добрый почин; теперь и духовенство, прежде бессильное в борьбе с укоренившимися обычаями, смело может поднимать против них голос, опираясь на слово и авторитете архипастыря. Владыка везде посещал церковные школы; они очень многочисленны, большинство имеет до 100 учащихся. К сожалению, среди учащихся редко можно видеть девочек. И по этому поводу архипастырь обращался к народу с просьбой и увещаниями не лишать девочек образования, а сопровождающему его окружному наблюдателю школ владыка поручил открыть в области не менее трех женских школ. В настоящее время в 40 греческих школах нет ни одной учительницы, а учителей-греков находить крайне трудно вследствие того, что в Карсе нет ни духовного училища, ни семинарии; только в последний год возбуждено ходатайство перед училищным при Св. Синоде советом об открытии здесь второклассной школы. А между тем дело школьное среди греков представляет иногда едва преодолимые трудности, которые неизвестны учителям внутренней России. Трудности эти зависят от того, что греки, проживающие в приходах Грузинской епархии, говорят на различных языках; есть селения, в которых говорят испорченным греческим языком, представляющим смесь татарского с новогреческим; в других селениях говорят только по-турецки; есть греки, понимающие и объясняющиеся только по-армянски. Такой именно пестрый состав учащихся был в образцовой школе на карсских курсах. К ним присоединились несколько грузин и одна мингрелка, которая не понимала, однако, грузинской речи (мингрельцы – грузины, но наречие их очень далеко уклонилось от общепринятого грузинского языка), так что и присутствовавшие учителя-грузины не могли с нею объясняться. Чрезвычайно затруднительно найти учителя, обладающего знанием всех этих языков и притом хорошо владеющего и

русским языком, которому необходимо, прежде всего, и главнее всего научить в школе. Учить Закону Божию, избрать понятный язык для богослужения – еще затруднительнее. Вот почему здесь нужны учителя в школах, владеющие умением обучать натуральным методом русскому языку, как единому и объединяющему, а это требует от учителя основательного образования и специальной педагогической практики. Владыка-эксарх все это видел на месте и дал церковно-школьной инспекции ряд указаний, как вести дело, обещав вместе с тем ходатайствовать об ускорении открытия в Карсе упрощенной духовной семинарии и второклассной школы.

Церкви в греческих селениях везде имеются. Построены они самими же греками, весьма искусными каменщиками; архитектура их, за редким исключением, очень незатейливая – длинное высокое здание, напоминающее простой дом, без куполов, с крестом над алтарной частью. Церкви содержатся довольно опрятно; живопись греческая весьма неудовлетворительна; иконы большей частью привезены из Турции и в смысле художественном стоят весьма низко; иконостасы в несколько ярусов очень напоминают старинные русские иконостасы в церквях XVI и XVII веков. Владыка везде обращал внимание на церкви; давал указания относительно их переустройства; указывать средства улучшения и живописи, и был очень обрадован, увидев в одном из храмов весьма хорошие изображения, выписанные из гор. Царицына из русской художественной мастерской. Оказывается, что и народу эти иконы русского письма весьма нравятся, и многие из соседних селений приходят нарочно в церковь посмотреть на новые хорошие иконы.

К числу недостатков церковной жизни греков нужно отнести слабое развитие обычая поминать усопших и небрежное содержание кладбищ. Владыка назначил вышеупомянутому о. Харитову темы для проповедей: о значении женщины в семье; о посещении женщинами храма; о необходимости посылать девочек в школу; о почитании матерей; о поминовении усопших; о содержании кладбищ. На эти темы везде произносились поучения на понятном народу языке, и, кроме того, сам архипастырь дополнял сказанное, обращаясь к народу, особенно же к сопровождающим владыку во множестве греческим священникам и учителям. Последние, после двух курсов в гор. Карсе объединились и представляют собой надежную церковную силу; на это обратил внимание архипастырь и, видя учителей во главе церковных хоров, составленных из школьников, везде благодарил учителей и просил народ поощрять и беречь этих тружеников; при общем невежестве духовенства, в огромном

большинстве случаев совершенно непонимающего по-русски, учителя церковных школ, все хорошо владеющие государственным языком и местными языками, являются единственными агентами русской церковной власти в греческих селениях.

Обозрев греческие селения, владыка-эксарх вынес убеждение, что дело церковное здесь имеет доброе и светлое будущее, потому что опирается на народ, любящий Церковь и все церковное. Народ не только не противится, но жаждет и ищет для своих детей изучения и государственного языка; а это даст возможность грекам в близком будущем, при развитии и улучшении школьного дела, войти в общение и воспринять всецело начала русской гражданственности.

Светлым воспоминанием из путешествия владыки было пребывание его в местечке Сарыкамьше, где расположен Елисаветпольский пехотный полк. Офицеры полка выехали за 20 верст встретить архипастыря и пригласить его к себе, чтобы соутешиться общей молитвой. Владыка прибыл в Сарыкамьш 24 сентября вечером, накануне праздника в память преподобного Сергия Радонежского. Встреченный в церкви по чину, архипастырь обратился к собравшимся офицерам, в числе до 80 человек, с прочувствованной речью, в которой указал, что воинство христоролюбивое на этой окраине не только хранит мир наш, не только стоит на страже нашей безопасности и делает великое культурное и христианское дело, служит вместе с тем и церковному благоустройству края, подобно тому, как некогда и преподобный Сергий, служа Церкви, вместе с тем служил и оказал неоцененные услуги русскому государству. Действительно, места стоянки войск в Закавказье – это отрядные оазисы во всех отношениях: здесь и удобные дороги, здесь и благоустроенные дома и поселки; здесь же высятся и устроенные прекрасные храмы в русском стиле, с благозвучными колоколами, с организованными певческими хорами, с благолепною церковною утварью. Такое именно впечатление вынес владыка-эксарх, посетив Сарыкамьш и другие места – Карс и Александрополь, Эриванской губернии, Царские Колодцы и Лагодехи, Тифлисской губернии.

Из Сарыкамьша владыка проследовал обратно в Карс, и здесь день 28 сентября посвятил русскому воинству. Владыка служил литургию в военном крепостном соборе; этот седой памятник старины, отстроенный в X веке, бывал и в руках грузин, и во владении армян, обращен турками в мечеть и уже в 1878 году снова сделался православным храмом. После литургии владыка крестным ходом проследовал на братское кладбище, где погребено более 10 000 русских воинов, павших при осадах Карса. Четыре

раза в XIX столетии русские брали эту твердыню, пока, наконец, в ноября 1877 года она окончательно не перешла в русское владение. Сколько здесь пролито крови, сколько было оказано героизма, сколько пролито слез, сколько пережито страданий! На братской могиле, в виду обступивших твердынь крепости, в виду полей и горных вершин, из которых каждая напоминала о смерти за отечество, о славе русского воинства, – отслужена была владыкой торжественная панихида.

Все войска крепости, несколько тысяч, были в сборе; все население Карса устремилось на место, где 25 лет назад в суровую зиму погребены были наскоро тела героев, – погребены так, что у многих из земли видны были окостеневшие поднятые руки и ноги... Потом уже вся эта огромная могила была засыпана землей, залита известью... Вспоминались ужасные картины: как тела убитых покрывали поле брани на несколько верст, как запрудили они быструю речку Карс-Чай, так что вода просачивалась между трупами и на большом пространстве текла окрашенная кровью... С глубоким умилением молились солдаты на кладбище, под открытым небом; когда же, по поручению владыки, протоиерей И. Восторгов с возвышения стал говорить далеко слышным голосом слово народу²⁶, когда он коснулся смерти здесь погребенных воинов-мучеников, – всколебались сердца и в толпе послышались рыдания... Момент был высоко-умилительный...

Владыка посетил потом две военные церкви; осмотрел все подробности крепости и в самом укрепленном форте, грозно и уединенно высящемся над городом и над всей местностью, в казарме посетил солдат, совершив молитвословие перед ротным образом и утешив их словом приветия и поучения. Глубоко были обрадованы солдатики, как бы оторванные строя на высокой горе, неожиданным появлением архипастыря в их уединенной казарме.

Здесь же на форте один из офицеров наглядно объяснил владыке историю взятия русскими войсками крепости Карса. Эта беседа на открытом воздухе была чрезвычайно интересна и представила воочию доблесть русского воинства.

Из г. Карса владыка-эксарх направился по русским селениям; часть этих селений населена молоканами и духоборами; одно село, Гренадерское, образовалось уже давно из отставных гренадеров; пять селений образованы недавно и состоят из православных крестьян, вызванных из разных мест России и поселенных на место выселившихся в Америку духоборов. На пути владыка заходил в моленные молоканские, духоборческие, беседовал с начетчиками и с простыми сектантами.

Сектантов в Карсской области очень много, около 10 000 душ; явились они сюда частью по принуждению в ссылку, частью добровольно; им отведены плодородные места и в материальном отношении они устроились очень хорошо. Жизнь духовная среди них далеко не установилась, и молокане и духоборы в свою очередь делятся без конца на секты, враждебные между собой; например, владыка беседовал с одним молоканином, который в течение года переменял четыре «согласия» и не знает, остановился ли он окончательно на том, которое теперь исповедует. На вопрос владыки, почему он так меняет веры, молоканин наивно ответил, что его тянет в разные секты его баба (жена). Таково влияние пресловутой свободы религиозного чувства и отсутствия твердо установленного церковного авторитета.

Не знаем, кому пришла в голову несчастная мысль объявить сектантов искателями истины и людьми, выше других стоящими по умственному развитию и пылкой смелости и запросам духа. При первом знакомстве с ними обнаруживается, напротив, их полное невежество; школ у них нет и учить детей они не хотят. Духоборы в беседе прямо заявили владыке, что школы они не хотят, потому что «все зло от книг», что их несчастные единоверцы, ушедшие в Америку, от того и смутились, что читали книжки и писания графа Толстого и его приспешников; на вопрос, читают ли они Библию, духоборческие старики заявили, что Библия – «хлопотница», т. е. она доставляет хлопоты, и поэтому ее не оказалось в моленной; нет ее и в домах духоборов; довольствуются духоборы «книгой животной», т. е. устно передаваемыми «псалмами», искаженными и безграмотными. В беседе с владыкой духобор хвалился, что наитием Духа Св. он и без книги знает «Отчу» и научился этой молитве из «книги животной». Когда же стал он, по приглашению экзарха, читать молитву Господню, то оказалась в его чтении какая-то странная смесь слов евангелия и самоизмышленных добавлений. На призыв архипастыря к единению один из стариков заметил, что негоже и отступать от веры, за которую отцы их страдали от православных: «говаривали нам старики, что когда их били плетьюми, Дух Св. видимо чрез их ребра шел». При таком невежестве трудно вести здесь миссионерское дело, и его нужно бы, кажется, начинать с миссионерской школы.

Молокане оказались словоохотливее и обнаружили даже желание вступить в словопрения. Тогда как у духоборов моление состоит из непонятного носового пения, причем получается какой-то гул, в котором никто ничего не понимает, у молокан, напротив, говорятся поучения, поются псалмы. Но и молокане только тем отличаются от духоборов, что

читают библию; невежество и безграмотность царят и здесь, школ нет, и дети обучаются грамоте кое-как от своих местных грамотеев.

В настоящее время молоканство в Карсской области переживает кризис: наставников уважаемых нет, молокане без конца делятся на секты – на общих, постоянных, субботников, воскресников, некоторые увлекаются иеговизмом. Момент этот благоприятен в миссионерском отношении, и владыка-экзарх решил послать сюда епархиальных миссионеров. Идет брожение среди сектантов и относительно выселения в Америку вслед за ушедшими духоборами. Что-то болезненное чувствуется в этом стремлении уйти с родины, где живет богато и привольно. Духоборы из Америки откровенно сознаются, что им живет плохо; некоторые возвратились назад. Но ни эти устрашающие вести, ни убеждения администрации не помогают делу. С переходом в сектантство русский человек теряет патриотическое чувство. Странное дело, но на вопрос: «ты русский?» он никогда не даст утвердительного ответа, а заявит: «нет, я молоканин». Отсюда легкость, с которой решаются сектанты на переселение, смущаемые подпольными листовками и письмами, идущими из «области темной»... По последним известиям, духоборы в Америке выделили из себя партию, дошедшую до последней крайности: они не носят ничего кожаного, ничего шерстяного (чтобы не убивать скота), раздали весь скот, пашут на себе, хлеб желают, есть в зернах. Очевидно, при таких условиях им трудно жить и в Америке, и они теперь ищут нового переселения в места, где бы им, возможно, было осуществить свой идеал религиозной общественной жизни, без властей, без суда, без всякого вида насилия над кем-либо и без общения с женами... Очевидно, процесс религиозного помешательства, в котором захватили в Закавказье духоборов толстовцы и которым они искусно и жестоко воспользовались в целях пропаганды своего лжеучения, дошел до последней крайности.

Владыка два дня употребил на осмотр русских православных селений. Православные жители, дети и внуки поселенных отставных солдат, в своей церковной и общественной жизни представляют мало привлекательного. Их отцы и деды поселены были в особенные поселки после 25 лет старой, «николаевской» службы; отставши от земли, отучившись от сельской жизни, они не могли образовать прочных земледельческих колоний, не передали навыки к доброй сельской жизни и своим детям. Занимаются здесь легкими, «городскими» промыслами, отхожею работой, мелкой торговлей; в религиозном отношении не могло выработаться объединяющего предания, объединяющего обряда и уклада жизни, оттого холодность к Церкви, грубость, жестокость, постоянные распри между

собой, неуважение к духовенству. Такое именно тягостное впечатление произвели посещенные владыкой села Гренадерское и Петропавловка; таковы же и подобные им по происхождению русские селения Тифлисской губернии, как Манглис, Приют, Белый Ключ, Царские Колодцы. Замечательно, что жители из этих селений, если попадут случайно в состав вновь образуемых русских поселков из крестьян внутренней России, сразу и резко бросаются в глаза вышеотмеченными качествами.

В село Гренадерское владыка прибыл вечером; в церкви же он разобрал некоторые недоумения прихода и причта, убеждая народ сплотиться около церкви, хранить церковные предания, жить любовно и единомысленно с пастырями. Осведомившись, что местная министерская школа совсем почти не посещается детьми гренадерцев, владыка на другой день объявил открытие учения в школе. Утром в прекрасное и обширное здание школы, выстроенное на завещанные одним из бывших здесь русских чиновников деньги, собрались родители, приведшие с собой мальчиков и девочек. Отслужен был молебен перед началом учения, и здесь же владыка образовал церковное попечительство, поручив ему заботы о церкви и школе. В пяти других русских селениях владыка также образовал попечительства. Селения эти поселены, как выше замечено, на месте ушедших духоборов; поселенцы еще недавно, года три назад, прибыли на новые места. Церквей постоянных у них нет, но везде открыты молитвенные дома, причты и церковные школы; последние оказывают большую помощь церковному делу: владыку везде встречали пением детские хоры, и в одном месте архипастырь был обрадован всенародным пением всех поселян; это было в селении Одинцовском. В селе Плодородном владыка служил литургию и совершил закладку храма по чину церковному; здесь готовы и план, и смета постройки, выкопан фундамент, и дело близко к осуществлению. В остальных селениях архипастырь водрузил с особым молитвословием кресты на предполагаемых для постройки церковей местах и образовал строительные комитеты. Во всех селениях владыка служил молебствия, в одном селе – всенощное бдение, в другом – литургию, ободрял народ словом утешения, входил в подробности его домашнего быта, посещал некоторых крестьян-новоселов в их домах, везде ревизовал церковные школы. Общим состоянием приходов и школ в русских поселениях архипастырь остался, вполне доволен.

Вечером 28 сентября владыка выехал в гор. Александрополь, где встречен был представителями администрации Эриванской губернии и

всеми войсками. Здесь отслужено было всенощное бдение и на другой день – литургия. Александрополь – по преимуществу военный город; военные части, здесь расположенные, имеют прекрасные храмы, образцово содержимые. Владыка после литургии, как и в Карсе, крестным ходом отправился на братское кладбище русских воинов, известное в Александрополе под выразительным именем «Холм чести». Владыка отслужил здесь всенародную панихиду в присутствии всех войск и множества горожан, поручив сказать слово поучения протоиерею И. Восторгову, а затем и сам обратился к собравшимся со словом, в котором выразил желание, чтобы этот «Холм чести» был увековечен и ознаменован делом милости христианской. «Слезы льются не на войне только, – говорил архипастырь, – их много в дни мира, и слезы льются и донныне вдовами и сиротами воинов, которых мы сейчас поминали». Владыка пригласил затем всех к пожертвованиям на устройство здесь богадельни или приюта для вдов и сирот, причем собрано было сразу же 200 рублей. После панихиды архипастырь обошел все братские могилы, и везде служил краткие литии. Многие из присутствовавших офицеров, помнивших «Холм чести» в минувшую войну, похоронивших здесь своих родных и близких, со слезами благодарили владыку за слово молитвы, за память о славных покойниках.

В тот же день архипастырь посетил все военные церкви и затем в близлежащем селении Александрова заложил церковь для вновь образовавшегося здесь поселения из армян, принявших православие. Движение армян в православие началось лет 20 назад; оно живо, сильно и теперь, и если бы не стеснительные условия жизни православных армян, остающихся в селениях вместе со своими бывшими единоверцами и терпящих всякие от них неприятности, оно пронеслось бы по Эриванской губернии широкою волной. Разницы между армяно-григорианством и православием простой народ не знает, да и на самом деле она не так глубока, чтобы представляла непроходимую пропасть. Пропасть хотят устроить политиканствующие элементы, главным образом из интеллигенции, но до них народу нет дела. В последнее время образовалось несколько приходов из православных армян; открыто для них богослужение, открываются школы. Администрация нашла возможным выселить православных армян в особые поселки и образовала пока два – Александровку и Агино. Государь Император от Своих щедрот отпустил по 5 000 рублей на церкви-школы в этих селениях.

Владыка прибыл в Александровку часа в четыре вечера и долго беседовал с православной армянской паствой. Протоиерей И. Восторгов,

по поручению владыки, говорил народу поучение о жизни св. Григория, просветителя армян, и выяснил ту мысль, что св. Григорий жил в то время, когда армяне не разделялись от православной Церкви и что истинными григорианами, единомышленными святителя Григория, справедливо могут быть названы именно те из армян, которые приняли православие. Так как этот вечер был кануном 30 сентября, когда православная Церковь празднует память св. Григория, просветителя Великой Армении, то здесь же был отслужен и молебен святителю и самый храм заложен во имя этого святого. Совпадение замечательное! Дай Господь, чтобы молитвами св. Григория возрастало православное стадо из армян. Удивительно, по какому-то особому государственному прозрению, еще Иоанн Грозный впервые устроил в храме Василия Блаженного в Москве один престол во имя Григория, просветителя армянского.

В настоящее время в Александровке открыта церковная школа.

На другой день, 30 сентября, архипастырь посетил Александропольскую двухклассную школу, в ее новом прекрасном помещении, оставшись очень довольным постановкой школьного дела, посетил другие учебные заведения и затем отбыл с поездом железной дороги в гор. Эривань. На пути владыка остановился в вышеупомянутом селении армянском Агино, осмотрел место, отведенное под дома поселенцев, и церковь и беседовал с народом. В эти оба селения, в Александровку и Агино, уже назначены причты.

В Эривань владыка-эксарх прибыл к вечеру под 1-е октября – храмовой праздник эриванского собора. Отслужив всенощную и на другой день – литургию, архипастырь после службы особо молился с войсками, явившимися к собору. Праздник совпал с годовщиной взятия Эривани 75 лет назад, 1 октября 1827 года.

Затем архипастырь осматривал вновь строящийся прекрасный городской собор, уже близкий к окончанию. И здесь владыка один из приделов указал посвятить имени Григория, просветителя Армении. Эриванская губерния требует особого пастырского попечения, как населенная недавно принявшими православие айсорами (сиро-халдеями) и армянами. К сожалению, нет людей, годных к миссионерству, нет средств для построения церквей, для содержания причтов, для открытия школ церковных, которые могут иметь здесь огромное миссионерское значение. Эриванская губерния в церковном отношении – еще непочатая работа, и все здесь еще в будущем. Между тем, на этой окраине, рядом с Персией, в виду Эчмиадзина, этого духовного центра армянства, отстоящего всего в 20 верстах от Эривани и сильного своими богатыми материальными

средствами, православие должно стать в силе и крепости, и в достоинстве, соответствующем для господствующей в Империи Церкви.

Вечером в этот день собралось духовенство айсорских приходов, расположенных вблизи гор. Эривани; несколько часов провел владыка в беседе с ним и знакомился из докладов священников с духовными нуждами паствы. Более подробный обзор приходов владыка отложил до того времени, когда ему придется вновь посетить Эривань для освящения нового собора. О, как велика здесь жатва, и как мало деятелей! Духовенство – в большинстве из неучившихся нигде; айсоры-священники пришли из Персии; к руководству школьным делом неспособны. И здесь нет второклассной школы; для подготовки учителей нет ни духовной семинарии, ни училища, нет и хороших церковных школ. Сюда нужно обратить средства и заботы, но и при средствах трудно найти учителей, знающих айсорокий язык, а если таковые и найдутся, то трудно привлечь их к работе в таких глухих местностях, куда можно проехать не иначе, как верхом, где нет сносных жилищ и сносных условий для существования. Следует заметить, что в губернии расположены, кроме того, и многочисленные поселки русских сектантов живущих здесь десятками лет. Все это вызывает заботы епархиальной власти. В последнее время владыка определил в эриванский собор молодого протоиерея о. Н. Федотова, которому придется много потрудиться для дела православия в Эриванской губернии.

Владыка отбыл из Эривани 2 октября. Но прежде чем отправиться в Тифлис, архипастырь пожелал посетить верховного католикоса всех армян Мкртича I, проживающего в Эчмиадзине. Нужно заметить, что во всех путешествиях экзарха по епархии ему везде представлялось армянское духовенство, встречало его в церквях с пением, в облачениях, почтительно приветствовало его в храмах, показывало везде местные святыни. В Эривани к экзарху, по поручению католикоса, явился архиепископ Эриванской епархии с приглашением пожаловать в Эчмиадзин. Утром 2 октября владыка-экзарх, эскортируемый почетной стражей, в сопровождении губернатора, прокурора суда, вице-губернатора и других чинов администрации, отправился в Эчмиадзинский монастырь, находящийся в селении Вагаршапат. Не доезжая трех верст до Эчмиадзина, владыка был приглашен осмотреть раскопки на месте древнего армянского города. Раскопки ведет по собственной инициативе на собираемые пожертвования армянский архимандрит о. Хачик. Читая летописи древних авторов, о. Хачик пришел к мысли, что древний храм, устроенный св. Григорием, затем великолепный храм, воздвигнутый

католикосом Нерсесом-Строителем в VII веке в честь св. Григория, а также палаты Тиридата, первого армянского царя-христианина, крестившего свой народ в 302 году по Р. Х., находятся около теперешнего Эчмиадзина, но не на том месте, где стоит монастырь, и что «Сошествие Единородного» (по-армянски «Эчмиадзин») было показано в видении св. Григорию не там, где теперь его указывают (в монастыре католикоса), а на месте устройства св. Григорием первого алтаря. Всего несколько лет назад о. Хачик принялся за раскопки, но в короткое время достиг изумительных результатов: перед взором зрителя открывается из-под вековых развалин пол, фундамент, в некоторых местах цоколь великолепного храма, круглой формы; сохранились колонны с чудными капителями, украшенными резьбой и сохранившими на греческом языке имя строителя Нерсеса с высеченными изображениями орлов – знак достоинства католикосов; открыто место ризницы с сохранившимися предметами церковной утвари, с окаменелым деревянным маслом; восстановлен алтарь, открыт баптистерий, отысканы места, куда Нерсес положил мощи св. Григория и его главу в алтарной части. Круглые окна дивной резьбы, часть купола в стороне, – все это говорит о былом величии и дивной архитектуре храма, который в VIII веке был разрушен арабами. Глава же св. Григория была взята и отвезена в Неаполь, где почивает и донныне в особой часовне. Неподалеку от этого храма открыт и первый алтарь, воздвигнутый св. Григорием на месте языческого капища. Как остаток язычества и глубочайшей древности, найден огромный камень с клинообразной надписью, которая ныне дешифрована и, оказывается, сделана в VII веке до Р. Х. на ассирийском языке ванским царем из могучего царства Урарту. Об этом царстве имеется мало сведений; известно только, что оно не имеет ничего общего с армянами и, хотя получило письменность и культуру от ассириян, но вело с ними упорную борьбу. Не то ли это царство и народ с севера, от Арарата, которым некогда грозил пророк Иеремия могучему и ненавистному Вавилону? (Иерем. гл. L).

Владыка с благоговением помолился в алтаре св. Григория и отслужил здесь с сопутствующими ему духовными лицами молебствие великому святителю. Осмотрев обширные палаты Тиридата и наскоро устроенный музей, – кстати сказать, совершенно открытый для всякого воровства и никем не охраняемый от расхищения и от продажи за границу, – и поблагодарив о. Хачика, владыка-эксарх отправился, наконец, в Эчмиадзин. Здесь ему в селении Вагаршапате, в русской православной церкви, была устроена торжественная встреча войсками, администрацией, православной малолюдной колонией и жителями Вагаршапата. Здесь,

безусловно, нужна церковная школа, на которую, однако, не имеется в распоряжении причта никаких средств. Владыка обещал возбудить об этом ходатайство перед училищным при Св. Синоде советом.

В ограде Эчмиадзинского монастыря экзарха Грузии с почетом встретили армянские епископы, члены священного Эчмиадзинского синода, и особо уполномоченные от католикоса два архимандрита. Его высокопреосвященство прошел прямо в главный монастырский храм, преклонив колена у места «Сошествия Единородного» и перед престолом, помолился и призвал благословение мира и любви на всех предстоящих. Здесь архипастырь осматривал ризницу монастыря, в которой главные сокровища – дары российских монархов католикосам армянским. В другом отделении ризницы владыке показали часть мощей св. Григория, копьё, которым прободено ребро Господа, кусок ковчега Ноева. Осмотрев ризницу, владыка направился к его святейшеству. Католикос всех армян встретил владыку весьма сердечно и оказал ему все знаки почета и внимания.

Владыка-экзарх в ответ на приветствие его святейшества отблагодарил его за радушный прием и за ту почтительность к архипастырю русскому, которую он встречал всюду в армянском духовенстве. Эта почтительность, столь достойная христианского народа, несомненно, внушена армянскому клиру его высокопочитаемым католикосом и свидетельствует о том, что его святейшеству присуща чувства мира и любви и заботы о единении христианском. Нас ничто не разделяет, а память святителя Григория, просветителя армян, равно дорога и церкви армянской, и православной. Здесь владыка поведал католикосу, что он прибыл в пределы Эриванской губернии в день памяти святителя Григория и уже распорядился в трех местах (в Александрополе, Александровке и в Эривани) во вновь строящихся храмах воздвигнуть престолы во имя великого просветителя Армении и просил у его святейшества часть святых мощей святителя; при этом владыка изъявил желание в назначенное время лично прибыть снова в Эчмиадзин и из рук католикоса приять святыню. Его святейшество изъявил на это свое согласие.

После приема и беседы в покоях католикоса состоялся обед в честь высокого гостя, причем католикос провозгласил первый тост в честь высокопреосвященного экзарха Грузии, члена Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода, на что владыка-экзарх ответствовал здравицею за его святейшество. Когда же католикос провозгласил тост за народ, за паству, то владыка-экзарх, встав, ответил,

что где народ, там и Царь, и где Царь, там и народ, и посему он просит разрешения его святейшества ответить на его слова чудным гимном – молитвою православной Церкви о народе и Царе. Торжественным пением «Спаси, Господи, люди твоя» свита экзарха подтвердила слова архипастыря.

По окончании обеда владыка-экзарх осматривал монастырь, посетил академию, где студенты пели пред владыкой некоторые армянские песни. Пение было очень стройное и приятное, причем хором управлял монах, получивший музыкальное образование в Берлине. Протодиакон провозгласил многолетие Государю Императору и Царствующему Дому, на что студенты ответили гимном: «Боже, Царя храни». Провозглашено было многолетие и его святейшеству. Владыка закончил беседу словами молитвы: «И даждь нам едиными усты и единым сердцем славить и воспевать пречестное и великолепое Имя Господа! И да будут милости великого Бога... со всеми вами». Осмотрев библиотеку академии и откушав затем чай у католикоса, владыка-экзарх сердечно простился с его святейшеством и епископами и затем отбыл на станцию железной дороги, в 15-ти верстах от Эчми-адзина, откуда и направился в Тифлис. На дороге владыка остановился в м. Караклисе, где осмотрел новостроящийся храм и указал здесь быть церковной школе, в которой назрела нужда.

Немного отдохнув в гор. Тифлисе и покончив спешные нетерпящие отлагательства дела, архипастырь 11 октября выехал в Сигнахский уезд, Тифлисской губернии.

Владыка направился по пути к Бодбийскому женскому монастырю. По дороге он осмотрел школу в Сартачалах, беседовал с молоканами деревни Малхазовки и наметил здесь открытие церковно-приходской школы. Затем владыка прибыл в грузинское селение Кельмечуры, около которого рядом расположено село Александровское, населенное молоканами. Здесь уже открыты и действуют две школы, в которых обучается до 50 детей сектантов вместе с грузинами. Находя школы переполненными, владыка приказал открыть еще одну школу. По ходатайству епархиального начальства, Св. Синодом отпущены средства на постройку церкви в Кельмечурах. Архипастырь лично осмотрел место для постройки церкви и затем совершил закладку ее в присутствии православных кельмечурцев-грузин и довольно значительного числа собравшихся молокан. Во время молебна, по поручению архипастыря, окружной наблюдатель школ протоиерей И. Восторгов обратился к сектантам с поучением миссионерского характера о значении храма Божия, приведя из библии, столь уважаемой молоканами, все

свидетельства в пользу храмоздания и церковного благолепия. Сектанты со своей стороны обещали оказать помощь новоустроенному храму подвозом нужных материалов и личными работами.

Вечером владыка прибыл в Бодбийский монастырь, где отслужил всенощное бдение, а на другой день, 12 октября, освятил в обители новоустроенный храм во имя святителя Иннокентия. За богослужением возведена была в сан игумении новая настоятельница монастыря Ювеналия; вместе с тем это было и прощанием с прежнею игуменией Ювеналией, переведенной в Московский Рождественский монастырь. За литургией об этом сказано было слово протоиереем И. Восторговым.

Приняв в обители трапезу, владыка в этот же день выехал в Царские Колодцы, место расположения Тверского драгунского полка. Погода изменилась к худшему, но владыка не изменил поездки, несмотря на трудности пути, потому что имел в виду собственно не Царские Колодцы, а новоустроенное в 3-х верстах русское православное селение Свечиное. Поздно вечером Архипастырь прибыл в Царские Колодцы и проследовал прямо в церковь, где и слушал всенощное бдение. Военная церковь здесь служит и приходской для местных жителей, бывших старослуживых солдат. Военные власти встретили архипастыря достойно и после всенощной, владыка, остановившись у полкового командира, несколько часов провел в обществе офицеров полка, собравшихся в полном составе. Здесь архипастырь предложил устроить, при помощи полка, женскую школу для поселян и расположил полк к участию в устройении церкви и школы в новом русском поселке Свечиное. Наутро, в 6 часов, было решено отправиться туда всем вместе.

Поселок Свечиное возник недавно. Два года назад некоторые крестьяне, преимущественно из безземельных, проживавших в Кубанской области, прослышав о свободных землях в Тифлисской губернии, назначенных для переселенцев, явились в местечко Мелари, Сигнахского уезда. Собралось переселенцев около 200, но первый опыт оказался очень неудачным: переселенцы все переболели от страшной малярии, этого бича Алазанской долины, и несколько десятков из них умерли в одно лето. Все в страхе разбежались, и Бог знает, что случилось бы с несчастными, если бы не приняли в них участие офицеры Тверского полка и начальник губернии. Дамы Тверского полка образовали особый комитет для помощи переселенцам, нашли для них приют в Царских Колодцах, давали одежду, пищу, лекарства. И. д. Тифлисского губернатора полковник И. Н. Свечин со своей стороны принял все меры к тому, чтобы найти для переселенцев здоровое место поселения; такое нашлось около Царских Колодцев. Ко

дню прибытия владыки поселок уже обстраивался; теперь имеется более десяти домов, на вид весьма хороших; народ приободрился, поздоровел; предполагено, здесь устроить большое село, домов в 100; отведено место для церкви. Поселок в честь губернатора назван «Свечино». В день приезда архипастыря погода окончательно испортилась; с утра лил дождь; грязь стояла невылазная. Несмотря на это, владыка, в сопровождении офицеров полка во главе с полковым командиром, отправился в поселок и был встречен всем населением с радостью. Архипастырь заходил в дома переселенцев, беседовал об их нуждах; затем все отправились пешком на возвышенность, господствующую над местностью; здесь назначено место для церкви. Начался молебен. С каким воодушевлением молились эти русские люди, заброшенные в далекий край, испытавшие столько потерь и страданий! Как склонялись их головы с крестным знаменем, как усердно они кланялись в землю, как плакали и вздыхали! Общий молитвенный порыв объял всех, и в этот дождливый и сумрачный день не чувствовалось ни тоски гнетущей, ни недовольства: верилось, что здесь устроится доброе христианское дело. Протоиерей И. Восторгов, по поручению владыки, говорил поучение собравшимся на тему: «Духа не угашайте». Ободренные молитвой, обрадованные известием, объявленным из уст архипастыря, об открытии школы в селении на казенный счет, поселенцы с любовью и благодарностью заявляли владыке, что они постараются устроить все нужное для церкви и причта. По приглашению владыки, и офицеры полка приняли участие в постройке храма; здесь же они собрали до 50 руб. и обещали всеми мерами участвовать в благоустройении новопоселенцев. «Мы видим, что не забыты», – с радостью говорили крестьяне, провожая архипастыря.

Из Свечино с большими трудностями владыка проследовал в Хирский монастырь и, осмотрев здесь обитель и школу, спешно отправился в местечко Лагодехи и поселок Ново-Михайловский; эти местности лежат на самой границе экзархиата, у подножия Дагестана. Здесь приютились и поселены, уже лет 30–40, два селения из отставных солдат. В Лагодехах расположен Лорийский пехотный полк; военная церковь служит вместе и приходской. Владыка и здесь обратился к полку с призывом послужить церковно-школьному делу; результат оказался чрезвычайно быстро: в ознаменование посещения архипастыря, 17 октября уже была открыта женская школа в Лагодехах, с двумя учительницами; школе присвоено имя Лорийского полка. Вместе с тем полк изъявил полное согласие принять участие в устройении церкви в поселке Ново-Михайловском, отстоящем от Лагодех в 5 верстах. Поселок этот владыка посетил 14 октября и здесь

открыл школу и заложил храм. Народ, несмотря на дурную погоду, собрался во множестве, и архипастырь обратился к нему со словом на тему: «Се даю вам власть наступать на змию и скорпию и на всю силу вражью». Много силы вражьей вокруг новомихайловцев: мучит их малярия, разоряет лесной зверь, нападают постоянно лезгины и грабят скот, дома; не так давно ограбили и временный молитвенный дом. Но все преобедит сила христианской любви взаимной, единодушия, настойчивости и терпения. К этому единодушию призывал владыка новомихайловцев и указывал им, что только этой силой возрастет у них и храм, и школа, благоустроится их внешняя и внутренняя жизнь. По окончании молебствия архипастырь здесь же открыл приходское попечительство и строительный комитет, обласкал собравшихся в школу детей и благословил начало классных занятий.

Отсюда владыка-эксарх отправился в гор. Тифлис, останавливаясь для беседы с духовенством Сигнахского уезда в селении Вакурцихе; здесь девочки женской школы из селения Карданахи поднесли владыке свои рукоделия, за которые школа на последней юбилейной Кавказской выставке удостоилась серебряной медали. К утру 15 октября владыка прибыл в Тифлис.

К столетию министерств (20 декабря 1902 г.)

К нынешнему дню приурочено празднование столетнего юбилея существования министерства внутренних дел, а вместе с тем, естественно, вековой юбилей со дня учреждения и других министерств в Российской Империи. Отлагая до другого, более удобного случая сообщение подробных сведений об истории возникновения этих учреждений в России, их организации и значении в составе высшего управления в нашем отечестве, в настоящей статье ограничимся самыми необходимыми и краткими замечаниями.

Известно, что коллегиальные учреждения, волею Петра Великого поставленные во главе управления Россией и заменившие старинные Приказы, оказались неудачным подражанием Западной Европе и, как отвечавшие только кабинетным теориям, скоро обнаружили полную свою несостоятельность. Поэтому в течение почти всего XVIII века коллегии преобразовывались, изменялись, дополнялись различными надстройками, что делало их еще более неудобными. Вялость и медленность в течение дел, недостаток разделения труда, множество формальностей, заслоняющих настоящее дело, недостаток ответственности, развитие партийности – это всем известные недостатки вообще коллегиальных установлений. Ко времени Екатерины Великой генерал-прокурор уже фактически был первым министром; при Императоре Павле I хотя и была сделана попытка восстановить коллегии, но рядом с ними были поставлены особые директора, пользовавшиеся правом непосредственного доклада Государю по делам коллегий, власть которых, таким образом, совершенно умалилась. Ясно было, что, по требованию времени, вместо коллегиального все более и более выдвигалось единоличное начало в управлении. Так была совершенно подготовлена почва для учреждения правильно действующих министерств, о чем и объявлено в известном манифесте Императора Александра I от 8-го сентября 1802 года. Причиной учреждения министерств в манифесте указано желание Государя «разделить государственные дела на разные части, сообразно естественной их связи между собою, и для успешнейшего течения поручить оные ведению избранных министров». Справедливости требует сказать, что, подобно Петровским коллегиям, и министерства учреждены были в России по примеру Западной Европы, по образцу которой Государю, впервые годы его царствования, так сильно хотелось устроить свою империю. Неофициальными советниками Государя были при этом

известные Чарторьжский и Новосильцев. Но министерства, пересаженные с западноевропейской почвы, заимствованные из государств конституционных, выросших из борьбы королевской власти с феодалами, из сложной и долгой борьбы сословий, естественно, на первых порах являлись в России учреждениями чуждыми и неприспособленными к окружающей среде. Это немедленно и было подмечено многими противниками нововведения, среди которых видное место занимает и Карамзин. Действительно, Император Александр I, воспитанный Лагарпом на началах, совершенно чуждых русской жизни и ее историческим заветам, горячо мечтал в молодости пересадить весь строй западноевропейский в Россию. Учреждение министерств было только отрывком, одной частью этого широкого по замыслу плана государственного переустройства. Однако с течением времени, входя в зрелые годы, присматриваясь и вникая в дух народной жизни, Государь увидел всю ошибочность своего плана и опасность его для государства. Таким образом, общая реформа государственного строя была остановлена и отвергнута, а созданные в связи с нею министерства сохранились.

Нужен был человек, который сумел бы вывести вновь созданные учреждения из их фальшивого положения и, так сказать, приспособить их к русской действительности. Осуществление этой задачи потребовало почти трех четвертей столетия, но на первых порах и вообще более всего пользы этому делу принес знаменитый М. М. Сперанский. Его мощный ум сумел выйти из затруднений, и новые учреждения были спасены для жизни.

В настоящее время существуют в России до 15 министерств и равных им учреждений. Организация министерств далеко не однообразна, но общий тип их все-таки выступает совершенно ясно. Обыкновенно рядом с министром функционируют учреждения, ведающие доклады по делам – канцелярии и департаменты, и коллегиальные учреждения – министерские советы. За последнее время все более и более входит в обычай приглашать в министерство для совещания людей, часто не занимающих никакого положения в официальном мире, и вообще замечается в министерской деятельности стремление придать министерствам более жизненности, усилить коллегиальное начало, причем некоторые совещательные учреждения получают более самостоятельное значение.

Из всех министерств особенной широтою полномочий облечено министерство внутренних дел. Таковым оно было с первых дней возникновения. С течением времени, несмотря на изъятие некоторых дел из ведения этого министерства, в общем, компетенция его все более и

более расширялась; один перечень его отделов, советов, комитетов и проч. занял бы целую статью. Деятельность его усилилась особенно с изданием положения 12-го июля 1889 года о земских участковых начальниках, что предоставило министерству весьма сложные обязанности судебные и судебного надзора.

Нужно надеяться, что по поводу столетия министерств появятся обстоятельные труды по их истории. Труды эти представят несомненный и выдающийся интерес и составят ценный вклад в историю внутренней жизни нашего отечества в минувшее, столь важное в его жизни столетие.

1903 г.

Обозрение Грузинского экзархата архиепископом Алексием, экзархом Грузии²⁷

С первых дней вступления высокопреосвященнейшего Алексия в управление экзархатом владыка изъявил твердое намерение, по возможности, лично ознакомиться со своей обширной паствой. Если где, то в особенности в Закавказье, с его бесконечным разнообразием народностей, условий жизни, особенностей управления и быта, необходимо именно личное ознакомление архипастыря на месте с нуждами и потребностями пасомых.

В первый же год управления экзархатом высокопреосвященнейший архипастырь успел посетить Карс и Карсскую область, гор. Эривань и Александрополь с окружающими приходами, гор. Баку, Елисаветополь, два раза Сигнахский уезд, Душетский уезд Тифлисской губернии, Тифлисский уезд и окружающие гор. Тифлис монастыри. Ознакомившись с Грузинской епархией, владыка предпринял поездку и в западную Грузию для ознакомления с епархиями экзархата. Особенное внимание архипастыря привлекало Черноморское побережье, этот чудный край, быстро населяющийся, привлекающий теперь внимание правительства и получающий новое административное устройство, – разумею учреждение особой Батумской области с непочатым в ней миссионерским делом, отделение Сухумского округа, как особой административной единицы, с широко задуманным здесь русским переселением. Край этот получает теперь береговую железную дорогу, быстро культивируется, заселяется; в церковном отношении он требует широко поставленного миссионерского дела среди диких сынов Абхазии и напряженных забот о русских переселенцах, нуждающихся в церквях, школах, в духовенстве, в объединяющем и укрепляющем воспитании единого церковного уклада, столь необходимого дня переселенцев, собирающихся сюда из различных местностей России. История указала в прошлом незаменимое средство такого именно воспитательного объединения народа в святых обителях: милостью Божией, они уже возникли на Черноморском побережье, некоторые достигли в короткое время расцвета жизни и деятельности. Знакомство с этими обителями также входило в задачу архипастырского путешествия владыки-экзарха. Естественно, при этом главное внимание архипастыря привлекал знаменитый Ново-Афонский монастырь, эта краса и оправдание русского и церковного дела на Черноморском побережье.

Из Тифлиса выехали 14 апреля по направлению к гор. Гори.

Погода благоприятствовала путешествию; весна в Закавказье в это время в полном своем развитии и украшает горы и долины чудным изумрудным убором; было тепло и сухо. Сейчас же за Тифлисом из вагона железной дороги видны Зедазенские горы, на которых в древности стояло капище языческого бога Заденя (Юпитера), где даже в VI веке по Р. Х. местные жители, по словам известного грузинского историка Д. Бакрадзе, еще приносили свои нечестивые жертвы. Здесь именно воздвиг алтарь Богу истинному основатель грузинского монашества преподобный Иоанн, один из XIII сирских отцов и их глава; построенный ими монастырь с церковью сделался источником просвещения всей страны и имел великое множество иноков, свидетельствуют донныне сохранившиеся развалины обширных хозяйственных зданий, келий и церквей. Монастырь этот в запустение с XVII века после нашествия шаха Абаса и после многочисленных набегов диких лезгин, которые в XVII и XVIII веках постоянно грабили ослабевшую Грузию. Казалось бы, что с умиротворением края в XIX в. под русской властью обитель св. Иоанна Зедазенского, эта колыбель Грузинского монашества, должна бы возникнуть к новой жизни; но, к сожалению, почти все монастыри Грузии находятся теперь в состоянии полного запустения и имеют весьма незначительное число иноков по причине упадка в крае стремления к подвижничеству, на что жаловался еще в 1828 г. экзарх Грузии митрополит Иова в особом представлении Св. Синоду по поводу восстановления древних грузинских святынь. В печальном положении запустения находится и Иоанно-Зедазенский монастырь со времени разрушения до наших дней; монастырский храм, однако, еще в 1849 году восстановлен экзархом Грузии митрополитом Исидором.

Одинок и заброшен и другой чудный храм – так называемый Крестовый монастырь или, по-грузински, Джварис-монастери, Джварис-сакдари, величаво стоящий на высокой горе против Мцхета. Он построен на том месте, где, по преданию, св. Нина воздвигла крест из дерева после просвещения грузин св. крещением в Мцхете. Не говорит ли о водружении здесь св. креста и то обстоятельство, что грузины называли соседний с Джварис сакдари небольшой храм Голгофою? Следы этого храма заметны и доселе. Все время из вагона железной дороги, подъезжая к Мцхету, можно любоваться этим чудным храмом типичной греческой архитектуры, древнейшим в Грузии памятником церковно-строительного греческого искусства. По свидетельству грузинских летописей, начало построения этого храма приписывается Гураму Куропалату (в конце VI в.), преемники которого к половине следующего VII столетия dokonчили эту

изумительно трудную постройку на высокой скалистой горе, куда доставка строительных материалов могла производиться весьма медленно и с едва одолжимыми препятствиями. Только глубокая вера и пламенное усердие, как бы в назидание векам и грядущим поколениям, могли побудить царственных строителей на этот тяжкий труд. Ученый знаток церковно-грузинской старины и архитектуры, академик Броссе, не находит оснований сомневаться в правильности показаний грузинской летописи относительно времени построения Джварис-сакдари; по его словам, после Пицундского храма на берегу Черного моря, это – древнейший храм Грузии; простота его архитектурного стиля и низкий купол несомненно удостоверяют его глубокую древность. Указания летописи совпадают и с известиями о тогдашнем политическом состоянии Грузии, которая в указанные века действительно находилась в подчинении и в вассальных отношениях к Греции; сами строители храма, поименованные в сохранившихся надписях, носят греческие титулы ипата и патриция. Известно, что титул ипата встречается и в книге Деяний св. апостолов (XIII, 7; XVIII, 12). Судя по одной сохранившейся надписи, которая гласит, что обитель выстроена «для служения Богу сестер-жен», можно думать, что здесь в древности был женский монастырь. Монастырь в IX и X вв. был разрушаем арабами, но все же не погиб окончательно. Говорят, его именно подразумевал М. Ю. Лермонтов в своей чудной поэме «Мцыри». Запустение этого храма и народное грузинское предание связывает с упадком в народе веры и благочестия. «Существует легендарное сказание, что от купола монастыря Св. Креста до купола Мцхетского собора была протянута железная цепь, по которой благочестивые из монахов для благовеста проходили в Мцхет и обратно в монастырь. Но по мере того, как ослабевало в народе усердие к вере, ослабевала и цепь, наконец, она порвалась и совсем исчезла, поднявшись на небо». (См. кн. А. Нагроева о Мцхетском соборе, стр. 21.) Будто бы и монастырь, поэтому называли не Джварис-сакдари, а собственно Джадчвис-сакдари, т. е. цепная церковь.

Быстро мелькают пред глазами путешественников местности, церкви, монастыри, свидетели былой и кипучей истории Закавказья. Наш край еще ждет своего историка, который властной рукой и обаянием творчества и вдохновения развернул бы пред нами картину его минувшей жизни. Закавказье с незапамятных времен привлекало к себе все исторические народы то как торговый путь Востока и Запада, лежащий между Черным морем, Персией и Индией, то как выгоднейшая позиция в вековой борьбе того же Востока и Запада, Персии и Греции, Персии и Рима, Персии и

Византии...

Вот остатки Помпеева моста около Мцхета – знак, что здесь стоял еще в I в. до Р. Х. сильный римский гарнизон; вот самый Мцхет с его святынями, где Мириан царь, родом из персидской династии, долго колебался, куда ему примкнуть: к Востоку или Западу, победоносному Константину Великому или к персидскому шаху, к христианству или персизму... Город давно, еще с XIV в., со времени Тамерлана, пришел в полное и окончательное запустение; раньше и в VII в. он был разрушен Мурваном-Кру. Вот и Армази гора, где стояли языческие боги, которым кланялся Мириан с народом и среди которых был и Армазд, т. е. несомненно, древне-парсийский Ормузд. Здесь же недалеко был и город Армази, где также стоял сильный римский гарнизон со времен императора Адриана, при котором грузинские цари уже вызывались в Рим и от Рима получали знаки инвеституры... Еще немного, и вправо от железной дороги виден Шиомгвимский монастырь, основанный на месте древнейшего пещерного города, отданного задолго до христианской эры под поселение колонии туранцев и затем разрушенный рассеявшимися полчищами Александра Македонского. Этими пещерами (по-грузински мгвиме) воспользовались потом христианские иноки, здесь с VI века, подвизавшиеся под руководством св. Шио, одного из XIII сирских отцов. И доселе еще сохранились некоторые пещеры с остатками церквей и иконостасов; они разбросаны по возвышенностям гор, выдолбленные под самыми вершинами, теперь уже недоступные по причине разрушения дорог, которые некогда были туда проложены.

Еще полчаса пути, и перед взорами путников вырисовывается на левом берегу Буры, на отвесном, как стена, высоком обрыве скал целый пещерный город, немой свидетель доисторических времен, зияя своими пещерами, расположенными в несколько рядов, точно ячейками в каком-то гигантском пчелином соте... У подножия этого таинственного города, называемого по-грузински Уплис-цихе, т. е. крепость Господня, приютилась жалкая армянская деревушка. Уплис-цихе хорошо можно рассмотреть из вагона; видны пещеры, видны остатки старинных башен и стен. Отсюда некогда шли подземные ходы, спуски к Куре; здесь показывают остатки дворцов и церквей, а одно из подземных помещений, по словам известного путешественника Е. Л. Маркова, считают остатком древнейшего храма Ваала и Астарты, которым кланялись в Закавказья во время господства здесь финикийян; говорят, что имя Ва-ала звучит и в грузинском Уп-али (Господь)... Уверяют, что Уплис-цихе существует уже 3 000 лет. Конечно, все это – только предположения и предания, не всегда

достоверные; несомненно, одно, – что все здесь ждет образованного и беспристрастного историка и археолога, который найдет себе на Кавказе неизбывную и достойную работу.

Но вот близится и гор. Гори.

Местность, которую приходилось проезжать, полна глубокого исторического интереса. Близ станции Каспи владыке показали ущелье, в котором верстах в пяти от линии дороги расположен знаменитый Самтависский собор, построенный в VI в., хотя, конечно, и не в настоящем виде, св. Иларионом, одним из отцов сирских, и бывший кафедрой епископа, занимавшего в числе 40 иерархов Грузии 28-е место; храм знаменит своей архитектурой и чудной резьбой. Недалеко от Гори видно селение Урбниси, стоящее на месте древнейшего обширного поселения, в котором, очевидно, судя по множеству добываемых при случайных раскопках монет и предметов домашнего обихода, жили евреи, греки, римляне. Предание, правда, не всегда надежное, которое, однако, заменяет в Грузии писаную историю, относит возникновение Урбниси к отдаленнейшим временам поселения Уплис-цихе. В IV в. по Р. Хр. здесь жила св. Нина, которая, направляясь в Грузию по нынешнему Боржомскому ущелью, прежде всего, остановилась в Урбниси в еврейском квартале, очень многолюдном. Среди евреев, которые, как известно, имели огромное значение в деле приготовления грузин к христианству, св. Нина именно в Урбниси начала свою проповедь и нашла первых верующих преимущественно из девушек и женщин. С этими первыми христианами она и отправилась к 5 августа в Мцхет, ко дню всенародного религиозного праздника в честь Армазда, и в Мцхете начала свою просветительную апостольскую деятельность. В Урбниси также была епископская кафедра; кафедра Урбнисская в XVII веке приобрела важное миссионерское охранительное значение. Известно, что коренная Грузия, Самцхе или Саатабаго, с XVII века изменила христианству и под давлением Турции приняла ислам. Немногие верные сыны Церкви, оставшиеся без храмов и архипастырского попечения, были тогда поручены попечениям Урбнисских епископов. Знаменит и Урбнисский храм, основанный, как полагают, в VI веке одним из XIII сирских отцов Тате и известный под именем Сиона: название, которое усвоилось всем древнейшим храмам, не имевшим купола.

Город Гори – один из древнейших городов Грузии, торговое место, древняя сильная крепость. Довольно взглянуть на местоположение города, чтобы сразу понять его значение в Карталинии. С севера из Джавского ущелья врывается по направлению к реке Куре и гор. Гори обширная,

гладкая, как стол, равнина на протяжении верст тридцати; сама Кура, выходя из Боржомского ущелья, образует здесь обширную Карталинскую равнину, прорезывающую Грузию от запада к востоку. В этой местности совершенно ясным становится путь, которым шли древние грузины: они врезались в поселения более ранних обитателей – осетин, заняли течение Куры, заняли также плоскость и равнину по течению реки, раздвинув осетин и потеснив их горы в две противоположные стороны: к югу – по Боржом-ущелью, где доньше много осетинских селений, и к северу – в ущелье Джавское, доньше сплошь населенное осетинами и соединяющиеся через Турсовский перевал с северной Осетией.

Если к сказанному о местоположении Гори прибавить, что не в далеком от него расстоянии находится Сурамский перевал, отделяющий Имеретию от Грузии, то станет совершенно понятным исключительное положение Гори в торговом отношении, как центрального пункта, где могли сходиться и меняться товарами: горцы – с севера, имеретины – с запада, карталинцы – с востока; отсюда и стратегическое значение Гори: это был оплот Грузии против набегов горцев и нападений соседних царств Имеретинского и Мингрельского, а в последние два-три столетия и от нападений ахалцыхских турецких пашей. Торговым значением города объясняется то обстоятельство, что Гори населен весьма значительным числом армян, этих природных торговцев, и окружен еврейскими поселениями (в Цхинвали, Урбниси, Карели); отсюда населенностью и бойкостью города объясняется и то, что католическая пропаганда здесь давно свила себе гнездо и вначале действовала довольно удачно, чему доказательством служит прекрасный костел в Гори, лучший из городских храмов. Понятно, что для защиты врагов издавна здесь была сильная крепость, хотя она служила иногда базой и для врагов Грузии, например, по сказанию Шардена (см. его «Путеш.», стр. 180), в его время (XVII в.) там стоял персидский гарнизон.

Православных жителей в гор. Гори немного; приходских церквей – три: собор, Оконская и Рождество-Богородичная, иначе русская церковь. Кроме того, имеется особая церковь за городом для расположенных здесь войсковых частей и кладбищенская церковь; домовых церквей две – при духовном училище и при учительской семинарии; есть приписные к приходским церкви и часовни, большей частью весьма древние. Церкви горийские очень небогаты, небогато и православное население – грузины, потому что торговля сосредоточена главным образом в руках армян.

Приезд архипастыря, однако, как бы объединил все население города, и армяне выражали ему все знаки внимания и уважения. По прибытии

владыки-эксарха на станцию Гори ему была устроена торжественная встреча. С вокзала владыка проследовал в духовное училище, в церкви которого началось всенощное бдение. Служба пелась по-грузински и по-церковнославянски. По окончании всенощного бдения в квартире смотрителя училища собралось все градское духовенство; архипастырь долго и подробно расспрашивал священников и о. благочинного о нуждах приходов, о состоянии школ, попечительств, о положении кладбища и кладбищенской церкви. Владыка пожелал осмотреть квартиры учеников и ознакомиться с их домашней жизнью. В сопровождении смотрителя училища г. Сокальского и помощника смотрителя иеромонаха Пирра архипастырь посетил несколько квартир. Училище не имеет общежития, поэтому надзор за внеклассной жизнью учеников ложится тяжелым бременем на инспекцию. Владыка застал учеников на квартирах уже отходящими ко сну и в одной из них присутствовал на вечерней молитве учеников. Оказалось, что привычка и чин молитвы прочно укоренились среди этих учеников; они все чинно прочитали, пропели и, видимо, исполняли эту святую обязанность, как совершенно для них привычную. Нельзя при этом умолчать о том, что в Горийском духовном училище религиозно-церковное воспитание поставлено прекрасно. Пишущий эти строки, в последние три года, проезжая через гор. Гори по делам службы, не раз бывал в будние дни на утренних молитвах в училищной церкви, а в праздничные дни – на богослужениях и всегда выносил из храма самое отрадное впечатление.

Возвратившись после обзора квартир учеников, владыка продолжал прерванную беседу с представителями духовенства и с членами попечительства кладбищенской церкви и Троицкой (собственно Рождество-Богородичной) церкви.

Кладбище в гор. Гори доселе находилось в крайне печальном положении. Справедливости требует сказать, что благоустройство кладбищ вообще в Грузинской епархии составляет больное место приходской жизни; они по большей части не огорожены, не распланированы, никем не охраняются и имеют заброшенный вид. Может быть, этим объясняется то обстоятельство, что нигде не поступает к гражданскому и духовному начальству столько просьб о погребении умерших при церквях, а не на кладбищах, как в Грузинской епархии.

Попечительство и прихожане Рождество-Богородичной, иначе называемой Троицкой, церкви докладывали владыке о своих нуждах.

15 апреля владыка служил литургию в соборе, ему сослужили 8 священников; пели два хора: учеников духовного училища и церковных

городских школ. Песнопения пелись смешанно: по-грузински и по-славянски. Пение в церковных школах г. Гори было заведено только год назад; теперь имеется особый учитель пения для школы, и во всех церквях города устроены церковно-школьные хоры. Протоиерей Тавдгиридзе заявил, что, по его наблюдениям, посещение церковного богослужения с того времени, как в соборе стал петь хор детский (ранее никакого не было), увеличилось по крайней мере втрое против прежнего: заявление это следовало бы принять к сведению многим пастырям, часто жалующимся на отсутствие прихожан в храме. Явление это – уклонение прихожан от посещения храма – в высшей степени печальное и начало ему положено в нашем крае очень давно: еще Шарден в своем путешествии по Грузии обращал на него внимание и уверял, что в его время и священники не служили в церквях; по его словам, которым трудно, однако, поверить во всем объеме, «можно сказать с уверенностью, что большая часть церквей отпирается не более одного раза в десять лет; их строят, а затем оставляют на произвол ветра и птиц» («Путеш.», стр. 184). Как бороться с этим укоренившимся в Карталинии и Кахетии обычаем? Как привлечь народ в храмы? Естественно, нужно начинать с молодого поколения, приучая его в годы школьного обучения к церковности, взрослых же лучше всего привлекать в храмы благолепным служением и церковным пением, тем более что грузины – народ очень музыкальный, любящий пение и музыку.

Во время литургии владыка наградил священников оо. Мцхветадзе и Дадианидзе скуфьями, а оо. Наморадзе и Ф. Карбелова – набедренниками, а также выразил благодарность учащимся в Горийских церковных школах г. Иремашвили и г-же Касрадзе.

За литургией слово произнес протоиерей И. Восторгов.²⁸

После литургии состоялся крестный ход на кладбище, в сопровождении множества народа. Архипастырь со служащими обошел все старое кладбище, зашел и помолился на соседнем холерном кладбище, а также и на могилах воинов, везде совершая литии и призывая народ к молитве. У кладбищенской церкви была совершена общая панихида, по окончании которой владыка долго беседовал с народом и указал, как именно устроить кладбище, где провести дорожки, как огородить и т. д.

После богослужения архипастырь посетил городскую женскую двухклассную школу и испытывал учениц в знании курса Закона Божия, русского языка и церковного пения. Нужно сказать, что церковные школы в гор. Гори обучают почти все подрастающее поколение горожан (начальных школ других ведомств нет, кроме городского училища) и составляют предмет заботы духовенства и Горийского отделения

Училищного Совета. За последнее время в районе Горийского отделения прибавилось до 30 новых школ, из них 10 осетинских; работа удвоилась, и поэтому открыты были Советом два новых отделения – Душетское и Ахалцыхское и, кроме того, учреждена новая должность наблюдателя по Душетскому уезду.

По просьбе военных чинов, архипастырь посетил военную церковь, расположенную за городом, а затем отправился к городскому старосте г. Андроникову, с которым беседовал об устройении городского кладбища и о субсидии церковным школам. Что касается церковных школ, то в гор. Гори, как и везде в Закавказье, замечается то же холодное отношение: город не содержит ни одной начальной школы, все дети обывателей обучаются в 4-х церковных школах, субсидируемых исключительно казной и бесплатно заведываемых бедным духовенством, – и при таких условиях город не платит на школы ни копейки, ни дает для них даже помещений...

После этого владыка посетил учительскую семинарию, которая дала уже много учителей, состоящих на службе в различных уголках Закавказья. При ней существует образцовая школа с татарским и армянским отделениями, а в последнее время семинария успешно трудилась над разработкой приема преподавания русского языка по так называемому естественному методу, прекрасно развила постановку сельского хозяйства, метеорологические наблюдения и проч. На всех выставках, включая последнюю Парижскую всемирную и Тифлисскую юбилейную, семинария за свои экспонаты получила почетные отзывы и награды. Владыка провел в стенах семинарии более получаса, во все входил и всем интересовался.

Инспектор семинарии поднес владыке коллекцию книг и брошюр, составленных служащими в семинарии лицами и напечатанных в разное время в приложениях к циркуляру по управлению округом, а именно: о сельскохозяйственных занятиях в семинарии, о ручном труде, о шелководстве, о климате города Гори, об участии семинарии на выставках в Нижнем Новгороде 1896 г., в Париже 1900 г., в Тифлисе 1901 г., о поездках на эти выставки, священную историю для мусульман на татарском языке с переводом на русский, семь исторических бесед на высокочестивые дни и две брошюры о применении в армянском училище при семинарии естественного метода.

На пути из семинарии архипастырь посетил древнюю Оконскую Богородичную церковь, в которой имеется чтимая Оконская икона²⁹. Церковь эта, благодаря заботливым стараниям настоятеля Иоанна

Капанадзе, приведена теперь в полное благоустройство, в ней очень хороший тометовый пол, внутри – живопись, хороший иконостас. Настоятель встретил владыку речью.

В ответ владыка указал на хор детей Оконских церковно-приходских школ, которые стройным и гармоничным пением встретили архипастыря. Архипастырь приказал детям еще раз петь пасхальный тропарь и пригласил народ к общему пению. Неожиданно запела вся церковь, и пение вышло довольно стройное. «Вот доказательство, – сказал владыка, – что и по-грузински можно устроить всенародное пение, потому что грузины – народ певучий». «Когда будете описывать мое путешествие, – заметил владыка протоиерею Восторгову, – то непременно отметьте это явление и объявите вместе с тем к сведению духовенства, что теперь существует особая книжка священника Николая Курлова, трактующая о приемах обучения народа общему пению. Эта книжка весьма пригодна для священников и учителей школ»³⁰.

Из Оконской церкви владыка проследовал в «русскую», «Троицкую», как ее называют в гор. Гори, Рождество-Богородичную церковь, посетив при ней школу.

Как раз против церкви стоит здание городского училища, весьма многолюдного (320 учеников), которое владыка также подробно осмотрел, обо всем расспрашивая педагогический персонал, и узнав, что в училище учатся несколько осетин, вызвал их к себе и приглашал на службу в осетинские школы и приходы.

Посетив затем женскую прогимназию и сделав визиты начальствующим лицам, архипастырь возвратился в духовное училище. В беседе с духовенством владыка опять коснулся вопроса об устройении кладбища, причем для увеличения материальных средств кладбищенского попечительства указана была мера, практикуемая в некоторых русских городах, это – сбор 5% с ценности памятников на могилах; сбор этот не обременителен и, главное, равномерно и справедливо распределяется между богатыми и менее состоятельными прихожанами³¹.

На следующий день, 16 апреля, при следовании по намеченному маршруту в гор. Озургеты, на станции Самтреди владыку-эксарха встретил преосвященный Александр, епископ Гурийско-Мингрельский, изъявивший желание сопутствовать при обозрении Гурийско-Мингрельской епархии. Эксарх упросил старца-преосвященного, недавно оправившегося от болезни, не утруждать себя утомительным путешествием и возвратиться в Поты. На станции Нотанеби, откуда идет дорога на Озургеты, владыку-эксарха встретили: духовенство,

представители администрации и члены церковного попечительства, строящего церковь на станции. Здесь же находился наблюдатель церковных школ Гурийско-Мингрельской епархии ст. сов. Ф. Д. Жордания, который сопровождал, потом владыке в пределах епархии и везде представлял подведомые ему школы. В город Озургеты, отстоящий от железнодорожной станции в 25 верстах и служащий главным административным центром Гурии, выехали рано утром.

Прекрасная природа Гурии теперь блистала свежим весенним нарядом; мягкие очертания гор, обильная растительность, разлившиеся и весело шумящие ручьи и речки, свежая зелень, множество цветов, – все это ласкало зрение. Но среди этой чудной и блистающей природы таится теперь тяжкий недуг народный. Под влиянием преступной анархической пропаганды, в часть населения проникли губительные идеи, потрясшие в корне экономическую жизнь народа и толкнувшие население на путь борьбы с землевладельческим классом. Дело доходило до тяжелых столкновений... Гурия, лежащая всегда на границе с Турцией, никогда не жила спокойной и правильной жизнью; она служила всегда местом укрывательства разбойников из Турции, местом набегов; здесь обыкновенно скрывалась и переправлялась разбойничья добыча, укрывались и продавались украденные девушки, предназначенные для отправки в Турцию. Родственные гурийцам аджарцы с течением времени совершенно отошли от христианства, воспитали в себе дикие и воинственные инстинкты и с жесткими сердцами своими уже почувствовали себя лишними в христианстве и приняли ислам... Только этими тяжелыми историческими условиями и влияниями можно объяснить, почему так быстро привились к некоторой части гурийского населения тлетворные идеи указанной выше пропаганды. С грустью смотрел архипастырь из экипажа на расстилающиеся кругом плодородные поля: на них не прорыто, не вспахано ни одной полосы и уныло торчали и желтели на фоне изумрудной зелени засохшие толстые пни от прошлогодней кукурузы. Крестьяне вошли в соглашение совершенно не брать и не пахать княжеских земель. Вместе с Движением против землевладельцев среди крестьян неприванные просветители пропагандировали мысль о том, что не следует платить подати правительству, сборы в пользу церкви и Духовенства. Пропаганда в некоторых местах, к сожалению, имела успех.

Нужно было с величайшей осторожностью касаться этих наболевших язв народных даже в архипастырской беседе.

Общества сельские Микель-Габриельское, Хварбетское, селения

Кахури-Гуриантское и Эцерское, лежащие на пути следования архипастыря, выходили к нему навстречу во множестве; при этом устраивались красивые арки, увитые цветами и зеленью, и путь владыки посыпался дождем цветов; везде при таких остановках представлялись владыке сельские власти, везде собирались школы церковные и министерские, а духовенство встречало архипастыря Закавказья в облачениях. К прискорбию, священники, встречавшиеся на пути, все были из числа не получивших образования и совершенно не владеющие русским языком. Дети в школах хоть немного говорили по-русски, старшины и многие из почетных крестьян объяснялись с владыкой на русском языке, а священники оказывались в этом отношении гораздо ниже своей паствы. Образованных иереев в Гурийско-Мингрельской епархии очень мало: из 442 едва только 40 получили образование. Этот факт, весьма печальный, и объясняет то явление, что в Гурии и Мингрелии в школах законоучители по большей части только числятся, потому что не могут исполнять программ и руководить занятиями. Этим же объясняется и то удивительное на первый взгляд явление, что некоторые священники, вопреки общему народному желанию, иногда являются противниками открытия в их приходах церковных школ.

Особенно многолюдное собрание встретило архипастыря в сел. Мерия, где собрались представители Хварбетского общества, учащиеся в двухклассной министерской и в одноклассной церковной школах, духовенство, многочисленные представители местных дворян и крестьяне. Владыка обратился к многочисленному собранию с одушевленной и убежденной речью.

В селении Эцери (Дуабзийского сельского общества) владыку встретили русские поселенцы из отставных солдат, поселенные здесь после минувшей русско-турецкой войны. Они просили об устройении у них церкви и школы для детей; богослужения на русском языке они не слышат и чувствуют, что одичали.

Въезд архипастыря в гор. Озургеты совершился с необыкновенной торжественностью.

При входе в собор настоятель его священник Василий Думбадзе приветствовал высокого посетителя речью.

Из собора архипастырь проследовал в военную церковь, где также был приветствуем священником Думбадзе, а затем проехал в духовное училище. Здесь в домовый церкви было совершено молебствие; пели ученики училища по-церковнославянски и по-грузински. Владыка сказал слово, в котором указал, что здесь, под сенью этого храма, учат детей, в

училище, которое является единственным духовно-учебным заведением в обширном крае, граничащем с Турцией и с десятками тысяч единоплеменного народа – в Артвинском округе и Аджарии, – прежде православного, а ныне исповедующего мусульманство. Владыка заключил слово свое обращением к начальствующим и учителям и просил их помнить, что училище это имеет глубокое миссионерское значение и что, правильно поставленное, при одушевленной и единомышленной работе учащего персонала, оно может возродить край в религиозном и нравственном отношениях.

Посещение архипастырем училища совпало с окружным съездом духовенства Озургетского духовно-училищного округа. Осмотрев в подробностях здание училища, ознакомившись с познаниями учеников и постановкой учебно-воспитательного дела, владыка посетил заседание депутатов съезда.

17 апреля архипастырь прибыл в город Батум.

Встреченный в соборной церкви городским духовенством, владыка-эксарх, по совершении молебного пения, обратился к собравшимся с речью, на которую отвечал о. А. Соколов.

Затем эксарх посетил греческую Николаевскую церковь, военно-госпитальную, ремесленно-училищную, кладбищенскую, военно-батумскую, армяно-григорианскую во имя Христа Спасителя и другие городские церкви, а также места, предназначенные для постройки церквей в слободах Холодной и Барцхане, и равно начатую постройкой грузинскую церковь. Все храмы при проезде владыки были переполнены народом, жаждавшим лицезреть своего архипастыря и получить его благословение.

Из местных учебных заведений эксархом были посещены Дерковво-приходская при соборе школа, мужская и женская гимназии, Мариинское и ремесленное училище.

Во время своего пребывания в Батуми владыка беседовал с представителями власти о некоторых неотложных духовных нуждах города и прилегающего к нему края. В скором времени ожидалось осуществление решения правительства выделить Батумский и Артвинский округа в особую область. Новая область населена сплошь мусульманским населением, бывшим некогда в лоне православной Церкви. Везде видны в стране развалины церквей и монастырей, не умирают в народе и христианские предания и обычаи. Почва для миссионерского воздействия на это грузинское омусульманившееся население, следовательно, имеется.

Протекшие после присоединения к России Батума 25 лет, естественно, обращены были на работу внешнего и внутреннего

административного благоустройства новоприсоединенного края: нужно было упорядочить земельные отношения, познакомить бывших турецких подданных с новыми русскими порядками, провести дороги внутри страны, ввести новое административное деление, ознакомиться с бытом и характером жителей. Работа эта, конечно, далеко не закончена. При таких условиях, к сожалению, администрации не приходилось заботиться о созидании здесь христианской миссии, столь благовременной и необходимой. К тому же в новоприсоединенном крае открытой проповедью христианства опасались вызвать волнения, так как этим легко могли воспользоваться во множестве приезжающие сюда турецкие муллы, давно уже нафанатизировавшие население. Со своей стороны и духовное начальство без поддержки гражданской администрации не могло многого сделать в целях миссионерства. Правда, в начале 90-х годов в гор. Батуми был организован особый миссионерский комитет, имевший задачу воздействовать на мусульманскую Аджарию, но он не проявил никакой ощутительной деятельности.

Затем и совет Общества восстановления православного христианства на Кавказе дважды посылал особо уполномоченных лиц для миссионерского обозрения бывшей турецкой Грузии и в настоящее время имеет в распоряжении довольно ценный в этом отношении материал. В самое последнее время окружной наблюдатель церковных школ, воспользовавшись собранными данными, представил к открытию в Аджарии 12 новых миссионерских школ. Совет Общества входил по этому поводу с ходатайством к высшему правительству, приурочивая открытие школ к 25-летнему юбилею присоединения Батума к Российской Империи, но ходатайство это было отклонено за отсутствием свободных в Государственном Казначействе сумм на сей предмет.

Заботу об этом деле надлежит теперь взять на себя новому областному управлению. Нужно безотлагательно изыскать средства на открытие правильно организованных миссионерских школ, с хорошими учителями, с наборами аптек при школах, если можно, и с амбулаторным приемом больных. Необходимо учредить и миссионерский монастырь около Батума или в Аджарии на развалинах какой-либо древнехристианской святыни, доньше почитаемой грузинами-мусульманами. Необходимо, наконец, поддерживать в духовном отношении уже имеющиеся населенные пункты с православным населением, например, сел. Хуло, где проживают русские, и где доселе не имелось ни церкви, ни причта, и только в самое последнее время открыть здесь причт, благодаря особым хлопотам и заботливости князя Г. С.

Голицына, главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Есть здесь и греческие селения с состоящими при них церковными школами, в которых вместе с православными греками нередко обучаются и мусульмане-грузины. К сожалению, около 9 греческих школ совсем не пользуются пособиями от училищного Совета и едва влачат существование; такие школы, конечно, не могут быть сильны в миссионерском отношении. Вот вопросы, о которых беседовал экзарх при посещении Батума с представителями администрации.

Много заботили архипастыря духовные нужды этого города, особенно жителей подгородных слобод Холодной и Барцханы, а также рабочих на многочисленных заводах (нефтяных, керосинных и проч.), образовавших на берегу моря целый особый городок. Здесь нет ни церквей, ни церковных школ, между тем среди рабочих вот уже несколько лет свила гнездо анархическая и атеистическая пропаганда, дающая себя знать время от времени опасными вспышками. Неудивительно, что рабочие в тяжелом ежедневном труде черствеют сердцем, не видя просвета, не слыша призыва к небу, не поднимая головы от земли к Богу, и неудивительно, что преступная пропаганда нашла здесь для себя благоприятную почву. Владыка, как выше замечено, в сопровождении начальника округа лично посетил все указанные места, беседовал с народом и рабочими; здесь намечено устроить особую церковь, даже две; в виду скорого окончания нового Батумского собора и увеличения православного населения города, открыть новый штат священника при городском соборе и штат особого священника для подгородных слобод. Что касается открытия церковных школ, то по этому вопросу владыка сделал указание епархиальному наблюдателю Ф. Д. Жордания.

Из Батума архипастырь 18 апреля на пароходе направился на Новый Афон. По дороге владыка ознакомился с различными местностями, видимыми с парохода, при этом возникал разговор о разных местных вопросах и интересах. В последнее время в Поти и других местах много толков вызвал новый учебный план в церковно-приходских школах экзархата. По смыслу указаний этого плана в школах Мингрелии введены некоторые изменения относительно предметов обучения. Доселе учащихся-мингрельцев сначала учили по-грузински, а потом уже, при помощи вновь изученного языка грузинского, учили языку переводным способом, причем для переводов прибегали опять-таки к языку грузинскому. Антипедагогические приемы такого рода давно уже выведены в министерских училищах, и только как ненужный пережиток удерживались в церковных школах. Теперь по новому учебному плану

русскому языку в школах приказано обучать непосредственно при помощи родного, т. е. для мингрельцев – мингрельского языка. Не представляя ничего нового, такое распоряжение вызвало, однако, много толков и неудовольствия, причем возражающие против этой меры, всегда указывали на то, что мингрельский и грузинский языки почти тождественны и настолько близки, что мингрелец без труда понимает грузина. Справки научные, специальные сочинения по этому вопросу говорят совершенно другое: мингрельский язык, правда, картвельского корня, но отстоит от грузинского, как литовский от русского; простой мингрелец не понимает грузина; особенно это нужно сказать, конечно, о мингрельских детях.

Владыка пожелал услышать от сопровождающих его знатоков края мнение по этому вопросу: оказалось, что научные сведения совершенно верны. Долго владыке сами туземцы перечисляли ряд слов грузинских и мингрельских, обозначающих одни и те же предметы, и притом предметы бытовые, из ежедневного обихода, но в словесном выражении звучащие совершенно различно. Даже слово «Бог», оказывалось, выражается различно. Действительно, еще в начале XIX века, когда, конечно, вопрос не обострялся, из Мингрелии писали и просили, чтобы к ним не назначали учителей-грузин, которых мингрельцы не понимают. Церковно-школьная инспекция не раз получала жалобы учителей-имеретин, попавших в церковные школы Мингрелии, и просьбы их о переводе в другое место, в виду полного непонимания языка детей и населения. Пишущему эти строки пришлось быть свидетелем такого факта, весьма ясно освещающего данный вопрос. В сентябре месяце 1902 года в гор. Карсе устроены были педагогические курсы учителей церковных школ Карсской области и Борчалинского уезда; открыта была на курсах и образцовая школа. Среди других детей поступила в школу одна девочка-мингрелка. Нужно было расспросить ее, кто она, как ее зовут, кто ее родители, сколько ей лет и проч. Обратились к присутствовавшим учителям-грузинам (их было человек семь); оказалось, что ни один из них не мог объясниться с мингрелкой, и она, ничего не понимая в вопросах, предлагаемых ей на грузинском языке, твердила: я–мингрелка. Через год мы встретили ее в карсской школе: девочка уже объяснялась по-русски довольно сносно; ее учили русскому языку естественным методом, потому что учительница не знала другого языка, кроме русского.

Владыка, выслушав все сведения о мингрельском языке и узнав, что в Сухумской епархии ему придется побывать в некоторых школах, где учатся дети-мингрельцы, решил поручить одному из сопровождавших его духовных лиц из грузин везде в присутствии архипастыря говорить с

мингрельцами по-грузински и наглядно убедиться в справедливости сообщенных, ему сведений.

Другой вопрос, которым интересовался архипастырь, это – история возникновения и устройства Ново-Афонского монастыря, этой знаменитой на всю Россию обители Черноморского побережья, служившей теперь ближайшей целью путешествия его высокопреосвященства.

Предлагаем очерк истории Ново-Афонокого Симоно-Кананитского монастыря на Кавказе, составленный вами по подлинным документам, хранящимся в архиве канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.

8-го февраля 1875 года российский чрезвычайный и полномочный посол при Оттоманской Порте генерал-адъютант (впоследствии граф) Николай Павлович Игнатьев обратился к Наместнику Кавказскому Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу с письмом следующего содержания:

«Ваше Императорское Высочество! Затруднительное и тягостное положение русского Пантелеймоновского монастыря на св. горе Афон (Русика), теснимого греками, известно Вашему Императорскому Высочеству. Надеюсь на благополучное разрешение нынешних споров, братия этой обители продолжает опасаться за будущее. Предвидя возможность каких-либо невзгод, бедствий или даже войны в Турции, Пантелеймоновской обители хотелось бы иметь точку опоры в России. Потому, осведомясь, что Ваше Императорское Высочество предполагаете возобновить некоторые монастыри на Кавказе, иноки русского монастыря просили меня представить Вашему Императорскому Высочеству их усердное ходатайство о даровании им уголка земли для устройства скита или монастыря, который был бы принадлежностью Афонской Пантелеймоновской обители, на тех же условиях, на каких находится в Москве Никольский греческий монастырь, принадлежащий Афонскому Иверскому монастырю. Повергая это ходатайство на благосклонное воззрение Вашего Императорского Высочества, долгом считаю подкрепить его со своей стороны. Глубина православных убеждений, чистота и строгость жизни, и чисто-русский дух нашей братии на Афоне служат, мне кажется, ручательством, что и на Кавказе иноки эти будут полезными и ревностными деятелями распространения православия и обрусения края. Не прося никаких пособий, они ходатайствуют лишь о предоставлении монастырю необходимой земли, указывая, между прочим, на аул Бабух в Черноморском крае. В виду всего вышеизложенного, льщу себя надеждою, что ходатайство нашего древнего монастыря, основанного Ярославом и

издревле поддержанного русскими Царями, заслужит благосклонное внимание Вашего Императорского Высочества».

В пояснение приведенного письма нашего посла в Константинополе нужно заметить, что начало 70-х гг. минувшего столетия в Турции памятно всем населяющим ее православным народностям особыми преследованиями и целым рядом зверств и жестокостей со стороны турок. Только одни греки, как нередко бывало и бывает в Турции, сумели обеспечить себе сравнительно спокойное существование в это время и даже воспользовались им для достижения исконных целей греческого «филетизма», стремившегося при помощи константинопольского патриарха и греческого высшего духовенства к господству над всеми православными народностями, населяющими Турцию, и действительно прочно и успешно утвердившегося в Александрии, Антиохии, Иерусалиме и на Афоне. Известно, что подобного рода стремления греческого патриарха породили печальную «болгарскую схизму», существующую и доньше. Известно так же, как не раз терпели от греческих захватов и православные грузины. Так, именно на Афоне, греки захватили монастырь Иверский, или Грузинский, и назвали его греческим, тогда как он основан грузинскими царями и обозначен земельными угодьями в Грузии и в России и устроен с особою целью – для образования в нем преимущественно ученого и образованного монашества грузинского, предназначавшегося на служение своему отечеству. Русский на Афоне Пантелеймонов монастырь, основанный еще на заре христианства в России, в XI веке, и служивший живой связью русского и афонского монашества, в течение долгого своего существования не раз подвергался опустошениям со стороны турок и притеснениям со стороны греков.

Последние, захватывали его не однажды, всякий раз, как только он начинал процветать. Претензии греческих монахов на этот монастырь, опирающиеся на поддержку в Константинополе, особенно усилились в 1874 и 1875 годах. Эти обстоятельства и послужили для русской братии побудительной причиной искать себе точку опоры на русской территории на случай затруднения от греков или кровавых турецких зверств, которые в эти годы разыгрывались с ужасающей быстротой.

Желания братии основать где-либо в пределах России, именно на Кавказе, оказалось, шли навстречу заботам высшего кавказского начальства. Пока не затихла война с горцами, старания русского правительства были направлены главным образом к тому, чтобы оградить наши области от набегов хищников, подавлять восстания, которые то и дело вспыхивали в разных местах Кавказа, – одним словом, успешно вести

военные действия. Прошло еще несколько лет после взятия Шамиля, пока совершенно стихли военные тревоги, и русскому правительству открылась возможность посвятить свои труды и заботы мирной культуре нового края и прочному утверждению в нем начал русской государственности и просвещения. Многие племена Кавказа еще живо помнили себя недавними христианами. Культурная работа правительства, таким образом, здесь определялась сама собой в зависимости от исторических преданий; она, естественно, должна была иметь в виду оживить среди этих племен христианские предания, явиться среди них с крестом и евангелием и тем положить прочную почву к сближению их с русским народом, к усвоению ими высшей гражданственности и образованности. Если Коран, еще недавно, сравнительно, принятый горцами Кавказа под влиянием Турции³², освящал их дикий быт и делал их фанатическими врагами России, то евангелие, напротив, должно было смягчить сердца их, преобразовать нравы и способствовать мирной и доброй жизни. В скором же времени по присоединении Грузии к России в Закавказье возникло с этими целями целое учреждение, – разумею осетинскую духовную комиссию, обязанности которой впоследствии приняло на себя Общество восстановления православного христианства на Кавказе. После замирения края кавказское высшее начальство, принимая целый ряд мер к повышению гражданского благоустройства и просвещения страны, тем более не могло отказаться от этого, веками испытанные средства мирной колонизационной и культурной работы. В этом отношении оно пошло в полном согласии с заветами и преданиями всей русской истории. Огромное значение монастырей, как носителей русской колонизации и культуры на севере и востоке Европейской России и на всех окраинах нашего отечества, – факт бесспорный. Его можно отрицать только в слепом предубеждении, закрывши глаза на истину. Историки всех направлений в этом отношении согласны между собой. Позволим себе сделать несколько выдержек из исторических трудов, чтобы выяснить этот вопрос. Вот что говорит С. М. Соловьев о влиянии монашества на русский народ на заре его истории: «При господстве материальной силы, перед которою все преклонялось, нужен был ряд подвижников, которые бы показали подвиги, превышавшие подвиги богатырей, которые бы показали господство духа над плотью, показали бы чудеса мужества другого рода, борьбу более изумительную, и приобрели бы своими подвигами благоговение к себе и к тому учению, которое дает силы к подобным подвигам» («Ист. Рос.», изд. тов. «Общ. П.», кн. I, 254). Не мог обойти молчанием этой стороны наших монастырей и такой писатель, как г.

Шелгунов, которого уж никак нельзя заподозрить в пристрастии к монашеству. «У нас, – пишет он в своих «Очерк, русск. Жизни», – в монастыри уходили люди избранные, выдающихся нравственных стремлений. То были постники, аскеты, люди строгого жития, хорошо знавшие, какой они берут на себя подвиг, и потому только и уходившие в монастыри, что это был подвиг. Не одни соблазны мира гнали их в монастыри, и не о своем только личном спасении они думали, – их влекла еще потребность нравственной деятельности, потребность служения словом и делом обращению падших или не твердых на пути истины и спасения, ради чего они обрекли себя уже заранее мученическому венцу. Большая требовалась для этого сила и мощь характера» (стр. 866). Другой исследователь нашей жизни Н. Энгельгардт в своей статье «Философия русского самосознания» (книги «Недели» 1897 г. № 1 и др.) говорит: «Русский аскет, прежде всего, оправдывается историей. Это наш культуртрегер, колонизатор. Он бежит в пустыню от цивилизации, и именно тем самым завоевывает пустыню для цивилизации... В то время как буддизм не видел иного пути, кроме аскетизма, евангелие допускает его лишь как исключение для могущих «вместить»... Важен мотив этого аскетизма. Аскетизм может равно служить и жизни, и смерти. Христианин из любви к жизни, к людям жертвует собою, личным счастьем, даже жизнью, но не возводит свое самопожертвование в мертвую систему, в искусство для искусства, в духовную гимнастику. При неблагоприятных внешних воздействиях христианское самоотвержение, оторванное от деятельной любви, утратив детскую непосредственность, перерождается в ухищренный аскетизм. Происходит буддизация христианства». Пересаженный к нам аскетизм не развился в этих извращенных формах. «Всякого рода спорт не в духе русских, также и спорт аскетический. Начало деятельной любви мощно проявляется в наших подвижниках, юродивых, святителях-печальниках». Даже такой исследователь русской культуры, как П. Милюков, в своих «Очерках» обнаруживающей явную склонность умалить по возможности значение русской Церкви, коснувшись русской колонизации, отдает должное нашим обителям и насчитывает десятки таких монастырей, которые служили пионерами русской культуры и колонизации (см. его «Очерки по истории русской культуры», ч. I, стр. 52–53).

Естественно, и кавказское начальство должно было обратиться к помощи монастырей в своей деятельности. Особенно значение монастырей могло быть полезно в тех местностях, где население состояло из омусульманившихся христиан. В таком именно положении

представлялось дело в Абхазии. За несколько столетий до нашей эры Абхазия уже была колонизована греками, и греческие колонии (Диоскури, Питиунт и друг.) славились торговлей, которую они вели через Закавказский край с центральной Азией и Индией. Этими же путями греческих колоний очень рано распространилось в Абхазии христианство, и достоверное предание указывает на нее, как на место проповеди апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита³³. При Диоклетиане сюда ссылались во множестве гонимые христиане, а в VI веке здесь прочно утверждается господство Византии и вместе с тем и христианство получает широкое распространение. При Юстиниане выстроен в Питиунте (ныне Пицунда) величественный храм, который сохранился и доньше. После разгрома Византии Абхазия подчиняется влиянию турок, построивших здесь ряд крепостей и распространивших среди абхазцев мусульманство. Но все-таки, с одной стороны, старые предания, с другой – влияние в средние века геновцев, действовавших из Крыма (Каффа) и образовавших поселения по всему восточному побережью Черного моря, затем влияние крестоносцев, этих случайных и невольных посетителей восточных берегов Черного моря, наконец, торговые сношения с христианами из Грузии, Крыма и северного Кавказа, – все это поддерживало в Абхазии христианские воспоминания.

В 1810 г. владетельный хан Абхазии из рода Шервашидзе – Сефир-бей добровольно принял подданство России и христианскую веру. Но долго еще Абхазия была открыта враждебному влиянию Турции, и до окончательного умиротворения Кавказа трудно было русскому правительству предпринимать здесь какие-либо меры, кроме чисто-военных, служащих к ограждению берегов Абхазии от нападения турок. Последняя русско-турецкая война показала, что и в недавнее, сравнительно, время оказалась возможность высадки здесь турецкого войска. Русское правительство после окончания кавказской войны немедленно же приступило к восстановлению христианства в Абхазии и обратилось к помощи одной из старейших русских обителей – Сергиевской лавры. По ходатайству Наместника Кавказа Великого Князя Михаила Николаевича, 18-го июля 1872 г. последовало Высочайшее Государя Императора соизволение об учреждении при Пицундском храме в Абхазии мужского монастыря с миссионерскими целями и о назначении к отпуску из сумм Государственного Казначейства определенной по штату суммы на содержание монастыря. Правда, сумма эта 1 200 рублей в год была слишком незначительна, особенно если принять во внимание необходимость восстановления храма, представлявшего развалины,

устройства помещений для братии, миссионерских поездок, содержание братии, миссионера и его спутников и т. д., но важно то, что был сделан первый шаг, и указано было направление делу. Одновременно с утверждением Пицундского монастыря Августейший Наместник Кавказа вошел в сношения с Московским митрополитом, знаменитым Иннокентием, прося его рекомендации при назначении в новооткрытую обитель монашествующих лиц. При содействии митрополита в настоятели монастыря назначен был архимандрит Троице-Сергиевой лавры Феофил, избравши из монахов лавры для монастырских должностей в Пицундской обители иеромонаха, иеродиакона и пять послушников. Эта монашеская братия и прибыла в Пицунду в декабре месяце 1873 г. Но эта первая попытка водворить русских монахов в Абхазии оказалась неудачной. Монахам-северянам был вреден климат нового края, совершенно чужды условия жизни, к которым они, при малочисленности братства и недостаточности, отпускаемых от казны средств, не могли приспособиться настолько, чтобы воспользоваться ими для созидательной деятельности в монастыре. И вот, когда в Пицундской обители сделалось известно о желании афонских монахов переселиться на Кавказ, то братия монастыря решила просить начальство о предоставлении афонцам Пицундской обители.

Между тем, представление Н. П. Игнатьева обратило на себя особое внимание Великого Князя-Наместника, и ему был дан ход. По приказанию Его Высочества, главным управлением Наместника Кавказского сделаны были сношения с различными ведомствами и лицами, который могли бы оказать поддержку и помощь афонским монахам. Начальнику Кавказского горского управления предложено было (28 февраля 1875 г.) высказать свое мнение по поводу просьбы монахов, указать в Абхазии соответствующее для основания скита место и прислать план того участка земли, который окажется возможным отвести, с кратким описанием избранной местности. Затем обер-прокурор Св. Синода граф Д. А. Толстой был запрошен (12-го марта 1875 г.) о том, на каких условиях основаны отношения находящегося в Москве Никольского греческого монастыря к Афонскому Иверскому монастырю, так как на этих же условиях афонские монахи предполагали основать свой скит на Кавказе. Русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев был уведомлен (27-го марта 1875 года) о том, что Великий Князь-Наместник принял с особым сочувствием просьбу афонских иноков; вместе с тем посла нашего просили сообщить, в каком составе иноки Пантелеймоновского монастыря желают основать на Кавказе обитель и какое количество десятин земли потребуется для них и

для удовлетворения нужд обители. Начальник горского управления, после сношений с начальником Сухумского военного отдела, уведомил главное управление (14-го июня 1875 г.), что сделать окончательный выбор участка военное ведомство желало бы после предварительного осмотра его монахами, и поэтому всего удобнее выборным Пантелеймоновского монастыря явиться прямо к начальнику Сухумского отдела, который направит их к осмотру земли. Граф Толстой (24-го апреля 1875 г.) сообщил сведения, которые испрашивались у него об отношениях Никольского греческого монастыря в Москве к Афонскому монастырю. Не приводим здесь этих сведений, так как впоследствии они оказались неосуществимыми для Ново-Афонской обители. Из Константинополя от нашего посла получено было уведомление (17-го мая 1875 г.), что, по сделанному монастырем приблизительному расчету, число иноков для первоначального поселения на Кавказе предполагается около 30 человек и столько же послушников; земли для основания скита с хозяйственными при нем заведениями, имея в виду впоследствии увеличить братство, нужно не менее 100 десятин и до 200 десятин строевого и дровяного леса; что же касается земли для удовлетворения нужд обители, то количество ее будет зависеть от усмотрения правительства. Вместе с тем наш посол, вследствие просьбы братии Пантелеймоновского монастыря, ходатайствовал о дозволении трем инокам этой обители отправиться на Кавказ для осмотра и выбора подходящего для будущего монастыря места. С разрешения настоятеля и духовника монастыря, для этого предназначались иеромонах Арсений и монахи Агапий и Иоан. Таким образом, желания местного кавказского начальства совпадали с желаниями братии Афонского монастыря. Тогда же дано было разрешение упомянутым трем инокам Афонского русского монастыря явиться на Кавказ, в гор. Сухум, к начальнику Сухумского военного отдела генерал-майору Кравченко; об этом уведомлен был Н. П. Игнатъев для сообщения афонцам-монахам и даны были надлежащие распоряжения местным начальникам. Обо всем происшедшем доведено было также до сведения обер-прокурора Св. Синода и был уведомлен экзарх Грузии архиепископ Евсевий. Упомянутые выше уполномоченные от Пантелеймоновского монастыря иноки 16-го августа 1875 года получили от русского посла в Константинополе необходимые документы для отправления в Россию; 26-го августа они уже прибыли в Тифлис для переговоров и представления главному начальству края, а 6-го сентября последовал осмотр и выбор места для обители на развалинах старинной (с III в.) римской крепости Анакопии и древнего храма св. ап. Симона Кананита, где, по древнему

преданию абхазцев, он был и погребен³⁴. Это место по своему положению является центральным в Абхазии; оно находится на морском берегу, у реки Псыртси, в виду живописного ущелья, отстоит от Сухума в 20 верстах и в 60 от Пицунды. В древности, как уже замечено, здесь была устроена римлянами, вероятно, в II – III вв. крепость, которая упоминается древними писателями под различными названиями – Аспара, Апсара (св. Дорофей и св. Софроний, VI в.), Пикопсия, Анакопия (Константин Порфирородный), Абхазская крепость (Кедрин).

Прибывшие иноки – о. Арсений со своими спутниками-монахами Иоанном и Агапием были лица вполне достойными, и не даром на них пал выбор Пантелеймонова монастыря, его настоятеля архимандрита Макария и духовника о. Иеронима. Эти два мудрые руководителя Афонской русской обители небезызвестны в истории подвижничества, и о них необходимо здесь сообщить, хотя несколько слов.

Можно сказать, что и доселе Афонский Пантелеймонов монастырь живет воспоминаниями о своих старцах Макарии и Иерониме и находится под их обаянием, хотя обоих уже нет теперь в живых. Духовник монастыря о. Иероним 45 лет руководил духовной жизнью русской обители на Афоне, и его необыкновенному влиянию на всех обитель обязана своим внешним и внутренним процветанием. Застал он в ней около 10 русских монашествующих, перед его же смертью (в 1885 году) число их возросло до 800. Это был человек замечательный во многих отношениях. Родом из Курской губернии, он происходил из семьи, в которой 15 человек отдали себя подвигам иночества. Молодым он отправился на Восток, поселился на Афоне в особой кельи, простым монахом и только уступая силе, ради послушания своему старцу-руководителю, он решил принять священное рукоположение и высокое звание духовника русской обители в тяжелую годину ее полного упадка. Силу его обаяния испытал на себе известный К. Леонтьев, который пишет о нем: «Это был не только инок высокой жизни, это был человек более чем замечательный; назову его прямо великим: человек с великой душой и необычайным умом. Не получивший систематического образования, он чтением развил свой сильный природный ум и до способности понимать прекрасно самые отвлеченные богословские сочинения, и до умения проникаться в удалении своем всеми самыми живыми современными интересами. Твердый, непоколебимый, бесстрашный, предприимчивый, смелый и осторожный в одно и то же время, глубокий идеалист и деловой донельзя, о. Иероним без труда подчинял себе людей, и даже я замечал, что на тех, которые сами были выше и нравственно и умственно, он влиял

еще сильнее, чем на людей обыкновенных». Такой человек с течением времени образовал около себя целый круг избранных, отмеченных свыше лиц, которые в дружной работе и создали благосостояние обители, так что ее, как и русскую народность, трудно уже теперь подавить или затереть на Афоне. Особенно они потрудились все вместе в издании и распространение целых сотен тысяч листов, брошюр и книг, раздаваемых и рассылаемых ими бесплатно по всей России. Известно, что и знаменитый епископ-затворник русский Феофан им доверял и поручал печатание своих произведений. О. Иероним своим влиянием приобрел и впоследствии подготовил в игумена и архимандрита Макария, родом из Тулы, из богатой семьи купца-миллионера. О. Макарий ведал внешние дела монастыря и, будучи уже в звании игумена-начальника монастыря, по-прежнему относился к о. Иерониму с сыновнею почтительностью; их влиянию обязан духовным возрастанием иеромонах Арсений, происходивший тоже из купеческого рода, известный тем, что в 1862 г. путешествовал по многим городам России с Афонской святыней и раздавал во множестве народу издания Пантелеймоновского монастыря, среди которых были и его собственные сочинения.

Из посланных с о. Арсением спутников был замечателен монах Иоанн. Это бывший казачий есаул, прослуживший с честью в военном звании 35 лет, свидетель и участник 13

больших и множество малых походов, хорошо знакомый с Кавказом по условиям прежней своей боевой жизни.

В числе ближайших учеников названных афонских старцев был и нынешний настоятель Ново-Афонского монастыря о. Иерон. Им и принадлежит мысль об учреждении отделения Афонской обители на Кавказе. Останавливаясь на этом для того, чтобы подчеркнуть здесь-то обстоятельство, что в данном случае в связи Афона с Россией сказались и повторились исторические судьбы русского подвижничества. Оно самым возникновением своим в России обязано Афону: здесь, в обители Есфигмен, проходил иноческое учение наш преподобный Антоний Киево-Печерский и получил завет идти в Россию, чтобы в ней насадить иноческое житие. С тех пор связь Руси с Афоном не прекращается, напротив, с XV века еще более укореняется. Уже по хрисоволу императора Алексея Комнина (1080 г.) на Афоне одну обитель дали исключительно для русских, именно Пантелеймоновскую³⁵. Иоанн Грозный, затем династия Романовых относились к этой обители весьма благосклонно, и русское монашество никогда не прерывало связи с духовной родиной своей – Афоном³⁶. Теперь эта связь восстановлена и на Кавказе.

Как только стало известно о разрешении афонским монахам переселиться на Кавказ, навстречу их желаниям явились помощь и сочувствие русского монашества, приютившегося, как мы раньше видели, в Пицунде. Наблюдается явление, совершенно обратное тому, что приходилось нам видеть со стороны греческих монахов на Афоне. Настоятель Пицундского монастыря архимандрит Феофил писал 4 октября 1875 года начальнику Сухумского военного отдела: «По избранию наместника и учрежденного собора Свято-Троицкой Сергиевской лавры, я в 1873 году назначен был на Кавказ для открытия в Пицундах монастыря; даны были мне восемь человек братьев, из числа коих один иеродиакон, рукоположенный в 1874 году в иеромонахи, выбыл. Имея такое ограниченное число братства и получая от правительства на содержание себя с братией и на все потребности монастыря по сто рублей в месяц, я не имею никакой возможности ни привести монастырь в должный порядок, ни поддерживать оный, на что по местному положению требуются значительные средства, ибо монастырь не огражден, нет при нем ни колокольни, ни колоколов, ни надлежащей церковной утвари, а также, при такой малочисленности братства, находящегося при мне, я не имею возможности совершать надлежащее в храме постоянное богослужение, ибо есть много при монастыре необходимых хозяйственных послушаний, кои производить наемным трудом я не имею средств. Известившись, что по благосозволению Его Императорского Высочества Наместника Кавказского иноки русского на Афоне Пантелеймонова монастыря желают избрать удобную местность (на Кавказе) для основания обители, я по сношению с ними нахожу полезным, дабы они, с разрешения начальства, поселились в Пицундском монастыре, и так как они имеют более моего средств к восстановлению в приведению его во всех отношениях в должное устройство, то взяли бы оный в полное свое распоряжение. Освободившись, таким образом, от попечений о монастыре и братстве оного, я могу беспрепятственно заняться прямым своим делом – миссионерством, для коего преимущественно я и согласился на предложение Свято-Троицкой лавры отправиться сюда». От того же числа и года и уполномоченные Афоном иноки, по поводу предложения о. Феофила, со своей стороны писали начальнику Сухумского отдела:

«Мы со своей стороны, обсуждая, что при монастыре Пицундско-Успенском есть готовый храм и при нем некоторые постройки для помещения небольшого количества братьев, находим удобным для себя основаться в оном монастыре и, устроившись в нем, приступить, по воле Его Императорского Высочества к возобновлению храма св. Симона

Кананита. При сем имеем честь присовокупить, что, так как при монастыре Пицундско-Успенском мы намерены устроить, кроме школы, разные ремесленные заведения, а также садоводство, скотоводство и прочее хозяйство, дабы учащиеся туземцы могли наглядно усваивать себе понятия о необходимых в сельской жизни познаниях, а иные из жителей пожелали бы, вероятно, отдать своих детей для обучения оным ремеслам и хозяйствами то для всего потребует значительное количество земли, а потому мы покорнейше просим ваше превосходительство о зависящем распоряжении указать нам границы надела Пицундского монастыря, дабы мы могли видеть, сколько при нем земли и достаточна ли она для устройства помянутых ремесел и хозяйств, так как доселе проектирован был в Пицунде надел земли лишь для небольшого числа братьев и не имелось в виду устройства вышеупомянутых ремесленных заведений, хозяйств и прочего. Мы же со своей стороны, как можем и сумеем, желаем быть полезными для здешнего края». Впоследствии и старцы Старого Афона, в особом письме на имя Великого Князя Михаила Николаевича (от 17 января 1876 года), прося его принять звание почетного ктитора новоустроваемой обители, заявили желание принять на себя труды и расходы по возобновлению Пицундского монастыря. Начальник Сухумского военного отдела генерал-майор Кравченко отнесся с полным сочувствием к желанию афонцев. В письме к помощнику Наместника кн. Святополк-Мирскому (от 27 октября 1875 года) он заявил, что Пицундская обитель в настоящем своем положении действительно не приносит никакой пользы для края; с другой стороны, в виду поданной ему афонскими монахами записки, он полагает, что, «приняв во внимание многочисленность иноков русского на Афоне монастыря, проживающих в климате, сходном с кавказским, значительность их средств и известную высокую жизнь их, можно вполне надеяться, что в их руках Пицундская обитель сделается корнем русского благочестивого и трудолюбивого водворения в Абхазии и послужит примером и источником для проведения в население Абхазии начал религии, нравственности и знаний». С таким же сочувствием к заявлению иноков афонских отнеслась и высшая духовная власть в крае – экзарх Грузии архиепископ Евсевий и епископ Имеретинский Гавриил, которому тогда подчинена была Абхазия в церковном отношении. Последний, между прочим, писал: «Я не иначе могу относиться к таким предположениям о. Арсения, как с полным сочувствием и с желанием скорейшего их исполнения, но с одним непременно условием, чтобы монахи Пантелеймонова монастыря переселились в Абхазию с тем же духом благочестия и монашеских

подвигов, который существует на Афонской горе. Но, кроме того, как само собою, разумеется, целью переселения из Пантелеймонова монастыря части братии в Абхазию должно быть не одно удобство и польза самих братьев, но еще более польза православной веры в Абхазии. Для этого переселившиеся монахи должны не только осуществить свои предположения обоснования сельскохозяйственных учреждений, дабы приучить абхазских детей к сельскому хозяйству, но они должны дать обещание сделать в пользу православия в Абхазии что-нибудь и более этого. Именно они должны предоставить возможность желающим и способным из среды себя изучать практически абхазский язык и готовить миссионеров для проповеди православной веры между абхазцами».

Пока шли сношения о передаче афонским инокам Пицундской обители, неожиданно затем прекратившиеся, вследствие турецкой войны и разорения Пицунды, последовало распоряжение об отводе избранной земли для Ново-Афонской обители около развалин храма св. Симона Кананита. Земли на Кавказе, особенно в местах пустынных, тогда раздавались свободно ради привлечения в край культурного населения, и отвод земли инокам не мог встретить особенных затруднений. 8 декабря 1875 г. состоялся доклад начальника Кавказского горского управления Великому Князю-Наместнику об отводе для монастыря на избранной местности земли для монастырских построек, именно 327 десятин 1944 квадр. саж., о передаче им находящихся здесь развалин храма и других построек (оставшихся еще от времен генуэзцев), о предоставлении братии права рыбной ловли в реке Псыртсхе и при устье ее в море, об отводе 100 десятин строевого и 100 десятин дровяного леса. При этом в будущем предполагалось отвести для монастыря особый земельный участок для содержания братии и хозяйственных работ и все эти дачи утвердить за обителью с наименованием ее «Ново-Афонскою», на правах находящегося в Москве Никольского греческого монастыря, с той разницей, что этот последний оказываемыми ему пожертвованиями помогает своему афонскому монастырю, а русский на Старом Афоне монастырь сам обязуется помогать Симоно-Кананитской обители. На докладе последовала резолюция Великого Князя-Наместника: «Вполне согласен. Но желательно, если остатки древнего храма представляются еще в чем-либо замечательными, то сохранить их в настоящем виде и включить их в новую церковь³⁷». В виду выраженного желания начальства отвести монастырю особый участок земли, уполномоченные старцы-афонцы обратились 9 декабря 1875 г. с просьбой «об отводе им земли до 1 000

десятин, доходами от которой могла быть устроена и содержима школа для обучения туземных мальчиков и прочие монастырские нужды могли бы удовлетворяться». Великий Князь-Наместник, 9 февраля 1876 года, изъявши свое согласие на отвод обители просимого участка земли, но с тем, чтобы ход этому делу был дан тогда, когда братия кое-как устроится в Абхазии и приступит к необходимым постройкам.

Ободренный успехом дела, о. Арсений отправился по делам обители в Москву и Петроград и оттуда извещал кавказское начальство о ходе построек, которые уже были начаты на отведенной местности под руководством иеромонаха, ныне архимандрита Иерона, прибывшего с другими монахами на Псыртсху 3 ноября 1875 года в качестве эконома. Будущее показало, что о. Иерон обладал необыкновенными дарованиями самоучки-инженера и архитектора и практикой достиг замечательных познаний в этом отношении. Новые пришельцы с большими неудобствами и лишением провели зиму близ развалин храма св. Симона Кананита, у самого моря, в гонуэзской башне, построенной в XIII веке. С наступлением весны о. Иерон приготовил все необходимые строительные материалы и заложил четыре каменных здания у самых развалин древней крепости. Работа кипела в руках энергичного и умелого строителя, и к 1 октября 1875 года, в несколько месяцев, заложенные здания и церковь были окончены совершенно, и обитель была готова к открытию. Между тем о. Арсений из Москвы не переставал заботиться о создаваемом монастыре и, извещая о ходе работ в нем, между прочим, писал начальнику Кавказского горского управления В. А. Франкину от 6 февраля 1876 года: «Пишут мне с Афона братия, что, так как Пантелеймонов монастырь наш находится за границей и в нем есть часть греков, то, зная по опыту, – где греки, там всегда можно ожидать неустройства, – поручили мне покорнейше просить вас, дабы при утверждении дарованного нам на Кавказе монастыря было сказано, что оный должен принадлежать исключительно русским инокам, а если этого не будет сказано, то впоследствии греки, при их изворотливости, проникнут на Кавказ. Я полагаю, что необходимо основательно оградить наш Кавказский монастырь от всяких попыток греков иметь участие в нем. Положим, теперь это не допустится, но кто поручится за будущее? А когда это будет законом воспрещено, тогда все будет в порядке и теперь, и после нас». Такое же мнение впоследствии (31 декабря 1877 года) высказал и владыка-экзарх Грузии в своем рапорте Святейшему Синоду.

Как уже выше сказано, к 1 октября обитель была готова к открытию, о чем и было доведено до сведения духовного и гражданского начальства.

Освящение первого, весьма благолепного храма во имя Покрова Богородицы совершено было 17 октября 1876 года при большом, невиданном в этой пустынной местности стечении народа в несколько тысяч человек. Был воскресный день 21-й недели по Пятидесятнице, когда положено читать евангелие: «Изыде сеяй сеяти семене своего»... Притча как нельзя более подходила к назначению обители и производила особо трогательное впечатление в виду того обстоятельства, что в этот же день при монастыре, в отдельно устроенном для того здании, открыта была школа для 20 воспитанников из абхазских детей, круглых сирот, которые были приняты на полное содержание обители, и для 20 приходящих учеников. Трое из них – мусульмане – только накануне были просвещены святым крещением. Вот что писал о значении этой школы г. С. Стрелецкий, в то время бывшим инспектором школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе, 28-го июня 1876 года начальнику Сухумского военного отдела: «Ознакомившись путем поездки на р. Псыртсху, в сооружаемую на ней Ново-Афонскую обитель, с необыкновенно энергической деятельностью и в то же время с истинно-христианским духом основателей этой обители, монахов св. Афонской горы, я не мог не вынести искреннего убеждения в той громадной пользе, которую принесет всему местному краю всесторонняя миссионерская деятельность этих лиц, и в том, что подача в данном случае братской помощи этой обители (в деле устройства школы и назначения преподавателей) со стороны Общества восстановления христианства составляет для последнего нравственную обязанность... Есть все данные надеяться, что школьное дело здесь, благодаря заботливой поддержке просвещенных монахов, обещающих ему всевозможное содействие, более чем где-либо станет на прочное основание». Вообще просветительная деятельность монастыря сильно заботила его первых устроителей. Извещая о том, что обитель и школа готовы к открытию, о. Арсений писал 26 сентября 1876 г. из Сухума начальнику Сухумского отдела: «Вероятно, теперь, в бытность вашего превосходительства в Тифлисе, о многом, касающемся блага края, будет идти речь; позвольте и мне со своей стороны сказать слово о религиозной стороне абхазцев, которые, как изволите знать, к сожалению, – только по названию христиане; большинство их исполняют магометанские обряды... Полагаю, более от того христианство к ним не прививается, что у них священники преимущественно грузины и имеретины, не знающие ни слова по-абхазски, да и многие из них жизнью своею не оправдывают священного сана своего. Чтоб улучшить это, полагаю, единственное средство –

устроить у нас в Абхазии духовное училище, в которое поступали бы из сельских школ и Сухумского училища³⁸ и вообще из всех сословий, причем требуется, чтоб они были абхазцы и знающие по-русски. Главное внимание на то должно быть устремлено, дабы развить их понятия, сделать их порядочными людьми и научить их необходимым познаниям религии. С абхазцами, как изволите знать, не нужно богословствовать, а необходимо внушать им нравственное понятие о жизни, прививать к ним культуру, причем знакомить их с христианской религией. Все это тогда только может быть достигнуто, когда мы подготовим способных для сего миссионеров в предполагаемой духовной школе, где учащиеся будут знакомиться и с хозяйственными предметами. Школу такую всего приличнее устроить при нашей обители». Приводим выдержки из этого письма, чтобы показать, как далеко простирались виды и намерения монахов при первом устройении монастыря. И, быть может, этим намерениям и суждено было бы исполниться, если бы новой обители не пришлось сейчас же после ее открытия перенести тяжелые испытания.

После освящения храма и первых зданий братия с не меньшей, чем прежде, энергией принялась заготовлять нужные материалы для дальнейших построек и, между прочим, для восстановления из развалин древнего Симоно-Кананитского храма. Еще ранее, 20 февраля этого года, в помощь братии для совета относительно древних развалин, по желанию Великого Князя-Наместника, был командирован известный знаток церковной археологии князь А. Г. Гагарин. Он дал обстоятельный отзыв о времени первоначального построения храма Симоно-Кананитского (при Юстиниане, в VI веке) и подробные указания относительно его современного состояния и возможной реставрации; военный инженер капитан Степанов составил все нужные для этого предположения и рисунки. Ранней весной следующего 1877 года иноки готовились приступить к возобновлению этой древней церкви по данным указаниям и затем заложить главный, «нагорный» монастырь у подошвы главного хребта, с собором и монастырским корпусом.

Но обители суждено было креститься огненным крещением. Отношения России к Турции все более и более принимали грозный характер неминуемой войны; уже русские добровольцы проливали кровь за единоверную Сербию, и четверо добровольцев получили напутствие на свой подвиг в Ново-Афонском монастыре в самый день освящения его первого храма. Среди горцев Кавказа, и особенно в Абхазии среди мусульман, началось враждебное России брожение умов. На случай объявления войны с Турцией, возможно, было ожидать и высадки

турецких войск на открытые берега Абхазии (Батум с его крепостью еще не принадлежал России), и враждебных нападений возмутившихся абхазцев. Поэтому 29 ноября 1876 года последовало распоряжение начальства прекратить работы в монастыре и удалить братию. Первые насельники обители должны были отправиться в Гелатский монастырь Кутаисской губернии, и вывезти с собою часть церковной утвари и движимого имущества. С грустью пришлось покинуть только что начатое дело, на которое потрачено было столько стараний и материальных средств (до 60 тыс. руб.). Школу закрыли, учеников распустили по домам родителей и опекунов, снабдив их от монастыря одеждой, новым бельем и всем необходимым. В монастыре остались только о. Иоанн и два послушника. Они продолжали здесь церковную службу до объявления войны с Турцией. В апреле месяце 1677 года и они получили приказание оставить монастырь и 8 числа этого месяца передали ключи и оставшееся монастырское имущество представителям местного абхазского общества. О. Иерон отправился в Гелатский монастырь для присоединения к братии, а монах Иоанн с послушниками, остановившись на короткое время в Сухуме в монастырском доме, скоро должны были оставить этот город, так как из него были выведены войска; им было приказано отправить все монастырское имущество в Цебельдинское укрепление, куда переведены были войска и отправлено казенное имущество. В конце того же апреля турецкие броненосцы уже подошли к абхазским берегам; 28 апреля спущены были шлюпки и высадились 400 человек турецкого войска; 10 000 абхазцев, собравшихся в Гудауте, перешли на сторону Турции; во всей Абхазии началось брожение, враждебное России. Того же 28 апреля возмутившиеся абхазцы сожгли здания новопостроенного монастыря, а через несколько дней, после бомбардирования турками Сухума, абхазцы (2 мая) приблизились и к Сухуму и зажгли город во многих местах. 23 мая русские войска принуждены были сжечь и Цебельдинское укрепление; здесь погибло и все монастырское имущество. Монах Иоанн, бывший есаул, сопровождал войска наши в тяжелом обходном пути через горы и только в конце мая, измученный, больной, приприбыл к братии в Гелатский монастырь и принес с собой: плащаницу, крест, храмовую икону, одно облачение, монашескую мантию и серебряную лампаду. Все прочее монастырское имущество погибло.

Когда наступила война и с театра военных действий стали приходить вести о кровопролитных сражениях, о множестве больных и раненых, некоторые из монахов новоучрежденной обители пожелали вступить в военные госпитали, чтобы служить раненым в качестве братьев

милосердия. Во главе их стоял монах Иоанн, много перевидавший сражений за время жизни в мире в звании есаула Донского казачьего войска. Эта служба монахов прекратилась с окончанием войны (8 сентября 1878 г.) и с закрытием действий Красного Креста. Государыня Императрица и главное управление Красного Креста выразили потрудившимся монахам благодарность, с выдачей медалей и подлежащих свидетельств. Об их трудах в газете «Кавказ» 26 августа 1878 года сделан был такой отзыв: «Мы были бы крайне несправедливы, если бы умолчали о необыкновенных трудах и беспримерном самопожертвовании русских монахов Ново-Афонского монастыря. Эти похвальные и редкие труды совершались пред нашими глазами. По распоряжению настоятеля монастыря, эти монахи... выдержав экзамен в Кутаисском военном госпитале, по распоряжению окружного управления Красного Креста, поступили на службу в Тифлисский военный госпиталь, где и доньше продолжают свое служение без малейшей материальной помощи со стороны казны или Красного Креста. Эти истинные труженики, при своем кротком нраве и монашеском смирении, отличались беспримерным усердием и любовью к делу и уходу за больными при полном знании санитарных условий. В тяжкий период развития тифа и передвижения больных из одного госпиталя в другой по настоящее время монахи оказали громадные услуги больным, вместе с тем и помощь госпитальному персоналу. Нужно было видеть, чтоб оценить их труды, превосходящие всякую похвалу, – как они просиживали целые ночи у изголовья трудных больных, предупреждая всякие их желания и ласковыми словами облегчая их скорбь, подавая надежду на помощь Божию и скорое выздоровление, Сверх того, монахи роздали больным в подарки большое количество и на значительную сумму книжек и брошюр духовного содержания». Нужно заметить, что этими строками выразило публичную похвалу монахам, само госпитальное начальство.

Между тем, пока совершались все эти тревожные события со времени открытия церкви и монастыря, дело об утверждении монастыря и за ним всех его угодий Высочайшей властью и благословением Святейшего Синода подвигалось вперед. Начальник Сухумского военного отдела в донесении своем от 28-го октября 1876 года, по поводу освящения церкви и открытия обители и школы, между прочим, пишет: «Энергическая, крайне полезная деятельность афонских иноков не только вызывает изумление и сочувствие к их предприятию, но указывает и на ту громадную пользу, которой от них следует ожидать для края, нуждающегося в просветлении христианской религией и в примерах

заселения людьми трудолюбивыми, самой строгой жизни и предприимчивыми на благо и пользу ближнего. Признавая водворение иноков на р. Псыртсхе счастливым событием для Абхазия в виду уже совершенного ими и в виду затруднений, встреченных новоафонскими иноками по утверждению за обителью приобретенного ими подворья в Сухуми, затруднений, повторяющихся и в других подобных случаях, так как по существующим законоположениям монастыри только тогда пользуются официальными правами, когда будут Высочайше утверждены, – имею честь вопросить ходатайства Его Императорского Высочества о Высочайшем Государя Императора утверждении Ново-Афонского монастыря». Вследствие этого представления Великий Князь-Наместник 17-го ноября 1876 года просил обер-прокурора Святейшего Синода исходатайствовать Высочайшее соизволение Государя Императора на утверждение обители. При этом в особом рескрипте Его Высочество писал графу Д. А. Толстому, синодальному обер-прокурору: «Граф Димитрий Андреевич! В отзыве Моем к вашему сиятельству от сего числа Я прошу ходатайства вашего об утверждении в установленном порядке вновь устроенной в Сухумском отделе Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители. На деятельность иноков этой обители Я возлагаю большие надежды по просвещению христианством полудикого населения Абхазии; но для того, чтобы благотворной их деятельности, проявившейся на первых же порах в быстром сооружении монастырских зданий с храмом при них и школою, не встречалось препятствий, необходимо немедля утвердить за обителью ходатайствуемые Мною права. Посему Я убедительнейше прошу ваше сиятельство дать Моему представлению по этому предмету возможно скорое течение». Но потребовалось, однако, около трех лет, конечно, в виду наступившего военного времени, пока закончились все сношения с различными ведомствами, особенно по выяснению вопроса об отношении Ново-Афонского монастыря к Старо-Афонскому Пантелеймонову, о порядке сношений их между собой, о согласии греческой братии монастыря, о формальностях при переселении из Турции в Россию иноков с Афона и проч³⁹.

Между тем, как только окончилась война, монахи возвратились в разрушенные и сожженные здания обители. Тотчас они снова заложили церковь во имя Покрова Богородицы и начали работы по восстановлению и устройству других зданий. Это было первого октября 1878 года. Несмотря на неудобства зимнего времени, постройки быстро были восстановлены, так что 3-го февраля следующего 1879 г., всего чрез четыре месяца по возвращении монахов, уже была освящена церковь и в ней

открыто богослужение, а 7-го мая того же года о. Арсений, в особом представлении уже просил о назначении учителя в монастырскую школу, в которую теперь обитель изъявляет желание принять 50 учеников. О. Арсений, в виду полного разорения монастыря и понесенных им многотысячных убытков (до 60 000 рублей, как потом определилось), просил о некотором пособии на жалованье учителю школы из сумм Сухумского военного отдела. Новый начальник Сухумского отдела, заменивший генерал-майора Кравченко, гвардии полковник Аракин отнесся не сочувственно к положению обители и к просьбе ее настоятеля. Впоследствии, как видно из дальнейшей переписки, начальник округа, особенно после личного посещения обители Великим Князем-Наместником, кажется, изменил свое отношение к монастырю.

К описываемому времени относится, наконец, и Высочайшее утверждение монастыря 8-го декабря 1879 года. Это было венцом трудов о. Арсения, этого замечательного по высокой духовной жизни и дарованиям старца, неутомимого радателя монастыря. Он не дождал до этой радости всего несколько недель и умер в Москве 17-го ноября того же года от воспаления легких. В его отсутствие и получен был рескрипт Великого Князя-Наместника, в котором изложено Высочайшее утверждение прав монастыря. За обителью утверждается название «Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря»; братия его, на первый раз числом в 50 человек, а впоследствии неопределенное число, сколько обитель содержать может, определяется исключительно из русских монахов, которые, в виде исключения из общего правила, могут прибывать в Россию из Турции без испрашивания каждый раз разрешения Св. Синода, по одним видам, выдаваемым в Константинополе нашим посольством; за обителью утверждаются все отведенные ей участки земли и леса; в случае смутных обстоятельств на Востоке, братство Пантелеймонова монастыря на Афоне имеет право переселиться в Ново-Афонский монастырь; новоучрежденная обитель обязуется не производить сборов подаяний по книгам и не испрашивать ни пособий, ни жалованья от казны. В нравственно- религиозном отношении монастырь подчиняется надзору епархиального епископа, согласно церковным канонам. «Да процветает новоучрежденная обитель в тишине и мире на берегах Абхазии, – так заключал свой рескрипт Великий Князь, – и да послужит она местному населению, пребывающему в дикости и невежестве, примером жизни мирной и труженической, образцом человеколюбия, кротости и терпения! Да воспитает школа, устроенная при обители, в молодом поколении из туземцев привычку к полезному труду и любовь к знанию, необходимому

для земледельца!»

После этого утверждения обители она получила права юридического лица; дальнейшее процветание ее было обеспечено, и мы видим, как быстро потом растет ее благосостояние: предоставляется право монастырскому судну делать рейсы из Афона, Таганрога и других портов в г. Сухум и монастырь (в ноябре 1880 г.); разрешается монастырю приобретение недвижимых имуществ в пределах Российской Империи (3-го ноября 1880 г.), – право, которым обитель в скором времени и воспользовалась, получив в пожертвование от А. И. Клементьевой капитальный дом в Петрограде, на углу Забалканского просп. и 2-й роты Измайловского полка, обращенный в монастырское подворье с прекрасным храмом, достигшее теперь цветущего состояния и приносящее большую пользу обители. В 1880 году монастырь посетил его Августейший Ктитор Великий Князь Михаил Николаевич и лично мог убедиться в цветущем состоянии обители. Летопись монастырская к тому времени уже имела запись о неоднократных присоединениях к православной Церкви абхазцев-мусульман, и, может быть, это обстоятельство внушило Великому Князю мысль сделать на пожертвованной Им по случаю своего посещения роскошной лампаде следующую знаменательную надпись: «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его». В это же посещение Великого Князя снова возбуждено было остановившееся дело о передаче Ново-Афонскому монастырю Пицундского храма, после войны находившегося в полном запустении. Прекрасно выполненное в 1882 году возобновление из развалин Древнего Симоно-Кананитского храма (освящен экзархом, впоследствии митрополитом, Иоанникием 10-го мая 1882 года) служило речательством такой же успешной деятельности монахов и в Пицунде. Снова начались сношения с разными ведомствами, явились некоторые препятствия и опасения со стороны самого Ново-Афонского монастыря. Игумен Иерон, занявший эту должность после умершего о. Арсения и утвержденный в этом звании Пантелеймоновским монастырем 7-го мая 1880 года, писал, между прочим генерал-лейтенанту А. В. Комарову (25-го апреля 1882 года), оказавшему много услуг монастырю: «Вверенная мне обитель пять раз, уже испытывала опасности и страх от вооруженного нападения абхазцев на пчельник и другие монастырские дворы, устроенные на садах и огородах, причем злодеи побили монаха П., который долго болел от того, а при последнем нападении на пчельник, в ночь с 7-го на 8-е сего апреля, один из монастырских служителей, А. Ш., ранен в голову злодеями, которых было 10 человек; при описанном случае разграблено ульев с

медом и разных вещей и инструментов на значительную сумму. Вверенная мне обитель находится между двух городов, в которых существуют военные и административные власти, и притом близко к русскому поселению, но и то претерпевает несчастья и разорения от хищников, а если мы водворимся в такое пустынное место, как Пицунда, что же там будет? И кто поручится за нашу безопасность и спокойствие? Этот вопрос не может не беспокоить нас, беззащитных, в настоящую минуту». К этому присоединились и другие затруднения, и только в 1885 году, наконец, по Высочайшему соизволению, Пицундский храм присоединен к Ново-Афонскому монастырю с земельным наделом в 1 049 десятин, в который входят прибрежная сосновая роща и озеро Инкит, – угодья, которые прежде предполагалось отобрать у монастыря.

В монастыре по-прежнему продолжалась кипучая созидательная деятельность под руководством неутомимого о. Иерона. В конце 1882 года им закончена знаменитая каменная плотина чрез р. Псыртсху, которая принесла оздоровление местности, предупредила наводнения, грозившие зданиям и причинявшая лихорадки вследствие застоя воды. Эта же плотина дала монастырю мельницу, целую систему прудов и здоровую воду всей братии. Сооружение плотины начато и закончено о. Иероном на незначительные средства, по собственному его плану, на собственный страх и риск, и приводит в изумление специалистов-инженеров своей дешевизной и основательностью постройки. В следующем 1883 году начаты работы по возведению нового нагорного главного монастыря, потребовавший, прежде всего, нивелировки места, отвода вод из множества горных источников, укрепления грунта, устройства складов здесь же приготавливаемого камня, извести, кирпича, приготовление сухих подвалов и т. д. Приобретена была передвижная железная дорога по случаю, за дешевую цену, и это приобретение значительно облегчило тяжелую работу и подвоз материалов в гору. К августу следующего года обозначились направления стен четырехугольника будущего корпуса и место предполагаемого соборного храма. Закладка этого храма совершена лично Государем Императором Александром III в бытность Его в монастыре со всем Августейшим Семейством 24 сентября 1888 года. Это торжество совершилось под свежим впечатлением высокой духовной радости в Абхазии от крещения 29 июня этого года сразу почти двух тысяч мусульман-абхазцев.

Горный монастырь строился исподволь, медленно, но прочно, и искусством постройки он положительно приводит в восторг и удивление всех, кто сколько-нибудь понимает в строительном искусстве. Пишущий

эти строки встретился однажды в этом монастыре с одним архитектором, который, не стыдясь, признавался, что он, при своих научных познаниях в своей специальности, приезжает ежегодно в обитель учиться, как нужно правильно, прочно и практично производить постройки.

В 1894 году в нагорном монастыре уже был освящен первый храм – Вознесения Господня; в следующем году освящен второй храм – св. ап. Андрея Первозванного; через несколько месяцев, 30-го января 1896 г., готов был и освящен и третий храм – во имя всех святых афонских, а 1-го марта братия уже перешла в новый монументальный корпус – миллионное здание, обошедшее монахам, при собственном труде, значительно дешевле. Наконец, в 1900 году, 29-го сентября, закончен и освящен главный храм внутри двора, образуемая монастырским корпусом четырехугольником, во имя св. великомученика Пантелеймона. Торжество это совпало с празднованием двадцати пятилетия со дня основания обители.

Позволяем себе сделать некоторые выдержки из описания современного положения монастыря, сделанного корреспондентом «Кавказа», присутствовавшим на этом торжестве обители. «С моря монастырь виден издалека. На вершине высокой, так называемой Иверской, горы резко выделяются на фоне неба блестящая крыша Иверской часовни и рядом с нею развалины древней римской крепости Апсары (III в.). Несколько ниже ее, на склоне гор, защищающих весь этот благословенный уголок от северных ветров, на обширной, выровненной искусственно террасе, среди богато разросшихся вечно зеленых субтропических пород, величественно вырисовывается грандиозное белое трехэтажное здание нового нагорного монастыря, построенное в виде громадного четырехугольника, с главным фасадом, обращенным к морю. Из-за фасада нагорного монастыря, значительно превышая высоту ее стен, величественно возвышаются, господствуя над всею окружающею местностью, стены, купола и колокольня громадного, только что законченного собора. Внизу под этим новым монастырем, на террасах, расчищенных на склонах тех же гор, постепенно опускающихся к берегу моря, расположены постройки старого монастыря. Еще ниже, у самого берега моря, окаймленного каменною на цементе набережной, возвышается красивая часовня, воздвигнутая в память чудесного избавления Царской Семьи от угрожавшей 17 октября 1888 года опасности. Набережная продолжением своим налево (с моря) от часовни служит плотиной, поддерживающей ряд искусственно устроенных прудов с пресной водой. Чрез всю пристань, а также и далее по набережной

проложены рельсы узкоколейной легкой конно-железной дороги, которая отсюда идет, опускаясь и поднимаясь, вокруг всего монастыря, захватывая собою все главные хозяйственные учреждения обители, как-то: склады съестных продуктов, кладовые, амбары, мельницу, хлебопекарню, лесопильню и даже сравнительно отдаленный – каменоломню и кирпичный завод. Налево от пристани расположена целая система пресных прудов, обсаженных тополями и плакучими ивами. Пруды эти образуются из воды реки Псыртси, предварительно весьма остроумно утилизированной для самых разнообразных целей. При самом выходе реки из ущелья в долину устроена солидная плотина, образующая верхнее озеро. На этой плотине устроена двухэтажная каменная мельница, рядом с нею – помещения для рабочих и несколько далее – скотный двор. Мельница эта при своем движении служит также и водокачкой, поднимающей воду сажень на 50 для снабжения ею верхнего монастыря. В долине реки, несколько ниже мельницы, стоит древняя, заново реставрированная византийская церковь св. ап. Симона Кананита. Далее по долине к морю идет прекрасная, обсаженная кипарисами аллея, а по сторонам ее расположены сады и оливковые плантации – с одной стороны, и огороды – с другой. От плотины же проведены пруды и каналы, чрез которые вода направлена в прачечную, на кирпичный завод, в доступные для орошения сады и, наконец, для потребностей канализации нижнего монастыря; все же остающееся лишнее количество воды направляется к вышеописанным прудам, устроенным таким образом, что из верхних прудов вода переливается в нижние, а затем из самого нижнего переливается в море. С пристани направо лежит путь к воротам старого, нижнего монастыря. На первой от берега возвышенности расположена старая (Покровская) церковь. Около церкви расположен роскошный цветник, и тут же начинается широкая пешеходная кипарисная аллея в верхний монастырь. Другая дорога, экипажная, начинается несколько правее и именуется «Царскою», в память пребывания Их Величеств в 1888 году. Тут же, близ Покровской церкви, расположены школа с пансионом, две больницы, аптека, мастерская школы и помещение для служащих. Выше церкви начинается ботанический сад с прекрасными экземплярами редких южных растений. Поднявшись на террасу верхнего монастыря, посетитель видит пред самым зданием широкий подъезд за каменной оградой, внизу – лимонную и апельсинную рощу и прекрасный сад, простирающийся далеко к востоку; с левой стороны, к западу, разбит тоже сад с клумбами цветов и молодыми деревьями. Склоны этого сада засажены соснами разных пород. В самый монастырь ведет портик, стены,

и потолок которого украшены священными изображениями, написанными двумя монастырскими воспитанниками, обучавшимися на счет монастыря в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Этими же воспитанниками монастыря расписаны стены Вознесенской и частью Андреевской церквей. Нижний этаж монастыря весь из местного камня; в нем расположены подвалы и в некоторых из них положены рельсы конно-железной дороги. Второй и третий этажи – из кирпича, выделанного на монастырском заводе. Часть западного корпуса занимает обширная, в два света, с расписанными стенами, трапезная, а также кухня, просфорня и новые мастерские – столярная и слесарная. Размеры главного собора следующие: длина 25 сажен, ширина 15 саж., высота 20 саж.; этот собор вмещает (с хорами) более трех тысяч молящихся». При освящении его присутствовали более 18 000 человек, которые, по всегдашнему и неизменному обычаю монастыря, нашли в нем и кров, и пищу. «Несмотря на многотысячную толпу, – пишет корреспондент, – нигде не было заметно ни особой толкотни, ни давки, ни суеты, ни шума. Во многом, конечно, сказалось при этом и самое торжественно-благоговейное настроение паломников. Великая идея религиозного единения и братства царя над всеми собравшимися принять участие в общем православном торжестве – созидания нового храма в стране, покрытой развалинами старинных святынь и омытой кровью многочисленных подвижников и мучеников. И всякий, кто видел эту толпу людей, преимущественно серых, скромных, незаметных, но сильных духом и верою, поймет, что идея эта сильна, могуча, непобедима». («Кавказ» № 261, 1900 г.).

Теперь, когда, по истечении первой четверти века существования обители, можно сказать, закончилось ее внешнее благоустройство, достигшее такого изумительного роста, ее почти тысячному братству предстоит отдать все силы служению делу религиозного единения и духовного братства людей. И теперь уже обитель в короткое время сделалась святыней всего Кавказского края и привлекла к себе богомольцев и из внутренней России. И теперь школа монастырская дает воспитание и обучение мальчикам-абхазцам, которые по истечении пяти лет пребывания в монастыре и школе, возвращаясь в родные села и деревни, конечно, не проходит бесследно для края, многие же служат учителями, священниками, офицерами, некоторые поступали потом и в высшие учебные заведения. Нельзя было многого, и требовать от обители в этом отношении в первый период ее существования, пока все время занимали заботы о прочном водворении в крае и развитии внешнего благосостояния, необходимого и для нее самой и полезного в смысле

живой и наглядной школы трудолюбия и умения для края⁴⁰. Но хозяйственная часть, доведенная до изумительно-цветущего состояния, хотя бесспорно имеет культурное влияние на окружающую среду и оправдывает русское дело в крае, тем не менее, для монастыря не может служить целью, а только средством. Иначе внешнее подавит внутреннее. От обители церковь и общество вправе ожидать широкого и благотворного миссионерского влияния на окружающее абхазское полудикое население. Желательно было бы, чтобы обитель воспитала особых работников, получивших научное религиозное образование и способных войти в тесное общение с абхазцами, чтоб она, привлекая богомольцев из внутренней России, собирала к себе и сынов некогда христианской Абхазии и роднила тех и других между собой высшим духовным единением религиозного братства. По примеру старого Афона, и наша Кавказская Ново-Афонская обитель печатает и раздает брошюры и книги, картины, крестики, образки среди народа. Желательно было бы видеть это дело поставленным возможно шире и притом направленным не только в русскую, но и туземную среду. Возможно, печатать брошюры и на абхазском языке и время от времени совершать для природных абхазцев и богослужение на их языке, по крайней мере, до тех пор, пока они не усвоят себе хорошо языка русского. Для этого нужно привлечь и монахов из среды абхазцев: эти подвижники будут им близкими, родными и, несомненно, привлекут богомольцев-туземцев и поставят их под благотворное влияние обители. Монастырь, при его материальных средствах и при отсутствии теперь огромных построек, требующих напряжения всех материальных сил, может завести и внутри Абхазии, по селам и деревням, особые благотворительные школы⁴¹, по местам с пансионатами, и из них создать, так сказать, духовные монастырские колонии в среде туземного населения⁴². Не может быть сомнения, что эти школы послужат связью монастыря со страной, обратятся в пути для проведения его влияния и сделают монастырь духовным центром края. Чем шире будет влияние его на подрастающее поколение, чем больше будет абхазцев, обязанных своим образованием и воспитанием монастырю, тем прочнее монастырь подготовит себе духовное влияние на абхазцев, и в будущем через четверть века в смысле духовной работы монастырь достигнет, быть может, гораздо более поразительных успехов, чем те успехи по внешней организации, которых он достиг теперь в минувшие 25 лет. Будущее в этом отношении открывает для обители широкие виды: Черноморский берег все более и более оживляется и заселяется, развиваются мореходство и торговля, проводятся шоссейные дороги, близок к осуществлению и

железнодорожный путь, – Абхазия более и более открывается для культурного и просветительного влияния России. Дай Бог, чтобы Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, сроднившийся с краем, переживший с ним тяжелые испытания и ранее других пришедший сюда на высокую духовную работу, обласканный русским правительством и при его содействии получивший столько внешних благ, не отстал бы в культурном воздействии от других работников, оплатил бы России и Кавказу «вместо временных вечными, вместо тленных нетленными» сокровищами. И дай Бог ему в конце открывающегося пред ним нового двадцати пятилетия жизни и в этой духовной работе с полным правом сказать апостольским словом: «Не вотще трудился, не вотще текох».

Солнце уже садилось, когда пароход подошел к обители и остановился невдалеке от ее пристани. С моря открывался чудный вид на весь нагорный монастырь, на окружающие горы, покрытые зеленым лесом; величественно поднимался над всеми постройками монастыря главный соборный храм – и вдруг с его колокольни раздался и понесся по берегу, лону вод, по широкому морскому простору мелодичный праздничный звон, еще мгновение – и торжественный праздничный трезвон огласил все: то обитель приветствовала архипастыря. Между тем, от пристани уже отделилась лодка, управляемая гребцами-монахами; быстро скользила она по водной поверхности моря, кроткого и тихого в этот тихий отгорающий вечер; по опущенному трапу поднялся старейший в обители после о. Иерона иеромонах Иларион в сопровождении почетных представителей обители. Внизу у трапа стояли лодки для владыки и его свиты и для других богомольцев. Через несколько минут плавания в лодке владыка уже поднялся по лестнице на монастырскую пристань. Трогательное зрелище открылось перед ним: везде по берегу, у пристани, во вратах монастыря, в открывающихся монастырских дворах – везде стояли тысячи русских богомольцев, сошедших сюда из разных концов России. Вот она духовно-созидательная и собирательная работа монастыря! Вдруг, при виде архипастыря, все бросились к нему принять благословение: слышались радостные восклицания, в толпе посыпали благожелания архиерею Божию, виделись благоговейно склоненные головы, дышащие умилением лица тех, кому удалось приблизиться к владыке, получить его благословение. Каким теплом душевным повеяло от этого боголюбивого народа-подвижника, какие святые и чистые воспоминания пробудились в душе тех, кто вырос на святой Руси, привык видеть благолепие служб Божиих, великое множество народа в храмах и обителях и то благоговейное Почтение архипастырям Церкви, которое мы

привыкли воздавать на св. Руси. Скопление народа и стремление его принять благословение архиерейское так были велики, что владыка с трудом мог зайти в часовню на берегу и отсюда уже другой дверью выйти, чтобы сесть в экипаж. Начался подъем в гору. Луна обливала мягким светом горы, монастырь, далекое море; волшебный вид открывался сверху на кипарисовые аллеи, лимонные, апельсиновые и масличные рощи; дорога вся обсажена розами и олеандрами, в полном цвету. Вечер благоухал ароматами, кругом все было так дивно, так чудно и торжественно, а сверху виднелся огромный белый корпус монастыря, освещенная высокая колокольня, блистающий храм, и торжественно гудел и несся и переливался в тихом вечернем воздухе радостный перезвон доброшумных колоколов: родная и дорогая для русского церковного чувства картина! Пока экипаж владыки поднимался в яру обходным извилистым путем по особо устроенному для экипажного сообщения шоссе, народ от пристани и расположенных у берега монастырских гостиниц пошел прямою, краткой дорогой к нагорной обители и ко времени прибытия архипастыря к собору был уже здесь в великом множестве.

У входа в монастырь у святых врат братия монастыря во главе с настоятелем архимандритом Иероном встретили владыку. Почти квадратный огромный двор, в середине которого сходит величественный собор, весь был занят народом; возвышенный вход в собор был устлан сукном; как только по ступеням входа поднялся архипастырь и вступил в храм, пред ним предстали все иеромонахи обители и иеродиаконы в облачениях; архипастырь облачился в мантию, принял посох; началась встреча при пении многочисленного монастырского мощного и полноголосого хора. Огромный собор прекрасной архитектуры – создание строительного гения о. Иерона – был весь залит светом, высокий иконостас весь блистал и переливался золотом. Владыка проследовал в алтарь и здесь на св. престоле благоговейно облобызал частицы мощей, хранимых в обители, и среди них особо чтимую часть мощей св. великомученика и целителя Пантелеймона.

После установленных возглашений и многолетий владыка осенил народ святительским благословением; с обширной и возвышенной солеи видно было многотысячное молитвенное собрание в это необычное вечернее время: тысячное братство обители, огромная масса богомольцев. Прогремело последнее «Тон деспотин» и «ис пола», тысячи голов склонились пред архиерейским благословением, и вдруг наступила необыкновенная торжественная тишина в обширном храме.

«Благословен Бог», – начал архипастырь, и голос его задрожал, оборвался, подступили и засверкали слезы, святые слезы умиления... «Благословен Бог, приведший меня сюда, к вам, возлюбленные, даровавший мне увидеть и пережить эти святые и возвышающие душу минуты общего с вами моления. Со времени далекого, но незабвенного детства, проведенного там, вдали, на северной св. Руси, жила в моей душе любовь к святым обителям, и с детства же я слышал о лавре Киевской и Сергиевой, о Валааме, о св. Соловецкой обители. Родные, близкие, знаемые – все окружающие во множестве уходили на богомолье к этим святыням и возвращались назад обновленные и очищенные духом благоговейно-одушевленными рассказами питали и напояли нас духом благочестия и любви к родным святым местам. Велика Русь своими святынями и велик народ наш, ими воспитанный. И вот здесь, на далекой окраине нашей родимой страны, в полнощных пределах великого царства русского, недавно нам чуждых и враждебных, здесь, на этом месте, воздвиглась и засияла новая святыня. И вижу я – собираются здесь русские люди... О, дай, Господи, чтобы собирались здесь и могучие духовные русские силы, – силы веры и боголюбия, силы святости и высокого благочестия. Пусть цветет эта святая обитель духовным цветом, пусть благоухает ароматом, как цветет и благоухает здесь рукою Божиею созданная и всажденная чудная земля с ее богатым растительным царством! Пусть сияет и блещет юная обитель эта всем святым, всем духовным, всем небесным, наипаче же жизнью ее насельников, их святостью, подвигами, трудами, благочестием и низводит на страну нашу Божие благословение».

Одушевленное и прочувствованное слово архипастыря произвело на всех глубокое впечатление, и видно было в передних рядах иноков, как склонялись долу, как увлажнялись слезами их строгие под иноческими клобуками лица... Смиренно в стороне у св. икон иконостаса стоял маститый настоятель, изможденный трудами и летами о. Иерон, и слезы струились по его старческому лицу... И чудилась нам картина: 27 лет назад голый пустынный берег моря, рокот волн, дикий лес, дикие звери и дикие люди; опасности от разбойников, и ни единого следа жилья человеческого, только седые, поросшие лесом развалины древнего храма, немного свидетеля того, что 1 200 лет назад здесь сиял Христов крест и жили верующие христиане. Думал ли тогда смиренный о. Иерон, пробираясь по колючему и цепкому лесу, боясь заблудиться и попасться дикому зверю, и – думал ли он, что процветет в трудах пустыня, яко крин, что воздвигнутся так скоро эти величественные храмы и постройки и так

ясно и так действенно будет здесь явлено Божие благословение? Да, многое сотворит и чудесами просияет общая работа верующих, вспомоществуемая молитвою, смирением, послушанием и любовью! Кто хочет убедиться в этом – прииди и виждь!

Долго благословлял владыка братию и народ, расспрашивая, кто, откуда явился в обитель. Оказалось, что монахи собрались сюда решительно со всех концов России: олонецкие, московские, рязанские, тамбовские, пензенские, сибирские, казанские, екатеринославские, самарские, не говоря уже о южных губерниях, которые дают более всего иноков обители. Отыскался один монах, не так давно пришедший из Порт-Артура! Вот где соединяется Русь! Из туземцев нашлись два грузина и два абхазца. По словам о. Иерона, «туземцы не вмещают нашей жизни», они не могут свыкнуться с порядками общежительного монастырского устава; тяготятся они также и трудами в обители, а главное – монастырской пищей, к которой они с детства не привыкли. Что касается богомольцев, то и они сошли сюда с разных концов России, но подавляющее число их – из Кубанской области, Ставропольской губернии и Донской области, вообще с юга России.

Весь следующий день, 19 апреля, владыка посвятил знакомству с обителью и ее многочисленными учреждениями. Однако оказалось, что за один день нельзя было обозреть более или менее внимательно и десятой доли всего.

Раннюю литургию архипастырь отслушал в старой Покровской церкви, откуда направился в школу; дети стояли на утренней молитве, пели тропари и другие песнопения по-славянски и по-абхазски. Всех детей около 30; все они живут в школе на полном содержании от монастыря. С расширением монастыря, с увеличением числа братии, школа внутри обители становится все более и более ей в тягость: нет лиц среди монашествующих, способных заведовать школой, учебной и воспитательной частью, трудно подыскивать учителей, которые должны быть несемейными и готовыми вынести однообразие монастырской жизни и целый год – постный монашеский стол (мяса в обители не достанешь); трудно найти монахов, которые без ропота несли бы послушание по школе и ухаживали бы за детьми. Есть и другие неудобства школы при мужском монастыре. Вот почему начальство монастырское все чаще и чаще задумывается над вопросом: не вынести ли школу из обители? Возникла школа эта в то время, когда в Абхазии не было ни одного училища, когда в селениях и открывать школы было невозможно. Теперь положение дел изменилось: образована особая Сухумская епархия, появились церковные

школы – более 100, есть школы и других ведомств. Обитель уже отпустила до 20 000 руб. на содержание двух церковных школ в епархии. Теперь о. Иерон предложил владыке, не удобнее ли будет обители, по закрытии своей школы, вносить ежегодно 5 000 р. на содержание стипендиатов из абхазцев в различных учебных заведениях, особенно же во второклассных школах; из этой суммы часть могла бы отделяться и на воспитание девочек-абхазок, чтобы подготовить из них будущих учительниц. Владыка обещал внести это предложение о. Иерона на обсуждение Св. Синода.

Испытав учеников в знании предметов учебного курса, Владыка отправился в нагорный монастырь.

Вход в монастырь, св. врата, прекрасно украшены живописью – работа монахов. Самый собор в честь св. великомуч. Пантелеймона, заложенный Императором Александром III 24 сентября 1888 г. представляется очень величественным, несмотря, что находится в середине четырехугольника, со всех сторон застроенного большими сплошными корпусами. Внутри собора устроены обширные хоры с трех сторон, на хорах – алтари; всего в соборе 5 престолов; с хор прекрасно видно распределение частей обширного храма; здесь убеждаемся в необыкновенной практичности, удобствах и прочности постройки собора. Наверху в центральных хорах устроены особые исповедальни, – комнаты, где иноки ежедневно во время утрени приходят для духовного назидания к о. Иерону, который служит сам литургию каждый день. В исповедальнях все так хорошо устроено, что через особые окна слышно совершаемое в храме богослужение. По всему зданию везде проведена вода; предусмотрено даже, куда и как прилично выливать воду, которую священнослужитель замыкает уста после причащения: «вода эта непопираемая должна быть», заметил о. Иерон. Внизу в главном соборе пол деревянный паркетный, проваренный маслом: это дает ему мягкость, что при длинных монастырских службах гораздо удобнее, чем принятые везде в Закавказье каменные полы. Иконостас главного храма чудной работы; нижний ярус его уставлен огромными иконами, в среброкованных ризах; иконы – строго церковного характера; по словам о. Иерона, «живопись с иконописью соединять надо». Ризница в соборе помещается за алтарем и представляет все удобства: все по местам, все чисто, опрятно, изящно; все в порядке, легко найти, легко спрятать; для каждого служащего место для облачения и разоблачения; в алтарь не вносится решительно ничего из принадлежностей облачения; служащие, сколько бы их ни было, входят в ризницу одними дверями, направо от алтаря, а оттуда, уже облачившись к священнодействию, другими дверями слева из

ризницы входят в алтарь к жертвеннику. В главном алтаре замечательна дарохранительница – массивная серебряная модель всего собора. В другом алтаре – «исторический крест» кипарисовый, водруженный покойным Государем при закладке собора; теперь он прекрасно обделан и служит за престольным крестом. Все в храме – работы иноков, даже чугунные решетки солеи и около икон.

Из собора небольшой переход в трапезную, над которой устроена колокольня; трапезная огромных размеров, необыкновенно светла и удобна; стены сплошь расписаны изображениями святых; особо стоит высокая кафедра для чтения жития святых; особенно бросается в глаза арка в 15 аршин в диаметре. Владыка долго рассматривал живопись (написано все монахами) и дал ряд указаний, какими изображениями заполнить приготовленный для живописи еще незаполненные места.

Рядом с трапезной – хлебная и разливальня. Снизу из кухни на железных цепях поднимается вверх огромный котел и здесь уже из него разливают в миски и разносят по столам; особо проведена труба и для переливания нужного количества вина прямо из винного погреба; в трапезной оно смешивается с водой, а излишне переданная часть вина легко может быть перелита опять в винный погреб.

По выходе из трапезной владыка осмотрел вновь строящуюся больницу с особой церковью; далее – прачечную, прекрасно устроенную, с кранами горячей и холодной воды, не гниющими потолками; чистота везде необыкновенная: все это делает вода, проведенная по всем уголкам обширной обители. Сопровождавший владыку о. Иерон о всех учреждениях делал скромные замечания: трапезная, по его словам, «простенькая», здание «маленькое»... Но вот виднеется «Царская дорога», около – большой сосновый сад; здесь недалеко, в тиши и в красивом уединении, приютилась живописная, в которой работают монахи-иконописцы. Владыка осмотрел иконостас, который готовят для нового храма на Каспийском море, близ Ленкорани, на средства Ново-Афонской обители; осмотрел и другие работы. Особенно бросается в глаза изображенный на большом полотне потрясающий библейский момент: Агарь с Измаилом в пустыне. Измаил лежит умирающий от жажды, около – опрокинутый кувшин и мать, страдающая за умирающего сына, вся подавленная скорбью, бессильная помочь горю. Монахи-живописцы живут особо уединенной молитвенно настроенной жизнью, потому что, по замечанию о. Иерона, «иконописцу непременно нужно иметь чувство духовное».

После живописной мастерской владыка осмотрел чудный

монастырский сад: пальмы в экземплярах положительно редких, магнолии, кедры, кипарисы, кактусы, лимоны, апельсины, померанцы, цитроны, камфарное дерево. Это старый сад; он имеет всего 70 лимонных деревьев, которые за прошлый неурожайный год дали 55 000 лимонов. Теперь устраивается новый сад, в котором посажено 1 200 лимонных деревьев: это уже обещает миллионы плодов. Масличных деревьев и теперь имеется до 14 000. Заботы о саде возложены на монаха о. Тиверия, который в минувшем году награжден золотой медалью за усердие и искусство в своем деле.

Из сада владыку провели в разнообразные монастырские мастерские. Вот «медницкая», где в это время готовился котел огромной величины; вот столярная, где работали вагонетки для железной дороги и модели для литейной. Везде кипит работа, видны склоненные в скуфейках головы, выразительные лица, везде труд, порядок. Но везде в мастерских устроены киоты с иконами, теплятся лампы, стоят аналои с церковными книгами и в определенные часы каждый день совершаются по чину в каждой мастерской положенный службы: «без этого, – говорит о. Иерон, – ропщут»... Все это дает мастерским особо уютный вид и трогает душу. Неудивительно, что если попадают в такую атмосферу нанятые рабочие-пьяницы, то и они исправляются. О. Иерон передает, что иногда спиваются в городах в высшей степени талантливые мастера, которых за пьянство нигде уже не принимают. Они за самую малую плату иногда поступают в монастырские мастерские, бросают водку, исправляются и монахам передают свои знания и умение. Так, один монах, научившись у такого случайного мастера, сумел сделать прибор для давления винограда.

Осмотрел владыка, как монахи делают повозки; осмотрел литейную, где льют чугунные решетки и др. предметы, причем посоветовал заняться в этой мастерской литьем колоколов. В самом деле, все Закавказье не имеет колокольного завода, между тем, в большинство церквей требуются колокола небольшие – в 5, 10 пудов; за все переплачивают; в самое последнее время от казны отпущено на колокола в Закавказье 11 000 пудов меди. Монастырь, занявшись литьем колоколов, не вышел бы из своих задач, а для церковного дела в крае принес бы большую пользу.

Невдалеке от мастерских устроена новинка в монастыре, это – лесоспуск с гор, на протяжении 400 саженей. Сооружение это и по замыслу и по исполнению всецело принадлежит о. Иерону, которому многие возражали против его первоначальной идеи. Лес монастырский растет высоко на горах, приходилось рубить его и доставлять в монастырь с большими затруднениями, настолько тягостными, что монастырь часто

предпочитал покупать дрова на низменности. Теперь по горам проведена железная дорога (конная) с вагонетками, весь лес подвозится на вагонетках к одному месту, с которого по устроенному лесоспуску в 10 минут доставляется такое количество дров, которое прежде с трудом и при благоприятных условиях доставлялось за две недели. А внизу – опять вагонетки и железная дорога, по которой дрова быстро посылаются в склады. Вообще железная дорога с конною тягою теперь охватывает весь монастырь, доставляя кирпич, камень, известь, песок, глину (на кирпичный завод), дрова и проч., удешевляя и облегчая труд иноков. А труда везде много. Вот наверху новые подвалы для лимонов, их будет в новом саду – миллионы; вот новый обширный дом, он сполз по сыпучей почве на косогоре: его подделали, подняли, грандиозным трудом устроили террасы, – и «шапка у него теперь набок», как выразился монах-мастерской. Вот новый сад: везде на огромное пространство проделаны дренажи, устроен питомник, на 2 версты проведена железная дорога, устроена цистерна для воды в 90 000 ведер; в саду сделана распланировка, устроен питомник, огромная школа деревьев, посажены везде новые экземпляры растений, апельсины, цитроны, померанцы, японская хурма и проч., подвезена особая земля, требующаяся для того или другого растения. Есть и чай, но немного. Простец-монах по поводу чайной плантации рассуждал: «Что чай? Лучше нам редька! В Китае-то рабочий – 5 коп. в день, а у нас – целковый: вот тебе и выйдет дешевый чай!»

Огород монастырский, впрочем, находится в другом месте. Вообще, осмотренное не составляло и половины всего хозяйства монастырского; все это кругом монастыря, на принадлежащей ему земле, в горах, на хуторах: там огороды, виноградники, пасека. Кроме того, на Каспийском море теперь монастырь имеет рыбную ловлю, дающую ему до 40 000 пудов рыбы, которую сами же монахи и солят, вялят, заготавливают впрок; там теперь строится храм. В Пицунде, к северу от монастыря по Черноморскому побережью, имеется до 1 000 десятин монастырской земли; там живут до 80 монахов; они имеют также хозяйство и хорошую рыбную ловлю.

Везде кипит работа, и все-таки чувствуешь, что в монастыре вступил на особую почву, где царствует мир и спокойствие, где все так не похоже на шумные города с их суетой, сутолокой и злобой, И здесь, и там – труд. Но какая разница от труда рабочих на вокзале или в Батумских заводах, где выкидываются красные знамена, где идет борьба с хозяевами, взаимное озлобление, яростная пропаганда насилия и разбоя! Здесь мир и тишина, потому что труд одухотворяется и возвышается; он – не цель, а только

средство к нравственному восхождению, он – подение при молитве и непрестанном горении духа, ищущего неба.

Осмотрев мастерские и друг. учреждения обители, владыка возвратился в главный монастырский корпус и посетил келью о. Иерона, осмотрел храмы в корпусе. В скромной кельи о. настоятеля – везде картины старого Афона. Старец живет воспоминаниями обители, где он «полагал начало». С какой любовью, с какою неподдельною радостью говорит он о старом Афоне, поминает батюшку Иеронима, у которого он в молодости служил в кельи, батюшку Макария... Рассказы льются из уст о. Иерона, из них видно одно: крепко хранит он пятую заповедь Божьего закона, крепко любил он своих старших, крепко навыв он смирению, послушанию; умел повиноваться, – оттого теперь умеет так хорошо, отечески и повелевать в обители, где все живет и движется под мановением его, по-видимому, слабой старческой руки. Духовная жизнь и настроенность сквозит во всяком его движении, он подчиняет себе человека сразу, но подчиняет мягко, любовно, во имя высших начал духа, которым он служил всю жизнь. Эту властную силу его подчиняющего обаяния испытали все, имевшие с ним общение. Среди достатка и богатства он живет скромно, как простой монах. Через его руки и через руки его сподвижника и непосредственного помощника о. Илариона прошли и проходят миллионы рублей; а они – все же простые монахи, ничего своего не имеющие; по-прежнему они в простеньких черных рясах монастырского изделия; и трапеза, и одежда их ничем не отличаются от других монахов... Из рассказов о. Иерона о старом Афоне, особенно из рассказа его об о. Иерониме, этом замечательном, прямо гениальном старце, можно было бы составить целую книгу.

Владыка осмотрел все храмы в монастырском корпусе. Особенно хорош храм Андреевский с майоликовым иконостасом и с чудным образом апостола; с этого образа владыка попросил снять копию или фотографию. Замечательны и двери в двух храмах – работа монахов, из пальмы, ореха и каштана с прекрасной фигурной резьбой.

Здесь же в корпусе опять мастерские монахов: переплетная, даже мастерская часовых дел, портняжная, сапожная, здесь и певческая комната, и библиотека, и канцелярия.

Осмотр обители длился весь день. Отдохнув, владыка отправился к бдению; оно началось в 8 часов вечера и продолжалось до 2 часов ночи. Все читают и поют по уставу; есть некоторые и особенности службы по старо-афонскому чину, но певчие не тянут, и служба идет оживленно, без излишнего затягивания. В положенное время монахи садятся в особых

стасидиях. Что удивительнее всего, – ученики монастырской школы добровольно посещают эти продолжительные бдения и выстаивают их без особого труда и напряжения.

На следующий день, 20 апреля, владыка-эксарх совершил в главном соборе литургию в сослужении с архим. Иероном, игуменом Герасимом и с 10-ю иеромонахами. Проповедное слово инокам и народу сказал протоиерей Восторгов⁴³.

По окончании службы владыка вместе с сослужившим ему многочисленным духовенством совершил торжественный крестный ход вокруг соборного храма, а затем несколько часов благословлял народ.

Здесь же от монастыря во множестве раздавались народу печатные брошюры, иконки, крестики. Этот добрый обычай твердо установился в обители; так, в день св. Пасхи роздано богомольцам до 4 000 одних книжек.

После литургии владыка, посетив архим. Иерона, отправился в общую трапезную и обедал вместе с братией. Послеобеденное время владыка посвятил прерванному накануне осмотру монастыря. Посещен был Симонов храм, этот древнейший памятник христианства в Абхазии, восстановленный теперь монахами из вековых развалин в благолепии святыни; осмотрев знаменитый водопад реки Псыртсхи, устроенный о. Иероном баснословно дешево и поражающий массивностью и прочностью постройки. История этого сооружения стоит упоминания. Когда о. Иерон только что прибыл на место, занимаемое ныне монастырем, то река Псыртсха, вырывающаяся из узкого горного ущелья, была здесь злой силой для обители: обладая большой стремительностью течения, странно вытекающая сразу многоводной прямо из-под горы, в 3 верстах от берега, она уничтожала при неожиданных разливах все постройки, уносила в море или разбивала у берега лодки, заливала побережье, образовывала болота, которые производили лихорадки. О. Иерону пришло на мысль схватить реку в ущелье, урегулировать ее течение и русло и затем, пользуясь возвышенным положением ущелья, пустить воду в монастырь самотеком для всех монастырских нужд. Инженеры, запрошенные о. Иероном, оценили предположенную постройку в сотни тысяч рублей, но и при больших затратах сомневались в прочности ее. Тогда сам о. Иерон принялся за дело и выполнил его блистательно: устроил плотину, снабдил ее внизу шлюзами для спуска воды, залил цементом и пустил воду поверх плотины величественным водопадом; по естественному руслу реки он устроил систему семи больших прудов круглой формы; в этих прудах река уже становится, в конце концов, совершенно тихой; на случай половодья,

от водопада проведено второе искусственное русло для спуска лишней воды прямо в море; от водопада питается мельница, оттуда же проведена вода во все монастырские постройки. О. Иерон задумал устроить электрическое освещение, приборы для которого подарил монастырю Государь Император из Зимнего дворца. И опять та же река является незаменимой помощницей обители при изобретательности о. Иерона. Он провел воду из самого истока реки к месту водопада, пробив для этого тоннель в горе, и пустил воду на 20 аршин выше водопада; получилась сила давления вполне достаточная, чтобы посредством турбин служить для электрической станции. А. под водопадом устроены обширные помещения – подвалы и холодильники, столь нужные в жарком климате. Таким образом, все здесь утилизировано. Рядом с водопадом устроены лесопильня и хлебная, и все здесь делается силой воды. Чтобы судить о помощи ее монастырю, довольно сказать, что на хлебной, вода механически месит в полчаса столько теста, сколько прежде могли вымесить 19 человек в день.

Все сооружение плотины со шлюзами и водопадом обошлось около 8 000 рублей! На верхней площадке у самого водопада в 1888 году, в бытность в обители, любовался видом этой массы воды, сверкающей на солнце всеми цветами радуги, Государь Император Александр III с Августейшим Семейством. В память этого здесь прибита особая доска с соответствующей надписью.

Владыка осмотрел все пруды, наполненные рыбой, водопад и другие учреждения, упомянутый выше, и затем направился в монастырские лавки, устроенные для продажи книг и картин религиозно-нравственного содержания, икон и священных предметов. Лавки полны народа; владыка нашел, что подбор книг и вещей для продажи сделан весьма целесообразно, цены вполне доступны для народа.

В этот день оставалось еще сделать поездку на так называемую Иверскую гору, где устроена была в древности крепость Анакопсия и стоит теперь давно разрушенный храм с VII века. Дорога все время идет лесом; на пути встречаются башни генуэзской постройки XIII века. На самой вершине горы – высокая башня, уже грозящая падением; храм представляет только остов, под полом и теперь сохранились ходы, склепы, наполненные костями и черепами. Заботливая рука монахов собрала эти безвестные черепа, сложила вместе и на надгробии начертала надпись:

«Любовию просим вас,
Посмотрите вы на нас,
Мы были, как вы,

И вы будете, как мы».

Тут же древний баптистерий, за храмом – гробница с надписью о погребении епископа Михаила, здесь найден и его череп. Храм теперь предназначен к реставрации, а пока устроена часовня, где и отслужен был владыкой пасхальный молебен. С огромной высоты открывался далеко-далеко вид на море, на горы Абхазии и на побережье; с воодушевлением возносились здесь теперь молитвы и воспевались песни Христу Воскресшему. Скоро здесь засияет крестами величественный храм, понесется колокольный звон: пришло время возвестить снова этой стране о Христе Воскресшем и жизнь миру даровавшем, оживить христианские предания, омрачить полумесяцы, подавить лжеверие мусульманское, подавить наросшие корой суеверия в народе абхазском. Уже есть и добрые предзнаменования: тысячи абхазцев крещены теперь; один монах-абхазец (послушник) недавно из религиозной ревности и желания мученичества сжег священный дуб абхазцев, за что едва не был убит, а появятся люди сильной христианской ревности из недр народа, тогда и успех проповеди святой веры обеспечен. Но много еще нужно потрудиться. Абхазцы – полумусульмане, полуязычники. С людьми, которые, по рассказу покойного миссионера-епископа Абхазии Геннадия, доселе в случае потопления человека, ловят в реке его душу посредством бурдюка, еще много нужно говорить, много нужно их просвещать, чтобы вывести к высоте и свету христианства. Здесь предположено соорудить храм в честь Преображения Господня, а за храмом с особыми ходами устроить пещеры-церкви – Голгофу и обретение Креста Господня. Следует упомянуть, что древность оставшихся здесь развалин очень велика; на камне, найденном в древней цистерне для воды, есть даже 437 год по Р. Хр.

Невдалеке за горой, на небольшой равнине, есть развалины другой древней церкви во имя св. Андрея Первозванного. Владыка посоветовал о. Иерону после восстановления храма Преображения перенести на развалины Андреевской церкви часовню с Иверской горы.

Наступал вечер, и необходимо было торопиться возвращением в обитель. Вечер владыка провел в беседе с о. Иероном о духовном устройстве обители, о нравственном состоянии братии, об устройстве монастырской школы и других нуждах монастыря.

На следующий день, 21 апреля, архипастырь выехал из монастыря по Черноморскому побережью с целью посетить м. Гудауты, абхазское поселение Лыхны и русские, недавно возникшие поселки. Дорога идет по шоссе у самого берега моря среди леса; кругом – богатейшая

растительность. В этом обильном крае, однако, на всем лежит печать новизны: недавно устроенная дорога и просеки, новенькие дома, только что устроенные усадьбы. Первым встречается на пути русское село Веселье, и затем Петропавловка; в последнем селении имеется уже церковь-школа и самостоятельный причт. Русские поселенцы встретили архипастыря с несказанной радостью и в церковь шли и бежали решительно все – от мала до велика. Владыка на пути зашел в одну крестьянскую избу, одарил детей крестиками, а на повороте дороги к церкви, увидя маленького мальчика, который бежал вслед за народом в церковь, владыка посадил его к себе в экипаж и стал расспрашивать ребенка; он правильно назвал себя по имени и фамилии, правильно совершал крестное знамение, рассказал о своей семье, о церкви, о батюшке, о школе... Ребенку было всего 4 года. На окружающий народ эта ласковая беседа архипастыря с ребенком произвела необыкновенно умиляющее впечатление и, можно сказать, дала настроение и тон дальнейшему пребыванию владыки среди петропавловцев; они встретили его сыновней любовью и радостью, усыпали путь его цветами, выслали делегацию с хлебом-солью; в церкви пели ученики и весь народ. Школа и ученики произвели самое благоприятное впечатление; отчетность в образцовом порядке; везде чистота; стены украшены цветами и зеленью; в школьной библиотеке оказались книги и для учеников, и для крестьян; дети бойко читают церковные книги, наизусть знают все тропари воскресные и двенадесятых праздников; хорошо понимают богослужение. Владыка произвел испытание по Закону Божию, по русскому языку и счислению; особенно приятно поразило в учениках знание карты Палестины и умение обращаться с картами полушарий.

Следующее поселение – местечко Гудауты; оно довольно населено, расположено в прекрасной местности, у моря, имеется гавань, в которой останавливаются пароходы; и теперь это – очень бойкое местечко, когда же пройдет железная дорога, его значение, без сомнения, возрастет, а климатические условия, весьма благоприятные, привлекут сюда население. Уже теперь здесь намечено 800 дачных участков, оставлено место и для будущего собора. Вероятно, в скором времени местечко это обратится в город с хорошим будущим. Владыка проследовал в церковь. За богослужением пел хор учеников местной второклассной школы.

Из церкви владыка крестным ходом шествовал по всему местечку; при этом ученики церковных школ пели пасхальные песнопения. На пути архипастырь посетил женскую и второклассную школы. В последней на испытаниях выпускных учеников будущие учителя школ грамоты не

только сами обнаружили основательное знакомство с обиходом церковного пения, но также усвоили элементарные правила регентского искусства, правильно задавали тоны, умели распределить голоса и проч. Испытания происходили в присутствии представителей администрации сопровождавших архипастыря, родителей учащих и многих посторонних лиц.

Уже было за полдень, когда владыка оставил Гудауты. На пути в м. Лыхну, этот центр Абхазии, владыка расспрашивал о положении христианства в Абхазии. Как оказалось, священников, природных абхазцев, очень мало; прежде в абхазских селениях везде священствовали грузины, совершая богослужение по-грузински и обучая и в школах грузинскому языку. Конечно, это было создано историей: грузины были самым культурным народом в Закавказье, имевшим свою литературу, богослужение, законодательство. Естественно, все племена, входившие в сферу политического влияния Грузии, подчинялись ей и в церковном отношении, и в богослужении, литературе и законодательстве пользовались языком грузинским, который был единственным проводником просвещения и культуры в среду удин, кистин, осетин, сванов, мингрельцев, лазов, абхазцев. В этом отношении все эти племена обязаны глубокой благодарностью грузинскому народу. В свою очередь и грузины на всем протяжении своей долгой истории нуждались и в целях просвещения и для житейского обихода в изучении чужих языков – арабского, греческого, в западной Грузии – турецкого, в восточной – татарского, которые оставили очень много слов в языке грузинском. Но времена переменились с начала XIX века; теперь объединяющим языком всего Кавказа, естественно, служит язык русский, как государственный; он является, безусловно, необходимым во всех житейских сношениях, в военной службе, в торговле, суде, администрации, он же служит и единственным средством для усвоения народностями Кавказа общеевропейского просвещения. Поэтому по необходимости меняются и язык богослужения, и постановка школьного дела; ясно до очевидности, что если какое-либо племя не имеет своего литературного языка и богослужения на языке родном, то оно должно пользоваться для того и другого языком общегосударственным, а не каким-либо туземным. В силу этого и в Абхазии теперь или переводятся богослужебные молитвы на абхазский язык, или же совершаются богослужение по-русски. То же и в школах: никакого посредства для изучения русского языка не допускается, и мальчик-абхазец или самурзаканец с родного языка, т. е. с того языка, на котором он говорит дома и который он всосал с молоком матери, прямо и

без посредств изучает язык русский. По словам священника-абхазца о. Ладария, абхазцев, отступивших от христианства в прошлую русско-турецкую войну, насчитывается около 13 000; зная нравы и характер абхазцев, о. Ладария уверял, что по отношению к отступникам нужны строгие и решительные меры, потому что абхазцы и в деле религии привыкли смотреть на то, что скажет и прикажет высшая власть. Собственно, настоящей преданности и к мусульманству у абхазцев нет; оно только льстит грубым страстям и инстинктам. Настоящая религия абхазцев – это смесь язычества, мусульманства и христианства, пропитанная множеством суеверий.

Так, напр., обычай совершать ежегодно общественную молитву в честь Того, Кто посылает дождь, существует у абхазцев с давних времен. Моление это совершается летом после долгой засухи, преимущественно в воскресный день, и носит полухристианский характер. В селении, населенном христианами, все общество в назначенное время собирается в церковь на литургию и все молятся о ниспослании дождя, а по окончании литургии отправляются к месту моления, находящемуся где-нибудь в лесу, на возвышенности, близ реки. К 5–6 час. вечера все мужчины, начиная с шестилетнего возраста, уже находятся в сборе. С раннего утра начинается приготовление общественного обеда: режут несколько коров и мясо их варят на месте моления. Кроме того, каждое семейство доставляет хлеб, вино, мамалыгу и проч. Наконец, режут быка, известные части которого предназначаются в жертву. Когда все соберутся, старейший, играющий роль жреца, в сопровождении выборных лиц отходит в сторону, становится на возвышенности, лицом к востоку, у приготовленного стола и громко произносит молитву. В этой молитве говорится о благодати и величии Бога и о греховности человека; в заключение от лица всех присутствующих возносится прошение о ниспослании дождя. Присутствующие с преклоненными главами произносят: «аминь, аминь». По окончании молитвы «жрец» раздает присутствующим куски жареного мяса и садится за стол, а за ним садятся и остальные. Стол представляет нечто оригинальное: по земле длинной и широкой лентой рассыпаны листья лесного ореха; стульями служат толстые обрубки, плохо очищенные от сучьев, а некоторые садятся на землю. Начинается пир, кричат «ура», произносятся тосты в честь «жреца» и стариков, затем идут народные танцы и т. д. Наконец, все смолкли, наступила мертвая тишина и старики затягивают религиозные песни, которые они одни только и знают. К этому времени являются женщины и начинаются танцы, продолжающиеся до позднего вечера.

Абхазцы твердо уверены, что их моление, если оно совершается после засухи, будет услышано Богом. Если же надежда не оправдывается, то приписывают это исключительно своим грехам.

Не доезжая до м. Лыхны, владыка посетил новое русское селение, где осматривал церковную школу и наметил место для постройки церкви, на котором было отслужено молебствие и водружен большой крест.

Отсюда не более 4 верст до м. Лыхны, этого древнейшего абхазского поселения, расположенного в возвышенной местности, среди богатейшей растительности, у подножия снеговых гор. Здесь жили до последнего времени владетельные абхазские князья; здесь их разрушенный дворец, здесь же они погребены у древнейшего храма, построенного, как видно из уцелевшей надписи, Леоном, царем Абхазии в XI веке. Население этой местности замечательно тем, что никогда не изменяло христианству.

Абхазия образует собой географически треугольник между берегом моря от Гагр до реки Ингура и главным хребтом Кавказских гор. В древности, под именем страны лазов или Лазики, она входила в состав Византийской империи, но в ней оставались абхазские цари. Они в VII–IX вв. настолько усилились, что управляли всей западной Грузией. Царь Баграт III в XI столетии соединяет Абхазию и Грузию под одним скипетром. Когда при царе Александре в XV в. совершилось оказавшееся столь губительным для Грузии разделение ее на уделы, Абхазия на короткое время вновь становится самостоятельной, но быстро затем подчиняется Турции, которая до начала XIX в. и держала ее под своим владычеством. В это-то печальное время и подавлено было в Абхазии христианство, насажденное еще при апостолах и достигшее цветущего состояния в VI–VII вв. при византийских императорах. Довольно посмотреть на такие храмы, оставшиеся памятниками эпохи греческого господства, как Пицундский, Лыхненский, Моквинский, Драндский, Бедийский, чтобы судить, как высоко здесь в свое время стояло христианство. В Пицунде жил католикос, в Мокве, Бедии – митрополиты; было несколько епископских кафедр. Христианские предания живы и доселе среди абхазцев, которые отступили от древней веры и числятся мусульманами, но и христиане-абхазцы, как выше замечено, усвоили себе много обычаев и воззрений из мусульманства и язычества. Судя по отчетам Общества восстановления православного христианства на Кавказе (см., наприм., отчеты за 1896–1897 гг.), религиозно-нравственное состояние абхазцев-христиан представлялось до самого последнего времени в самом безотрадном виде. Только назначение образованных священников, преимущественно из природных абхазцев, улучшение их материального положения,

организованная правильно миссия и, главным образом, открытие школ по приходам – вот что поможет здесь делу.

В Лыхнах владыка посетил церковь; пели ученики и ученицы здешних трех школ, из которых одна – церковная, две – министерские. По окончании молебна владыка обратился к народу с речью.

Представители общества просили владыку оказать им помощь определением их детей в какие-либо учебные заведения, чтоб из абхазцев выходили учителя, учительницы, священники.

Затем владыка подробно осмотрел храм, расположение его частей, греческие фрески с черными древними надписями, древнейшую икону Тайной Вечери, замечательную тем, что на ней изображено таинство причащения под двумя вицами. В храме хранятся две древние иконы владетельных князей Абхазии; один из них, брат бывшего владетеля Абхазии Сафар-бея, погребен здесь же в церкви. Владыке показали и нишу, в которой во время последней русско-турецкой войны было скрыто церковное имущество; она была снаружи заложена камнями и замурована. Турки, оказывается, вошли в храм, обшарили все уголки, но вещей не нашли; с досады они натащили в храм сена и зажгли его.

При наружном осмотре храма обнаружилось замечательное явление: камни, по происхождению раковичные, от ветхости дали трещины и небольшие отверстия внутрь; этими ноздреватыми камнями воспользовались пчелы и обратили стены храма в один большой улей. Летом от сильного зноя часто воск растапливается и течет по камням храма. В церковной ограде отслужена была панихида об упокоение иерея Божия Иоанна, здесь погребенного; он замучен был турками в последнее их нашествие на Абхазию за твердость христианских убеждений.

При осмотре школ владыка обратил внимание на сочувствие всего населения изучению русского языка; немногочисленная интеллигенция абхазская в этом отношении идет впереди и показывает пример единоплеменникам.

На пути из Лыхны архипастырь остановился в Гудаутах и возвратился в Новый Афон.

22 апреля назначен был отъезд из Афона.

Пред самым отъездом владыка зашел в главный собор, куда собралось все братство. Здесь архипастырь простился с иноками глубоко прочувствованным словом.

Путь от Нового Афона к Сухуму пролегает берегом моря. Всюду видны новые дачи, сады, культурные участки; множество новых сооружений. Еще немного времени – и все побережье моря, несомненно,

будет представлять сплошное поселение. Сухумская епархия приобретает все большее и большее значение. В 1886 году деялся сюда первый русский епископ преосвященный Геннадий, и с того времени сколько здесь сделано! Теперь в епархии два больших мужских монастыря, два женских, 120 церквей, 104 прихода, до 110 церковных школ. В район епархии входят: богатый Новороссийск, Анапа, Гагры, Сухум; возрастают русские поселения.

Въезд владыки в Сухум совершился с обычною торжественностью. После встречи в соборе экзарх проследовал в покои преосвященнейшего Арсения. Вечером экзарх совершил в соборе всеобщее бдение.

23 апреля, в день тезоименитства Государыни Императрицы, экзарх совершил литургию, за которой слово произнес протоиерей Иоанн Восторгов⁴⁴.

Вечером состоялось братское совещание архипастырей по различного рода вопросам, касающимся духовных и материальных нужд Сухумской епархии: о постановке миссионерского дела в Абхазии, о миссионерских библиотеках при церквях и школах, о введении миссионерского отдела в курс обучения во второклассной школе, о мерах против отступников, об открытии миссионерской семинарии в г. Сухуме, об учреждении в г. Тифлисе центральной типографии и свечного завода для экзархата и т. д.

24 апреля погода испортилась и помешала владыке осмотреть достопримечательности Сухума, такие русские культурные начинания, как сады Великого Князя Александра Михайловича, гг. Рукавишников и Ноева. В этот день экзарх посетил древний Драндский монастырь, отстоящий от Сухума верстах в двадцати. Драндский храм очень оригинальной архитектуры, с огромным, но низким куполом, в котором имеется 18 окон. Древность его несомненна, но век построения, за отсутствием надписей и других хронологических данных, определить трудно. Здесь прежде, до XVI века, жили епископы; затем храм запустел и восстановлен уже при русском владычестве с 1883 года. В настоящее время здесь благоустроенный русский монастырь, в котором насчитывается свыше 300 иноков; при монастыре имеется школа, в которой учатся русские, грузины, мингрельцы, болгары, молдаване.

Из монастыря владыка возвратился в Сухум и здесь принял трапезу в доме начальника Сухумского округа подполковник В. Н. Прогульбицкого. За трапезой, между прочим, местный археолог г. Чернявский, рассказывал много интересного о прошлом города Сухума (Диоскурий, Севастополис у греков), о котором упоминают Птоломей, Плиний и другие, о пребывании здесь Митридата, о христианских древностях города, многочисленных

храмах и проч. На развалинах древнего Севастополиса турки в XVI веке устроили крепость Сухум, которая и перешла к русским в половине XIX в., после Восточной войны.

Из Сухума владыка на пароходе направился, в гор. Потти, куда прибыл в ночь на 25 апреля. Утром экзарх посетил собор, церкви, школы, сделал визиты почетным лицам, посетил портовую часть и военную церковь, а также совершил закладку новостроящейся прогимназии, а затем отправился в помещение городской думы, где владыке, между прочим, показали модель предположенного к постройке в гор. Потти собора; проект его составлен А. И. Зеленко, строителем коммерческого училища в Москве и собора в С. Стефано. Постройка предположена из железобетона; архитектура – необыкновенно легкая, греческого типа; предположено во избежание сырости внутри покрыть стены пробкой; крышу предположено сделать из легкой марсельской черепицы, особой формы, по виду совершенно тождественной с древними византийскими. На постройку храма собрано в России добровольных пожертвований до 170 000 руб.

26 апреля экзарх прибыл в Ново-Сенаки. Здесь были осмотрены новостроящаяся церковь и местное министерское училище, в котором владыка присутствовал на двух уроках, данных по естественному методу. Учителя достигают в преподавании по этому методу удивительных результатов: ученики бойко, сознательно владеют русской речью, с интересом учатся; урок оживляется наглядными пособиями, постоянными вопросами, одиночными и общими ответами. Такой же успех по русскому языку и в местной начальной женской школе. Здесь же и церковная школа; учительницы, видимо, горят усердием к делу, но какая разница в усвоении русского языка: ученицы церковной школы идут при русском разговоре как бы оцупью, робко, неуверенно, – ясно, что в их уме в это время совершаются два, иногда и три параллельные процесса: мысль на родном – мингрельском языке, та же мысль по-грузински и та же мысль по-русски. Таковы неудобства и притупляющее значение переводного способа, особенно при одновременном изучении трех языков.

Как только вышел владыка из нормального училища, к нему подошел молодой князь Даддани и в присутствии собравшегося народа стал что-то читать по бумажке. Владыка в недоумении слушал это чтение; оказалось – это та же просьба, что предъявлялась и в г. Потти – о сохранении грузинского языка в богослужении; очевидно, и сюда занесен тенденциозно освещенный и злонамеренными людьми распространяемый слух о замене грузинского языка в богослужении каким-то другим. Владыка, обратившись к окружающим, громко объяснил всю нелепость

распространяемых слухов и пригласил князя Дадиани сопутствовать при посещении им духовного училища и церковной женской школы. Здесь владыка спрашивал учеников по церковно-грузински, а равно и по церковно-грузинскому пению, и везде ученики давали прекрасные ответы. В приготовительных классах на расспросы владыки ученики заявили, что когда они жили дома, в деревнях, то по-грузински ничего не понимали, потому что и народ не знает по-грузински, но что они обучались и обучаются грузинскому языку уже в духовном училище. Иное обнаружилось в женской церковной школе: многие из учениц и до поступления в школу понимали по-грузински, потому что проживать не в деревнях, а в самом местечке Ново-Сенаки, где грузинский язык очень распространен. Таким образом, князь Дадиани самолично убедился в том, что он сделался жертвой обмана со стороны непрошенных радетелей о богослужении.

Из Ново-Сенак архипастырь проехал в Теклятский женский монастырь, находящийся в горах, в 8 верстах от Ново-Сенак, недавно учрежденный. У самого монастыря владыке представился поселившийся в скиту недалеко от Ново-Сенак подвижник о. Алексей, пользующийся большим уважением в народе. Архипастырь обласкал его и пригласил с собой в обитель. Инокени переживали тяжелое горе: основательница монастыря игуменья Афанасия, личность замечательная в духовно-нравственном отношении, умерла около месяца назад при чрезвычайно печальных условиях. Игуменья заболела, и ей по ошибке вместо хины всыпали мышьяк; она скончалась в страшных мучениях. Владыка утешил сестер и отслужил панихиду на могиле почившей. Затем архипастырь подробно ознакомился с монастырской жизнью; особенно же обратил внимание на школу, на которую казна ежегодно отпускает 1 200 рублей. Владыка указал на заметный изъян в школе в воспитательном отношении – отсутствие утренних и вечерних молитв; в учебном отношении замечены недостатки в усвоении русского языка.

Из обители владыка возвратился в Ново-Сенаки и немедленно отправился в Мартвильский монастырь, знаменитый своей древностью, а также ризницей и библиотекой. На пути владыка остановился в местечке Старо-Сенаки, где помолился в древнем храме; к сожалению, храм оказался в большом небрежении, иконостас отсутствует. Архипастырь обратил на это внимание духовенства и прихожан; в ответ выступал какой-то пожилой мужчина и подал от имени прихода просьбу, составляющую повторение просьбы кн. Дадиани. Ясно, что злонамеренная пропаганда смуты идет из Поти и местного значения не имеет. Оказалось,

что и подававший прошение от имени жителей Старо-Сенаки – сам не старосенакский житель. Владыка объяснил народу суть дела, указав, что дело касается только обучения русскому языку в школах; представители народа с радостью заявили, что они желают учить детей своих не по-грузински и не по-мингрельски, а только по-русски, потому что русский язык их детям всего нужнее, а родного языка они не забудут, потому что говорят на нем дома.

Далее на пути владыка посетил церковь Нокалакевскую. Говорят, крепость Нокалакеви на римских картах I века показана на берегу моря; теперь она отстоит от него на несколько десятков верст. Здесь – старинная неприступная крепость, отделяющая огромную гору тройным рядом стен; развалины их и теперь белеют между ветвями густо поросшего по склонам горы мелкого леса, а часть стены пересекает дорогу и спускается к реке. Церковь была построена в самой крепости, но не на вершине, а у подошвы горы; это весьма старинный храм, во всяком случае, он построен не позже VI века; стиль ее – чисто-греческий, купол низкий. В правом приделе показывают местную святыню – могилу сорока мучеников Севастийских. Предание о погребении здесь мучеников восходит к глубокой древности и встречается в грузинских летописях X века. Сорок каменных кубиков на полу изображают равночисленный сонм погребенных мучеников.

Такая древность и такая святыня хранятся здесь! Трудно, однако, изобразить словами, в каком запустении и небрежности находится храм. В приходе 200 дым. прихожан, 60 дым. князей. Попечительство же церковное состоит из 3 человек, и оно не дает для храма ни одной копейки. Церковь – в грязи, все требует ремонта, колокольчик висит на дереве, рядом – разрушенная колокольня, которую восстановить ничего не стоит, потому что строительный материал на месте. И школа едва-едва влачит свое существование; учительница несколько месяцев не получает содержания... С чувством глубокой грусти оставил владыка древний чудный храм.

В Мартвили владыка прибыл поздно вечером. Монастырь расположен на высокой горе; к нему проведена колесная дорога. Редкий по красоте вид открывается с монастырской горы во все стороны – на реки, бегущие у подножия горы, и на всю равнину, расстилающуюся до моря; обилие растительности, чудный воздух, безопасность от врагов на высокой горе, – все это сделало Мартвили местопребыванием одного из главнейших епископов западной Грузии, называвшегося чкондидели; епископ этот занимал с епископом Карталинским первое место после католиков при коронации царей; он же замечателен тем, что обыкновенно, во время

военных действий он первый выезжал с отрядом в бой и, благословив битву, возвращался потом в арриергард. Чкондидели считался покровителем всех занимающихся письмоводством; в Мартвили в древности были школы, процветала литература. Из чкондиделей перед приходом русских в край особенно замечателен преосвященный Антоний, отличавшийся замечательной преданностью и верностью России. В соседней Имеретии кипела в 1803 –1806 гг. смута, измена и клятвопреступления, заключались союзы одновременно и с русскими, и с турками; в Мингрелии же было спокойно, благодаря влиянию такого почтенного лица, как чкондидели Антоний. Говорят, название чкондидели произошло от росшего здесь громадного дуба, который служил в древности предметом религиозного почитания.

Храм монастырский выстроен, а, может быть, только перестроен в 908 г. абхазским царем Константином; стиль его – чисто-греческий, симметрия частей удивительная; на стенах фрески XVII века, но это – сравнительно новая живопись: под обвалившейся штукатуркой видны более древние фрески с греческими надписями. Теперь монастырь в запустении; монахов не более 10; храм и другие постройки требуют ремонта. Во дворе выстроено прекрасное новое здание – архиерейские покои для летнего пребывания здесь епархиального епископа; дом выстроил преосвященный Григорий, бывший епископ Гурийско-Мингрельский.

Наутро владыка назначил архиерейское богослужение в Древнем монастырском храме (был воскресный день). С утра с окрестных селений стал стекаться народ к богослужению; к концу литургии церковь уже не вмещала молящихся. Владыка после литургии совершил торжественный крестный ход вокруг монастыря; видимо, на население произвело это большое впечатление, так как, по словам монахов, крестные ходы здесь никогда не совершались.

Затем архипастырь посетил двухклассную монастырскую школу ризницу, библиотеку, где хранятся замечательные древности: крест XVI века Баграта Куропалата, Моквинское евангелие рукописное 1300 года с замечательными миниатюрами, рукопись года, переписанная в Антиохии, миниатюрное евангелие, писанное на пергаменте от руки XVII в., редкий и особо замечательный словарь черкесского языка, писанный грузинскими буквами, древние облачения, сосуды, принадлежности архиерейского служения. Помещение ризницы сырое, неопрятное, рукописи хранятся в сундуках, не проветриваются, что при сырости помещения способствует, конечно, их гниению, описи всех этих сокровищ богословской и

исторической науки не оказалось. Владыка приказал самые замечательные вещи поставить на особом столе и снять с них фотографию.

На обратном пути в Ново-Сенаки было посещение селения Мартвили, Харебский монастырь и село Бандза.

В селении Мартвили владыка убедился в справедливости одного донесения из Гурийско-Мингрельской епархии: в этом селении проживают 10 священников из соседних приходов; они получают жалованье, но в приход являются только по крайней необходимости. Это – величайшее зло в Закавказье, способствующее религиозному одичанию народа, вредное и в школьном отношении, потому что заведующий школой священник, не живя в приходе, только числится при школе и совершенно не руководит ею.

В Харебском монастыре владыке было показано множество святых мощей. Мощи эти, как и другие многие святыни, иконы, кресты и проч. принесены были в Грузию, как предполагают, не из Греции, а из церквей Востока, из Сирии, Палестины, Халдеи, во время гонений монголов и арабов. Действительно, мощей этих во всех древних церквях и монастырях Грузии великое множество. В Харебском монастыре погребен вышеупомянутый чкондидели преосвященный Антоний. Монастырь крайне беден, живет подаяниями и сборами, монахов нет и десяти. Отсюда владыка заехал в сел. Бандза, где находится второклассная школа.

Из Ново-Сенак выехали 28 апреля. Направляясь в Кутаис, экзарх остановился в Самтреди и посетил здесь временную железнодорожную церковь. Рабочие и служащие на вокзале заняты мыслью об устройстве постоянного храма. Архипастырь с горячим сочувствием отнесся к этой мысли: Закавказская дорога вообще сильно нуждается в увеличении церквей, церковных школ, возвышении пастырской деятельности духовенства. Потому масса железнодорожного рабочего люда и представляет здесь благоприятную почву для пропаганды всяких зловерных учений, что им нет противовеса в религиозном влиянии церкви. Владыка дал ряд указаний, как всего удобнее собирать необходимые средства на построение храма и как дешевле и поскорее выстроить самый храм. Отчисление 1% из жалования служащих на построение храма было бы мерой не обременительной и вполне целесообразной; эта мера одинаково применима и на железных дорогах, и в портовых городах, в таких, как Поти, Батум, Сухум и другие. Нет ничего хуже, как постоянная надежда при построении храмов или на казенный отпуск, или на сбор внутри России. В последнее время сборщики с Кавказа, и именно западной Грузии, особенно часто отправляются в

Россию за пожертвованиями то на бедные церкви, то на бедные монастыри. Просят все – города и селения; богатые Поти и Кутаис просят наравне с деревнями. Заявления о бедности слышны везде; о бедности часто говорят люди, одетые в шелк, в местностях, где девушки и женщины одеты так богато, как не одеваются в России люди среднего достатка. Нужно сказать при этом, что и вообще население Закавказья, живя в богатой стране, возделывая не рожь, а виноград, имея прекрасный сбыт сельскохозяйственных произведений, несравненно богаче русских крестьян внутренних наших губерний. Таким образом, нельзя сказать, чтобы местное население не могло удовлетворять своим религиозным нуждам на свои собственные средства. Но и помимо этого, устройство храма без всяких жертв со стороны населения не приносит всей полноты добрых для него плодов в религиозно-нравственном и воспитательном отношении: храм тогда не является своим, близким и кровным и понятным по понесенным трудам и лишениям.

По прибытии в Кутаис экзарх последовал в кафедральный собор, где для встречи собралось духовенство во главе с преосвященным Леонидом, который обратился к владыке-экзарху с приветственной речью.

Из собора, посетив епископа Леонида, экзарх выехал для обозрения духовно-учебных заведений города: духовного училища, семинарии и епархиального женского училища. Особенно внимательно владыка остановился на осмотре духовной семинарии. Семинария эта – учебное заведение сравнительно очень молодое; она открыта в конце 1894 года при экзархе Грузии Владимире и епископе Имеретинском Гаврииле для трех епархий западной Грузии: Имеретинской, Гурийско-Мингрельской и Сухумской. В семинарии 178 учеников почти сплошь туземцев. В соседней с семинарией приходской Петропавловской церкви, где были собраны, вследствие закрытия временной семинарской церкви, все воспитанники семинарии, архимандрит Сильвестр приветствовал экзарха речью.

Владыка-экзарх призывал воспитанников к борьбе с врагами Христа-Спасителя и Церкви Его, призывал их, как богословско-подготовленных, к пастырскому служению, причем указал, что он нуждается в кандидатах священства-богословах и обещал давать священнические места и в Грузинской епархии.

Затем владыка посетил Петропавловскую церковно-приходскую школу, а в семинарии осмотрел временно-закрытую церковь и другие помещения семинарии и присутствовал на экзаменах в 6-м классе. Отсюда владыка отбыл в женское епархиальное училище и осмотрел находящееся

недалеко отсюда новое место, предположенное к покупке для постройки семинарских зданий.

На послеобеденное время назначено было посещение Гелатского и Моцаметского монастырей, с осмотром их древностей и достопримечательностей. В Гелатском монастыре владыка выразил глубокое сожаление по поводу закрытия монастырской школы, помещавшейся в доме, пожертвованном монастырю приснопамятным Имеретинским епископом Гавриилом, а в обновленном Моцаметском поклонился мощам св. Давида и Константина, князей Аргветских. Из Моцаметского монастыря владыка проследовал на вокзал железной дороги и отбыл в Тифлис.

Путешествие архипастыря длилось две недели. Экзарх возвратился обогащенным впечатлениями и наблюдениями, лично и непосредственно ознакомленный с вверенным ему обширным экзархатом.

Православие в Японии. Чтение, предложенное 26 февраля 1904 года в торжественном собрании Тифлисского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III

В нашем обществе мало интересуются успехами православных миссионеров среди язычников, живут ли они внутри России или за рубежом ее. Существует даже ходячее возражение против миссионерства, – сколько таких ходячих фраз – для ленивых мыслю и чувством! Православная Церковь наша, – говорят и повторяют, – чужда духа прозелитизма... Не станем долго останавливаться на этом возражении: конечно, оно истинно, если под прозелитизмом понимать желание обратить в свое исповедание как можно больше последователей, не стесняясь никакими средствами, вроде подкупа, насилия и угроз, включительно до кощунственного упрощения христианства, вроде дозволения женщинам в Индии носить рядом с христианскими эмблемами бесстыдные амулеты или изображения Спасителя на иконе в китайском костюме и даже с косой, как это мы видим в некоторых миссиях восточной Азии. Но приведенное возражение глубоко ложно, если понимать под словом прозелитизм всякую попытку любящей души сообщить содержимую истину заблуждающемуся брату. В последнем случае мы осудили бы Самого Божественного Учителя, повелевшего ученикам идти в мир весь и проповедать евангелие всей твари; осудили бы и все древние церкви, которые всегда из своих духовных сокровищ уделяли для народов, неведущих истины, пастырей и проповедников. Можно сказать, что напряженностью интересов миссионерских можно определить живость и крепость церковной жизни и церковного сознания того или другого народа. В этом отношении равнодушие русского образованная класса к делу миссии нашей Церкви – не великая похвала для него.

Миссионерство русской Церкви тем более высоко и ценно, тем более заслуживает похвалы и удивления, чем более было дня него препятствий, часто едва одолимых. На заре русской государственности православно-христианское население мы видим только на берегах Днепра и озера Ильменя: весь север и восток Европы и далее необозримые пространства Азии, – вся эта огромная территория лежала перед юной русской

Церковью, как богоданная нива, требующая напряженнейшей христианской работы. Условия для такой работы были так тяжелы, что едва же, судя по человеческим соображениям, можно было здесь надеяться на успех христианской проповеди: суровый край, с редким населением; состоящим из дикарей, и притом враждебных к славянам и видевших в христианстве орудие своей племенной гибели, а в язычестве – знамя обособленности; невозможные пути сообщения среди глухих лесов и топких болот на обширных и незаселенных пространствах; отсутствие просветительных учреждений; удаленность культурно-христианских центров жизни в Царе-граде или на западе Европы; бедность материальная; незначительная численность славян-христиан, скудость церквей, малочисленность духовных деятелей, книг, церковных принадлежностей, разноплеменность и разноязычие дикого населения на севере и востоке Европы и в Сибири; постоянные нашествия врагов, напряженность домашней государственной работы, – вот вкратце те условия, при которых пришлось трудиться русской Церкви во святом деле миссионерства. И все-таки, при таких тяжких условиях, православие распространилось в Европейской России необыкновенно быстро, и каждое столетие мы видим все новые и крупные успехи русской Церкви. Русские миссионеры, чаще всего безвестные монахи, без шума и похвалы просвещали чуд, мурому, вод, мерю и весь, шли к самоедам, лопарям, в Челмогоры, Колу и Вятку, в Пермь, к мордве, черемисам и прочим народностям и, по выражению одного немца, путешествовавшего по России в XVI веке и удивленного широкой миссионерской деятельностью нашей Церкви, убелили костями своими необозримые равнины северной и восточной Европы.

К сожалению, школьное образование в России доселе еще так направлено и так обесцвечено в смысле церковно-национальном, что наши юноши более слышат и читают о Бонифациях Германии или Августинах Ирландии, чем о наших русских, великих в своем смирении деятелях. Кто знает о Феодорите кольском, Трифоне печенгском, иноке Кукше, о Трифоне вятском, Кирилле челмогорском, о подвигах и просветительном значении Германа, Зосимы, Савватия в дальних Соловках, Сергия, Германа и других иноков в Валаамской и Коневецкой обителях? Кто знает, как среди татар, поработивших землю русскую, раздавалась проповедь христианства и как в центре татарщины, в Сараеве, основалась даже русская епископия. Кто следил уже в самое последнее время в XIX веке за деятельностью Макария на Алтае, Иннокентия в Камчатке и в восточной Сибири, Дионисия в Якутской области? А ведь эта деятельность полна

захватывающего интереса, и в будущем, когда, даст Бог, русское общество проникнется церковно-национальным самосознанием, она будет вызывать справедливую гордость в русском человеке, и будет воспитывать будущие русские поколения.

Теперь же вся эта обширная область знаний составляет достояние лишь специалистов русской церковной истории, и только особые, исключительные обстоятельства обращают внимание нашего существа на ту или другую сторону нашей церковной жизни и в частности – нашей православной миссии. Так именно было в 1900 году, когда многие впервые услышали о православных китайцах, из которых многие, даже мальчики, умирали от руки боксеров с верою, одушевлением и твердостью, напоминавшими древние времена мученичества. Теперь наши взоры прикованы к Японии.

Есть ли в Японии русская православная миссия? Много ли православных японцев? Что сделано для них? И каково теперь живется и чувствуется нашим единоверным братьям в Японии?..

Берем последние, опубликованные в печати данные о православной духовной миссии в Токио. К 1-му января 1901 года в японской церкви состояло: церковных общин 257; христиан в них было 25 994; священнослужителей – 36, в том числе епископ – 1, игумен – 1, священников – 28, диаконов – 6; из них русские: епископ, игумен, один священник и один диакон, все прочие – японцы; причетников-учителей церковного пения было 15; проповедников – 150. Крещено в продолжение года 1 099 человек. В учебных заведениях православной миссии в Токио состояло: в училище для катехизаторов – 9 учеников; в семинарии – 62, в женском училище – 77 учениц. Учащих в этих заведениях было 33; из них 4 наставника с академическим образованием (см. отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1900 г., стран. 256). О школе в Хакодате сведений не доставлено, равно и других школах, содержимых миссией. При миссии состояло особое Общество переводчиков религиозных книг; здесь было 8 переводчиков и 2 редактора периодических изданий, из которых одно носит название «Сейкео-Симпо», т. е. «Православный Вестник», выходящий два раза в месяц, а другое ежемесячное издание называется «Уранисики», т. е. «Скромность», – журнал, издаваемый при женском училище. Переводов богослужебных и духовно-нравственных книг издано в течение 1900 года 10, оригинальных книг и брошюр на японском языке 25. Издан также нотный сборник четырехголосного пения праздников. Деятельность миссии сосредоточена в Токио, в Хакодате, Нагасаки, в последнее время устроен храм в Киото; общины православные разбросаны

по всей стране. В дополнение к сказанному относительно переводческой деятельности православной миссии необходимо упомянуть, что в течение последнего десятилетия на японский язык членами миссии нашей переведены с русского такие капитальные и весьма важные сочинения, как «Толковое евангелие» епископа Михаила, «Очерки Догматического православного учения» протоиерея Фаворова, «Христианская апологетика» Рождественского, «Инославные исповедания» протоиерея Иванцова-Платонова, «Житие святых» и другие книги, не говоря уже, конечно, о книгах Священного Писания и богослужебных.

Все это сделано исключительно инициативой и при главном сотрудничестве русского епископа Николая, подвизающегося в Японии с 1860 года.

Христианство в Японию занесено давно, с XVI века, католическими миссионерами. Замечателен и знаменателен рассказ о первых христианах в Японии. Какой-то иностранный корабль прибыл к берегам Японии и, негостеприимно встреченный, уходил в море. Вероятно, кто-то из пассажиров случайно уронил с палубы в воду в гавани книгу. Книга плавала около берега и возбудила любопытство двух гулявших здесь знатных японцев. Они приказали слуге достать книгу из воды, но читать ее не могли: она была написана на одном из европейских языков, им неизвестном. Кто-то сказал, что книга эта переведена на китайский язык, и перевод можно достать в каком-либо китайском порту. Достали перевод, и так как оба японца знали китайский язык, то они могли удовлетворить своему любопытству. Книга оказалась евангелием и глубоко заинтересовала читателей; скоро к ним присоединился третий, потом четвертый участник; образовался затем целый кружок... Когда прибыли миссионеры христианские и стали проповедовать учение Христово, почва для восприятия семени была уже готова в этом именно кружке первых читателей евангелия, которые и сделались первыми христианами. Христианство действовало в Японии с переменным успехом; не раз возбуждались гонения на христиан, как на вероотступников, и они, как, например, в 1638 г., гибли тысячами, бросаемые в море и в жерло вулкана Унца, вблизи Нагасаки. Через два года после этого японцы убили прибывших в их страну четырех португальских послов и их многочисленную свиту только за то, что они были христианами; оставив из всех прибывших живыми только немногих, они отослали их назад на родину с таким наказом: «Пока солнце освещает землю, ни один христианин пусть не является в Японию».

Русских миссионеров не было в Японии до самого XIX века. Это и

понятно: Сибирь была слишком редко населена, да и работы в ней среди языческих племен для русских миссионеров было слишком много; к тому же и сношения России с Японией начались не более 100 лет назад. Известно, что и 100 лет назад иностранцев в Японии встречал, неизменно, враждебный прием; отношения эти изменились только с 50-х годов XIX столетия, когда Япония открыла все свои порты для европейцев и быстро стала усваивать европейскую цивилизацию конечно, как и всегда бывает в таких случаях, главным образом, с внешней стороны. Благодаря такой перемене, Япония стала с этого времени открытой и для христианской проповеди. Тотчас же является здесь и русский миссионер – о. Николай отправившийся в Японию в 1860 году. Он уехал из России в дальнюю и неизвестную Японию совсем молодым иеромонахом, не докончив даже курса Петроградской духовной академии. Его отъезд явился историческим моментом. Среди нас есть живой свидетель этого момента – высокопреосвященный Алексей, экзарх Грузии, провожавший в числе других студентов Петроградской духовной академии молодого о. Николая в далекий и неизвестный путь. В то время, когда не было еще ни одного православного японца, можно ли было ожидать живущим и поныне участникам знаменательных проводов молодого монаха, можно ли было им ожидать и надеяться, что они еще услышат при жизни о японской православной церкви, восходящей от силы в силу! Можно ли и теперь предвидеть, что готовит Господь этой церкви через новые 40 лет?

Отец Николай ехал в Японию долгим и тяжким путем чрез всю Сибирь; в Николаевске он зимовал и здесь встретился с престарелым славным миссионером Сибири и Камчатки архиепископом Иннокентием, который благословил молодого миссионера на подвиг и молитвами, и советами, и указаниями своего широкого опыта в апостольском делании. О. Николай вступил на японскую почву преисполненный самых светлых надежд. «Когда я ехал туда, – говорит он со свойственной его языку оригинальностью и образностью, – я много мечтал о своей Японии, она рисовалась в моем воображении, как невеста, поджидавшая моего прихода с букетом в руках. Вот пронесется в ее тьме весть о Христе, и все обновится! Приехал, смотрю, – а моя невеста спит себе самым прозаическим образом и даже не думает обо мне».

О. Николай прибыл в гор. Хакодате и в течение первых десяти лет состоял собственно в распоряжении русской нашей Дипломатической миссии и ее консульства. С первых же дней своего пребывания в Японии он ревностно принялся за изучение японского языка и ныне считается одним из основательнейших знатоков его в среде самих японцев. Он

приглашал к себе учителей, ходил слушать проповеди жрецов, – все для того, чтобы лучше овладеть языком. Особенно много помогли ему в отношении так называемые «рассказчики»: это особая профессия в Японии. Рассказчиков можно сравнить с нашими писателями-беллетристами. Во многих городах есть так называемые «говорильни», где подобные рассказчики публично произносят перед слушателями, в несколько вечеров, свое произведение, которое уже потом записывается и печатается. Посещение таких публичных литературных собраний дало о. Николаю не только знакомство с языком страны, но, самое главное, знакомство с мировоззрением и с душой народа, с его думами и идеалами, с историей, религией и проч. По мере ознакомления с японским языком о. Николай переводил на этот язык самые нужные священные и богослужебные книги, и таким образом готовился серьезно к миссионерскому подвигу по завету первоучителей славянских Кирилла и Мефодия, которые говорили, что проповедовать без книг – все равно, что писать на воде.

В высшей степени интересны и поучительны первые успехи о. Николая на поприще миссионерства. Русский консул в Хакодате искал учителя фехтования для своего сына. Ему порекомендовали некоего японца Савабе, как человека, весьма опытного в этом искусстве. Савабе собственно служил жрецом синтоистским; он отличался самомнением и пропитан был нескрываемой ненавистью к иностранцам. Что-то угрюмое и злобное лежало в его душевном складе. Встречаясь с о. Николаем у консула, он всегда выказывал по отношению к нему особую злобу; съезживая и без того всю маленькую фигурку свою, он проходил всегда мимо о. Николая как-нибудь боком, чуть не скрежеща зубами и бормоча про себя ругательства. Раз о. Николай решился спросить его: «За что ты на меня так сердит?» Савабе отвечал: «Вас, иностранцев, нужно всех перебить. Пришли вы сюда выгладывать землю нашу». «А ты, – злобно прибавил Савабе, – ты со своею проповедью больше всего повредишь Японии». О. Николай, встречаясь при консульстве с Савабе, вступал все чаще и чаще в разговоры с угрюмым жрецом. «Да знаешь ли ты, какое христианское учение, если осуждаешь его?» – спрашивал миссионер. Савабе должен бы признаться, что ничего не знает о христианстве и ненавидит его только за то, что оно – религия иностранная. «А разве справедливо судить и ненавидеть то, чего не знаешь? – говорит о. Николай. – Ты сначала выслушай, да узнай, а потом, если увидишь, что хуже, и осуждай нас, прогоняй из Японии христиан. Тогда ты будешь, по крайней мере, справедлив».

«Ну, говори», – коротко и злобно сказал Савабе. Миссионер рад и тому, что его захотели хоть слушать. Речь полилась о Боге, о душе, о грехе, о бессмертии. Начались вопросы и споры со стороны Савабе; языческий жрец, видимо, заинтересовался христианским учением, сначала как совопросник, потом как любознательный, затем как испытующий истину, наконец, и как плененный красотой и внутренней силой этой истины. Не знаешь, где найдешь: это часто приходится испытывать и в деле миссии, как и вообще в жизни. Савабе стал увлекаться христианством и с захватывающим интересом читал евангелие. Сам он рассказывал потом о себе: «Открыто читать эту книгу я не мог, а читать хотелось. Вот я и выдумал читать за, то время, когда совершал службы в своем «миа», т. е. в синтоистском языческом храме. «Положишь пред собою евангелие вместо богослужебной языческой книги, да и читаешь, постукивая в обычный барабан. Никто и не думает, что я читаю иностранную ересь». Благодать Божия все более и более пленяла сердце Савабе. Но как креститься? А семья? А доходы жреца – единственное пропитание его самого и жены и детей? А публичная измена народной вере и притом со стороны ближайшего служителя? Долго и много пришлось бороться Савабе, пока, наконец, совершилось над ним великое таинство крещения, и он вошел в жизнь духовную и новую, в царство Божие. Пророчески-знаменательно о. Николай дает ему в крещении имя Павла, в честь великого апостола, который некогда из гонителя христианства Савла сделался самым ревностным его служителем и пронес благовестие о Христе по всему миру. Из языческого жреца Савабе также стала ревностным проповедником христианства, а потом и священником. До самого последнего времени он, – уже престарелый иерей при храме Воскресения в Токио, – управлял на правах как бы помощника епископа Николая несколькими христианскими общинами. Если он жив, то нелегко теперь, во время войны, у него на душе...

Проповедь христианства Павел Савабе начал с одного друга своего, врача. Долго он мучился. Не раз, поставленный в тупик возражениями друга, он в отчаянии прибегал к о. Николаю с просьбой разъяснить ему сомнения и недоумения. Повеселев, с новым запасом сведений, он бежал к своему собеседнику, и через несколько дней снова являлся перед своим духовным отцом разбитый, унылый, подавленный; опять бежал Савабе к приятелю, и вот, наконец, пришли к о. Николаю оба: Савабе и его друг врач Сакаи. Этот тоже крестился и получил в крещении имя Иоанна; он также сделался светочем христианства в Японии. Евангельская истина произвела в нем переворот глубочайший и решительный: он сразу оставил

все свои слабости, все привычки язычника и после крещения стал подвижником.

Это были первые успехи о. Николая в Японии. Горько, больно обидно знать, что его делу мешали, главным образом, не язычники-туземцы, а те свои, родные, представители православной России в языческой Японии, от которых в служебном отношении зависел о. Николай, и от которых он мог и должен был ожидать только сочувствие и поддержки. Как ни горько, а нужно сознаться, что православные миссионеры и в Китае, и в Палестине, и в Америке – везде встречали со стороны дипломатических представителей наших одни препоны. Всего три года назад я и сам видел это собственными очами в одном из соседних с Россией государств... Довольно сказать, что о. Николай какой-нибудь русский консул часами держал в передней, отдавая его на унижение пред язычниками, и немедленно выбегал с распростертыми объятиями, когда ему докладывали, что консула русского удостоил посещением языческий бонза... Впрочем, опустим завесу перед этим нашим позорищем: что было, прошло; будем надеяться, что, по крайней мере, не повторится.

В 1870 году о. Николай выходит из состава нашего дипломатического посольства в Японии и с разрешения Св. Синода открывает особую самостоятельную японскую православную миссию. С этого-то времени успех православия в этой стране начинает сказываться особенно заметно и быстро. Миссия скоро разделяется: о. Николай переносит свою деятельность в Токио, а в Хакодате он оставляет иеромонаха Анатолия из русских, присланного к нему помощником. Отец Анатолий, впоследствии архимандрит, ныне покойный (1893 г.), приобрел глубокую любовь японской паствы и особенно заботился о воспитании детей в христианстве. В Хакодате он открыл для этого прекрасную школу. В ней он, главным образом, действовал и воспитывал детей своей необыкновенной искренностью и любовью. Раз он зашел в школу и вдруг горько заплакал. Оказалось, что на стене дети изобразили неприличные рисунки. Эта картина плачущего учителя-священника глубоко потрясла детей и произвела на них благодетельное влияние. Православные японцы выразили желание воздвигнуть памятник о. Анатолию в Токио, в ограде русского храма.

О. Николай, перенесший проповедь в Токио, также не остался одиноким; он сразу же нашел здесь до 70 слушателей и последователей. Мало-помалу стадо православных сынов Японии сплотилось около этих самоотверженных проповедников, терпя нужду, притеснения и лишения, но горя верою и высоким воодушевлением. Правительство недружелюбно

относилось к православным: Павел Савабе, уже возведенный в сан священника, был брошен в тюрьму за проповедь православия; освободившись оттуда, он все-таки поддерживал сношения с заключенными в тюрьме христианами и вместе с тем продолжал свою проповедническую деятельность, избрав для этого одну старую и темную кладовую близ кумирни. Не в лучших условиях приходилось трудиться и о. Николаю. Долго терпел он всякие лишения. «Представьте себе, – писал он, – комнату на чердаке, по точнейшему измерению в 11 кв. футов, и в этой-то комнате, высотой немного более 2-х аршин, происходило обучение 20 человек Закону Божию. Сидеть – уже не спрашивайте, как сидеть. К счастью, есть еще два окна, одно наискось другого; если благотворная природа посылает ветерок, то и ничего, а нет течение воздуха, – духота нестерпимая. Внимание с трудом связывает мысли, самое горло отказывается служить... И слушателям плохо... Что делать? Увы, и летом и зимой, круглый год будет то же неудобство для проповеди».

Однако и при таких условиях дело проповеди продолжалось весьма успешно.

Постепенно увеличивалась паства; явилась и помощь денежная из России от Святейшего Синода, от Всероссийского Миссионерского Общества и от московских благотворителей. Открылась возможность приобрести все нужное для богослужения, строить небольшие храмы, издавать нужные книги. Остальное сделала святая и горячая ревность о. Николая. Мы уже видели, что теперь православных японцев насчитывается уже до 26 000 (это три года назад) и они имеют уже приходы, храмы, учебные заведения, организованную переводческую и литературную деятельность. Все это – плоды трудов о. Николая в течение 44 лет его пребывания в Японии; с 1880 года он возведен в сан епископа и управляет в зависимости от Российского Святейшего Синода японской православной паствой как бы на правах епархиального епископа. Носит он титул епископа Ревельского и Японского.

Внутреннее устройство японской православной церкви имеет некоторые особенности сравнительно с русской церковной жизнью, они особенности вызываются, конечно, миссионерскими нуждами Японии. Проповедью христианства занимаются особые катихизаторы, лица не священного сана; они служат помощниками священников и обыкновенно разъезжают от одной общины к другой. Почти все они – люди семейные. Содержание они получают частью миссии, частью же от приходов. Проповеднические беседы бывают весьма оживленными. Язычники

возражают проповедникам, завязываются горячие споры. Иногда знатные японцы призывают к себе в дом проповедников для беседы.

Внутренняя сила христианства несомненна, и споры с язычниками не опасны для проповедников. Опасны – озлобление и преследования язычников. Правда, с 1889 года указом микадо объявлена в Японии веротерпимость, но объявить веротерпимость, как и европейскую цивилизацию, гораздо легче, чем в действительности ей следовать. Известия последнего времени, из которых видно, что православный храм в Токио теперь охраняется полицией от ярости народной, говорит далеко не в пользу японской веротерпимости. Кстати, о храме в Токио: этот величественный собор во имя Воскресения Христова выстроен на добротные даяния московских благотворителей Миссионерского Общества и составляет истинную славу православия в Японии. Все прочие православные храмы в Японии, числом до 25, малы и не благолепны. Храм же токийский вмещает до 1 500 человек и снабжен весьма богатой и художественной утварью. Когда он строился, то подозрительные японцы делали тысячи предположений относительно тайных целей постройки, тем более что он расположен на возвышенном месте и отсюда недалеко до дворца микадо. Японцам казалось, что это – «русская крепость», что здесь грозит опасность Японии, что отсюда будут делать наблюдения за дворцом и проч. Предполагалось даже купить этот храм за миллион иен и подарить императору; другие предлагали воздвигнуть высокую стену или насыпать гору между храмом и дворцом. Храм благополучно освящен 24-го февраля 1891 года; японцы успокоились, видя, что в нем не совершается ничего, кроме молитв и богослужения, и притом священниками, из которых большинство состоит из природных японцев.

Возвратимся к внутренней жизни церкви в Японии. Над катехизаторами-проповедниками стоят священники, которые, главным образом, служат для обращенных и крещеных; участие их во внешней миссии ограничивается только тем, что они дают советы проповедникам и руководят их деятельностью.

Все деятели юной японской православной церкви ежегодно созываются на собор. Для удобства место заседаний собора меняется: один год, для северной части Японии, собирается он в Токио, другой год, для южной половины, – в Осака. Время созвания собора приурочивается обыкновенно к лету, к концу Петровского поста. Заседания происходят просто и оживленно. В церкви у солеи ставится стол, за которым садятся епископ и старшие священники; на полу, по местному обычаю, садятся прочие священники, диаконы, причетники, катехизаторы. Епископ

открывает заседание молитвой и пастырским поучительным словом, затем читаются отчеты о состоянии приходов, разрешаются текущие вопросы, например, об открытии новых церквей, приходов, благотворительных учреждений, рассуждают о приемах проповеди, о расширении миссионерской деятельности и проч. Занятия обыкновенно начинаются с утра, прерываются в полдень на час-два, затем продолжаются до вечера. Соборы вносят большое оживление в церковную жизнь и способствуют сплоченности церкви между собой.

Прихожане имеют «симбокуквай», т. е. постоянные братские собрания, – род наших церковно-приходских попечительств. Созываются они раз или два в месяц; здесь разрешаются различные дела, касающиеся церкви или прихода, произносятся чтения и речи, обсуждаются вопросы общественного характера, собираются взносы прихожан на дела общины, на содержание духовенства. В последнее время стали возникать при многих церквях особые кружки и из женщин-христианок. Собрания их происходит по праздничным дням. Женщины, насколько возможно, заботятся об успехе проповеди, но главное их занятие – благотворительность, которая особенно усиливается перед Рождеством Христовым и Пасхой. Члены «фу-зин-квей-я», – так называются эти кружки, – в благотворительности не различают крещеных от некрещеных своих соотечественников.

Жизнь внутренняя у японских христиан, конечно, прежде всего, обуславливается тем обстоятельством, что среди 38 миллионов язычников они представляют собой едва заметную величину. К тому же они находятся всегда под подозрением у язычников, в ненависти у жрецов и представителей власти. Все это способствует сближению и сплоченности между собою христиан, которые представляют собой как бы одну большую семью. Общественное богослужение и храмы в этом отношении, как и везде, делают свое дело. Нужно заметить, что в Токио, например, богослужение, совершается весьма благолепно; имеется хороший хор из православных японцев, изданы и церковный ноты, как мы уже выше заметили. При училищах в Токио имеется и иконописная мастерская, где работают две мастерицы, изучившие иконопись в России. Такой же точно строй жизни, чисто-семейный, замечается и в учебных заведениях, содержимых миссией. Сознание единства сильно у христиан; сильно и сознание их православия. В 1888 году, когда в Киеве 15-го июля праздновалось торжество 900-летия крещения Руси, японские христиане откликнулись на русское торжество адресом. Мы не имеем его под руками, но хорошо помним, как просто и метко охарактеризовали

православие японские наши единоверцы. «В нашей стране, – писали они, – есть немало называющих себя христианами. Мы и наши отцы хорошо наблюдали за ними; одни из них и сами не знают, что они к своему учению завтра прибавят (католики); другие не знают, что они в своем учении завтра убавят (протестанты). Только-то христианство, которое принесли к нам русские, сами взявшие его у греков, всегда одинаково, без прибавления и без убавления. И мы уверовали, что оно от Христа, и полюбили его».

Так приблизительно говорили японские христиане, наши единоверцы. Нам оставалось только радоваться царству Божию, пришедшему в силу там, на дальнем океане, на островах Японии.

И вот ныне грянул гром Божьего испытания. Выдержит ли его юная православная Церковь в Японии? Что должны теперь испытывать и чувствовать ее сыны? Где теперь преосвященный владыка Николай, этот старец, отдавший Церкви японской всю молодость, все силы и всю жизнь? И что у него теперь на душе?

Громы пушечных орудий сильнее ли хотя бы и тихого голоса благовестия евангельского? Злоба человеческая сильнее ли благодати Господней? Велиару ли победить Христа?

Неисповедимы судьбы Божии. Что уж тяжелее и бедственнее войны. А нередко ведь случалось, что страны расцветали даже после войн неудачных. По-видимому, что может более противодействовать и христианству, как не война, что гибельнее можешь быть и для православия в Японии, как не эта вражда ее к России?

Но опять повторим: неисповедимы судьбы Божии и велика внутренняя сила истины. Не раз случалось, что за мечом христианских народов, после их побед над язычниками, неожиданно быстро, среди побежденных, распространялось евангелие. Язычникам часто нужно было прежде опытно познать силу Креста, чтобы потом уверовать и в правду Его. Так крестилась восточная римская империя, когда представитель ее – язычник Лициний пал в борьбе с равноапостольным Константином под Адрианополем в 323 году. Не случайность в том, что тогда же, в 323 году, крестилась и Грузия, входившая в сферу влияния римской империи, и быстро стала христианской. Так и при Карле Великом, после успехов его оружия крестилась Саксония. Не случилось ли того же и с нашими отдаленными язычниками-предками: пленяя православных греков, прибывая щит к воротам Цареграда, они и сами пленялись красотой небесной истины и приготавливали Русь к христианству. Может быть, и Японии незримо готовится теперь та же судьба. Православие уже началось

в ней, уже блистательно показало свою внутреннюю силу и жизнеспособность. Оно явилось и действует, совершенно чуждое всякой политики; этого не могут отвергать даже самые его враги. Здесь и залог его успеха и будущего расцвета. Скоро ли увидим этот расцвет?

Судьбы Божии неисповедимы!

Более 500 лет назад Россия, объединенная и державная, перед лицом Бога и мира приняв наследие и мировое призвание Византии, внесла в свой государственный герб изображение святого Георгия Победоносца, копьем, крестом венчанным, поражающего дракона. Может быть, теперь именно пришло время сознательно исполнить русским людям то, что некогда уразумели их предки смутным чувством и закрепили вековым преданием?! Может быть, теперь уже сочтены дни дракона, который знаменует языческий Восток; может быть, в настоящей войне увидит Япония новый Адрианополь, и скоро Крест засияет в ней, и страна Восходящего Солнца будет скоро служить и «кланяться Солнцу правды» – Христу Богу нашему и Его «ведети с высоты Востока»?!

И русскому Царю не суждено ль быть новым Константином?

Русскому воинству, с венчанными крестом знаменами, не суждено ли быть новым Победоносцем?

И не говорит ли теперь Господь России в ее священной брани, не говорит ли, показуя на крест:

«Сим победиши»?!

Ей, гряди скоро! Ей, гряди, Господи Иисусе! Аминь.

–

Когда статья моя «Православие в Японии» была напечатана, получилась в Тифлисе февральская книга журнала «Православный Благовестник», в которой помещено извлечение из отчета преосвященного Николая, епископа Японского, о состоянии православной миссии в Японии за 1903 год. Приводим из этого отчета некоторые сведения, в дополнение к данным, сообщенным в нашей статье и относящимся к 1900 году.

В количественном росте христианских общин, храмов, христиан, членов причта и катехизаторов не произошло за год особо резкого увеличения. По-прежнему и число новых крещений в год превысило тысячу. Церковь в Кеото (древняя столица) окончена и освящена в апреле месяце. Из учебных заведений прибавилась женская школа в Кеото с 24 учащих. Возник новый журнал, специально для печатания оригинальных проповедей и катехизических баз, называемый «Сейкео-Еова», т. е. «Православная Беседа». Обычный собор священнослужителей состоялся в

июле 1903 года.

В числе предметов обсуждения на соборе главное внимание занял вопрос об учреждении в Японии должности миссионера Русских, для общего руководства проповедниками и для помощи, а затем и приемствование епископу Николаю. Миссионер должен быть из молодых иеромонахов академического образования. Об этом давно помышлял епископ Николай и ныне возбудил пред Святейшим Синодом по сему делу соответствующее ходатайство. «Я, 68-летний старик, – пишет преосвященный, – доживаю последнее время моей жизни, посвящая его, кроме общего заведывания церковными делами, переводу богослужения, и давно пора подумать о заместителе меня здесь. Для юной японской церкви будет весьма бесполезно, если, после моей смерти или в случае тяжелой болезни, станет заведовать ею здесь не человек, достаточно воспитавшийся здесь для того, а внезапно присланный, не знающий ни языка ее, ни истории, ни характера людей, ни обычаев страны. Это делает тем настоятельнее нужду не медлить с назначением сюда миссионера».

Преосвященный Николай много занят переводами богослужения и спешит с этим делом; в 1903 году переведена капитальная книга Пентикостарион (служба от Пасхи, кончая праздником Троицы) и издан обиход пения первой и Страстной седмиц Великого поста. Из других переводов следует отметить: Бахметьевой – «Рассказы из истории Христовой Церкви», Е. Смирнова – «История Христовой Церкви», ч. 2-я. о. И. Сергиева – «Моя жизнь во Христе», св. Иоанна Златоустаго – «Беседы», извлечение из «Книги Правил». Появились в печати и оригинальные произведения, принадлежащие христианам-японцам. Замечательно, что о св. Серафиме Саровском появились на японском языке сразу два такие сочинения. Видно, что православные японцы внимательно следят за русской церковной жизнью. Из других работ упомянем: «Сборник религиозно-философских статей» П. Ямада, «Религия и красота природы» В. Ямада, «Неведомый Бог», «Краткое объяснение символа веры», «Сборник проповедей и бесед» на японском языке и др.

Движение сумм по содержанию миссии представляется в следующем виде (в круглых цифрах): приход простирается до 95 000 иен, из них местных средств около 3 000 иен, остальная сумма – из России; деньги эти расходуются: на содержание членов миссии (4 000 иен), на жалованье духовенству и проповедникам (52 000 иен), на училища (24 000 иен), на издание журналов и книг (10 000 иен), на содержание зданий церквей и проч. (8 000 иен).

Отчет преосвященного Николая помечен 20-м января 1904 г. (по

нашему стилю), на конверте же стоят два японских штемпеля: «Токио 5 февраля» (наш стиль – 23 января) и «Нагасаки 7 февраля» (по нашему стилю 25 января). Ясно, что отчет писан перед самым началом военных действий Японии против России, во время сильнейших антирусских демонстраций, когда уже войска японские скрытно отправлялись в Корею, а адмирал Того отправился с секретными полномочиями бомбардировать и взять Порт-Артур.

Как отразились все эти события на жизни православных сынов японской церкви? Вот что пишет преосвященный Николай: «Проповедь в стране беспрепятственно продолжалась, и Господь благословлял ее успехом. Нынешняя тревога в политических отношениях России и Японии почти нисколько не мешает проповеди, так как народ пребывает спокойным, а проповедники, в случае нужды, умеют объяснить независимость религии от политических вопросов.

Отрадные известия!

Проявление патриотических чувств в школах. Из отчета о ревизии церковных школ в Грузинском экзархате⁴⁵

Посылает Бог испытания, дает и утешение. Я недавно возвратился из второклассной женской учительской школы, что при Бодбийском женском монастыре близ Сигнаха. В школе учатся 120 девочек, будущих учительниц, здесь вместе живут русские, грузинки, осетинки, гречанки, сванки, ингилойки, сиро-халдейки, пшавки, православные армянки... Какое патриотическое воодушевление в среде учащихся! И в церкви, и в классах слышится молитва о Царе и народе; каждый урок начинается и заканчивается пением «Спаси, Господи, люди Твоя». С усердием, в горячности чувств, дети в это время становятся на колени, полагают земные поклоны. Все это передалось детям от сестер обители, от учащего персонала – игуменьи, духовенства и учительниц. В школе поставили кружку на Красный Крест... «А можно опускать туда копейку»? – спрашивают маленькие ученицы пригготовительного класса. Шьют белье в школе и в монастырях, готовят одежду для солдат. Монахини, трудившиеся над вышиванием богатой, стоящей до 500 руб. плащаницы, изъявили готовность, вырученную от продажи сумму всю полностью отдать на Красный Крест. Не откликнется ли какой-либо богатый собор? Все готовы идти в сестры милосердия, за монахинями вслед изъявляют такое же желание и ученицы... Окончилась ревизия школы, предлагаем угощение детям: отказываются от лакомств, просят переслать деньги за них по полкам, на флот и на Красный Крест. Собираются служащие при школе числом семь человек и заявляют о решении своем отчислять ежемесячно процент из небогатого жалованья. Игуменья Ювеналия от имени обители и служащих при школе вручает мне сто рублей на флот и на Красный Крест.

Возвращаюсь в Тифлис и получаю донесение из Караурган, с пограничного с Турцией греческого селения Карсской области, где имеется двухклассная церковная школа. Вот что пишет учитель г. Орнитопуло:

«2-го сего февраля, после божественной литургии, у нас было совершено молебствие о даровании победы русскому оружию на Дальнем Востоке. Перед молебствием наведывающий школой о. Харитов сказал прочувствованную речь, в которой указал, как верующий в Ветхом Завете израильский народ силою Божию побеждал сильных врагов, как Давид, ревнуя о славе Бога Израилева, победил Голиафа. Не первое это испытание

для России, – продолжал он; – вспомнил турецкие войны XVIII века, в которых Россия была одинока, но силой веры и упования всегда выходила из них победительницей. Долг каждого из нас непрестанно пламенно молиться о даровании победы Благочестивейшему Государю нашему и Его христоробивому победоносному воинству над врагами. Молебен был совершен так умирительно, каждое слово так ясно и отчетливо звучало в ушах, что многие, стоявшие в церкви, прослезились, а иные плакали. В конце молебна провозглашено было многолетие, и певчие с особенной радостью громко грянули «многая лета».

После молебна учащие в церковно-приходской школе (один законоучитель и два учителя) постановили отчислять из всего получаемого ими содержания по 4%, впредь до окончания войны, в пользу семейств убитых на войне воинов, а жены их сняли с себя свои браслеты, кольца и другие украшения и просили о. Харитова отправить их по назначению. Один из учеников Караурганской школы, восьмилетний К. Х., снял с шеи золотой крестик и, передав о. законоучителю, сказал: «Батюшка, дайте мне простой, медный крестик, а мой, золотой, отправьте на помощь, чтоб русские победили язычников-японцев».

Потом поступили пожертвования от прихожан, исключительно от крестьян-греков сел. Караурган, 103 руб. 25 коп. Как деньги, так и вещи представлены в распоряжение военного губернатора Карсской области.

Сбор пожертвований по приходу продолжается.

Учителя церковных школ, при всей своей материальной скудости, горячо отзываются на призыв к патриотическим жертвованиям, отчисляя процент из жалованья, а один из них прислал даже открытое письмо к своим братьям, в котором воодушевленно приглашает их поднять патриотическое настроение в учащихся и в народе и организовать всюду сбор пожертвований на русский флот, на больных и раненых воинов и на нужды войны⁴⁶.

Съезд епархиальных наблюдателей церковных школ

С 20 апреля по 4 мая 1904 года в гор. Тифлис происходили занятия съезда епархиальных наблюдателей церковных школ в епархиях Грузинского экзархата. Задачей съезда было объединить и упорядочить учебное дело в школах. Вопросы для занятий указаны были окружным советом и касались главным образом рассмотрения и объединения учебников по всем предметам школьного обучения, преподавания Закона Божия, родного языка, методов преподавания русского языка, единства расписания в школах, распределения учебного материала по неделям года, указания числа уроков по каждому предмету в школах двухклассных и второклассных, расширения времени обучения во второклассных школах, устройства книжных складов, коллекций предметов для наглядного обучения и проч. В связи с этим съездом рассмотрены разновременно представленные в окружной совет учебники по различным предметам, преимущественно местных авторов.

Съезд состоялся под председательством окружного наблюдателя школ протоиерея И. Восторгова.

Перед началом занятий участники съезда послали главному наблюдателю церковных школ В. И. Шемякину, председателю Училищного при Святейшим Синоде совета протоиерею П. Соколову и товарищу обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблеру телеграмму нижеследующего содержания:

«Сегодня с благословения экзарха Грузии начались занятия съезда епархиальных наблюдателей церковных школ экзархата. Съезд, принося вам почтительные приветствия, просит не оставить школьных деятелей экзархата поддержкой в их усилиях объединить и благоустроить церковно-школьное дело на нашей окраине». Телеграмму подписали: протоиерей И. Восторгов, сухумский епархиальный наблюдатель протоиерей В. Ястребов, грузинский епархиальный наблюдатель А. И. Одоев, гурийско-мингрельский епархиальный наблюдатель Ф. Д. Жордания и имеретинский епархиальный наблюдатель, он же и делопроизводитель съезда, В. В. Васильев.

В ответ на эту телеграмму съезд удостоился получить ответные телеграммы:

От В. К. Саблера: «Искренно тронут дорогим приветом. Сердечно желаем руководителям церковных школ, собравшимся в Тифлисе, успешно потрудиться на пользу школ, дающих свет знания и утверждающих в

союзе веры и любви разноплеменных чад единого отечества».

От протоиерея П. Соколова: «Шлю свой сердечный привет отцам и господам наблюдателям церковных школ и молитвенно желаю им полного успеха в трудах».

От В. И. Шемякина: «Желаю успеха трудам съезда, работающего для единения и мира. Спасибо за память».

Занятия съезда происходили ежедневно утром и вечером.

Постановления его были рассмотрены членами окружного училищного совета, каждым в отдельности, затем – в распорядительной комиссии и, наконец, в общем заседании совета, причем внесены были некоторые, впрочем, незначительные, поправки и дополнения. В общем, окружной совет вполне одобрил постановления съезда, которые, по утверждении журнала окружного совета его высокопреосвященством, представлены на окончательное утверждение в училищный при Святейшем Синоде совет.

Ожидается, что утверждение последует с таким расчетом времени, чтобы в течение будущего 1904–1905 учебного года были сделаны все нужные приготовления (переведены и изданы учебники, выписаны и разосланы по складам нужные книги и проч.), и затем постановления съезда могут войти в силу и быть осуществлены с начала 1905–1906 учебного года.

В виду важности для педагогического дела постановлений и суждений съезда, журналы его заседаний приводим в «Приложениях» к настоящему тому.

Церковная деятельность на Кавказе в царствование Императора Александра III. Речь в торжественном собрании Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III 20 октября 1901 г., к десятилетию со дня кончины Царя-Праведника

В настоящем собрании нашего Общества, посвященном памяти незабвенного Государя Императора Александра III, я решаюсь представить просвещенному вниманию вашему обзор церковной деятельности на Кавказе в царствование почившего Государя. Общеизвестен факт, что минувшее царствование было временем необыкновенного подъема религиозных интересов в русском обществе и всестороннего оживления церковной жизни в России. После шатаний и отрицаний 60-х и 70-х гг., возникших на почве увлечений идеями материализма, после широкого господства в русской литературе и жизни теорий утилитаризма, опустошивших нравственное миропонимание нашего общества, философская мысль русская созрела и окрепла; она развилась настолько, что ее уже не могло удовлетворить узкое и убогое материалистическое мировоззрение, и она заметно стала склоняться к широким горизонтам идеализма.

Кто не мог теоретически уразуметь вред и несостоятельность господствовавших в литературе и обществе понятий, взятых напрокат с Запада, тех убедительно и властно заставило призадуматься 1-е марта 1881 года.

И все-таки, при всех этих обстоятельствах, способствовавший, отрезвлению передового русского общества и повороту его внимания в сторону религиозных интересов, все-таки личный почин, личный пример Государя Александра Александровича имел здесь огромное значение. «Религиозность была основным фондом души Императора», так выразился об Александре III один из высокопоставленных иностранцев, гостивших в России. Отсюда – и благословенная деятельность Государя в области Церковной. Это был воистину «ктитор» всероссийской Церкви, как любили называть себя старые русские цари, это был «епископ внешних дел Церкви», как называл себя равноапостольный Константин. Сам Государь смиренно называл себя сыном Церкви... Так повелено было им сказать от его имени на киевском празднике девятисотлетия крещения

Руси... В одном из своих манифестов он засвидетельствовал, что любил и почитал родную Церковь «свято, из глубины сердца». Поэтому-то постоянное внимание и заботы Государя о церковных делах вытекали у него не из государственных или каких-либо иных, посторонних соображений и потребностей, не составляли только как бы члена его политического символа, они истекали из глубины верующей души Государя, который в религии и Церкви видел, прежде всего, путь личного своего спасения. Это был, прежде всего, и больше всего верующий покорный Церкви сын. Эта черта сказалась в нем и при посещении нашего города Тифлиса. В одном учебном заведении назначено было в присутствии Государя литературно-музыкальное утро. В зале при входе Государя встретил его священник-законоучитель в облачении со св. крестом. После встречи попечитель округа почтительно попросил Государя занять приготовленное ему место. Государь, однако, не сел. Недоумение скоро разъяснилось: Государь терпеливо ожидал, пока священник, несколько замедливший, разоблачится. Он не хотел сесть и слушать участников торжества, пока служитель Божий оставался здесь же в священных одеждах своего сана и со святыней в руках. Вот почему, повторяем, при такой искренней религиозности и преданности Церкви личное влияние Государя в смысле укрепления религиозных начал жизни в русском обществе сказалось так заметно и сильно.

Все в области церковной жизни привлекало к себе внимание Государя: устройство новых епархий, учреждение новых монастырей и приходов, церковное пение, церковное зодчество, уставы духовно-учебных заведений, поднятие миссионерского дела, учреждение церковно-приходских школ, обеспечение духовенства, повышение приходской жизни, пастырской просветительной деятельности и т. п. В некоторых вопросах, например, в церковном зодчестве и живописи, Государь был тонким знатоком⁴⁷. Чтоб охватить всю эту сложную деятельность, осветить и иллюстрировать ее фактами, потребовались бы целые тома книг.

Мы остановимся, и притом кратко, на том, что сделано было в минувшее царствование в церковной области собственно на Кавказе.

Окраины вообще заботили Государя, а наша окраина, с ее древнеправославным местным населением, близким, и родным России по духу, с ее прославленными святынями, с ее захватывающей и полного религиозного интереса историей, тем более привлекала к себе сердце благочестивого Государя. В глазах русского человека Грузия всегда была и всегда будет обвеяна священными воспоминаниями... Посещение

Государем нашего края, действительно, показало, как он сам преисполнен был здесь чувств веры и молитвы: верим, они и сохранили его драгоценную жизнь в Борках на возвратном путешествии с Кавказа. Батум, Новый Афон и Баку, на окраинах Кавказа, в присутствии благочестивейшего Царя, праздновали закладку своих величественных соборов, – и здесь щедрой рукой были отпущены крупные суммы на устройство создаваемых храмов; святыни Грузии в Новом Афоне, Кутаисе, Гелатах, Мцхете и Тифлисе почтены Царем, который потом, сверх того, предпринял нелегкое экипажное путешествие и в Сигнах, чтобы в Бодби поклониться гробнице равноапостольной девы, святой просветительнице нашего края. Здесь державной волей царственного Поклонника указано быть женскому монастырю, который быстро на наших глазах вырос и расцвел в благоустроенную и многополезную для края обитель. При таком почтении Царя к святыням Кавказа, естественно, что он не был забыт в царственных заботах об его церковной жизни. В этом отношении, прежде всего, следует сказать об учреждении и преобразовании епархий на Кавказе.

В 1885 году образована была особая Владикавказская епархия, с подчинением ее Грузинскому экзархату, а в 1894 году эта епархия выделена была в совершенно самостоятельную, с подчинением ее к Дагестанской области. Это мероприятие дало устойчивость церковной жизни обширному краю и в целях миссионерских имеет огромное значение, богатое будущими плодами. Уже и теперь развитие церковного строительства, усиление школьной деятельности, учреждение во Владикавказе женского епархиального училища, в Ардоне – духовной семинарии, расширение христианского влияния и просвещения в северной Осетии достаточно оправдывают траты правительства на самостоятельную Владикавказскую епархию.

В том же 1885 году последовало новое, более удобное сравнительно с прежним распределение епархий Грузинского экзархата, которое в существенных чертах остается и доньше. Сущность изменений состояла в том, что Абхазская епархия, состоявшая прежде под управлением Имеретинского епископа, преобразована в особую епархию, с особым русским епископом во главе; вместо Гурийской епархии образована епархия Гурийско-Мингрельская, с отчислением к ней Мингрельского викариатства, прежде состоявшего в ведении Имеретинского епископа; Имеретинская епархия осталась, за сказанными сокращениями ее пределов, без викария и включила в свои пределы чисто-имеретинское население. Экзарх Грузии прежде управлял своей обширной епархией из

семи губерний почти без помощников, так как один викарий его проживал во Владикавказе, другой управлял Горийской епархией. По новому распределению, за отчислением Владикавказского округа, в помощь экзарху дан епископ Горийский, как викарий; затем в 1886 году назначен и второй викарий, епископ Алавердский. При сокращении пределов экзархата, вследствие преобразования Терско-Дагестанской области в особую епархию, совершенно самостоятельную, экзарх Грузии, имея больше, чем прежде, помощников, значительно был облегчен в трудах управления экзархатом. Кроме того, при таком распределении епархий Грузинского экзархата достигнуто было сравнительно равномерное распределение количества приходов в каждой епархии.

Одновременно с этим Государственный Совет в 1885 году (2-го июня) утвердил новые штаты епархиального управления в образованных епархиях, – епархиальных канцелярий, чиновников и пр., с отпуском из казны потребных сумм. Штаты эти и доселе остаются в силе.

Несколько ранее (23-го апреля 1885 года) и независимо от утверждения штатов епархиальных управлений в Закавказье, образована была епархиальная канцелярия Владикавказская, с учреждением двух штатных должностей, с предоставлением им как общих, так и особенных по месту службы прав и преимуществ и с отпуском из казны необходимых средств.

В пределах же экзархата образованы были новые попечительства о бедных духовного звания; по Высочайшим повелениям они открыты в Гурийско-Мингрельской (2-го июня 1890 года), во Владикавказской и Сухумской епархиях (9-го февраля 1891 года); учреждения эти действуют на общих основаниях (согласно положению 12-го августа 1823 года).

Изменения в управлении Владикавказской епархии, вследствие перечисления в эту епархию приходов Терской области, доселе подчинявшихся епископу Кавказскому, проживавшему в гор. Ставрополе, повлекло за собой изменения и для обширной Кавказской епархии. Кроме отчисленных от нее приходов Терской области, от нее же перешли в новообразованную Сухумскую (прежнюю Абхазскую) епархию приходы нынешней Черноморской губернии и даже часть Кубанской области (около г. Анапы). Вследствие этого прежняя Кавказская епархия переименована в Ставропольскую и, сократившись в пределах, охватывает ныне Ставропольскую губернию и Кубанскую область.

Перемены коснулись и Грузино-Имеретинской синодальной конторы. Кроме изменений в районе ее действий, вследствие образования новых епархий – Сухумской и Владикавказской и присоединения к экзархату

всей Закаспийской области, образовавшейся в нынешних ее пределах при Александре III, состав членов синодальной конторы увеличен новым постоянным членом в лице ректора Тифлисской духовной семинарии, присутствие которого признано было полезным и необходимым в заседаниях конторы (28-го сентября 1891 года).

В канцелярии экзарха Грузии учреждена была вместо прежней должности переводчика (учреждена в 1865 году) должность казначея, необходимая в канцелярии в виду поступления в ее распоряжение больших денежных сумм. Новой должности присвоены права государственной службы (20-го октября 1882 года).

Изменения разновременно коснулись и других епархиальных канцелярий экзархата: в 1882 году (16-го ноября) в Имеретинской епархиальной канцелярии учреждена должность второго помощника секретаря, в звании архивариуса; в 1891 году (3-го июня) изменен состав Сухумской епархиальной канцелярии увеличением штатных чинов до двух вместо прежнего одного; в 1894 году (10-го сентября) во Владикавказской епархиальной канцелярии введено существенное и редкое изменение открытием при ней действий духовной консистории, с избранием трех членов из духовных лиц.

Открытие новых приходов в Грузинском экзархате на казенный счет в рассматриваемый период времени шло не быстро. Это объясняется отчасти затруднительным финансовым положением России, которая в год восшествия покойного Государя на престол в этом отношении переживала самое тягостное время. Но самой главной причиной было то, что правительство направило свои заботы об увеличении приходов на другие места, несравненно более нуждающиеся в этом отношении, чем экзархат, в котором по местам наблюдается даже излишек приходов по сравнению с коренным русским населением.

Так, на северном Кавказе, при количестве русского православного населения втрое больше, чем в Закавказье, насчитывается втрое меньше епископов и вдвое меньше приходов.

Приходы, кроме того, нужно было открывать в Сибири, в Западном крае, в Остзейском крае и в Финляндии, и сюда, главным образом, направлялись заботы правительства. Впрочем, как сейчас замечено, Закавказье все-таки и в этом отношении не было забыто.

Открытие новых приходов в Закавказье на казенные средства вызывалось исключительно присоединением к православию абхазцев, айсоров и армян и отчасти естественным приростом русского населения и притоком его из внутренней России. Так, в 1882 году открыты приходы,

обеспеченные казенными отпусками, в сел. Адлере и Вуланском, Черноморская округа, в г. Батуме и в сел. Игдырь, Эриванской губернии; в 1885 г. увеличен состав причта в г. Батуме; в 1886 году открыт приход в г. Новобаязете, Эриванской губернии; в 1887 году учрежден самостоятельный причт в сел. Ведено; в 1891 году открыты причты в сел. Культы, Эриванской губернии, в виду присоединения армян к православию, и в сел. Урмии, той же губернии, в виду присоединен к православию айсоров; в том же году учреждены приходы с казенным отпуском денег в г. Тифлисе для присоединившихся айсоров и в г. Казахе, Елисавет-польской губернии; в 1893 году открыты приходы в Сухумской епархии в сел. Саберио и в деревне Береговой. Таким образом, всех открытых приходов насчитывается в Грузинском экзархате до 18, и все они обеспечены казенным отпуском. Приходов, как видим, открыто немного; в новых приходах, в общем, и не было нужды, зато существующие приходы экзархата, как увидим ниже, были щедро наделены казенными средствами. Что касается русского населения на северном Кавказе, то здесь открыто было до 100 новых приходов, но казенных отпусков им не было назначено. Причты и приходы существовали и существуют там на местные средства.

Вместе с открытием приходов шли заботы о благоустройении монастырей. В рассматриваемый период времени учреждены на Кавказе следующие монастыри: Драндский мужской в Абхазии (1883 г.), Михаило-Афонский в Кубанской области (1883 г.), Воскресенский Мамай-Маджарский в Ставропольской губернии (1884 г.), Мартвильский в Гурийско Мингрельской епархии (1887 г.), женский Георгиевский в Терской области (1885 г.), Бодбийский женский монастырь в Сигнахском уезде, Тифлисской губ. (1888–1889 гг.). Кроме того, Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю разрешено устроить особые подворья в Петрограде (в 1886 г.). Вновь учреждены женские общины: Теклатская Имеретинской епархии (1884 г.), возникшая вместо существовавших в этой епархии Цатисского и Теклатского мужских монастырей, упраздненных за неимением братии; Джихетская в Гурийско-Мингрельской епархии (1892–1893 гг.) и Покровская в городе Владикавказе (1894 г.).

В 1887 году Шио-Мгвимская пустынь, Тифлисской губернии, отчислена от Тифлисского Спасо-Преображенского мужского монастыря со всеми принадлежащими ей угодьями и имуществом и возведена в самостоятельный монастырь.

Из монастырей Грузинского экзархата просветительной

деятельностью для края выделилась Бодбийская женская обитель. В скором времени после ее основания там учреждена была небольшая элементарная школа, выросшая потом во второклассное женское училище. Это особый тип школы с шестилетним, а теперь – с семилетним курсом, причем последний год учащиеся практически приготавливаются к должности учительниц. При школе пансион; в ней обучаются девочки, принадлежащие почти ко всем народностям Кавказа. Из школы вышло уже немало учительниц, которые с успехом трудятся на педагогическом поприще.

Для миссионерской деятельности на Кавказе представляется широкое поле, особенно если иметь в виду, что значительная часть горцев Кавказа издавна просвещена верою Христовой, но впоследствии охвачена была мусульманством. Абхазцы, сванеты, осетины, южные лезгины, кистины, кабардинцы, чеченцы и друг, племена, равно омусульманившиеся грузины в некоторых местностях Закавказья, – вот поприще для миссионерской деятельности. На возвышение и укрепление православия на Кавказе направлены были усилия епархиального начальства, духовенства и Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Упомянутое Общество, по Высочайше утвержденному журналу Комитета Министров 10 февраля 1885 года, передано в духовное ведомство, с подчинением высшему надзору Св. Синода, под непосредственным ведением экзарха Грузии в качестве председателя Общества. Передача эта внесла единство в миссионерскую деятельность в Закавказье и открыла широкое поле церковностроительству и церковно-школьной деятельности Общества среди горцев Кавказа.

На Кавказе и в Закавказье, как известно, проживают во множестве сектанты и раскольники. Особенно трудно бороться с сектантами в Закавказье, так как здесь они живут в глухих и недоступных местах, вдали от православного духовенства. Борьба с расколом и сектантством в рассматриваемый период выразилась присоединением 2 000 раскольников в станице Червленной, Терской области, в 1894 году, открытием в городе Тифлисе публичных бесед с сектантами и устройением особых миссионерских церквей.

Все это послужило подготовительной деятельностью к открытию впоследствии в Грузинской епархии правильной противосектантской миссии с назначением двух специально противосектантских миссионеров с высшим богословским образованием.

Но, несомненно, главными миссионерами везде и всегда должны быть местные священники. Духовенство Грузинского экзархата, в целях

подготовки его к плодотворной миссионерской деятельности, вызывало серьезные заботы правительства. Прежде всего, справедливость требует сказать, что духовенство это, при малочисленности населения в приходах, а также вследствие падения религиозности в народе, что обуславливает сокращение местных средств содержания причтов, находилось и находится в крайне тяжелом материальном положении. Естественно, что окончившие курс духовной семинарии с гораздо большей охотой устремлялись и устремляются на всякие другие поприща службы, только не в духовное ведомство. Ряды служителей Церкви пополнялись нередко лицами совершенно неподготовленными научно к своему высокому призванию, особенно на миссионерском поприще. Даже в Грузинской епархии, которая стоит по образованию духовенства гораздо выше других епархий экзархата, в 1894 году две трети духовенства состояло из лиц, не получивших надлежащего образования, а в Гурийско-Мингрельской епархии, например, только одна двадцатая часть священников состояла из лиц, получивших образование.

В виду таких условий, особенное значение приобретают заботы о материальном обеспечении духовенства и о преобразовании учебно-воспитательной части в духовно-учебных заведениях, которые должны давать истинно-церковное направление своим питомцам, развивая в них склонность к служению Церкви. То и другое, как известно, составляло предмет дум и особенных забот почившего Государя. Кроме отпусков на новооткрытые приходы в Закавказье, о чем уже вышесказано, духовенству Черноморского округа отпущено было пособие за понесенные им во время русско-турецкой войны 1877–78 гг. труды и убытки (в 1883 г.).

Затем в 1884 – 1885 гг. отпущены постепенными отпусками крупные суммы на содержание духовенства Имеретинской и Гурийско-Мингрельской епархий, так что с 1 января 1887 года на этот предмет вместо прежних 55 000 руб. повелено было из государственного казначейства отпускать по 111 000 рублей в год. В том же 1887 году последовали первые отпуска на содержание некоторых (двух) причтов Карсской области; обеспечение всех греческих причтов Карсской области не успело пройти при жизни Государя Александра III и осуществлено уже в нынешнее царствование, вскоре после смерти Государя. В 1891 году значительно увеличено содержание причта г. Сигнахаи вновь назначено жалованье из казны 16 причтам Абхазских и Сдаурзаканских приходов Сухумской епархии (в селениях: Репы, Николаевском, Баргеты, Мараоули, Абалаквинском, Беслагубы, Отобаевском, Шемелеты, Царче, Мухури, Баркепы, Писанское, Бармыши, Звандрунпш, Атары, Гудауты). На эти

причты отпущено по 10 400 руб. в год. Справедливость требует сказать, что о таких отпусках и в таком количестве совершенно не слышано во внутренней России, где духовенство живет исключительно на местные средства.

В 1887 году состоялось общее по Империи весьма важное распоряжение о принятии пенсии священнослужителям и их семьям на счет общего пенсионного кредита. Как ни малы были пенсии духовенству (130 руб. в год священнику за 35 лет службы), но и этих пенсий духовенство своевременно не получало за недостаточностью отпускаемого в распоряжение Святейшего Синода на этот предмета кредита. Указом 1887 года (2-го июня) прекращен отдельный счет пенсионному кредиту духовного ведомства, и выслужившие сроки духовные лица стали немедленно удовлетворяться пенсией, не ожидая, как прежде, в течение долгих лет, пока до них дойдет очередь.

1893 год был особенно счастлив для духовенства в смысле его обеспечения. В этом году решено правительством, окончательно обеспечить все причты Империи, и преступлено к ежегодным отпускам крупных сумм в распоряжение Святейшего Синода на этот предмет. В 1893 году отпущено было 250 000 руб., в 1894 году – 500 000 руб. Отпуска продолжались и в следующие годы. Из этих сумм ежегодно известная часть отчислялась и на приходы Грузинского экзархата. Иногда эти отпуска на экзархат достигали 10% общего ежегодного ассигнования.

Что касается постановки учебно-воспитательной части в духовно-учебных заведениях, то в этом отношении заслуживают внимания следующие мероприятия: введение нового устава в духовных академиях и семинариях (1884 года), увеличение числа при академии, введение новых наук в семинариях, возвышение денежных отпусков на содержание духовно-учебных заведений, возвышение окладов служащих по духовно-учебному ведомству (1893–1894 гг.) и пенсии их (1894 г.). Все эти общие для Империи мероприятия коснулись и Кавказа. В частности в Закавказье открыта была новая духовная семинария в Кутаисе (1894 года), на северном Кавказе преобразовано открытое в 1887 году Ардонское духовное училище в семинарию (в 1894 году); Мингрельское духовное училище перенесено было из м. Новогалеви в г. Новосенаки, Моздокское – во Владикавказ.

В организации учебной части в духовных училищах и семинариях Грузинского экзархата, по местным условиям, в 1883 году введены некоторые особенности: 1) сокращено число уроков по древним языкам, 2) введен в число обязательных предметов грузинский язык, причем указано

было главным образом обращать внимание на изучение церковной письменности; 3) введено преподавание церковно-грузинского пения; 4) уроки, остающиеся свободными от сокращения занятий по древним языкам, предписано употреблять на усиление занятий по русскому языку. Греческий язык в 1888 году был исключен из предметов преподавания в духовных училищах экзархата, а число уроков русского языка вместо нормальных 19 возвышено до 26 в неделю во всех классах духовных училищ; на грузинский язык отведено 12 уроков во всех классах духовных училищ; из 8 уроков пения предписано половину употребить на славянское пение, другую половину – на грузинское. Особыми распоряжениями в 1894 году введены были некоторые особенности в постановке учебной части в Тифлисской и Кутаисской духовных семинариях; разновременными распоряжениями определен учебный план в Ардонском духовном училище и Ардонской духовной семинарии.

Но самой главной заботой Императора Александра III в области церковной жизни было воссоздание церковно-приходской школы. В этом отношении заслуга его неизмерима. В его царствование осуществлена была мысль Царя-Освободителя, высказанная им настойчиво в 1878 году, о привлечении духовенства к делу школьного просвещения народа. Дело церковно-школьное двинулось быстро. Несомненно, на первых порах оно более преследовал количественную сторону дела, а не качественную, страдало многими недостатками, чем и вызывало справедливые укоризны в печати и обществе. Но это – обычный спутник каждого нового дела. С течением времени церковно-школьное дело постепенно крепнет, оказывая для Церкви и общества неоценимую пользу. Ход церковно-школьного дела в царствование почившего Государя был таков.

В январе 1882 года повелено было г. обер-прокурору Святейшего Синода, по соглашению с подлежащими ведомствами дать движение вопросу об участии духовенства в деле народного образования; вопрос этот, повторяем, был настойчиво поставлен на обсуждение Государственного Совета еще Царем-Освободителем. В ноябре того же года перечислены были из Министерства Народного Просвещения в ведение Святейшего Синода суммы, назначенные на воспособление церковным школам. Дело в том, что до 1882 года существовали по епархиям в ограниченном количестве церковные школы, подчиненные ведению (Министерства Народного Просвещения, которое для пособий этим школам имело особо отпускаемую из казны сумму – 80 000 руб. В 1882 году из этой суммы 55 500 руб. перечислены были в ведение Святейшего Синода, так как и самые церковно-приходские школы

подчинены духовному ведомству.

18 июня 1884 года были утверждены «Правила о церковно-приходских школах», причем на докладе г. обер-прокурора Святейшего Синода Государь Император соизволил собственноручно начертать знаменательные исторические слова: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле».

В декабре 1884 года церковные школы сравнены в правах с министерскими, относительно права получения леса из казенных дач.

В январе 1885 года учрежден Училищный при Святейшем Синоде Совет; в следующем году дана ему инструкция в заведывании церковными школами Империи.

В том же 1886 году утверждены правила для образцовых начальных школ при духовных семинариях, и воспитанникам семинарии вменено в обязанность в последние два года обучения, кроме теоретического изучения педагогики и дидактики, практически вести занятия в этих школах.

В 1887 году на церковные школы отпущено еще по 120 000 р. в год и Высочайше повелено обсудить в Государственном Совете вопрос, не представится ли более удобным сосредоточить дело развития народного образования в одном каком-либо ведомстве.

В 1888 году утверждены правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов; в том же году преподаны указания о содействии земства церковно-приходским школам, определены права представителей земств, отпускающих пособия на церковные школы, и обязанности епархиальных училищных советов и уездных отделений по отношению к земствам.

В том же 1888 году состоялось определение Святейшего Отвода о содействии монастырей материальными средствами, устройству церковно-приходских школ. В этом же году изданы правила испытаний на звание учителей и учительниц церковно-приходских школ и предоставлено право ученикам школы грамоты держать экзамен для получения льготы по воинской повинности наравне с учениками одноклассных школ.

В 1889 году последовало Высочайшее соизволение отпускать пособия на преподавание сельского хозяйства в церковных школах, и даны указания относительно постановки этого предмета.

В 1890 году устроены и открыты для всеобщего пользования библиотека и школьно-статистический отдел в здании Училищного при Святейшем Синоде Совета.

4 мая 1891 года утверждены правила для начальных школ грамоты,

которые, где бы они ни были и кем бы ни открывались, переданы исключительно в ведение Святейшего Синода.

В том же году преподаны указания относительно числа учителей в церковных школах, и законоучителя из светских лиц освобождены были от отбывания воинской повинности; кроме того, разъяснено, что воспитанники учительских семинарий Министерства Народного Просвещения, обязанные за казенное содержание прослужить в начальных школах положенное число лет, могут этот срок прослужить и в церковно-приходских школах.

В 1892 году определен порядок приобретения земли для церковно-приходских школ.

В 1894 году, в год смерти незабвенного Царственного Попечителя церковно-приходских школ, последовало Высочайшее повеление об отпуске на церковные школы из государственного казначейства 850 000 руб. В состав епархиальных училищных советов назначены в этом году и представители от земства.

Всеми вышеуказанными распоряжениями дело церковно-школьное поставлено было на прочных началах. Число церковных школ в царствование Императора Александра III с 4 064 увеличилось до 81 835 (почти в 8 раз); число учащихся в них увеличилось с 105 317 до 981 076, т. е. почти в 10 раз.

Еще поразительнее цифры по церковно-школьной статистике на Кавказе и в Закавказье.

В 1881 году всех церковных школ на всем Кавказе, включая сюда и северный Кавказ, было всего 29; в 1894 году этих школ уже было 882, из них 263 школы имели свои собственные помещения. Число школ, таким образом, увеличилось в 30 раз! По Закавказью было в 1881 году 25 школ, а в 1894 году – 439 школ, из них с собственными помещениями – 112. Число учащихся в церковных школах всего Кавказа в 1881 году было 1 201, в 1894 году их было 30 290; особо по Закавказью в 1881 году было учащихся 1 101, из них девочек только 12 (1,1%) на весь край, в 1894 году учащихся было 14 263, из них девочек уже 2 884 (20,2%).

При этом нам, кавказцам, надобно иметь в виду и то, что в нашем крае церковная школа поставлена в иные условия существования, чем во внутренней России. За рассматриваемый период на содержание церковно-приходских школ, не считая дарового труда, пособий строительными материалами и т. п., поступило деньгами 19 800 000 руб. Из этой суммы 15 800 000 рублей изыскано духовенством из местных средств и только 4 000 000 отпущено из казны. Закавказье содержало и доселе содержит

церковные школы главным образом на казенные средства, отпуская из местных средств самые ничтожные суммы. И здесь сказалась особенная забота Государя о нашей окраине.

Этими сведениями и цифрами мы заканчиваем наш обзор. Приведенные цифры так красноречивы, так много говорят сами за себя, что избавляют нас от необходимости делать какие-либо выводы.

Вечная память Государю Императору Александру Александровичу в Церкви Божией, – в Церкви всероссийской! Вечная благодарная память!

Памяти Императора Александра III. Смысл и значение его царствования. Чтение в собрании Тифлисского отделения Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра 20 октября 1904 года, по случаю десятилетия со дня кончины Государя

Священной памяти Государя Императора Александра III-го посвящаем мы настоящее чтение в этом собрании Общества, носящего его имя и призванного к тому, чтобы хранить и утверждать его заветы. И самое время, в которое мы живем, события и обстоятельства, которые теперь занимают наше внимание, – все это делает для нас еще более близким и дорогим образ почившего Царя, еще более трогательными и поучительными те начала, которые он начертал на знамени своего царствования и оправдал их в свое время перед целым миром, на благо и счастье России.

Тяжкая война, усиление крамолы, попытки замутиль общественную жизнь, политические убийства последнего времени – вот что тревожит теперь лучших сынов России. И хочется, поминая почившего Царя, повторить слова поэта, сказанные от имени нашего же Общества в день, подобный настоящему и в таком же точно собрании почитателей покойного Государя:

Мы собрались средь шума в волненья
Воскресших смут, вражды и темных дел,
Чтоб с высоты небесного селенья
Почивший Царь нас верными узрел.

Но где же, спросят, верность заветам Царя-Миротворца в дни войны?

Чтоб ответить на этот вопрос, надо помнить, что мир, к которому стремился покойный Государь, не был миром, во что бы то ни стало. Такой мир есть душевная слабость и отказ от существования народа и государства. При возрождении Черноморского флота покойный Государь сказал знаменательные в этом отношении слова: «Воля и мысли мои направлены к мирному развитию народного благоденствия, но обстоятельства могут затруднить исполнение Моих желаний и вынудить Меня на вооруженную защиту государственного достоинства». И вот, теперь нашему времени пришлось исполнить то, чего ожидал с тревогой покойный Государь. Мир нарушен не Россией: миролюбие ныне

царствующего Государя известно было всему свету; не дальше как несколько месяцев тому назад, в день нового года, в Порт-Артуре, приковавшем теперь к себе взоры всего света подвигами брани, была прочитана русским войскам телеграмма Государя, призывавшая на Россию благословение мира, в виду уже громкого и нескрываемого бряцания оружием со стороны нашего коварного соседа. Слишком заметно было для врагов наших, что каждый год мира необыкновенно усиливает Россию, которая все более и более становится мировой державой; слишком ясно было, что путь Миротворца Царя есть путь возвеличения России, для многих нежелательного. И вот нашему времени суждено жертвами крови, страданий и тягчайшей брани искупить мир и открыть для России по-прежнему тот именно путь жизни, который завещан покойным Царем. Таким образом, в этой вынужденной брани нет измены покойному Царю; мы и воюем для того, чтобы получить мир, но мир полный, цельный, достойный, мир творческий, оживотворяющий, а не убивающий жизнь великого государства.

Но как война должна нас возвратить к завещанному покойным Царем миру, так равно и отродившиеся смуты общественные должны вызвать животворную работу всех государственных и общественных сил и направить ее к укреплению положительных начал жизни нашего народа, как они указаны историей и оправданы покойным Государем.

Незабвенный Государь Император Александр III тем и заслужить в русском народе глубокую любовь и почитание, тем и вызвал редкую истинно-всенародную скорбь на своей могиле, тем и дорог и мил сердцу народному, – что он явился верным выразителем и носителем заветных русских начал, дум и стремлений, выработанных веками истории; это был Царь, с необыкновенною полнотою осуществивший и в своей личности, и в своей деятельности русский идеал «православного, народного, самодержавного царя-батюшки».

Самодержавие, народность и православие, это – священное трио единство нашего государственного бытия. Пусть в известных кругах слова эти вызывают иронические улыбки и неопределенные пожимания плечами: для людей, оторванных от действительности, от народа и родимой русской почвы, воспитанных в чуждых идеалах, а – главное – в атмосфере бесконечных умствований и теорий, когда нечего сказать серьезного против этого триединства, то, конечно, остается только отвечать ничего не говорящими улыбками и неопределенными жестами; но пока будут существовать моря и земли, горы и низменности, различия стран ответа и климатических условий и, наконец, в связи с

географическими условиями, различие в исторических судьбах народов, в их расовых особенностях и природном духовном складе, – дотоле и каждый народ будет вырабатывать свое собственное государственное устройство, дотоле неосуществим будет космополитически идеал, вредны будут пересадки с чужой почвы чужого государственного строя: истории не повернешь, не уничтожишь, народного духа и склада не переделаешь. В произведении кн. Д. П. Голицына-Муравлина «Сон Услады» есть в этом отношении чудное наставление каждому «русскому европейцу»:

Ты нас учи успехам зарубежным,
Чужого-ж строя к нам не приноси
Хулителем бессмысленно мятежным
Того, что Бог посеял на Руси.
Себя в обычай мертвый не зароем,
Но продавать не станем старины...
Русь создалась своим домашним строем,
Им дорожить, что кладом, мы должны.

Самодержавие, народность и православие, эти три начала русской исторической жизни, «слиянием которых, как сложением основных цветов спектра, образуется светлое, чистое сияние царской власти, сияющей народу», нашли себе воплощение в истиннорусском Царе-отце, Цареватюшке Александре III-м.

Не станем ухудшать или осуждать формы государственного устройства за пределами России: повторяем, эти формы, конечно, сами по себе, с религиозно-нравственной точки зрения, – безразличны; они создаются историей и географией народов, и спрашивать, какая из них лучше, – пожалуй, похоже на вопрос: «какая одежда лучше: зимняя или летняя»... Ответ один: каждая хороша в свое время и на своем месте. Однако нелишне сказать, что для многих привлекательный и возводимый чуть ли не в первый признак культуры, так называемый правовой порядок, даже естественно и исторически выросший в Европе на почве феодализма и рыцарства – явлений неизвестных для русской истории, – не составляет панацеи от всех зол. Этому примеры и подтверждения мы найдем и во Франции, и в Англии, и в Германии, и в Австрии; в последней, например, парламент не спасает галичан и славян австрийских, от таких угнетений и бесправия, перед которыми бледнеют ужасы былых турецких зверств. Франция пережила Панаму, в Австрии и Италии в заседаниях парламента нашли себе место сцены столь дикие и возмутительные, что пред ними покраснел бы и действительный дикарь; здесь же тратились и тратятся официально и открыто миллионы гульденов на подкуп народных

избирателей, чтобы набрать правительственную партию; государственная жизнь нередко потрясается борьбой партий, неразборчивой на средства, продажа государственных тайн то и дело поднимает бурю негодования, а какова свобода и как она обеспечивается даже при республиканском режиме, видно из деятельности Комба, штыками выгоняющего монахинь из школ, больниц и монастырей при глухом ропоте народа. Это в странах, где правовой порядок вырос исторически из прошлого, так сказать, из недр народного духа. Искусственно же привитый и насильно навязанный парламентаризм в Греции, Болгарии и Сербии сделал эти государства ареной борьбы самых низменных инстинктов, мелких интересов и партий и, так сказать, обесплодил их государственную жизнь. Говорить, что только в Англии парламент, выросший естественно, хотя и не без кровавой борьбы продиктованный и испытанный историей, существующий, однако, не для огромных колоний, а только для коренной Англии, дал порядок государственной жизни. Впрочем, и здесь он не спас Ирландию от бесправия и угнетения и не удержал нацию от бойнической войны с бурами. Тот знаменательный факт, что Англия за последние 50 лет вела 36 военных экспедиций и прославилась самыми бесцеремонными и несправедливыми захватами во всем мире, ясно говорит, сделал ли правовой порядок англичан нацией справедливой и дал ли ей существование истинно-достоинное.

Для России история указала самодержавие, как русский образ правления. Народ инстинктивно тянулся к нему, отбиваясь от княжеских споров, от семибоярщины и от всяких попыток ограничить царскую власть. В стране обширной и малонаселенной, с холодным климатом, при отсутствии путей сообщения одной части страны с другой, с незаконченными естественными границами; в стране, окруженной множеством инородцев, живущих не в заморских колониях, а в непосредственном соседстве, или даже внутри государственной территории, – могло ли быть иначе? И понятно, что даже после ужасов Иоанна Грозного народ, оправившись от смутного времени, избирая царем совсем юного Романова, все-таки, пожелал передать ему власть самодержавную, отказавшись от навязываемой мысли чем-нибудь ее ограничить, как того желали бояре, соблазняясь примером Польши. И в самую тяжкую годину нашей истории, в середине XVIII столетия, когда народ как бы не существовал, когда, по библейскому выражению, на хребте его творили суд и орали разные проходимцы Европы, презирая все наше родное и русское, – чувство преданности самодержавию не позволило ограничить императрицу Анну Иоанновну, как того желали

вельможи, увлекаясь примером Западной Европы.

Так инстинктивно тянулась Русь к самодержавию, как к спасительной силе.

Государь Император Александр III своей личностью и деятельностью сделал неизмеримо больше для идеи самодержавия: он ее осмыслил, он привел нас к тому, что мы стали сознательно ценить самодержавие. По словам поэта,

В том царская его заслуга пред Россией,
Что – Царь – он верил сам в устои вековые,
На коих зиждется Российская земля,
Ит громко высказал, – и как с высот Кремля
Иванов колокол ударит, и в мгновенье
Все сорок сороков в Христово Воскресенье
О светлом празднике по Руси возвестят, –
Так слово царское, летя из града в град,
Откликнулось везде народных сил подъемом
И как живительным весенним первым громом
Вдруг к жизни призваны, очнутся дол и лес, –
Воскресла Русь, сомнений мрак исчез,
И то, что было в ней лишь чувством и преданьем,
Как кованой броней, закреплено сознанием.
(А. Майков)

В лице и царственной деятельности Александра III, как выразился кто-то, «самодержавие опознало себя».

Время, в которое пришлось покойному Государю взойти на престол, вновь предъявило самодержавию требование исчезнуть из русского государственного уклада; попытки подобного рода, не замолкнувшие и донныне, были несравненно сильнее и опаснее, чем аристократические вождения бояр и вельмож времени Михаила Федоровича или Анны Иоанновны: здесь пущено было в ход муссированное «общественное мнение» и «общественное движение», здесь воздействовала на умы легальная и особенно нелегальная литература. В довершение всего, наверху, у самая царского трона, в конце 70-х гг., собралась группа царских советников, расположенных в пользу конституции, а знаменитая «диктатура сердца» для вящего воздействия в этом же смысле не побрезговала воспользоваться неоднократным покушением на жизнь Государя, и преступно допустила злодеяние 1 марта, которое, как оказалось, даже и не усиленными мерами предосторожности можно было бы предотвратить. О совокупности действий в этом же направлении со

стороны земства, городов и проч. слишком долго было бы говорить; картина очень вразумительная и яркая получается, при чтении брошюры, написанной лицом, слишком близко знающим трактуемый вопрос, к которой мы и отсылаем интересующихся. Разумею брошюру Л. Тихомирова: «Наши конституционалисты в эпоху 1881 года».

Во всем этом «народном деле», – так всегда называли ее наши сторонники введения в России правового порядка и ограничения самодержавия, – безмолвствовал всегда именно только народ, во имя которого и велась борьба против идеи самодержавия, и, несомненно, безусловно, несомненно, что если бы цель эта в 1881 г. была достигнута, то народ наш долго-долго пребывал бы в недоумении при этом крушении всех его понятий о царе, и пришлось бы его, как в оные дни в Болгарии, палками полицейских и страхом штрафов «принуждать к паданию избирательных записок... Но народ был только ширмой для наших фанатизированных теоретиков правового порядка, и голоса ее никто не спрашивал... Однако, Государю Императору Александру II под гром выстрелов и бомб, направленных в него, под постоянным страхом покушений, естественно, мог, в конце концов, показаться убедительным голос ее ближайших советников; естественно, могло показаться, что этот голос совпадает с общенародным желанием. И вот, как говорят, он склонен был в конце жизни приступить к подготовке дела введения и в России чего-то вроде парламентаризма, написана была будто бы какая-то бумага в этом смысле, приготовлен проект, осуществление цели было уже близко...

В это время и разразилось 1-е марта 1881 года... Так рисует положение дел г. Тихомиров в вышеупомянутой своей брошюре.

В такое-то смутное время всеобщего шатания умов и дикой крамолы Государю Императору Александру III суждено было Проведением вступить на Всероссийский престол, утвердить, оправдать и возвысить самодержавие.

Задача была тяжелая. В виду вышеизложенных фактов, к тому или другому разрешению вопроса нужно было приступить сразу, немедленно. Нелегко было придти в себя после ужаса 1-го марта, но Император Александр III обладал поистине великой душой: во имя высшего царского долга он сумел подавить в себе личные чувства скорби. Еще тело убитого Царя-Мученика не было предано погребению, – уже во дворце был собран чрезвычайный совет, в состав его вошли министры, были призваны и представители печати, и заслуженные государственные деятели. Это было 8 марта 1881 года. Государь просил всех высказаться совершенно откровенно. Говорили за и против. Государь, как всегда, молчаливый и

непроницаемый все внимательно слушал, все принял к сведению. Собрание разошлось; никто не мог предугадать решения. Государь долго и горячо после этого молился в своей дворцовой церкви. Ночь прошла в тяжких думах... Утром он отдал приказ написать манифест о том, что, по праву и примеру царственных предков, он самодержавно будет править Богом, вверенным ему царством. Прежние советники после этого один за другим стали уходить, Государь их щедро награждал, но не удерживал. Но тот, кому поручено было написать манифест, и не уходил, и медлил исполнить царскую волю. Государь терпеливо ожидал; прошло полтора месяца. В один вечер призвано было другое лицо – испытанный царский слуга, убежденный защитник монархии и самодержавия. Ему было поручено составить манифест, и на другой же день, 29 апреля 1881 года, манифест неожиданно напечатан был во всеобщее сведение. Государь возвестил народу своему: «Глас Божий повелевает нам бодро стать на дело правления с верою в силу и истину самодержавной власти и охранять ее для блага народного от всяких на нее поползновений».

Для всех истинно-народных классов: для крестьян, духовенства, купечества, помещичьего дворянства это было воистину отрядным благовестом. Государственная власть оказывалась твердой, жизнь государства не подверглась никакой ломке; правительство не пошло на уступки крикливой кучке лиц, не имевших никакой связи с истинно-народной почвой, не могших и придумать для себя иного имени, как «интеллигентов». Чувство спокойствия и уверенности во всех классах общества – вот что дало это царское слово. Началась напряженная работа Государя, не видная, не кричащая, не показная, но воистину геройская, и чувствовалось всем на государственном корабле, что кормчему нашему можно всецело довериться: он молчалив, но бодрствует, во все вникает, все предусмотрит; твердой и умелой рукой он проведет свой корабль среди волн и подводных скрытых скал и мелей. Коротко было его царствование, но как все привыкли к этому чувству доверия к нему и полного спокойствия за Россию, так привыкли, что когда он умер, с трудом верилось в самую возможность смерти этого богатыря, и чувство сиротливости, растерянности и беспомощности было общим чувством всех сынов России.

Задачу укрепления самодержавия, поставленную ему в истории Провидением, Государь Александр III осуществил как нельзя лучше. Он оправдал его, прежде всего делами рук своих и наглядно для всех и убедительно показал великие выгоды и блага данного нам Богом самодержавия помазанников Его. Трудно перечислить в краткой речи все

деяния Царя-самодержца на благо России. Внутреннее умиротворение России; упорядочение государственного кредита, несмотря на голод, холеру и экономическую борьбу с Германией; создание фабричной инспекции, облегчение и рассрочка государственных платежей; пересмотр закона о переселениях; увеличение окладов содержания по всем ведомствам, кроме дворцового, где напротив, были сделаны крупные сокращения; отмена подушной подати; положение о крестьянских наделах; развитие сельского медицинского и ветеринарного дела; изменения в железнодорожном тарифе; заботы о дворянском и крестьянском землевладении; устройство армии, увеличенной без шума ровно вдвое; перевооружение ее; постройка и перестройка 9 крепостей первоклассного значения (Карс, Ковно, Осовец, Зегрж, Варшава, Ровно, Дубно, Иван-город, Ново-Георгиевск); усиление Балтийского флота; возрождение Черноморского; присоединение Мерва, Серокса, Памира; вассальное подчинение Бухары; создание могучего франко-русского союза; постройка дорог такой чрезвычайной важности, как Сибирская, ныне сослужившая России такую великую службу, и Ташкентская, которая еще ее сослужит; упорядочение наших европейских окраин; заботы о просвещении народа – преобразование Дерптского университета, открытие Томского, восстановление церковно-приходской школы, давшее России ни много ни мало как 45 000 новых училищ.. Вот главные и видные деяния Государя, так сказать, подвернувшиеся под перо. И все это за 13 лет царствования. Сколько бы потребовалось бесконечных разглагольствований при парламентарном режиме, сколько энергии и времени ушло бы на неизбежную борьбу партий, на интриги и суету, особенно в нашем отечестве, растянувшемся на десятки тысяч верст, при нашем народном складе, всего менее способным к какому бы то ни было виду конституции. Покойный Государь воочию показал, как тихо, спокойно и быстро им упорядочена государственная жизнь. Не надо забывать, что в год восшествия его на престол, Россия стояла накануне финансового краха, имела слабую армию, была раздираема внутренней крамолой; все это делало ее добычей первого неприятеля, и до того унизило ее в глазах иностранцев, что не только сильные соседи, но даже миниатюрная Болгария, забыв благоразумие, благодарность и порядочность и отложив всякий страх, наносила дерзости России. А в год смерти Императора Александра III-го Россия заняла почетнейшее положение в мире, и к голосу ее прислушивался весь свет.

Но не одними делами рук своих оправдал Государь самодержавие. Непреложен нравственный закон, выраженный словами библейского

мудреца: «Правдою утверждается престол».

Самый заклятый враг не найдет пятен в светлом нравственном образе покойная Царя. Чувство глубокого нравственного удовлетворения и справедливой гордости за Россию охватывает нас при мысли, что был такой человек на земле, и человек этот – русский Царь. Пройдет время, и будут спрашивать: образ его, не есть ли идеализация, не есть ли прикраса действительности? Что это случится, видно из повышенно-восторженных отзывов о нем со стороны иностранцев, для которых образ этого русского праведника, естественно, представляется новым и чем-то необычайным. Приведем некоторые из этих отзывов именно иностранцев для беспристрастной характеристики покойного Государя. «Когда Царь был еще жив, – говорил в 1894 году Дюпюи, – вся Европа занималась оценкой его деятельности и как человека, и как государя, и не нашлось ничего, что не делало бы чести его прямоте, здравомыслию, честности и высоте духа». Солсбери и Розбери, государственные люди Англии, вслух всего мира высказались по поводу смерти Государя: «Все было колоссально в жизни этого человека», «в Европе уже нет таких людей: они невозможны».

Большинству из здесь присутствующих выпало на долю счастья жить сознательной жизнью в дни благословенного царствования нашего Государя-праведника, знать и видеть, что все сказанное о нем было самой настоящей, а не приукрашенной действительностью, и автор настоящего чтения может с полным правом и убежденно повторить знаменитые слова нашего великого Пушкина:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю...

Приведем другие отзывы о нем иностранцев: «Ни одной мрачной тени в венце его», – говорит один. Другой дополняет: «Не любить его невозможно: он дорог для всякой человеческой души, любящей добро»⁴⁸ А между тем, – стыдно сказать, – долго он шел, одинок тернистым путем самоотверженного труда, молчаливого подвига, мало кем понятый и оцененный. В молчанье шел один он с мыслью великой, – и достиг того, что силой обаяния своей нравственной личности он и с этой стороны оправдал русское самодержавие не теоретическими рассуждениями, а в живом и наглядном образе, показав миру, как высок русский идеал царя-самодержца, ограниченного Божиим нравственным законом лучше всех писанных условий, отвечающего перед Богом за свой народ, подвижника на престоле, правителя истинно-народного, перед величием, которого равны самый последний крестьянин и самый первый вельможа в царстве. Да, самодержавие выросло и окрепло и мыслимо только в сфере религиозно-

нравственной, и мы смело, скажем, что оно есть образ правления истинно и единственно демократический... Покойный Государь и показал, как далеко отстоит самодержавие, как сила религиозно-нравственная, от деспотии или абсолютизма, с которыми обычно его смешивают намеренно или ненамеренно в России и за границей. Рядом с нашим кротким и молчаливым Царем-самодержцем, которого никто не видел гневным или властительным, который удалялся от всех проявлений внешнего великолепия и величия, перед глазами мира стояли и конституционные государи, из которых один все потрясал мечом и писал крикливо: *Summa Lex – regis voluntas*, другие, как князья и короли Балканских новых государств, которым навязали сомнительные блага правового порядка, невзирая на него, расхищали народное достояние и привели свои царства к полному истощению и беспорядку... И было ясно видно, где, правда и преимущество. Так Государь Император Александр III-ий, повторяем, оправдал самодержавие и упрочил непоколебимо древний царский престол в самом сердце подданных, в твердых душах русского народа.

Чем же руководился Государь, избирая этот путь и образ царствования? Трудно допустить, что здесь действовал только пронзительный и глубокий ум Государя, чуждый увлечений и мечтательности, трезвый и спокойный. Государю близка была и понятна самая душа народная с ее заветными думами, чаяниями, идеалами, и мы не ошибемся, если скажем, что именно чувство народности служило ему верным путеводителем царствования.

Народная идея, национальное самосознание, национально-государственная работа... О, как истосковалось по ним наше сердце, как ждем мы расцвета этой зари нашей жизни, сколько обид нами пережито в нашем национальном чувстве! Ах, взойди, взойди, разгорись ярким полымем, развернись, наше русское национальное чувство! Долго мы ждали светлого дня, когда к тебе обратится царское слово, когда прекратится сплошное заимствование с Запада, да торжество иностранцев, да льготы им и привилегии не за ум и достоинства, а как премия за иностранное происхождение. Ведь до того дошло, что в образованных классах национализм стал пугалом, патриотизм – дурной кличкой. Ведь до того дошло, что даже доселе нам приходится читать, как «Мысли кстати», статьи, защищающие патриотизм и национальное самосознание, убеждающие русское общество в том, что оно должно быть русским... Ведь до того доходило, что казалось, не объявлена ли распродажа России разным иностранным и инородческим аппетитам, покушавшимся прежде всего на духовную ценность нашего народа, а затем в не меньшей степени

и на власть над ним и на его достоинство.

И вот при Императоре Александре III дано сладкое утешение русским сердцам. Сам Государь, по счастью, имел смолоду таких наставников, которые открыли перед ним несказанную красоту русского духа. И он любил все русское: изучал нашу историю, увлекался русской музыкой, зодчеством, русской стариной. На престоле он был цельным живым воплощением типа русского царя, будучи русским человеком и по качествам своей души, как великодушие, прямота, незлобивость, – по своим симпатиям и образу жизни и даже по своей наружности. Но главное всего, он был русским в своих деяниях и мероприятиях, всегда и во всем согласных с основными воззрениями и историческими преданиями народа, его заветными стремлениями и чаяниями и коренными жизненными интересами. Выше мы перечислили главнейшие из его деяний; общей их основой было стремление царя к тому, чтобы «Россия» была «для русских». В этом отношении особенно легко вздохнулось на окраинах, где разумные и дальновидные инородцы должны понимать, что в их собственные интересы входит укрепление и упрочение русской власти и русского влияния, и где для самих же инородцев, прежде всего, опасен и пагубен, к сожалению, столь часто исповедуемый девиз: «как можно больше русских денег, а как можно меньше русских людей, русского влияния и русских интересов». И вот, на окраинах стал постепенно вводиться русский язык, стали устроиться православные храмы, русские интересы стали входить в силу и значение в Финляндии и в западных губерниях; онемеченный издревле природный наш край Прибалтийский стал преображаться; отжившие свое время преимущества прибалтийцев были отменены; учреждены и основаны русские театры, русские газеты; увеличившееся иностранное землевладение на юге России ограничено. К сожалению, в кратковременное царствование Государь не успел пересмотреть жизнь Кавказа в этом отношении, но и здесь многое все-таки сделано в смысле усиления русского влияния в области школьной, литературной, в церковном и административном управлении краем.

Сильно подвинул Государь и опять в том же духе русских интересов нашу отечественную издельную промышленность. Не так давно Россия отправляла от себя одно сырье, которое после переделки в Европе возвращалось к нам же за удесятеренную плату. Кроме того, массу продуктов мы покупали за границей, тогда как у нас же дома все эти предметы находились в земле в неисчерпаемых залежах: нефть, каменный уголь, железо, минералы и проч. Не было предпринимателей для

разработки наших почвенных богатств; не было внутренних покровительственных распоряжений для поощрения и помощи им; не доставало фабрик, заводов, русских техников, механиков, машинистов.

В минувшее царствование появились профессиональные институты и школы для мастеров, инженеров; правительственные субсидии помогли организации обществ русских капиталистов для обработки наших внутренних богатств; явились новые фабрики и заводы во множестве; поощрена русская промышленность ограничением ввоза заграничных изделий в Россию.

Довольно сказать, что железные дороги стали получать паровозы и вагоны русского производства; поезда движатся по рельсам, сделанным в России; на наших верфях построены большинство наших судов.

О росте нашей промышленности можно судить по тому, что в год восшествия Государя на престол наша заводская фабричная и горная промышленность давала России годовую сумму в 1 220 миллионов рублей, а в 1894 году эта цифра достигла 2 000 миллионов, по приблизительному расчету; исключив отсюда стоимость сырых продуктов, мы получаем до 500 миллионов лишних только за обработку нашего же добра; прежде эти деньги шли за границу, теперь они остаются в России.

Но не в деньгах главное. Главное в том, что всеми почувствовалась забота Государя и правительства о русских, и именно русских интересах. Государственное единство и главенство русского народа в составе Российской Империи и областей ее было поставлено ясно, твердо и неуклонно. И по справедливости: русский коренной край должен дать и войско для защиты окраин, и деньги для их содержания, а это содержание окраин пожирает чуть не половину всего нашего бюджета; но и этого мало: он же должен дать и людей-работников, воспитать министров, полководцев... Русский душою, Государь ответил биению и запросам русского сердца, хорошо понял русскую душу и вышел навстречу глубокому народному повороту в общественном настроении и самосознании, которого уже не подавить ничто, и который, не умаляясь, но назревая тайно в иле, наблюдается доселе и рвется наружу.

В России, по особенностям исторической жизни народа и его духовному складу, никакая деятельность не будет истинно-народной, совпадающею с идеей национальной, если она не будет глубоко затрагивать религиозных чувств народа, и не будет совпадать с идеей православия. Да и не в одной это России: в явлениях истории крупных, решающих, знаменующих поворотные пункты жизни народной и соприкасающихся с его мировоззрением, религия всегда выступает, как

сила первенствующая. Это признает даже такой вольномыслящий историк, как Гиббон; у нас же в этом совершенно согласны все крупные историки, независимо от времени, в какое они жили: Карамзин, Погодин, Соловьев, Бестужев-Рюмин, Ключевский.

Для нас важны именно эти имена истинно научных деятелей, а не публицисты-историки вроде Милюкова, который в вопросах церковных в своей «Истории русской культуры» проявляется учебниками и для которого история – только материал для предвзятых и заранее поставленных либеральных выводов. Впрочем, довольно сказать о значении католичества для романских народов, о лютеранстве для германских и англиканстве для Англии; довольно только представить себе в истории Турции без мусульманства, чтобы понять, какой цены, и значения фактор истории мы имеем в религии именно народной, и в какой степени она сливается со всей совокупностью жизненных явлений в данном народе и их собою определяет.

Повторяем, в силу особых исторических условий, в русском народе указанное явление по преимуществу заметно и действенно. Православие – главная святыня русского народа, по самой природе особенно религиозного; религия – душа его души, сущность нашей народности, и нельзя быть русским, не будучи православным. До Петра Великого русская государственная и церковная история неотделимы; митрополиты Петр и Алексей, патриархи Иов, Гермоген и Филарет разве могут быть пропущены в истории государства Российского? Князя Владимир Великий, Александр Невский, Владимир Мономах, Иван Калита, цари Феодор Иоаннович и Алексей Михайлович разве могут быть опущены в истории церковной? Но и с Петра Великого не мог же указом Сената или распоряжением полиции измениться дух народный и народное мировоззрение... Жизнь церковная и государственная крепко связаны в России и поныне; православие и до днесь есть зиждительная сила нашего народа и государства. Этого не мог отрицать даже XVIII-й век нашей истории, век глумления над всем народным и торжества иностранных проходимцев. Уж в одном торжестве коронавания царей, сохранявшемся неизменно, мы видим, что власть государственная ясно понимала значение народа и православия. И могло ли быть иначе? Ведь только слепой не видит, что русское государство родилось и развилось в недрах православия, православной Церкви, в ней черпает свою силу, жизнь, мудрость, и разъединение с ней было бы смертью народа и государства, разделением одного живого тела на две части... В православии – его прошлое, настоящее и будущее. Никто не сознает этой истины лучше

иностранцев, и особенно – лучше наших врагов; им видны наша сила и значение нашей Церкви и православия.

Почивший Государь, и как личность, и как правитель, вполне ответил народному идеалу царя в этом отношении. Его глубочайшая религиозность не подлежишь никакому сомнению. Он это засвидетельствовал и жизнью и своей высоко-христианской дивной и редкой кончиной. Такой смертью у нас на Руси умирают только крепко-русские православные крестьяне: покойно, помолившись, простившись со всеми, покончив дела, отдавшись молитве, доверившись святой Церкви. Не будем повторять об этих трогательных минутах: они всем известны. Но заметим по этому поводу одно: для искренно-верующей православной души, Церковь является больше, чем союзницей государства, служебной силой или средством для него. Такой оскорбительно-безнравственный взгляд, свойственный идеалам полицейского государства Западной Европы, вторгшимся и к нам в дни Петра Великого, никогда не может привиться к русскому народу: для него религия-сущность жизни, путь правды и спасение, Церковь – душа русской народной жизни, воплощенная совесть народа и государства. Жизнь личная и христианская кончина Государя воочию показали, что таковы именно и были его отношения к православной Церкви; все прочее в его деятельности, его заботы о Церкви, о храмах, о духовенстве, о религиозном просвещении и проч., – все это уж естественно истекало из основных воззрений Государя, выросло, как растение из семени.

Мы не будем говорить подробно о жизни Церкви русской в царствование покойного Государя: здесь нужно особое исследование, к тому же об этом предмете, по крайней мере, по отношению к Кавказу, нами два года назад в таком же собрании было предложено небольшое чтение. Теперь же упомянем только о главном. Почивший Государь засвидетельствовал свою глубокую религиозность, высокую государственную мудрость и любовь к русскому народу признанием души его, уважением к Церкви, трогательным доверием и вниманием к духовенству, заботами о народном образовании в духе и началах национальных, т. е. в духе православия. Его будут поминать в храмах, многочисленных храмах, им и при нем устроенных, – а их устроено в его царствование до 4 000! Ему будут вечно благодарны десятки тысяч нашего духовенства, этого истинно-национального сословия, великого в смиренной доле своего многовекового самоотверженного и истинно-геройского служения родине, с которой оно в многострадальной истории делило радость и горе, а больше – горе. Оно было искони бедно: Государь положил прочное начало его материального обеспечения; оно под какими-

то темными влияниями было удалено от народной жизни, от своего исконного прямого дела – просвещения народа; оно, это самое русское из всех сословий России, царелюбивое и верноподданнейшее, было в каком-то подозрении и отчуждении, под влиянием созданного русскими иностранцами ложного пугала клерикализма, невиданного и невозможного в России. Государь привлек его к деятельному и прямому участию в жизни народа, его высоким доверием, возвратил его к школе и народному просвещению. Государь вспомнил и скромное служение тружеников богословской науки, и пришел к ним на помощь обеспечением их материального положения.

Ни в одно царствование со времени первых царей Романовых русская Церковь не испытывала такого оживления и напряженной работы всех своих сил, как в благословенные дни благословенного царствования покойного Государя. Русский народ навсегда сохранит в своем благодарном сердце трогательную память об этом авторитетном, полном и широком признании основной его святыни, главной исторической твердыни его бытия.

Глубокая благодарность Дарственному Сыну и Преемнику Царя-Праведника за твердое решение вести Россию по «лучезарному и светлому пути», указанному Его Родителем, и следовать во всем его примеру. В эти десять лет. Он доказал верность Своему слову. Глубокая благодарность Ему за то, что Он принял все меры, чтоб особенно отметить и закрепить в памяти великое царствование Своего Родителя, учредив немедленно же после его смерти даже особую медаль в честь его. С гордостью смотрим на эту медаль мы, которым пришлось пережить царствование покойного Государя и так или иначе быть свидетелями и участниками того глубокого духовного поворота, которым оно ознаменовано.

И благоговевая, и поучаясь, мы даем себе обеты быть верными завещанным началам самодержавия, русской национальной и православно-церковной идеи.

Мы собрались средь шума и волненья
Воскресших смут, вражды и темных дел,
Чтоб с высоты небесного селенья
Почивший Царь нас верными
узрел...

**Церковная школа в Закавказье. Сообщение,
предложенное 14 декабря 1901 г. в помещении учебного
Музея церковных школ в Петрограде, по случаю
годовщины музея**

Закавказье для русского человека – страна в высшей степени интересная. Русская Церковь и русское государство положили здесь много благородных жертв и тяжкого труда; стратегическое положение страны, государственные наши задачи здесь, в связи с мировым призванием и историческими судьбами России; будущее русского и церковного дела на этой важной окраине, – все это невольно приковывает к ней внимание.

Но в то же время Закавказье – одна из самых малоизвестных для русского человека окраин; и нужно сказать, что изучить ее, ознакомиться с ней требует и долгого времени, и большой наблюдательности, и немалого труда: это самый пестрый калейдоскоп «племен, лиц, наречий, состояний», религий, нравов, особенностей в природе, климате, в устройстве поверхности, исторических условий и превратностей. Я сам – уроженец северного Кавказа; здесь протекли годы моего учения и первоначальной службы; по видимому, Закавказье мне должно бы представляться чем-то близким и знакомым. Но когда 10 лет назад я прибыл в Закавказье на службу, мне все казалось там новым и все требовало изучения и чуткого внимания. Это потому, что северный Кавказ уже около 200 лет подвергался влиянию русской государственности: здесь в казачьих станицах – сплошное русское население, устроены храмы и приходы, богаты местные церковные средства; туземное население северного Кавказа, в той его части, которая не захотела подчиниться России, выселилось в Турцию; другая часть его быстро сливается с русскими; равнинная местность, отсутствие политических и литературных традиций в мелких горских племенах северного Кавказа, массовое переселение сюда русских крестьян, обращенных в казаков, – все это способствовало быстрому и прочному обрусению края.

Совершенно не то мы видим в Закавказье. Самое устройство поверхности страны, этот ряд замкнутых и изолированных горных ущелий способствует обособленности племен и наречий; разнообразные до бесконечности условия физического существования этих племен то на высоте 7–8 тысяч футов над уровнем моря, – в холодном климате, в разобщении с миром в течение 7–8 суровых зимних месяцев, – то в

знойных приморских низменностях, то в плодороднейших и широких долинах между горами, на берегах горных быстрых рек, то в дремучих лесах, то на обширных безлесных плоскогорьях, то в безводных степях прикаспийской низменности, – все это создало в племенах Закавказья бесконечное разнообразие в нравах, в религиозных воззрениях, в укладе мысли и жизни. На равнинах и плоскогорьях образовались с древнейших времен исторические царства: в степях прикаспийских – древняя Албания, уничтоженная потом тюрко-татарскими ордами, вошедшими впоследствии в состав грозной новоперсидской монархии; на плоскогорьях Эриванской губернии и около Арарата создано могучее царство таинственного Урарту, нашествием которого грозит пророк Иеремия могучему Вавилону, этому «молоту всея земли»; впоследствии на его месте возникло царство Армянское; в долинах Кахетии, Карталинии и в приморских Черноморских равнинах, вытеснившие или ассимилировавшие древних аборигенов края, осело издревле царство Грузинское, разделившееся с XV века на Грузию, Имеретию и Мингрелию; известно, что Грузинское царство прекратило свое политическое существование всего 100 лет назад.

Со всем этим нельзя не считаться русскому государственному и церковному делу: некоторые племена Закавказья живо помнят времена своей политической самостоятельности; они занимали почетное место в истории, как передовой оплот христианского мира в его вековой борьбе с неверным и враждебным Востоком; они на пять столетий раньше России приняли христианство; они успели создать свой литературный и богослужебный язык. Правда, все это имелось и имеется в незначительном масштабе, но и этого довольно для того, чтобы питать племенное самосознание, особенно в переживаемый нами век оживления всюду националистических течений, во имя которых в последние 30 – 40 лет объединялась Италия, создавалась Германия, вырастали Балканские новые государства.

Но могут против всего сказанного возразить, какое дело до всего этого церковной школе в Закавказье? Ведь она имеет отношение только к православным, и поэтому должна быть свободна от того поражающего племенного и всякого иного разнообразия, которым отличается Кавказ. Думать так – значит впасть в большую ошибку. В пояснение этого считаю нужным представить в кратких чертах, так сказать, этнографическую картину церковных школ в экзархате.

Всего православного населения в Закавказье насчитывается около миллиона; это приблизительно только одна седьмая часть общего

населения края; но и при таком сравнительно небольшом числе православных в их среде заметно необыкновенное разнообразие в племенном отношении. Самый многочисленный православный народ в Закавказье – грузины. Поэтому и в перечне школ мы, прежде всего, должны назвать школы грузинские. Но и здесь должно оговориться. Под словом «Грузия» мыслится общий этнографический термин, в который входит далеко не одинаковое содержание; сказать: грузинские или картвельские племена, это – то же самое, что назвать вообще народности романские или германские. В так называемой большой публике, на языке общежития, под словом «Грузия» разумеют нечто единое по языку, по религии, по истории, по нравам, обычаям и даже по местожительству. Думают, что вся вообще Грузия добровольно присоединилась к России сто лет назад, что все грузины исповедуют православную веру, что все они одинаковы по языку и характеру. Между тем на деле это далеко не так.

Грузия, присоединившаяся к России в 1801 г., по смерти последнего царя Георгия XIII, – это собственно только часть нынешней Тифлисской губернии: это территория, всего в 600 кв. миль, приблизительно равная нашей Московской губернии и имевшая в год присоединения к России населения только 160 000 человек, из которых не более 80 000 было грузин⁴⁹... Вот все, что присоединилось добровольно к России под именем Грузинского царства: все прочее в Закавказье Россия завоевала силой оружия: Баку, Елисаветполь, Эриван, Карс, Ахалцых, Кутаис, Поты, Батум, Сухум. Это крепко надо помнить в выяснении вопросов государственного характера, чтобы не сделать ложных выводов, вредных и несправедливых для русского дела и для законных русских интересов.

В каком же виде присоединилась Грузия к России? Политическое ее бытие было в то время в полном смысле исчерпано до конца; в 1794 г. персидский шах Ага-Магомет-хан разорил дотла Тифлис, избил все духовенство, побросав до 200 духовных лиц во главе с митрополитом с балкона дома у Сионского собора в Куру и разорив церкви и дома; ничтожный аварский хан Омар, спустившись с северных гор Дагестана, покорил Кахетию и наложил на грузинского царя ежегодную дань в 5 000 руб., но и этой суммы уплачивать ему не могли вследствие полного недостатка средств. За Сурамским перевалом с запада Грузии царства Имеретинское и Мингрельское были не только независимы от Грузинского, но и прямо ему враждебны. Ахалцыхский край, начиная от Боржома, всего в 200 верстать к юго-западу от Тифлиса, с XVI века уже принадлежал Турции; часть Кахетии, с северо-востока Грузии, так называемый Закатальский округ, населенный грузинами, весь в то время

уже принял ислам; за 100 верст от Тифлиса к востоку начиналось Ганджинское ханство, южнее – ханство Эриванское, оба вассальные по отношению к Персии и передовой ее оплот. Таким образом, Грузия со всех сторон была сдавлена железным кольцом внешних врагов. Внутри царили порядки, показывавшие, что государственное ее существование пришло к концу. Царевичи, например, в Тифлисе, – а их было более 100⁵⁰, – обыкновенно ничего не покупали к обеду: слуги их шли в торговое предместье города Авлабар и здесь нападали на купцов и мирных жителей, отнимая у них все нужное для стола; бывали и такие случаи, что несговорчивых купцов сажали в корзину, спускали на веревке с Авлаб. моста в Куру и держали в воде в этом самом быстроводном и опасном месте реки до тех пор, пока купец соглашался дать требуемые вещи или деньги⁵¹. Можно теперь себе представить, в какое состояние пришла жизнь церковная в Грузии. Предпоследний царь Грузии, благочестивый и рыцарственный Ираклий, вынужден был продавать грузинские православные церкви армянам: теперешние армянские величественные соборы в Сигнахе и Телаве, одна из чтимых церквей в самом Тифлисе, прекрасные храмы, на лучших и видных местах, все это – бывшие православные грузинские церкви. Об училищах не было и помину: главноуправляющий в Грузии князь Цицианов, сам родом грузин, свидетельствует, что в год присоединения Грузии к России во всем Закавказском крае не было буквально ни одного училища⁵², Монастыри были разрушены и пусты; церковность ослабела совершенно; падение церковности дошло до того, что утренняя даже на Пасху и доселе в Грузии только читается, а не поется, потому что напевы пасхальных молитв забыты; на литургии по местам и теперь Херувимскую песнь читают, потому что не знают напева ее; осмогласие церковное постепенно забывалось; певцов и чтецов не было⁵³.

Все это я говорю для того, чтобы показать, какая работа предстояла русской власти в той стране, которая называлась собственно Грузией и присоединилась к России. Но сразу нельзя было, и заняться здесь внутренней просветительной работой. После 1801 года, т. е. после присоединения Грузии, России пришлось вынести войну 1812 г., и в то же время усмирять беспорядки, бунты и измены в самом Закавказье; потом пришлось бороться с Персией и Турцией в 1827 и 1829 гг. за обладание Грузией, защищать ее же до 1873 г. от напора горских племен Кавказа, вынести так называемый газават, т. е. священную войну Шамиля. Это мало способствовало просветительной работе в крае.

Вот какое наследие получила церковная школа в Грузии, когда она

появилась и здесь в начале 80-х годов прошлого столетия, всего чрез 10–15 лет после окончательного замирения Кавказа. Предстояло ей оживить здесь церковность, пришедшую в полный упадок, найти и объединить церковно-школьных работников. Между тем, из 1 850 священников экзархата даже и теперь насчитывается только около 250 получивших среднее образование в семинариях, остальные в лучшем случае с духовно-училищным образованием, а большей частью вовсе без всякой школьной подготовки: что же нужно сказать о других членах клира?

Грузины, о которых мы говорим, т. е. карталинцы – это симпатичный, благодушный народ, простой, гостеприимный, кроткий; они-то и составили доброе мнение о грузинах вообще. Но рядом с этими добрыми чертами в них уживается лень, косность и апатия ко всему церковному и школьному. О них именно сказано слово нашего поэта:

... в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин.

Церкви в этой части Грузии совершенно пустыют, и это – явление давнее. Исследователь жизни Грузии, некто Шарден, еще в XVII столетии отметил эту черту: «можно думать, – говорит он, – что в Грузии церкви строятся для ветра и птиц»; рядом с духовенством и даже иногда сильнее его влияют на народ знахари и ворожеи; праздники и богомолья состоят в приношении в жертву животных, в плясках с туземной музыкой, причем богомольцы в церковь, около которой они празднуют чаще всего, не считают нужным и заглянуть; в домах икон нет; нательных крестов не носят; о богослужении, о знании молитв чаще всего не может быть и речи; религиозная жизнь выродилась в чистое обрядоверие. Вот где широкая работа церковной школе. Но после сказанного ясно, можно ли было заводить Церковные школы в Грузии на местные средства. При полной косности населения, при невежестве духовенства, при крайней бедности церквей, местных средств для школ не находилось, а все брать на средства казны невозможно. Довольно сказать, что в Сигнахском уезде, самом богатом в Кахетии, из 23 селений, имеющих церковные школы, только одно селение дает деньги на школьные нужды, а в Телавском, Тионетском, Душетском и Горийском уездах я и не припомню сейчас ни одного такого селения. Поэтому в Карталинии и Кахетии церковных школ мало – немного более 100; чтобы судить, как их мало, довольно сказать, что в Тионетском уезде при 134 селениях школ всех ведомств только 13, в Горийском уезд 86 селений не имеют ни министерских, ни церковных

училищ, а в одной только епархии экзархата – Грузинской насчитается до 400 таких селений. Но и открытый на казенные средства школы в Грузии, – разумею опять Грузию собственно восточную, Кахетию с Карталинией, – не особенно заполнены детьми: население не любит школ ни церковных, ни министерских и вовсе ими не интересуется. Мало того, оно полагает, что за посещение детьми школы родителям казна должна давать плату. Этот взгляд укоренился в народе не без причины. С 1801 до 60-х гг. в Грузии для привлечения детей даже в гимназии и в уездные училища родителям учащихся платили деньги. Однако и это не помогало: дети дворян и князей разбегались из училищ, так что в Тифлисском благородном пансионе (ныне 1-я гимназия) и в Тифлисском духовном училище для прекращения такого зла принуждены были прибегать к мерам решительным: у учеников во время уроков отбирались шапки и сапоги, чтоб они не могли сбежать. И все-таки часто приходилось прекращать занятия за отсутствием учеников, а на родителей убежавших питомцев начальством налагались штрафы и наказания, с требованием возвратит беглецов в школы.

Немудрено, что старое поколение грузин, помнящие такие порядки, не может никак понять, почему это теперь нужно давать деньги на открытие и содержание школ, на покупку учебников и проч.? В селении Цинондали Телавского уезда, не безызвестном и в России по производству вина, в бойком местечке и сравнительно культурном, ко мне однажды обратилась старуха с требованием денег в уплату за то, что ее внук учится в церковной школе.

К числу грузинских школ принадлежат имеретинские, это – в западной Грузии в Кутаисской губернии. Имеретины по характеру – полная противоположность грузинам: народ бойкий, живой, подвижной, склонный к торговле, способный к учению. Здесь ценят школы; они всегда полны; здесь и средства на школы дают охотно; дети учатся хорошо. И школ здесь порядочно – около 170.

Но есть в этом явлении и обратная сторона: имеретины, поучившиеся в школе, стремятся в города, поступая в лакеи, повара, в духаны, в лавки, на железную дорогу. Таким образом, школа вычерпывает из деревни интеллектуальные силы.

Родственны имеретинам и гурийцы. Гурия, – Озургетский уезд, кутаисской губернии, – лежит на границе с Турцией и издавна служила местом укрывательства всего краденого: здесь провозились в Турцию продаваемые девушки, украденные лошади, здесь укрывались разбойники и преступники. Под влиянием таких исторических условий, при живости

характера гурийцев, при близости мусульман, естественно, религиозно-нравственное состояние их невысоко, и Гурия в последнее время приобрела печальную известность разбоями, грабежами и беспорядками. Школ здесь около 80; конечно, указанные стороны жизни в Гурии неблагоприятны для развития здесь церковно-школьного дела, хотя гурийцы очень способны и склонны к школьному учению.

И гурийцы, и имеретины говорят языком грузинским с небольшими отклонениями от него в произношении и выговоре, и, во всяком случае, понимают по-грузински; они исповедывают православную веру.

По-грузински же говорят хевсуры и пшавы, живущие в Тифлисском уезде, Тифлисской губернии; это, как полагают некоторые ученые, – огрузиненные чеченцы. Они живут в горах; в течение 8 месяцев они разобщены со всем миром; с сентября там выпадает снег и заваливает все горные проходы. Хевсуры и пшавы считаются христианами, но рядом со священниками у них имеются жрецы, называемые хевиз-беры, или деканозы, которые имеют огромное влияние на горцев; деканозы совершают, жертвоприношения, творят суд и расправу, нередко они же у себя держат и ключи от православных храмов. Они сами назначают себе преемников, причем избранный, в знак посвящения, должен на вершине скалистой горы принести в жертву 12 овец. Хевсуры и пшавы в церкви православные почти не ходят; в церкви до последнего времени посылали им на казенный счет и вино, и ладан, и свечи. Рядом с христианскими, они признают и почитают и свои особые праздники: в честь волка, в честь моли, наседки с цыплятами, в честь воробьев, огня и ветра.

К хевсурам и пшавам примыкают по своему религиозно-нравственному состоянию и тушины, с той разницей, что часть говорит совершенно испорченным грузинским языком, а другая часть и совсем не понимает по-грузински. Тушины ведут кочевой образ жизни: зимой спускаются в равнину и с ними уходит одна половина их священников, а другая половина остается при церквях в горах; на лето с равнины тушины опять со стадами поднимаются в горы, с ними уходят и возвращаются и священники. При таких условиях кочевой жизни как вести правильные школьные занятия?

Тушины, пшавы и хевсуры отличаются крайней грубостью нравов: воровство, пьянство, клятвопреступление, кровомщение, кровосмешение, прелюбодеяние пустили здесь глубокие корни. Не так давно там убивали новорожденных девочек; и теперь женщин в периоде деторождения и очищения безжалостно выгоняют за селения, где они помещаются в особых, наскоро сколоченных домах; в зиму, в холод и вьюги они там

часто гибнут без всякого призора.

Среди тушин, хевсуров и пшавов имеются церковные школы, и только церковные. Школ в уезде 11; попробовали открыть еще 3 школы грамоты, но они закрылись по недостатку учителей. Чтобы судить, в каких местах расположены селения хевсуров, укажу на Ахиельскую школу: желающему попасть в нее надо из Тифлиса приехать во Владикавказ и уже отсюда 170 верст ехать верхом в горы.

По-грузински же говорят горцы Душетского уезда, живущие по Военно-Грузинской дороге и примыкающим ущельям: так называемые хеецы, мтиульцы и гудамакарцы; здесь они живут смешанно с осетинами. Школ у них было очень мало. За последние 5 лет удалось, однако, открыть школы во всех приходах, расположенных по Военно-Грузинской дороге.

Но в сторону от шоссе открывать школы крайне затруднительно. Строили школу в прошлом году в Турсовском ущелье, в селе Абано; деньги были отпущены из казны. Пришлось бедным абанойцам от станции Коби до села Абано на протяжении 15 верст весь строительный материал носить на плечах: иного способа доставки нет. Здесь имеется церковных школ 14, одна из них с приютом для детей крестьян из окружающих горных ущелий.

К грузинским школам обыкновенно причисляют и сванетские; сваны живут на юге Кутаисской губернии в горах, в соседстве с горцами-мусульманами северного Кавказа; путь в Сванетию пролегает чрез Лотбарский перевал в 10 000 футов высоты. За этим перевалом представьте себе узкую долину среди горных кряжей; стены ее с севера и юга спускаются громадными ледниками; с востока и запада она заперта высокими кавказскими Альпами. Сваны, как и хевсурь, в течение 8 месяцев отрезаны от всего мира снегами; неудивительно, что они и теперь – полудикари, одевающиеся в кожи животных. Жизнь их крайне тяжелая: в июле там уже заморозки; едва вызревает ячмень; горный воздух на страшной высоте способствует развитию зоба и кретинизма. В религиозно-нравственном мировоззрении сванов видна смесь элементов христианских, мусульманских и языческих; как и среди хевсуров, у них рядом со священниками имеются жрецы, называемые здесь «банами», или «налами». Как на пример уродливости их религиозных понятий укажем на обычай, существовавший у них до последнего времени, носить с собой на охоту частицы Св. Даров, смешанные с порохом: в случае смертельной опасности от врага или дикого зверя сваны сами причащались этой святыней. Нравственное состояние их ужасно: браки в самых близких степенях родства, постоянный сожителства без благословения Церкви,

переход жен от одного мужа к другому, страшные случаи кровомщения, – вот обычные явления в жизни сванов.

Говорят сваны особым языком, в котором слышатся изредка испорченные грузинские слова, но по-грузински, как о том печатано заявляли не раз сами миссионеры-грузины, они совершенно не понимают. Богослужение у них, которое они мало посещают, и до последнего времени обучение в школах велось на грузинском языке: может быть, здесь и причина их глубокого религиозного невежества.

Всех сванов считается около 14 000; для них открыто 15 приходов и 8 хорошо обставленных церковных школ.

В Сванетии, Хевсуретии и Пшавии школы выстроены и содержатся на средства Общества восстановления православного христианства на Кавказе, этого почтеннейшего учреждения, столь много поработавшего для христианского просвещения горцев. Оно же выстроило везде церкви, оно же и содержит на жалованье учителей и духовенство в горских приходах, снабжает церкви и школы книгами и всем необходимым.

Мало понимают по-грузински также мингрельцы, проживающее в Ново-Сенакском и Зугдидском уездах, Кутаисской губернии, и самурзаканцы, проживающие около Абхазии в Сухумском округе; богослужение здесь совершается, однако, по-грузински и до последнего времени и обучение в школах велось также по-грузински.

Мингрельских и самурзаканских школ насчитывается около 20. Вопрос о языке преподавания в этих школах в последнее время очень обострился. Самурзаканцы – это смесь абхазцев мингрельцев, с грузинами они не имеют ничего общего и по-грузински совершенно не понимают. Здесь и богослужение, и обучение, конечно, должно совершаться прямо по-русски, за неимением самурзаканской письменности и своего богослужебного языка. Мингрельцы же – племя, несомненно, грузинское, но язык их далеко отошел от грузинского и относится к нему, как литовский к русскому: так говорят ученые исследователи. Поэтому и детям-мингрельцам, в случае допущения грузинского языка в преподавание, приходится изучать сразу два новых языка: грузинский и русский. Вот почему в мингрельских школах теперь допускается только преподавание церковно-грузинского языка, на котором совершается в Мингрелии богослужение, преподавание же языка грузинского разговорного исключено из мингрельских школ. Мингрельцы, подобно имеретинам и гурийцам, по характеру живы и подвижны, очень способны к учению, любят школы, хотя так же, как имеретины, после школьного учения стремятся более в города. Они исповедуют православие, но сильно

подвержены всяким суевериям, имеют знахарей и колдунов и им доверяют. Особенно поражает в мингрельцах легкое отношение к клятве и присяге; ложная клятва – для них обычное явление. Впрочем, имеется в Мингрелии несколько особо чтимых икон, по преимуществу св. Георгия; поклявшийся пред такой иконой уже ни за что не позволит клятвопреступление.

Не все грузины остались верны древнему православию. С XVII века, под напором Турции, Персии и горских племен Кавказа, многие грузины приняли мусульманство. В Закатальском крае, граничащем с Кахетией, эти грузины известны под именем ингилойцев, что в переводе с турецкого означает – новообращенные. В Ахалцыхском и Ахалкалакском уездах, где прежде проживало самое способное племя грузин – месхи, из которого вышли выдающиеся грузинские писатели и поэты, пастыри и проповедники, где процветали монастыри и выстроены чудные храмы, ныне находящиеся в развалинах, в настоящее время огромное большинство грузин – мусульмане, и очень фанатичные мусульмане. Православных сохранилось только 38 000; это в двух обширных уездах.

Древние грузинские христианские страны Аджария и Лазика (Батумский и Артвинский округа) с населением до 100 000 человек – сплошь теперь мусульманские. В местах поселения грузин-мусульман везде видны развалины монастырей и храмов, из которых многие еще сохранили купола и древние фрески. Один из таких чудных храмов, в 40 верстах от Ахалцыха, так называемый Зарзмский, ныне восстановлен во всем великолепии древней архитектуры и дивной фресковой живописи на средства покойного Цесаревича и Великого Князя Георгия Александровича. Не умерли в среде омусульманившихся грузин и христианские предания: женщины доселе окропляют водой новорожденных детей, в память некогда бывшего крещения; на хлебах женщины надрезают кресты ножом; на развалинах храмов и обителей возжигают свечи и ладан; на Пасху красят яйца; народ помнит и знает, что в прежнее время его деды были православными. Силен был напор мусульманства; лучшие грузинские историки, получившие уже в русских учебных заведениях высшее образование, признаются, что если бы в 1801 году не явилась в Закавказье Россия, то к 50-м годам прошлого XIX века вся Грузия, вероятно, была бы мусульманской. Тем не менее, из вышесказанного ясно, что в миссионерском отношении не все потеряно в Закавказье, в Ахалцыхском крае и Аджарии. Здесь еще помнят грузинский язык, хотя уже говорят на нем только дома, в семье, употребляя для общественных сношений язык турецкий.

Здесь-то и может сослужить величайшую миссионерскую службу церковная школа, умело поставленная и приспособленная к местным условиям. Здесь нужно бережно хранить и поддерживать грузинский язык, эту живую связь мусульман-грузин с их православными делами и прадедами; здесь нужны листки, брошюры, книги на грузинском языке, направленные к тому, чтобы воскресить умирающие христианские предания, оживить и заставить заговорить безмолвные развалины храмов и обителей. Но на все нужны средства и средства...

В Закатальском крае среди ингилойцев имеется 6 школ, в Ахалцыхском крае – 12. И, благодарение Богу, православные здесь тверды в вере, преданы Церкви более чем в других местах Грузии. В Аджарии не имеется ни одного прихода и ни одной школы... Только в последнее время Общество восстановления православного христианства на Кавказе изыскало средства и поручило окружному наблюдателю, два года назад наметившему 14 пунктов для школ, приступить с будущего года к открытию первых двух училищ в Аджарии.

Турки по-своему мудро вели свою мусульманскую миссию: они в свое время принудили христиан выселить из края православных епископов, запретили посвящать новых священников, позволили унести из края святыни, иконы, мощи и проч., – а этих святынь было здесь очень много; затем грузинам были даны турецкие имена, насильственно сделано обрезание, даны были турчанки в жены и не одна, а каждому несколько, и вот такое внешнее изменение быта и всего уклада жизни, как это ни странно, быстро привило к грузинам мусульманство. Кто противился мусульманству, для тех турки открыли выход в другие христианские исповедания: всячески подавляя православие, как силу, сродняющую грузин с Россией, турки и персы поддерживали в Ширванском ханстве армян, обращая православных удинцев в армянство, а в Ахалцыхском крае помогали католической миссии, так что, разъезжая по Ахалцыхскому уезду, вы с удивлением встретите целые селения грузино-армяно-католиков, которых здесь насчитывается до 12 000 человек.

Все это для нас должно бы служить показателем, как и где, бороться с элементами не православными. К глубокому сожалению, православно-церковные интересы в Закавказье иногда так мало понимались, что мы наталкиваемся на явления, санкционированные правительством, которые кажутся, как будто нарочно выдуманными для укрепления и распространения ислама. Я разумею действующий в Закавказье закон, по которому мусульмане освобождаются от воинской повинности, а христиане забираются в войска. При таких условиях неудивительно, что, и

убедившись в истине христианства, мусульманин желает быть христианином тайным, чтобы не лишиться привилегии мусульманина относительно воинской повинности. Этот закон действует и поныне в Закавказье и вместе с омульманившимися грузинами удерживает в исламе и многих абхазцев.

Вот народности картвельского племени в Закавказье, и таковы условия их религиозно-нравственного состояния и внешнего быта, с которыми должна считаться церковная школа.

Рядом с грузинами в Закавказье церковная школа действует и в среде других племен. Начнем с берегов Черного моря. Побережье занимают абхазцы, – племя, говорящее на своем особом языке, не имеющем ни письменности, ни даже азбуки. Всех их в России теперь около 20 000; часть их переселилась лет 30 назад в Турцию; из живущих в России абхазцев до 8 000 мусульман, доселе еще ожидающих возвращения турецкого владычества, чего некоторые из главарей даже не скрывают. Кроме мусульман, среди абхазцев имеется много так называемых отступников; они или желают остаться в мусульманстве ради сохранены вышеуказанной привилегии относительно военной службы, или же индифферентны вообще к религии, как и огромное большинство абхазцев, и ждут энергичного воздействия власти, издревле следуя правилу: чья земля, та и вера. Власть, однако, не говорит ничего, исходя часто из либерального воззрения на религию, как на область, в которую не только не следует вмешиваться, но которую вообще лучше обходить молчанием... Принцип этот в среде полудиких племен только укрепляет их в воспринятых заблуждениях и открывает доступ к влиянию на них со стороны совсем нежелательной; русская власть молчит и обходит дело веры, а турецкая действует: Турция посылает сюда своих мулл, под видом торговцев проживающих во всех селениях, и своих политических эмиссаров. Каковы последствия этого турецкого воздействия, видно из того, что в 1877 году, при первом известии о войне с Турцией, 10 000 абхазцев собрались на берегу Черного моря, перешли на сторону Турции, сожгли Ново-Афонский монастырь и гор. Сухум, и заставили наши малочисленные войска с величайшими трудностями спешно отступать внутрь страны чрез горные проходы по направлению к Кутаису. Все эти 10 000 абхазцев впоследствии выселились в Турцию.

Абхазцы – племя очень способное; в школах они учатся, но на содержание церквей, причтов и школ не дают буквально ни одной копейки. В религиозном и нравственном отношениях они стоят не высоко; церквей не посещают, живут суевериями; особенно отличаются они

лживостью и вороватостью; лож в присяге – обычное явление и, как это ни странно, только присяга в кузнице на наковальне ценится и почитается абхазцами высоко; что касается вороватости, то она в среде абхазцев считается особым молодечеством и удальством. Девушки, избирая женихов, отдают предпочтение тем молодым людям, которые славятся ловкостью в деле воровства. Я только что объехал в минувшем ноябре школы в Абхазии. Вот самые последние сведения оттуда: в Гудаутском участке (это одна третья Абхазии) не осталось ни одной коровы: все украдены и зарезаны; лошадей надо держать под крепчайшим запором; в Гудаутской второклассной школе абхазцы разворовали все культурные посадки в саду, украли лампы, котлы, скрипку, наконец, в одной школе украли Даже учительницу...

Церковных школ в Абхазии около 50; до последнего времени здесь и в церквях, и в школах служили и обучали на грузинском языке. Но теперь обучение в школах идет на русском языке; богослужение совершается по-славянски; только некоторые молитвы переведены с большими трудностями на абхазский язык. Несколько лет тому назад, под влиянием каких-то сторонних наущений, из абхазских селений стали появляться приговоры с просьбами оставить им в церкви и школе язык грузинский; затем оказалось, что жители и сами не подозревали об этих сочиненных от имени их приговорах, и от них поступили потом совершенно противоположный ходатайства, которых указано было, что язык грузинский, как совершенно чуждый для абхазцев, им совсем не нужен. Был и такой

курьез: по словам епископа Сухумского, из одного местечки было получено им ходатайство о введении грузинского богослужения, в виду того, что там проживает до 3 000 грузин. При расследовании оказалось, что там проживает только одна старуха-грузинка, и та ко времени следствия уехала. Все это – факты, показывающие, как осторожно нужно относиться в Закавказье к вопросу о языке. Теперь абхазцы оказываются удивительно способными к изучению русского языка, усваивают его с любовью; дети-абхазцы даже на второй год учения в школах говорят почти без всякого акцента. В этом отношении абхазцы выше всех туземцев Закавказья.

Немало найдется в Закавказье церковных школ греческих, – около 90. Греки впервые поселились в Закавказье в Борчалинском уезде, Тифлисской губернии, лет 30 назад и образовали приходы и селения здесь по реке Цалке; все эти греки говорят по-турецки, и греческий язык для них, безусловно, чужд и непонятен; тем не менее, они и в церквях, и в

школах до последнего времени употребляли греческий язык. Самая многочисленная часть греков переселилась 30 лет назад, после русско-турецкой войны, из Турции в Карсскую область и Эриванскую губернию; здесь насчитывается до 80 греческих селений. Все они – выходцы из Малой Азии, из Эрзерумского и Трапезундского вилайстов, где греческого языка нет; поэтому и в Карсской области греки, главным образом, говорят по-турецки, часть их говорит даже по-армянски; только в самом незначительном числе селений употребляется язык новогреческий, но крайне испорченный; бывают случаи, что в одном и том же селении часть крестьян говорит по-гречески, часть по-турецки. Живут греки и по берегу Черного моря; это тоже выходцы из Трапезундского вилайета и только самая незначительная часть их – из Константинополя; и в этих прибрежных селениях огромное большинство греков по-гречески не понимает. Преосвященный Арсений, епископ Сухумский, долго служивший на православном Востоке, отлично изучивший греческий язык, пробовал при посещении греческих селений своей епархии говорить с жителями их по-гречески: никто его не понимал, и жители заявили, что они умеют говорить только по-турецки или на особом наречии, представляющем смесь языка турецкого с новогреческим. Нередко на Цалке (в Борчалинском уезде) священники говорят проповеди на турецком языке; имеются экземпляры служебников, евангелий и апостольских посланий, написанных греческими буквами, но на турецком языке. И при таких условиях, к сожалению, греки, в лице своей интеллигенции, везде почти оказывали противодействие славянскому языку в богослужении и русскому языку в школах. А между тем, если кому, то грекам по преимуществу русская власть оказала величайшие благодеяния: ведь Карсская область назначена была после русско-турецкой войны для русского переселения, но так случилось, что на места, назначенные под русские поселки, поселили греков, а затем дали им и причты на казенный счет, и казенный пособия на школы, и все права русско-подданных. Поистине хочется сказать словами евангелия: «инии трудишася, а вы в труд их внидосте»...

Церковные школы пользуются большим сочувствием в среде греческого населения; довольно сказать, что греки Карсской области везде отстроили школьные здания, решительно в каждом селении принимают участие в содержании учителей и дают в общем, до 28 000 руб. ежегодно на свои церковный школы: это единственный пример в Закавказье. Школы греческие буквально переполнены учащимися: 80, 90, 100, 120 учеников в школе – обыкновенное явление; много школ двухклассных. К чести греков

нужно отметить их трогательную преданность Церкви и любовь к богослужению; храмы их всегда полны, хотя службы далеки от благолепия вследствие того, что турецкие малоазийские греки не умеют совершенно петь: их тоскливый, гнусливый унисон, с бесконечными завываниями, производит на присутствующего постороннего человека крайне гнетущее впечатление. Долговременное пребывание в Турции наложило, однако, свою печать на воззрения и нравы переселившихся в Россию малоазийских греков. Это, прежде всего, сказалось на положении женщины. Так, греки Карсской области считают в высшей степени неприличным, если девушка или молодая женщина придет в церковь: взгляд дикий и совершенно необъяснимый. Самое обыкновенное явление в доме: отец и сыновья сидят и обедают, а мать им служит, но не смеет принять участия в трапезе; дети обращаются к матери, называя ее не мамой, а просто по имени: Мария, Пелагея. Бывает и так, что отец для потехи приказывает сыну выругать мать скверными словами.

В нравственном отношении переселившиеся в Россию греки стяжали себе в Закавказье печальную известность склонностью к сутяжничеству, кляузам и лживости, проявляемым иногда даже в коллективных ходатайствах. Вот факт, до некоторой степени рисующий вместе с тем и религиозные представления греков. Одному сельчанину из нескрываемых корыстных целей хотелось взять на свое попечение и в управление доходную часовню. С просьбой об этом он обратился к духовной власти. Конечно, в исполнении такой незаконной просьбы ему отказали. После двукратных попыток добиться своего грек представляет, наконец, приговор сельского общества, в котором жители уверяют, что их односельцу такому-то во сне явился святой Георгий и приказывает ему взять в управление помянутую часовню. А в том-мол, что ему действительно явился святой Георгий и говорил ему такие речи, мы, его односельцы, удостоверяем. Следуют подписи...

Теперь, когда постепенно вымирает поколение, пришедшее из Турции, русские порядки церковной и школьной жизни начинают все более и более утверждаться в греческих приходах.

Школы осетинские расположены в Горийском и Душетском уездах, Тифлисской губ. Проживающие в пределах экзархата осетины почти все православные, но к Церкви и религии весьма холодны. Богослужения они не посещают и всего более почитают по язычески свои священные рощи; в нравственном отношении, подобно абхазцам, они склонны к воровству; живут они в горах и горных ущельях, где рано начинается зима, живут разобщено один дом от другого, поэтому среди них мало развита жизнь

общественная. До последнего времени и у них богослужение совершалось на непонятном для них грузинском языке и занимались в школах также по-грузински. Это, конечно, вызывалось отсутствием кандидатов в священники и учителя из природных осетин и давним влиянием на них со стороны соседних грузин. Влияние это было столь сильно, что целые селения осетин, например, под самым Тифлисом, теперь совершенно забыли осетинский язык и говорят по-грузински; эти селения давно уже считаются приходами чисто-грузинскими. С водворением России в Закавказье, такой порядок, конечно, должен был постепенно измениться, и грузинское влияние должно теперь уступить русскому, по крайней мере, в тех селениях, где осетины еще сохраняют свой язык и племенные особенности. Осетины – народ очень способный. Письменности своей они не имеют.

С половины прошлого столетия трудами русских миссионеров для них создана была особая азбука, приспособленная из русского алфавита; переведены общеупотребительные молитвы, служебник, евангелие и соборные послания святых апостолов. Нужно сказать, что в южной Осетии, входящей в состав экзархата, все это мало привилось; осетины предпочитают учиться по-русски и слушать славянское богослужение. Это объясняется, может быть, и тем, что среди осетин насчитывается до восьми различных наречий, и то наречие, так называемое дигорское, взятое из одного ущелья северной Осетии, которое признано литературным, для южных осетин малопонятно. В последнее время осетины священники и учителя стали выходить из Ардонской семинарии (Владикавказской епархии) и из второклассных школ⁵⁴; появились в Осетии даже женские школы и учительницы-осетинки. Чисто-осетинских школ в пределах экзархата теперь насчитывается до 18; кроме того, осетины учатся и в смешанных в племенном отношении школах, в местностях, где они живут вместе с грузинами.

К числу православных народностей, проживающих в Закавказье, принадлежат и айсоры, или сирохалдеи; это переселенцы из Персии и Турции, бывшие несториане, в большинстве принявшие православие. Только в одном селении Карсской области (Самавад) проживают теперь 150 домов несториан вместе с 40 семействами православных сирохалдеев, но и там, с открытием всего два месяца тому назад православного причта и церковной школы, можно надеяться, скоро восторжествует православие. Сирохалдеи говорят языком турецким и ново-сирийским; древнего языка своего, на котором написаны их старинные богослужебные книги, они не понимают; служба совершается у них частью по тем немногим книгам,

которые успели перевести русская православная миссия в персидской Урмии, и большей частью на славянском языке. Духовенство айсорское необразованно; сами айсоры к церкви и храмам до последнего времени были мало ревностны. Церковные школы имеются у них теперь во всех 10 приходах Эриванской губ. и по отзывам местных деятелей, оказывают глубокое перерождающее влияние на айсоров, приучая их к истовой православной церковности. Начинают уже поступать от айсоров довольно крупные пожертвования на церкви и школы, чего прежде никогда не было слышано.

Следует упомянуть еще об одном уцелевшем от древности племени – об удидах, проживающих в Нухинском уезде, Елисаветпольской губ. Это остатки древней Албанской митрополии, еще с III века упоминаемой у церковных писателей. Теперь это – жалкие остатки. Мусульмане так сдавили этот народец, что часть удин приняла ислам, и совершенно забыла о своем прошлом, слившись с татарами; другая часть, не пожелавшая ислама, вынуждена была принять армянство, чему способствовало и пермское правительство, которому подчинялось Нухинское ханство; персы не позволяли православным удидам иметь священников, и отдавали их церкви и святые места армянам, лишь бы разобщить удин от православия и убить в них надежды на помощь православных царств: грузинского, потом – русского. Теперь остались только два православные удинские селения: Варташен и Кишлаг; они составляют один приход; церковная школа существует в Варташене, скоро будет открыта школа и Кишлаге. Богослужение, и обучение в школе идет на русском языке, хотя первоначальные молитвы и евангелие переведены на язык удииский и напечатаны при помощи особо изобретенной азбуки, составленной из русских букв с некоторыми, конечно, изменениями. Армяне и доселе настолько сильны здесь и фанатичны, что в прошлом году ими ранен был местный удин-священник в споре из-за обладания развалинами церкви святого Елисея около Варташена. Армяне же воздействуют на некоторых жителей и в Закатальском округе, отторгая их от православия, как, например, в селении Мешабаш. Действуют армяне путем брачных союзов; так как удидам и православным ингилойцам трудно находить себе жен при малочисленности православных, на мусульманских же нельзя жениться, то они вынуждены брать в жены армянок, которые и вносят в семью армянский язык, на котором разговаривают с детьми, армянские религиозные обычаи, посты, обряды и проч. В селении Мешабаш теперь в ограждение детей от влияния армянства, также открывается церковная школа.

Но в то время, как в некоторых местах армянство действует наступательно по отношению к православию, около самого центра армянства, около католикоса и Эчмиадзина, наблюдается сильное движение самих армян в православие, пока из опасения смут даже весьма сдерживаемое местной администрацией. Возникают православные армянские приходы, строятся теперь две церкви для православных армян и открыто за последние три года десять церковных школ в селениях, в которых проживают православные армяне. На армянский язык переведены теперь общеупотребительные молитвы, ектении, часть литургии, чин исповеди и часть из чина крещения, а также чин присоединения к православной Церкви. Святейшим Синодом несколько месяцев тому назад эти переводы одобрены и разрешены к печати. Преподавание в армянских школах идет на русском языке: православные армяне и сами заявляют о том желании. Впрочем, нужно сказать, что и у армян имеется очень много наречий, и тот язык, который принято считать у них литературным, для многих армян непонятен.

Из сделанного нами краткого обзора школ видно, как разнообразны они в племенном отношении, как много условий и местных особенностей нужно иметь в виду в церковно-школьной работе в Закавказье, но и этим не исчерпывается разнообразие школ: нужно принять во внимание, так сказать, переходные тоны и оттенки между одной местностью и другой, между одним племенем и другим; нужно иметь еще в виду школы смешанные в племенном отношении. Как много таких смешанных школ, видно, например, из школьной статистики 1901 г. по одной только из четырех епархий экзархата, именно – по грузинской: в ней из 200 школ было чисто-грузинских 39, чисто-греческих 42, смешанных с преобладающим грузинским составом 34, смешанных с преобладающим русским составом около 50, остальные 35 были осетинские: удинские, сирохалдейские, армянские и проч.

Я не упомянул еще о русских школах в Закавказье. Русское переселение в этот край, как известно, началось сектантами, появившимися в Закавказье уже в 20-х годах прошлого века. Дети сектантов учатся и в церковных школах, куда их охотно принимают. Здесь они, по отзывам близких стоящих к делу лиц, перестают чуждаться Церкви, отучаются смотреть на священников, как на своих врагов, проникаются уважением к ним, постепенно примиряются и привыкают к иконам, лампадке, кресту, к храму и проч. Детей сектантов в церковных школах одной только Грузинской епархии насчитывается до 300.

Сектанты успели осесть в Закавказье прочными и богатыми

селениями, свыклись за 80 лет жизни с краем, приобрели в нем и богатство, и влияние. Значительно позже их появления в Закавказье началось переселение сюда и русских православных крестьян; сначала тихо, потом, все усиливаясь, оно достигло в настоящее время значительных размеров. Наконец, законом 1 мая 1900 г. постановлено: впредь все свободные земли в Закавказском крае отдавать только под переселенческие поселки и притом только для русских крестьян исключительно православного вероисповедания. Поселки также выросли и на Черноморском побережье, и во Фреской области, на местах, ушедших в Америку духоборов, и в восточном Закавказье – в Тифлисской, Елисаветпольской и Бакинской губерниях; кроме возникших, намечено теперь около новых русских селений. Везде, кроме Черноморского побережья, новые русские поселки осели около старых и людных сектантских селений, в соседстве не безопасном. Придет из внутренней России в Закавказье русский крестьянин, – он растеряется в новом крае; он пугается чужих и незнакомых людей, говорящих на непонятном языке; он не знает, как обращаться с землей, незнаком с местными условиями; нет у него ни дома, ни хозяйства... Куда пойти, кого расспросить, с кем просто поговорить по душе? И, естественно, идет он к своему брату, русскому человеку, к соседу сектанту. Вот и почва, самая удобная для сектантской пропаганды. А если у русских крестьян нет ни церкви, ни причта, ни школы, то через пять-шесть лет легко увидеть православных сначала равнодушными к вере, а потом и сектантами. Здесь-то и полезна церковная школа, и в Закавказье в настоящее время нет ни одного самого маленького или недавнего русского поселочка, где бы ни работала церковная школа, приютившаяся на первых порах в какой-либо наскоро сколоченной избе; она везде появляется раньше церкви и даже раньше причта. В таком именно направлении действовали последовательно три архипастыря в Закавказье, бывшие экзархами Грузии в последние 12 лет, когда усилился прилив русского переселения в край. В одном прошлом году открыто, таким образом, не менее 25 школ в экзархате, а всех чисто-русских церковных школ насчитается в Закавказье не менее 100. И, благодарение Богу, доселе не было ни единого случая совращения новоселов в сектантство.

Из всего сказанного нами видно, повторяем, как разнообразны условия жизни церковных школ в Закавказье. Что же, какие задачи должны объединять церковные школы этой окраины и лечь во главу угла церковно-школьной работы? И что сделано в последнее время в области осуществления этих задач?

Прежде всего, первое всего и главное всего церковная школа должна служить Церкви Божией в ее святом деле: поднимать и укреплять начала веры и православия в среде разноплеменной паствы экзархата и утверждать в ней ослабевшую в течение минувших веков церковность. Эта задача церковная вместе с тем есть и великая государственная задача. Церковь чужда целей обрусения, как вообще чужда политических целей. Но дело ее для государства бесконечно ценнее всяких приемов и целей русификации. Школы других ведомств на Кавказе ставят единственной задачей своей поскорее и прочнее обучить инородцев русскому языку. Но мы знаем, что политиканствующие враги России, самые ярые сепаратисты из грузин, армян, греков и проч., все они получили отличное образование в русских высших учебных заведениях и прекрасно владеют русским языком: знание русского языка, однако, не сделало их русскими по духу, не застраховало их от увлечения безумными сепаратистическими затеями. Но ведь чувство единоверия с Россией влекло к ней Грузию с XV века; но ведь чувство православия внушило грузинскому народу, невзирая ни на что, несмотря на всевозможные препятствия, тянуться из века в век к русскому царству, и это влечение было столь сильно, что за ним вынуждены были в свое время пойти, может быть и не всегда добровольно, и цари, и царевичи, и высшие классы грузинского народа... Утверждать это чувство, значит усиливать единение Грузии и России, сливать их воедино самым могучим духовным союзом веры, крепким, как смерть, ибо известно, что в отношениях народов родство по вере и духу сильнее родства по плоти. Да и может ли служить школа, одна школа, целям русификации? Она не создает ее, она идет не во главе, а вслед за другими факторами обрусения, а таковые факторы в Закавказье суть: торговой нужды, административные сношения, необыкновенная разноплеменность, требующая, естественно, объединяющего языка, суд и больше всего – всеобщая воинская повинность; вот что заставляет туземцев Закавказья искать знания государственного языка, и если бы им в школе не давали этого знания, то, несомненно, они сами перестали бы посылать туда своих детей. Без такого всестороннего русского влияния в крае одна школа для поднятия русского языка сделает очень мало: как бы хорошо ни учили в школах, рецидив русской безграмотности будет обычным явлением в таких местностях, где ученик по выходе из школы во всю свою жизнь не слышит ни одного русского слова. А религиозно-нравственное воздействие церкви и школы передается, конечно, окружающей жизни и незаметно из года в год может ее действительно преобразовать.

Посему церковная школа в Закавказье не изгоняет местных языков из

преподавания, доколе они служат целям церковным и интересам православия, доколе они не обращаются в орудие национальной исключительности и узкой племенной обособленности. Поэтому в школах и преподается церковно-грузинский и церковно-греческий язык, если на этих языках дети слушают богослужение в своих родных храмах. Таким образом, все, что есть в Грузии истинно-православного, древнецерковного, свято-преданного и священного в жизни церковной и народной, – все это должно служить и служит предметам благоговейного почитания и заботливого хранения, и великий грех берут на себя те, которые обвиняют церковную школу в Грузинском экзархате в желании гнать все местное.

В указанном направлении сделано очень много.

В церковных школах грузинских поднято упавшее в течение веков церковно-грузинское пение; оно усерднейше преподается учителям на педагогических курсах с 1896 г.; с 1900 г. дети-грузины ежегодно в день св. Нины, 14 января, числом до 700 поют литургию и молебствие на грузинском языке в Тифлисском Анчисхатском соборе; в день же Преполовления все ученики церковных школ г. Тифлиса, числом до 1 500, поют на славянском и грузинском языке архиерейскую литургию в одном из поместительных городских соборов. Этого никогда, конечно, не видела Грузия в течение всех веков своего существования. Не в одном Тифлисе совершаются подобные торжества: то же делалось в гор. Гори и Телаве; кроме того, ученики всех школ Сигнахского уезда, числом до 500, ежегодно 11 мая совершают паломничество в Бодбийский монастырь, где почивает св. равноапостольная Нина, просветительница Грузии, и здесь поют литургию по-грузински; в настоящем году на этом торжестве присутствовал и совершал литургию сам владыка-экзарх, причем и поучение на грузинском языке говорил детям о. уездный наблюдатель. Ученики школ Телавского уезда совершают подобное же паломничество в чтимый Алавердский монастырь; в Имеретии – в Гелатский монастырь; в Мингрелии – в Хобский монастырь; везде дети обычно сами поют всю литургию на грузинском языке. Изданы теперь два выпуска поучений на грузинском языке окружным наблюдателем школ; предпринято им же издание на грузинском языке в переводе следующих книг: Учебник по Закону Божию епископа Агафодора; «Начальное наставление человеком, хотящим учиться книг божественного писания», и капитальный труд: «Беседы пастыря с пасомыми» в XI выпусках, на что уже получено и разрешение Петроградского братства Пресвятые Богородицы; беседы обнимают всю священную историю, объяснение богослужения, катехизис и историю Церкви; печатается теперь на средства Синодальной Конторы

книга «Избранные песнопения церковные» на весь год двумя параллельными шрифтами – церковно-грузинским и гражданским грузинским для церковного и школьного употребления; приготовлены к печати ноты церковно-грузинского пения для школ; они были написаны и проверены на прошлых педагогических курсах учителей Грузинской епархии в 1903 г. Не оставлены без внимания и греческие школы: учителя-греки два года подряд были обучаемы церковно-греческому пению в 1902 и 1903 гг. на учительских курсах, причем для их обучения был вызван ученый псалт из хора Вселенского патриарха; учитель славянского пения переложил с голоса греческие песнопения на ноты; сборник сих песнопений, дважды проверенный, теперь одобрен Святейшим Синодом к печати. Как уже сказано, в школах введено преподавание церковно-греческого и церковно-грузинского языка вместо прежнего литературного, мало назидательного и не соответствующего целям церковности. Для православных армян, как уже упомянуто, издаются молитвы и песнопения и некоторые чины церковные на армянском языке.

Таким образом, родному языку, как средству религиозного воздействия, дано в церковных школах законное и широкое место. Но как только какой-либо местный язык желают обратить в орудие местной племенной политики, церковная школа, конечно, противится этому изо всех сил. Нельзя для обучения детей русскому языку, новому и неизвестному, брать в посредство и пособие другой, тоже неизвестный и непонятный язык: поэтому и не педагогично, и несправедливо обучать абхазцев, осетин, мингрельцев, сванов и кистин литературному грузинскому языку, а также греков, говорящих только по-турецки или по-армянски, обучать литературному греческому языку. И если та или другая народность не имеет своей письменности и своего богослужебного языка, то уж из двух ей равно непонятных языков для богослужебного и школьного употребления по справедливости надлежит избрать русский, как государственный и господствующий; посему нельзя обучать осетин, самурзаканцев или абхазцев церковно-грузинскому языку, а необходимо учить их славянскому и русскому. Россия не стремится уничтожать народности; но если какой-либо народности, вследствие малочисленности, отсутствия литературного языка и исторических традиций, суждено раствориться в другой национальности, то пусть она уж растворится в русском народе, а не усиливает собой другого какого-либо племени. Это ясно и вполне справедливо. В таком именно духе действует церковная школа в Закавказье. К сожалению, в прошлом иногда бывали случаи отступления от такого порядка, и результаты были печальны. Губернаторы

Закавказья в 1897 и 1898 годах во всеподданнейших отчетах отметили это явление и пришли к выводу, что церковная школа в Закавказье по местам враждебна русским интересам, и потому должна быть укрыта. Потребовалась усиленная работа пяти лет, чтобы рассеять это обвинение. В декабре 1902 г. те же губернаторы, собравшись на совещание в Тифлисе, единогласно постановили уловить церковным школам Закавказья отпуск из земских сумм. Это было величайшей нравственной победой церковной школы в экзархате и вместе с тем высшей нравственной наградой ее деятелям.

Такого результата церковная школа в Закавказье достигла усилением преподавания русского языка и ведением всего обучения в школе на русском языке. Это вторая главная и существенная задача церковной школы. Она не может и не должна игнорировать государственного языка или считать его маловажным и второстепенным: в этом отношении она разнится от школ других ведомств только тем, что не считает изучение государственного языка единственной целью школьного обучения, не вытесняет, не подавляет изучением его воспитательной цели школы. В Закавказье необходимость обучения в школе русскому языку и на русском языке вызывается самой многоплеменностью края: нужно же иметь для этих племен и наречий какой-либо язык единый. На каком языке обучать в школах со смешанным племенным составом? Неужели утверждать путем школьного преподавания язык турецкий или армянский для греков и ингилойцев? На каком языке преподавать удицам, сванам, абхазцам, кистинам, осетинам или айсорам, если у них нет своей письменности, или если они делятся на наречия, которых не понимают представители одного и того же племени? Конечно, только русский язык и может быть при таких условиях языком преподавания.

И понятно поэтому, что сам народ в Закавказье неудержимо стремится к изучению русского языка, и в этом стремлении его не остановит ничто: жителям Закавказья и невыгодно, и нежелательно быть немыми подданными у своего Государя. Когда ребенок приходит из сельской школы после первого урока домой, мать, прежде всего, спрашивает его: «что ты знаешь по-русски?» Знание русского языка есть самая желанная и высшая мудрость с точки зрения народа. В одной греческой деревне я спросил на сходе: «нравится ли вам, что в школе учат по-русски?» Ко мне вышел из толпы почтенный старик-грек и сказал: «Отец, если ты скажешь, что в нашей школе не будут учить по-русски, мы все сегодня возьмем из школы своих детей». «Почему так?» – спросил я. Старик наивно, но, в сущности, глубоко верно объяснил причину. «А

потому, – сказал он, – что сын на службу пойдет – унтер-офицером не будет». В грузинском селении на такой же вопрос мне ответили еще определеннее: «Если ты, – сказали мне, – построишь у нас две школы, в одной будут учить все по-грузински, а в другой – все по-русски, то первая будет пустая, а вторая – полная». В Эриван к соборному протоиерею приходят армяне и заявляют желание принять православие. «Почему вы хотите быть православными?» На вопрос последовал краткий ответ: «Мы хотим быть русскими». – «Прежде присоединения вам нужно выучить молитвы, теперь эти молитвы и на армянском языке, идите к такому-то миссионеру, – он вас научит молитвам, а я дам вам письмо к нему». Отвечают настойчиво: «Зачем ты все говоришь – армянский, учи нас по-русски, мы русскими хотим быть»...

Школа церковная в Грузинском экзархате появилась впервые при экзархе Грузии архиепископе Павле. В 1885 г. составлен был краткий учебный план, по которому на русский язык отведено было всего 6 уроков в неделю, все прочие занятия были на грузинском языке, для которого особо назначено было 12 уроков в неделю. Конечно, это был только первый опыт организации школьного дела, да при отсутствии в то время подготовленных учителей едва ли и можно было тогда поставить русский язык в школах на должную высоту. Усиление преподавания государственного языка в церковных школах началось с 90-х годов при экзархах Грузии архиеписк. Владимире и Флавиане, – ныне митрополиты Московский и Киевский, – и продолжается при нынешнем экзархе архиепископе Алексии. Целых 12 лет последовательной и систематической работы в этом направлении привели к тому, что явилась теперь возможность передать преподавание Закона Божия на родном языке, а также преподавание самого родного церковного языка законоучителю, а на учителя возложить 23 урока преподавания русского языка и прочих предметов на русском же языке; благодаря курсам, учительским и второклассным школам, получилась возможность иметь почти везде более или менее подготовленных учителей. Особенно много дала учительских сил Бодбийская второклассная женская школа при Бодбийском монастыре; здесь учатся будущие учительницы, девочки-грузинки, абхазки, сванки, ингилойки, гречанки, сиро-халдеянки, православные армянки и прочие представительницы всех племен Кавказа; имеются для них особые стипендии; стипендии для приготовления учителей, имеются для осетин, сванов и проч. и в мужских второклассных школах, большей частью на средства Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

Коротенькое замечание о самом способе изучения русского языка, о чем идут бесконечные споры в Закавказье, подчас страстные и слишком горячие. Деятелям из закавказских туземцев по душе переводный способ преподавания русского языка; при этом обыкновенно любят ссылаться на систему Н. И. Ильминского. Но система, удобная и пригодная в одном месте, может оказаться непригодной в другом. Система Ильминского – миссионерская, она рассчитана и пригодна для инородцев, которым нужно всего дать слово Божие на родном языке. Но делать это по отношению к грузинам, имеющим с VI века Библию и богослужебные книги на родном языке, не значит ли обращать обращенных? Поэтому в Закавказье уместнее система иная, прямо преследующая цели изучения только одного государственного языка, а таковой по справедливости можно признать беспереvodный, так называемый естественный метод обучения новому языку путем наглядности и разговорной живой речи, или, как его принято называть, метод Берлица. Не говоря уже о недостатках переводного метода чисто-педагогических и со стороны противоречия его психическим законам (при двух параллельных процессах каждой мысли: на языке родном и чужом), и со стороны вялости и медленности усвоения чужого языка, является вопрос чисто-практический: как обучать переводным способом в школах, где учатся дети, принадлежащие к различным национальностям? где найти такого учителя, который будет знать 3–5 языков? Сама жизнь в прошлом, при турецком владычестве, создала в Закавказье в Эриванской, Елисаветпольской губ. и Карсской области в былые времена объединяющий язык турецко-татарский. Но стыдно теперь, при изменившихся обстоятельствах, поддерживать этот язык, – язык мусульманских народностей, язык бедный и приспособленный только к потребностям улицы и базара... Та же жизнь выдвигает теперь, с появлением России в Закавказье, объединяющий язык русский, и это лучше всего сознает само население.

Изложенного довольно, чтобы судить о задачах и основах деятельности церковной школы в Закавказье; они не сложны и определяются краткими положениями: поднятие религиозности, укрепление православия, оживление церковности, усиление государственного языка в школе, который должен быть не только в числе предметов преподавания, но и языком самого обучения в школе. Изложенного довольно и для того, чтобы судить о трудности дела церковно-школьного и о полном его бессилии без поддержки свыше нравственной и материальной. На месте мы чаще всего встречаем невежество, непонимание пользы школы, нередко полную дикость, подчас

и действительную бедность, иногда же и вражду принципиальную и сознательную против русской школы вообще и против церковной в частности, – вражду, соединенную с попытками обратить нашу школу в орудие достижения целей не церковных и не русских.

И все-таки дело церковно-школьное растет и движется безостановочно. Несомненно, в городах и селениях Закавказья повсюду усилилось значительно посещение церквей; это отмечается всеми наблюдателями жизни в крае. По отчетам уездных наблюдателей Грузинской епархии, теперь при 152 церквях поют церковно-школьные хоры. И вот плоды: один из горийских почтенных протоиереев не так давно засвидетельствовал письменно, что с введением церковно-школьных хоров посещение церквей, по его наблюдению, увеличилось, по крайней мере, в четыре раза. Сигнахский наблюдатель сообщает, что церкви в уезде, прежде пустующие, теперь посещаются, и бывшие ученики церковных школ по выходе из школ обыкновенно остаются по-прежнему усердными посетителями богослужения и участвуют в церковных хорах; мало того, они в домах заводят иконы и лампы, которых крестьяне в Грузии обычно не имеют; они способствуют тому, что в домах теряют значение так называемые «зедаше», особые «священные винные кувшины», служащие здесь предметом религиозного почитания; они, наконец, способствуют тому, что праздники и богослужение в Грузии постепенно приобретают церковный характер вместо прежних бубнов, пьянства и убивания баранов; по местам эти не церковные обычаи и совсем выводятся. В Тушетии, Пшавии, Хевсуретии среди сванов, как отмечено в отчетах оо. благочинных, заметно изменение диких нравов: убийство девочек-новорожденных везде прекратилось, смягчилось отношение к женщинам, падает значение жрецов и капищ, приобретает больше уважения церковный брак, заметно по местам усиление посещения церквей христианских и уважения к священникам. Два года назад прекращена, наконец, даровая рассылка церковных свечей и ладана в горские церкви, и мера эта не вызвала никаких замешательств; горцы сами стали приобретать для церквей все нужное. Это уж большой успех. Месяц ноябрь я провел в Сухумской епархии; в местечке Лыхны, в самом центре Абхазии, я пробыл целый день в школе: она стоит при вратах тысячелетнего знаменитого храма, построенного благоверными византийскими императорами. Стены храма настолько древни, что образовали глубокие поры и пустоты, и в них спокойно везде завелись пчелы; в жаркие летние дни иногда из этих естественных ульев выступает растопившийся воск и стекает по седым стенам древней святыни... В

школе же я нашел других Божиих пчелок, залог будущего Абхазии; 70 абхазских детей поют церковные молитвы прекрасно, поют литургию, в первом отделении с ними можно уже объясняться по-русски, во втором отделении вы говорите с ними свободнее, а в третьем и четвертом вы положительно забываете, что находитесь в инородческой школе. Один из русских администраторов рассказывал мне: «Теперь хорошо в Абхазии; приезжая в селение, я сейчас зову мальчика церковной школы, он уж непременно мне все расскажет, и у меня готов переводчик». Другой утешил трогательным рассказом. «Еду, – говорит, – дорогой в Абхазии; дело к вечеру, вижу, в стороне на кукурузном поле арба, около нее несколько человек туземцев; слышу и удивляюсь: оттуда несется одиночное пение церковно-славянских молитв; молодой голос громко поет: «Царю Небесный», «Спаси, Господи, люди Твоя». Оказалось, это – бывший ученик церковной школы; у абхазцев нет песен, – так он в поле, сидя на арбе, поет то, чему его научили в школе».

Самое противодействие церковной школе не страшно при общем сочувствии к ней народа. В Кутаисе и Тифлисе весной 1903 г. были, как и везде в России, совещания особых комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности; отчеты о совещаниях печатались в местных газетах. Вот что буквально сказано в одной из газет, которую, судя по ее направлению, меньше всего можно заподозрить в благосклонно-пристрастном отношении к Церкви: «Число учеников (в школах других ведомств) сразу падает, как только поблизости открывается церковная школа, которая пользуется несравненно большими симпатиями населения, несмотря на то, что в большинстве случаев обставлена во всех отношениях значительно хуже»⁵⁵.

Я с полной верою и убежденностью заканчиваю настоящий мой доклад достопочтенному собранию заявлением, что 900 церковных школ в Закавказье, обучая ежегодно около 35 000 детей, и делали, и будут делать с честью и добрыми плодами святое дело, – церковное и великое дело Государево.

1905 г.

Преосвященный Вениамин, епископ Горийский. Некролог

В среду, 16 февраля 1905 года, в 10-м часу утра, почил о Господе преосвященный Вениамин, епископ Горийский, первый викарий Грузинской епархии.

Почивший – уроженец Нижегородской епархии, родился в 1862 году и, следовательно, умер в возрасте полного мужества, в пору расцвета своих духовных сил. В мире Владимир Борнуков, покойный архипастырь получил первоначальное и среднее образование в духовно-учебных заведениях родной епархии. По окончании курса Нижегородской духовной семинарии в числе первых студентов он определен был священником в селение Мишно, Васильского уезда. В скором времени он овдовел и решил посвятить себя высшему образованию и затем всецелому и безраздельному служению Церкви в сане инок. В 1889 году он поступил в число студентов Петроградской Духовной Академии и здесь, согласно просьбе своей, был пострижен в монашество преосвященным Антонием, ректором Академии, ныне митрополитом Петроградским. По окончании курса Академии покойный проходил духовно-учебную службу в должностях помощника инспектора Петроградской духовной семинарии, затем смотрителя Заиконоспасского духовного училища в Москве; с 1896 года он был назначен в Кутаисскую духовную семинарию инспектором, затем через год и ректором, с возведением в сан архимандрита. В 1902 году он, как отлично изучившей церковную жизнь в крае и выдвинувшийся далеко недюжинными административными способностями и усердием к службе в исполнении различного рода должностей, на него возлагаемых, был призван высшей церковной властью к сану епископскому и назначен первым викарием Грузинской епархии и вместе членом Грузино-Имеретанской Святейшего Синода Конторы, а с 1903 года и председателем окружного училищного совета Грузинского экзархата.

Трезвый ум, чуткая наблюдательность, правдивость слова, прямота в действиях, глубокая осведомленность в каждом вопросе, горячая преданность долгу и интересам службы, – вот отличительные черты, проявленные преосвященным в святительском служении. К этому нужно прибавить твердость и настойчивость характера, строго обдуманную систему действий и при всем этом неизменное благородство, благожелательность и отзывчивую любовь ко всем, с кем покойный имел частные или служебные отношения. Скромность его всегда значительно

скрывала весь блеск его познаний и глубокой начитанности решительно во всех областях ведения, но люди, близко его знавшие, искренно изумились необыкновенной научной любознательности покойного и его трудолюбие в книжных занятиях.

Все говорило за то что, в лице преосвященного Вениамина Церковь наша получит иерарха высших умственных и нравственных дарований и административных выдающихся способностей.

Но Господь судил иначе. С молодых лет здоровье владыки было слабо, а в год священнической службы в нем обнаружился роковой недуг – чахотка. Вся дальнейшая жизнь была постепенным и медленным угасанием, и только необыкновенно правильной жизнью и воздержанием объясняется то, что преосвященный боролся с недугом так долго. В октябре минувшего года владыка почувствовал себя совсем худо и слег в постель. К обычному недугу присоединилась болезнь почек, вследствие поражения их туберкулезом; началась водянка. Болезнь тянулась, то усиливаясь, то ослабевая. На праздник Рождества Христова владыка не мог встать с постели; этим он воспользовался для доброй исповеди и причащения Св. Таин; в праздник он мог даже принять близких, пришедших его поздравить. Затем опять наступило ухудшение; пришлось выпускать воду. Тяжелая болезнь усиливалась нравственными удручениями: владыка получал известие о смерти одного за другим его родных; последнее известие, незадолго до смерти им полученное, о кончине его родной горячо любимой сестры произвело на него особенно тягостное впечатление: он сразу осунулся и сильно загрузил.

В последний день жизни он рано встал с постели, обошел квартиру, кое-что прибрал на письменном столе, постоял у окна и даже мог ласково поклониться на приветствие одного из соборян. Затем он почувствовал сильное утомление и лег в постель; пришедшему, по обычаю, доктору он заметил, что, не послушавшись докторского совета, он вставал, немного походил, и поэтому чувствует себя хуже.

Вскоре после этого владыке сделалось крайне тяжело; дыхание стало тяжким и мучительным; видимо, приближался конец земного жития. На вопрос, можно ли войти к нему одному из близких и любимых им лиц, умирающий ответил: «после; я молюсь». Действительно, уста его шептали молитвы; дыхание становилось стесненным; сознание стало покидать страдальца. В эти минуты вошел к умирающему архипастырю его близкий и любимый друг преосвященный Димитрий, епископ Гурийско-Мингрельский, поспешивший к больному при известии об его тяжком положении. Преосвященный Димитрий стал читать отходные молитвы и

покаянный канон, и под звуки молитв, прерываемых слезами окружающих, страдалец-архипастырь предал дух свой Господу.

В Синодальной Конторе уже начиналось в это время заседание. Высокопреосвященнейший владыка-эксарх по получении известия о тяжелой утрате немедленно приказать члену Конторы архимандриту Георгию, духовнику покойного – игумену Герасиму совместно с соборным кафедральным клиром отправиться к почившему архипастырю, помазать тело его елеем и, облачив в подрясник, приуготовить к облачению. По донесении о том, что все исполнено, владыка-эксарх отправился на квартиру покойного; здесь же присутствовали преосвященные Димитрий и Евфимий, все члены Конторы и причт Сионского кафедрального собора.

Почившего в кресле перенесли в зал, и началось облачение во все архиерейские одежды, причем протодиакон читал положенный на облачение молитвы. По облачении почившему, в предстояние иподиаконов, держащих трикирий и дикирий, провозглашено было протодиаконом: «Тако да просветится свет твой пред человеки», и затем он положен был на стол, на лицо его возложен был воздух, а на главу – митра; все тело было покрыто мантией.

Началась первая умилительная панихида, в предстоянии высокопреосвященнейшего владыки-эксарха. Панихида заключилась чтением святого евангелия, каковое предначал сам владыка-эксарх. По разоблачение владыка-эксарх здесь же, в квартире покойного, назначил комиссию для разбора ризничных вещей, казенных бумаг и личного имущества почившего; здесь же составлены были телеграммы в Петроград и другие города с извещением о смерти преосвященного Вениамина.

Панихиды были назначены ежедневно в 2 часа дня и в 7 час. вечера; в четверг, пятницу и субботу назначены были архиерейские служения литургии в Сионском соборе. Вынос тела почившего в собор состоялся в пятницу, 18 февраля, после дневной панихиды, погребение совершено в субботу, 19 февраля.

Могила покойному архипастырю устроена в левом приделе Сионского собора, у стены. Заупокойную литургию в день погребения и отпевание совершил владыка-эксарх в сослужении преосвященных Леонида, епископа Имеретинского, прибывшего к погребению, Димитрия, епископа Гурийско-Мингрельского, Евфимия, епископа Алавердского, и множества духовенства. В соборе присутствовали ученики духовного училища, корпорации духовно-учебных заведений и много богомольцев.

За литургией говорил слово, посвященное памяти почившего

архипастыря, протоиерей Иоанн Восторгов⁵⁶, а на отпевании – преосвященный Димитрий на русском языке и преосвященный Евфимий на грузинском языке.

Вот душевная речь преосвященного Димитрия:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Преосвященнейший владыка, возлюбленнейший, о Господе, почивший брат!

Мне, в продолжение не одного года пользовавшемуся у тебя особым вниманием, дружеским расположением, искренней любовью, надлежит сказать прощальное слово в присутствии Церкви, в собрании многих принести тебе посильную благодарность за те без числа многих добрые минуты, которые приходилось мне проводить у тебя с пользой для души, ума и. сердца моего.

Ты, во дни своего пребывания с нами выделявшийся всегда из окружавшей тебя среды скромностью и смирением, этими отличительными свойствами истинно-христианской души, никогда не позволял никому из своих близких свидетельствовать пред тобой чувства благодарности, как бы велико ни было благодеяние, явленное тобою. Поэтому-то я, многим и многим благодетельствованный тобой, не тесно, и весьма не тесно чувствовавший себя в сердце твоём, желанием возжелал в день последнего нашего свидания на земле припасть к дорогому для меня гробу твоему и всенародно исповедать перед тобой благодарные свои братские чувства. Девять лет тому назад, на заре моей церковно-общественной службы и первых дней служения твоего в Закавказье, встретились мы с тобой в этом самом городе, ставшем по неисповедимым судьбам Божиим местом всегдашнего твоего покоя, и с тех пор мы не разъединялись. Промысел Божий за это время то посылал меня возделывать ниву Христову под твоим ближайшим руководством, то на время отделял, то вновь заставлял работать с тобою вместе, но общение наше никогда не прерывалось, единение росло и о Господе укреплялось. Время, проведенное вдали от тебя, и встречи на жизненном пути с новыми и новыми начальниками и сослуживцами давали мне возможность вникнуть поглубже в твой характер, оценить все богатство твоей простой, искренней русской души, проникнуться благоговением перед редкими свойствами твоего нежного сердца, недюжинными дарованиями твоего пытливого богословствующего ума. И я, воистину сблизившись с тобой, благоговей пред тобой, как младший брат в семье может только благоветь перед старшим на много себя братом своим, всегда во все время общения нашего считал себя недостойным братской твоей любви,

дружеской привязанности, дважды при расставании со мной, в Кутаисе и Тифлисе, вызывавшей у тебя, при всей твоей нелюбви к обнаружению своих чувств, слезы.

Да и не я один из твоих бывших любимых сослуживцев, близких твоих людей, был проникнут к тебе чувством благоговения: все, решительно все, имевшие когда-либо случай не только стоять вместе с тобой у одного общего дела, но имевшие случай хоть раз даже побеседовать с тобой, поразились твоим определенным, ясным, светлым христианским взглядом на жизнь общественную, церковную, на жизнь дорогого нашего отечества – святой Руси, удивлялись твоему необыкновенному трудолюбию, живому стремлению к просвещению и пленялись твоей честностью, правдолюбием, справедливостью и истинным смирением твоим.

Зная хорошо родину, ты любил простой сердцем народ русский за его святость, любовь к Церкви и ее учреждениям и всегда старался о просвещении народа. Помня, что необходимо для просвещения других самому быть просвещенным, ты, без преувеличения можно сказать, все время своей земной жизни обогащал свой ум серьезным чтением. Не выходило на Руси ни одной новой философской и богословской книги и брошюры, которые не побывали в руках у тебя и классические места которых не подверглись бы подчеркиванию твоего карандаша. Огромная начитанность, множество научных познаний должны были отвести тебе видное место в иерархии отечественной Церкви, но ты предпочитал по своему смирению быть вдали и работать отсюда на общую пользу и личным своим примером воодушевлять на далекой окраине всех верных сынов России к дружной, совместной работе. Превосходя многих и многих из нас научными своими познаниями, ты, никогда никому не давал чувствовать своего превосходства, а, наоборот, всячески старался скрыть его.

Обладая духом учительства, прекрасным талантом воспитания молодежи, ты, будучи призван к педагогической деятельности, в должности смотрителя училища, инспектора и ректора семинарии, высоко держал свое знамя учителя, воспитателя и руководителя целого учебного заведения. Ни одна мелочь из жизни воспитанников не ускользала от тебя незамеченной. Любя, жалея и в высшей степени снисходя к слабости человеческой природы, ты принимал, однако, все зависящие от тебя меры к исправлению учеников и неослабно заботился об их благополучии.

Обладая нежным, любящим сердцем, ты и в должности ректора семинарии, и в архиерействе главным образом старался осушить побольше

слез всех обездоленных вдов и сирот. Имея же отличительной чертой своей души правдивость, ты никогда не изменял правде, всегда прямо и откровенно, пред кем бы то ни было, излагал свои мнения и требовал от всех своих ближних этой евангельской истины. Требуя же от людей исполнения этого полезного долга, ты первый подавал пример честного исполнения своего долга.

Бегло окидывая взором весь пройденный тобой на земле путь, нам, любящим тебя, слишком тяжело расстаться с тобою, ибо ты воистину был светильником, и Церковь Божия могла бы хвалиться тобою, как достойнейшим иерархом своим. Но ничто не вечно на земле. Злой недуг, давно-давно точивший твои дыхательные органы, в борьбе с которым ты явил все величие, всю силу своего славного духа, заставил тебя преждевременно смежить очи.

Прощай, дорогой владыка, до явления Господня. Прости меня за это безыскусственное слово. Ты всегда снисходил к моей слабости; верю, и теперь ты смотришь на меня своим ласковым взором. Прощай, дорогой владыка, не забывай нас в своих молитвах пред Престолом Мздовоздаятеля Праведнаго, моли Его о нас, о мятущемся крае нашем, да пошлет Он, Господь, мир и безмятежие, мы же, пока живые, не перестанем молить Господа о светлом радовании души твоей в обителях Отца Небесного! Веруем, что наш Спаситель, Господь и Бог Иисус Христос – путь, истина и жизнь – воззрит на тебя благоукоризным оком и сладчайшим гласом воззовет к тебе: «Побеждай, той облечется в ризы белые, и не имам отмыти имене его от книг животных, и исповем имя его пред Отцем Моим и пред ангелы Его».

От духовной семинарии, от чинов канцелярии экзарха и от Тифлиских Покровских миссионерских церковно-приходских школ были возложены на гроб венки, а от Тифлиского духовного училища – икона Спасителя. Надписи на лентах весьма выразительно определили душевные свойства почившего владыки: «Известна мудрость твоя и доброе расположение твоего сердца» (корпорация духовной семинарии); «Твое благородство и мудрость ободряли нас в труде, а нежное сердце твое старательно щадило силы подчиненных» (чины канцелярии экзарха).

По окончании отпевания гроб был обнесен священнослужителями вокруг Сионского собора и затем внесен в придел и опущен в могилу. Тотчас же о. ректор семинарии архимандрит Никандр, пользовавшийся особым расположением почившего архипастыря, совершил о нем первую надгробную панихиду.

Поминальная трапеза устроена была высокопреосвященнейшим

владыкой-эксархом в своих покоях.

1906 г.

К вопросу о приходе. Сказано в пастырском собрании Московского духовенства 22 февраля 1906 г.

С разрешения архипастырей, в целях возможно большего уяснения поставленного здесь на обсуждение вопроса о приходе, решаюсь и я сказать в настоящем пастырском собрании несколько слов. О значении прихода, о необходимости мероприятий к его оживлению говорить мне не приходится; если бы по этой части все у нас обстояло благополучно, то, конечно, излишним было бы и настоящее наше собрание⁵⁷. Равным образом я далек от мысли предложить какой-либо определенный и детально разработанный проект, устройства приходской жизни в епархии; человек новый в Москве, прошедший всю свою жизнь и службу в условиях, весьма отличных от тех, которые приходится наблюдать в центре русской жизни, я совершенно не подготовлен к такой работе и должен не мало и долгое время здесь присматриваться и поучаться от других, а не предлагать свои проекты, которые у меня могут быть выведены только из теоретических положений.

Задача моего настоящего сообщения другая.

Прошлая моя скитальческая служба дала мне возможность видеть устройство приходской жизни в разных местах России и даже за рубежом ее: видел и приходы на Амуре и в Приморской области, где применяется инструкция 23 декабря 1859 г., о которой в прошлом пастырском собрании в исторической справке говорил один из докладчиков; видел я православные греческие приходы в Карсской области, числом до 60, состоящие из греков, переселившихся сравнительно недавно в Россию и принесших в новое отечество все порядки приходской жизни из соседней Малой Азии, из епархий Эрзерумской, или Феодосиопольской, и Трапезундской; видел я приходы сирохалдейские в Персии, в Урмии всего через 3 года после присоединения их к православию, в 1901 году, сохранившие еще старый несторианский строй прихода, унаследованные от глубокой старины; видел сирохалдейские приходы в России, в Эриванской губернии, 70 лет назад принявшие православие и живущие в обычных русских условиях приходской жизни; приходилось мне видеть обширный сирохалдейский несторианский приход в Карсской области, состоящий из турецких сирохалдеев-несториан; приходилось мне, наконец, наблюдать приходскую жизнь и среди инославных христиан, главным образом армян, в условиях жизни городской и сельской.

Этими наблюдениями, плодом 11-летней моей службы и разъездов по

окраинам, я и желал бы поделиться с достойным собранием. Дело это, мне кажется, не лишнее. Когда читаешь книги и статьи о приходе, в последнее время столь многочисленный, то постоянно встречаешь ссылки на пример восточных православных Церквей. Большинство писателей сами этой приходской жизни на Востоке не видели, а судить о ней по тем уставам и постановлениям, которые выработаны в Константинопольской архиепископии, в церквях Афинско-греческой, Сербской, Болгарской, Румынской, а также в Угрии и Трансильвании в пределах Австро-Венгрии. Достойно замечания, что в известных трудах Папкова, о. Благоразумова, Курганова и иеромонаха Михаила, – в трудах, с которыми, конечно, безусловно, необходимо основательно ознакомиться при решении занимающего нас вопроса, я не встретил, например, сведений об устройстве церковноприходской жизни в православных греческих епархиях в Малой Азии, в Эрзерумском и Трапезундском вилайетах, а равно в патриархатах Антиохии, Иерусалима, Александрии и в других автокефалиях Востока. Очевидно, у авторов этих из следований о приходе не было под руками печатных уставов приходской жизни в помянутых православных Церквях.

Посему, быть может, не представится излишним выслушать голос человека, лично наблюдавшего жизненное применение тех особенностей церковно-приходского строя, на которые теперь постоянно делаются ссылки в печатных трудах и исследованиях о приходе. Мы увидим, что эти особенности иногда создавались в условиях, совершенно непохожих на те, в которых живем и действуем мы, православные пастыри внутренней России. Быть может, явится возможность более трезво отнестись к приходской жизни других православных Церквей, которую, нечего греха таить, у нас склонны слишком идеализировать и которую, даже, а ргіогі рассуждая, конечно, невозможно целиком переносить в нашу русскую действительность, столь разнящуюся от Церквей Востока и в прошлых исторических судьбах, и в настоящем положении церковно-государственной жизни.

Начну с Приамурского края. Инструкция о приходских попечительствах, отличная от общеимперской, действует там с 1859 года. В виду ее малоизвестности, я приведу здесь в существенных чертах ее главные положения. Она начинается глубоко-знаменательными словами: «Для полного обеспечения городских и сельских причтов Приамурского края, чтобы поставить их в независимое положение от прихожан, определить отношение к ним сих последних и доставить духовенству возможность, не озабочиваясь материальными нуждами, стать на высоту

духовных учителей, поставлены следующие главнейшие правила». Весьма примечательны эти слова, предпосланные изложению правил. Из них ясно видно, что инструкция имела в виду главнейшим образом возвышение нравственного авторитета духовенства, давая ему полную независимость в материальном отношении от прихожан, следовательно, имела в виду права духовенства, а не права прихода. Иначе и быть не могло. Приамурье в 1859 году только что присоединено было к России при гр. Муравьеве-Амурском; только за 4 года до Айгунского договора с Китаем (1858 г.) появились первые русские поселения, притом весьма незначительные, на левом берегу Амура. В течение последующих 25 лет поселено было на огромном протяжении 2 000 верст, всего до 20 небольших станиц, образовавших Амурское казачье войско. Конечно, при таких условиях приходилось духовенство выписывать из Сибири и России, привлекать его материальными и иными льготами. О выборном начале духовенства нечего было, и думать, ибо избирать его было не из кого. Устроитель церковной жизни в этом крае преосвященный Иннокентий, впоследствии митрополит Московский, сам был родом из Иркутска, трудился на Камчатке и Алеутских островах, а кафедру в Благовещенск, в центр Приамурья, перенес в 60-х гг. из Якутска. Совершенно такими же пришельцами были и все его сподвижники и все духовенство: все они явились в край со стороны, и если бы не было этого прилива извне, то церковная жизнь на Амуре и теперь бы не устроилась. Довольно сказать, что только ее последние пять лет в одну Благовещенскую епархию, насчитывающую всего 80 приходов, вызвано было 25 священников из внутренней России, а во Владивостокскую – 35 священников. Повторяем, о местных деятелях в 1859 году не могло быть и речи в Приамурье. Вся инструкция о приходской жизни и вызвана, главным образом, потребностью привлечь таких деятелей со стороны. Это видно из подробнейшего рассмотрения ее правил. Но этой инструкции каждому городскому и сельскому причту отводится казной 200 десятин земли, а причту кафедрального собора 1 200 десятин (ст. 1); причтам устраиваются всюду казенные квартиры (ст. 4), отпускается казенное отопление (ст. 7), положено казенное жалование 500 руб. в год священнику и, сверх того отпуск от прихода не менее половины казенного жалованья (ст. 10), причем эта повинность признается обязательной и раскладывается на всех прихожан без различия сословий (ст. 11) (только новоселы на 3 года освобождаются от этой повинности); плата за требы: молебны, панихиды и поднятие икон на дом (ст. 18) – по определенной таксе остается в силе; добровольные же даяния допускаются и за все прочие требы; на прихожан

возлагается обязанность давать священнику подводы, чтобы привозить его в дома для исправления треб (от. 13). Впоследствии на разъезды отпущены были и от казны суммы, от 120 до 300 рублей в год священнику. Прихожане же обязаны доставлять отопление для церквей и часовен. Права прихожан указаны следующие: они могут пользоваться бесплатным совершением обязательных треб и, кроме того, их детей должны обучать священно-церковные служители в устраиваемых при церквях школах (ст. 18–20).

В приходах, согласно инструкции, действуют приходские попечительства, число членов в них не ограничено; избираются они общим собранием прихожан, которое составляется из всех домохозяев прихода, и из прихожан, домами в приходе не владеющих, но имеющих по закону право участвовать в собраниях местного городского или сельского общества, или в собраниях дворянства, а равно из прочих прихожан, – это особенность Амурских попечительств, – коих приходское попечительство признает полезным пригласить к участию в сих собраниях (ст. 29). Об избранных в попечительство доводится до сведения епархиального архиерея (ст. 22). Непременными членами попечительства состоят: священник, церковный староста, а также сельский или станичный начальник. Председателя попечительства избирает общее собрание прихожан; может быть избран на эту должность и священник; председателю присваивается звание попечителя прихода (ст. 23). В его отсутствие всегда исполняет обязанности председателя непременно священник. Попечительству не предоставлено право ни избрание духовенства, ни распоряжение церковными деньгами, но в его распоряжение, на просветительные и благотворительные нужды прихода, отводится от казны 300 десятин земли (ст. 26); сверх того, попечительствам предоставлено законом право возбуждать ходатайства пред казной об отпуске пособий на свои нужды. Вообще, по словам инструкции, приходские попечительства, составляя общественные учреждения, пользуются покровительством духовного и гражданского начальств (ст. 28). По окончании года попечительство дает отчет в израсходованных сумм и заведывании имуществами общему собранию прихожан, от которого зависит определение порядка отчетности и поверка ее (избрание уполномоченных для проверки 8 до 15 человек – ст. 33). Всем лицам, имеющим право присутствовать в общем собрании прихожан, должен быть составлен и содержим в исправности приходским попечительством особый список. Первоначально до образования попечительства список сей составляется священником, при участии 10

почетнейших из прихожан (ст. 30). Обращает на себя внимание последняя, 35-я статья инструкции: «В приходах, в коих учреждение попечительства из нескольких выборных членов оказалось бы неприменимым к делу, обязанности попечительства могут быть возлагаемы, с утверждения преосвященного, на одно лицо, пользующееся особым уважением в приходе, с предоставлением ему соответственных тому прав и звания приходского попечителя; таковое уполномоченное лицо, соображая свои действия с изложенными в инструкции правилами, входит во всех необходимых случаях в предварительное соглашение с настоятелем местной церкви».

Вот в главных чертах устройство приходской жизни в Приамурье, как оно предполагается по инструкции. Как же оно определилось на практике? Совершенно безошибочно скажу, что в обеих епархиях, в Благовещенской и Владивостокской, приходские попечительства, попечители, приходские собрания существуют только на бумаге и совершенно не привились к жизни. Причин для этого много. Обеспечение причтов жалованьем и землей взяла и исполнила казна; денежное пособие от прихожан взимается наряду с другими сборами администрацией; обязанность священно-церковнослужителей заниматься в церковных школах с детьми прихожан до 1884 года была фикцией, ибо при огромных разъездах по деревням, особенно когда, по местному выражению, нужно «постить» прихожан в св. Четыредесятницу, никаких правильных занятий в школах быть не могло; с 1884 года введены были правила церковно-приходских школ, и школы в Приамурье получили общерусскую организацию и содержатся большей частью на средства казны. Остается спросить: что же было делать приамурским приходским попечительствам? Можно, конечно, найти много дела, но при наличии средств, а их-то и не было. Те 300 десятин, что отводились попечительствам, давали доселе ничтожные доходы, а большей частью пустовали, при малонаселенности края и при обилии отведенной для крестьян земли. Ничтожные доходы от земли шли на церкви и Часовни, которые приходилось строить по деревням, и частью на воспособление церковным школам.

Только в самое последнее время усилился прилив Переселенцев в Уссурийский край; особенно много их будет после русско-японской войны; землеустроительными партиями отмежеваны участки по р. Амуру, Зее и Уссури уже теперь на 120 000 человек; вообще же ежедневный прилив переселенцев в Сибирь за последние 5 лет выразился в устойчивой цифре 250 000 человек ежегодно. При сохранении такого прилива переселенческой волны, несомненно, здесь усилится и оживится жизнь;

поднимется земледелие и промышленность в этих богатых и хлебобородных местах; вздорожает земля. Появится и появилось уже довольно новых приходов, но вся беда в том, что им уже не дается тех льгот и отпусков, которые обозначены в инструкции 1859 года: нет земли попечительствам, нет разъездных денег духовенству, не находится земли и причтам... Таким образом, только в старых приходах Приамурья возможно в будущем ожидать оживления приходской жизни в попечительствах, которые, владея 300 десятинами земли, будут иметь у себя материальные средства. Остальные приходы, недавно возникшие и имеющие впредь возникнуть, будут поставлены в условия, при которых попечительствам приходским, приходским собраниям и попечителям будет слишком мало простора для деятельности. Надобно иметь в виду, что, при малочисленности приходов, церкви в Благовещенской епархии обложены непомерными взносами: довольно сказать, что 80 приходов епархии выстроили епархиальное женское училище в 150 000 руб. и ежегодно тратят на него до 30–40 тысяч рублей. Это ведь в среднем на каждую церковь по 500 рублей ежегодно, да тысяч до двух единовременно. Только непомерно высокой продажей церковных свечей – 160 рублей пуд – можно пополнять церковные средства. Что же будет, если теперь приходские собрания запротестуют против такой продажи свечей и такого высокого обложения церквей на нужды женского училища, которые и церковными-то интересами оправдать можно только с большими натяжками?

Из сказанного ясно, что в устройении приходской жизни в России поучиться от устава приамурских попечительств едва ли можно. Конечно, если бы при новом аграрном проекте, который ныне разрабатывается правительством, был проведен закон о наделении каждого причта в городах и селениях 200 десятинами земли и каждого попечительства приходского – 300 десятинами, то, несомненно, закон этот был бы благодетельнейшим для Церкви. Тогда, при условиях настоящей русской жизни, попечительства или приходские советы, действительно, имели бы постоянный фонд, коим и распоряжались бы сами, а церковные деньги в той части, как это делалось доньше, могли идти, без протестов со стороны прихода на воспитание детей духовенства, в качестве особой льготы ему за труды служения, и на нужды специально пастырских школ, в какую бы форму они ни вылились после ожидаемого их преобразования.

Греческие приходы в Закавказье возникли сравнительно очень недавно. Только часть их, именно – приходы, расположенные по реке Цалке, Тифлисской губернии, насчитывают лет 60 своего существования в России; прочие, как в Карсской области, так и по побережью Черного

моря, возникли вслед за последней русско-турецкою войной. Большинство греков переселилось в Россию из Эрзерумского и Трапезундского вилайетов и только самая незначительная часть их, именно в Батуме, являются выходцами из Константинополя. Таким образом, еще и доселе живо и действует в греческих селениях поколение, выросшее в Турции и, конечно, поддерживающее в приходской жизни те порядки, которые возникли и утвердились в малоазийских греческих приходах. Все в этих порядках говорит об условиях жизни православных именно в Турции, в государстве, в котором православные греки не только не имели внешней поддержки в лице правительственной власти, но, напротив, всегда видели в ней открытого или скрытого врага, от которого нужно было всячески отстаивать устои своего национального и религиозного бытия. Нужно сказать, что национальное начало в приходской жизни турецких греков преобладало над религиозным, а религиозное начало было крепко хранимо именно потому, что служило символом, знаменем и надежным средством укрепления и сохранения национального самосознания. Своеобразный строй приходской жизни давал грекам в Турции сплоченность, отсюда и видимую жизнедеятельность прихода. Но душой этого строя, повторяю, были не религиозные стремления, а больше национальные интересы и национальное самосохранение. Говорю это с полным убеждением. То же должен я сказать и об армянах, живущих в Турции и Персии. Под этим углом зрения нужно рассматривать и все порядки приходской жизни греков в Турции. Отделились они от Турции, создали свое Афинское королевство, – и приходская жизнь у них там ослабела, как об этом свидетельствуют все исследователи: ибо национальная целостность уже не подвергается в своем национальном государстве прежней опасности. Переселившись в Россию, греки тоже увидели, естественно, что им приходится, так сказать, ломиться в открытую дверь, ибо никакой опасности для веры не было; власть правительственная не только не препятствовала православию, напротив, поддерживала его и даже именно ради православия и только за православие позволила грекам переселиться в Россию, дала казенное содержание священникам, дала казенные пособия школам. Основы прежнего приходского строя стали постепенно ослабевать при отсутствии борьбы с врагом. Весь запас привычной энергии ушел в борьбу из-за греческого языка в школах церковных и министерских, и греческие приходские школьные эфории, или попечительства, потратили в этом отношении много сил в борьбе с представителями русской администрации.

Обратимся, однако, к устройству прихода среди турецких

малоазийских греков, насколько об этом можно судить по их представителям в Закавказье. Приходские собрания там всегда бывали; они избирали приходских священников; они управляли и приходом при посредстве особо избранных-попечителей, епитропов, и школами при посредстве особых эфоров. Строй приходской жизни был, действительно, крепок в смысле единения прихожан, как греков среди враждебно настроенных турок. Но чтобы этот порядок сказывался на положении пастырства, в смысле крепкого влияния его на приход, этого совсем нельзя сказать. В священники избирались люди совершенно необразованные, едва умеющие читать; священников к одной церкви, вследствие борьбы партий в каждом приходе, избиралось и назначалось много; создалось «бродячее» духовенство, за плату совершающее требы, кому угодно; сила влияния при выборе духовенства перешла давно в руки богатых мирян, торговцев и кулаков. Приговор об избрании того или другого односельца в священники, когда греки жили в Турции, давался легко; избранный представлял архиерею деньгами около 5 рублей, подарки, в роде табаку и шерстяных чулок особого греческого приготовления, – и рукоположение его было обеспечено, хотя бы раньше к той же церкви и тот же архиерей уже посвятил нескольких священников. В Россию греки переселялись целыми селениями, и вот в селении, в котором насчитывалось до 50 дворов, оказывалось 12, 14, 16 священников. Все они были простые крестьяне, жившие крестьянской работой; многие из них были протоиереями, многие имели и имеют палицы. На мой вопрос, как они получали эти награды, следовал простодушный ответ: пять рублей... Священники были всецело в подчинении у прихожан, и особенно у епитропов; даже к школьному делу они не стояли близко, а чаще не имели никакого отношения; этим заведовали эфоры, которые и приглашали дидасков, нанимая их подешевле, и содержали их, и увольняли от должностей. Нужно заметить, что школы у греков всегда полны, народ дорожит ими.

По переселения в Россию условия сразу переменились. 1896 году, с назначением из русской казны жалованья священникам в греческих приходах, назначены были и штаты духовенства. Много священников осталось не удел. Некоторые из них зачислены были штатными псаломщиками, а большинство совершенно покорно подчинились своей участи; священники, выражаясь нашим языком, вышли за штат; они обратились в обыкновенных поселян-хлебопашцев; никаких протестов и жалоб они не заявили. Прекратилось и избирательное начало духовенства, хотя и доселе греки постоянно при освобождении того или другого

священнического места представлять приходские приговоры об избрании нового его заместителя. Я решительно не помню из многих случаев ни одного, чтоб избрание указывало именно достойнейшего; среди односельцев избирался не лучший, не излюбленный, как это предполагается выборным началом, а тот, кто имел партию богатых и влиятельных родственников и был угодлив перед попечителями прихода. Да приход и не знал ничего об избрании, хотя и представлялся обычно приходской приговор, ибо приговор у греков составить ничего не значит. Бывало не раз, что в один и тот же день и по одному и тому же предмету составлялись два совершенно противоположные приговора, подписанные одними и теми же лицами; много значит то, что приговоры часто подписываются не всеми прихожанами, а только «доверенными», а таковыми и состоят приходские попечители. Я сам лично читал приговор такого содержания: «Сим обязуемся все подтверждать под присягою, что бы ни заявляли и ни показывали от нашего имени односельцы наши, попечители прихода такие-то (имя рек)». При таком порядке, конечно, весь вопрос избрания кандидата в священство зависел от попечителей. Избрания никогда не удостаивались получившие семинарское образование, а таковых теперь среди греков уже достаточно; обыкновенно же избирают не знающего по-русски, малообразованного, уступчивого, молчаливого односельца, у которого чем меньше характера и силы влияния, тем больше и шансов для избрания в священники. Такие приговоры в России чаще всего оставались без последствий, и священнические места замещались лицами по избранию епархиальной власти. Нередко были неприятности таким назначенным священникам, но только от попечителей. Приход же собственно всегда принимал их охотно и с доверием. Но когда представлялась к тому малейшая возможность, попечители достигали своей цели, не пренебрегая средствами, для того, чтобы назначен был в приход непременно избранный ими. Припоминаю такой характерный случай. В известном местечке Б. проживают несколько десятков семейств пришлых греков. Закрылся здесь, по интригам грузин, русский причт; церковь, выстроенная на пожертвования русских посетителей этого местечка (курорт), была приписана к местной грузинской. Греки успели заручиться ходатайством и поддержкой сильных и влиятельных лиц и добились того, что отобранная у русских церковь была передана грекам; мало того, к греческому приходу было дано Св. Синодом казенное жалованье. Епархиальной властью назначен был в церкви священник-грек, уже послуживший, студент семинарии, с отличной стороны известный самим грекам. Его, однако, не приняли.

Быстро сформированы были и попечительство, и приходской приговор; избранником оказался необразованный псаломщик из дальней деревни Карсской области, к тому же глухой и неспособный ни к проповеди, ни к преподаванию Закона Божия. Епархиальная власть отказала в посвящении избранного; тогда пущены были в ход те же сильные влияния, о которых упомянуто выше; появились письма высокопоставленных особ, и под давлением жалоб, криков, ни сем и проч. епархиальной власти пришлось уступить. Конечно, высокопоставленные лица были вполне уверены, что они отстаивают принцип избрания и необходимость иметь в приходе душе-пастырем излюбленного человека. А разгадка была проста: в числе местных греков самыми влиятельными и богатыми оказались родственники избранного. Им нужно было выгодно пристроить своего человека, прихожане же, оказалось, совсем и не знали избираемого пастыря... После на мой вопрос к некоторым из избирателей, как же они могли предпочесть образованному и достойному К. – у невежественного и глухого Д. – а, мне откровенно объяснили: подписывали из угождения его родственникам, в тайной надежде, что из этого ничего не выйдет и епархиальная властьстоит на своем.

Из сказанного, конечно, ясно, что пастырского влияния избранники-иереи на прихожан совершенно не имеют: они – простые требоисправители, послушные орудия их избравших. Оттого в среде греков, выходцев из Турции, под мусульманским влиянием укоренилось множество диких обычаев, совершенно нетерпимых в христианском обществе; эти обычаи духовенство терпит, не смея из страха пред приходом поднять пастырский голос. Так, по мнению греков Карсской области, для девушки и молодой женщины составляет верх неприличия – зайти в церковь. Только старухи обыкновенно робко стоят у западной церковной стены во время богослужения. По греческим обычаям, как об этом упоминалось, отец и сыновья сидят и обедают, мать им служит, но не смеет принять участия в трапезе; нет обычая, чтобы дети называли мать мамой, зовут ее просто: Мария, Пелагия. Бывает и так, что отец для потехи приказывает сыну в своем присутствии выругать мать скверными словами. Когда экзарх Грузии проезжал по приходам греческим, то поручал священникам по поводу сих нестроений при нем говорить народу поучения: священники отказывались из страха пред прихожанами. Сопровождавший экзарха благочинный-грек везде говорил такие поучения; он после того получил множество ругательных и угрожающих писем, обвиняющих его в измене греческой народности и в предательстве.

Сами греческие священники крайне тяготятся своим положением в

приходе и откровенно высказываются за способ назначения духовенства, а не избрания приходом; такое избрание решительно везде является фикцией.

Скажу теперь об участии попечительств в распоряжении церковными суммами. В Турции, в греческих малоазийских приходах духовенство большей частью совершенно устранено от участия в заведывании церковным хозяйством. Нередки случаи ктиторства одного лица на правах вечной аренды доходов церкви или часовни, если таковые построены этим лицом, как это бывало в древнерусской жизни, да и доселе встречается у старообрядцев на севере России. Большой же частью всем распоряжаются попечители. Нужно отдать им справедливость, что они поддерживают и храмы, но особенно много они отдавали в Турции на религиозные национальные учреждения. Таков Сумелинский монастырь около Трапезунда – оплот греческой народности в Малой Азии, таковы и другие монастыри, училища, благотворительные учреждения, особенно же гонимые и пострадавшие за греческую идею лица. Нет сомнения, что здесь представляется широкое поле для хищений, которые вошли прямо в обычай. В монастырях этого и не скрывают. Греческие архимандриты, управляющие Закавказье землями, приклоненными патриархам Иерусалимскому и Антиохийскому и Синайской горе, обычно посылают своей митрополии едва ли и одну четвертую часть действительных доходов. Это делается открыто. Для кормления и посылаются сюда разные племянники и близкие родственники патриархов. Немало хищений и из церковно-приходских сумм, особенно если принять во внимание, что попечителями, только в виде исключения, бывают действительно лучшие люди прихода, о чем будет сказано ниже.

По переселению в Россию эти порядки изменились, но ввести русские порядки относительно расходования церковных сумм стоило, и стоит большого труда и большой борьбы. Новостью была для греков-переселенцев наша церковная отчетность, не нравилась обязанность покупать хорошие свечи на свечном заводе и затем отчитываться в их продаже; непонятны были взносы на учебные заведения. Но тяжелее всего оказалось, что деньгами распоряжаются только причт, прежде безгласный, и церковный староста. Старые священники стояли на стороне старых порядков, частью по сложившейся привычке, частью же из страха перед всесильными епитропами. В сел. В–ев был приговором прихода выделен участок земли-целины для нужд церкви и школы. Земля, сначала бездоходная, скоро поступила в аренду кавалерийской военной части и стала приносить доход до 600 р. в год – сумма порядочная. Приезжает в

село наблюдатель школ и видит, что здание школы требует ремонта. Зная, что имеются деньги с участка, он у школьной эфории, т. е. попечителей школы, просит приходно-расходную книгу. Долго не соглашаются показать. Наконец, священник достает книгу. В ней стоят статьи: на восставших греков – 100 руб.; бедному греческому архимандриту – 60 руб.; другому, тоже бедному архимандриту – 100 руб.; такому-то вице консулу греческому в России для поддержания греков – 100 рублей. Таким образом, все суммы были израсходованы. Сколько из-за этого пришлось вынести борьбы! Священник оказался сторонником незаконной траты денег; переведенный в другой приход за систематическое противление духовной и светской власти, он туда не поехал, в селении же к новоназначенному выдающемуся по умственным и нравственным качествам священнику под влиянием многочисленной родни переведенного старого священника половина прихожан не стала обращаться ни за какими требами; хоронили не отпевая, не крестили по году и по два младенцев; хоронили некрещеными; старый священник тайно в доме совершал литургии и таинства. За организованное со своими многочисленными родными и единомышленниками форменное вооруженное восстание против власти он, по распоряжению светской власти, был выслан из селения. Полетели прошения, жалобы, приговоры, дошло до Синода и даже Государя Императора.

Вот другой случай. Помня старый турецкий обычай, грек из одного прихода просил, чтоб ему отдана была часовня во имя св. Георгия, выстроенная кем-то из его родственников. Часовня была очень доходная по продаже свечей, и грек проситель все эти доходы считал по праву ему принадлежащими. Причт в разговорах с благочинным стоял против претензий просителя, но очень просил уволить его от всяких показаний и мнений по этому вопросу из боязни вражды со стороны многочисленной родни претендента на владение часовней и закупленных им других сторонников-односельцев. Конечно, епархиальная власть и раз и два отказала в удовлетворении незаконной, с точки зрения русских церковных порядков, просьбы. Тогда грек подает новое прошение, в котором пишет, что ему во сне явился святой Георгий и приказал непременно взять в управление просимую часовню. А в доказательство истины слов он прилагает приговор общеприходского собрания, коим прихожане удостоверяют за подписями, что действительно, мол, односельцу нашему такому-то (имя рек) во сне являлся св. Георгий и повелел ему то и то...

Да не подумает достопочтенное собрание, что я рассказываю анекдот и шутки ради. Содержание этого приговора в одной из статей моих я

опубликовал в печати; возражение на него не последовало. Такова может быть цена общеприходских приговоров.

Речь о греческих приходах будет неполной, если я не коснусь кратко вопроса о том, действительно ли в число членов попечительств приходских попадают исключительно уважаемые, благочестивые и преданные Церкви лица. По совести скажу, что этого нет. В Турции попадали те, которые отличались национальным самосознанием, читали греческие газеты, следили за греческим движением. В России по старой привычке сидят в попечительствах приходских тоже большей частью греки националисты. Я знаю многих из них, которые буквально десятками лет не говели и не бывали в церкви; знаю одного адвоката, который и в Бога-то не верить, тем не менее, он – главарь церковно-приходского попечительства. Если сошел в могилу один националист-грек, член попечительства, его заменяет или такой же его преемник, или купец-кулак. И причт, и прихожане тяготеют к нему, тем не менее, он избирается ими, точнее сказать, сам себя избирает епитропом и сидит бессменно на месте. Как это так случается, это – тайна избирательной процедуры, всегда известная для тех, кто в ней заинтересован... Сутяжничество – вторая натура грека. И вот, вы видите этих «попечителей» в роли «доверенных» своего общества во всех судах Закавказья. Это большей частью самые неприятные и самые нечистоплотные в приемах своих лица, с ними вечно всякие приговоры, жалобы, протесты, прошения, домогательства; за ними вечно ложные показания и ложная присяга. Станет такой попечитель ходить по церковным делам, ему ничего не стоит, если нужным и полезным окажется, подписаться где угодно (ерсі); и т. д. Такие случаи встречаются очень нередко.

Все-таки нужно сказать, что попечительства в греческих приходах в России, с устранением борьбы за греческую национальность и веру, имевшей место в Турции, и с устранением в России права избрания священников и распоряжение церковными деньгами, постепенно слабеют и мельчают. Новое поколение, народившееся в России и привыкшее к русским порядкам, не испытывавшее порядков приходской жизни в Турции, уже не может так настойчиво добиваться участия в приходской жизни и в приходском попечительстве. Худо это или хорошо, лучше ли будет, если возвратят теперь греческим приходам прежние права избрания духовенства и распоряжение церковными доходами, я не стану говорить. Мое дело только констатировать вышеприведенные факты, которые я изложил, как беспристрастный наблюдатель. Не могу, однако, не остановиться на одной мысли: уничтожение права избрания духовенства и

распоряжения церковными деньгами, как мы видели, привело к понижению и ослаблению деятельности попечительств. Итак, если созидать приходские собрания, советы в русской приходской жизни с целью ее оживления участием мирян, то надо доводить дело до конца, т. е. дать им и право избрания пастырей, и право распоряжения церковными доходами. Без этого, вперед можно сказать, приходские советы будут мертворожденным детищем, и их постигнет та же участь мертвенности, которая стала уделом приходских попечительств. Но попечительствам, по положению 2 августа 1864 года, прямо не позволено было касаться денежных дел церкви. Относительно же церковно-приходских советов мы видим иное: в синодальном определении от 18 ноября 1905 г. в п. 4 замечено, что члены церковно-приходских советов могут быть приглашаемы к участию в заведывании и церковным хозяйством. Один из высших светских сановников при Св. Синоде, искренно и горячо занятый вопросом о восстановлении прихода, в ответ на недоумение мое по поводу сего пункта, заметил: «здесь, по-видимому, мало сказано, но много дано». Признаюсь, я и теперь остаюсь при прежнем недоумении: члены церковно-приходского совета могут быть приглашаемы к участию в заведывании церковным хозяйством, но могут быть, конечно, и не приглашаемы? Кто же их приглашает? Причт и староста? Но вдруг они переменились, и привлекаемые в настоящем году члены совета в будущем году уже не будут привлекаться? Кого, далее, привлекать: всех ли членов совета *in concreto*, или и из них можно и должно делать выбор? В чем выразится заведывание их церковным хозяйством, если церковными доходами уже распорядился и впредь распорядится епархиальный съезд духовенства, консистория, епископ?

Все это – ряд вопросов недоуменных, как недоуненным является и вопрос: как это священник достигнет того, чтобы в члены совета привлечь непременно людей верующих, благочестивых и проч. Раз здесь избрание прихода, причем же тут священник? Конечно, только идеализируя действительность, можно уверять себя и других, что в члены приходских советов сами не пойдут люди не церковные. Нет, если там будут деньги, власть и влияние, то отлично пойдут. Ведь защищали же свободу православной Церкви и плакали об ее рабстве и параличе газеты заведомо атеистические и анархические, те самые, которые теперь, при обсуждении вопроса аграрного, прежде всего, готовы забрать у приходов и попечительств и церковные деньги, и церковные земли, отлично понимая, что, лишив церковь и лишая ее впредь, по мере накопления, всяких материальных средств, они приведут ее к полному бессилию. Где люди,

там страсти...

Итак, или дать надо церковно-приходским советам и собраниям всю полноту самоопределения, или же, реформируя старый строй и вводя церковно-приходские советы, не давая им ни права избрания духовенства, ни права распоряжения церковными средствами, надо спросить себя: что же мы даем нового вместо прежних попечительств, кроме имени, а давая новое, надо помнить: семь раз примерь, а раз отрежь. Издали, в теоретических построениях могут казаться необыкновенно красивыми и привлекательными формы приходской жизни в некоторых церквах Востока. Но ведь условия жизни и истории не везде одинаковы. Пересаживать целиком порядки Константинопольской архиепископии в Россию совершенно невозможно уже потому, что там патриарх есть в то же время и этнарх (мы видим это и у патриархов в Македонии), правительство иноверное и иноплеменное, а сами греки, несомненно, и в культурном, и в экономическом отношениях стоят значительно выше своих повелителей – турок.

Рядом с Константинопольской архиепископией – Афинское королевство. Мне припоминается статья г. Соловьева в «Русском Обзрении», напечатанные лет 13–14 назад, посвященная описанию состояния православной Церкви в Греческом королевстве. Те же греки, но какая разница в порядках церковной жизни! Половина архиерейских кафедр незанята; из богословского факультета при университете не вышло ни одного священника; на этом факультете числятся бедняки, ради получения церковных стипендий, но слушающие лекции на других факультетах; из семинарии бр. Ризариев число священников прямо ничтожно; огромная часть священников – невежды, и жизнь их жалкая.

Обычное явление: священник, чтобы снискать себе пропитание, держит кабачек; здесь он подает шары у бильярда для играющих, а жена его разносит закуски и напитки гостям. Правда, в последнее время приняты меры к поднятию умственного и нравственного уровня духовенства, но приходская жизнь здесь пала, приходы как бы уничтожены. Прихожане и не знают часто, кто у них пастырь, о деятельности епитропов не слышно; избирает священников городское или сельское окружное управление, которое посылает его к церкви, как и церковного сторожа, и деньги на содержание и проч. Так сказывается разница условий жизни.

Еще больше мы увидим эту разницу при рассмотрении сирохалдейских приходов в Персии. И сирохалдеи жили и живут среди мусульман и угнетателей. И у них в идее мыслилось всегда право избрания

приходских пастырей. Но какие ничтожные результаты сравнительно с греками в Турции! Жалкие храмы, без окон; нет ни икон, ни утвари, никакого бы то ни было имущества. Можно сказать безошибочно, что несториане-сиро-халдеи до присоединения к православию совершенно не имели даже понятия о церковных средствах и доходах. Нужно удивляться, как выстроены, были в былое время хоть и те жалкие храмы, что существуют ныне. Правда, мы наблюдали несториан в момент самого глубокого падения их религиозной жизни, когда епископы давно изменили вере отцов и бродили большей частью за границей, питаясь на даяния за проданную веру, священники-каши переходили от католичества в англиканство, потом в пресвитерианство, в православие и продавались тем миссионерам, которые давали больше денег. Я знаю случай, что из путешествовавших в Россию и Румынию для сборов подаваний (обычное занятие сиро-халдейского духовенства) некоторые священники дважды принимали православие в России. Но это-то глубокое падение религиозно-нравственное и показывает, что приходской строй с выборным началом, оказавшимся столь благодетельным для греков в Турции, однако, не спас древнехристианскую общину несториан от разложения. Значит, дело не в одних формах жизни... Между тем, сиро-халдеи в Персии, так же, как и греки в Турции, культурно стоят выше окружающей среды своих поработителей; у сиро-халдеев, как у греков, есть воспоминания, правда, более отдаленные, о цветущем состоянии их церкви в Сирии, в Месопотамии, успех в Китае, в Средней Азии, есть воспоминания и о знаменитых отцах и учителях; есть своя литература – такие отцы, как Ефрем и Исван Сирийский; есть обширнейшая, мало исследованная, но высокоценная богослужебная литература; есть, наконец, и видимое средоточие церковной жизни – разумею патриарха в Коджанисе (мар-Шимуна), 1–2 митрополии, епископат. Одного недоставало сиро-халдеям сравнительно с греками: живого глубокого национального чувства. Может быть, это и привело к крушению их и религиозный строй жизни. А крушение было великое. Вот в кратких чертах тот порядок церковно-приходского уклада, или, точнее сказать, распада, который застала русская духовная миссия среди несториан в Персии. В каждом селении, при 40–50 дворах, бывало 5, 6 кашей, т. е. священников. Обыкновенно, желающий получить посвящение (большей частью для того, чтоб отправиться в Россию и, пользуясь саном иерея, больше выпрашивать милостыни) обращается к односельцам с просьбой подписать бумагу о том, что они желают и согласны иметь его кашей. Просьбы, мелкие подарки решают все дело и слово «кабулевах» – согласие дано. Остается дать епископу 2–3

тумана, т. е. 4–5 рублей, и все готово, в рукоположении нет задержки. Но епископ может воспротивиться посвящению, например, в том случае, если каши, уже ранее посвященные для селения, упрелят и ущедрят его, или если это посвящение нарушает интересы родственников епископа – кашей того селения. И здесь выход есть. На протяжении страны в 60 верст в длину и 40–50 верст в ширину имелся и матран (митрополит), и 4–5 абун (епископов), частью имевших епархии, а то и безместных. У каждого из них легко можно купить рукоположение, тем больше, что это делается скоро: абун и без служения курбаны (литургии) совершит рукоположение. Принцип избрания духовенства, однако, держался в народе твердо, я в случаях, если епископ сам, без избрания народа, посвящал какого-либо кашу, то селение иногда и отказывалось принимать посвященного.

При множестве священников, посвященных к одной церкви, конечно, в служении не было никакого порядка, которого не могла дать и епископская власть, ибо авторитет ее пал до крайности, да и сами епископы были собственно виновниками таких беспорядков. Священник, конечно, не имел никакого влияния «мариту» – приход, хотя ришиту – приходский сбор в пользу священников, установленный веками, – духовенство поддерживало. Ришита полагалась и епископу. Как уж ее делили между собой многочисленные духовные лица, трудно представить и изобразить: одно нужно сказать, – что на этой почве шли бесконечные между ними распри, тяжбы, ссоры и счелы, окончательно ронявшие и епископа, священников в глазах народа.

Кроме кашей, существовали среди несториан и шемаши–диаконы. Это было просто почетное звание; епископ ставил их сколько ему угодно за 2–3 рубля. Шемашу можно найти чуть ли не в каждом сиро-халдейском семействе, они даже не участвуют в богослужении. Если это человек богатый и властолюбивый, то такой шемаша держит в повиновении и кашей, и даже самих абун, конечно, благодаря подкупам, на которые так падка персидская администрация, и благодаря влиянию в среде единоплеменников, всецело находящихся в кабале у капиталистов. Приходских попечительств не было в среде несториан никаких, церковный староста – савра – большая редкость. Мне известен случай, что в одном селении это звание передавалось по наследству и едва ли не связано было с правом вечной аренды построенной на средства этой семьи церкви. В большинстве же случаев церковь заведывает каша, хотя трудно сказать, чем в ней заведовать, разве только стенами, ибо каждый каша все принадлежности богослужения обыкновенно носил с собой и имел их, как

собственность. Интересы к церкви и приходу у несториан не было никакого. Из 5–6 кашей нередко сельчане не обращались ни к одному. Интересны отношения кашей к вопросу о религии. В Карсской области уцелело в пределах России одно селение, сохранившее несторианство, из сиро-халдеев – выходцев из Турции, Около 40 дворов приняли православие, для них устроили церковную школу, дали священника. До 100 дворов оставались в несторианстве. Отслуживши в один из послепасхальных воскресных дней службу в этом селении, я с крестным ходом обошел вокруг него и затем на многолюдном сходе убеждал народ присоединиться к православию. Несколько семейств изъявили согласие; прочие все заявили, что примут православие, если им дадут землю. Но интереснее всего поступили каша. Старый каша заявил, что ему нечего сообразоваться с желаниями прихода, он оставил теперь службу и с семьей готов принять православие, но каша молодой, действующий, прямо заявил, что как решит приход, так поступит и он, и если его прихожане примут православие, то и он охотно примет. Таким образом, не пастырь в деле веры действует на паству, а наоборот, – паства на пастыря. Так случилось и в Персии. Когда несколько десятков тысяч несториан решили присоединиться к православию, за ними пошли и все решительно каша. Это было в 1898 году. Я был в Персии через три года после того, когда там работала русская миссия. К этому времени уже сказывались последствия новых порядков. Усилен авторитет местного епископа, введение определенного порядка при назначении кашей, утверждение одного из них, как приходского, введение правильного порядка богослужения, уничтожение партийности в среде прихожан, естественной при прежних порядках выбора и при наличии 5–6 священников, – все это сразу сказалось повышением интереса прихожан к церкви, духовенству и приходскому делу. Из 42 существовавших тогда православных приходов в трех уже устраивались или исправлялись храмы на местные средства, явились небольшие пожертвования на утварь в храмах, появилось и собственное церковное небольшое хозяйство.

Еще разительнее оживление приходской жизни у сиро-халдеев, принявших православие 70 лет назад и переселившихся из Персии в Эриванскую губернию, в Россию. Здесь теперь до 10 правильных сиро-халдейских приходов. Долго не было среди них подходящих священников из сиро-халдеев, а назначавшиеся сюда священники-грузины, не знавшие языка, а главное – не имеющие совсем ни понятий, ни стремлений к устройению жизни прихода и ограничивавшиеся, как и в Грузии, только формальным требоисправлением, мало вносили доброго в устройство

религиозного быта новообращенных. За последние 15 лет появились священники русского воспитания, родом из сиро-халдеев, и жизнь приходская заметно изменилась к лучшему. Церкви содержатся исправно; раздаётся проповедь, православные обычаи прививаются прочно; есть церковные доходы; есть доказательства участие прихожан к церкви и школе. Уже были случаи довольно крупных пожертвований со стороны сиро-халдеев на построение и содержание церквей и школ, чего прежде никогда не было слышано. Таким образом, здесь введение русских порядков церковно-приходской жизни, при отсутствии выборного начала духовенства, сказалось самыми ощутительными добрыми последствиями.

Из сказанного мною, мне кажется, ясно, что формы жизни как в государстве, обществе, так равно и в приходе сами по себе не имеют самодовлеющего и всеисцеляющего значения. Они – в зависимости от совокупности всех условий, в которых жила и живет та или другая община человеческая. Мы видели и видим как одно и то же начало, применяемое к приходской жизни в различных местах и у различных народов, приносит столь различные последствия. Недаром и вопросы, которые теперь волнуют наше пастырство в различных православных церквях, решаются неодинаково: достаточно сказать, что и избрание приходского духовенства в Сербии и Румынии принадлежит епархиальной власти, как и в России, а у тех же сербов и румын в пределах Австрии принадлежит приходу, открытой подачей голосов под руководством протопресвитера, т. е. нашего благочинного. В Болгарии члены причта избираются причтом же и приходским попечительством закрытою подачею голосов и проч. Видим, однако, что такое устройство прихода не спасло Болгарию от широкой и успешной пропаганды католицизма, а ее интеллигенцию – от атеистических увлечений, в которых она не уступит и русской.

Несомненно, и в России в деле оживления и улучшения приходского строя нужно поискать не зарубежных образцов, а указаний русской же жизни, считаясь не с одним только прошлым, которого нельзя реставрировать во всех подробностях при изменившихся условиях жизни, но и с настоящим. Мало доброго выйдет, если русские архиереи вынуждены будут повторять слова жалобы Псковского митрополита Маркелла царям Иоанну и Петру Алексеевичам, «что в Пскове и его пригородах с уездами архиереи над церквами воли не имеют, а по древнему обычаю владеют церквами мужики, и вотчинами церковными корыстуются сами мужики и многая церковная казна пропадает за ними от давних лет». Худо будет, если, подобно древним новгородцам, станут из городов изгонять «владык» без всякого суда и без ведома высшей духовной

власти. Худо будет, если будут сельчане избирать и прогонять попов по своему произволу, нанимая других за меньшую плату, как это было на Руси в XVI веке. Мы видели мало доброго в смысле пастырского авторитета и влияния на приход и в положении иереев у греков и в других церквях Востока.

Требования настоящего времени в русской церковной жизни ясны: необходимо возможно широкое оживление приходской жизни при активном участии в ней мирян, искренно преданных Церкви; но необходимо при этом, чтобы церковная община не обращалась из вспомогательной для церковной администрации в начальственную и управительную; необходимо сохранить твердость власти епископской, во избежание анархии церковной жизни; сохранить и возвысить силу влияния на приход и авторитет приходского пастырства; его свободу в исполнении им своего долга ради Господа, ради высоких задач Церкви, а не по видам человекоугодничества; необходимо привлечение в ряды пастырства людей высоко-религиозных, строго-церковного направления, высокообразованных и способных отдаться с энергией и умело приходской работе в области религиозно-нравственной, просветительной и благотворительной; необходимо обеспечение потребностей Церкви в образованных пастырях содержанием и надлежащей постановкой пастырских школ. Дело весьма серьезное: увлечение, идеализация чуждых форм чуждой жизни и излишняя прямолинейность здесь особенно опасны. Можно, ради теоретической красоты того или иного положения, ввести такие изменения в строй приходской жизни, которые приведут нас не к оживлению ее, а к потере и того какого ни насть прихода, который мы уже имеем.

Памяти И. А. Грекова, мученика за русское дело на Кавказе

27 мая 1906 года в гор. Кутаисе был зверски убит тремя злодеями-грузинами смотритель Кутаисского духовного училища Ипполит Алексеевич Греков.

Покойный в этот день был в церкви; при выходе из нее после богослужения, в присутствии архиерея, преподавателей и учеников училища, злодеи произвели в него три выстрела из револьвера и, конечно, благополучно скрылись в «благодатной» стране Кавказской... Смертельно раненый Ипполит Алексеевич на другой день скончался.

Как живой, стоит предо мною образ этого честного и умного человека, неутомимого работника на своей скромной ниве. Кого он мог раздражить? Чем заслужил такую казнь? Кому он мешал? Кому была нужна его смерть и зачем, почему пролилась его кровь?!

Он погиб за то, что совершил тяжкое в глазах грузин-революционеров преступление: он родился русским, служил России, и не только формально служил, но и предан был ей всеми силами своей благородной души. Он погиб жертвой «освободительного» движения и кавказской безумно-кровавой революции. И найдет ли будущая история достойное слово осуждения этому преступному движению, которое унесло столько жизней честных людей, обездолило столько вдов и сирот, умножило мученические могилы, совершило столько ненужных и диких жестокостей, отрешилось от всего, что называется долгом, честью и благородством загрязнило все и всех клеветой, ложью, злобой, – и все как бы в насмешку, прикрыло громкими словами свободы, равенства даже любви и справедливости!

Покойный происходил родом из Харьковской губернии, учился в Московской Духовой Академии и сразу же, по окончании курса, поступил на службу по духовным учебным заведениям, сначала в Тифлисе, потом, в самый последний год жизни, в Кутаисе. Занимал скромные должности учителя, делопроизводителя Училищного Совета и только в последний год – административную должность смотрителя училища; отличаясь сдержанностью слова, мягкостью характера, добродушием и благожелательностью, он решительно не мог иметь личных врагов даже в среде грузин-туземцев. Решительно никто, никто не посмеет опровергнуть сказанного, никто не посмеет обвинить покойного в резкости, несправедливости, властолюбии и вообще в способности кого-либо

раздражать.

Но это был не только русский человек, но и убежденный русский человек. Это все знали, и этого на Кавказе довольно, чтобы заслужить неудержимую ненависть грузинских сепаратистов. Гнусные убийцы давно подстерегали его. В первый же день его приезда в Кутаис, осенью прошлого года, вечером, к нему, к человеку совершенно новому и неизвестному в городе, ворвались вооруженные грузины и, приставив револьвер к голове его и его жены, женщины слабонервной и больной, едва не умершей от этого ужаса, перерыли все в квартире и забрали ценный вещи. Такова была первая встреча. Началась затем революция в Кутаисе в октябре; у покойного потребовали, чтоб он предоставил во время вооруженного восстания здание духовного училища под квартиру революционного «Красного Креста»... Он мужественно и твердо отверг это требование. Удивительно, как его тогда же не убили! В минувшем мае ночью к нему приходили вооруженные злодеи-туземцы и вызывали его настойчиво на свидание. Он не вышел, но этим только на несколько дней ему удалось отсрочить свою трагическую смерть. Из сказанного можно видеть лишь одно: как беззащитны теперь русские люди на Кавказе. Это горькие, но естественные плоды той дряблой и недостойной системы заискивания власти пред туземцами, которая царит на Кавказе с 1905 года...

Покойный прекрасно знал настроение туземцев и всегда проникал в их затаенные планы, несмотря на обманчивую часто внешность. С пишущим эти строки, он работал вместе по церковно-школьному делу и по делу редакции местного духовного журнала. Как горячо он отстаивал всегда русские интересы! Как чужд был позорной уступчивости, доходящей у многих окавказившихся русских до измены и предательства! Не забыть мне, как глубоко он страдал во время прошлой войны, когда видел наши неудачи и открытую, нагло-торжествующую радость грузин и армян по поводу каждого несчастья, постигавшего русскую армию и флот!

Прости, честный, прямой и убежденный русский деятель на дальней окраине! Мир духу твоему!

Прости доблестный и скромный русский мученик! Твои страдания и смерть да будут благословенны!

Взойдут ли всходы русского дела на ниве, покрытой твоим потом и кровью? Найдутся ли у тебя твердые преемники и последователи?

Или, как обычно стало теперь на Руси, смерть от руки злодеев будет твоей единственной и последней земной наградой за верность долгу и России, а преемники или сами забросают грязью твое имя, в угоду врагам

и, спасая шкуру свою, или будут молчать трусливо при нагло клеветническом осуждении твоей деятельности, будут низко и омерзительно продавать и предавать русские интересы? Все это уже проделали ближайшие преемники главных гражданских и церковных деятелей, ушедших с Кавказа в последние два года. Не удивимся, если даже и в журнале, в котором покойный работал, редакция забудет упомянуть о смерти его.

Но не вечно же торжествовать низости, измене и трусливому предательству. Придет время, воспрянет русское самосознание, снова возобладает государственная мудрость, явятся на Кавказе твердые и честные русские люди, которые будут служить русским государственным задачам. Тогда в числе мучеников и доблестных работников русского дела на Кавказе помянется с благодарностью и скромное имя Ипполита Алексеевича Грекова.

В Боге, в Которого ты с такой горячностью веровал, и к Церкви Христовой, которой беззаветно вверял ты всего себя, свою жизнь и смерть, да будет покой и мир и блаженство твоей иною любимшей и много страдавшей душе!

По поводу убийства М. Я. Герценштейна

Виновники убийства еще остаются не выясненными, и откуда оно шло – пока неизвестно. Но покойный, лично нам совершенно неизвестный, бывший депутат Государственной Думы, в последние месяцы стал известен всей читающей России, не только как депутат города Москвы, но и как заметный политический оратор в Думе по аграрному вопросу. Этим только, конечно, и объясняется это всеобщее внимание, сожаление, негодование по поводу его убийства.

Мне на страницах Московских Ведомостей не раз приходилось высказываться в смысле осуждения того революционного террора, который, попирая все законы любви, жалости, чести, совести и долга, залил Россию кровью слуг Царя и родины.

Высказываясь горячо в смысле осуждения всем этим убийцам-революционерам, мы стояли и стоим на общей христианской и нравственной точке зрения и этим самым осуждали и осуждаем всякое убийство, с какой бы стороны оно ни шло. Поэтому долг наш и теперь высказать публично и открыто, со всей силой одушевления, осуждение совершившемуся гнусному преступлению. Только власть законная уполномочена наказывать и принуждать к исполнению долга внешними мерами, когда видит, что голос внутренний в том или другом лице перестал действовать, и удерживать его от деятельности вредной и разрушительной для общества. Никому другому, ни частным лицам, ни частным кружкам такой власти судить, и изрекать приговор кары и возмездия, не предоставлено.

Наша сила – сила убеждения, наше орудие – орудие трезвой мысли и слова, и апелляция наша – апелляция к совести общественной и к власти законной. Иначе – будет анархия. Иначе, это – расписка в собственном бессилии и даже в собственном неверии или маловерии в свое дело.

Опасно сеять семена преступлений и убийств. Они, повторяясь ежедневно, притупляют ужас перед убийством и кровью, нервируют общество, а на натуры больные, неуравновешенный, действуют, как кровавый гипноз, как безумная жажда крови и крови.

Это именно мы и видим теперь: кровавый революционный террор последних лет сделал свое страшное дело, и вот его плоды: начались убийства и расправы и с одной стороны, и с другой.

Газета XX Век, сообщая подробности убийства М. Я. Герценштейна, делает такое замечание:

«Во время последовавших двух выстрелов шел рабочий, который видел убежавших двух убийц, но не преследовал их, думая, что покушение было совершено на агента тайной полиции».

Вот где ужас, вот тьма нравственно-беспросветная! Если убили агента полиции, то, естественно, нечего и преследовать убийцу!

Куда, в какие дебри анархии и дикости, к какому звериному образу жизни привести может такой взгляд, последовательно проводимый? Выгодному для меня убийству надо помочь, а по поводу невыгодного кричать и взывать к совести и нравственности?!

Дикарь только говорил:

– Нравственно то, когда я украду у соседа корову, безнравственно то, когда он украдет у меня.

Не в том ли теперь «новая нравственность»? А ведь такое именно нравственно гнусное мировоззрение сеяла и сеет теперь не одна газета. Это возвеличивание и возведение на пьедестал убийц, от руки которых пали Бобриков, Плеве, Луженовский, Богданович, Коновницын, Чухнин; эти карточки с изображениями тех деятелей «освободительного движения», которые запятнали себя кровью; эти восхваления их именно за убийство; вся такая нечестивая проповедь убийства, все эти призывы к крови развращают в корне общество, особенно же молодое поколение неустановившихся юношей и девушек, ищущих подвига, но подвига геройского, карта иного, показного, театрального. И вот пред нами без числа и без конца безусые грабители и убийцы!

Вы сочувствуете «освободительному движению»; пусть так. Подолгу совести отстаивайте и высказывайте убеждения ваши, если в них видите счастье и спасение отечества: но осудите смело, и честно, и открыто все гнусные средства для достижения заданного «освободительного движения», призовите и призывайте общество к мирной работе, а не к террору!

В области духа завоевания можно делать только духовную работу; если же тот или иной вам угодный строй вы будете насаждать под страхом бомб и браунингов, строй этот, не покоящийся на внутреннем убеждении членов общества и государства, завтра сам собой рухнет. Но пока он рухнет, он вызовет такие же бомбы и браунинги с противоположной стороны. И, не высказав в свое время осуждения убийству со стороны ваших единомышленников, как вы сможете осуждать убийство, с нравственной стороны, у ваших противников? И выйдет: в нюже меру мерите, возмерится вам. А в жизни общества и государства выйдет: дом, разделившийся в себе, запустеет...

Убийство всегда и во всех случаях должно быть осуждено

нравственно-здоровыми людьми и всеми нравственно-здоровыми органами общественной мысли и совести, каковыми являются журналы, газеты.

Да будет стыдно тем, кто сеял на Руси семена крови и кровавых распрей!

Да будет стыдно тем, кто толкал народ на путь насилий, грабежа, бунта, зависти, ненависти и убийств и приучал его к атмосфере злобы и крови!

Да будет стыдно тем, кто вытравлял в народе нравственные, сдерживающие веления совести, воспитанной в течение веков нашим церковным и государственным укладом!

Но горший стыд тем, кто, пользуясь авторитетом среди молодежи, с ужимкой и недостойным малодушием не осуждать всяких убийств, признавал их вынужденными, необходимыми или даже геройскими.

Горший стыд тем, которые, высоко вознесенные над народом, из «тактических» соображений прошли молчанием мимо сотен убитых жертв долга, а некоторые даже прокричали: «мало»...

Для верующего и нравственного человека, для человека в истинном и достойном смысле этого слова, нет таких «тактических» соображений, которые бы заставили его называть тьму светом, а зло – добром.

Всею горячностью негодования осуждаем мы преступление убийства М. Я. Герценштейна; всею силой христианской любви молим покоя в Боге его душе, и молим всех, у кого есть вера, нравственность, честь и любовь к человеку и к родине, всеми силами слова и разума, всею работой жизни способствовать миру и покою нашей родины.

Государственная Дума и православно-русская Церковь

I

Более двух месяцев непрерывно заседала Государственная Дума в своем первом, ныне распущенном составе. За это время достаточно определились ее настроения по отношению к православной русской Церкви, настолько достаточно, что мы, исходя из принципиальных посылок думских законопроектов и рассуждений, с полным правом можем сделать из них совершенно определенные выводы и подвергнуть их обсуждению.

Православные в Думе составляли до 70% общего числа Депутатов. Следовательно, не может быть речи о случайности в отношениях Думы к Церкви, обусловленной малым числом православных представителей народных.

Не станем говорить о принципиальном взгляде на представительные учреждения вообще; будем держаться только и исключительно почвы фактов и наличной деятельности Думы, не задаваясь подробным обсуждением вопроса о том, может ли вообще представительное учреждение, в особенности же в разноплеменной и разноверной стране, какова Россия, когда-либо относиться любовно и заботливо к нуждам и потребностям православной Церкви. Здесь мы ограничимся лишь одним замечанием: в Греции при ее сплошь православном населении, при блестящих и видимых заслугах православия для сохранения греческого народа под вековым турецким игом, парламент всегда враждебно настроен к Церкви, не дает Церкви средств даже для замещения кафедр архиерейских, не говоря уже о содержании приходского духовенства. Несомненно, под турецким владычеством в Константинопольской патриархии Церкви православной живется гораздо легче и даже свободнее, чем в Афинской метрополии под опекой парламента Греческого королевства. Совершенно такое же невнимание к нуждам Церкви мы видим в других православных странах, управляемых парламентарным режимом: в Румынии, где отобраны все церковное имущество почти без вознаграждения; в Болгарии, где палками избит был митрополит Климент, герой национально-освободительной борьбы болгарского народа, и где глава церковного управления весьма ревниво отстаивает свою резиденцию вне Болгарии (в Константинополе) именно ради сохранения своей свободы; в Сербии, где история низвержения митрополита Михаила, назначение Феодосия и бесстыдное поведение митрополита Иннокентия в

первые, после цареубийства часы и дни – показывают крайнее принижение Церкви.

Русская Государственная Дума уже заявила о своем отношении к религии вообще. На молебне, который совершался перед открытием думских занятий, большинство членов не пожелали присутствовать; многие стояли спинами к совершителям богослужения; некоторые смеялись, громко разговаривали и даже курили; некоторые члены Думы резко осуждали самое служение молебна, «навязанное правительством», «стесняющее их религиозную совесть»... Но верх кощунства показала Дума, когда не захотела ввести в ответный адрес на приветственное слово Государя ни призыва Божьего небесного благословения на Царя и царство, ни простого упоминания имени Божия. Один из депутатов-священников, к сожалению и стыду пастырства, только один мужественный и почетный о. Гума (Кишиневской епархии) обратился к Думе по этому поводу с горячим и разумным словом. Слову его суждено было остаться вопиющим в пустыне... Следует упомянуть здесь о кощунстве г. Аладьина над Духом Святым, об его обвинениях по адресу нашей «высокой» Церкви (г. Аладьин, видимо, пожив в Англии, никак не может переварить английских терминов церковных, неприменимых в России); следует упомянуть о безумных выходках кавказского депутата Рамишвили, назвавшего православную Церковь «хулиганскою».

В обоих этих случаях председатель не остановил ни в меру горячих ораторов, не указал и общему собранию на неуместность подобных выходок. Бога и Церковь, оказывается, в Думе можно поносить безнаказанно.

Перейдем к двум постановлениям Думы, уже получившим письменную формулировку и выражающим ее принципиальное отношение к религии вообще, к православию в частности.

Первое, это – законопроект «о свободе совести». Указ о веротерпимости 17 апреля 1905 года не удовлетворяет Думу, и она составила свой законопроект, состоящий всего из 7 пунктов, из коих два, по общности и неопределенности пожеланий и решений, собственно и не должны бы иметь места в документе, требующем, по существу дела, точности и определенности.

К этим пунктам присоединена краткая пояснительная записка, не представляющая ничего особенного.

Отличие думского законопроекта от существующих на сей предмет и действующих после указа 17 апреля правил, собственно, состоит в двух пунктах: во-первых, Государственная Дума желает, чтобы в России была

предоставлена свобода пропаганды решительно всем существующим вероисповеданиям и сектам, «за исключением изуверных и законом воспрещенных»; во-вторых, Государственная Дума требует полной свободы для атеизма, т. е. она желает, чтобы гражданин Империи не обязывался принадлежать вообще к какой-либо религиозной организации. Иными словами, это значить – сделать совершенно излишним в устах государства и власти по отношению к гражданину вопрос: какого вы вероисповедания?..

Что всего удивительнее, – под законопроектом в числе его составителей и инициаторов подписались: римско-католические епископ барон Рооп и русский православный священник из Донской епархии о. Афанасьев. Чего искал барон Рооп, ясно без долгих объяснений: ему нужна свобода пропаганды католичества на западе России, и ради достижения этой вожделенной цели, по давней теории католичества: цель оправдывает средства, его эминенция бискуп готов допустить для последовательности и свободу атеизма, особенно в ненавистной России, которая, конечно от такой свободы не станет крепче и сильнее. Но чего хотел и искал о. Афанасьев? Чем он руководился? Во всяком случае, трудно понять движущие побуждения у православного русского священника к составлению и пропаганде такого законопроекта.

Переходим к существу дела. Сами составители законопроекта в объяснительной к нему записке должны признаться, что существующий после 17 апреля 1905 года порядок никому не причиняет стеснения в делах веры. В самом деле, если каждому решительно вероисповеданию предоставлено свободное отправление богослужения по своим обрядам, внутреннее управление, право съездов и собраний на общем основании; если каждому гражданину в России, предоставлено право избирать какую угодно религию и право беспрепятственного перехода из одного вероисповедания в другое, то чего же собственно еще остается желать? «Личная религиозная свобода» теперь в России обеспечена всем гражданам. Жизненные назревшие нужды, несомненно, удовлетворены вполне таким положением, а что сверх того, то уже идет из соображений чисто-теоретического либерализма или, – что в данном случае по отношению к Государственной Думе вернее, – из соображений тактики той или иной партии, в данное время стремящейся к господству.

И прежде всего, можно ли говорить о свободе совести, о свободе вары? Пора бы давно оставить этот неправильный и неточный термин, ибо совести, как голосу внутреннему, никто и ничто не может поставить какие-либо преграды, которые были бы в силе связать совесть, как

такую. Совесть несвободная, это – психологическое недоразумение. «О свободе веры позаботился Сам Господь Бог, – говорит один авторитетный в данном вопросе ученый (Блунчли), – так как Он облек внутреннюю жизнь духа защищающим покровом тела... Свобода веры, таким образом, обеспечена самой человеческой природой. Безмолвное, полное тайны общение человеческого духа с Богом уже тем защищено от неразумного и грубого вмешательства власти, что государство не имеет никакого прозрения во внутреннюю жизнь души и никаких средств переделывать мысли и чувства людей своему произволу. В этом смысле свобода веры не представляет никакого юридического понятия, так как нигде не нуждается в человеческой правовой защите».

Очевидно, в думском законопроекте речь идет о свободе обнаружений религиозной совести, о свободе вероисповеданий.

Может ли быть допущена безусловная свобода для всякого вероисповедания? Очевидно, нет, ибо и самый думский законопроект ограничивает ее упоминанием о сектах изуверных и законом воспрещенных. Очевидно, значит, что здесь дается торжество над началами безусловного либерализма началам государственным, соображениям государственного блага. Но раз допущен такой принцип, то все вопросы сводятся только к расширению или сужению области его применения. А это – почва и растяжимая, и спорная. Скопчество – изуверная секта или терпимая? Отрицание государства по существу, религиозно-освященный анархизм – терпимая ли секта? Ясно, что раз допускаются принципиально соображения государственного характера, на последний вопрос нужно ответить отрицательно. Но тогда в каком освещении представляется пункт о свободе атеизма? Быть вне религии можно, быть вне государства нельзя? А если моя «совесть» и совесть миллионов граждан никак и никогда не может помириться с таким соблазнительным и грубо-кошунственным положением, как тогда быть с законопроектом «о свободе совести»? Здесь безысходный лабиринт противоречий. Если же перейдем в подробности каждого вероисповедания и применим здесь во всей широте государственную точку зрения, то как, например, отнестись к учению, отрицающему военную службу и присягу, как отнестись к самому еврейству талмудистическому, которое исполнено человеконенавистничества и разрешает правоверному еврею все виды мерзостей и нанесения вреда по отношению к гоям, или акумам, т. е. к христианам?

Приведем для образчика несколько еврейских талмудических положений, по исследованию г. Демчинского, магистра Киевской Дух.

Академии. По учению Шулхан-Аруха, мир должен принадлежать евреям; по словам Талмуда, «гой – ниже собаки и осла». «Если умирающий еврей в своем завещании оставит что-нибудь акуму, то исполнять этого не следует». «Если еврей нашел что-либо принадлежащее акуму, то нет надобности возвращать ему». «Если еврей должен акуму и тот умер, то еврей не обязан уплачивать своего долга наследникам, если они о том не знают». «Обманывать гоя дозволяется, а также можно не уплачивать ему следуемого по счету». «Когда арендатором состоит акум, то дозволяемся вредить ему». «Еврею с евреем играть в карты и обирать его воспрещается, а с акумом вполне можно» (Хошен-га Мишпат 256, 3; 259, 1; 272, 8, 9; 283, 348, 369–70). «Если еврей держит акума в руках (по буквальному переводу: сдирает с него шкуру), то другой еврей должен придти к этому акуму, дать ему в долг денег и надуть его так, чтоб он все потерял» (Х. Мишпат, 156). «Если акум требует деньги с еврея, то другому еврею, знающему правоту акума, запрещается быть свидетелем в пользу акума (ibid. 28). «Строго запрещается еврею бить своего ближнего, но ближний для него – только еврей, а бить акума вовсе не составляет греха». «Для евреев собственность назареев (христиан) считается имуществом без хозяина, его можно взять себе, сколько силы позволят» (156, 7). Вот краткие выдержки из хищнического катихизиса еврея-талмудиста. Катихизис этот в подобного рода постановлениях проходит во всех талмудистических книгах, как Орах-Хайим, Йоре-Деа, Кетубот, Эбен-Гаэзер.

Как же должно отнестись к постановлениям такой религии от, точки зрения свободы совести? Главными вдохновителями думского законопроекта, как видно из подписи групп депутатов, были евреи. Между тем, для них первых, если принять во внимание учение талмуда и стоят на точке зрения думского законопроекта, не может быть абсолютной «свободы совести», свободы их вероисповедания, если он перейдет от слов к делу.

Итак, абсолютной свободы всякого исповедания нельзя допустить уже с точки зрения и Думского законопроекта.

На это обычно теперь замечают, – и такое возражение не раз повторяли в предсборной комиссии: ныне государство не полицейское и конфессиональное, а культурно-правовое; оно выходит из требований свободы и законов, равных для всех граждан. «Свобода совести устраняет признание какой-либо религии господствующей в государстве, и каких бы то ни было притеснений или малейших ограничений в правах гражданина за его религиозные убеждения»⁵⁸.

Нам нужно рассмотреть обсуждаемый вопрос с точки зрения культурно-правового государства.

II

Рейснер, известный и убежденный защитник свободы совести, в своей книге «Государство и верующая личность» (стр. 389) совершенно справедливо заявляет: «Новейшее правовое государство есть законное детище просвещенного абсолютизма и только продолжает дело развития всех его наиболее высоких и ценных начинаний».

Если сказанное справедливо относительно чистого европейского абсолютизма, то тем более оно применимо к самодержавию русскому, которое, во всяком случае, даже при самой пристрастно-отрицательной его оценке, должно признать не совпадающим с абсолютизмом.

В России всегда были законы, и Государь был их первым охранителем и исполнителем. В этом смысле Императрица Екатерина имела полное право заявить в Наказе 1766 года: «Россия есть государство европейское» (гл. 1, 6). В частности относительно свободы веры основные законы Российской Империи заключали и заключают в себе (и это с 1801 года) такие взгляды и положения, до которых не дошли многие и из теперешних законодательств европейских правовых государств. «Свобода веры, – говорится в основных законах, – присвоится не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих» (ст. 39, 44, 45). И таких провозглашений широкой веротерпимости мы имеем весьма много в нашей истории даже и в XVIII веке.

Говорят: но практика жизни далеко отходила от объявленного закона. Да, но это ведь – такое явление, с которым можно бороться иным путем, а не новым законодательством: последнее также может опять остаться мертвой буквой. Свобода веры в современной Франции превратилась в гонение католичества; не удивимся, если тем же окончится и наш думский законопроект. Бывали и обратные примеры. Несмотря на веротерпимость, Иосиф II австрийский не стеснялся лечить «палочными ударами» сектантские заблуждения, так как приписывал подобные ереси исключительно «глупости» заблуждающихся. Точно также в Пруссии, вопреки земскому праву, Фридрих-Вильгельм III довел своими преследованиями до эмиграции старо-лютеран, которых он назвал «оглупевшими фанатиками». Даже либеральная Англия применяла целый ряд ограничительных законов к своим католикам до 1829 года⁵⁹.

Закон для своего проведения в жизнь требует не одного только

объявления и точной формулировки, но и известного развития и известного настроения народа, а это нередко зависит не только от степени его образованности, но и от его истории, от условий жизни, от соседства с теми или другими народами. Странно было бы удивляться неодинаковому отношению, напри мер, к армянам со стороны жителей Закавказья и со стороны жителей Дальнего Востока: одни с армянами жили рядом и подвергались действию их хищнических и эксплуататорских инстинктов тысячу лет, внесли свои отношения к ним в свое народное мирозерцание, в свои пословицы, в свое законодательство, другие – никогда их не видели. Что сказано о национальных счетах, то еще более приложимо к религиозным. Никто не станет удивляться тому, что английский король в день священного своего коронования клянется не следовать католическим догматам об евхаристии, и ничего не говорить о восточном православии. Истории не переделать...

Поэтому и теперь так называемое культурно-правовое государство в отношении к законодательству религиозному не вылилось и не может вылиться во что-либо неподвижное и однообразное. Перед нами книга горячего поборника крайней религиозной свободы г. Позднышева «Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы». В этой книге целая обширная (III-я) глава посвящена обзору европейских законодательств по интересующему нас вопросу. «Задача, которую нам предстоит решить, – говорит автор в начале этой главы своего обширного труда, – сводится к следующему: какие отношения одних людей к религиозной свободе других должны быть обложены в законодательстве наказаниями, как религиозные преступления? Если, решая этот вопрос, мы обратимся к современным законодательствам, то увидим в них удивительное разнообразие» (стр. 152). На самом деле здесь нет ничего удивительного, напротив, это вполне естественно и понятно, ибо жизнь живого народа нельзя рассматривать и определять только с точки зрения отвлеченного формального права, вгоняя ее в прокрустово ложе, не считаясь ни с историей, ни с вероисповедным составом населения, ни с расовыми особенностями, ни с настроениями народов. Посему и в России правовое государство может и должно быть только на русских началах; с этой точки зрения и должно рассматривать вопрос о свободе веры в России, определенный не только основными законами, но и Высочайшими указами 12 декабря 1904 г., 17 апреля 1905 г., дающими всем гражданам личную религиозную свободу. В России нельзя забывать, – если не становиться на почву чистой теории правового государства, не считаясь с жизнью, – нельзя забывать, что православие стояло у колыбели русского

государства, что оно срослось с его государственным строением, сделалось вполне национальной религией, что оно принесло неоцененные услуги России, которая обязана ему своим бытием, прошло во все стороны житейского уклада народного, что, наконец, к православию принадлежит почти весь русский народ, а в Империи оно исповедуется 70% всего населения (до XIX века, до присоединения Польши, Кавказа и среднеазиатских владений, этот процент поднимался почти до 95%; это было еще так недавно).

Посему, исходя и из теории правового государства, которое, не забудем, дает такое, часто даже слишком преувеличенное значение мнениям и желаниям большинства, а также, опираясь на пример других европейских государств, мы с полным правом можем утверждать, что так называемая конфессиональная система, в противовес паритетной, в отношении вероисповеданий может быть с полной справедливостью оставлена в России, и церковь православная может быть и в правовом государстве господствующей и первенствующей. Мы видим в Англии господствующую церковь англиканскую при 60% англичан в Англии, в то время как в Ирландии 74% католиков; в Австрии господствующая религия – католичество при 90% католиков в самой Австрии и 61% в Венгрии; господствующие религии мы видим и в Германии (где в общем 62% лютеран и 36% католиков) в различных составляющих ее отдельных государствах, в Италии (католичество – господствующая религия и даже при борьбе с папством), Испании, Португалии и проч. Даже во Франции мы видим историческое право ее на Востоке защищать католичество; этим правом Франция не желает поступиться, и на католические миссии вне своей страны она тратит не мало средств⁶⁰. Интересно теперь взглянуть на Россию вообще и отдельно в ее исконно-русских областях и указать вероисповедный состав населения. Цифры приводим по переписи 1897 года.

	Российская Империя	Европейская Россия	Сибирь
Православные	69,35%	81,75%	85,79%
Старообрядцы	1,75	1,77	4,16
Армяно-григориане	0,94	0,05	0,06
Католики	9,13	4,65	0,61
Лютеране	2,84	3,3	0,27
Иудеи	4,15	4,06	0,6
Магометане	11,07	3,82	2,2
Буддисты и ламаиты	0,35	0,1	4,3

Цифры весьма знаменательны, особенно если принять во внимание,

что в западноевропейских государствах обычно население делится на два-три вероисповедания и все они численно велики, а в России только одно православие представляется в крупных цифрах, а прочие 7 вероисповеданий, по сравнению с православием, мелки и малочисленны; особенно это заметно по Сибири и по Европейской России. Даже на Кавказе православные все-таки представлены в 50% по отношению к общему населению этой разноречной и разноплеменной окраины.

Итак, повторяем, если принять во внимание вышеприведенные данные, то и по теории правового государства мы можем и должны оставить за православной Церковью положение господствующей.

III

Из того определения свободы совести, с точки зрения культурно-правового государства, которое приведено выше в первой главе, справедливость и существо дела требуют удержать только вторую его часть: «устранение каких бы то ни было притеснений, или малейших ограничений в правах гражданина за его религиозные убеждения». Но такое именно положение и дано теперь в России высочайшим указом 17 апреля 1905 года. Здесь должно оговориться только относительно ограничения прав еврейства, что, конечно, и послужило для евреев и еврействующих депутатов Думы побуждением к тому, чтобы выступить с особым законопроектом о свободе совести. Однако нет решительно никаких оснований думать, что в оставлении черты еврейской оседлости сказалась религиозная нетерпимость. Это противоречило бы духу высочайшего указа. Евреи стеснены в правах жительства не как вероисповедная единица, а как хищное племя, опасное в среде мирного населения по своим эксплуататорским наклонностям, которые, как мы видели, нашли себе и религиозное освящение, и опору в талмуде. И если существование, распространение и фактическое осуществление религий, заведомо безнравственных и противных общественному благосостоянию, решительно и твердо запрещается правовым государством, что признает и думский законопроект, то справедливо остановиться перед вопросом: терпимо ли в государстве такое вероисповедание, которое разрешает своим последователям по отношению к иноверцам, особенно же к христианам, человеконенавистничество и все виды обмана и нанесения вреда? В данном случае установление черты оседлости представляется самым мягким из всех возможных мероприятий по отношению к такому вероисповеданию.

Можно ли, далее, в этом случае не считаться и с настроением народных масс? А настроения этого нельзя изменить изданием закона о

полном равноправии евреев, напротив, этим можно только усилить озлобленность народа. При таких условиях, быть может, закон о черте оседлости придется признать спасительным для ненавидимого, – справедливо или нет, вопрос иной, – племени. Интересно привести здесь справку об отношении к еврейскому равноправию в других европейских странах, в условиях, подобных переживаемым теперь русским государством. Оказывается, евреи «повсеместно являлись объектом преследования не за веру, но за вытекавшие из нее последствия». И это в странах, где население еврейское исчислялось и ныне исчисляется буквально десятками тысяч (40 000 во Франции), а не миллионами, как в России (6–7 миллионов). Во Франции, например, только законами 1806–1808 гг., т. е. почти через 20 лет после революции, установлено уравнение евреев с остальными гражданами, но под непременным условием принята ими «общей гражданской морали, общего долга повиновения законам, в особенности же священного долга военной службы», от которой евреи всегда и везде уклонялись. В Германии, Австрии и других государствах Европы в то же время евреи находились в положении только терпимых чужеземцев. В баварском законе 1805 года они тракуются, как «вредные иностранцы»; по прусскому каб. приказу 1814 года относительно лиц, переходящих в иудейство, устанавливалось, что с таким переходом они становятся для государства иностранцами, которые подлежат допущению в пределы государства только с особого каждый раз разрешения. Позднейший, более мягкий прусский закон 1847 года, даруя евреям все гражданские права, в § 3 гласит: «сословные права не могут быть осуществляемы евреями».

Ясно, что в таких отношениях всех государств Европы к еврейству имела значение не религия евреев, как таковая, а хищнические инстинкты этого племени, от которых законодательства и силились оградить христианское население. Такое точно положение мы видим теперь и в России. Тут закон 17 апреля о веротерпимости ни причем, ибо ни причем и сама веротерпимость.

Что же касается первой половины определения свободы веры в правовом государстве, по которому будто бы «устраняется признание какой-либо религии господствующей в государстве», то, как мы видели, эта так называемая в вероисповедном вопросе «система паритета» не наблюдается почти нигде. Она принята и целиком проведена только в Америке⁶¹. Но это именно обстоятельство и подтверждает все выше нами сказанное о положении религии в государстве. Америка – государство без нации, существующее только второе столетие, без исторических традиций,

без сложившегося уклада жизни, наконец, долгое время служившее убежищем для всех гонимых в Европе религиозных диссидентов. В государстве, в котором, вследствие указанных условий, насчитывается буквально несколько сот религиозных сект, и нет из них ни одной, которая, по подавляющей численности своих последователей, являлась бы ядром религиозной жизни страны, – в таком только государстве, естественно и необходимо, и могла проявиться и осуществиться система паритетная. В Европе же везде видим систему конфессиональную. К приведенным выше примерам Англии, Австрии, Германии, Италии, Пруссии, Испании, Португалии и друг, присоединим Грецию, Румынию, Болгарию и Сербию – православные страны, где, по основным законам конституций, глава государства – король должен быть непременно православным; исключение делается только для первых королей Румынии, Греции и Болгарии, избранных из числа членов царствующих домов европейских монархий. Они лично могут оставаться в вере, в которой родились, но их наследники могут иметь право на престол лишь под условием исповедания православной веры. Значит, и в самых либеральных конституциях (какова, например, в Болгарии, заимствовавшей ее в главных чертах из Бельгии) для лиц неправославных все-таки имеются ограничения в правах, основанные на прошлом страны и на исповедании той или иной веры всем народом. «Что государство, – говорит г. Познышев в выше цитированном сочинении, – не может относиться к религии безразлично или с пренебрежением, а должно дать ей известную охрану, в этом нельзя сомневаться ни минуты... оттенки такой охраны могут быть различны: все религии могут быть охраняемы одинаково, или, наоборот, одной или несколькими из них может быть оказано предпочтение и дана особенно энергичная охрана»...⁶²

Из сказанного само собой следует, что признано, в силу заветов истории и по другим причинам, за одним каким-либо исповеданием положения первенствующего и господствующего, если оно согласно с общим настроением огромного большинства населения и если оно не влечет за собою стеснения личной религиозной свободы каждого отдельного гражданина и целых вероисповедных групп, отличных от господствующего исповедания – такое признание вполне возможно в правовом государстве. Таково именно теперь положение вероисповедного вопроса России после указов 12 декабря 1904 г. и 17 апреля 1905 г. и 17 апреля 1905 г. это и выражено в Высочайшем манифесте:

«В постоянном, по заветам предков, общении со святою православною Церковью неизменно почерпая для себя отраду и

обновление сил душевных, Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из наших подданных свободу верования и молитвы по велениям его совести».

Положение православной Церкви определено в журнале Комитета Министров; здесь, после признания полной веротерпимости, высказывается «решительное убеждение в том, что изменениями вызванными заботами об укреплении веротерпимости, не должно отнюдь быть поколеблено устанавливаемое основными законами государства положение, признающее первенствующей и господствующей в Российской Империи веру христианскую, православную, кафолическую восточного исповедания». Это положение внесено в основные законы последней редакции. Государь Император Всероссийский обязательно исповедует православную веру. Он является защитником Церкви и охранителем ее интересов. Православная Церковь, как господствующая, имеет шесть представителей клира в Государственном Совете, – право, которое не предоставлено другим вероисповеданиям. Итак, всем вероисповеданиям – свобода, чуждая какой-либо нетерпимости, кроме случаев, отмеченных и в думском законопроекте, а православной Церкви – со стороны государства не только первенство, но и особое попечение. После сказанного становится ясно, что думский законопроект является превышением власти и полномочий Думы, ибо она, согласно ее статусу, не имеет права рассматривать и изменять основные законы Империи. Почин в этом деле принадлежит исключительно Короне.

Точно так же, несомненно, падают сами собою и мнения, раздававшиеся между прочими и в предсоборном присутствии, о том, чтобы Церковь православная, при изменившихся условиях жизни и управления России, не называлась господствующей, а только первенствующей. Указывалось в подтверждение даже на известное место Евангелия: «князи людей господствуют ими»... В сущности же между терминами: «господствующая» и «первенствующая» в государстве Церковь – трудно провести границу: при нынешнем положении дела это решительно все равно. Если же применять всюду евангельские изречения, то мы далеко зайдём. Тогда вспоминается: кто хочет быть первым среди вас... не называйтесь учителями, не называйтесь наставниками, и отца не называйте себе на земле, не говоря уже об именовании «владык» ибо и владыки соблюдают народами, по евангельскому изречению, по-язычески, а не по-христиански... Здесь простое недоразумение понятия из одной области прилагается к другой, совершенно неподходящей. Русский человек, сын Церкви, сам лично не хочет господствовать или

первенствовать, но он желает, чтобы церковь, к которой принадлежит весь народ русский и три четверти Империи, создавшая государство, принеся народу неоценимые услуги, даровавшая ему все блага, самые дорогие и ценные, была господствующей и первенствующей. Это желание естественное и вполне справедливое. Когда против этого приводит мнение Тертуллиана: «несвойственно одной религии делать насилие над другой», или слова Златоуста: «непозволительно христианам ниспровергать заблуждения насилием и принуждением», – а это теперь весьма нередко пишется и говорится⁶³, – то ведь здесь мы видим намеренную или ненамеренную подмену понятий, смешивающую нетерпимость и принуждение в делах веры с широкой веротерпимостью, не исключаящей, однако, возможности признания за одним каким-либо вероисповеданием справедливого права именоваться и быть первенствующим и господствующим в государстве.

IV

Законопроект Думы «о свободе совести» не удовлетворяется предоставлением личной религиозной свободы гражданину и отдельным религиозным обществам и отменой всяких ограничений в политических правах за исповедание той или другой веры; законопроект требует свободы пропаганды для всех вероисповеданий и свободы атеизма.

Необходимо осветить и эти вопросы с точки зрения культурно-правового государства, как оно осуществляется в различных странах Европы и как оно определяется учеными юристами Европы, исследователями вероисповедного вопроса.

Русский ученый г. Рейснер, указав разные фазисы в разрешении вопроса о религиозной свободе и сравнивая в этом отношении полицейское государство с правовым, о современном положении дела говорит так: «Гораздо шире понятие религиозной свободы вообще, принятое также в более полном объеме государствами западной культуры». И далее названный ученый освещает пред нами и научный принцип, и его практическое применение. Это очень важно. Как же выражается и осуществляется принцип? Религиозная свобода, – продолжает г. Рейснер, – «заключает в себе не только право свободы исповедания и частного домашнего богослужения, но и право свободного учреждения и основания новых религиозных обществ, а также и право этих обществ заведовать самостоятельно делами (?) без какого-либо вмешательства посторонней власти». Таким образом, здесь в понятие религиозной свободы входит, кроме свободы исповедания, еще свобода публичного культа или богослужения⁶⁴.

Такая свобода теперь и дана в России; как видно из приведенных слов ученого, в понятие ее не входит непременно право пропаганды.

Послушаем далее других ученых исследователей этого вопроса.

«Право свободы исповедания есть право без принуждения избрать любое вероисповедание и собираться в религиозное общество» (Якобсон).

Это – «право свободно обнаруживать свои религиозные мнения» (Риш, Фюрстенау).

Это – «право свободного исповедания религиозных верований и свободного отправления богослужения» (Вине).

Это – «защищенное и ограниченное государством право индивида свободно выражать свою религиозную веру и убеждение (Блунчли); право «исповедовать свою религию, почитать Бога соответственно своим религиозным представлениям и учениям» (Вильда).

Свобода совести «в юридическом смысле», это – «отсутствие ограничений относительно осязательных проявлений, на слове или на деле, этого центрального органа религиозных и нравственных убеждений, т. е. совести» (Раль).

Сделав свод этих определений, Рейснер говорит, что все они, «несмотря на их различие в полноте и точности, тем не менее, устанавливая несколько положений вполне определенно и единодушно; все они говорят о свободном, беспрепятственном, не влекущем для человека никакого ущерба, внешнем обнаружении его религиозных воззрений и связанном с ними способе богопочитания; пользуясь ими, мы, со своей стороны, так определили бы право свободы исповедания: это есть право каждого человека беспрепятственно и без какого-либо ущерба для себя проявлять вообще внешним образом свои религиозные убеждения и, в частности, устанавливать, соответственно этим взглядам, домашнее богопочитание⁶⁵».

При частнейшем определении более конкретных прав, входящих в состав права свободы исповедания, с точки зрения правового государства, тот же Рейснер в п. 4 говорит о «праве лица, принадлежащего к тому или другому исповеданию, беспрепятственно устраивать собрания своих домашних единоверцев, с участием духовного лица, отправлять совместно богослужение по предписаниям своей религии в своем частном помещении и учреждать, согласно общим требованиям закона, частные религиозные общества с правом публичного в них богослужения». Этим правом, – замечает Рейснер, – «определяется, в сущности, право на совершение так называемого частного или домашнего богослужения и на частные же собрания единоверцев для совместного религиозного культа.

Некоторые писатели более раннего времени, как, например, Вильда и Вине, требуют во имя личной и религиозной свободы и свободы общественной, т. е. права беспрепятственного учреждения религиозных обществ, а для этих последних и права публичного богослужения и полной автономии в заведывании их собственными делами. Другие же, более новые писатели полагают, что из понятия свободы исповедания может быть юридически правильно выведено только право домашнего, а не публичного богослужения, так же, как только право частных собраний верующих» (Гиншиус, Раль, Блунчли, Риш)⁶⁶.

Мы намеренно сделали все эти длинные выписки, пользуясь притом воззрениями писателей либеральных, заведомых сторонников возможно широкой свободы веры. И что же? Решительно нигде мы не видим требования свободы пропаганды всех религий и особенно свободы атеизма.

Обращаясь к практике западноевропейских государств, мы видим для королей и императоров клятвенно и законами скрепленное обязательство исповедовать ту или другую религию, а в некоторых кодексах и положительное воспрещение проповеди всякой религии вообще, кроме господствующей. Особенно ярко это выражено в кодексе португальском в ст. 130 он перечисляет следующие преступления, преследуемые и караемые законами страны:

1) Публичное поношение словами, действиями или в каких-либо сочинениях верований, обрядов или предметов, употребляемых при католическом богослужении;

2) Распространение теми же средствами учений, противных верованиям католической церкви;

3) Совращение или покушение совратить какими-либо средствами кого-либо в религию, уклоняющуюся от католической, или в общество, отвергаемое католической церковью;

4) Публичное совершение не католического богослужения. Всякий португалец-католик, если он отречется от католичества, наказывается лишением политических прав на 20 лет.

В Испании, согласно § 11 конституции и особому закону 1876 г. воспрещается публичное отправление какой-либо другой религии, кроме католической.

Известно, что католики – везде католики. Интересно в виду этого знать, сколько искренности было у католического епископа барона Роопа, когда он подписывал думский законопроект о свободе атеизма? Почему в католических странах, как Португалия, католические епископы не столь

либеральны, как барон Рооп? Согласно ли с духом католическим он поступил, и одобрит ли его за это папа?

Не в одной Португалии мы видим ограничительные постановления в делах пропаганды всех верований. То же наблюдается и в Австро-Венгрии; австро-венгерское уложение положительно воспрещает «разные действия, направленные к основанию или распространению новой секты, устройство собраний подобного общества, проповедание или опубликование его учения, привлечение новых членов».

По основному статусу итальянского королевства, по 1 статье его, римско-католическая религия является единственной государственной религией: остальные в настоящее время существующие вероисповедания – только терпимы⁶⁷.

В Мадриде, Лиссабоне, в Риме и Вене нельзя построить православного храма. Известно, какие бесплодные усилия в течение долгого времени употребляла русская дипломатия, чтобы добиться отмены или неприменения этого закона хотя бы только для членов российских посольств. В Португалии вообще никакое вероисповедание не может иметь для целей богослужения такого здания, которое походило бы внешним видом на храм⁶⁸.

Возьмем страны не католические. В свободной Швейцарии ст. 52 федеральной конституции запрещает открывать новые монастыри и ордена или восстанавливать старые. По ст. 51 члены иезуитского ордена не могут даже проживать в Швейцарии. По отдельным кантонам можно встретить постановления еще более резкие, например, тюремное заключение за основание новой секты и привлечение в нее членов и т. п. В Англии и доньше считается преступлением и наказывается отрицание истинности христианской веры или авторитета Свящ. Писания⁶⁹.

Как условно понималась свобода религий даже защитниками ее, показывает пример известного англичанина философа Локка. В своем специальном сочинении, посвященном трактуемому вопросу («Письма о терпимости»), Локк доказывает, что государственная власть не должна касаться учения или культа. И рядом: «не должны быть терпимы атеисты, так как для них необязательны клятвы, обещания, добросовестность, образующая главные связи гражданского общества, а также паписты, так как они признают над собой иноземную власть папы».

Пуритане в Америке к квакерам применяли такие меры: мужчинам отрезали уши, женщин секли. «Упаси нас Бог от такого охлаждения любви к истине, чтобы мы стали терпеть заблуждения!» – вот правило жизни многих диссидентов Америки, которые сами искали свободы от гонений в

новой стране. Вся история колониальной эпохи Соединенных Штатов представляет такие факты религиозной нетерпимости, которые едва ли находят себе соответствие даже в истории религиозных гонений в Англии⁷⁰.

Воспрещение пропаганды иноверческой в России вызывается не только господствующим положением православия, но и особыми обстоятельствами, совершенно неизвестными для западноевропейских стран. Решительно не подлежит сомнению, что дух неудержимого прозелитизма является совершенно несвойственным для православия. И обратно, в России существуют другие религии, которые в сильнейшей степени заражены именно этим духом прозелитизма.

Особенно это нужно сказать о католичестве. Примеров в доказательство сказанного можно было бы привести сколько угодно и вне и внутри России. Так называемый «халдейский» патриарх с XVI века распространяет католичество среди древних несториан в пределах Турции; теперь там все бывшие несториане – давние католики; в Палестине, Сирии, Аравии, Александрии, в Малой Азии, – всюду католики совращают православных; среди грузин и армян они действуют с XVII века и не оставляют своих притязаний доньше; в Болгарии, в Румынии столько католических миссионеров, что можно подумать, будто это – языческие страны. Всего несколько месяцев назад католический архиепископ в Софии, в столице Болгарии, осмелился обратиться к синоду болгарскому с предложением принять католичество. В России и Польше кто же создал унию? В 1782 году архиепископ Псковский доносит Св. Синоду, что католические ксендзы, действуя насильем, обманом, запугиванием, увеличивают свою паству за счет православных; в 1805 году по подобному же поводу был дань особый закон; жалобы приносили не одни православные, но и лютеране; после указа 17 апреля ксендзы объявили открытый поход против православия в западном крае. Все это – факты общеизвестные и доказанные. Едва ли забыта история ковенского ксендза Белякевича, который бил своих духовных чад за сношения с православными, бичевал их, сажал в погреба с гробами и с головами чертей. Не менее фанатизма и ненависти к православию проявили и лютеранские пасторы в Финляндии и Остзейском крае: поношения православной веры в проповедях, глумление над иконами, над святыми, наконец, памятный взрыв православного собора в Якобштадте.

Многим ли известно, что армяно-григорианство потихоньку распространилось среди православных удин, захватило грузинские православные святыни, не говоря уже о том, что поглотило много татов и

курдов? Еврейство отлагалось у нас иудействующими сектами с XVI века и до самых последних дней.

Между тем, и по духу своему, и по прямому русскому законодательству православие никогда не держалось наступательно по отношению к другим исповеданиям. Известен факт, что при Екатерине II униаты, пожелавшие присоединиться к православию, целых 8 лет ожидали разрешения на это свыше. С 1859 года сиро-халдеи-несториане в Персии осаждали наше правительство и Св. Синод просьбами о присоединении к православной Церкви, и только в 1898 г. на это последовало разрешение Синода и после того, как двукратно указывалось сиро-халдеям обратиться со своим желанием или к Антиохийскому патриарху, или к епископу Феодосиопольскому в Малой Азии.

В 1902–1904 гг. 30 000 турецких несториан и около 30 000 турецких армян заявили Св. Синоду о своем желании присоединиться к православию. Дело это и поныне не начато... Что касается нашего законодательства, то оно для православной Церкви, единственно пользующейся правом свободного распространения, дает такие указания: «Сия вера порождается благодатию Господнею, поучением, кротостью и более всего добрыми примерами. Посему господствующая Церковь не позволяет себе ни малейших понудительных средств при обращении последователей иных исповеданий и веры к православию и тем из них, кои приступить к нему не пожелают, отнюдь ничем не угрожает, поступая по образу проповеди апостольской» (Уст. пред. прест., ст. 70).

Иное дело – теория, заявляющая, что «необходимым дополнением свободы совести является свобода распространять свое миросозерцание и привлекать к своей вере других людей⁷¹, и иное дело – практика. Напрасно поэтому г. Рейснер в статье «Свобода совести и закон 17 апреля 1905 года» вдруг начинает сокрушаться (в противоречие со всем сказанным раньше) о том, что отсутствие права пропаганды для всех вероисповеданий, кроме православия, поставляет другие церкви и общества в такое положение, что они будут вынуждены «умолкнуть пред лицом привилегированного (православного) миссионера, молча раскрыть свои недра для чуждых и враждебных им учений, безропотно переносить это вторжение в их самое святое святых»⁷².

Православная Церковь и до 17 апреля 1905 года этого не делала и не стремилась обходить море и сушу, чтобы всеми неправдами сотворить единого пришельца. Не от нее приходится защищаться иноверцам и инославным. Она сама и прежде, и особенно теперь нуждается в защите и охране от напора других религий, существующих в России, из которых

почти каждая склонна к прозелитизму на счет православия. Такой защитой и ограждением единственно и может служить запрещение пропаганды иным вероисповеданиям, при полной свободе для них открыто и без ограничения в правах действовать в среде своих единоверцев и при полной свободе для каждого гражданина лично принимать, и исповедовать какую угодно религию.

V

Думский законопроект требует свободы атеизма. Требование идет «от лица всего русского народа»... Позволительно сильно усомниться в этом. Думается, что если бы подвергнуть этот вопрос всеобщему и тайному голосованию, то за думское требование оказались бы буквально несколько сот, много – несколько тысяч голосов и 140 миллионов народа высказались бы против него. Но ведь несомненно, что законы должны исходить не из теоретических лишь положений, вычитанных в хороших книжках, не из подражания иностранным государствам без разбора, лишь бы и у нас все было так, как у соседей: законы должны стоять в согласии и с духом, с настроением всего народа. На Руси, которую сам народ назвал и отличил именем «святая», в народе особенно религиозном, определившем весь уклад своей жизни по праздникам и церковному распорядку, – в среде этого-то народа-богоносца выступит от имени его с законом о свободе неверию! Нет сомнения, что атеистами полными признают себя в России лишь единицы. И для них-то требуется соблазнить всю страну! При этом необходимо иметь в виду и то, что лично быть атеистом никому не воспрещается ибо никакая власть, никакое государство не может и не станет навязывать тех или других убеждений или принудительно требовать от того или другого лица непременно исполнения обрядов и постановлений того вероисповедания, в котором он числится.

В этом отношении указ 17 апреля идет куда дальше, чем пожелания и требования известного Навиля, обращенный в 1888 году к Российскому Императору: «Наше заветное желание, – писал Навиль от имени Швейцарского евангелического союза, – состоит в том, чтобы всякий подданный Вашего Величества мог свободно чтить Бога по своей совести, свободно воспитывать своих детей в вере отцов, чтобы духовные пастыри христианских церквей могли беспрепятственно исполнять относительно своей паствы все обязанности своего звания; наконец, чтобы все те, кои, не давая себе отчета в важности решения, записались в списки православной Церкви, могли без опасения возвратиться в лоно прежней своей церкви, если изъявляют свободное к тому желание».

Постановление думского законопроекта по вопросу об атеизме

именно в России носит характер полной теоретичности и отрешенности от жизни: «Пусть гибнет хоть мир, но да торжествует теория»... И какая неравномерная расценка явлений: быть вне религии и церкви можно, но быть вне государства, хотя бы и по религиозным побуждениям, по думскому законопроекту, никак нельзя. Оскорбить Божество публичным неверием и открытой проповедью неверия в Него можно, оскорбить власть той же Думы... никак нельзя!

Что такое атеизм? Ведь это – своего рода одно из исповеданий. По фанатической настроенности своих приверженцев, по неудержимому стремлению к пропаганде, к борьбе против всякого религиозного мировоззрения и основанного на нем построения жизни, как показывают опыт и история, атеизм не уступит любой секте религиозной. «Мы исповедуем религию атеизма», – говорит социализм, и в этом по виду нелепом и парадоксальном выражении есть свой смысл: атеизм – своего рода религия. Атеизм волей-неволей должен дать и, действительно, дает и свою нравственность; от разрешения вопроса о морали он уклониться не может. Кто хочет в этом убедиться, пусть перечитает социалистические капитальные сочинения. Профессор Менгер, в книге «Новое государство» давший, так сказать, догматику социализма, должен был выступить и с книгой: учение о новой нравственности».

Но если это так, то и государство, как таковое, должно применить к атеизму ту общую оценку всякого исповедания с точки зрения общественного блага, которую признал и думский законопроект о свободе совести. «Границами для свободы исповеданий должны сделаться лишь требования общественного и государственного самосохранения, да и то понимаемые в буквальном, а не в расширенном смысле. Часто употребляют здесь *reduction ad absurdum*, противопоставляя требованию свободы совести наличность таких сект, как скопцов или известного в Индии «братства убийц». Очевидно, однако, здесь речь идет вовсе не о верованиях, а о преступных деяниях, караемых законом». Так говорится в одной из статей журнала «Свободная совесть»⁷³. Несомненно, в приведенных словах высказано положение крайнее, весьма спорное и весьма туманное. При осуществлении его в жизни выходит, что если я открыто принадлежу к «братству убийц», и власть видит, что я подстерегаю жертву намеченную, то меня нельзя тронуть, пока я не убью, или не сделаю покушение на убийство... Не в праве ли я тогда требовать освобождения от суда, ссылаясь на то, что я сделал покушение или убийство, следуя моей религии, заведомо дозволенной государством? Но пусть так. Согласимся даже с этим положением. Но и в вопросе об атеизме

дело идет не об его «веровании»: это – дело личной совести, не подлежащее никакому земному контролю или проверке. Однако, «верование» непременно обнаруживает стремление к вынаружению, которое проявляется в таких фактах, которых не может игнорировать правовое государство. Если, исходя из атеистического мировоззрения, Смердяков приходит к выводу, что ему «все позволено», и совершает, поэтому с легким сердцем убийство, то в праве ли государство разрешать как исповедание Смердякова, так и особенно его пропаганду?

Между тем, атеизм всегда носит в себе семена такого именно исповедания. Известный французский политический писатель Бодэн, защитник полной религиозной свободы, после ссылки на слова Теодориха Великого: «мы не может предписывать религии, ибо никто не может быть принужден верить против воли», однако, не считает возможным даровать свободу атеизму: «это, – по его словам, – худшее из всех зол»⁷⁴). К числу защитников религиозной свободы принадлежит Том. Мор, автор знаменитой «Утопии». «Утопия», по буквальному переводу, – страна, не имеющая места, от того и порядки, в ней изображенные, получили название утопических, несбыточных и неисполнимых на земле. Как ни широка свобода людей, изображаемая даже в «Утопии», однако, в вопросе об атеизме она ограничена. Вот что, между прочим, читаем в этом сочинении: Во время основания своего царства Утоп знал, что до его появления туземцы вели бесконечные религиозные войны». «Лишь только он стал победителем и царем, он поспешил объявить полную веротерпимость». Впрочем, он никоим образом не запретил миссионерской деятельности, которая кротко и спокойно распространяет веру доказательствами, а не старается, если проповедь не удастся, уничтожить другую религию грубой силой. «Тем не менее, он во имя нравственности строго наказывал того, кто унижал достоинства своей природы учением, будто душа умирает вместе с телом или будто мир управляется без всякого Провидения, одной игрой случая. Таким людям, отказывают в каком бы то ни было уважении, им не доверяют ни общественной должности, ни какого-нибудь важного дела», «их презирают подобно существам низшей и бесполезной расы», «им запрещают публично выражать свои убеждения, но позволяют разговаривать с мыслящими людьми и в особенности со священниками»⁷⁵.

Выше мы приводили мнение Локка, также защитника свободы религии: по его словам, «атеисты не должны быть терпимы в государстве, так как для них не обязательны клятвы, обещания, добросовестность, образующие главные связи гражданского общества». В Англии, как мы

уже говорили, и доселе считается преступлением и влечет за собой строгое наказание отрицание истинности христианской веры или авторитета Св. Писания письменно, печатно, посредством поучений или разговоров.

Видный германский ученый Гиншиус, признавая за каждым право, без каких-либо невыгодных для себя последствий, исповедовать какую угодно веру и даже заявлять о своей неверии полагает, однако, что государство обязано запрещать такие выражения религиозных мнений, которые противны общественному благосостоянию и порядку, как, например, проповедь атеизма...

Из русских ученых Арсеньев считает невозможным допустить учения, которые явно и несомненно противны вечным, всюду и всегда неизменным требованиям нравственности; проф. Белогриц-Котляревский полагает, что право свободы не может простирается за пределы ненарушимости принципов морали; наконец, даже профес. Рейснер в числе ограничений свободы исповедания указывает прямо на недопустимость атеизма: «никому не может быть дозволена публичная проповедь атеизма и открытой безнравственности» («Госуд. и верующая личность», стр. 12).

Неудивительно поэтому, что в уголовных кодексах почти всех государств мира полагается кара за богохуление, публичное отрицание веры в Божество и т. п.⁷⁶. Богохуление, оскорбление святыни и кощунство караются и русским Уголовным Уложением как в старой, так и в новой его редакции. Наказуется «и неисполнение церковных требований, признаваемых со стороны государства имеющими и общегражданское значение, а именно о погребении христиан с соблюдением церковного обряда» (см. стр. 78–78). Неудивительно и то, что авторы, отстаивающие свободу неверия, обыкновенно выводят ее только как логичное требование из понятия свободы веры вообще⁷⁷, не находя в подтверждение высказанного положения никаких доказательств. Но известно, как далеко можно зайти на такого рода логических построениях во имя отвлеченной теории: тогда можно и от медицины требовать, чтобы человек, обращающийся всегда к ее помощи своевременно, никогда, не умирал...

Мы видели, однако, что с той же самой неумолимой силой логики правительственная власть, рассматривая атеизм, как одно из исповеданий, с точки зрения общественного блага, имеет полное право применить к нему и, действительно, применяет всюду ограничительные постановления, не нарушая этим принципов культурно-правового государства. Само понятие атеизма слишком растяжимо: деизм, пантеизм, индифферентизм, скептицизм, – все это должно быть исследовано и взвешено при

определении того, исповедует ли член государства какую-либо религию, или он – чистый атеист. Возможен ли, наконец, чистый атеизм? Не болезненное ли это и крайне редкое явление? В таком случае чем, кроме чисто-отвлеченного и отрешенного от жизни теоретизма фанатиков свободы совести, вызвано пожелание свободы атеизма в думском законопроекте?

С чисто-славянской прямолинейностью, следуя думскому законопроекту, мы придем не к свободе веры и совести, а к гонению православия в России. В этом не может быть сомнения. На почве полного беспристрастия к религиям не удержалась и Франция – страна с более устойчивым и давним парламентарным режимом, чем Россия. Мы уже видели, что даже американцы долго не могли придти в равновесие в отношении к религиозным вопросам, и вчерашние гонимые на почве свободной Америки обращались быстро в гонителей. С неумолимой последовательностью законопроекта Госуд. Думы о свободе совести потребует, прежде всего, полного сравнения православной Церкви с другими вероисповеданиями, которое выразится сразу же такими фактами, которые могут быть рассматриваемы именно, как гонение на Церковь: лишения ее земельных имуществ, лишения жалованья от казны духовенству, лишения прав государственной службы и жалованья всех служащих по церковному ведомству и в духовно-учебных заведениях, лишение пенсии от государства всех духовных лиц и служащих по духовному ведомству, объявления церковей и монастырей собственностью государства, которая может быть отдаваема православным только на условиях обычной аренды; о приходе, как юридической единицы с правом самоопределения, не может быть тогда и речи. Дальнейшие требования законопроекта не замедлят сказаться сами собой: получение гражданской легитимации без совершения религиозных обрядов только при посредстве чиновников гражданского состояния, гражданский брак, гражданские похороны, устранение во всех публичных местах религиозных символов (кресты, иконы) и, наконец, неконфессиональная, чисто-лаическая школа, с полным изгнанием из нее Закона Божия. То, к чему Франция шла целыми столетиями не на счастье себе, – разумеет полное отделение церкви от государства, – то русские беспочвенные теоретики, не считающиеся ни с прошлым России, ни с настроением народа в настоящем, готовы провести в несколько дней. Правда, защитники отделения Церкви от государства находятся и среди людей церковных и религиозных. Они исходят из соображений блага и свободы Церкви. Они забывают, однако, что государство никогда не откажется от своих прав по

отношению к Церкви, Церковь же отделившись от государства, потеряет все свои права, но непременно останется при всех своих по отношению к нему обязанностях. Государственная власть, хотя бы и совершенно безрелигиозная, всегда будет в случаях, ей нужных, пользоваться влиянием и авторитетом Церкви, а при отказе ее способствовать видам и пользе государства, обратится к насилию. Да и может ли Церковь отказывать законной власти в помощи при осуществлении ее законных требований, не нарушающих религиозной совести? Церковь же, лишённая прав, но сохранившая все обязанности по отношению к государству, потеряет множество способов влияния на верующих, на общество и на государственную жизнь и вместо блага и свободы получится бессилие и горшее рабство Церкви...

Материальные средства Церкви, конечно, не составляют цели ее деятельности. Однако лишение материальных средств будет вместе с тем для нее лишением одного из надежных способов проявлять и осуществлять свое влияние на жизнь верующих, хотя бы только построением церквей, открытием и содержанием причтов, школ, учителей, изданием книг и т. п. Первый шаг в этом направлении уже сделан Государственной Думой: мы разумеем бесплатное отчуждение всех церковных и монастырских земель в пользу государства.

VI

Думский аграрный законопроект в первых параграфах уже был выработан, формулирован и принят в окончательной редакции аграрной комиссией. Он требовал отобрания в пользу крестьян, без всякого вознаграждения со стороны правительства, всех земель казенных, кабинетских, удельных, церковных и монастырских и отобрания с уплатой справедливого вознаграждения собственникам всех земель частновладельческих и принадлежащих «учреждениям», за исключением участков культурно-возделанных (сады, огороды, сельскохозяйственные культурные опыты) и участков небольших по размерам – не более 50 десятин. Основанием для такого законопроекта служило общее воззрение на землю: она не должна обращаться в капитал и в источник дохода путем отдачи в аренду, и может быть отдана только тем, кто ее сам, своим личным трудом будет обрабатывать.

Относительно «церковных» земель думский законопроект не озаботился точным их перечнем и разграничением и в число земель в собственном смысле «церковных» отнес и причтовые участки, которые во всей России служат важным подспорьем для содержания православного духовенства.

Законопроект свой Дума не решилась представить в его надлежащем освещении и в надлежащей мотивировке. А между тем это было бы и ясно, и прямо, и честно. Для всякого вдумчивого человека аграрный законопроект, по отношению к землям Церкви Православной, есть логическое следствие первого законопроекта о свободе совести: если все вероисповедания равны в государстве; если ни одно из них не считается господствующим и первенствующим; если ни одно вероисповедание не может дать своим последователям ни малейшего лишнего права в государстве сравнительно с другим каким-либо вероисповеданием, – то представляется совершенно необходимым и последовательным сравнить православную Церковь со всеми прочими вероисповеданиями, отобрать у нее и ее служителей все, что напоминает их древние права и преимущества, и выдвигает православие из числа других вероисповеданий. Отсюда, конечно, неизбежное требование отобрания церковных и причтовых земель и имуществ. В таком случае Думе для последовательности и «уравнения» нужно было провести закон до конца и применить его и к другим вероисповедным группам в России. Укажем примеры. В 1903 году не отобраны были, а только взяты в управление казны земли и имущества армяно-григорианской церкви с тем, чтобы деньги, вырученные казной от земель, были обращаемы на содержание армянского духовенства и духовно-учебных заведений. Земель и имуществ, при всех способах укрывательства, набралось на сумму до 4 миллионов рублей. Нужно заметить, что много земель армянской церкви было даровано ей русским же правительством в 30-х и 40-х годах XIX столетия для временного пользования. Поднявшаяся агитация во всех либеральных органах печати против этого закона, подкрепленная действиями революционных комитетов на Кавказе, вынудила правительство возвратить армянской церкви земли и имущества, которыми она теперь беспрепятственно владеет на Кавказе, в стране, где земельная нужда и теснота среди туземцев настолько обострилась, что по местам, как в Гурии, вызвала целое революционное движение на чисто-аграрной почве.

В Сибири ламаиты со времен императрицы Елисаветы щедро были одарены землей. По последнему Положению, в их среде ламы составляют одну десятую часть всего населения; все религиозные учреждения и лица в ламаизме освобождены от податей и одарены землей в количестве весьма значительном: бандидо-хамбо – 500 десятин, на ширетуя – 200 десят., на каждого ламу – 60 десятин, на низших служителей дацанов – по 30 десятин на каждого и даже на каждого ученика (ховарак) при главном

дацане – по 15 десятин на каждого. Имеют земельные участки и самые дацаны (ламайские храмы-монастыри).

Теперь уже не тайна, что по соображениям «тактическим» Дума не могла затронуть прав и преимуществ иноверных в инокристианских исповеданий. Поэтому-то аргументация аграрного законопроекта относительно церковных и монастырских имуществ и вращалась в области общих аграрных воззрений Думы.

Но и с этой последней точки зрения думский законопроект является несостоятельным и с принципиальной, и с практической точки зрения.

Законопроект имеет в виду дать землю малоземельным и безземельным оказывается, по отношению к православному духовенству, он достигает обратной цели, превращая имущих землю (в притом временно, пока член причта состоит на службе) в совершенно безземельных. Законопроект желает передать землю тем, кто ее сам обрабатывает, и на деле отнимает ее именно у трудящихся, ибо в России духовенство, особенно диаконы и причетники, в огромном большинстве случаев сами работают над землей⁷⁸. Наконец, законопроект разрешает оставлять у землевладельцев-собственников участки земли в размере не более 50 десятин и почему-то отнимает у духовенства гораздо меньшие участки, ибо на причт в России приходится 83 десятины, а при разделе каждому члену причта в отдельности – на каждое лицо значительно меньше: следовательно, ни о каких латифундиях тут не может быть и речи.

Что касается монастырских земель, то почему же они попали в число отчуждаемых бесплатно, а не наравне с «учреждениями»? Если монастырям казна иногда отводила земли бесплатно, то и учреждения получали их часто таким же путем. Если учреждения приобретали земли путем покупки или получали их по завещаниям, как дар, и поэтому должны быть справедливо вознаграждены платой за отчуждаемую землю, то и монастыри в этом отношении не отличаются от учреждений, ибо и монастыри, иногда покупали землю, иногда же получали ее в дар по завещаниям верующих людей. Если учреждения иногда возделывали землю, удобряли ее, вложили в нее труд, знание, капитал и посему справедливо могут рассчитывать на вознаграждение при отчуждении, то можно указать и монастыри, подобным же образом распорядившиеся своими землями. Разница одна: учреждения всегда разрабатывали землю наемными руками и притом на казенные деньги, а монастыри разрабатывали землю чаще всего трудами монахов или на деньги, специально отдаваемые жертвователями на обители, ради Господа и

спасения души. И еще есть разница, и опять в пользу монастырей: в учреждении обыкновенно видим одно лицо, в редких случаях – несколько, а монастыри наши обыкновенно весьма многолюдны, так что если каждого члена общежития монастырского удовлетворить из монастырского земельного участка равной долей, то надел на одно лицо не особенно разнился бы от обыкновенного надела крестьянского.

При всем том остается неразрешимым вопрос, который в подобных случаях всегда смущал общественную совесть, оскорблять которую – и нечестиво, и опасно. В самом деле, набожный христианин завещал имущество на религиозные цели, на расширение влияния Церкви в том или другом виде, в той или иной сфере жизни, наконец, на поминовение своей души; он себе отказывал, чтобы сохранить или приобрести это имение, и уж, наверное, отказал детям и наследникам, передавая землю церкви или монастырю. И вдруг законопроект Думы вторгается в такую сокровенную область, как религия, или, выражаясь словами даже думского законопроекта о свободе совести, «в то, что является интимным и драгоценным достоянием, и ради пользы государственной, к тому же и сомнительной, грубо нарушает волю завещателя. К чему может привести, в конце концов, такой принцип, последовательно проведенный в жизнь? Татары, насильники и завоеватели древней Руси, как показывает история, не решались на такой шаг, на который теперь решаются с легким сердцем. Только атеистическая точка зрения может его оправдать. Помнится, еврей Лассаль доказывал, что исполнение воли завещателя основано на вере в его загробную жизнь, а так как никакой загробной жизни нет, то... и т. д. Нужно сказать, что такое воззрение не помешало самому Лассалю всю жизнь пользоваться пенсией в 7 000 марок в год, завещанной в его пользу графиней Гарцфельд, с которой Лассаль состоял в близких отношениях. Неужели такая воля завещательниц священна, а воля умирающего верующего человека может быть попираема? Повторяем, это скользкий и очень опасный по своим выводам и последствиям путь оскорбления общественной совести и намеренного развращения народа. Прежде чем вступить на этот путь, надо крепко призадуматься не только о нравственной его гнилости, но если нравственные соображения отброшены, то, по крайней мере, об его вреде для народа и государства.

С практической точки зрения думский законопроект также не выдерживает никакой критики. Он разоряет духовенство и несколько не обогащает крестьян; он обрекает священников на положение чиновников и тем умаляет и нравственное их значение и, конечно, через это обездоливает духовно и пастырей и пасомых – крестьян. Объяснимся.

Что дадут духовенству вместо земли? Жалованье? Его не дадут, раз Дума поставила вопрос так, что земли причтовые отбираются без всякого вознаграждения, наравне со свободными казенными. Если при самом акте отобрания земель не говорится ни слова о вознаграждении за них и компенсации духовенства иным вспомоществованием от государства, то на будущее рассчитывать нельзя. Но, предположим, согласятся дать жалованье духовенству. Откуда, когда и в каком размере? Казна обременена долгами и едва справляется с текущими расходами; аграрный вопрос принудительного выкупа частновладельческих земель поставит перед ней еще миллиардный расход: до новых ли отпусков духовенству? Дума уже связала себя обещаниями ввести всеобщее начальное обучение; эта статья, предполагая необходимое расширение сети низших, средних и высших учебных заведений в соответствии с числом начальных школ (по крайней мере, в четыре раза сравнительно с теперешним их количеством), потребует нового ежегодного расхода до полумиллиарда рублей... Трудно ожидать при таких условиях назначение жалованья духовенству, особенно при господстве правового государства, по принципу которого, если дается жалованье православному священнику, то с ним нужно будет сравнять всех соответствующих ему служителей христианских и не христианских исповеданий... Иначе ведь не будет равенства.

Но если бы и нашлось желание дать православному клиру жалованье, то может ли оно дойти до таких размеров, чтобы вполне заменить доход с причтовых земель? Удобства их житейские и хозяйственные по условиям деревенской жизни таковы, что их трудно перевести на деньги. Есть вещи, которых и за Деньги в глухой деревне не достанешь, не занимаясь своим хозяйством (солома, топливо, овощи, свое молоко и молочные продукты, корм птице и скоту, животные продукты и т. п.). Эта сторона дела подробно выяснена во многих статьях, появившихся в различных церковных органах и написанных сельскими иереями по поводу думского аграрного законопроекта. Итак, Доходы и удобства земельного причтового участка, при условиях вашей деревенской жизни, оказывается, трудно учесть деньгами.

Нравственная же сторона здесь совершенно забыта, а она и совсем на деньги не может быть оценена. Священник, занимающийся сельским хозяйством, прежде всего на себе испытывает все нравственно-облагораживающее влияние святого земледельческого труда, воспитавшего все лучшие стороны духа славянской земледельческой расы. Кроме того, он роднится с крестьянином-пасомым общностью интересов, общностью печалей и радостей; он близок и понятен пасомым, и пасомые

ему понятны и близки. Общая у них и молитва к Господу о дожде и ведре, о благорастворении воздушных и земли плодоносии, об изобилии плодов земных и временах мирных.

Образованный и усердный священник здесь и в житейском быту поможет темноте народной и, конечно, раньше и лучше крестьянина введет в свое хозяйство улучшения, – не тысячные изобретения и машины богачей, все равно крестьянину недоступные, а такого рода улучшения, которые вполне применимы к небольшому деревенскому хозяйству и доступны среднему крестьянину. Свое хозяйство, своя земля, свой двор, скот, свой дом, – все это привязывает священника к приходу, все это заставляет его надолго, если не навсегда, оставаться на одном месте. А это вместе с тем роднит его более и более с окружающими, связывает с ними тысячами связей, заставляет заботиться о мирных и любовных с ними отношениях и дает ему чрез это силу и широту влияния на прихожан во всех возрастах. Иное дело священник, пробывший в приходе 2–3 года и переехавший затем в другое село, и совсем иное дело священник, который учил прихожанина в школе, венчал его, крестил его детей или даже внуков, хоронил его близких и т. д. Отнимите все эти невидимые связи, оторвите пастыря от земли и одинакового с пасомыми труда и одинаковых интересов, и получите священника-чиновника. Он будет переходить с места на место, как это мы и видим в южных наших епархиях, где духовенство, весьма обеспеченное, землю сдает в аренду и сельским трудом не занимается; он будет тем же, что представляет собой сельский учитель, фельдшер, пристав, акцизный чиновник. Мудрено ли, что и храм тогда перестанет быть местом общения пастыря с пасомыми и влияния его на них и обратится в место только «нужнопотребных» треб, которых нельзя избежать, а сам пастырь станет только наемником, требоисправителем. Духовная жизнь народа тогда будет замирать, общение с Церковью неизбежно будет умалено; душа народная, между тем, затоскует в одиночестве и заброшенности, запросит сродной пищи, запросит близких пастырей, – и бросится в объятия сектантства. Это мы и видим в Сибири, Новороссии и на Кавказе. В Великороссии исконно духовенство было народным, и мы здесь видим только раскол, все-таки в формах церковных сохранивший учение православия, национальное русское самосознание; в Малороссии же и вообще на юге, где богатые священники были всегда «панями», а дети их назывались «панычами», где духовенство крестьянским трудом гнушалось и через это стояло далеко от народа, мы видим, напротив, крайнее развитие религиозного сектантства в самых разнообразных его проявлениях, которые объединяются в

рационализме, полном отсутствии церковности и вместе с тем в наклонности к космополитизму и социалистическим тенденциям в области общественно-государственных воззрений.

Это знаменательные показатели.

Но, может быть, отобрание церковных земель даст, по крайней мере, крестьянству необыкновенное увеличение земельного надела, которое обратит крестьян из бедняков в состоятельных хозяев? Увы, даже и такого значение аграрный думский законопроект не имеет.

Газеты «прогрессивного» направления раздули и вместе с тем страшно замутили этот вопрос массой совершенно лживых статистических данных и выводов. Началось в 1904–1905 гг. с преувеличенного в тысячи раз показания монастырских капиталов, которых одна газета насчитала до 20 миллиардов (!); окончилось теперь, в 1906 г., таким же преувеличенным показанием количества церковных земель. Но если счет капиталов проверить довольно затруднительно, к тому же капиталы можно и скрыть, то уж относительно земли дело представляется совершенно ясным. Вот что читаем в офиц. органе Св. Синода – «Церк. Ведом.» 1906 года (№ 27) о количестве церковных и монастырских земель (нижеприведенные сведения указаны по надлежаще проверенным данным хозяйственного управления Св. Синода).

Газета «Трудовая Россия» сообщила следующие сведения о количестве церковных и монастырских земель:

«По исследованию, сделанному почти 30 лет тому назад, Церковным учреждениям, монастырям и церквям принадлежат 8 500 000 десятин. Земли эти чаще всего удобные и очень ценные, – с рыбными ловлями, с заливными лугами, с лесом. Расположены эти владения чаще всего не в глухих местах, где земли и без того много, а в местах населенных».

Газета не говорит, что это за «исследование, бывшее почти 30 лет назад», кем и каким образом оно было произведено, где находятся добытые им материалы и пользовался ли этими материалами автор газетной статьи. Без этих же данных сообщенные «сведения» являются только голословными. В виду же того, что подобные сообщения принимаются многими на веру и полагаются в основу для суждений и выводов по волнующему аграрному вопросу, представляется необходимым противопоставить им точные сведения, по данным, имеющимся в учреждениях Св. Синода. Эти данные, относящиеся к 1890 г., научно разработаны Н. А. Любинецким в сопоставлении с данными центрального статистического комитета по обследованию земельной собственности в 1877 году и изданы под заглавием: «Землевладение церковей и монастырей

Российской Империи» (Петроград, 1890 г.).

Окончательные выводы из данных Святейшего Синода (1890 г.) выражаются в следующих цифрах:

а) Церквей, имеющих земельную собственность, во всех епархиях Империи – 80 993. Количество принадлежащей им земли составляет всего 1 863 943 дес. (В том числе неудобной – 154 366 дес.).

б) Монастырей, имеющих земельную собственность, – 697. Количество принадлежащей им земли – 496 308 дес. (В том числе неудобной – 75 900 дес.).

Общее количество церковных и монастырских земельных имуществ составляет 2 360 252 дес. (В том числе неудобной земли 230 266 дес., т. е. 9,75% общего количества).

Чрезвычайно интересна в названной книге Любинецкого таблица со сведениями, сколько приходится на одно церковное владение крестьянских дворов. Оказывается, что на церковное владение крестьянских дворов приходится от 115 (в Архангельской епархии) до 678 (в Оренбургской епархии). Средний же размер церковного владения составляет 74,47 дес., что на один крестьянский двор составить от 0,64 дес. (в Архангельской епархии) и до 0,11 дес. (в Оренбургской епархии). Эти цифры наглядно показывают, как ничтожны в общей массе земельные владения церквей и монастырей и как жестоко ошибаются те, которые рассчитывают на церковные и монастырские земли, как на одно из средств к разрешению аграрного вопроса.

К сказанному следует прибавить, что земельная теснота чувствуется не в Архангельской и Оренбургской губерниях, а, главным образом, в черноземной полосе России. Представим себе, что здесь в приходе отдана в пользу крестьян причтовая земля: это 33 десятины по крайней мере па 800–900 мужских душ. Что же получают крестьяне? Им придется на человека по одной двадцать четвертой десятины. Вот и все обогащение; оно не только не отвратит, но даже и не отдалит земельного кризиса... По-видимому, даже и крестьяне сами, несмотря на усиленную среди них агитацию, понимают это: мы доселе еще ни разу не слышали и не читали, чтобы крестьяне требовали отобрать в их пользу или самовольно запахивали и косили земли церковные и монастырские. Не было даже попыток к таким насилиям или к погромам хозяйств на землях причтовых или монастырских. Профессор Чупров высчитал, что площадь крестьянского землепользования, при условии отобрания решительно всей земли в России в пользу крестьян, увеличится только на 42%; при приросте населения в России ежегодно в два миллиона человек, при

удвоении населения в 50 лет, передача даже всей земли крестьянам только отдалила бы несколько земельный кризис. Между тем, по исследованию того же профессора, улучшение сельскохозяйственной культуры быстро может повысить крестьянскую земледельческую производительность на 100, на 200 и даже на 300%. Возвышение нравственного уровня народа, уважение к чужой личности и собственности, уменьшение пьянства, возвышение трудолюбия и настойчивости в труде, пожалуй, дало бы еще более осязательные результаты...

Принижение Церкви и лишение ее материальных средств едва ли повысит народную нравственность, и без этого никакие земельные прирезки не создадут народного благосостояния.

Это сознано во всех государствах Западной Европы; там нигде не подрывают сил Церкви и просветительного влияния религии. Нигде в Европе не найдете духовенства более бедного, чем в России; думский же законопроект хочет сделать его совсем нищим. Нередко в европейских странах мы видим и церковные имущества: в Англии и Венгрии относительно их даже гораздо больше, чем в России. Это, заметьте, в культурно-правовых государствах.

Думские законопроекты с роспуском Государственной Думы, конечно, пока потеряли свою силу... Тем не менее, мы, подвергая их разбору, имея в виду не практическое осуществление их в данное время, а их принципиальную сторону. С этой точки зрения и высказанные нами суждения, полагаем, имеют значение не минутное и частное, а общее и постоянное.

—

Для полноты суждения приводим в подлиннике законопроекты Государственной Думы.

I. Основные положения законопроекта о свободе совести.

Каждому гражданину Российской Империи обеспечивается свобода совести. Посему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от вероисповедания, и никто не может быть преследуем, и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры.

Примечание. Все узаконения, ограничивающие гражданские и политические права лиц, принадлежащих к тем или иным вероисповеданиям, отменяются.

Все существующие и вновь образующиеся в Российской Империи вероисповедания пользуются в одинаковой мере свободой богослужения и отправления религиозных обрядов, а также проповедования и распространения своих учений, поскольку при осуществлении этой

свободы не совершается деяний, предусмотренных общими уголовными законами.

Никто не может быть силою государственной власти принужден принадлежать к какому-либо исповеданию, или исполнять обязанности, вытекающие из принадлежности к какому-нибудь вероисповедному обществу, или совершать религиозные действия, или участвовать в обрядах какого-нибудь вероисповедания.

Никто не может отказываться в силу своих религиозных убеждений от исполнения гражданских или политических обязанностей, кроме случаев, точно в законе указанных.

Всякий, достигший 17-летнего возраста, может выйти из состава вероисповедного общества, к которому он принадлежит; несовершеннолетний, не достигший сего возраста, воспитывается в том вероисповедании, в коем пожелают его воспитывать родители.

Примечание. В случае если родители принадлежат к различным вероисповеданиям, от их соглашения зависит выбор вероисповедания, в коем воспитываются их дети. Если такового соглашения достигнуто не будет, то дети мужского пола воспитываются в исповедании отца, дети женского пола – матери.

Особый закон определяет порядок ведения актов гражданского состояния.

Особые узаконения определяют преподавание вероучения. Эти узаконения не должны противоречить началам свободы и равенства вероисповеданий.

II. Объяснительная записка.

Основным государственным законам Российской Империи принцип свободы совести не чужд. «Свобода совести, – гласит он, – присвоается не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам, язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего различными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной, да множить благоденствие и силы Империи».

Точно также и свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных вероисповеданий (XI, 3) гласит, что первенствующая и господствующая вера в Российском государстве есть христианская, православная, католическая, восточного исповедания. Но и все, не принадлежащие к этой Церкви подданные государства и иностранцы, в оном пребывающие, пользуются повсеместной свободой отправления своей веры и богослужения, причем свобода веры присвоается не только

христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам».

Однако, этот великий принцип не нашел себе осуществления в законодательных нормах и тем более в практике государственного управления. Напротив того, несомненно, долгие годы Россия жила под режимом несвободы совести. В вышеуказанном своде учреждений и установлений духовных дел иностранных исповеданий прямо оговорено, что право распространять свое вероучение предоставлялось одной православной Церкви. Духовные и светские лица прочих христианских исповеданий строжайше обязаны не прикасаться к убеждениям совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовном законе установленным. Даже переход из одного иностранного христианского исповедания в другое можно было совершать лишь с разрешения министра внутренних дел. Мы не упоминаем здесь ни о специальном законодательстве по поводу отдельных христианских и не христианских исповеданий, ни о законодательстве, имеющем в виду раскольников и сектантов. Но если таков был закон, то деятельность администрации в этом отношении шла несравненно дальше. Едва ли какое-нибудь из инославных исповеданий не подвергалось особым административным ограничениям, а на некоторые воздвигалось настоящее преследование.

Последствия этого режима слишком известны. В народной совести это отношение власти к делам веры вызывало глубокий соблазн. Среди различных народностей, населяющих Империю, ограничение того, что является интимным и драгоценным достоянием, вызвало острую враждебность, колебало самые основы национального мира и наносило великий вред общественной крепости и мощи. С другой стороны, и православная Церковь, пользующаяся внешним привилегированным положением, но сдавленная государственной опекой и не обладающая той свободой, которая есть «единое на потребу» для носительницы религиозной истины, и преемства вероучения, – православная Церковь только страдает от этого режима, отнимающего у нее возможность нравственного воздействия и авторитет.

Навстречу настойчивым желанием, происходившим из различных общественных и национальных групп, исходивших и от служителей самой Церкви, пошло, наконец, и правительство. Уже в указе Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 года Верховная Власть признала неотложным «для закрепления, выраженного в манифесте 26 февраля 1903 года неуклонного душевного желания охранять освященную

основными законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного стеснения». Эти начала получили более подробное развитие и в указе Правительствующему Сенату 17 апреля 1906 года; согласно ему, переход из православного в другое христианское исповедание отныне не преследовался и не влек за собой каких-нибудь невыгодных в отношении личных и гражданских прав последствий, причем «отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало»; рядом с этим устранялись исключительные законы против раскольников: отныне раскольники и сектанты приравнивались с лицами других инославных исповеданий. Наконец, указ разрешил преподавание вероучения на местном языке и поручал его предпочтительно лицам, принадлежащим к духовной иерархии данного исповедания, и обещал пересмотр законоположений о магометанах, ламаитах и язычниках.

Высокие начала, положенные в основу указа 17 апреля и приветствуемые всей Россией, не получили, однако, надлежащего осуществления. Слишком глубоко укоренились бюрократические традиции и в ведомстве православного исповедания, и в управлении иностранными исповеданиями. Сверх того, во многих частях России, где религиозный вопрос оплетается с политическим и национальным, местная административная власть не считала возможным лишить себя средства, которое в ее глазах было крайне могущественно в политическом смысле, и признать право свободного перехода из православия в другие исповедания; в особенности это относилось к переходам в католицизм среде обитателей различных губерний Западного края и Царства Польского. Итак, указ 17 апреля не дошел в утверждении принципа религиозной терпимости до конца: допуская переход в неправославные исповедания, он не разрешил, однако, этим последним свободного распространения своих вероучений, которое по-прежнему принадлежало лишь православной Церкви. Наконец, он ничего не говорил о праве, не принадлежать ни к какому исповеданию, – праве, которое, очевидно, входит в последовательно проводимый принцип свободы совести. Очевидно, как с ним несовместимо принуждение – прямое или косвенное – к принятию какой-либо религии, так несовместима и принудительная религиозность вообще.

В великий день 17 октября возвещалась непреклонная воля Монарха «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы слова, собраний и союзов». К сожалению, и здесь последующие законодательные постановления не остались верны духу манифеста 17 октября: так, закон 14 марта 1906 г. о введении в действие нового уголовного уложения для преступлений религиозных, за исключением некоторых поправок в законодательстве о раскольниках, в общем, стоит на почве уголовного уложения 22 марта 1903 г. и далеко не соответствует принципам указа 17 апреля и тем более манифеста 17 октября. Задача введения религиозной свободы в России осталась невыполненной.

Исполнение этой задачи является первой обязанностью первого народного представительства. И среди этих форм свободы одной из важнейших является свобода совести. Лишь полное ее осуществление может восстановить то доверие и нравственную связь отдельных народностей, без которых невозможно процветание, благоденствие и мощь России, невозможно поднятие авторитета православной Церкви, невозможно умиротворение народной совести. Именно здесь менее чем где-либо, возможны полумеры и компромиссы, менее всего допустимы ограничения для всякого русского гражданина оставлять старое и выбирать новое исповедание, согласно велениям своей совести, исполнять религиозные обязанности не общегосударственные, участвовать в культе и распространять то, что ему предписывает разум и совесть. Такая свобода может повести лишь к нравственному обновлению России, к укреплению в ней религиозного чувства, к водворению в ней взаимного согласия и мира.

—

Аграрная комиссия Государственной Думы приняла первый пункт аграрного законопроекта в следующей редакции:

«Для расширения площади землепользования трудового земледельческого населения обращаются пригодные для сельскохозяйственного промысла земли: а) казенные, удельные, кабинетные церковные и монастырские; б) в порядке принудительного отчуждения, земли учреждений и частновладельческие».

Поход против религии и христианства

В 60-х годах прошлого столетия, как известно, «освободительные» влияния в печати и обществе сразу и открыто объявили поход против религии и христианства. Господство в то время материалистической философии, успехи естествознания, многим вскружившие голову, гипотезы дарвинизма, нашедшие себе место и в социальных, и в этических системах, с одной стороны, а с другой – несомненное влияние неостывшей еще злобы после борьбы с папством в Италии, – все это обуславливало напряженность борьбы против религии и давало ей обманчивое право выступить под знаменем «науки». И в «науке», действительно, появлялось в то время много учений, открывалось много фактов, особенно в области геологии, физиологии и химии, которые, казалось, колебали религиозные устои и во многих искренних и благородных умах производили мучительные сомнения и колебания. Это было тяжкое искушение веры.

Прошло немного времени, и через 20 лет мы увидели возрождение идеализма и спиритуалистической философии, ибо та же истинная наука многое объяснила и своими открытиями многое подтвердила в области религиозного мировоззрения. Идти против религии во имя «науки» стало прямо смешно после трудов и отзывов в защиту религии таких ученых, как Друммонд, Вольф, Карпентер, Тиндаль, Вундт, Пастер, Вирхов, Дюбуа-Реймон, Фламарион, Сабатье, даже Литтрэ, ученик самого Конта.

И у нас в России это отрезвление мысли, – хотя и не без уклонений от нормального хода, в виде толстовщины, – сделалось весьма заметно в научном идеалистическом движении философского мировоззрения у таких ученых, как Грот, архиепископ Никанор, Менделеев, Сеченов, Бекетов, Богданов, Чичерин, Любимов, Бугаев, Некрасов и прочие.

Как ни представлялся ожесточенным поход атеистического нигилизма 60-х годов, он, однако, затронул только «интеллигентные» слои общества и не был столь опасным для всего народа. Одни из «интеллигентов» искренно сомневались, но много читали и учились: они, под влиянием поворота в науке, пошли вслед за ней на путь идеализма и религии. Другие, большинство недоучек и верхоглядов, шли вслед за модой: когда мода изменилась, примолкли и эти неглубокие атеисты; вчерашние чистые материалисты вдруг заговорили языком толстовщины о царстве Божиим, о воле Божией, о непротивлении злу, о подлинности Евангелия, заговорили против курения табаку, против водки и даже сообщения с женщиной... Для мысли народа мнимонаучные аппараты

безбожия были недоступны, и наши нигилисты не могли и говорить с народом об этом во имя науки: это значило говорить на непонятном языке.

Современное наше «освободительное» движение, несомненно, по своей сущности не только глубоко атеистично, но и фанатически враждебно всякой религии. Но, удивившее мир целым морем лжи, клеветы, самой низкой и подлой беззастенчивости, полной неразборчивости в средствах и какого-то нравственного идиотизма, оно вначале, ради «тактических» целей, не боролось с религией. Было объявлено, согласно Эрфуртской программе, что «религия – дело частное». Мало того, как увидим ниже, одно время «освободительная» печать стала даже на защиту Церкви...

Притом во имя чего же можно было идти против религии? Правда, социализм весь и всецело покоится на материализме, не прочь подчас развязно притянуть и «науку» к своим доводам и выводам, но жалкое, дешёвенькое материалистическое мировоззрение теперь разделяется разве только хулиганами из кабаков и героями Горького, вместе с невысокообразованным творцом этих типов, который и ввел их в русскую литературу.

В науке материализм теперь не имеет никакой цены.

Да и как, и кому теперь опереться на науку? Вожди нашего «освободительного» движения – это такие откровенные и круглые невежды в области знаний, что в их руках научное знамя совершенно не может держаться, и это они сами лучше всех сознают⁷⁹.

Их орудие – лож, злоба, зависть и ненависть, воздействие на низменные инстинкты толпы, чего они и сами не скрывают в тех программных брошюрках, как «Задачи пропаганды в деревне». Молодежь 60-х годов много занималась, читала, составляла кружки самообразования; нынешняя молодежь, идущая в челе «освободительного» движения, есть молодежь исключительно «неучащаяся». Кому не знакома эта незрелая, неразвитая среда полумальчиков по умственному развитию, которых гимназия выпускает с аттестатами зрелости!

Слащавая мнимо-гуманная тенденция не ставит двоек по уверенности, что «двойки не внедряют в сердца учащихся любви к преподавателям», что курс средней школы будто бы таков, что его «могут усвоить и способные, и «так называемые» неспособные ученики», что вследствие этого «учитель, ставящий ученику двойку, ставить ее себе самому»⁸⁰ – такая тенденция заставляет тянуть до VIII класса весь гимназический хлам и выпускать его увенчанным аттестатами. Быть может, во многом и студенческие беспорядки объясняются тем, что

первокурсники, вышедшие из гимназии без всяких знаний, оказываются решительно неспособными и неподготовленными следовать за университетским курсом...

Что благодарнее такой почвы для сеяния разрушительных теорий? Чтоб усвоить их, ведь так мало надо иметь ума и научных познаний. То и другое с успехом можно заменить наглостью, верхоглядством и взятыми напрокат с митингов и со слов агитаторов готовыми фразами и затем, в тоге героев освободительного движения, решить, подобно Смердякову: «все позволено». Надо бороться против правительства, надо свергнуть существующий строй, – вот и вся философия.

Неудивительно, что в устах таких круглых невежд не могло найтись слов против религии во имя науки. Мы видим, что еврействующие и радикальные газеты, все эти Биржевые Ведомости, Сын Отечества, Русь, Двадцатый Век, Русское Слово, Путь и проч., все бесконечные прихвостни радикальной печати в провинции по началу даже взяли Церковь под свою защиту, вопили по поводу «угнетения и паралича Церкви», кричали об ее свободе, о восстановлении в ней канонических начал, о соборе, об упразднении бюрократии в Церкви и т. п.

«Не красна песнь в устах грешника». Не верилось в искренность атеистов, распинающихся за свободу религии. И не трудно было догадаться, что здесь умысел только один: возбудить недовольство и в служителях Церкви, увлечь и их на путь борьбы с правительством.

Замысел этот, к сожалению, до некоторой степени удался, и некоторые съезды духовенства по своей бесшабашности, радикальности по озлобленности и легкомыслию превзошли буйные митинги озверелых и пьяных «сознательных» пролетариев... бастовали послушники, «требуя» ежедневно бутылки пива, бастовали псаломщики, и батюшки, ссылаясь на «благо Церкви», требовали вторых жен, брюк «на выпуск», посещения театра и прочих благ... К «науке» апеллировали очень робко: ведь все эти отцы и господа с наукой в духовных школах мало знали, а воспитывались исключительно на газетках и сплетнях, ибо и духовная школа по части «неделания» не отставала от светской в последние годы, подготовительные к «освободительному» движению. «Сознательным» батюшкам казалось, что они приняты под особое покровительство «освободительного» движения: нас уверяли, что это движение ничего не имеет против религии, вообще против христианства и православия, против Церкви, лишь бы религия и Церковь не служили-де орудием для деспотизма и правительства...

И вот собралась первая Государственная Дума. Известно, что она

оказалась однобокой и накренилась вся влево. Только и были там представители «освободительного» движения. Даже и священники попали в общий тон. На днях один из видных «кадетов» восхвалял двух либеральных депутатов в рясах. И что же? Дума начала с оскорблений Церкви; в Думе открыто кощунствовали от имени русского народа такие «русские» представители, как г. Рамишвили (евреи, по обычаю, помалкивали и, по племенному неизменному обычаю загребать жар чужими руками, пользовались услугами христиан); Дума решила уничтожить значение православной Церкви, как первенствующей в Империи, объявила свободу атеизму, а чтоб уравнять православие с прочими религиями, решила отнять у Церкви без всякого вознаграждения все церковные, монастырские и даже причтовые земли. Все, конечно, были цветки, ягодки были впереди, – и кто знает, к чему бы пришла Дума, если бы ее «деятельности» не положен был конец.

Поход против религии и Церкви продолжается теперь в «освободительной» литературе. Она подготавливает будущие «требования» от Церкви.

«Свобода» печати с начала 1905 года, и особенно после октября, обратилась в такую разнузданность и в такую фанатичную ненависть против всякой религии, что Русь святая сразу в этом превзошла все страны Запада. Не угодно ли почитать «Рассказы из истории России» Шишко, – эту невежественную пачкотню и низкую подделку под науку и историю? Там увидите глумление над христианством и полное отрицание заслуг его в истории России. Россия, видите ли, была бы счастлива, если бы при Владимире святом не крестилась.

Не угодно ли полюбоваться на это наводнение литературы нашей, книгами Ренана об Иисусе Христе, об апостолах, об антихристе, – книгами, которые сразу изданы по дешевой цене несколькими книгоиздательствами и которые прямо рассчитаны на подрыв христианства⁸¹. Не угодно ли подивиться необыкновенному усердию в издании сочинений Толстого, – не тех, где он называет социализм безумием, конституцию – задержкой прогресса, освободительное движение – забавою праздной и неумной русской интеллигенции, – а сочинений, направленных против догматов христианства, против святости евангелия, против духовенства и Церкви! (См. издания Всемирного Вестника, Посредника и друг.)

Но что стало появляться в самый последний месяц, – это превосходит всякое вероятие.

В брошюрах еврея Каутского доказывается одновременно, что Иисус

Христос вовсе не существовал, и что Он был социалистом.

Еврей Дитцген в брошюре «Религия социал-демократии» открыто отрицает всякую религию.

Бebel в брошюрке «Христианство и социализм» издевается над христианскими верованиями, над таинствами, над апостолами, над соборами и святынями.

Еврей Лафарг пишет «О причинах веры в Бога в современных классах общества» (и заглавие-то нелепое).

В брошюрке за 8 копеек рассуждается «О религии и пролетариате» (издательство Скимунта).

Здесь – сплошное глумление над всем святым, невежественное, наглое, даже без quasi-научной обоснованности, – просто – отвратительная ругань!

Приведу образчики из этой книжонки. Из нее читатель из класса рабочих, для которых и написана книжка, узнает, что идея о Боге создана дикарями, которые видели сны и принимали их за Божество (стр. 8), поддержана была буржуазией и капиталистами, которые «жгут свечи пред образами», находя в религии (каким образом?) оправдание своей лени и социальной бесполезности (стр. 18). Поэтому логичнее (!) пролетариату совсем не признавать существования Бога: как бы ни молился рабочий, он не получит от Небесного Отца ежедневного хлеба; только заработная плата дает пролетариату хлеб (стр. 33). С наступлением социалистического строя не останется места для неизвестного (?!), и тогда человек окончательно перестанет верить в Бога (стр. 37).

Преподнося эту давно опровергнутую в науке старую-престарую стряпню Фейербаха, Кондильяка и К. Фохта в качестве новости, Лафарг, конечно, рассчитывает только на невежество своих читателей. Но какова прямолинейная, чисто-скотская узорь и грубость утилитарного воззрения на религию!

Еще грубее понятия о христианстве. По словам этого мнимо-ученого еврея, сущность христианства – паразитизм! Верующий, видите ли, вместо того, чтобы зарабатывать, просить Бога: «хлеб наш насущный даждь нам днесь». Поэтому, – уверяет Лафарг, – ни один христианин, достойный этого имени, не прибегнет к труду для получения необходимых жизненных средств (стр. 12).

Издеваясь над учением евангелия об Отце Небесном, Лафарг замечает: «Отцом Небесным буржуазии является класс наемных рабочих; они – бог, который удовлетворяет все потребности буржуазии.

Еще дальше идет книжонка М. Бакунина: «Бог и государство», месяца

три тому назад выпущенная книгоиздательством, носящим громкое название «Логос». Бакунин – чистой воды анархист. Если Лафаргу надо лягнуть буржуазию, то Бакунину надо уничтожить государство. А так как религия освящает власть, то она – нелепость, со всем ее учением о Боге, о душе и даже о нравственности... «Христианин – не человек», – рассуждает Бакунин, намекая на учение евангелия о смирении, – «потому что у него нет сознания своего человеческого достоинства; поэтому, не уважая в себе самом человека, он не уважает его и в другом». Христианство способствует только порабощению человека государству, которое есть зло, «божественная санкция животной силы и торжествующего беззакония».

«Невежество, благочестие и вера» народных масс являются «гарантией эксплуатации одних людей другими». Поэтому надо, во что бы ни стало ниспровергнуть всякую религию, чтобы «разрушить проклятый принцип власти как человеческой, так и божественной».

Но даже и такая беззастенчиво-наглая анархическая прокламация, это – только невинная вещь сравнительно с брошюрой С. Фора, название которой отвратительно и выписывать: «Преступления Бога!»

Брошюра напечатана издательством «Солидарность» (поистине, всякий бес найдет себе болото). Она содержит в себе такие выражения кощунства и богохульства, что я решительно не в состоянии написать их здесь даже в намеках. Заглавие этой мерзкой книжонки говорит само за себя и достаточно характеризует ее содержание. В ней ни одного научного довода; читатель все время видит и слышит одну безумную ругань сумасшедшего фанатика.

Не станем больше перечислять и называть подобные брошюры. Довольно сказать, что атеистически-анархическая идея проходит явно в отдельных выражениях решительно во всех этих бесчисленных «красных» брошюрках, печатаемых с вычурными названиями разными книгопродавцами, неизвестно откуда почерпающими средства на дело, требующее не малых расходов.

Ясно, что вся эта «литература», заполнившая наш книжный рынок во имя «свободы совести», положительно отравляет совесть нашего простого верующего народа. Ясно, что ведется систематически поход против религии и Церкви, ведется искусной рукой, снабженной откуда-то взятыми миллионами рублей.

Что же смотрит правительство? Что же смотрит духовная власть?

Дело в том, что мы, ведь, присутствуем при открытом нарушении закона, безнаказанно совершаемом на глазах всей России.

Закон о духовной цензуре не мог быть отменен. Согласно этому

закону, все сочинения, касающиеся религиозных вопросов, должны разрешаться к печати духовною цензурой.

Правда, в известной комиссии Кобеко по вопросу о печати присутствовали два духовные лица; из них одно прямо высказалось за отмену духовной цензуры. Но эти духовные лица, насколько нам известно, не были уполномочены Св. Синодом; они выражали ни больше, ни меньше как свои личные мнения, а не голос и согласие Св. Синода. Во всяком случае, голоса и решения Св. Синода по этому важному вопросу верующие люди не слышали; духовно-цензурные комитеты зачем-то существуют, а недавнее разъяснение Св. Синода подтвердило, что даже епархиальные печатные органы и журналы должны быть непременно представляемы на предварительную цензуру.

Правда, после занятий комиссии Кобеко последовало при графе Витте издание временных правил о печати. Но правила эти не могли отменить закона о духовной цензуре: о них не запрошено было отзыва высшей духовной власти. Св. Синод со своей стороны никакого распоряжения не опубликовал. Таким порядком нельзя было упразднить закон о цензуре всех сочинений касающихся религии.

Итак, то, что теперь делается, – то есть свободное печатание безбожных брошюр, – есть вопиющее беззаконие.

Не отменена ст. 181 Улож. о Наказ., карающая кощунство в печати. Не отменена и ст. 1 Уст. предупр. и пресеч. преступл., именующая губернаторам обязанность охранять население от оскорблений его религиозного чувства.

И теперь стоим мы перед вопросами: Неужели для государства уже не существует обязанности охранения веры? Но тогда в чем же союз Церкви с государством? А если долг этот перед Церковью и государством не сознается, то неужели не говорит в представителях власти голос долга пред народом и голос государственного самосохранения?

Что делать Церкви в виду такого положения? Как судить пастырей, если за их посевами доброго семени, разбрасываемого горстью, идут бесы с мешками зловредных плевел и топчут, и засыпают доброе семя? Удивительно ли, что у пастырей нива запустеет и плода не принесет?

Нигде в мире не позволено печатное и открытое богохульство и кощунство, хотя бы даже во имя пресловутой свободы совести! Ведь даже во Франции подобные выходки останавливаются государством и влекут за собою судебное преследование.

Неужели в России до конца будут следовать губительному правилу: сначала все и всех распустить, предоставить злу полную свободу действия,

молчать и мирволить, а затем, когда пожар охватит огромное пространство, и опасность гибели предстанет воочию, тогда спешно, именно как на пожаре, но всегда поздно, принимать меры к подавлению зла...

Падение религии, это – падение первой и последней опоры всякой государственности. Религия – это своего рода *vis medicatrix naturae* в духовной области, постоянный источник нравственных сил и оздоровления народа. Религия – это единственный общий язык народа, на котором с ним можно говорить во имя запросов высшего порядка. Ничто не заменит религии, и школа, на которую так надеются, совершенно бессильна исполнить ее задачи. События последнего времени достаточно показали это. Школа не дает вечных основ морали; она роковым образом всегда будет служить всякому «новому слову» – и худому, и доброму, «так, вслед за подрывом морализующей силы религии, несомненно, начнется разброд общества и полная нравственная и государственная анархия. Этого и нужно врагам государства. Но же в руку играет государство, допуская свободу кощунства и открытого богохульства?

И неотмененный закон, и долг пред Церковью, и долг заботливости о духовном благе народа, и, наконец, чувство самосохранения, – все это должно заставить власть обратить внимание на поход печати против религии и Церкви, на эти систематические попытки вытравить в русском народе веру, разбудить разжечь в нем животные инстинкты.

Здесь как нельзя более уместно напомнить завет Петра Великого: «Промедление времени смерти подобно».

С кем нам соединяться?. Речь на третьем Всероссийском патриотическом съезде в Киеве

По прибытии в город Киев, я пошел в день воскресения в Киево-Софийский собор.

Седая, величавая древность! Великая, много говорящая душе святыня!

И вот, когда я стоял в соборе в ожидании службы, предо мною в воспоминаниях протекла его многострадальная история. Как много он видел, как много он испытал!

Вспомнилось, что здесь возглашалось имя папы римского, вспомнилось, что здесь восходили на кафедру епископы и митрополиты-униаты, пока не восторжествовало здесь вновь православие. Все эти Михаилы, Кириллы и Ипатии Рагозы, Терлецкие, Пацеи, все эти епископы-изменники, униаты, путем партийных происков приняли унию с католичеством. Их назначили в сенат польский, или дали поместья, власть и богатство; они радостно называли себя и считали примкнувшими к образованной Европе. Началось открытое гонение на православных священников, которых надеялись заставить пойти на уступки католичеству.

Все: и сила государства, и силы ума, и представители Церкви, – все стояло за унию, успех унии был обеспечен, и, однако, она провалилась. Почему?

Да потому, что за ней не пошел и не пойдет народ, этот стойкий и терпеливый богатырь, верный основам своей веры и жизни. Уния, уступка епископов, была не только изменой истине православия, правилам церковного подчинения и религиозному долгу. Нет, это была полная капитуляция перед Западом, полный отказ от самостоятельности, от своих культурно-исторических задач и типа, от себя, от своего народного дела. Им казалось, что, побывав в Риме и поклонившись папской туфле они – европейцы, и в этом рабстве они видели источник для своей гордости!

Но дело их погибло с шумом. Когда от Москвы доносилось сюда до Киева истинное «освободительное движение», истинное дыхание «народной свободы» на основах православия и народности, в единой, неделимой России сгинула чуждая тьма, погибли изменники, и власть Самодержца всея Руси здесь стала незыблемой в осенении Креста, обвеянная духом народным, дыханием благоговения: «Волим под Царя Московского, православного».

Вы спросите, – к чему я об этом говорю?

Но вы сами догадываетесь: к тому говорю, что нынешнее время во многом для нас похоже на время перед унией: нам предлагают унию русских основ с основами жизни европеизма; И силы государства, силы ума – интеллигенция, по местам даже служители Церкви – стали за это дело.

Будем осторожны, братья! Нам предложат уступить, нам предложат унию. Ради временной выгоды, ради целей избирательной борьбы, чтобы провести в думу нашего кандидата, нас будут просить войти с кем-либо в соглашение и при этом уступить из своих убеждений, примириться временно с тем, что пахнет европейской конституцией.

Стой твердо, русский православный человек! Не поддавайся лукавым и хитросплетенным приманкам! Ни слова лжи, ни тени неправды, ни на волос уступки.

Смотрите, – кругом нас все менялись. Кадеты выдавали бронзовые векселя, – обещали то, о чем заведомо знали, что не исполнять, меняли программы и одним на белых бумажках писали одно – для панов, другим на других бумажках писали совершенно иное – это для хлопков. Октябристы шатались влево – вправо, вправо–влево. Только мы не менялись. Только мы твердо стояли на одном, только мы не подтасовывали наших программ, платформ и положений.

Все должно делаться прямо, честно, открыто, искренно, по-русски. Мы ищем только правды, только одобрения совести.

И вот, разве мы рассыпались, разве мы ослабели, разве нас мало? Не мы идем к кадетам и октябристам, а к нам идут, нас ищут; нас заметили враги России, скрежещут они зубами, сулят нам гибель, – да Бог не выдаст, никто не съест. На нас смотрит правительство. Но мы знаем, что и гр. Витте тоже был «правительство», поэтому и в отношениях к этому последнему мы сохранили полную самостоятельность, и против того министра, который захочет взять у нас Царя, как граф Витте, мы будем бороться всеми законными способами; против законов и распоряжений, губительных для интересов русского народа, мы будем протестовать самым энергическим образом.

Пусть мы будем одиноки, пусть нас не станут называть европейцами, пусть зовут черносотенцами; пусть уверяют, что мы – глупцы и невежды. Мы лучше останемся одиноки со свое правдой и народной совестью, чем, продав или затемнив правду, будем пользоваться снисходительными похвалами врагов. Пусть ни один из нас не попадет в Думу: воля Божия. А, правда наша нам дороже и тысячи Дум.

Древним христианам мучители говорили: «вы не верьте нашим богам,

вы только бросьте на огонь перед идолом кусочек ладану, скажите только два слова (domine, Caesar), – и ваша жизнь спасена». Христиане отвергли совет и шли на смерть. А мир и будущее принадлежали, однако, им, а не их гонителям и мучителям.

В уступках нет границ, и стоит сделать только один шаг, чтобы за ним последовали другие. Я видел: люди, достойные уважения, которые идут к нам, хотят с нами слиться, искренно считают себя нашими и, однако, не избавились окончательно от европейского очарования, вдруг заговорит против «сословий», «расовой борьбы», и «все, в конце концов, зависит от брюха».

Чем это отличается прямо от социализма? Вот что значит хлебнуть чуть-чуть конституции, поклониться заношенной туфле Европы.

Посему скажу: бойся конституции, как сатаны!

Впрочем, сатаны я не боюсь, от него крестом оградишься, а конституции боюсь...

Все эти мысли посетили меня в древнем храме, и по сердцу ударила песнь, как раз в это время пропетая хором:

«Вскую мя отринул еси от лица Твоего, Свете незаходимый? И покрыла мя чуждая тьма окаянного».

Вот уже поистине отринул нас Бог от лица Своего за то, что многие русские люди пошли в чуждой тьме европейской, и пренебрегли свой домашний свет, и возлюбили некоторые русские люди в этом чужебесии тьму паче света.

Это не относится к нам, монархистам. Наш свет во тьме светит, и тьме его не объять. Будем же тверды, будем мужественны, будем верны вековым нашим заветам, – и победа окончательно будет за нами.

К нам пусть идут, мы – ни к кому. Но, приходя к нам, пусть принимают целиком наше исповедание веры.

С нами Бог, с нами Царь и с нами русский народ. Будь же верен до смерти, и дастся тебе венец жизни и венец полной победы!

К вопросу об автокефальности грузинской Церкви: Общее положение. Политические условия. Практические затруднения.

В Петроград вызваны епископы-грузины; ожидается особое заседание Св. Синода с их участием, а также с участием экзарха Грузии для рассмотрения петиций духовенства Грузии и Имеретии и отдельной петиции грузинских епископов о даровании автокефальности грузинской Церкви. Вопрос об автокефальности созрел как-то особенно быстро и неожиданно и всплыл в резко-определенной форме собственно в последний год, – в год смуты и беспорядков в России и в Закавказье. Он страстно обсуждался на епархиальных съездах духовенства: в Имеретии (в марте прошлого года) и в Грузии (в мае прошлого года); одновременно он перешел на страницы русских и кавказских газет, освещен был историческими справками и, собственно говоря, дальше исторического, чисто-научного обсуждения и не пошел. Вся полемика по этому вопросу свелась к одному пункту: была ли грузинская Церковь автокефальна до присоединения Грузии к России, или она все время до XIX в. состояла в зависимости от Антиохийского патриархата.

Вопрос остается и донныне неразрешенным. Как фундамент и истинная причина той страстности, с которой относится часть грузинского духовенства к автокефалии Церкви, конечно, лежит чисто-национальное самосознание Грузии и желание дать этому национальному сознанию внешнее выражение в видимой самостоятельности их Церкви. В этом отношении грузины, не скрываясь, с завистью указывают на армян, своих соседей в Закавказье...

По знаменательному совпадению как раз в мае месяце прошлого года, в момент наиболее острых суждений в среде грузинского духовенства об автокефалии, Вселенский патриарх написал особое послание Святейшему Всероссийскому Синоду о взаимоотношении поместных церквей; оно напечатано теперь в первом новогоднем номере «Церковных Ведомостей». В патриаршем послании есть строки, в полном смысле драгоценные при обсуждении петиции грузинского духовенства. Вселенский патриарх прямо осуждает опасную болезнь переживаемого времени, «цели, и стремления которого запечатлены более мирским и племенным характером, противным священным апостольским и соборным канонам»...

Чтобы не быть в фальшивом положении относительно обсуждаемого

вопроса, нам нужно теперь же с полной откровенностью и ясностью установить, какие собственно интересы преследуются в домогательстве автокефалии грузинской Церкви? Если здесь – только «мирские и племенные цели и стремления», выступающие «под видом ревностного попечения и защиты польз православия», то, собственно говоря, вся полемика по вопросу об исторических основах автокефалии и самое обсуждение вопроса с чисто-канонической и церковной точек зрения, – все это является совершенно излишним. Если церковный характер в постановке вопроса является только прикрытием и флагом для побуждений иного рода, то церковной власти следует ли вступать в обсуждение дела, которое, по выражению вышеупомянутого патриаршего послания, «Церковь Христову старается обратить на службу и сделать орудием мирских целей и политических программ». При таких условиях обсуждение этого огромного вопроса будет бесплодно: политические стремления, обычно, не считаются ни с логикой, ни с историей, ни с чувством справедливости; они знают только благоприятные и неблагоприятные условия...

При каких же условиях возникли домогательства автокефальности грузинской Церкви, о которой два года назад ничего не было слышно не только в России, но и в Закавказье?

Политические условия

За последние 5 лет мечты грузин не шли дальше пожеланий, чтоб экзарх Грузии был родом грузин, чтобы не только все епископы в Грузии, но и все служащие по духовному ведомству были из грузин, и чтобы в духовные семинарии Закавказья принимались исключительно грузины; чтобы в семинариях изучалась история и литература грузинская; чтобы богослужение и проповедь в семинарской церкви совершались на грузинском языке и, наконец, чтобы начальствующие и гг. преподаватели в семинариях были также одни грузины. Это было пределом мечтаний и стремлений.

Конечно, всегда говорили и о том, что грузинская Церковь в древности была автокефальной. Но эти речи не выражали никаких домогательств автокефальности, а являлись лишь поэтическим воспоминанием о древней силе и славе грузинского народа и о блеске политической жизни древней Грузии при царице Тамаре.

Домогательства автокефальности Церкви вызвала несчастная русско-японская война. В июне 1904 года уехал с Кавказа бывший главноначальствующий князь Голицын; в июле убит был Плеве, и его заместитель, князь Святополк-Мирский, по матери-грузинке и по

рождению в Тифлисе близкий человек для Кавказа, открыл новый курс во внутренней политике России. Этот курс по отношению к Кавказу сказался, прежде всего, в том, что сюда возвращены были многие из высланных политических агитаторов. И правителем всего края, хотя временным, был оставлен генерал Малама, человек, не знавший Закавказья и притом слабый и неспособный администратор. Одновременно с этим, на Дальнем Востоке, совершались страшные для России события, включительно до предательской сдачи Порт-Артура и мукденского разгрома.

Во все это время настоявшего правителя в Закавказье не было; утомленный старостью и нажитыми немощами, граф Воронцов-Дашков без конца сидел в Петрограде и после назначения в январе только к 5 мая успел прибыть в Тифлис. Заменявшие его на Кавказе власти не могли действовать самостоятельно и уверенно, а благоденствовавший на берегах Невы главный начальник в широковещательных и туманных «манифестах» объявлял, что он везет с собой обновление жизни Кавказа и «умиротворение». Эти манифесты вызвали здесь ожидание, что Воронцов-Дашков привезет с собой из Петрограда кавказским народностям бесконечные уступки всевозможным националистическим стремлениям.

На фоне всех этих обстоятельств, непосредственно после падения Порт-Артура и особенно после мукденского погрома, разыгралась кавказская революция. Она-то и подготовила почву для вопроса об автокефальности грузинской Церкви.

Падением престижа России, – к чему особенно чутки народности Востока, – и общим расстройством и неопределенностью правительственной системы прежде всего и больше всего в среде грузинского народа воспользовались социал-демократы и социал-революционеры: Впереди пошла Гурия, уже ранее подготовленная к волнениям: здесь возникли аграрные беспорядки, начались убийства помещиков, бойкот их земель, отказы от уплаты податей и арендных денег, отказ от уплаты драмы (руги) и взносов за требоисправления духовенству. Движение это быстро перебросилось в Мингрелию, в Имеретию, затем перешло в Горийский уезд, – все это происходило по линии железной дороги под постоянным воздействием железнодорожных рабочих и их агитаторов, социал-демократов.

Для выяснения нужд и заявлений крестьян-гурийцев в феврале прошлого года был послан в Гурию г. Крым-Гирей, впоследствии помощник наместника, родом татарин, англиканского вероисповедания, человек весьма либеральный и еще ранее заявивший себя сторонником племенных тенденций. Он объехал все гурийские сельские общества,

беседовал с представителями народа, причем удалялись обычно все чины полиции и допускались только корреспонденты русских и грузинских местных газет, которые подробно и дословно сообщали и печатали все, что заявлялось народными представителями Гурии комиссару русской правительственной власти.

В этих беседах гурийцы буквально ни полслова не сказали о подавлении их родного языка в богослужении, об игнорировании религиозных интересов. Это объясняется тем, что народ искал удовлетворение только экономических нужд, действительно тяжелых, подчас невыносимых, но был чужд политиканства. Наряду с этой чисто-экономической революцией и в зависимости от нее неожиданно совершилась такая же экономическая революция и по отношению к Церкви вообще, без всякой мысли о Церкви грузинской или русской. В Гурии, Мингрелии, Имеретии и частью в Грузии открыто и резко пошел народ против своих пастырей и даже, казалось, против самой религии. Разрушены и сожжены были церкви в некоторых местах; во время богослужения производились бесчинства; священников убивали, изгоняли из селений, некоторых подвергали оскорблениям и издевательствам – сбрасывали им бороды и волосы; всюду крестьяне решили захватить церковные земли, всюду отказали духовенству в уплате драмы (руги) и взносов за исполнение треб. Эти события разыгрались в декабре 1904 года и, особенно в первой половине 1905 года.

Власть русская оказалась не на высоте. Наместник, как сказано выше, сидел в Петрограде; системы в действиях местных властей не было никакой; генерал Малама бросался из стороны в сторону, телеграммы же наместника из столицы приносили обещания только одних льгот, в смысле национальных интересов кавказских племен, но ни звука не говорили об удовлетворении нужд экономических. Революция продолжала расти и шириться, как мы видим и доньше. Под влиянием упадка престижа России, под влиянием сознания видимой слабости русской власти на Кавказе и, наконец, говорим прямо, под влиянием обещаний наместника возникли и резко обнаружилось националистические стремления, главным образом, в среде армян и грузин. Сразу заговорили об автономии Грузии, но начавшаяся армяно-татарская резня и слишком заметный междуплеменной характер Закавказья направили мысль в сторону автокефальности грузинской Церкви. Началось с Имеретии.

Историческая подпочва

В декабре 1901 года там был обычный епархиальный съезд духовенства, занимавшийся обычными делами. Совершенно по

непонятной причине епископ Имеретинский назначил и разрешил новый съезд духовенства в марте 1905 г., несмотря на Великий пост, когда священники так нужны в приходах, и, несмотря на смутное время. Съезд совсем не занимался вопросами епархиальными. Они пригласили в свои заседания своего епископа, но преосвященный от участия в занятиях съезда, «чтобы не стеснять отцов», не без мудрости уклонился... В бурных заседаниях ораторы из среды духовенства говорили о необходимости восстановить автокефальность грузинской Церкви. Пользуясь разрешением Высочайшего манифеста 18 февраля 1905 г., съезд представил петиции об автокефальности в Комитет Министров и в Св. Синод. Кроме упоминания о том, что грузинская Церковь чуть не с VI века была автокефальной, иных мотивов к восстановлению автокефальности в петиции не указано. В русской печати, в газетах «Русь», «С.-Петерб. Ведом.» и «Разсвете» также стали появляться статьи об автокефальности грузинской Церкви, но и в этих статьях, если отбросить личные счёты авторов и нападки на тех или иных церковных Деятелей Кавказа, которые теперь все уже оттуда ушли, тоже ничего нового по этому вопросу не было сказано. Г. Дурново в «Руси» требовал даже восстановления двух автокефальных церквей в Закавказье – грузинской и имеретинской – с независимыми католикосами. Конечно, г. Дурново переусердствовал, и его предложение пришлось совсем не по вкусу грузинским деятелям, по своему он был прав и по отношению к Грузии и Имеретии совершенно последователен: история, – так история, возобновлять, – так уже все восстанавливать. А так как в Грузии самого XIX в. были два католикоса и оба были самостоятельны, один в Мцхете, другой в Кутаисе, то и теперь, при реставрации древности, надо бы опять создать не меньше, как двух католикосов...

Жаль, что г. Дурново не провел своей исторической последовательности до конца: тогда бы надо Кавказскую митрополию на Руси и Осетинскую митрополию на Кавказе, а также и Таврическую и Херсоно-Одесскую епархии с Кишиневской отчислить в Константинопольский патриархат; в восточной Грузии восстановить Албанскую митрополию, бывшую там в III в.; Карсскую область с ее 80 греческими приходами передать ближайшему малоазийскому епархиальному греческому архиерею, а из армян, принявших православие в Эриванской губернии, как наследников великой армянской православной Церкви IV–V вв., надо бы, конечно, составлять автокефальную армянскую церковь, во главе с особым католикосом, уже третьим в Закавказье. В Эриванской же губернии проживают и православные сиро-халдеи; эти, по

исторической реставрации, должны бы отойти к патриарху Антиохийскому, ибо, без сомнения, сиро-халдеи до отпадения от православной Церкви в несторианство подчинялись Антиохии. Вот на каком абсурде должна быть основана современная церковная жизнь, если устраивать ее согласно историческим ссылкам и справкам. Повторяем, кроме голых исторических справок, ни в петициях, ни в газетных статьях не сказано было ничего для выяснения вопроса. Домогательства автокефальности грузинской Церкви до сих пор остаются без серьезных объяснений и без прочных оснований. Впрочем, и в петициях, и в газетных статьях слышны жалобы на низкий уровень религиозности среди грузин, и в этом всецело винят русское церковное управление: забывают, что за 100 и 200 лет до русского церковного управления, т. е. именно при автокефалии церковной в Грузии, религиозное состояние Грузии рисовалось прямо в ужасающих красках и православным патриархом Макарием, бывшим в Грузии в XVII в., и католическими исследователями Грузии того же времени, что можно видеть в записках известного Шардена, и в письмах самих грузинских церквей к русским государям и, наконец, в наглядном факте отпадения в мусульманство в XVI–XVII вв. целых сотен тысяч грузин в Аджарии, в Ахалцихском уезде и Закатальском округе. Между тем, чтобы осудить русское церковное управление и свалить на него вину низкого религиозно-нравственного состояния грузин, газетные статьи рассказывали ужасы и небылицы; утверждали, например, что в Гурии грузин перед смертью не может поисповедываться, потому что по-русски он не понимает, а священник, по требованию церковной власти, обязан с ним разговаривать только по-русски. Это в западной-то Грузии и в Гурийско-Мингрельской епархии, где едва одна десятая часть священников учились в семинарии, а две трети священников совсем не умеют говорить по-русски даже ломаным языком...

Из Имеретии движение в среде духовенства перешло в Грузинскую епархию. Здешнее духовенство в мае 1905 г., вопреки воле экзарха, по каким-то анонимным приглашениям, самовольно собралось на «епархиальный» съезд. Этот съезд, не обращая внимания на то, что в епархии до 150 приходов русских, до 80 греческих, что есть приходы сиро-халдейские и осетинские, отверг вопросы епархиальные, предложенные экзархом, нашел их «неинтересными» и занялся прямо вопросом об автокефальности грузинской Церкви. Съезд привел в своих постановлениях исторические справки и об автокефалии грузинской Церкви с XI века и представши, петицию в Св. Синод. Дело велось

исключительно на националистической почве, это ясно из того, что русским и сочувствующим России церковным деятелям объявлен был бойкот, и они вынуждены были удалиться со съезда, а некоторые ушли и с Кавказа. Газеты объясняли это личными недостатками бойкотируемых, но вот после того назначен был новый экзарх, явился новый епископ в Сухум на место ушедшего, а результат – тот же: оба архипастыря через несколько месяцев по прибытии в край вынуждены были выезжать оттуда, а экзарху, кроме того, вручена петиция от епископов-грузин и опять об автокефальности грузинской Церкви.

Мы ее не видели, но, по достоверным сведениям, она бросает в лицо оскорбление всей русской Церкви заявлением, что за 100 лет соединения грузинской и русской Церквей на пост экзархов Грузии посылались люди будто бы чуть ли не заведомо неспособные... Не будем говорить о здравствующих бывших экзархов Грузии, во избежание упреков в лести, но как могло быть оказано оскорбительное слово о покойных экзархах, о таких выдающихся русских церковных деятелях и святителях, как митрополиты Феофилакт, Иона, Исидор, Иоанникий, архиепископы Моисей, Евсевий, Павел?! Поистине есть предел даже злобе и неправде!.. Даже у епископа Кириона, родом грузина и слишком не склонного к идеализации русского церковного управления в Грузии, в книге: «История Груз. Экзархата» наряду с заявлением, что Церковь грузинская в XIX в. под русским управлением «благоденствует», приведены отзывы о русских экзархах и отцах, указывающие на высокие достоинства архипастырей, которых русская церковная власть посылала в Грузию.

Итак, доселе мы слышали только заявления грузинского духовенства об автокефалии грузинской Церкви, да исторические справки. Что же народ? Нужна ли ему автокефальность Церкви грузинской и имеретинской, и каковы причины, – причины чисто, религиозно-нравственного, а не племенного характера, – вызывающие домогательства автокефалии?

На эти вопросы нет ответа и быть не может. Вся эта шумиха из-за автокефалии Церкви вызвана соображениями и мотивами, не имеющими решительно ничего общего с запросами и нуждами чисто-церковными в Грузии.

С точки зрения этих-то именно запросов и нужд и должно рассматривать вопрос об автокефальности грузинской Церкви.

Оставим соображения племенные, до них нам нет дела в Церкви.

Но какая ценность и значение соображений, ссылок и доказательств чисто-исторических? В данном вопросе значение их совсем мало значащее.

Согласимся с аргументацией грузинских писателей: Грузия до VIII в. была зависима от патриарха Антиохийского; в VIII в. получила автокефальность; в XI веке почему-то вторично получила автокефальность от того же Антиохийского патриарха; состояла автокефальной до XIX века; потеряла автокефальность в XIX в. и опять, как и до VIII в., стала зависимой, на сей раз уже от Всероссийского Св. Синода. Пусть будет так; что же, однако, следует из этих фактов? Время с XI до XIX в. есть «история», а с IV по VIII в. и XIX в. разве не «история»? И почему обязательно следовать непременно тому именно состоянию Церкви, которое было в XI–XIX вв.? Древняя Церковь рассуждала и действовала в таких случаях совершенно иначе. Она давала автокефальность и не давала ее в зависимости от нужд и потребностей церковных, а часто в зависимости от исторических условий даже прямо заявляла: «гражданскому и земскому распорядку пусть следует и чин церковных дел» (IV Всел. Соб., пр. 17; VI Всел. Соб., пр. 38). Так сделались автокефальными грузинские католикосы по причине затруднительности сношений с Антиохийским патриархом; так сделались автокефальными имеретинские католикосы, когда Имеретия становилась независимой от грузинского царства; так получила автокефальность и русская Церковь, когда возросло и сделалось самостоятельным русское царство. Могли и могут, конечно, приниматься во внимание побуждения религиозно-нравственные и соображения пользы и нужды церковных. Но, во всяком случае, надо исходить из факта для учреждения или воссоздания автокефальности той или другой Церкви. Одних исторических справок и ссылок здесь недостаточно; больше того: они совсем не нужны.

Какой же совершился в 1904 и 1905 гг. факт, заставляющий грузинский епископат и духовенство, без собора и желания мирян, вдобавок и до созыва всероссийского церковного собора, домогаться автокефальности грузинской Церкви? А ведь домогательства настойчивые: телеграмма из Тифлиса сообщает, что «делегаты от грузинского духовенства», собравшись в Тифлисе, постановили с 14 января ни более ни менее, как прекратить сношения со Св. Синодом!

Факта никакого нового не случилось. Россия не похоронена: Россия остается единой, целой и неделимой; Грузия по-прежнему входит в состав Российской Империи. Мало того: положение ее далеко уже не таково, как в 1801 году, и изменения произошли далеко не в пользу восстановления автокефалии. Тогда Грузия была окраиной и пограничной областью, теперь она – внутренняя губерния, окруженная со всех сторон новыми русскими владениями, отвоеванными силой русского оружия от Персии и

Турции (Бакинская, Эриванская губернии, Карсская и Батумская области), тогда она имела только грузинское православное население, теперь же, в ней мы видим русские, осетинские, греческие, православно-армянские и сиро-халдейские приходы.

Но, может быть, возникли и назрели нужды церковные, потребности и запросы религиозно-нравственные, которые властно зовут грузинскую Церковь к автокефальности? Совершенно наоборот: дарование грузинской Церкви автокефальности создаст целый ряд ничем не вызываемых и никакими соображениями не оправдываемых церковных нестроений и замешательств, которые вновь заставят грузинскую Церковь соединиться с русской.

Как определить предел грузинской автокефальной Церкви, по территории (бывшее Грузинское царство или Закавказье) или по национальности? Если по территории, то куда отнести Бакинскую и Елисаветпольскую губернии с чисто-русским населением? Какими церковными нуждами оправдать причисление этого населения к грузинской автокефальной Церкви? Если по национальности, то куда отнести греков Карсской области и осетин Горийского и Душетского уездов Тифлисской губернии?

Куда отнести сиро-халдеев и православных армян Эриванской губернии? Если же выделить их в состав особых епархий и оставить в подчинении Св. Синоду, то что за аномалия – имеет автокефальную грузинскую Церковь, со всех сторон окруженную епархиями русской Церкви? И это для миллиона православных грузин, и притом только потому, что с XI века до XIX, грузины составляли автокефальную Церковь?..

Каково будет далее положение Всероссийского Императора, как Верховного Ктитора, по отношению к двум автокефальным Церквям в единой Империи и каково будет отношение грузинской автокефальной Церкви к единству этой Империи?

Отвечают: в Византийской империи были же автокефальные церкви. Так; но не всякая историческая справка бывает к делу и к месту, и времена-то ведь меняются. И, прежде всего, митрополии, впоследствии образовавшиеся в патриархаты, сложились ранее, чем определились отношения византийских императоров к Церкви. Так, Александрийская архиепископия уже имела развитые формы церковной жизни в Африке еще до принятия Константином Великим христианства. То же нужно сказать об Антиохии и Иерусалиме. В положении русской Церкви и грузинской по отношению к Империи нет ничего похожего с Византией.

Затем: в Византийской империи для сношения патриархатов между собою и для единства церковного управления были препятствия в затруднительности и продолжительности сношений, чего теперь в России в век пара и электричества, конечно, уже не замечается. Наконец, в Византии, сколько царей и даже Константинопольских патриархов были еретиками. Может быть, поэтому и Промысл Божий и орудия Его – главы поместных церквей – не допускали слияния всех церквей Византийской империи в едином церковном управлении. И пример Рима был для них слишком страшен.

Но есть ли в современном положении дел что-либо подобное. А ведь теперь требуется петициями грузин уже не сливать и объединять церковное управление, а, напротив, вновь разделять! Пример Византии тоже был бы убедительным, если бы мы видели, что там вначале было единое управление церковное и подчинение единому патриарху, а затем произошло выделение автокефальных церквей. Но ничего подобного в Византии не было.

Практические затруднения

Предположим, однако, что произойдет разделение русской и грузинской Церквей мирно и безболезненно. При единстве Империи, при легкости переездов и сношений, каково будет положение православного христианина при переселении из России в Закавказье, или наоборот? Есть целый ряд церковных правил, обычаев, постановлений, которые окажутся с течением времени применяемыми совершенно иначе в России, чем в Грузии. И это не только в области обряда. Правила разводов брачных, венчания с иноверцами и сектантами, степень родства в браковенчаниях, распоряжения, касающиеся духовенства, особенности церковного управления, сложный порядок церковного письмоводства, денежные церковные взносы, содержание и порядок устройства учебных заведений, множество других сторон церковной жизни и практики могут быть разрешены в Грузии иначе, чем в России. В какое положение поставлены будут русские и грузины при этих разностях, проживая в одном государстве при двух автокефальных церквях? Северная Маньчжурия в церковном отношении подчинена Пекинскому архиерею. Приехали туда русские, у них родились и крестились дети. Теперь требуется получить для детей метрические свидетельства, право выдачи которых, предоставлено только консисториям; консистории у Пекинского архиерея пока нет. Что теперь прикажете делать родителям, которые в известных случаях по закону обязаны представлять метрические свидетельства детей, а не выписки? Закон не отменен, положение же родителей может быть

безвыходным. И это от недосмотра в вопросе мелочном, все-таки при единстве церковной власти легко исправимом. А сколько таких неудобств окажется при отделении Церкви грузинской от русской при сохранении единства Империи? Возражают: в предупреждение этого установлены будут предварительные сношения с русской церковной и государственной властью... Но в таком случае, зачем же и автокефальность? Для декорума?.. Не больше!

Затем возникнет неразрешимый вопрос о материальных средствах грузинской Церкви. Одно примечание телеграфного агентства к телеграмме из Тифлиса о решении «делегатов грузинского духовенства» прекратить сношения со Св. Синодом, – примечание, в котором сказано было, что одновременно прекратится и отпуск казенных денег на нужды грузинской Церкви, – уже отрезвляюще подействовало на «делегатов»; новая телеграмма через два дня гласит, что решение «делегатов» постановлено не приводить в исполнение... И действительно, вопрос этот – чрезвычайной важности. Содержание духовенства, монастырей, духовно-учебных заведений, церковных школ и церковно-школьного управления, права государственной службы и пенсии служащих, – все это теперь обеспечено русской казной. Правда, 100 000 р. в год идет в возмещение отобранных от грузинской Церкви имений. Но это ведь ничтожная сумма для четырех епархий экзархата!

Грузины-епископы, сторонники автокефалии, возражают: материальные потребности грузинской Церкви вполне будут удовлетворены, если ей возвратят отобранные церковные имения. Но в этом «если» и – все препятствие. Нельзя уж слишком увлекаться реставрацией истории, иначе дойдем до геркулесовых столбов, а на Кавказе и до Прометея... За имущества церковная русская казна уплачивала 50 лет слишком изрядные суммы и как раз в то время, когда они были совершенно бездоходны (этим и вызвана была передача их в казну), в надежде на восполнение понесенных потерь в будущем. Теперь, когда это будущее стало настоящим, желают вернуть имения грузинской Церкви... Но ведь имущества – наполовину в чужих руках, переданы, перепроданы, а многие из них и просто захвачены грузинскими же князьями и дворянами, причем относительно их минули все земские давности. Об имуществах не может быть и речи; да это, наконец, и не зависит от Св. Синода...

Итак, откуда же взять средства на содержание духовенства, учебных заведений и церковного управления грузинской автономной Церкви? Не ошибемся, если скажем: грузинское духовенство уверено, что все доселе

отпускаемые казной на нужды экзархата суммы останутся в распоряжении грузинской Церкви по-прежнему. Но в этом можно весьма усомниться. Государственная Дума этого никогда не позволит, да и теперь правительство, несомненно, в случае объявления автокефалии грузинской Церкви, особенно же революционными способами, немедленно прекратит все казенные отпуска на экзархат. И при этом останется много зданий, выстроенных духовным ведомством на казенный счет, который должны быть немедленно изъяты из собственности грузинской Церкви и переданы казне. Размежеваться и рассчитаться здесь будет очень трудно.

Возражают еще. Стремления грузин к автокефалии так сильны, что они, в случае отказа, могут уйти в схизму или католичество... Неужели серьезно можно говорить о том, чтобы правоверующий грузинский народ пошел в этом отношении за политиканами-пастырями? Да и наблюдается ли такое влияние пастырей на пасомых в Грузии? Вышеизложенные факты из революционного движения в Грузии говорят совершенно обратное. Несомненно, в среде грузинского духовенства есть много добрых пастырей, весьма влиятельных в пастве: но это как раз те, которые политикой не занимаются и которые не поведут народа из ограды родной православной Церкви. Только чувство единоверия и православия в Грузии и влекло всегда, с XIV века к союзу с Россией и к полному с ней слиянию. Ведь нечего греха таить: в 1801 году и царевицы, и князья, да и высшее духовенство пошли за народом в деле присоединения Грузии к России, а не повели народ за собой. Это – факт несомненный и его следует помнить духовным политиканам в Грузии.

Народ не может и не станет так играть прошлым и своей религией; этого можно ожидать только от политиканствующих и забывших свой долг священства безрелигиозных пастырей, к тому же весьма и весьма малочисленных в Грузии, ибо, повторяем, огромное большинство иереев в Грузии чужды политиканства, любят православие и, не мудрствуя лукаво, в простоте сердца творят свое дело. Попробуйте предложить им католичество, схизму или ересь. Если же, допустим, почва для такого обращения религии в политическое знамя и в знамя отделения от России подготовлена, то не спасет никакая автокефалия. В таком случае роковой ход истории свершится. Тому доказательство – та же Византия: при наличии автокефальных церквей на окраинах ее, сепаратистические тенденции в Египте создали монофизитство, в Сирии – несторианство, а в Армении политические замыслы и влияние Персии, с одной стороны, и, с другой, вековая политическая вражда армян к византийцам создали ересь армяно-григорианскую.

Но неужели здравый смысл оставит грузинский народ? Мы верим в этот смысл, который в течение веков проявили грузины в своей истории и который спас их от поглощения мусульманским миром.

В жизни церковной в Грузии, конечно, много неурядиц и недостатков. Но ведь это не плод намеренной деятельности тех или иных церковных деятелей из русских, ибо недостатков и неурядиц много и в жизни Церкви русской. Несомненно, также, что все в Грузии, святопреданное, отцепреданное, древле-православное, самый язык грузинского богослужения, уклад церковный, – все это должно быть предметом заботливой любви и хранения. Но отсюда далеко до возведения всего этого в национализм и в политическое орудие. Пусть грузинский язык, грузинское богослужение, грузинское пение, грузинский обряд и проч., – пусть все это служит тому, чему служить подобает: религиозному созиданию и просвещению грузинского народа. Против этого никто из верующих и искренно-православных людей не станет спорить. Об этом-то и следовало бы поговорить в предстоящем совещании о делах грузинской Церкви. Может быть, до настоящего времени в Грузинском экзархате и бывали явления, которыми были недовольны истинно-добрые грузины, ревнители православия, ревнители искренние, благородные, а не политиканы. Это зависало от ложного положения, в которое поставлен был экзарх Грузии, – поставлен между паствой грузинской, гражданским начальством Кавказа и требованиями из Петрограда. Нужен ли теперь экзархат и нужен ли экзарх?

Не анахронизм ли синодальная контора после отобрания церковных имуществ, для заведывания которыми она, главным образом, и была создана в свое время? Нормально ли положение епархиальных епископов, входящих в состав экзархата и подчиненных синодальной конторе, которая обратилась в центральную закавказскую консисторию для четырех епархий, с худшим, чем в консистории, устройством, с нетерпимой медлительностью в делах и с ужасающим числом нерешенных (до 2 000!) дел, начиная с 80-х годов прошлого столетия?

Не удобнее ли было бы теперь создать новую епархию – Бакинскую для негрузинских приходов, включить в нее Эриванскую, Елисаветпольскую губернии и Карсскую область с Борчалинским уездом Тифл. губернии, с тем, чтобы в епархии был викарий, живущий в Карсе или Эривани? Тифлисская губерния тогда, как чисто-грузинская, должна быть выделена в особую епархию.

Что касается Сухумской епархии, то она в части своей, охватывающей Самурзакан, может быть причислена к грузинско-мингрельской епархии, а

в части, входящей в Черноморскую губернию, может отойти к Кубанской области, где, несомненно, в недалеком будущем должна быть самостоятельная архиерейская кафедра. Все епископы Закавказской епархии – проектируемой Бакинской, Тифлисской (грузинской), Кутаисской (имеретинской) и Батумо-Потийской (гурийско-мингрельской)⁸² должны быть подчинены непосредственно Св. Синоду; в каждой епархии должны быть свои консистории. Синодальная контора тем самым подлежит упразднению. Местная централизация церковная в Закавказье отжила свое время; нет в ней нужды и для главной кавказской гражданской власти, которая может в случае необходимости непосредственно сноситься с местными епископами или со Св. Синодом, как это мы видим в Приамурском или Иркутском генерал-губернаторствах. Предстоящий поместный собор русской Церкви, может быть, введет деления епархии на округа, заменит консистории другими учреждениями, изменит характер и организацию духовно-учебных заведений. На соборе, несомненно, будут присутствовать представители и грузинских епархий; общие преобразования собора коснутся, конечно, и закавказских епархий, с теми или иными изменениями, вызываемыми местными особенностями и нуждами, на которых и укажут представители грузинских епархий.

Если же предлагаемый план неудобоприемлем, то, во всяком случае, решать теперь окончательно вопрос об автокефалии грузинской Церкви более чем неразумно: этот шаг осудит Всероссийский поместный церковный собор, осудит и Государственная Дума. И собор, и Дума теперь ведь не за горами. Нужно лишь не терять спокойствия духа и запастись терпением.

1907 г.

Год старый и новый для пастырского делания

Начало и конец минувшего 1906 года в духовных настроениях русского общества и русского народа были до противоположности различны. Правда, и начало года, как и конец его, отмечены кровью жертв революции, – отмечены, хотя и не в равной мере, повышенными заботами и партийной борьбой в виду близких выборов в Государственную Думу. Но это сходство только внешнее и видимое. Несомненно, в течение прошедшего года, особенно во вторую его половину, наблюдается заметный постепенный спад революционного настроения, постепенное отрезвление умов и сердец, стремление к нормальному, спокойному порядку жизни. Неслышно стало о крестьянских погромах, не только о массовых, но даже о частичных забастовках, о военных бунтах, о диких и исступленных выходках отдельных революционизированных групп населения. Конечно, не сразу затихает взволнованное море народной жизни, но упокоение и умиротворение в общественных настроениях, несомненно, заметны всякому наблюдателю русской жизни, отмечены теперь и заграничной печатью.

Однако нельзя успокаиваться пастырям Церкви на этом явлении. Напротив, оно вызывает к особо бдительной пастырской предусмотрительности и пастырской работе, – к работе вдумчивой и напряженной, которая потребует огромного подъема сил от Служителей Церкви, если они хотят устоять на высоте своего призвания, не потерять своего влияния среди паствы и не упустить благоприятного момента для религиозно-нравственного делания.

Велико опустошение в духовной жизни нашего народа, проведенное последними двумя годами «освободительного движения». Как ни заметен был, поэтому, перелом в общественном настроении, однако, осадок тлетворных влияний, – осадок противорелигиозной и противоцерковной агитации остается в душе народной, и с ним нужно будет неминуемо считаться и бороться. Не станем делать всестороннюю оценку общественному движению последних двух лет. Взглянем на него беспристрастно только с точки зрения пастырской и исключительно со стороны интересов религиозно-нравственных. Факт несомненный, что на религиозном настроении народа это движение отразилось только отрицательно. Принижено и ослаблено религиозное чувство; все заполнила игра в оппозицию и игра в политику. Литература, газета, листок, общественные речи, школа, улица, домашний круг, – все было

увлечено одними политическими интересами, насыщено борьбой, злобой, заполнено исключительно земными интересами, запросами жизни царства земного, человеческого, а не царства небесного и Божьего. Средство, – земной быт, царство земное, – таким образом, было обращено в цель, и в ожесточенных спорах об упорядочении и улучшении средств для высокой цели – царства Божия – самая цель ушла из внимания спорящих и была совершенно забыта. Решительно всюду по всей России обращало на себя внимание печальное явление: храмы значительно опустели; у чтимых святынь всенародных было значительно меньше богомольцев; число говевших в Великий пост минувшего года заметно сократилось; понизился прилив пожертвований на дела церковные и благотворительные; вообще как бы замерли религиозные порывы и искания души народной. Даже в среде раскольников и сектантов, несмотря на объявленную свободу всех вероисповеданий, и публичного оказательства, никакого оживления не было заметно, не было заметно и усиления прозелитизма. Все поглотила и здесь политика. В области миссионерского дела, приходской жизни, благотворительности христианской, – всюду чувствуются недочеты, лишения, понижение деятельности.

А рядом, при таких неблагоприятных условиях религиозной жизни, мы видим огромные усилия противорелигиозной и противцерковной пропаганды. Издаются во множестве и отдельно, и приложениями к журналам сочинения Ренана, Штрауса, а также еще недавно запретные сочинения Л. Н. Толстого. Но книги – еще полгоря. Великое зло – дешевенькие брошюры. Лафарг, Бакунин С. Фор, Куатский, Бебель проводят в массы народа разрушительные для всякой религии вообще и для христианства в частности идеи; доказывают, что всякая религия есть плод невежества, своего рода болезнь – «религиозная чума», от которой человечеству поскорее надо освободиться; в популярной форме ниспровергают христианство, искажают его историю, представляют его силой темной, губительной для цели свободы и народного блага. Успех социал-демократической пропаганды является в то же время успехом и противорелигиозной проповеди: «распропагандированные» рабочие и крестьяне по местам выбрасывали иконы из домов, издевались над женами и товарищами, сохранившими верность религии, на сходках постановляли решения не принимать с крестом и молитвой священников, подвергали публичным оскорблениям пастырей только за то, что они являются служителями Церкви. В средних школах на незрелые умы, при расшатанности семьи и общества, противорелигиозные брошюры действовали особенно пагубно. Ученики перестали являться к

богослужению. Бывали случаи, когда ученики целыми классами объявляли себя атеистами и во имя свободы требовали полного прекращения преподавания Закона Божия.

К сожалению, многие пастыри также были вовлечены в общественное движение и так или иначе ему подчинились. Условия внешние для их деятельности, как мы видели, сложились неблагоприятно, а внутренняя жизнь духовенства и его заботы вращались часто хотя и около интересов общецерковных, но в теоретических построениях, если же возникали вопросы практические, то они на съездах духовенства касались главным образом, если не исключительно, интересов сословных и кружковых. Только в самое последнее время на пастырских собраниях стали выдвигаться и обсуждаться действительно пастырские задачи в их ближайшем практическом осуществлении.

Знаменательное явление: понизилась продуктивность церковной проповеди и качественно, и количественно. В прежнее время ежегодно можно было насчитывать десятки появившихся в печати сборников поучений; ныне их нет. Самая проповедь, конечно, в силу обстоятельств времени, приняла исключительно публицистический характер; поучений о вере и нравственности христианской, тем более поучений, изъясняющих и утверждающих основы церковности, совсем не слышно. Такая односторонность церковно-проповедного слова, конечно, представляет явление ненормальное.

Минувший год ознаменовался продолжительными занятиями Предсоборного Присутствия при Св. Синоде. Такое редкое и исключительное явление, тем более готовящийся Всероссийский собор в другое время и при иных обстоятельствах захватили бы все внимание печати и общества. Теперь же и эти события столь крупной общественной важности в среде широких руководящих слоев общества прошли как-то малоприметно.

Единственный вопрос, который до некоторой степени обсуждался прессой, был вопрос о приходе. Но и сюда привнесено было общее увлечение выборным началом, вера в формы, а не в сущность жизни и слепое доверие к непогрешимости так называемого большинства голосов, якобы представляющего панацею от всех зол. В приходскую жизнь желали бы ввести начало демократизации и обратить ее в одну из форм жизни политической с привходящими экономическими задачами. Обо всем говорилось в печати при обсуждении вопроса о приходе, об одном, единственно важном, умалчивалось: о его религиозно-нравственных задачах. Еще хуже то, что у некоторых, занятых обсуждением вопроса о

приходе, было нескрываемое желание провести некоторые реформы приходской жизни до собора с той целью, чтобы провести путем приходских выборов таких членов собора из мирян и духовенства, которые могли бы способствовать проповеди «освободительных» в духе мирском начал в Церкви. Это значило бы обратить даже собор церковный в игральщице политических страстей и в орудие для достижения целей не церковных.

Рядом с Предсоборным Присутствием в течение двух с половиной месяцев заседала первая Государственная Дума. К сожалению, она совсем не проявила никакого интереса к религиозной жизни русского народа, напротив, оскорбительными выходками таких депутатов, как Оникко и Рамишвили, по отношению к Церкви, законопроектом о полной свободе всех религий и даже атеизма и законопроектом о насильственном и бесплатном отчуждении всех церковных, причтовых и монастырских имуществ. Государственная Дума явно показала свою враждебную настроенность к Церкви.

Вот краткий очерк тех явлений из духовной жизни русского народа за минувший год, имевших ближайшее отношение к делу церковному. Явления эти печальны и для Церкви неблагоприятны; с ними предстоит считаться очень продолжительное время; они вызывают к усиленной борьбе и усиленной пастырской работе. Нужно поднять религиозное настроение народа; нужно суметь заговорить с ним во имя вечного и небесного; нужно возвысить учительство; нужно оживить приходскую жизнь на началах истинно-церковных, прежде всего, чисто религиозных, а не мирских и демократических; нужно явить себя и паству достойными грядущего церковного обновления в будущем поместном соборе. Утешение мы имеем в том сознании, что само опасное явление – равнодушие к вере и Церкви, несомненно, имеет значение временное и даже кратковременное. Не может человек, тем более целый народ, уйти в одни земные интересы. Чем больше он отходил, хотя бы и искусственно, от запросов вечных и интересов высшего порядка, тем с большей силой он к ним возвратится. И не нужно быть пророком, чтобы предсказать скорый поворот в общенародном настроении в сторону интересов религиозных. Мы уже пережили такое время в восьмидесятых годах прошлого столетия, после бурных проявлений революционных страстей. Религиозные интересы после временного их игнорирования в то время нарастали с удивительной силой; люди, по-видимому, совершенно чуждые Церкви и религии, обсуждали религиозные вопросы, читали книги по богословию, изучали евангелие; нравственные запросы были необыкновенно

повышены. К сожалению, многие и очень многие тогда в своих религиозных исканиях обратились вместо источников воды живой к кладенцам сокрушенным. Много, конечно, были виновны в том приставники при этих источниках – пастыри Церкви. Мы не сумели тогда уразуметь знамения времен, не сумели направить пробудившуюся религиозную совесть к Церкви и церковному учению; мы были не готовы к ответам на вопросы, отовсюду раздававшиеся. И тогда многие обратились к сектантству; толстовство имело необычайный успех, тем более изумительный, что в сущности своей оно представляло чистое отрицание и для религиозного чувства не давало никакого удовлетворения.

Пастырям Церкви теперь нужно предусмотрительно отнестись к будущему, – и будущему недалекому, когда мы будем свидетелями оживления и углубления религиозного чувства в народе. И злобой, и политикой, и одними напряженными земными интересами сердце человеческое питаться устанет, особенно же русское сердце, по существу своему глубоко религиозное. Оно почувствует алкание духовное и великую духовную жажду. Уже имеются признаки этого скоро грядущего поворота. В домах благочестивых, верующих людей собираются кружки для чтения и толкования Свящ. Писания, для молитв и общих песнопений. Пока в этих собраниях еще нет ничего сектантского, но нельзя ручаться, что дело в таком направлении пойдет и дальше. Напротив, нужно опасаться, что без руководства Церкви, без участливого внимания пастырей на этой почве, естественно, возникнут у имущих веры сначала самомнение и гордыня, уверенность в своей особой нравственной чистоте, а затем и отделение от Церкви. Пастырям надлежит не только предусмотреть указываемый нами назревающий момент оживления религиозных интересов, не упустить его, не остаться в стороне равнодушными или пассивными зрителями в фаталистическом покое и решении оставить в Церкви то, что само в ней останется, но стать в челе нарастающего религиозного движения и направить его в церковное русло. Задача пастырству предстоит очень тяжелая. Сравнительно с тем, что мы переживали тридцать лет назад, она усложняется теперь свободой для всяких сект; они будут теперь множиться беспрепятственно, они будут открывать двери для всех ищущих религиозной истины, они своей энергией, воодушевлением будут невыгодно подчеркивать и осуждать наше равнодушие, если мы его от себя не отбросим. Здесь-то и окажет огромную услугу пастырству оживление приходской жизни, общая работа приходская, – взаимная и совместная работа пастырей и пасомых в единстве веры и религиозных упований. Вот что готовит нам год

грядущий. Над перспективой такой работы следует глубоко призадуматься и к ней следует готовиться. Дай Бог, чтобы поместный собор Всероссийской Церкви внес в эту область свое властное, авторитетное, руководящее слово. Дай Бог, чтоб он поработал во славу Божию, в единении духа, в союзе мира. Но над всем – наша искренность, наше воодушевление горячей веры, ревность о благе Церкви и паствы и смиренная молитва:

Благослови, Господи, венец наступающего лета Твоей благости!

Новый выборный закон и духовенство

I

Участие в политической жизни страны, предоставленное нашему духовенству Положением о Государственном Совете и о Государственной Думе после манифестов в августе и 17 октября 1905 года, доселе совершенно не было использовано духовенством, как корпорацией.

Между тем, в коренных русских городах, как, например, в Москве, где храмов много и духовенство весьма многочисленно, оно представляло бы весьма и весьма крупную силу, если бы умело использовать предоставленные ему права. Эта сила могла бы проявляться с большой пользой для Церкви и для государства.

В самом деле, при 700 священниках приходских, при 200 не приходских, при соответственном количестве дьяконов псаломщиков и даже трапезников (последние также имеют избирательные права), при условии полного объединения всех этих лиц в вопросе о кандидате в Государственную Думу от города, получается такое солидное количество голосов, с которым прямо трудно не считаться. Это нужно сказать вообще, имея в виду и прежний выборный закон, когда избрание было двухстепенное, причем, естественно, решающее значение имели всякие партийные, в политическом смысле, соглашения и междупартийные блоки.

Новый выборный закон, Высочайше утвержденный и опубликованный 3 июня сего года, имеет целью до некоторой степени парализовать это неизбежное при выборах в законодательное учреждение зло партийности и сосредоточить внимание избирателей на лице, им действительно известном. Впрочем, даже в при коллективных и заранее намеченных кандидатурах (причем, конечно, условие общеизвестности таковых кандидатов уже ослабляется) новый закон дает более возможности указать и избирать таких кандидатов, которые имеют достоинства ума, честности и жизненного опыта, независимо от принадлежности своей к той или другой партии, как известно, всегда связывающей человека партийной дисциплиной, – или, по крайней мере, избирать таких кандидатов, которые хорошо знают если не общегосударственные нужды, – что и вообще встречается весьма редко, – то хотя бы потребности той среды, из которой он происходит и которой он является представителем.

Введенные теперь по новому закону для городов прямые выборы, то

есть когда кандидат указывается прямо, без новых выборов из среды выборщиков, дают социальному строю страны, то есть сословиям и отдельным социально-бытовым группам, большие преимущества.

Нет сомнения, что ими широко воспользуются все отдельные корпорации. Духовенство в этом отношении не должно бы отстать от других, но, как корпорация более сильная и в интеллектуальном, и в нравственном отношении, естественно объединенные идеей своего служения и однообразным положением в обществе, должна бы стать впереди других.

Мы уже видели солидное число голосов, которым оно обладает, например, в Москве. Присоедините сюда еще одно соображение.

В каждом приходе, вне всякого сомнения, найдется не одно, а несколько таких лиц, которые, будучи вне партий и не состоя в объединенных социально-бытовых группах, захотят спросить у своего пастыря указания того лица, которое, по его мнению, как человек вообще, по своим умственным и нравственным качествам, достоин избрания в Государственную Думу, в число «лучших людей» земли. И если духовенство, объединившись, действительно от себя, как от корпорации, наметит такое именно лицо, то сверх бюллетеней своих, духовенство увидит не одну сотню и даже тысячу голосов, поданных за того же избранника прихожанами, по рекомендации и указанию приходских священников.

При прямых выборах от Москвы придется послать в Государственную Думу четырех человек, причем избирать надобно только двух, от двух разрядов избирателей по два от каждого. Естественно, при наименовании этих двух, особенно от второго, самого многочисленного разряда, к которому будет отнесено и духовенство, получится бесконечное разделение голосов между многочисленными кандидатами. В этом случае и будет иметь огромное значение единодушие всего городского духовенства в деле избрания двух представителей в Государственную Думу. Эти избранники сразу выделятся абсолютным количеством поданных за них голосов.

Нужно при этом иметь в виду, что, по сенатскому разъяснению, духовные лица теперь могут осуществлять, свои права выборщиков не только по цензу домохозяев, квартиронанимателей или занимающих не менее года церковные дома, но и как служащие в государственных или общественных учреждениях. Для этого необходимо только взять в городской думе особую карту и, вписав туда все обозначенные в ней сведения, представить тут же на карте засвидетельствование своего

начальства о состоянии на службе в течение более года при известной церкви. Таким образом, те из духовных лиц, которые по цензу домохозяев или квартиранимателей могли почему-либо быть исключены из списков выборщиков, могут быть внесены в них по цензу служебному.

II

Гораздо более изменений в положении и правах по выборам в Государственную Думу новый закон дает для сельского духовенства.

Если в городах такое сочетание благоприятных для духовенства обстоятельств, какое указано выше по отношению в Москве, встречается не часто, то по отношению к сельскому духовенству картина является почти всюду однообразной.

И до нового закона в первой и второй Думе мы видели лиц духовных. Однако представляли ли они хоть в незначительной мере собственно духовенство? Нисколько. Они избирались от городов на общегражданском принципе, или на принципе социального строя, – как представители мелких землевладельцев, но отнюдь не от корпорации духовенства, как такового. Создавалось для духовенства положение странное, опасное и подчас крайне обидное. Оно не было в Государственной Думе ни представителем народа, ни представителем сословия; оно было представителем класса землевладельцев, и только... Как ни велики недостатки нашего приходского строя, все же пастырство наше близко к народу, знает его жизнь, его мировоззрение. Духовенство – самое народное из всех русских сословий. И, конечно, законодатель, призывая духовенство в законодательные учреждения страны, в Государственный Совет и в Государственную Думу, имел в виду именно это ценное свойство духовенства, рассчитывал на то, что оно может в полном смысле и по справедливости быть выразителем народной совести. Разве в хроне священника-проповедника народ слушает, как землевладельца? Разве к нему идут на исповедь или за советом как к землевладельцу?

И понятно, что, когда в Государственной Думе некоторые депутаты в рясах и со священническими крестами на персях из трусости и презренного лакейства пред партией позволили себе поступок, которому нет имени, чтобы заклеить его достойно, – разумеется демонстративный отказ осудить преступный замысел цареубийства и ряд политических убийств, – то общественное мнение смотрело на Бриллиантовых, Тихвинских и Колокольниковых вовсе не как на представителей и избранников от землевладельцев, а как на представителей русского духовенства. Честные пастыри, искренние служители Бога и верные Царю, – а таково духовенство в массе, – сгорали от стыда и позора, видя таких

собратий своих в Думе, и удивлялись, как оказались в рядах пастырства таковые...

Этого мало. Мы можем сообщить из самых достоверных источников, что и в правительственных сферах, после такого опыта с Тихвинскими и Колокольниковыми, с Огневыми и Афанасьевыми, явилась мысль совершенно лишить духовенство права избрания в Государственную Думу. Мысль эта серьезно обсуждалась в Совете Министров...

И правительство, значить, смотрело на священников, членов Государственной Думы, как на представителей пастырства, а не землевладельцев. Со своей точки зрения правительство было право, ибо те речи, которые произносились от имени крайних левых и прямо преступных партий депутатами, облеченными священным саном, были бесконечно опаснее и пагубнее, чем речи Пергаментов, Озолей, Рамишвили, Джапаридзе и иных «лихих людей», которым поревновали о Тихвинский с товарищи.

Мысль, воспретить духовенству участвовать в Государственной Думе была отвергнута, и по справедливости, ибо указанные выше депутаты в рясах ничего общего с духовенством *in pleno* не имели. Но какой неслыханный позор перед всем миром, какое тяжкое оскорбление перед лицом всего народа русского, какое невиданное и неслыханное обвинение в народном развращении было бы брошено русскому духовенству, если бы, действительно, оно после того, как было облечено политическими правами, затем было бы лишено этих прав, как недостойное!

К счастью, повторяем, намерение это было оставлено и, таким образом, недостойные и преступные депутаты в рясах не признаются представителями духовенства, какими они ни по формальной стороне самых выборов, ни по существу никогда и не были.

Вместе с тем в новом выборном законе имеется указание, что впредь духовенство, оставаясь в среде землевладельцев по формальному выборному праву, однако, может из своей только среды избирать представителей, которые, попав в Государственную Думу, уже могут считаться действительными представителями своего сословия.

Мы разумеем стт. 23, 25, 29 и 30 нового Положения о выборах в Государственную Думу, по которым министру внутренних дел предоставляется право указывать подробности порядка производства выборов, причем, между прочим, съезд землевладельцев, по распоряжению министра, может быть разделяем на особые курии, смотря по местностям уезда, или по разрядам избирателей соответственно роду владеемого ценза, или по национальностям избирателей.

III

Все это, по нашему мнению, дает духовенству право и основание настойчиво просить выделения его везде в особую курию избирателей.

Думается, нет никаких оснований опасаться отказа со стороны министра внутренних дел в подобного рода ходатайствах, а между тем значение такого порядка выборов было бы огромно. Порядок этот дал бы духовенству везде полную независимость от инородцев и иноверцев и от тех мелких землевладельцев, которые настроены в революционном духе и которые, конечно, везде, где число голосов духовенства подавляет прочих землевладельцев и необходимо обуславливает избрание священника, способствовали бы проведению в Думу священников, уродов из семьи, разделяющих, по недомыслию или злой воле, революционные вождедения.

Голос депутатов в Государственной Думе, избранных духовенством на своих специальных собраниях, состоящих исключительно из лиц духовных, был бы именно голосом духовенства. Мало того, такой голос, как свидетельство и сословия пастырей и народной совести, воспитанной веками на православно-религиозном мировоззрении, в дни переживаемой смуты имел бы великую цену и особое значение, вполне понятное. Тогда бы рушились сами собой те возражения против политических прав духовенства и участия его в Государственном Совете и Государственной Думе, которые строятся не на практических соображениях, а на quasi-канонических основаниях.

Как представители пастырства, как голос Церкви и верующего народа, епископы и в Византии по новеллам императоров, начиная с V века, сидели в числе «лучших людей» в градских советах, даже имели право судебного разбирательства для тех, которые пожелали бы добровольно, вместо суда гражданского, обратиться к епископскому суду и т. п.⁸³, а на Руси духовенство принимало участие и в боярской, и в царской думе, и на земских соборах.

То обстоятельство, что сельское духовенство имеет и теперь ценз именно в качестве землевладельцев, конечно, нежелательно, но это будет лишь формальной стороной дела, если, выделенное в особую избирательную курию, по существу оно бы выступало в Государственной Думе именно с силой, достоинством и авторитетом пастырства. С течением времени, при дальнейших и, конечно, неизбежных поправках, изменениях и дополнениях избирательного закона, и формальная сторона прав, предоставляемых духовенству в смысле участия в Государственной Думе, может получить формулировку и освещение более близкие к каноническим нормам и соответствующие достоинству духовенства, как

особой социальной группы.

Добавим, в качестве личного мнения: нужно надеяться, что опыты с Государственной Думой все более и более будут склонять правительство к отказу от, безусловно, ложной и заимствованной с чуждого Запада мысли построить народное представительство на общегражданской почве и законодательных правах, разжигающих в народе партийную нетерпимость и похоть власти, и приблизиться к среднему для русского духа и оправданному историей представительству законосовещательному, которое покоится на социальном и сословно-бытовом строе, и обеспечивает торжество христиански-этического начала над юридическим.

«Провокация правительства»

Есть такие сакраментальные словечки, изобретенные нашим «освободительным» движением, которые обычно помещаются бесталанными прогрессивно-еврействующими и балаганными публицистами в подвальном этаже газетных листов и с которыми освободительные прихвостни «носятся, как с писаной торбой». К числу таких словечек принадлежит и слово «провокация». Жандарма взорвали бомбой, – это он «провоцировал». Мельникова пытали и истязали в Одессе, – он тоже провоцировал. В Севастополе губили бомбами десятки жертв, при известном покушении во время парада войскам, так что старухи и дети оказались с вывороченными внутренностями, – это «провокация правительства». Избиты десятки неповинных людей при взрыве дачи П. А. Столыпина; взорвались бомбы, найденные детьми, и перебили ребят; нашли целую фабрику или школу бомб, – все это тоже «провокация правительства».

В прошлом году, после белостокского погрома, редакция «Московских Ведомостей» послала в Белосток своего корреспондента с поручением на месте расследовать и проверить то море лжи, которое вылила против правительства левая печать, обвиняя министров не более и не менее, как в подготовку и устройении погромов. Угнетенные еврейчики, доселе занимавшиеся мирной стрельбой в церковные православные и католические процессии и затем выдававшие свои выстрелы за провокацию полиции, на сей раз форменно расстреляли на улице среди бела дня корреспондента московской не освободительной газеты. По этому поводу «Новое Время» иронически оповестило читателей: «наконец-то обнаружилась провокация «Московских Ведомостей», так как корреспондент этой газеты дал себя расстрелять на улице Белостока»... Кадетские газеты и особенно еврействующие «Русские Ведомости», тогда еще руководимые Иоллосом, так обрадовались начальным фразам приведенной тирады из «Нового Времени», что не заметили иронии и поспешили оповестить весь мир взаправду, что, наконец-то, объявилась, неопровержимо доказана и провокация «Московских Ведомостей».

Приводим все это на справку теперь, когда появилось правительственное сообщение о суде над злодеями, замыслившими цареубийство и убийство Великого Князя Николая Николаевича и председателя Совета Министров П. А. Столыпина.

Суд кончен; он был непостижимо милостив, если не сказать более... Видимо, изыскивались все поводы умалить злодеям наказание. Вызывает недоумение, например, то обстоятельство, что г. Эмме, воспитатель юношества, несомненно, участвовавшей в заговоре, служивший, кроме того, и по Министерству Внутренних Дел, следовательно, тройне преступник и предатель, отделяется только ссылкой. Непонятно оправдание «по недоказанности преступления» тех лиц, которые, ясно для всякого, служили пособниками для заговорщиков цареубийства, предоставляли им квартиры, передавали корреспонденцию и т. п. И все-таки, при таком желании все смягчить, пришлось троих повесить: улики были налицо, преступления нельзя было отвергнуть. А, между тем, что вопили газеты левого, конечно, лагеря, когда впервые, даже помимо воли правительства, огласилось это гнусное покушение на Государя? Почему левые депутаты Думы не явились, и отказались выразить порицание преступлению? Почему наши Тихвинские, Колокольниковы, Бриллиантовы, исправно являвшиеся с красными гвоздиками «в петлицах» на рясах в знаменование сочувствия революции, не явились в Думу выразить порицание замыслу цареубийства и убийства? Помню, вскоре после этой беспримерной по наглости и гнусности выходки в Думе, после несказанного лицемерия председателя Думы Головина, заявившего, что порицание заговору в Думе было высказано «единогласно», я встретился в купе вагона с одним весьма видным и образованным кадетом. Совместное путешествие быстро знакомит людей. Разговорились. Мой собеседник, уже седой человек, видимо, весьма образованный, горячо отстаивал и кадетов, и левых, и Думу. Поездка Долгорукова в Париж, чтобы ронять русские финансы, – это только «недоразумение»...

Ну, а вот М–ов привез деньги кадетам на выборы из-за границы, – откуда он взял их?» Это тоже недоразумение. Ну, а как кадетские профессора посылали крапленые повестки? Каким образом М–он заплатил взятку, чтоб избавиться от военной службы и, следовательно, заставил идти вместо себя бедного крестьянина – кормильца семьи, который не мог дать взятки? А каким образом кадет профессор М–ов оказался причастным к экспроприациям, совершавшимся лицами, у которых нашлась лошадь Ж–ва? Ну, а выборгское воззвание?» Это, видите ли, все – одно «недоразумение».

«Неужели, – спрашиваю, – вы одобрите, наконец, это безобразие, что левые в Думе не явились выразить порицание заговору против Царя? Неужели вы оправдаете низость священников, которые, по партийному лакейству, тоже не явились в Думу осудить замысел цареубийства?»

В ответ улыбочка... «Вы верите в этот заговор?» Я мог ответить только жестом удивления и недоумения. «Ведь это – провокация правительства, это – только придирка, чтобы разогнать Думу... Никакого и заговора нет»... Доказываю, что правительство, видимо, даже не хотело оповещать о заговоре до времени, что оно вынуждено было к тому известиями английских газет, перепечатанными в России, и прямым запросом в Думе. Ничто не помогает. Это все – «провокация правительства», – и ничего более. «Разве вы не слышали, что в Думе депутат с. р. заявил, что он, член революционного комитета (это в Думе-то сидит!), может заверить о непричастности с. р. к заговору? И, наконец, разве не видите, как глупо задумано преступление? Тут все сшито белыми нитками, все сочинено в департаменте полиции! Провокация очевидная! Вот увидите, – заключил мой собеседник, – суд замнут, дело скроют, как только в нем минет нужда».

И все говорится тем противным тоном российского либерала, который не допускает возражений и являет вид всесторонней осведомленности во всех тайнах мира. Апломб, уверенность, авторитет, фраза, – все это выше всякого сомнения, и вы чувствуете, что раз вы возразили, вы – глуп, отстал, «реак» или... правительственный шпион, по крайней мере...

Где ты теперь, седой кадет, типичный российский интеллигент?

Что сказал бы ты по поводу того, чем окончился суд над заговорщиками? Не оказались бы и трое приговоренные к смертной казни лишь провокаторами от правительства?

Персы сами о себе составили пословицу: «перс тогда перестает лгать, когда у него язык во рту перестает шевелиться». С полным правом гг. кадеты и левые могут претендовать на применение к себе приведенной пословицы. С. р. заявил о непричастности их комитета к заговору... Но разве с. р. не лгут? Ведь сидят же они в Думе, давши предварительно, при самом допущении в Думу, клятву быть верными «Самодержавному Царю», против самодержавия которого и даже против самой монархии они потом открыто идут в Думе... «Преступление уж очень глупо задумано»... Но ведь и еврейско-освободительное движение, и наша революция, выразившаяся в грабеже и вместо народа привлекающая к себе только отбросы улицы, – все это ведь тоже не очень умно задумано... И на такую-то позолоченную удочку, как глупая плотва, попались и наши рясофорные думские депутаты. Неужели и теперь не спадет повязка с глаз многих русских людей, замороженных фразами и апломбом наглости кадетской? Неужели и теперь в Государственную Думу опять попадут левые?

Дай Бог, чтобы мы поскорее прозрели, поскорее образумились!

Дума и духовенство

I. Кадетские вождения

Партия «политических шулеров» и иезуитов увидела на политическом горизонте лакомую добычу: кадеты с вождением посматривают на многочисленный, сравнительно, кружок духовенства в Думе. Вспоминаются им недавние еще удачи... И хотя где-то, в неизвестной дали, прозябают использованные и выброшенные теперь за ненужностью Огнев, Тихвинские и Бриллиантовы, сбитые с толку во славу «освободительства», – беда не велика. Перед глазами теперь Новая добыча, и какая! Получить бы 40–50 голосов, сразу, да теперь, при кадетской-то скудости в Думе, – как бы хорошо! И количество голосов – не малое, а уж нравственное значение для обанкротившихся духовно и выдавших себя за мошенников политики от общей поддержки депутатов священников было бы и велико, и спасительно. И как бы можно его «учитать» и использовать! Нужды нет, что позавчера они целовались с левыми товарищами и хулиганами, и своих собственных лидеров ценили по степени близости с политическими убийцами и по тюремному цензу, а вчера назвали своих недавних друзей ослами. Уж таковы законы политики! Не обманешь – не продашь. Можно сегодня ослов-друзей заменить батюшками, чтобы завтра и их, в случае нужды, обозвать ослами, а с прежними приятелями опять снюхаться.

Что же духовенство? Пока оно молчит, не высказалось, пока не определилось, какую партию она станет поддерживать, левые газеты, по обычному своему лицемерию, тоже молчат. С духовенством играют «в тактику». Ключнет или не ключнет? Ключнет – и появится ряд статей: «Мы всегда ожидали и были уверены, что духовенство, как сословие из народа, не может быть чуждо партии народной свободы и ее благородных стремлений, испытав на себе всю тяжесть произвола бюрократическая режима» и т. д. А там, когда на спинах батюшек кадеты пробьются к власти, тогда, конечно, «представителям мрака» и «отжившей религии» какое же иное название, кроме ослов, и какая же иная судьба, и какие иные отношения к ним, как не теперешние отношения к расстригам, вчерашним кадетским друзьям? Ну, а не ключнет, – тогда иудины и иудейские кадетские органы теперь же начнут поливать грязью то же духовенство. «Конечно-де, мы наперед были уверены, что духовенство, эта опора реакции и насилия, в массе станет за выгодный ему старый режим и изменит народному делу. Петербургские рясоносные бюрократы и центурионы, приставленные к церкви», и т. д.

Но пока газеты молчат, те, кому нужно, не молчат, а действуют. Начинается охота за голосами священников, и ведут охоту опытные стрелки, не раз получавшие первые призы за хорошую стрельбу. «Сам» Родичев выступает. Это тот Родичев, которого «Новое Время» в начале первой Государственной Думы расхваливало, как единственного русского истинно-парламентского оратора «с темпераментом», а к концу недолговечной Думы пришло к заключению, что это – не более, как «горлан бестолковый и несмысленный». Комедиант и кривляка, он в первой Думе торжественно заявил: «клянусь, что Дума не будет распущена», – и соврал. Иезуит и играющий на клятвах и позах, он, – никак не разберешь, – и подписал, и не подписал выборгское воззвание, этот аттестат на глупость и диплом на подлость партии, которую остроумный фельетонист обозвал: «партия кадетская»... Наконец, в самое последнее время Родичев стал известен, как раздаватель дипломов на звание осла. Что ж, кадетам и книги в руки по ослиной части; много они их на своем веку перевидали и залучили в свое стадо; запас кандидатов большой. На первый раз диплом выдан друзьям слева, дождутся и друзья справа, те левые октябристы, которые, по-видимому, не прочь поиграть теперь с кадетами. Ну, что ж, отчего и не поиграть? «Кадеты, говоришь, проходят? – рассуждает благодушный купец, – ну, что ж, народ молодой, безусые мальчишки, пусть потешатся; подрастут, поумнеют».

Но это было пред первой Думой. Теперь такого благодушного купца не найдется, и всякий знает, что поиграть с кадетами – это значит вернее всего лишиться кошелька, а то и носового платка, – начисто карманы вычистят, да и честью и всеми нравственными правилами придется пожертвовать. Дисциплина уж такая, и притом такая дисциплина, что больше требует шулерства и передержек.

Итак, Родичев запускает теперь сети, чтобы к этой дисциплине кадетской притянуть новую добычу – голоса думских депутатов священников. Для партии иезуитов политики такой прием не нов.

Еще недавно они торговались: «дайте министерские портфели – и поправеем», и Маклаков уже забегал с заднего крылечка к Столыпину... Жаль только, что у Головина головы-то и не оказалось, а только дыня с усами и с одними семечками внутри, вместо мозгов. А то, чем нечистый не шутит, сидел бы теперь кадетский министр и правил бы нами под руководством того же Головина. Теперь иной торг – делают вид предложения духовенству: «Дайте нам голоса, – и мы запоем на церковном клиросе. Да как запоем перед вами, батюшки: и вторых вам жен, и светские костюмы, и театр, и освобождение от архиереев, от

Синода и по части жалованья наскребем, – словом, все благочестие вам предоставим, и процветание Церкви и духовного сословия обеспечим. Только голоса нам в Думе, голоса дайте и перейдите в кадетскую фракцию»... «Разве мы кого обманывали? Да ведь нам только работать не давала бюрократия, а если бы наш Пергамент, или Винавер, или незабвенные наши Иось Иоллос и Мовша Янкелев Герценштейн были бы обер-прокурорами Св. Синода, а членами его засели – достойный знаток брачных тайн архим. Михаил, да «оо». Петров (читай: «отец-освободитель»), да знатоки по части гвоздик и бомб – Тихвинский с сынком, Огнев, Колокольников, Афанасьев, Бриллиантов и Поярков, – да мы бы каких дел наваляли! Такая ли была бы теперь Церковь... Ведь было бы любо-дорого! Что из того, что Петров во 2-й Думе явил многоречие рыбы? Зато, как ловко он подбил Тихвинского! Да к тому же после изнурительного изгнания в Череменецкую пустынь, как в Кукуз или Пицунд, новый Златоуст, которому за границей русские правительственные шпионы даже купаться в море рядом с дамами мешали (какое насилие!), был так надорван силами, что, естественно, не мог проронить слова публично, разве только и мог говорить по брачному вопросу и о разводе, в комиссии, составленной из евреев и инородцев»!

В виду таких-то зазываний кадетских, нам нужно привести справки и сведения для тех, кому это ведать полезно и надлежит.

II. Кадеты и Русская церковь

Теперь ни для кого не тайна, что кадеты представляют собой парию Иуд и иудеев. Из-за границ доставляли им деньги еврейские банкиры, оттуда привез их в Москву г. Маклаков, как об этом печатно заявлял вышедший из кадетского комитета г. Швецов, статьи которого появлялись и в «Колоколе». Русские евреи, в роде г. Бака, уплачивали и доселе уплачивают главарю кадетскому г. Милюкову по 20 000 рублей в год; евреи субсидируют и содержат все кадетские газеты, отпускают деньги на кадетские издания, брошюры и проч. Целые своры всяких Пейсензонов – Винавер, Пергамент, Генайзер, Фридман, Штильмен, Розенберг, Фейгельсон, двое Гессенов, Гапфман, Гревс, Мандельштам, не говоря уже о знаменитых Герценштейне и Иоллосе, бывших казначеями революционного комитета и, по-видимому, смешивавших революционные денежки со своими (от экспроприации – к экспроприации...), – вот «русские» публицисты и деятели, державшие камертон в лагере кадетском.

Уже этих имен достаточно, чтобы человеку здоровому умом и не потерявшему способности трезвого суждения наперед решить, какое отношение у кадетской партии к православной русской Церкви. Думается, что иудеи не слишком заинтересованы в ее процветании. Впрочем, и имя Милюкова по этой части кое-что говорит. Известны его «Очерки по истории русской культуры». Отдел этого «сочинения» (списанного с прогрессивных quasi-научных крикливых журнальных статей), касающийся Церкви в России, представляет редкий образец злобного пристрастия, ненависти к православию и в то же время глубокого невежества в церковно-исторической области. Очень полезно в этом отношении почитать только что вышедшую брошюру игум. Тарасия, посвященную специально, с указанной точки зрения разбору, помянутого сочинения кадетского соловья.

Что намечено в книжке, то исполнено и в практическом применении. Припомним 1-ю Государств. Думу. Она была в полном смысле кадетской; от разрешения кадетов зависели выходки и их левых «товарищей», тогда еще «не ослов», а приятелей и сотрудников. Служение молебна под говор, смех и курение папирос; оскорбительное наименование православной Церкви «хулиганскою», из уст бешеного Рамишвили, под неистовые аплодисменты кадетов; объявление полного равенства всех религий, истекающее из полного равнодушия к религии, а на деле клонящееся к

унижению одного православия; требование свободы для атеизма; принудительное отобрание церковных, монастырских и причтовых земель от православной Церкви и сохранение земли за духовенством католическим, армянским, мусульманскими муллами и языческими ламами; обречение на полную нищету православного духовенства после отобрания земель и рядом – умолчание о вознаграждении его жалованьем от государства; нескрываемая вражда к просветительной деятельности Церкви; выходки против церковной школы, – вот всем памятные «выступления» кадетской партии. Ея задача состояла в том, чтобы уничтожить самые слова: «русский» и «православный». Так и заявил г. Родичев в Думе. Только один признак уважения к религии показали тогда гг. кадеты: они, по предложению еврея-депутата, назначили в Думе субботу днем обязательно неприсутственным, а воскресенье – днем рабочим. Оставалось еще ожидать закона о всеобщем обрезании, и тогда бы мы увидели истинные религиозные симпатии кадетов. За те 1 300 000 рублей, что потратили кадеты во время выборов в первую Думу только по Москве и Петрограду, за эти еврейские денежки кадеты полакействовали перед гонимыми сынами Израиля так усердно, что припомнили все еврейские погромы, ездили в Белосток, учитывали всякого раненого еврея и не учитывали только десятки тысяч убитых русских людей – сановников, генералов, полицейских офицеров, городских, казаков и простых прохожих, павших жертвами еврейских бомб и браунингов. С удовольствием слушая гнусные речи презренного жида Якобсона, объявившего русскую армию сборищем трусов, умевших только бегать с поля сражения, кадеты забывали, что из 18 000 евреев, бывших в этой армии, 13 000 попали в плен и бежали к японцам, а остальные 5 000 лишены были этого удовольствия, потому что находились в тылу писарями, обозными и японскими шпионами.

Распустили 1-ю Думу. И вот перед 2-ю Думою вдруг кадеты выступили... с церковным законопроектом! Ну, не правда ли, что это политические шулера и иезуиты!? Церковный законопроект, должен был загородить уста тем обвинителям кадетов, которые говорили, что кадеты – это или атеисты, или скрытые жида. Он должен был заглушить голос совести у тех священников и религиозных людей, которые смущаются подавать голоса за кадетов. Что же обещал и давал законопроект? Дело рук еврейской шумихи и заманивания в свою лавочку, он обещал людям религиозным и благочестивым священникам все, кроме того, что им дорого и нужно. Это была новая вариация на тему освобождения, новая попытка внести разлад и смущение в среду верующих, разврат и анархию

– в среду духовенства. А сам по себе законопроект был чистейшим обманом, каковым он потом и оказался во второй Думе. В самом деле, кадеты обещали в своем «церковном» законопроекте вторых жен вдовым священникам, светское платье духовенству, свободу приходской жизни, освобождение от власти архиереев и Синода, выборное начало в среде приходских общин и духовенства и, в награду за послушание, – жалование священникам от казны. Все, кроме последнего пункта, совершенно не во власти кадетов, как партии, не во власти и Государственной Думы. Никакая Дума не может законодательствовать в Церкви, никакая Дума не может изменить церковных канонов, из которых, например, воспрещение второго брака вдовым священникам является общим для всех православных Церквей, так что отступление от него в русской Церкви вызовет отделение ее от восточных патриархов. Только увлечением или праздным невежеством Тихвинских и можно объяснить себе их веру в то, что Дума сделает их «неприкосновенными» и неуязвимыми со стороны церковной власти, хотя бы Тихвинские, находясь в сани и совершая литургию, проповедовали бы, например, атеизм с думской трибуны. Но предположим, что Дума обеспечила бы депутатам-священникам такую именно неприкосновенность и независимость от законного священноначалия. Да разве честный, верующий священник мог искать этого и радоваться этому? Ведь это было бы могилой для Церкви! И если тяжелы упреки в цезарепапизме, если тягостна зависимость от бюрократии чиновничества в церковном управлении, то чем же лучше такая безусловная зависимость Церкви и ее служителей от народного представительства, совмещающего в себе всех инородцев и иноверцев, – и притом даже в области канонов, внутренней жизни и учения Церкви, т. е. в той области, которой в России никогда и не помышляла коснуться ни Царская власть, ни бюрократия? Священник искренний и верующий никогда не согласится променять зависимость от законной церковной власти, и подчинению ей на лакейство перед Пергаменами и Винаверами, хотя бы они и были «народными представителями».

Созвана была вторая. Дума, и глупая плотва, попавшаяся на позолоченную удочку, увидела, каковы кадетские обещания духовенству. Из всех вопросов церковных, Дума поставила только один – о свободе всех вероисповеданий и о разводе. Особенность избранной для рассмотрения церковных вопросов комиссии состояла в том, что в нее вошли одни жида и иноверцы. Во второй Думе так же, как и в первой, бранили Церковь, жаловались на корыстолюбие духовенства, издевались над церковными школами и не заикнулись ни о чем, что клонилось бы к благу Церкви и

духовенства. Используя глупую плотву, кадеты выбросили Тихвинских и Колокольниковых, как изношенную перчатку. Теперь Родичев и К⁰ ищут новых жертв.

Таковы кадетские обещания, кадетская честность и порядочность. Таковы заботы кадетские о Церкви.

Кто же может помочь Церкви и духовенству?

III. с кем идти духовенству в думе?

С кем идти духовенству в Думе – становится совершенно ясным после всего вышесказанного. Мы не говорим о крайних левых партиях, прямо и, по крайней мере, без умолчаний, уверток и кадетского иезуитства, отрицающих всякую религию вообще, христианство – в частности, православие в России – в особенности. Только отказавшийся от веры и Церкви священник, или носящий сан для ремесла, для провокации, может выступать с красной гвоздикой на рясе, рядом с крестом, и становиться в ряды, например, социал-демократий, заявляющей устами Бебеля, что «христианство и социализм относятся одно к другому, как огонь и вода». Невозможно, далее, духовенству поддерживать и кадетов, как вообще невозможно церковные интересы обращать в игралище партий и прикрытие чуждых нравственному началу интересов. Итак, спросят: следовательно, совсем духовенству не следует вступать ни в какие партии? Отвечаем: да, это было бы прекрасно.., если бы это было возможно; насколько возможно, к такому именно положению и следует стремиться.

Идея парламентаризма, или обсуждение всех вопросов жизни и законодательства представительством народным, слишком у нас нова и слишком обвееяна преувеличенными упованиями. Трудно поэтому в настоящий момент указывать ее несостоятельность с покоряющей всех убедительностью. Придется в этом случае аргументировать почти исключительно на теоретических рассуждениях, против которых и защитники представительства народного могут выступить с очень красивыми и заманчивыми теоретическими построениями. Но некоторые темные стороны Думы уже показала жизнь. И прежде всего она показала, что в разрешении вопросов в Думе ум, честь, совесть и убеждения – ничто; все зависит от группировки партий. Остаться вне партии невозможно практически, – придется иметь «свою» партию. И если бы духовенство было в Думе более многочисленно, оно бы так и должно было бы поступить. Но при 40–50 голосах против 450 это неосуществимо. И все-таки много раз представится духовенству случаев восторжествовать над партийностью и поставить выше ее голос совести. Вторым крупным недостатком народного представительства, как показал нам опыт двух Дум, составляет то, что «народный представитель» должен высказаться в Думе по всем и всяким вопросам, из которых девяти десятых он не знает.

Умный и хороший крестьянин Тамбовской губернии подаст голос по вопросу о постройке оранжереи и прачечной в Юрьевском Университете,

о пароходстве на Байкале, о направлении магистрали железной дороги на Амуре и о размере субсидии пароходству между Николаевском, Декастри и Японией. Между тем, ничто не запрещает и воздержаться от голоса, когда того или другого вопроса не знаешь. Однако практика парламентаризма редко дает примеры такой добросовестности: партийность все преодолевает, и люди движутся, встают, сидят, голосуют без сознания, по чувству стадности. Духовенство в этом случае может и должно стать выше партийности и, отказываясь от слова в суждении о предметах, мало ему доступных и понятных, тем энергичнее, тем авторитетнее должно выступать в вопросах, прямо или косвенно касающихся Церкви и жизни ее служителей. Есть немало других вопросов, большей частью по существу этических, – о терроре, революции, осуждении политических убийств, законности и т. п., в которых духовенство молчать не смеет. Тихвинские и К°, не присоединившиеся к осуждению замысла царубийства во 2-й Думе, покрыли себя несмываемым позором.

И вот здесь-то, и в вопросах о Церкви, и в вопросах умиротворения родины, духовенство волей-неволей, считаясь с печальной необходимостью разрешать вопросы в народном представительстве по мертвому счету голосов и мнению большинства, войдет в единение с думскими партиями. Но и в этом случае оно должно слушаться голоса совести, а не временных расчетов выгоды. Парламентская практика допускает такие случаи: анархисты будут поддерживать духовенство в вопросе, например, об отпуске денег на внешнюю миссию Церкви под тем условием, чтобы духовенство в свое время подало свои голоса за анархистов в вопросе о распусчении войск и полиции. Такая сделка, обычная в парламентах, – безнравственна и недостойна. Голос совести выше выгоды.

Итак, с какой же партией может духовенство вступить в единение в Думе, чтобы верно и нравственно-чистыми путями, сохраняя достоинство служителей Церкви и граждан, верных долгу и присяге, отстаивать интересы Церкви? В ответ на этот вопрос духовенству указывают два пути: влево – к октябристам, вправо – к монархистам.

Где же истинный путь?

IV. Духовенство и октябристы

Октябристы разделяются на правых и левых. Правые, если они смотрят на акт 17 октября, как на свободное волеизъявление Царя, не связывающее Его ни в настоящем, ни в будущем; если они почитают не только правом Царя, но и долгом Его немедленно лишить Думу законодательных прав, когда Он увидит, что эти права вредны для России; если они вменяют себе в обязанность в этом случае любовно и охотно исполнить волю Самодержца, – такие октябристы называются октябристами только по недоразумению, в сущности же они – монархисты. Мы и будем, говорит о них в отделе о монархистах.

Настоящие октябристы – это то, которые сознательно и принципиально говорят о конституции и считают Царя ограниченным. Это, по остроумному выражению одного публициста, – «кадеты второго сорта», отличающиеся от кадетов только тем, что они не вступили в связи с бомбистами и террористами для успешного насаждения конституционных начал, как это сделали кадеты! По остроумному, меткому выражению другого публициста и оратора, «и у левых, и у правых есть свои паразиты: у левых – кадеты, у правых – октябристы». И вправду, октябристы, поддерживая русский патриотизм и отрицая террор и убийство, в тяжелые дни, нами пережитые, когда кровь верных слуг родины лилась ручьем от револьверов и бомб с. р. (сущих разбойников) и с. д. (сущих душегубов), в союзе с кадетами, – октябристы в представлении общества и правительства явились партией мирной, законной, с приятными подчас речами о патриотизме и о единой, неделимой России. В этом – величайшая удача октябристов.

Но людям вдумчивым, способным ценить явления и теории по существу, а не в зависимости от момента, избирающим лучшее вообще, а не из худого то, что получше, умеющим до конца доводить всякую мысль и соображать причины с их следствием, – таким людям октябризм представляется в совершенно ином виде. Начало конституционное, это – только кончик нитки от клубка; неизбежно развиваясь и разматываясь, этот клубок даст равенство народностей, вероисповеданий, ослабление, потом уничтожение религиозного и национального начала, затем чистый парламентаризм, потом республику, ну, потом социализм, потом анархию. Это – явления одного и того же порядка. Все пьяны, только одни от сивухи, другие – от шампанского. Равенство же народностей и вероисповеданий мыслимо только в теории; на деле всегда будет

порабощение одних другими, и притом не сильные поработят слабых, а хищные и безнравственные погубят благодушных и честных, ибо у них не равные орудия борьбы. Все рыбы равны, ибо они – рыбы, но тогда проститесь с карасями, ибо щуки их поглощают. Сильна лошадь, слаба и мала муха, но лошадь мухи не есть и не кусает, а муха сильно мучит и жалит лошадь. То же и в государстве: хищники – евреи и инородцы – возьмут засилием над благодушным русским народом; фанатичные и злобные сектанты и иноверцы принизят православие и будут увеличиваться и расти за счет православия, которое по существу своему чуждо духа прозелитизма. К таким выводам приведет неизбежно конституционное начало, воспринятое в принцип и проводимое последовательно, как это мы видим в программах «левых» октябристов. Уже из этого видно, что Церкви Христовой нечего ждать доброго от такой партии, и это весьма знаменательно, что октябристы везде молчат в своих программах о православии, о Церкви и о духовенстве.

Если же мы обратимся к истории, то она нам даст указания ясные, что ожидает Церковь в государствах, в которых восторжествовали конституционные начала.

Не станем говорить о Франции и Италии и о положении там Церкви. Могут по поводу этих примеров заметить, что в этих странах католическое духовенство стояло в оппозиции правительству, не сочувствовало народу в его стремлениях к политической свободе и, имея центр тяготения к папе и Риму, было равнодушно к государству, являясь как бы носителем космополитизма на религиозной почве. Пусть будет так. Но взгляните на близкие к нам и родные по вере Грецию, Болгарию, Румынию. Кто, как не Церковь и духовенство, создали в этих странах и народностях освободительное политическое движение? Кто, как не Церковь, веками призывала к ним Россию на помощь единоверцам? Духовенство там дало певцов народной свободы, оно своими проповедями, молитвой, богослужением поддерживало единство народа, его национальное самосознание, живые предания былой народной славы. Оно и в освободительные войны дало героев, оно и после войн дало первых устроителей страны. Но вот пришла политическая свобода, пал гнет мусульманства. Под влиянием Европы у этих народностей, давно порвавших с древними своими формами государственного устройства, а новых своих еще не успевших выработать, вводились порядки подражательные, европейские, конституционные.

Кому принесли они счастье? Никому.

Кому первому принесли они горе, страдание, обиды, лишения?

Церкви. Климент, митрополит Тырновский, герой освободительной болгарской войны, народный писатель, первый министр просвещения, конституционным народным представительством изгнан, оговорен, бит палками. В Румынии у Церкви отобрали все, что можно было отобрать.

В Румынии и Болгарии насадили католические миссии, епископов и католические монастыри. В Греции восемь кафедр без епископов, потому что парламент не дает на их содержание денег, церквами распоряжаются городские управления; священники доведены до того, что для своего пропитания содержат кабачки, где жена священника прислуживает гостям и разносит им кушанья, а священник служить маркером, и подает шары на бильярд. Жалованье духовенству всюду в этих странах обещали, и нигде не дали. Миссии, просветительные учреждения церковные, правительством и парламентом игнорируются. Вот еще резко очерченный пример на наших глазах. В борьбе с Турцией армянское духовенство шло и идет впереди своего народа; в Закавказье оно боролось и против России по вопросу об отобрании церковных имуществ в управление казны, хотя и с уплатой доходов в пользу армянской церкви. Католикос, только что умерший Мкртич, народный писатель, прославленный борец против Турции, когда он там служил, всячески поощрял духовенство на борьбу с Россией и русской властью. Добились армяне своего: возвратили им церковные имущества. Католикос на радостях собрал в Эчмиадзин представителей армянского народа для суждения о делах церковных. И первое, что сделали «представители», это – постановили отнять имущество у церквей, монастырей и духовенства, а затем столько неприятного и непочтительного наговорили по адресу католикоса и духовенства армянского, что католикос вынужден был телеграммой просить ненавистную русскую власть избавить его от милых сердцу «представителей армянского народа».

Роковую ошибку сделает русское православное духовенство в 3-й Думе, если оно вместе с октябристами будет отстаивать, защищать и укреплять начала конституции в России. Трудно исчислить все непоправимые бедствия от конституции для Церкви русской. Именем Церкви Божией, именем истории, именем православного русского народа заклинаям мы пастырей не дать вовлечь себя в опасную ловушку. Ловушка – в том, что конституционалисты будут уверять, будто все недостатки наши в жизни государственной и церковной зависели от самодержавия. Не потому создались эти недостатки, что было самодержавие, а потому, что его, в сущности, не было. Это нужно помнить. Пусть не увлекаются священники минутными соображениями и красивыми фразами, пусть не

надевают себе шелковой петли на шею: когда она затянется, поздно будет. Пусть подумают, что Царь и по положению, и по вековому народному воззрению, и по канонам, и по Основным законам есть Покровитель Церкви, Хранитель ее догматов и всякого в Церкви благочиния. Какой же это будет Покровитель, если он ограничен, как приказчик, Думою, и Дума будет обрезать Царю крылья во всех желаниях Его придти Церкви на помощь! И не будет ли тогда Дума, в которой сидят иноверцы, инородцы, сектанты, мусульмане, язычники, евреи, а еще хуже – вольнодумцы и атеисты, – не будет ли такая разноречивая Дума фактической распорядительницей жизни и судеб Церкви Божией? И не дадут ли за это священники, сидящие в Думе, отчет перед Богом и перед историей Церкви? В тяжкую годину, – при введении конституции ее не долго ждать, – когда Церковь русская будет оскорблена, унижена, ограблена и доведена до того состояния, в каком мы видим Церковь в Греции, Болгарии и Румынии, русские церковные деятели проклянут тех депутатов-священников, которые, в ослеплении идолами чуждой и враждебной нравственно-религиозному началу государственности, желая порисоваться прогрессивностью (не прогрессивный ли паралич политически?) и беспартийностью, способствовали введению конституции в России. «Да посрамятся кланяющиеся истуканам, хвалящиеся об идолах своих»!

V. Духовенство и монархисты

Монархические союзы явились недавно; одни из них, не более двух-трех, и притом в столицах, явились до 1905 года, в предвидении тяжелых опасностей для русского религиозного и народно-государственного строя и быта, другие сотнями возникли после разразившейся опасности, в ограждение религиозных и государственных русских идеалов, в защиту целостности и неделимости России. Существо их – в том, что они являются хранилищем религиозности и патриотизма русского народа. В роковой момент истории, когда русский государственный корабль накренился влево настолько, что гибель его казалась неизбежной, монархические патриотические союзы всей силой налегли на правый борт корабля и спасли его от потопления. Выдающиеся деятели правых союзов вышли на общественную работу в то время, когда они ничего не могли ожидать, кроме пуль и бомб, убийств из-за угла, преследований газетных, насмешек и презрения сбитой с толку интеллигенции и самого правительства печальной памяти Витте с товарищи и приспешники.

Отсюда, понятно, и падают сами собою все обвинения против монархических союзов. «Они ударялись в крайности, они много кричали и шумели», – но борьбу с революцией нельзя было вести с безоблачным челом. «Они «разменивались» на демонстрации и шумные выступления», – но против демонстрации с красными тряпками нужно было бороться контр-демонстрациями с хоругвями и стягами. Они все пели «Боже, Царя храни», – но через это замолкли звуки марсельезы. Они «не выработали программы», – но они, и только они, без программы легли сотнями и тысячами неприметных жертв и подавили революцию. И если теперь можно свободно говорить о том, что мы – русские люди, если, благодаря черносотенной агитации, прошли и в Думу правые элементы, то уж во всяком случае, здесь исключительная заслуга «шумливых монархических организаций», а не корректных, чистеньких и сидевших по углам октябристов. Теперь и они пришли на расчищенное поле. «Тяготу и вар дне» понесли монархисты.

Главным и основным мотивом жизни, интересов, забот и чувств монархистов всегда и везде был и остается мотив религиозный; религиозное начало осмысливает у них, освящает и возвышает самый патриотизм. Если это – партия, то партия религиозно-православно-патриотическая. Пусть поверит читатель автору этих строк, перевидавшему по России буквально сотни монархических союзов. И в

области религиозного исповедания монархистов понятно и сами собою подают обвинения против них. «Они говорят о православии, а у них во главе – часто недостойные люди»... Но что же было по местам делать, если носители и защитники православия, архипастырь и пастырь, не только молчали, но и прямо уклонялись от призыва патриотических союзов стать в их ряд» и знамя православия приходилось поднимать мирянам, иногда, быть может, и недостойным. «Они заявляли о православии, оскорбляли многих архипастырей и пастырей». Но, не говоря, о недоразумениях, – в такой неразберихе, какую мы пережили, всегда возможных, когда не раз бывало, что «своя своих не познаша», – нужно и то помнить, что нашлись и доселе находятся служители Церкви, которые, как архипастырь Михаил, оо. Петровы, Тихвинские и проч., прямо торговали интересами православия и шли в ряды революции. К тому же искренность и непосредственность монархистов делали их всех слишком далекими от «тактики» и «дипломатических» шагов по отношению к тем или другим лицам. Русский грех: «и ругнуть, так ругнуть с плеча». Отсюда и их крайняя подозрительность, и склонность всюду, даже среди своих, видеть измену, жидовство и масонство. Уж слишком они видели много измен, уж слишком наболело русское сердце, уж слишком взяло нас жидовское засилье. После целых столетий благодушной доверчивости естественно было перейти к крайней осторожности. Все недостатки монархистов, как партии, – чисто-народные недостатки.

Но эти недостатки – только легкая пылинка на бриллианте чистейшей воды! Преданность их православию, патриотизм, готовность на всякие жертвы, преданность Царю и России выше похвал. Много бранили бюрократию и монархисты, много бранили они представителей власти за попустительство, слабость, уступчивость врагам Россия, но, ругая Витте, Герарда, Воронцова-Дашкова и других бюрократов, капитулировавших пред красными тряпками, монархисты бранили и ниспровергали лиц, а не принцип. Это всегда нужно помнить в отношениях монархистов к власти и церковной, и государственной.

Ни одна партия не выставила так открыто преданности Самодержавному Царю, как монархисты, и только они одни смело, прямо, без умолчаний, без кивков в сторону либеральничанья, заявили и заявляют в своих программах о своем благоговении к православной русской Церкви, о своей готовности помогать ей всеми силами и средствами в Государственной Думе, о необходимости сохранить за православием первенство и господство в России, о необходимости обеспечить духовенство материально и возвысить его нравственно, предоставив ему

почетное место в ряду сословий и бытовых групп русского народа, предоставив ему дело народного образования в церковных школах, усилив средства Церкви на храмостроительство, миссионерские нужды и проч. и проч.

Кем и чем нужно быть, чтобы, нося священный сан и попав в Госуд. Думу, идти в ней рука об руку не с монархистами, говорящими о религии и православной Церкви, а с октябристами, умалчивающими о религии, Церкви, или с кадетами, ненавидящими и то и другое? Только монархисты, сохраняя уважение к Церкви и духовенству, помогут им в Думе, помогут Церкви не как политическому орудию, а именно как Церкви Божией. Только монархисты, не оглядываясь назад и по сторонам, не справляясь о впечатлении налево, не торгуя голосами и не учитывая момента, не боясь раздражить иноверцев, евреев и инородцев, прямо и честно поставить в Думе вопрос и предложения о нуждах Церкви. И ко всем этим предложениям, несомненно, с предупредительностью, вниманием и готовностью на помощь отнесутся и Государь, Покровитель и Попечитель Церкви, и Его правительство.

Неужели православное русское духовенство явит миру и России невиданное зрелище безумия и самопредательство, и пойдет не рядом с монархистами, а с другими политическими партиями, или враждебными, или равнодушными к православию и Церкви Христовой?

Да не будет!

VI. Нужды церкви

Духовенство – единственное сословие в России, которое во время революции ни для Церкви, ни для себя ничего не «урвало». Крестьяне, армия, рабочие, учебные заведения, – все получили облегчения, расширение прав и вольностей, уступки, добавки и проч. Только Церковь и духовенство остались в стороне.

А, между тем, нужд у Церкви больше всего, положение духовенства – самое тяжелое. Церковь русская буквально изнемогает под гнетом материальных нужд, а эти нужды и может разрешить и удовлетворить Госуд. Дума. Церковные школы дают нищенские оклады учителям, а заведывающих и законоучителей и доселе обязывают работать даром, в то время, как на школы министерские добавляются ежегодно миллионы рублей. Вследствие прекращения добавок из казны, рост церковных школ приостановился, а по местам число их заметно сокращается. И это в то время, когда образование и воспитание детей народа в религиозно-патриотическом духе необходимо, как воздух! Духовно учебные заведения, за недостатком казенного отпуска и за отсутствием «местных средств», всюду теперь сократившихся, едва влачат существование, раздражая воспитанников нищетой стола, одежды и проч. Указ 17 апреля 1905 года о свободе вероисповедания отнял у Церкви все прежние права, пособия и внешнее ограждение от пропаганды; взамен не дано ничего. И вот теперь, когда остается Церкви действовать исключительно миссией и школой, за отсутствием местных средств и казенных отпусков, миссия умирает, школы миссионерские частью закрываются целыми десятками, как, например, в Вятской и Казанской епархиях, частью влачат существование на 90–100 рублей в год, включая сюда квартиру, учебники и жалованье учителю. В то время, как Франция у себя дома, преследуя конгрегации и католическое духовенство, вне Европы всюду поддерживает католические миссии и отпускает на них миллионы франков, в России для борьбы с язычеством даже внутри Империи не находится средств на школы, которые, помимо миссионерского, имеют и культурное значение. Миссия внутренняя поникла с 1905 года; церковное строительство прекратилось. До 1905 года переселенческое движение в Сибирь своим размером в пять раз превышало увеличение приходов и школ. Теперь это соотношение еще более нарушено в сторону неблагоприятную для Церкви. Есть приходы в Сибири, имеющие в окружности 1 500 верст. На Дальнем Востоке возникают селения, деревни, увеличивается население быстро

путем переселения, – и только число приходов, духовенства и школ остается прежнее. Несчастливые крестьяне буквально дичают там без церквей и причтов и волей-неволей или бросаются в объятия услужливого сектантства, или черствеют и обращаются в жестоких сибиряков-кулаков, равнодушных к религии и высшим духовным запросам. Если для Церкви это – потеря, то и для государства – не приобретение, потому что мы с полным правом видим в таком одичании русского переселенца в Сибири самое благоприятное условие для охлаждения его к метрополии и самую восприимчивую почву для посева самых зловредных политических учений.

Здесь мы только вкратце намечаем нужды Церкви. Нужды же духовенства, особенно нашего бедного сельского духовенства, этого великого в своем смирении сословия, терпеливо переносящего такие условия существования и обеспечения, которых не перенесет ни одно другое сословие, – кто о них не знает? Мы еще раз высказываем твердую уверенность в том, что правительство охотно пойдет навстречу всяким мероприятиям, исходящим от Думы и клонящимся к улучшению быта духовенства. Чтобы говорить так, мы имеем очень веские основания и черпаем осведомленность из самых компетентных источников.

Нужно торопиться с тем, чтоб именно Дума закрепила и дала те и другие облегчения и пособия Церкви и духовенству. Следующие Думы, как бы они ни склонялись влево, не так-то легко решатся отнять то, что дано и подтверждено Думой, а не бюрократией. Теперь для духовенства представляется в этом отношении первый, и, кто знает, может быть, единственный момент.

Депутаты-священники для выяснения своих нужд и нужд Церкви имеют под рукой все данные и необходимые справки. В Святейшем Синоде их обязаны принимать по делу все, власть имущие, начиная от обер-прокурора; мы уж не говорим об испытанном участливом отношении к ним со стороны Петроградского митрополита, первосвященника Церкви. Во всех учреждениях, подведомых Синоду, священникам-депутатам обязаны давать всякие справки, цифровые и иные данные, сообщения по всякому вопросу.

По-видимому, обстоятельства слагаются в высшей степени благоприятно для пастырей-депутатов в Думе.

Бог в помощь в Местной и дружной работе!

VII. Ошибки и опасности

Ошибка и опасность для духовенства в Думе – одна: уклонение влево от чистого монархизма. Оно поставит духовенство, как священнослужителей, в совершенно фальшивое положение. Нужно знать и помнить, что какими бы талантами ни отличались архимандрит Михаил и отец Тихвинский, у них духовных детей, в собственном смысле, никогда не было с тех пор, как они уклонились в ряды левых политических партий. Священник-либерал, священник-революционер только и годен для разрушителей государственного строя, как временное орудие, и сами революционеры никогда его уважать не могут. Чувство нравственной брезгливости никогда их не покидает по отношению к единомышленнику и соратнику, который свое разрушительное и по существу атеистическое дело прикрывает крестом и рясой и является буквально волком в овечьей шкуре. Притом в рядах левых политических партий священник всегда будет самой последней спицей, которую терпят, подавляя отвращение, вроде шпиона на войне. Французская препрославленная революция с благодарностью не помянула ни одного из патеров-революционеров; анархисту Ламеннэ миль не как священник, а как революционер социалисту; Павел Гере миль не как пастор, а именно как социалист. Так и физику нет никакого дела до того, что Секки был аббат. Для него Секки – великий физик. Все это понятно само собой.

Затем остается отношение духовенства к правым и правительственной власти. Что может выйти в том случае, если духовенство в Думе пойдет по стопам «попов с гвоздикой»? Уже после роспуска 2-й Думы был на острое ребро поставлен вопрос: оставить ли в новом выборном законе за духовенством право участия в Государственной Думе? Возражения против такого оставления были сильные и обоснованные. Говорили, что духовенство не имеет в сущности земельного ценза и проходило в первые две Думы не по праву владения, а по праву пользования, а это очень шаткая и скользкая почва для защиты его избирательных прав, ибо по такому цензу могли бы проходить в Думу очень много других лиц, чуть не до арендаторов, которым, однако, такого права не предоставлено. Выходит, дается привилегия духовенству только за то, что оно – духовенство. Если лишать его такой привилегии за систематическое избрание членов Думы из своей среды недостойных и революционно-настроенных, то кто станет защищать духовенство? Ни правые, ни левые тогда не станут делать этого; правым не нужны священники-

революционеры, а левые на их места могут найти революционеров же, имеющих то преимущество, что они не будут связаны зависимостью от Синода, церковными правилами и обязанностями, сана. В 1-й и 2-й Думах дня духовенства можно было иметь то оправдание, что священники, проходя в Думу в рядах мелких землевладельцев, намеренно землевладельцами избирались из среды самых худших и левых, а в семье не без уроды. Теперь и этого оправдания и прикрытия духовенство иметь не может, ибо, выделенное в особую избирательную курию, оно само избирало своих представителей, так что каждый прошедший в Думу священник предварительно одобрен был уездным съездом только одних священников-собратий. Весь плюс в деятельности депутатов-священников в Думе теперь будет поставлен на счет исключительно духовенству, и весь минус – тоже духовенству. Лишение духовенства прав избрания в Думу, помимо сомнительности его земельного ценза, может быть мотивировано и особенностями его служения; могут сослаться на пример православной Греции, где священники в парламенте не принимают участия.

Однако, что же выйдет, если духовенство будет лишено своих избирательных прав? Нанесено будет оскорбление в лицо целому сословию, чисто-русскому, историческому, имеющему не малые заслуги пред русским народом. Оскорбительно будет и крайне несправедливо то, что, при отсутствии православного духовенства в Думе, ламы, муллы, ксендзы, пасторы, старообрядческие лжесвященники, наставники и проч., по общегражданской основе, будут проникать в Госуд. Думу и там защищать интересы своего вероисповедания и секты, а православная Церковь будет этого лишена. И до Думы слишком мало предстательствовали о нуждах Церкви и духовенства, но все же такие ходатаи и сыны Церкви из верующих сановников были, а тогда уж никто о Церкви не заговорит...

Выше мы уже показали, что левые партии используют священников, к ним примкнувших, исключительно в своих партийных целях, и, отрицая Церковь по существу, и, следовательно, признавая и духовенство сословием отжившим и ненужным, для Церкви никогда ничего не сделают. Не получив ничего для Церкви, чего же достигнут левые священники? Или судьбу Тихвинского, совершенно им заслуженную, т. е. извержение из клира и полную оставленность своими же политическими единомышленниками, – или еще худшее, в случае, если они останутся в рясе: полную отчужденность и одиночество среди верующего народа, что для священника – прямо ужасно. Повторяем, ни Милюковы, ни Родичевы, ни Гессены, ни Винаверы, ни тем более Рамишвили и Алексинские

паствы, в собственном смысле, для таких иереев не составят.

Погубив себя, подорвав Церковь, унизив свое сословие и лишив его прав участия в Думе, может быть, левые священники окажут те услуги для народа, и совершат великий подвиг самопожертвования? Напрасная надежда! И прежде всего, имеет ли право священник жертвовать интересами Церкви? Уступай свое, а не чужое. Далее, левое настроение в народе всегда мимолетно. Пройдет угар революционный, обусловленный неудачной войной и слабой властью, не умевшей одержать революционную агитацию, и вместо отрицательных течений мысли и жизни непременно восторжествуют положительные. «Злобой сердце питаться устало, много в ней правды, да радости мало». Но если злоба правдивая тяготит сердце, то тем более искусственно вздутая и покоящаяся на низменных сторонах человеческой природы – на зависти, ненависти, гордыне и... лени, служащих истинной подпочвой русской революции. При таких условиях будущее священников, увлекшихся бреднями левых отрицательных партий, очень тяжело: при поправлении общества от них первых все отвернутся, да и они сами, если только не безнадежно глупы и самовлюбленны, поумнеют, отрезвеют и осудят в себе прежние увлечения и заблуждения. Внутреннее настроение их будет тяжким, совне они не увидят ничего, кроме полного презрения со стороны левых и правых.

Измена и предательство иной судьбы никогда не приносили.

Дар «различения духов». Речь, сказанная 18 октября 1907 г. в Русском Монархическом Собрании по поводу избрания в почетные члены публициста Л. А. Тихомирова

В нашей так называемой прогрессивной печати измышлено практикуется не мало средств преследования тех писателей, которые не подходят к еврейско-освободительным образцам. Когда не берет ложь, не действуют преследования, клеветы, издевательства и насмешки, когда видят, что всем этим только увеличивается известность того или другого имени, – тогда обычно применяется другой прием борьбы: замалчивание. Так замалчивали Страхова, Данилевского, Богданова, архиеп. Никанора в его философском труде о позитивизме, Ю. Николаева (Говоруха-Отрок), Федорова, Лескова, Величко, произведения которого, конечно, безмерно выше раздутого евреями Надсона; в последнее время замалчивали и В. Соловьева, после его отказа от унии с католичеством, после статьи его о самодержавии, помещенной даже теперь в собрании его сочинений, и «Трех разговоров», где он высказался против гр. Толстого; наконец, стали замалчивать и самого Л. Толстого, когда он выступил противником нынешнего «освободительного беснования». Слишком неприятную говорят они правду, трудно возразить против нее, а возразишь, так ответят, и покажут все ничтожество и невежество возражателей... Гораздо выгоднее – замолчать того или другого автора, то или другое его сочинение. Обыкновенно этот прием применялся к крупным умам, к сильным личностям. Такой прием и применялся всегда ко Льву Александровичу Тихомирову.

В послании апостола Павла к коринфянам есть чудные строки о дарах духовных: «Дары различны, но Дух один и тот же. И служения различны, а Господь один и тот же. И действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу. Одному – слово мудрости, другому – слово знания, иному – вера, иному – различения духов, иному – разные языки, иному – истолкование языков».

Много даров дано Льву Александровичу, из перечисленных апостолом. Но главный и бесценный для нас – это его дар «различения духов». Ясная кристаллическая мысль, умение вскрыть существо всякого явления и всякой теории, несокрушимая логика... Он разобрал здесь пред нами Основные законы Империи но раньше того и больше того он дал нам

в своем капитальном труде «О монархической государственности» основные законы этой государственности, основные законы нашего русского монархического исповедания, он дал книгу – настольное для нас руководство, наш своего рода катехизис. С удивительной ясностью и последовательностью мысли он сумел во всех теориях, не согласных с русской государственностью, указать фальшь в исходных точках их отправления и наметить последние выводы и гибельные результаты, к которым они неизбежно приводят. И с такой же ясностью, утверждая и истолковывая основы русского мировоззрения, он показал пред нами существо власти верховной, характер власти управительной, истинную сущность самодержавия и его отличие от деспотизма и абсолютизма, значение религиозного начала в государстве, необходимость строя социального, местного самоуправления, национального самосознания, – наконец, основы монархической политики.

Книга его замолчана в печати. Но не может укрыться град, стоящий наверху горы.

Людам, которые пытливым разумом и горячим сердцем ищут истины, сочинения Льва Александровича всегда будут служить источников назидания и образования того, что дороже всего в человеке, как существе разумно-нравственном, именно – его мировоззрения.

С сознанием достоинства своего, как правоверного христианина и русского человека, и со смирением искренним, которое всегда является спутником и даже более – логическим следствием всякого сознания достоинства, и я, исполняя сегодня, порыв благодарного сердца, свидетельствую, что такое именно значение имел Лев Александрович и для меня самого.

Да, я не смею назваться другом покойного Владимира Андреевича Грингмута, – мне далеко до этого, не смею назваться и другом Льва Александровича. Но не будет гордыней, если я назовусь его учеником. И не для того говорю я об этом, чтоб обратить слово свое и внимание ваше к своей личности, – а чтобы показать, что таких учеников у наших дорогих и искренно чтимых учителей множество многое по всей России. Я знаю и с отрадою могу указать некоторых молодых студентов в Москве, и даже здесь присутствующих, на которых книги и сочинения Льва Александровича произвели такое же воспитывающее и образующее влияние, как и на меня в молодости.

Я не стану перечислять других работ Льва Александровича.

Все они отличаются тем же достоинством, именно – поучения и все написаны «со властью», – с той властью, которая составляет сущность и

природу произведений крупных умов и крупных личностей. Говорит ли он о соборе церковном, о духовенстве, о земле, фабрике, о рабочих, о русских идеалах, об отечестве, о демократии либеральной или социальной, о личности, обществе, государстве, говорить ли об исторических явлениях и лицах, – всюду он являет дар различения духов и всюду ведет за собой читателя к созиданию, а не к опустошению его духа.

В этой положительной учительной работе – его великая заслуга и право на почетное имя в истории русской жизни и мысли.

Он покидает Москву. Приветствуя его сегодня, как новоизбранного почетного члена нашего Русского Монархического Собрания, мы тем самым выражаем твердую уверенность, что связь Льва Александровича с Москвой не прекращается, и что мы много раз будем слушать его слово и в печати, и здесь, среди нас, усты к устам.

Примите, наш дорогой Лев Александрович, а для многих из нас – наш дорогой учитель, этот почетный диплом.

1908 г.

1 января 1908 года

Даждь дождь земли жаждущей, Спасе! В новолетие просится на уста эта молитва. Вспоминается нам все то, что было пережито нами и перечувствовано ровно год тому назад пред новым, а ныне уже минувшим годом, и что вылилось тогда в нашей новогодней статье. Перечитав ее теперь, мы видим, что определение явлений, потребностей и запросов времени, в отношении к деятельности пастырской, нами тогда было указано правильно. Отрезвление после революционного угара, нами тогда предуказанное, несмотря на все то, что мы видели в отшумевшей ныне второй Государственной Думе и вопреки ей, – отрезвление это теперь для всех является несомненным фактом. Выборы в третью Государственную Думу ясно показали, что революция, в смысле уличных демонстраций, вооруженных выступлений и массовых волнений, ослабела. Мы присутствуем при ликвидации дел революции. Она оставила по себе много гнили и нравственной мерзости: развратила множество рабочих, отняла у них нравственные устои, разбудила и поощрила все те животные инстинкты злобы, зависти, ненависти, которые теперь рождают все грабежи и убийства. Известиями о таких страшных проявлениях злобы пестрят все сообщения газет о текущей жизни. Одно из самых страшных известий пришло к нам в самом конце года: сын, 23 лет, в Рождественский сочельник убил отца своего – протоиерея, мать свою и сам застрелился!

Революция, далее, выбила из законного существования множество людей, которым стало невозможно жить в обществе легально и спокойно: это беглецы-каторжники и ссыльные, разыскиваемые полицией преступники и т. п. личности. Выброшенные из рамок нормальной жизни и лишенные возможности к ней возвратиться, эти люди, по необходимости, должны жить грабежами и «экспроприациями»; они считают выгодным для себя поддерживать общественное расстройство и революционное движение, обещающее им амнистию и возвращение к спокойной жизни и к существованию, обеспеченному законом. Они, печальное наследие всякой революции, частью вымирают от чахотки и других болезней, свойственных их ненормальной жизни, частью кончают жизнь в тюрьмах и на виселицах за совершаемые преступления, частью, наконец, погибают в самоистреблении, в самоубийствах, которые ныне увеличились в ужасающей степени. Тактика революции всегда одна: перед решительным натиском закулисные деятели революции обычно стараются выбросить на улицы из учебных заведений, из фабрик и заводов

как можно больше молодых жизней, поставленных в нелегальное существование. Это – пушечное мясо революции. И в конце революционного движения остаются для ликвидации и смерти те же общественные элементы, – большей частью несчастные юноши, учащиеся в высших школах.

Все это мы говорим для того, чтобы дать правильное освещение тем преступлениям, которые своим множеством могут навести на ложную мысль о том, будто эти преступления являются показателем жизни и направления всего русского общества. Нет, течение общественной жизни постепенно входит в должное русло – в этические основы, которыми живо всякое общество и которые могут покоиться, и покоятся только на религии. Вчерашние крайние газеты, проповедовавшие так недавно революцию и приветствовавшие всякие выходки черни, и хулиганство, теперь уже значительно сдали и понизили тон. Это уже очень ясный показатель общественной жизни. Но еще яснее мы это видим на тех общественных силах и организациях, которые выступили в свое время на борьбу с революцией. Естественно когда по улицам носились красные тряпки, когда кровь лилась, взрывались бомбы, гремели браунинги, раздавались зажигательная митинговые речи, эти организации тоже выходили на улицы и боролись с крамольниками также демонстрациями, речами, обличениями, шумливыми выступлениями.

И естественно, в этой протестующей деятельности мы видели много страстного, много заимствованного, в смысле способов и приемов борьбы, у противников, много чисто-политических интересов, хотя и возглавленных словом и понятием: православие. Все это, повторяем, было естественно и необходимо. Но вот мы видим, что сказанные патриотические организации уже замечают и сознают, что на таких временных мотивах и интересах нельзя обосновывать правое и истинно-народное патриотическое движение. Все решительно серьезные руководители патриотических союзов ныне единодушно признают, что необходимо дать этому движению направление именно церковно-народное, религиозно-нравственное. Предполагается создать особые братства; поставить во главу религиозно-нравственные интересы и руководство веры Христовой; освещать, освящать и осмысливать богооткровенной истиною все проявления и стороны общественной и государственной жизни и самый патриотизм. Это уже показатель огромного духовного переворота в русском народе и обществе.

Конечно, дело только в зачатке, оно далеко еще до полного завершения, еще не вылилось в какие либо формы внешних организаций,

но эта жажда высшего принципа, это стремление прильнуть к источнику вечной жизни имеет для всех и, особенно для пастырей огромное симптоматическое значение.

Пастырям Церкви необходимо вдуматься в эти явления, принять их во внимание в своей деятельности и не остаться вне жизни.

Напротив, если нужно быть всегда «всем вся», то тем более нравственно обязательно для служителей Церкви не отвернуться от движения в сторону религиозных и нравственных интересов, а направить его именно в церковное русло. Необходимо помнить, что где мы не возвестим Христа, там явится антихрист, что место наше пусто не будет, и взамен отсутствующих пастырей церковных явятся волки хищные, желающие расхитить стадо.

Посмотрите же на нивы, как они готовы к жатве! Вот высшее общество и цвет интеллигенции в религиозно-философских обществах Петрограда и Москвы ищут религиозного ведения и получают камень вместо хлеба, слышат хулу на Церковь и на Самого Христа и ею отравляют свой духовный вкус.

Вот учащаяся молодежь, разочаровавшись в идее революции, создает академические кружки, поставляющие целью возвратить школу науке и труду, а за ними теперь – христианские содружества, религиозные кружки, громко говорящие о том, что и юность ищет Бога.

Вот простой народ, освобождаясь от революционного угара, постепенно возвращается к оставленному храму; мы видим, усиливается, хотя и немного, число говеющих, посещающих богослужение. Вот исчезают постепенно всякие кричащие красные брошюры о социализме, о государственном устройстве, о государственных переворотах, об анархии и анархистах, и в ответ на проснувшуюся потребность почитать «божественного» услужливый книжный рынок начинает издавать книжки и брошюры религиозно нравственного содержания. Но враг не дремлет и даром не уступит поля сражения: и под вкус народа, подделываясь, враг снабжает его изданиями Ренана, переводными книжонками, проповедующими атеизм, говорящими о несостоятельности христианства и проч. И сектантство уловляет неопытных в свои сети, и рационализм с юга наступает к северу и северо-востоку России, к местам, где не было доселе ничего, кроме раскола, и где сектантствующая мысль доселе не имела успеха. Вот, наконец, еще признак: жажда проповеди, желание получить в церкви листки, книжечки, наконец, усилившийся спрос на такие именно произведения религиозно-нравственного содержания.

Пастыри не могут не замечать всего этого. А для того, чтобы быть во

всеоружии, они не бессильны, не безответны. Церковь за тысячелетия своей просветительной работы оставила указания, как нужно действовать на души, жаждущие правды и подвига.

Да, ищут именно подвига, и поэтому никакое начинание среди самих пастырей, имеющее целью религиозно-просветительное служение народу, не будет пользоваться успехом, не принесет плода и даже не возбудит внимания, если оно не будет построено именно на подвиге, на жертве, на служении Богу.

Все, что говорят о правах членов Церкви, а не об обязанностях, об облегчениях церковной дисциплины и нравственных требований, а не о строгости этих исполнении, – все это обречено на гибель и будет только способствовать разложению духовной жизни, а не воссозиданию ее. Дайте священникам право светской одежды, хождения в театр, вдовцам – вторых жен, мирянам – освобождение от поста, от длинных богослужений и рядом – права в церковном управлении, отмените все препятствия для развода: вы не создадите тем религиозного движения, вы удовлетворите тех, которые и без вашего разрешения все это себе сами давно разрешили, вы не воспламените холодных, но церковный народ смутите и оттолкнете и бросите в объятия раскола и сектантства. Сомневаются ныне в пригодности принятых церковных средств воздействия на верующих, но сомневаются те, которые к этим средствам не прибегали, или прибегали показно, холодно, ради отбытия повинности, за страх, а не за совесть.

Богослужение, совершаемое истово, усердно, внятно и благоговейно; молитва искренняя, горячая, зажигающая сердца; проповедь и проповедь и затем, как практическая работа, воссоздание прихода и приходских учреждений, усиление такой приходской работы, – вот средства истинного обновления нашей церковной жизни. Они – в усилении, а не в ослаблении церковности. Они и дадут в приходах те ячейки духовной жизни, те орудия и средства единения и оценки людей, без которых и самый собор церковный, грядущий и желанный, невозможен и бесполезен. Правила для созыва собора утверждены. В принципе он предрешен. Нужно, не теряя времени, готовить к нему себя и других, чтобы собор был оценен и принят достойно, чтобы постановления его были авторитетны, чтобы путем правильной организации приходов были избраны и посланы на собор представители верующего народа, истинно-верующие, истинно-церковные, одушевленные желанием блага для Церкви Божией.

Даждь дождь земли жаждущей, Спасе! Благослови венец нового лета благодати Твоей, Господи!

Самомнение в разрешении вопросов церковной жизни

К неделе мытаря и фарисея поговорить о самомнении уместно. Много видов его и бесчисленными путями оно проходит в жизни. Если прислушаться к современным руководителям общественной мысли и общественных настроений, разве не слышится во всех этих бесчисленных газетных статьях и рассуждениях одного общего тона: мы – «не якоже прочие человецы»... Все-де нам известно, все секреты спасения родины, устройства государственного, порядка общественного, – все у нас в руках! А прочие – все хищники, неправедники. Не послушаете нас, – непременно погибнете.

Но наша задача в настоящей статье отметить проявление этого страшного духовного порока, собственно, в области устройства церковного. Пусть в сфере жизни гражданской о свободах, об устройстве государств и народов говорят даже и молодые люди: они, конечно, жизни не знают, опыта не имеют, увлекаются фразой, картинной позой, но они, по крайней мере, находят для себя, для своих рассуждений источники в жизни других народов, и особенно в бесчисленных книжках, написанных и трактующих о вопросах общественности и государственности. Опыт убедит их со временем в ошибочности их суждений, в неправильности применения общих мерок, и жизнь ответить на замыслы и планы новаторов или упорным сопротивлением, или здоровой реакцией, которой никакими силами остановить нельзя, какие бы дышащие злобой и насмешкой речи ни говорили господ прогрессисты.

Но в области религиозной и церковной мы должны быть особенно осторожными, в виду легкости соблазна, с одной стороны, и трудности его исправления – с другой. Многие заражали и заражают других своими болезнями, но никто не умеет передать другому свое здоровье. В начале текущего года Св. Синодом извержены из сана два бывшие священника: один, бросивший на произвол судьбы приход под Петроградом, проживавший все время в столице и питавшийся крохами от еврейской трапезы, в виде пятаков за строчки в ярко-освободительных газетах, писавший самые лживые и возмутительно-грязные заметки по адресу правительства и церковной власти; это – о. Паозерский. Другой – совершенно такой же тип, только в большем масштабе, сумевший те же выходы долго и систематически осторожно заворачивать в благовидный фразы, замаскировавшей такими же фразами отрицание Христа, как Сына Божия, отрицавший Церковь, благодать таинств и почитавший человека

способным спастись единственно общественными силами его разума; это – «известный» Григорий Петров. Долго он тщательно скрывал свое неправославие, ведомое всем, кроме тех, кому надо было по закону все доказать числом, мерой и весом: не служил, не посещал храма, ходил в светской одежде, открыто нарушал посты, вел мирскую жизнь, жизнь обычного еврея – адвоката, репортера, публициста, но уж никак не священника. Наконец, последнее письмо его на имя митрополита первенствующего, хотя написанное, как и прежде, полунамеками и недоговорками, все же, думается, вопреки желанию самого Петрова, дало ясные улики того, что всем давно было известно: что Петров – и не священник, и не православный. Он лишен сана. Справедливо и мудро сделано это было без шума и треска, без распечатания самого определения Синода и обвинительного акта: Паозерский и Петров – на одной линии, и самая известность Петрова для верующих – лишь Геростратова известность. Он ушел, и в церковной жизни даже и неприметно его отсутствие, ибо в ней он давно уже не был, а только числился. Он ушел – и в рядах врагов Церкви ничего не прибавилось; что было, то и осталось; убавилось только в обаянии звания «священник у врага Церкви. И вполне понятно, что если со стороны верных сынов Церкви не проявилось особого внимания к извержению Петрова из сана, то и со стороны противоположной, в левой печати, это обстоятельство не возбудило никаких особенных толков, никаких особенных выступлений и помпезных чувствований, как этого можно было бы ожидать.

Знаки сочувствия появились вдруг... от студентов Петроградской Духовной Академии. И это – лучший показатель цены Петрова. С другой стороны, это – грустный признак гнилости и нравственной негодности той части студенчества, которая вступила на этот путь. Здесь-то и проявилось то самомнение, которое в области устроения жизни церковной особенно опасно и совершенно неуместно. Если бы студенты сочувствовали Петрову, как прогрессивному общественному деятелю, публицисту, то это – хоть и грустное явление, но, к сожалению, привычное: Петров, Винавер, Бак, Милюков, Гессен, Аладьин, Рамишвили, Алексинский – все эти «герои» постепенно и совместно владели симпатиями сбитой с толку и потерявшей чутье нравственной порядочности и национального самосознания молодежи. Но студенты Духовной Академии захотели выразить свое уважение и сочувствие Петрову, как священнику. Это совсем другое дело. Явление это весьма знаменательно. Предположим, что Петров – настоящий и искренний священник, верующий, любящий Церковь и болеющий ее нуждами. Предположим, это – передовой

священник, своими воззрениями и деятельностью и угадавший уже назревший религиозный поворот в обществе, и выразивший его талантливо, и указавший на своем примере его осуществление. Предположим, далее, что против него вооружились представители рутины и низвергли его. Допустим, что все это так и небываемое бывает. Как же могут, как смеют 20–24 летние юноши выступать именно здесь судьями? Какое легковесное самомнение нужно иметь для того, чтоб о себе думать, как о людях, определяющих поворот в религиозной жизни? Ведь ее из книжек не узнаешь, ведь старое можно судить, осуждать и отменять только после того, когда оно хорошо известно, когда оно опытом не только было наблюдаемо, но и самолично все до конца исполнено. Ведь даже Лютер сначала был ревностным католическим священником, а не просто болтуном и шатуном-студентом, занимавшимся в течение трех – четырех лет чтением пустых газет и освободительными экспериментами и совершенно чуждым веры и Церкви. На отмену Завета Ветхого мог иметь власть только Богочеловек, и Он не только пришел его восполнить и осуществить в Своем Лице и деле, но Он его прежде всего самым делом на Себе Самом исполнил: обрезан, принесен в храм с жертвой очищения, постился, молился, давал подать на храм...

И вдруг, студенты современные – обновители не общественности и государственности, а религиозной жизни!.. Вы, господа, пламенели верою? Испытывали жажду богообщения? Молились? Постились? Боролись с собою? Знаете ли, трепет молитвы, горечь покаяния, сознание собственного бессилия, радость прощения, умиление слез, восторг причащения Тела и Крови? Знаете ли вы опыт пастырский, священнический, что беретесь судить священника старого и нового типа? Вы исповедовали тысячи душ? Вы приникли к совести народной? Вы бывали в ее тайниках? Вы молились общенародною молитвою? Вы извели на опыте то, что несказанно словом, – общение с Церковью, со всею Церковью прошлого, настоящего и будущего при совершении евхаристии, жертвы воспоминательной столько же, сколько и умиловительной и искупительной?

Как вы смеете судить о том, что вам неведомо, и ведомо быть не может, ибо познается не книжкой в семинарии, и не лекцией в академии, и не газетой, которая вам заменила духовную пищу, а опытом, жизнью, исполнением закона и заповедей Церкви, – вдумчивым исполнением, и любовным, и... долговременным? И даже, если перевести все на работу разума, разве вы, современные студенты академии, в самом деле, знаете Священное Писание, устоялись в нем, напитались его ароматом, знаете ли

вы св. отцов, знаете ли, наше богослужение, подвижничество? Знаете ли вы догму и дух православия? Знаете ли, просто Дух живой и сердечной веры? Полно! Кого вы обмануть хотите? Ведь вы – невежды в религиозном отношении и в смысле познания, как невежды и в смысле духовных опытов. Невежество же с самомнением всегда живут неразлучно. Вот почему понятно это выступление студентов Духовной Академии в защиту изверженного Петрова, и понятно это легкомысленное и высокомерное приписывание себе несвойственного положения и безумной попытки: руководить религиозной жизнью русского общества... со студенческой скамьи. Если «педократия», изображенная некогда Платоном, принесла столько язв жизни общественной и государственной, то в области церковной такая «педократия», в виде попыток студентов выражать правильное сознание религиозной жизни целого народа и общества, может проявиться и найти себе почву только при коллективном помешательстве и полном вырождении здоровой религиозной жизни.

В защиту Православной Церкви. По поводу нового вероисповедного закона. Тезисы, предложенные на обсуждение IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве.

I. Признать, что Высочайший указ 17 апреля 1905 года, в связи с высочайше утвержденными суждениями Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости, не заключает в себе принципиального ограничения прав и преимуществ православной Церкви в России, как первенствующей и господствующей, и не низводит ее до уравнивания с сектами, расколами и иноверием; однако, исполнение этого указа, как оно наблюдается в законопроектах касательно вероисповедной свободы, внесенных на уважение Государственной Думы, в значительной степени умаляет значение православной Церкви и в этом смысле отступает от смысла указа 17-го апреля 1905 года.

II. Посему и принимая во внимание постановления Святейшего Синода по поводу вероисповедных законопроектов, внесенных в Государственную Думу Министерством Внутренних Дел, необходимо просить ходатайства Святейшего Синода пред Государем Императором о возвращении сих законопроектов для пересмотра их поместным собором или в Святейшем Синоде и после сего представить на утверждение Государю Императору.

III. Соображения Русской Монархической партии в Москве и Киевского Русского Собрания по вопросу о вероисповедном законодательстве признать заслуживающими внимания и принять в следующей исправленной редакции:

1) Непонятной иллюзии предаются те люди, которые полагают, что человечество достигло уже той степени умственной и нравственной культуры, когда интересы вероисповедные могут быть отделены от национальной политики. Ни в культурно-отсталой России, ни в самых передовых странах Европы, до сих пор еще нигде не обнаружено признаков, по которым можно было бы заключить, будто бы под знаменем «свободы совести» в действительности проводится в жизнь народов идея всеобщего братолюбия, терпимости и смирения. Мы видим, напротив, что даже в такой передовой стране, как Франция, так называемая вероисповедная свобода и терпимость построены исключительно на соображениях политических, в силу которых преследованию и угнетению

подвергается католическое духовенство с его церковными, просветительными и благотворительными учреждениями единственно лишь потому, что вдохновляемое еврейско-масонскими организациями французское правительство видит в них угрозу прочности республиканского государственного строя и успехам социалистической пропаганды. Наблюдения из повседневной жизни в свою очередь подтверждают, что одной из главных национально-политических основ является религия. Археографические исследования документально доказали, что в некогда отвоеванных Польшей Литовском и Западном крае предки нынешних польских магнатов и дворян-землевладельцев, за весьма немногими исключениями, первоначально были русскими по вере и духу, но по мере перехода их в католичество стали утрачивать прирожденные им чувства преданности России и всецело отдались Польше, а потомки их стали уже считать себя чистокровными поляками. Такие же национально-политические отношения, под влиянием вероисповедного разномыслия, наблюдаются в жизни племен и народов всего мира (напр., политическая вражда между католической Ирландией и протестантской Великобританией) и только верностью своему древнему, устарелому вероучению можно объяснить национальную силу, прочность и солидарность рассеянного по всему свету еврейского племени. Долго еще идея политической, национальной и вероисповедной солидарности будет жить в помыслах и чувствах всех народов, но в русском народе она живет еще в силу особых исторических условий его национального роста и развития. В то время как на Западе христианство прививалось народам, достигшим уже известной культуры, имевшим уже свою историю, свою науку и поэзию, свою гражданственность и богатую психологическими образами мифологию, в России Церковь православная восприняла народ в свое благодатное лоно на заре его исторического бытия, когда сердце его еще не было заражено гордыней, а воображение и ум не были поработаны стройной системой мифов. Сила евангельской благодати ложилась здесь на добрую девственную почву и пустила глубокие корни в народной душе. Таким образом, православная вера явилась в России основой ее истории, ее науки, поэзии, гражданственности и национальных идеалов, она всосалась в плоть и кровь русского народа, она стала нераздельной частью его существа, душою его великого политического тела. Убить в русском народе православную веру – все-то же, что нанести смерть политическому его существованию. Политика и религия так тесно сплетены в русском народном разуме и сердце, что в национальном гимне своем он славит Царя Православного, а в церквах молится о Царе Самодержавном.

Разделить эти два понятия, пока жив русский народ, так же невозможно, как невозможно в земной жизни отделить душу человека от его тела: лишь смерть физическая для человека и политическая для народа может совершить эту метаморфозу.

Все это ясно разумеют внешние и внутренние враги России, ныне так настойчиво ополчающиеся на нашу национальную душу – веру православную: нельзя не считаться с этой основной чертой русской народной психологии.

2) Глубоко заблуждаются и те, которые полагают, что Церковь не должна и не может дорожить теми мирянами, которые только внешними узами связаны с ней, не сохраняя в душах своих признаков любви к божественной истине. Если отпадение таких людей от формально исповедуемой ими веры и не составляет потери для Церкви, то пусть это отпадение совершается в совести их, но закон не должен принимать их под свою защиту, ибо, санкционируя их вероотступничество, он тем самым узаконит отпадение не только самого заблудшего, но и всего нисходящего его потомства. Если человечество признало разумным и нравственным силой закона противодействовать распространению свободы уголовной преступности вообще, если оно законными мерами ведет борьбу против сознательной злой воли людской, поощряемой к преступлениям чувствами корысти и зависти, то тем более необходимо создать законные гарантии, охраняющие слабовольных, легкомысленных и увлекающихся людей от соблазнительных учений вероисповедных совратителей. Конечно, не одним этим должны исчерпываться меры воздействия на разум и сердце колеблющихся в вере, – желательны больше всего и прежде всего просветительные меры любви и убеждения; но, предоставляя гражданам блага «свободы совести», ни закон, ни правительство не имеют никакого нравственного права бросать их на произвол судьбы, а обязаны всеми законными способами ограждать совесть их от поползновения на нее со стороны лживых проповедников религиозных лжеучений, в большинстве случаев прикрывающих под знаменем веры свои враждебные России политические и социалистические интриги и замыслы:

Русский народ, привыкший чтить своего Царя, как отца, заботливого о русских национальных интересах, желает видеть в ближайших Его сотрудниках олицетворение этой отеческой, правительственной власти, а не простых полицейских чиновников, бесстрастно охраняющих лишь внешний порядок и безопасность граждан, без различия их национальностей и вероисповеданий. Православная вера есть фундамент,

на котором зиждется мощное здание великого русского государства.

В сих видах собрание полагает повергнуть на благовоззрение Его Императорского Величества при всеподданнейшем ходатайстве о том, дабы Высочайше повелено было внесенный в Государственную Думу министром внутренних дел вероисповедный законопроект, в силу ст. 8, гл. I и ст. 65, гл. VII Свода Основных Государственных Законов, изд. 1906 года, из ведения сего законодательного учреждения изъять и передать на обсуждение Святейшего Синода.

Мера эта представляется Киевским патриотическим организациям не только законной, но и целесообразной, ибо Государственная Дума, состоящая из людей часто не православных, не может быть признана компетентной в обсуждении законопроекта, обнимающего не только догматы, но и таинства, установленные православным христианским учением. Не принадлежит ей также и право изменения ст. 66, гл. VII Св. Основн. Госуд. Зак., изд. 1906 года, определяющей права не принадлежащих к господствующей Церкви подданных Российской Империи на свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной, но отнюдь не предоставляющей им права пропаганды своих вероучений среди православных христиан в России.

IV. Разрешая всем свободу принадлежать к тому или другому вероисповеданию и исполнять требования его относительно, публичного богослужения, государственная власть не отступит от указа 17 апреля 1905 года, предоставляя одной только православной Церкви в России право свободы проповеди и привлечение последователей и воспрещая инославию и иноверию, сектам и расколу всякую пропаганду своих учений.

V. Необходимо ясно высказать общее положение о том, что православная миссия, широко понимаемая, как голос русской православной Церкви, должна быть обращена не только к управляемым, но и к правящим, а посему миссионерский съезд имеет нравственное право и дерзновение обращаться и к правящей власти.

VI. Быть же православным для правительства и поступать по православному, значит – защищать законными мерами православие, как истину; ограждать чад православия от соблазна в вере; не давать торжества лжи; ограждать свойственным христианскому государству мерами православие от несправедливости и не давать преимуществ инославию и иноверию; не разрывать единения и исторической связи с той творящей силой, которая, как мирозозерцание, создала нашу св. Русь, наше государство; не переносить опоры народа государства и правительства с православия на инославие.

VII. Православной Церкви должно предоставить полную свободу суждения в вопросах и положениях православия и действиях правительства, с точки зрения интересов православия.

VIII. Но православная Церковь и православная миссия не могут ожидать от невероисповедных законодательных учреждений – Государственной Думы и Государственного Совета ни свободы, ни соблюдения интересов Церкви, ибо в составе этих учреждений могут быть равнодушные к вере православной иноверцы, нехристиане.

Посему церковное, внутреннее каноническое, принадлежащее высшей церковной власти законодательство не должно восходить на обсуждение Государственной Думы и Государственного Совета.

IX. Церковное значение эти каноны имеют для Церкви в силу своего источника: для придания же им государственного значения необходимо только утверждение Верховной Самодержавной власти, которая, по ст. 4 Основных Законов, принадлежит единственно Государю Императору, обязательно исповедующему, по ст. 62 Основных Законов, святую православную веру. Церковное законодательство по внутренним делам должно стоять в непосредственном отношении к Самодержавному Монарху, без посредства Государственной Думы и Государственного Совета. Российский Самодержец Государь Император, по сим Основным Законам, есть первый сын православной русской Церкви, защитник, хранитель догматов и блюститель всякого в ней благочиния и посему он есть первый миссионер православной веры и Церкви, как носитель идеалов православного русского народа, по самому своему мировому положению имеющего миссионерское призвание в деле хранения и распространения православной истины. В возможности всего этого утверждают нас правила о созыве предстоящего поместного собора, утвержденный только Высочайшей властью, минуя Государственную Думу и Государственный Совет, и засим самые постановления собора будут поднесены на утверждение только Государю Императору.

Необходимо просить Святейший Синод повергнуть в сень смысле верноподданническое усерднейшее ходатайство от лица миссионерского съезда пред Его Императорским Величеством Государем Императором.

Положительное церковное учительство

I

Печатаемый ниже мой доклад Киевскому миссионерскому съезду вызывается потребностями церковной жизни настоящего времени. Растет и усиливается сектантство. Вот что читаем по тому поводу в указе Св. Синода от 27 ноября 1909 года, за № 22, «О мерах для противодействия сектантскому натиску на православную Церковь и православное население».

По указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод слушали: предложенный г. синодальным обер-прокурором, от 4 ноября 1909 г., за № 8085, журнал Училищного Совета при Святейшем Синоде за № 593, с заключением Совета по докладу члена Училищного Совета д. с. с. Остроумова о необходимости принятия мер для противодействия сектантскому натиску на православную Церковь и православное население. Приказали: За последнее время в России возникло движение, которое угрожает большими затруднениями как вообще православной Церкви, так и в частности церковной школе, это – деятельность разрешенного правительством в прошлом году «Русского евангельского союза». Первый параграф устава этого союза гласит: «Русский евангельский союз имеет своею целью содействовать: 1) духовному сближению верующих христиан, без различия вероисповедных оттенков, на почве евангелия, и укреплению среди них сознания их единства в Иисусе Христе, 2) распространению евангельских истин в христианском беспартийном (неконфессиональном) духе, 3) проведению в жизнь евангельских начал путем распространения просвещения и благотворительности в том же духе». Чтобы понять истинный смысл этих общих и неопределенных выражений утвержденного 16 мая 1908 года устава, нужно обратиться к записке, которая была еще в августе 1906 года, под видом письма, разослана инициатором этого дела инженер-технологом И. С. Прохановым всем единомышленникам и сочувствующим в разных местах Российской Империи, и напечатана затем в приложении к 10-му номеру журнала «Христианин» за 1908 год одновременно с уставом. В этой записке под рубрикой «Основы русского евангельского союза» (стр. 4) изложено: «Членами русского евангельского союза могут быть все лица, сочувствующие всем вышеозначенным целям его (о чем было оказано в предыдущей рубрике) и исповедующая: 1) богодухновенность Св. Писания и полную его достаточность для руководства в деле спасения

душ человеческих; 2) право и обязанность каждого человека понимать и объяснять Св. Писание согласно указаниям свободной совести и внушения Духа Святого; 3) троичность и нераздельность Божества; 4) грехопадение человека; 5) воплощение Сына Божия, Его страдания и смерть в искупление рода человеческого и Его воскресение для оправдания нашего; 6) существование единого Посредника и Ходатая между Богом и человеком в лице Господа нашего Иисуса Христа; 7) необходимость живой веры, личного покаяния и возрождения от Духа Святого для спасения каждого человека. Члены союза не только верят сердцем, но имеют свидетельство личного опыта в возрождении от Духа Святого; 8) священство всех верующих в лице Господа нашего Иисуса Христа, Единого Первосвященника; 9) бессмертие души, воскресение тела, второе пришествие Иисуса Христа, суд живых и мертвых и вечное блаженство верующих. Во всех остальных вопросах христианской веры и, в особенности в отношении внешних проявлений веры и церковного строительства всем членам союза предоставляется полная свобода». Достаточно одного беглого взгляда на все эти пункты, в которых выражаются «основы русского евангельского союза», чтобы видеть, что эти «основы» совершенно совпадают с формальными материальными принципами протестантского вероучения и противоречат учению православной Церкви. Довлеемость одного Св. Писания без Св. Предания, личный принцип в понимании Св. Писания без руководства Церкви, оправдание верой без дел, священство всех верующих без особой иерархии, при признании единого Посредника и Ходатая, умолчание о ходатайстве святых, – все это кардинальные пункты протестантского вероучения. О таинствах не упоминается, вероятно, потому, что они отнесены к внешним проявлениям веры и церковного строительства, в которых членам «союза» предоставляется свобода. Вместо таинства евхаристии у членов «союза» – баптистов установлен обряд преломления хлеба, который недавно можно было наблюдать в Петроград в большой аудитории Тенишевского училища. «На эстраде стол. За столом двое крошат хлеб на мелкие кусочки. Затем является некто Гринвальд, берет хлеб, произносит обращение к «дорогому Иисусу» и со словами: «Примите, ядите, сие есть тело Мое», передает хлеб упомянутым двум лицам, и те начинают «причащать» присутствующих. Затем из никелированного кувшина разливается в бокалы вино, Гринвальд произносит соответствующий текст евангельского повествования об установлении таинства евхаристии, и начинается в том же порядке «причащение» кровью... Публика поет в это время стихи и молитвы

баптистов». («Земщина» № 109, 1909 г.) И эта кощунственная сцена совершается публично, при полном доступе в собрание всех желающих при ней присутствовать. Евангельские христиане устраивают также вечера христианской любви, описание которых можно найти в «Братском Листке», прилагаемом к «Христианину» (напр., в № 2, за 1909 год, стр. 4, и в № 7, стр. 4), и которые имеют целью объединение всех существующих в данной местности «евангельских общин» («Братский Листок» № 1, стр. 12). Особенного внимания заслуживают реформационные стремления и выступления «Русского евангельского союза», прямо и открыто направленные против православной Церкви в нашем отечестве. В вышеупомянутой записке И. С. Проханова читаем: «История западных народов показывает, что во всех странах, где имела место реформация (обновление церковной жизни), как-то: в Германии, Англии, Швейцарии и т. п., устанавливалась правильная государственная жизнь, предупреждавшая кровопролитие стихийных и постоянных революций (очевидно, автор забыл 30-летнюю войну на реформационной подкладке и внутреннюю борьбу классов). И, наоборот, в странах, где реформация религиозной жизни не имела места, где до сих пор в душах народа царит режим (порядок) старой формальной религии, во многом непонятной народу, – там и в настоящее время нет такого равновесия в народной жизни и, во всяком случае, нет такого всестороннего и устойчивого прогресса (преуспевания) в народной жизни. Таким образом, несмотря на всю благотворность политических и экономических реформ, спасение нашего народа зависит, главным образом, от обновления его религиозной жизни. Это обновление получило на Западе название реформации. К сожалению, само слово реформация у нас часто понимается в западном смысле и может быть понято иногда в смысле насаждения иноземного режима в России. Но мы, принимая во внимание историческое значение реформации, понимаем ее глубже и шире: мы связываем с ней духовное обновление жизни народной, но такое обновление, которое явилось бы самостоятельным проявлением русского народного духа. Поэтому мы вполне сознаем, что обновление русской Церкви может совершиться несколько иными путями и привести к результатам несколько отличным от того, что мы видим на Западе среди реформированных церквей». Из этих слов явствует, что «Русский евангельский союз» предпринимает ни более, ни менее, как реформацию православной русской Церкви и религиозного сознания православного русского народа. Посему задачи «Русского евангельского союза» в упомянутой записке формулируются так: 1) «Содействие всякому духовному пробуждению в среде русской

Церкви, установление связи со всеми живыми элементами ее и распространение идеи религиозного обновления на евангельских (вышеупомянутых) основах; 2) распространение евангельской истины среди русского народа и всего населения России путем: а) устной проповеди (миссии), б) печатного слова в виде повременных изданий, трактатов и книг; 3) проведение евангельского учения в жизнь народа путем: а) христианского воспитания молодых поколений; б) широкого преподавания науки для молодых людей, подготовленных проповедью евангелия и духовным возрождением; устройство общеобразовательных, а также духовных школ, воскресных библейских классов, школ для проповедников, для обучения пению и т. п.; в) устройства курсов и лекций для ознакомления народа с истинно-христианскими богословскими науками в свободном евангельском духе; г) устройства необходимых помещений для вышеозначенных целей, молитвенно-просветительных домов и т. п.; 4) содействие объединению всех евангельских верующих в духе, слове и деле путем устройства молитвенных собраний, съездов для обмена духовным опытом и т. п.; б) ходатайство и заступничество за всех гонимых и страждущих за дело веры или по поводу каких-либо несправедливостей, вкравшихся в общественную жизнь; б) особенно ревностное стремление к привлечению к «Русскому евангельскому союзу» всех живых элементов русского населения. Таковы задачи и программа «евангельского союза» для проведения реформации в жизни русской Церкви и русского народа. Намечена самая широкая пропаганда протестантских начал словом и делом в церкви, в народе в школе, в собраниях, в науке. Для осуществления этой пропаганды основываются следующие пять фондов: 1) фонд евангельской миссии (для устной проповеди); 2) фонд евангельской печати (для издания духовных журналов, трактатов и книг); 3) фонд просвещения (для воскресных школ, юношеских кружков, библейских классов, общеобразовательных школ, курсов, школ для проповедников, учителей пения, библиотек и т. д.); 4) фонд благотворительности (для устройства лечебниц, больниц, приютов, сиротских домов и т. п. благотворительных учреждений, которые велись бы в чисто-евангельском духе) и 5) фонд помещений (для найма или для постройки молитвенных и просветительных домов). Свою реформационную деятельность и пропаганду «евангельский союз» направляет особенно к перевоспитанию молодых поколений и подчинению их своему влиянию, а также к пропаганде своих идей среди низших слоев населения в селах и деревнях и среди рабочих. Для распространения своего влияния среди молодежи евангелики устраивают

общеобразовательные школы, как, например, в Петрограде и Финляндии (в Келломяках). Предполагается открыть «библейский институт», нечто вроде высшего учебного заведения. Основываются кружки евангельской молодежи и съезды, отправляются молодые люди за границу для усовершенствования. (Устав, «Братский Листок» № 4, 1908 г.) Для пропаганды в народе существуют у них особые миссионеры и так называемые «призывные собрания». Для этой же цели в городах они привлекают женский труд в виде устройства миссионерско-рукодельных собраний, по собственному их признанию, «руководимых с большим успехом». («Братский Листок» № 9, 1909 г., стр. 1.) Так называемые «призывные собрания» открытые для всех, устраиваются именно с целью пропаганды учения евангеликов, а так как они сопровождаются пением и проповедью, то устраиваются обыкновенно под видом богослужений. Евангелики издают несколько журналов: «Христианин», «Сеятель», «Вера», «Радостная Весть» и «Баптист»; у них есть несколько сборников песнопений, распеваемых в их собраниях, например, «Гусли», «Песни христианина», «Тимпаны», «Кимвалы», «Заря жизни», «Струны сердца», «Нови Священи Писни». Книгоиздательством «Радуга», книгоиздательством «Духовная литература» с буквами А и О и книгоиздательством «Рука помощи» (Пейкер) издано множество дешевых брошюр. Из изложений вероучения известны: «Краткое вероучение для христиан евангельского исповедания, приемлющих водное крещение по вере», составленное П. М. Фризенем и «Баптиотский катехизис в переводе с немецкого) В. Павлова». Ясно, что реформационная деятельность «Русского евангельского союза» осуществляется по строго обдуманному плану, систематически. Если, кроме того, принять в соображение недавний всероссийский съезд евангельских христиан в Петрограде 14–26 сентября, 5-й всероссийский съезд новомолюкан (под председательством Захарова) в Астраханке, Таврической губернии, 13–15 сентября, всероссийский съезд баптистов в Ростове-на-Дону с 27 сентября по 7-е октября и местные съезды в роде екатеринославского – с 30 марта по 1 апреля, – то нельзя не признать, что эта систематическая, планомерная реформатская деятельность в полном ходу. Весьма значительно оживилась в последнее время деятельность и целого ряда других сектантских обществ с протестантским оттенком, всеми мерами старающихся увлечь в свою среду верных членов православной Церкви. На основании всего вышеизложенного, признавая настоятельно необходимым принятие решительных мер для противодействия сектантскому натиску на православную Церковь и православное население и принимая во

внимание, что одним из самых действительных средств в борьбе с сектантской пропагандой служат церковные школы, воспитывающие подрастающее поколение в духе истинной веры и преданности православной Церкви, Святейший Синод определяет предписать епархиальным преосвященным предупредить о надвигающейся пропаганде епархиальные училищные советы, вменив им в обязанность наблюдать: 1) чтобы во всех церковных школах на уроках по Закону Божию законоучители старались выяснить: а) необходимость Священного Предания, б) необходимость руководства Церкви в толковании и разумении Священного Писания, в) необходимость Церкви для спасения, г) необходимость ходатайства святых, д) необходимость священноначалия в Церкви, с опровержением протестантского учения о всеобщем священстве, и е) необходимость добрых дел для спасения человека; 2) чтобы на уроках пения пелись преимущественно церковные песнопения, а не светские песни; 3) чтобы школьные здания не были предоставляемы для собраний, напоминающих собрание евангеликов; 4) чтобы учащие уклонялись от участия в таких собраниях и 5) чтобы издавая евангеликов, не попадали в ученические библиотеки и вообще в руки учеников.

Меры, указанные Св. Синодом, касаются только преподавания и постановки воспитания в церковных школах. Это объясняется, конечно, тем, что, как видно из самого указа, вопрос возник в специальной сфере – в училищном при Св. Синоде совете. Но из докладной части указа ясно, что вопрос имеет общецерковное значение. Борьба с опасностью должна вестись, так сказать, по всей линии церковной жизни. В числе мер борьбы нужно указать и усиление полемической литературы, и образование особых кружков ревнителей православия, оживление деятельности религиозно-просветительных и миссионерских братств, объединение дела миссии при Св. Синоде, вообще оживление церковной жизни. Но первое место, бесспорно, должны занимать оживление, усиление и правильная организация положительного церковного учительства пастырей в храме и приходе. Надо, прежде всего, обратить внимание на своих чад Церкви, на их просвещение, а затем на своих же домашних предателей, которые опасны тем, что суть волки, приходящие в одеждах овчих.

II

Доклад IV Всероссийскому миссионерскому съезду в Киеве

Невеселые вести приходят из сел и деревень, с фабрик и заводов. Почти ежедневно читаем о случаях ограбления церквей и монастырей, нередко с кровавыми жертвами. Не так давно в Московской епархии совершено нападение грабителей-экспроприаторов» на храм в праздник, во время самой литургии, причем убит псаломщик. В Богородском уезде, в с. Петропавловский Погост, совершено посредством взлома ограбление местного храма. Из свечного ящика украдена сохраняемая расписка Государственного Банка на 17 318 р. и, кроме того, похищено денег и священных сосудов на 500 рублей. Такими и подобными известиями наполнены газеты.

Но ограбления храмов бывали во всякие времена. Теперь все чаще и чаще встречаем случаи открытого и озлобленного богохульства. На Пасху в одном из селений Московской губернии молодые мастеровые, встретив в поле иконы и святыни, взятые из приходского храма, надругались над ними. В самое последнее время, судя по газетным известиям, случилось следующее:

В село Х. 2-го стана Московского уезда была привезена из Москвы чудотворная икона Спасителя, перед которой, в присутствии множества богомольцев, священнослужитель приступил к совершению молебствия. Едва раздались первые возгласы священника, как, растолкав толпу, почти к самой иконе протискался местный крестьянин мясник Е., и набросился с бранью на священника и молящихся, понося в то же время богохульственными словами чудотворную икону Спасителя. Возмущенные богомольцы бросились было на богохульствовавшего мясника, но тот, выхватив из кармана тяжелую чугунную гирю, угрожал уложить первого приблизившегося к нему. На место происшествия были вытребованы конные стражники, которыми и был арестован озверелый богохульник. В это время толпа крестьян, глубоко возмущенная поруганием святыни, с негодующими криками набросилась на арестованного, намереваясь учинить над ним самосуд, но была остановлена словами священника, призывавшего прихожан к порядку и увещевавшего, что преступник и без того понесет тяжелое наказание. Толпа успокоилась и отправилась дослушивать прерванное молебствие. Е. препровожден в Москву, и заключен в тюремный замок.

Если бы все такие дикие выходки исходили из сектантского

фанатизма, все это было бы, конечно, хоть и печально, но, по крайней мере, понятно. Но в том и горе, в том и опасность всех этих проявлений дикости, что они коренятся в особом, мы бы сказали – в религиозном и нравственном одичании, которое, к сожалению, все более и более укореняется в нашем народе под влиянием «освободительного» движения последних лет. Бесстрашие в преступлении и особый «мужицкий нигилизм» – самый бесшабашный, безудержный и потому особенно страшный – уже давно отмечают наблюдатели нашего народа. Еще у Достоевского выведены два мужика, которые спорят поистине ужасающим спором: кто из них совершить преступление более ужасное и страшное... Помнится, лет пять тому назад, появился рассказ г. Дедлова из деревенской жизни в голодный год. Выведена женщина, служащая кормилицей в городе, явившаяся погостить в деревне. Она прикопила денег, и на них в деревне развратничает и пьянствует, нарушает открыто посты, предается гульбе. Свекор и свекровь – в страшной бедности: год был голодный. «Бога, что ли в тебе нет?» – говорит ей набожная старуха-свекровь.

«А есть Он, Бог-то?» – отвечает ей невестка. «Попы все порассказали про Бога-то, да про чертей, да ад! Много тебе, старая дура, пользы в том, что весь ты век редькой давилась? Только веревки недостает»!

Вот мужицкий, грубый нигилизм, который тем опаснее, что он ложится именно на почву полного невежества. Какие плоды он даст и во что выродится, это трудно и предсказать, но что плоды его будут ужасны, в том нельзя сомневаться. У образованного человека, хотя ненадолго, найдутся суррогаты потерянной веры: наука, искусство, увлечение какой-либо умственной работой, общественной деятельностью, вообще отвлечением в идейную сторону. Что явится у крестьянина-нигилиста? Чем он заполнит пустоту души? Обычно – пьянство, воровство, разгул; иногда – увлечение революционной пропагандой на той же почве зависти к чужому достоянию, и в лучшем случае после долгого опустошения души – сектантство, и опять-таки на почве злобы и отрицания: вот печальные пути и исходы такого нигилизма.

В истории безверия интеллигента и крестьянина также есть большая разница. Интеллигент кое-чему учился в религии. Он был в школе, он встречался и беседовал со священниками, он и сам кое-что читал или мог прочитать для ознакомления с религией. Он только оказался слабым перед натиском отрицательной мысли и разлагающим влиянием окружающей среды, обусловленным тем религиозным равнодушием, которое получило в русском образованном обществе характер традиции. Иное дело – наш

крестьянин. Его нигилизм падает на почву глубочайшего религиозного невежества, с которым можно бороться, но с которым, к сожалению, борьбы не видится. Об этом явлении стоит поговорить, стоит над ним призадуматься.

Несомненно, по многим причинам, о которых здесь говорить излишне, – нам нужно только отметить самый факт, – религиозные запросы в среде нашего крестьянства в последнее время значительно повысились. Где он на них находить ответы? Пока, к сожалению, только и только в семье. Мать передаст ребенку известные обряды и навыки, научит краткой молитве, укажет посты, скажет, что надо говеть, ходить в церковь; в церкви же он и от других научится обрядовой стороне общественного богослужения – и все! Кое-что потом сообщается в школе, но, во-первых, кое-что, во-вторых, в книжном изложении, и притом приспособленном для детей, – в возрасте и в условиях умственного развития, когда еще нет серьезных запросов духа. Но если даже и придавать значение школе в указанном отношении, то многие ли крестьяне прошли через школу? Едва ли десятый человек.

Остается храм, богослужение, церковные требы, церковная проповедь. Здесь целую жизнь, крестьянин мог бы получать нужный и притом постоянный воздействия в смысле религиозного просвещения. Этих-то воздействий или очень мало, или их совсем нет. Пишущему эти строки, по обязанностям службы пришлось много поездить по России, и присмотреться к приходской жизни в праздники и во время богослужения. Нужно ли говорить о небрежности богослужения? Это так больно, так мучительно рассказывать! Вот несколько картинок. Средняя Россия; маленький приход; уютная небольшая церковь; утром в Великий пост идет преждеосвященная литургия, сегодня – исповедь, завтра – причащение. Служит молодой священник. Церковь полна, но без тесноты. Крестьяне, крестьянки стоят в лучших одеждах; тихое, благоговейное настроение; частые поклоны; слышны вздохи, шепот молитв. Среди всех присутствующих, увы, – хуже всех держит себя священник: служба спешная, небрежная, слов ектений и молитв невозможно разобрать; человек, видимо, куда-то спешит, с неохотой и неудовольствием кое-как отправляет мешающую ему службу. Ни звука поучения, – а какая благоприятная минута, какая благоприятная среда! Кончилась служба; все разошлись, ушел домой и священник; занятий в школе не было (я был по обозрению школ) за отсутствием Учителя; никаких других занятий ни по приходу, ни по хозяйству у священника тоже не было... Что мешало ему утром посвятить 15–20 минут учительству церковному?..

Богатый и привольный юг. Огромное селение с 20 тысяч жителей; три храма; воскресный вечер. По приказу епархиального начальства служатся праздничные вечерни. Захожу. Церковь полна до тесноты, не менее тысячи человек. Опять знакомая картина. Поет и читает один псаломщик; диакон совсем не служит; священник, человек с голосом, подает из глубины алтаря едва слышимые возгласы; в церкви какая-то тоска, народ только стоит, именно стоит... Спешно, в 20 минут окончили вечерню, народ разошелся... Зачем он сюда приходил, что он отсюда вынес? Здесь уже и на обеспеченность малую духовенству ссылаться нельзя, и нельзя занятиями домашними объяснить спешность службы: приходы дают здесь священнику очень хорошее обеспечение.

Недалеко большая казачья станица. Воскресная служба; народу множество. Ухитрится утреню и обедню кончить ровно в час и 20 минут! Можно судить по этому времени, как совершается служба. Я присутствовал на такой службе не раз. Зная наизусть всю службу, я не мог разобрать, что поют и что читают. Что же может вынести казак, простой человек? И какое преобразующее влияние окажет служба церковная на его душу, уставшую после недельного труда? Крещение – 5 минут; браковенчание – 15 минут; в погребении все выпущено до такой степени, что оно становится короче панихиды. Все сведено к форме... И слышится устрашающий голос; «Горе вам, пастыри Израилевы! Се Аз на пастыри!»!

Сибирь, богатая епархия, приход в 12 тысяч душ: много деревень; 2 священника. Говорю: ведь надо в отдаленные деревни еще священника, есть ведь там и церковь, и дома, и школа. Ответ: «мы удовлетворяем все нужды, никто не жалуется»... Да ведь железная дорога, и та строится не только для удовлетворения существующих уже потребностей, но и вызывает новые! Может быть, ожидаете лучшего у раскольников? Приходилось слышать и их службу. Долго стоят; все вычитывают и выпевают, но выносят богомольцы из этой службы слишком мало. Все ушло в технику и в устав для устава. Разбирать слова невозможно. Проповеди совсем и никогда не бывает.

Минуя эти безотрадны картины, которых я мог бы привести не мало, остановимся на самой проповеди. Несомненно, говорятся поучения. Их нам приходилось слышать; знаем мы их и по печатным сборникам. Если проповедь привнесена внятно и неспешно, – всякая хороша, всякая слушается охотно. Лично мне самому, священнику, привыкшему к проповеди, всякое поучение в церкви, самое простое и самое азбучное, нравится. Думаю, что такое же впечатление испытывает и всякий мирянин вообще.

Но, прежде всего, у нас принято проповедовать только за литургией, изредка за вечерней. Между тем, за всенощной или утреней, особенно же за требами, например, при крещении, при молебнах, водоосвящениях и проч. также уместно сказать несколько поучительных слов, особенно касающихся смысла и значения церковных обрядов или события, вызвавшего на молитву. При браковенчании уставом церковным положено говорить поучение, которого мы никогда и нигде не слышим.

И проповедь за литургией произносит ли священник свою, или печатную, в последнее время стала исключительно касаться нравоучения христианского или вопросов современности. Спора нет, – это все необходимо нужно. Но нужна и другая проповедь, изъясняющая основы веры, богослужебную практику, религиозные обряды и обычаи. В прежнее время, не столь давнее, говорились катехизические поучения; в каждом благочинии по очереди один – два священника назначались катехизаторами и свои проповеди представляли особой комиссии в епархиальном городе на просмотр. Осмеяли этот обычай, а в нем было много хорошего. Пусть катехизатор иногда списывал и переписывал чужое: ведь не все же это делали, а кто и списывал, ничего не терял, а, главное, проповеди все-таки регулярно произносились и в систематическом виде давали слушателям изложение христианского учения. По нашему глубокому убеждению, этот оставленный обычай, катехизических поучений и притом возможно частых следует непременно восстановить. Конечно, многое в исполнении его требует исправления, но самый обычай надо сохранить. Теперь к догматической проповеди принято относиться пренебрежительно. И, к сожалению, такое пренебрежительное отношение встречается именно среди духовенства. В одном большом епархиальном городе образовался пастырский проповеднический кружок при братском храме. Вошел в него и сам преосвященный. Духовенство города все было образованное, наполовину с академическим образованием. На первую проповедь архиерея явилось много духовенства. Преосвященный начал изъяснять Символ веры и рассчитал беседы на целый год. Нужно было видеть, одной стороны, усмешки и иронию со стороны духовенства, с другой – внимание пасомых, которые все в большем и в большем количестве сходились по воскресеньям и праздничным вечерам слушать простое изложение веры православной. Один из ревностных наших и ученых архипастырей, отмечая это отсутствие катехизической проповеди, со справедливой горечью как-то говорил: «я думаю, скоро наш народ разучится совершать крестное знамение». В прежнее время, помнится, священник в церкви за

службой объявлял: «на этой неделе такой-то праздник; работать нельзя; приходите, православные, в церковь; будет молебен». Иной к этому прибавит и коротенькое объяснение праздника. После исповеди объявлялось: «надо выслушать правило; после правила уже есть нельзя до причастия; больные и дети поступать должны так-то». Прибавлялось иногда и учительное краткое слово о том, почему постимся строго пред вкушением Святых Таин. Теперь это вывелось, или выводится. Думаем мы, священники, что все самим прихожанам известно. А, между тем, все еще пока держится бессознательным преданием, и только. Объяснение обрядов, значение праздников, история праздников, жития святых, молитвы и песнопения праздников, обычные ежедневный молитвы, библейская и евангельская история с нравоучительными выводами, объяснение значения обрядов и таинств, – все это будет слушаться народом и со вниманием, и с пользой. Время говения – как оно везде пропадает для проповеди! А, между тем, не будет грехом сократить чтение кафизм и заменить одну кафизму поучением. Шесть-семь дней говеющий будет находиться под постоянным воздействием церковно-учительного слова. Не всякий иерей имеет время и способность сам составить поучения: нет ничего худого в том, чтобы читать чужое, лишь бы хорошо и осмысленно прочитать. Право, не стыдно делать это и получившему образование пастырю, если он почему-либо не успел, или не мог приготовить своего поучения. Лучше хорошее чужое слово, чем плохое и спешно составленное свое, или даже полное молчание.

Всенощную или утреню можно бы прямо назначить для такого рода чисто-учительного проповедания. Пишущий эти строки вместо второй кафизмы на всенощной не раз объяснял тропари воскресные и двенадцатых праздников. Знакомые ведь всем слова, а как их мало понимают! Между тем, возьмите, например, тропарь Введения в храм Пресвятой Богородицы, Благовещения, Рождества Христова, Преображения и Входа Господня в Иерусалим, – и вы здесь можете дать полное изложение догматов: промысла, искупления и спасения человека и нашей вечной жизни во Христе Иисусе. Проповеди такого рода произносились в столице среди народа, более развитого, чем в селениях, однако, слушались охотно. А объяснение паремий, воскресных евангелий утрени – разве мало здесь догматических истин? В Томской епархии распространены небольшие книжечки архиепископа Макария: «Простые речи о великих делах Божиих». В них изложение всего вероучения христианского краткой и совершенно простой речью. По местам прихожане в церкви, под руководством диакона или священника, между

утреней и обедней заучивают на память эти простые речи с великой для себя пользой. Вот еще более краткое изложение необходимых для мирянина истин веры, взятое из указанной брошюры архиепископа Макария. Их должны изучать и взрослые в храме, и дети в школах. По ним должны испытывать брачующихся. Годны эти вопросы-ответы и для обучения войск в храме и на беседах.

Вопрос 1. Как вы веруете?

Ответ: Верую во единого Бога Отца и Сына и Св. Духа, в Троицу единосущную и нераздельную.

Воп. 2. Кто наш Спаситель?

Отв.: Господь Иисус Христос.

Воп. 3. Как Он нас спас?

Отв.: Он сошел с небес, воплотился от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечился. Он учил людей, как веровать, молиться и жить; за нас был распят на кресте, пострадал, умер и был погребен, в 3-й день воскрес, восшел на небеса.

Воп. 4. Где Он теперь находится?

Отв.: Сидит одесную Отца.

Воп. 5. Что значить, сидит одесную Отца?

Отв.: Царствует с Отцом и Св. Духом на небе и на земле.

Воп. 6. Придет ли опять на землю Иисус Христос?

Отв.: Опять придет со славою.

Воп. 7. Зачем придет?

Отв.: Судить живых и мертвых

Воп. 8. Откуда возьмутся мертвые?

Отв.: Мертвые воскреснут.

Воп. 9. Что будет после суда?

Отв.: Праведные пойдут в жизнь вечную, а грешники – в муку вечную.

Воп. 10. Кого Господь Иисус Христос послал от Отца на землю для постоянного пребывания с верующими?

Отв.: Духа Святого.

Воп. 11. Как вы веруете в Духа Святого?

Отв.: Дух Святой есть Господь животворящий.

Воп. 12. Что подает Дух Святой правоверующим?

Отв.: Спасительную благодать.

Воп. 13. Как подается спасательная благодать Святого Духа?

Отв.: Через семь таинств.

Воп. 14. Какие?

Отв.: Крещение, миропомазание, причащение, покаяние, священство,

брак и елеосвящение.

Воп. 15. Кто имеет право совершать таинства?

Отв.: Епископы и священники.

Воп. 16. Где подается благодать через таинства?

Отв.: Во святой соборной и апостольской Церкви.

Воп. 17. Что такое святая соборная апостольская Церковь?

Отв.: Собрание православных христиан всех мест, времен и народов⁸⁴, соединенных законом Божиим, священством и таинствами.

Воп. 18. Какой закон дал нам Господь Иисус Христос?

Отв.: Он велел: 1) любить Бога больше всего и 2) любить ближнего, как самого себя.

Воп. 19. Какой образец молитвы дал нам Господь Иисус Христос?

Отв.: Молитву «Отче наш» (изучать с голоса).

Воп. 20. Какой у нас образец веры?

Отв.: Символ веры (изучать с голоса).

Воп. 21. Где еще подробнее изложен закон Божий, т. е. указания, как надо жить?

Отв.: В десяти, заповедях (изучать с голоса).

Воп. 22. Какие у нас есть еще молитвы?

Отв.: Начальные молитвы.

(Можно ставить после 19-го вопроса).

На вопросы 12–17 в приходах, зараженных сектантством и расколом, нужно обращать особое внимание и дополнять их необходимыми сведениями. После сего можно дать общий свод сказанного в связном изложении.

Очень распространена в школах и приходах Томской епархии маленькая книжечка того же архиепископа Макария, излагающего правила молитвы: когда и как перекреститься, когда поклониться, как читать молитву: «Как ты молишься?» – спрашивает архиерей при посещении храма и вызывает первого ближайшего мирянина. Спрошенный выходит вперед, становится благоговейно пред иконою и начинает молитвенное правило: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». Во время произнесения молитвы – крестное знамение, потом, после крестного знамения, – поклон. «Господи Иисусе Христе»... и т. д. Почему ты слагаешь три перста? Кому ты поклоняешься? и т. д. – ряд вопросов, на которые наученные ранее (в беседах между утренней и обедней) прихожане дают толковые и одинаковые, что очень и очень важно, ответы. Такого же характера очень хорошая книжечка епископа Никодима: «История нашего спасения в Христе Иисусе». Это краткий катехизис, простыми,

коротенькими предложениями изложенный, – изложенный талантливо, причем практичность и удобопонятность изложения проверены опытом самого автора-епископа, применявшего свою книжечку во всех приходах и школах епархии. Эти книжечки – ценою 3–5 коп.; их могут покупать грамотные крестьяне и читать дома. Священник может рекомендовать их прихожанам, спрашивать по ним детей и взрослых при посещениях домов, особенно с молитвою и при всяких объездах прихода. Было бы желание и усердие, в поводах и случаях для бесед такого рода недостатка не будет.

Наряду с такими поучениями необходимо изучать с прихожанами слово Божие в последовательном чтении и истолковании святой Библии. Думают, что охотников слушать такие беседы не найдется. Это неправда. Я знаю пример такого изучения в Тифлисе. По будним дням ведется оно несколько лет: и недостатка в слушателях не бывает.

Пора, наконец, обратить внимание на возрастающее религиозное одичание народа. Это настоятельная нужда времени. Упущенного времени не вернешь; запущенную болезнь не скоро излечишь. Пока народ по старой традиции посещает храм, его еще можно учить. Но когда он будет оставлять храмы пустыми, тогда и при желании учить его вере это будет слишком трудно. Пока имеется источник религиозного научения семьи – голос матери. Но и этот источник без помощи со стороны, без постоянного обогащения от пастырского слова и воздействия может скоро иссякнуть. Тогда откроется простор для страшного мужицкого нигилизма и широкое поле для всякого рода сектантства.

С глубокой грустью мы должны заявить, что будущее для Церкви в России и для ее положения в государстве теперь представляется очень мрачным. Начала, ныне положенные в основу нашего государственного строения, приведут, несомненно, к полному религиозному паритету. История Болгарии, Румынии, Сербии, Греции показала уже ясно, что при народном законодательном представительстве православной Церкви нельзя ожидать ограждения своих прав на первенство и господство и ограничения атеистической, иноверной и инославной пропаганды. Для меня лично в этом нет ни малейшего сомнения. Мы обязаны, конечно, во имя блага нашей Церкви и русского народа, по долгу служителей Церкви и патриотов и по долгу честных подданных отмечать и громко указывать последствия указов 17 апреля 1905 года и других, сопряженных с ними законодательных актов, как состоявшихся, так и находящихся еще в виде законопроектов, имеющих быть внесенными в Государственную Думу. О них будут рассуждать в Думе и Нисселовичи, и Львовы, и Пергаменты, и Дмовские, и Махмедовы. Тем более имеем право говорить о них мы, с

нашей точки зрения. Но надеяться на успех при системе решения всяких вопросов комплотом политических партий и большинством голосов – у нас нет никаких оснований.

История далее говорит, что паритет религий в странах и государствах, где прежде была какая-либо религия господствующая, никогда не бывает паритетом: она неминуемо и неудержимо вырождается в унижение и ослабление прежде господствовавшего вероисповедания. Пример – современная Франция, где еврейство и протестантство находятся, несомненно, в гораздо более благоприятном положении, чем католичество.

Будет большой ошибкой с нашей стороны закрывать на все это глаза.

Что же нам делать? Отмечая постоянно и неизменно, гласно и уверенно все невыгодный для православной Церкви последствия актов 17 апреля и 17 октября и друг., заявляя о приниженности нашей Церкви и связанности ее деятельности вследствие того, что все права и преимущества, истекающие из союза ее с государством (он уже исторически нерасторжим), у нее взяты, а все обязанности и тяготы остаются, – отмечая все это, мы не должны впадать в уныние, опускать руки. Мы должны теперь создавать чисто-церковные способы для религиозного обучения народа, – учить его и в храме и пока нас не изгнали из школ, из казарм, из общества (а изгонят, несомненно, это – только вопрос будущего), – учить положительным истинам веры на всяком месте, при всяком удобном случае. Помимо угрожающего направления вероисповедного законодательства и непрочности дела религиозного обучения в общественной и государственной школе, – падение семьи, где дети получают первые уроки религиозного обучения и воспитания, особенно в среде рабочих, и затем возрастающее число детей уличных и беспризорных, – все это заставляет очень тревожиться за будущее поколение и принимать заранее меры к сохранению» их для Церкви. Тогда, уходя в рабочие, оставаясь в местностях, где нет храма и причта, попадая в среду сектантов, слушая всевозможных агитаторов, сын Церкви, в Церкви наученный, даст ответ о своем уповании. Тогда не будет у нас обидного страха, как теперь, – при первом появлении в деревне одной-двух семей сектантов, страха и опасения, что они вот-вот совртят православных; напротив, сама православная среда будет покорять себе и ассимилировать с собой иноверцев. Тогда насильно выданная за раскольника или сектанта девушка не только не поддастся влиянию, враждебному к православию, напротив, сама внесет в семью дух православия и заставит окружающих его уважать.

Время – свести сказанное к положениям и выводам.

1) Относясь с полным уважением и признанием законности и необходимости миссионерской полемики, публичной и не публичной, надлежит признать и объявить настоятельно необходимым обратить теперь самое серьезное внимание на положительное воздействие по отношению к верным чадам Церкви, в смысле самого простого, элементарного обучения их, путем проповеданного слова, главным образом, в храме, истинам христианской веры и нравственности.

2) Признавая необходимым и важным поучать верующих правствснно-назидательным истинам, вводить так называемый публицистический элемент в проповедь, сообразно современным условиям и требованиям жизни, с точки зрения вечных истин евангельского нравоучения, надлежит, в виду религиозного невежества нашего народа и возрастающего его религиозного одичания, с особой настойчивостью указать на необходимость церковного обучения пасомых истинам веры, заповедям церковным и всему церковному укладу молитвы и жизни, ибо без утверждения их в догматах веры невозможно утверждать их в нравственной жизни.

3) В частности, нужно восстановить, упорядочить и сделать целесообразным обычай ведения по благочиниям катехизических бесед в последовательном и пространном изложении; такие беседы ведутся в дополнение к краткому катехизическому учению, которое должен вести каждый приходский священник в своем храме.

В числе мер упорядочения ведения катехизических поучений указываются следующие:

Не следует настаивать на необходимости для катехизатора излагать все догматическое и нравственное учение Церкви, – можно по нуждам места и времени и по другим условиям ограничиваться несколькими отделами, самым важным и необходимым; краткое катехизическое учение, охватывая все вероучение и обязательное для каждого сельского пастыря, восполнит недостаток цельности системы катехизических поучений;

– следует, напротив, разрешить расширять самый объем катехизического научения и вводить в него объяснение молитв богослужения, церковных заповедей, обрядов, истории Церкви и проч.;

– не должно стеснять проповедника-катехизатора обязательством следовать плану и порядку катехизиса митрополита Филарета;

– нужно возлагать обязанности катехизаторов в благочинии не на одного, а на нескольких священников, чтобы с течением времени, и в срок непродолжительный, все храмы и приходы оглашались катехизическим

учением;

– не должно стеснять катехизаторов ни формой, ни внешностью представляемых ими поучений, для чего лицам и учреждениям, рассматривающим эти поучения, необходимо поставить ясным правилом: они имеют надзор только за тем, согласно ли поучение со словом Божиим и учением Церкви, но не могут входить в суждение о слоге, стиле, грамотности и проч. и во все, что составляет индивидуальную особенность авторов, а в деле оценки не имеет, бесспорно, объективного критерия; от тех же, кто поучает живым словом, можно требовать лишь представления конспектов и кратких обзоров сказанных поучений;

– полезно рассмотрение катехизических поучений возлагать не на комиссию в епархиальном городе, а предоставлять братскому пастырскому собранию благочиния или избранной им особой комиссии;

– полезно найти средства и объявить несколько премий на книги, которые могли бы быть образцами и как бы катехизической хрестоматией для составления катехизических поучений (одна – для городского населения, другая – для сельского, третья – для местности, где есть раскольники, инославие и т. п.), которая охватила бы всю область религиозного ведения среднего по умственным и нравственным запросам мирянина: учение веры и нравственности в центре и попутно, в связи с учением веры, – священную историю Ветхого и Нового Завета, изъяснение молитв и богослужения, историю Церкви, жития святых, апологетику и т. д.

Необходимо выработать по возможности единообразные образцы церковного обучения пасомых истинам веры, самым элементарным, притом как можно ближе к тексту Символа веры и заповедей, и особо – для взрослых, для вступающих в брак, для войск, для детей; образцы эти, конечно, не могут быть буквально сходны для всех мест и для всякой аудитории, но общее и единое в них должно быть. На этом принципе создан в свое время и Символ веры. От него не отказываются даже протестанты, у которых катехизис Лютера изучается всеми дословно наизусть.

5) Нельзя ограничиться только школьным обучением детей истинам христианства. Необходимо пастырям при пастырской визитации прихода настаивать, чтоб и дети в этих случаях были с взрослыми, и здесь же спрашивать их, знают ли они молитвы, истины веры по принятому образцу ее изложения. Кроме того, пора, где только можно, иметь особые дни в неделю для сбора детей всего прихода в храме и для обучения их в эти дни истинам веры и молитвам.

6) Необходимо рекомендовать церковное (в храме) изучение православными слова Божия, для чего могут быть назначены воскресные богослужебные собрания в храме или в другом месте, или особые дни на неделе специально для истолкования слова Божия. Это очень уместно делать в городах.

7) Необходимо просить авторитетного распоряжения Св. Синода, с точным и подробным указанием церковных правил о внешнем поведении в храме, единообразном для всех (время поклонов, коленопреклонений и проч.), как изъяснено в соборном (1666–1667 гг.) правиле: «В молитвах своих поклонения во время учинимое творить со знамением креста». И еще: «Еще же и поклоны в церкви подобает творити чином, якоже есть обычай, также и благоговейно стоять и безмятежно. Еще же удобное время есть и устав, еже поклоны творити, тогда поклонятся всем вкупе: согласию да быти во святой Церкви лепо есть, нежели разногласие и мятеж. Тако бо повелевают богоноснии отцы и церковнии уставы». То же нужно сказать об единообразии обряда Церковных напевов, как общей норме, важной в деле установления упавшей у нас дисциплины в храмах и деле объединения всего православного русского народа, разбросанного на безмерном пространстве России.

Однако такое единообразие не должно быть исключительным и насильственным и не может оттеснять местных особенностей обряда, весьма немногих, впрочем, в России, и гораздо чаще встречаемого разнообразия напевов.

8) Необходимо обучать пасомых истовым и внятным богослужением и проповедовать во время богослужения не только за литургией, как ныне принято, но и за другими службами, располагая поучения в системе и последовательности.

9) К помощи в деле церковного учительства, особенно где требуется механический труд (общее пение, которое должно иметь самое широкое распространение, общее чтение молитв, изучение с голоса вопросов-ответов истин веры), должно привлекать низших членов причта и учителей церковных школ. Для сего полезно труждающимся учителям, псаломщикам давать почетное звание катехизаторов, и их сподоблять и сугубые чести, имея их в виду для определения в клир на высшие степени.

10) При посещении приходов епархиальные миссионеры-проповедники должны вести не одни только беседы с раскольниками и сектантами, но всегда выступать и со словом положительной и охранительной проповеди для православных.

11) В виду того, что во многих епархиях состоящие на службе

епархиальные миссионеры специализировались только в полемических беседах; далее, имея в виду их заслуги в деле служения Церкви и невозможность для таковых, иногда и по недостатку образования, заняться делом положительного проповедничества; имея в виду также важность и необходимость их специальных знаний и способностей, наконец, принимая во внимание, что во многих епархиях и для специально-полемических бесед требуется много труда и времени и сил, каковых для положительной проповеди у миссионера епархиального не остается, – необходимо всюду в епархиях, где позволяют местные средства, иметь специальных лиц, назначаемых для положительной проповеди, с тем же званием епархиальных миссионеров-проповедников и с теми же служебными правами. Такой институт имеется у православных греков; был он по местам в 40–50 гг. прошлого столетия в Великороссии (Владимирской епархии), был в XVII в. в Малороссии; недавно на Волыни был назначен Св. Синодом по представлению епархиального начальства особый епархиальный проповедник.

12) Желательно, чтобы наблюдатели школ, епархиальные и уездные, оо. благочинные и их помощники при посещении приходов в праздничные дни выступали за богослужениями со словом проповеди.

13) Пастырские собрания по благочиниям обязаны в числе первых вопросов обсуждать вопрос об условиях и способах возвышения и упорядочения дела проповеди и особенно – проповеди положительно-учительной в благочинии.

14) Необходимо рекомендовать устройство в городах и больших селениях, с многоклерными церквями, проповеднических кружков духовенства (с участием всех членов причта), в которых бы намечались и темы для проповеди, выступали бы со своими опытами новички в проповедническом деле, получая советы и указания, обсуждались бы вопросы о том, что и когда необходимо сказать и как оказать одно и то же, сразу в один и тот же день, во всех приходах данной местности, города, селения, для сильнейшего воздействия на пасомых.

15) Необходимо, чтобы церковная положительная проповедь, и особенно с обучением православных уставам и дисциплине церковно-богослужебной, постоянно слышалась в монастырях, для чего следует постепенно и обителям находить монашествующих лиц – специально проповедников.

–

По выслушании изложенного доклада V комиссии общее собрание членов съезда сделало такое постановление: Принять из доклада

протоиерея Восторгова все предложенные им 15 тезисов, причем 15-й тезис дополнить указанием, что для проповеди в монастырях могут быть приглашаемы и священники белого духовенства, и, кроме того, присоединить к означенным тезисам еще следующие положения: «Необходимо наблюдать, чтобы богослужбное чтение в церквях совершалось внятно и неторопливо, обучать каковому чтению детей надлежит в учебных заведениях; необходимо также ограничить область пьес церковного пения только такими, которые написаны в духе старинных церковных напевов, и издать таковые нотные песнопения в особом сборнике; равным образом желательно издание отдельных богослужбных чинов с параллельными русским и славянским текстами их и примечаниями к требующим разъяснения тем или иным местам сих чинов».

1909 г.

**В Иоанновском монастыре. I. Вечная память – в Церкви.
(Слово, сказанное в день памяти трех вселенских
святителей Московских в Иоанновском монастыре в
Петрограде 30 января 1909 года.) II. (Слово,
произнесенное на панихиде в церкви-усыпальнице о.
Иоанна Кронштадтского. 30 января 1909 г.)⁸⁵**

Празднуем сегодня память великих святителей и учителей вселенских – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. Прославляем мы их труды и подвиги, благоговейно, лобызаем их страдания, вспоминаем их наставления. Сейчас и молитвами одного из них мы молились – в литургии Иоанна Златоустаго. Тысяча и пятьсот лет, огромное пространство времени, отделяющее нашу жизнь от них, как бы обращается в ничто: мы слышим их, как живых, мы любим их, мы постоянно поминаем их в молитвах и богослужении. Кто не знает их имен? Кто не слышал об их славных подвигах?

В чем же их заслуга и в чем тайна столь широкой и долговечной славы их на земле? Скажут: это были люди великих и редких дарований духовных. Да, несомненно, все они были людьми в высокой степени одаренными; глубокий ум, блеск таланта, какое широкое и основательное по своему времени образование, огненное слово, пламенная ревность, глубина чувства, сила воли и решимости, непреклонность убеждений, мужество в борьбе, – все эти свойства были у каждого из прославляемым святителей. Мудрость и твердость правления церковного у Василия, глубина богословствования у Григория, проповеднический дар у Иоанна, – все это – только цветы и плоды, выросшие на почве общих у всех у них высоких дарований духа.

И, однако, много было и раньше, и после них людей, отличавшихся и умом, и образованием, и талантами, и красноречием, много было всемирных завоевателей, мудрых царей, мудрых правителей, блестящих писателей, художников, ораторов, мыслителей, но они не славны в среде такого множества людей, не славны столь долгое время, не славны и не столь глубоко влиятельны на души человеческие, как восхваляемые ныне святители. Найдите такого правителя, царя, такого ученого, которого тысячу пятьсот лет во всем христианском мире, каждый день и притом в самые великие моменты просветления духа человеческого, – за молитвою и богослужением, поминали бы миллионы людей!

В чем же, спрашиваем опять, в чем особенность жизни святителей, в чем их заслуга, где тайна, открывающая пред ними силу и влияние на века и тысячелетия?

Вот в чем тайна: все, что они имели, все дарования своего духа, всю жизнь и все свои силы без остатка они отдали церкви. Они отдали свой труд, свой ум, талант, все сокровища духовные в самую верную сокровищницу, в самое надежное хранилище.

Куда обыкновенно расточают свои дарования мирские люди? Они служат временным интересам и потребностям людей: будет ли это нечто серьезное, будет ли это суетное и легкомысленное, все равно, – все это на время, для временной пользы и на время малое. Забудут писателей, забудут служителей искусства, забудут еще скорее тех, что услаждали слух или зрение людей в местах забав и увеселений. Но праведники во веки живут и мзда их у Господа; но вечны запросы веры; но не умирают и не умрут в людях стремления к нравственному совершенству; но неистребимы в нас алкание и жажда богообщения, правды в Боге, познания Его закона, восприятия Его воли, Его благодати, Его благоволения к людям и спасения. А это все, сокровища таковой премудрости открыты Христом и во Христе, а тело Христово – Церковь, а мы в ней – Его члены. А так как Церкви обетована вечность и неодоленность, то и служение ей есть служение вечному, и память в ней есть вечная память.

И было время, когда ум, слово, художество, архитектура, музыка, пение, поэтический дар, – все, все, что есть высокого у человека, все отдавалось Церкви Христовой. Повторялось в области духа то, что мы теперь наблюдаем во внешнем житейском устройстве верующего народа: в селе кругом деревянные и соломенный избышки, а над ними всех выше, всех лучше – прекрасный каменный изукрашенный храм Богу... И как согласно и цельно текла жизнь! И как, напоенная духом благочестия, давала она великие плоды и залогов будущих плодов духа!

Не на этой ли основе стоят и обители иноческие? Не этому ли началу вечному служите вы, честные сестры и этой святой обители? Не о том ли говорит вам и это прекрасное пение, и чтение, и художество, и этот чудный храм и вся эта красота вокруг нас, в которую и сегодня облеклось наше богослужение?

Не такой ли именно подвиг жизни явил пред нами и тот праведный муж, который своею любовью и усердием, и трудами, и средствами создал на месте пуста все это великолепие храма и обители, и который теперь почил здесь навеки своим утрудившимся от темных трудов телом? Отец

Иоанн, подобно ныне поминаемым святителям, точно также все, что имел, все сокровища, и внешние и внутренние, все и все отдал Церкви, ее и для нее жил, о ней провещал вдохновенными речами и писаниями, к ней призывал всех людей в эту врачебницу, звал всех ищущих возрождения и спасения.

Недостало бы нам времени приводить здесь поучения батюшки об этом предмете, его восторженный хвалы Церкви Христовой. «Св. Церковь, – пишет он, – величайшее, святейшее, благоднейшее, премудрое, необходимое учреждение Божие на земле; это – истинная скиния Божия, юже водрузи Бог, а не человек. Только в Церкви заключается обновительная сила (для растлевающего грехом естества нашего); вне Церкви ее нет и быть не может»⁸⁶

Вот почему имеем и мы залог упований, что, подобно Древним святым пастырям, имя и дух о. Иоанна не умрут, а пребудут вечной памятью в Церкви.

Думаете ли вы, что он только в церковном делании мог стяжать свою славу? О, нет! Если бы он уступил миру, если бы он пошел его путями и творил ему угодное, его теперешние хулители возгласили бы ему громовую славу. Своими редкими способностями, ревностью, настойчивостью в избранном подвиге решительно во всех областях жизни он был бы выдающимся человеком и имел бы успех. Но эта слава мира за угождение миру именно была бы тленной и недолговечной. Его мудрость, озаренная верою и молитвою, указала ему путь иной славы, нетленной и вечной – в Христовой Церкви. Он пошел за теми бесчисленными святителями и пастырями, которые все, что имели, посвятили на служение Богу и отдали в употребление Церкви. Таковы Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, коих покойный батюшка так чтит. Таковы и многочисленные святители русской Церкви, и среди них первопрестольники наши, великие самоотверженные боголюбцы и народолюбцы: митрополиты Московские – Петр, Алексей, Иона и Филипп. И сих с особою любовью он почитал, и образ их велел написать у своей гробницы, в церкви-усыпальнице.

Русские боголюбцы и народолюбцы из первопрестольной Москвы, где сияли житием названные святители и где они почивают ныне телами своими в благоухании святыни, – все патриотические союзы Москвы, членом коих состоял о. Иоанн, уполномочили меня к сороковому дню после его кончины доставить сюда и возложить на могилу батюшки эту икону святителей Московских. Сегодня мы по сему случаю и совершаем здесь нарочитую молитву.

Прими, дорогой наш боголюбец и народолюбец, эту святую икону сродных тебе по духу великих русских святителей, верных слуг Церкви Божией, верных сынов своего народа. И да будет тебе в Церкви Божией, наряду со всеми, ей отдавшими безраздельно и без остатка всю жизнь и все дарования, всё труды и подвиги, – да будет тебе воистину вечная память!

II. Слово, произнесенное на панихиде в церкви-усыпальнице о. Иоанна Кронштадтского 30 января 1909 г.⁸⁷

Дорогие братья и сестры, плачущие и болезнующие над этой дорогой могилою!

Некогда, в Ветхом Завете, Исаия пророк видел Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Его стояли серафимы; у каждого из них по шести крыл; двумя закрывали они лица свои, и двумя закрывали ноги, и двумя летали. И взывали они друг к другу и говорили; Свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его. И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями. И сказал пророк, объятый ужасом: О, окаянный аз! Горе мне, погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа тоже с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа! (Ис. VI, 1–5.)

Через много столетий, во дни Завета Нового, Тайнозритель Иоанн также видел в откровении и Господа на престоле, и жертвенник, видел и ангела с золотою кадильницей: и дано было ему множество фимиама, чтоб он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который перед престолом; и вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки ангела пред Бога... (Апокал. VIII, 3–5.)

Представьте теперь себе вдохновенным верою воображением и благочестивым сердцем: вот, в 40-й день кончины, когда, по верованию Церкви, определяется судьба души человека умершего, когда она поклоняется Престолу Божию, – вот предстал перед Господом наш батюшка отец Иоанн. Как Исаия, в духе глубочайшего смиренномудрия и благоговения, конечно, и он воскликнет: «О, окаянный аз! Человек я с нечистыми устами, и жил среди народа также с нечистыми устами, и глаза мои видят Царя моего, Господа Саваофа!»

И скажет ему Господь: что это вокруг тебя такое великое облако и исполнено оно благоуханием несказанным?

Ангел молитвы ответствует Господу: Господи, это молитвы о нем несутся с земли!.. Давно не было такого их обилия: молятся иерархи и миряне, молятся о нем Царь и народ, молятся дети, воины, богатые и

бедные...

И спросит Господь: что это шум как бы волнующегося моря, и волны его доходят до Моего превознесенного Престола?

И отвечает ангел-предстатель печали: Господи, это слезы о почившем в Тебе, Господе неба и земли, смиренном пастыре Твоей Церкви. Дети церковные, осиротелые, плачут о нем...

И воззрит Господь на землю, и воззрит на тот храм и на могилу, у которой мы сейчас стоим. И слышит ухо Его и зрят Его очи: вот плач и рыдание, вот каменный пол весь пропитан слезами, и на этом белоснежном мраморе гробницы, и на этом металле кануна осели слезы бесчисленных богомольцев; крупными и мелкими каплями и мельчайшими росинками блистают и горят они здесь при свете негасимых огней молитвы; и просочили они твердый камень, и пропитали непроницаемый мрамор, и канули и наполнили дорогой гроб, сляясь волнами своими вознести его до превознесенного Престола Божия...

И скажет Седящий на престоле, Ветхий деньми, Судия святой и вечный: Добрый раб Мой! Молитвы и слезы о тебе дошли до слуга Моего. Часть твоя с теми, что пришли сюда от скорби mnogой. Они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца. За это они пребывают ныне пред престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Седящий на престоле обитает в них. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной. Ибо Агнец, который среди престола, будет пасти их, и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу от очей их. (Апок. VII, 14–17.)

И отвечает смиренный пастырь: «Аминь! Благословение и слава, премудрость и благодарение, и честь, и сила, и крепость Богу нашему во веки вековые Аминь». (VII, 12).

Говори, не умолкай. По поводу отношения левых газет к памяти о. Иоанна Кронштадтского⁸⁸

Тактика левых газет по отношению к памяти праведного о. Иоанна Кронштадтского резко изменилась. Брань, клевета, злоба, которыми наполнены были скорпионовые страницы «Русского Слова», «Речи» и прочих литературных клоак, видимо, не воздействовали на благочестивое чувство народа. Потому принята другая мера, давно испытанная русскими либералами: замалчивание. Замолчана скорбь народная об о. Иоанне; замолчан факт ежедневного паломничества к его гробнице буквально десятков тысяч людей, приезжающих со всех концов России; замолчано о том, что священники по 4–5 каждый день, по доброй воле, совершают заупокойные служения и литургии, ранние и поздние, в Иоанновском монастыре, во главе с нарочито для сего приезжающими архиереями; замолчаны отклики восточных патриархов по поводу смерти о. Иоанна. Ясно, для чего это делается: нужно поставить светильник под спуд; нужно заставить забыть о праведнике, столь опасном для безбожия, нечестия, революции и крамолы.

И воистину он им опасен: хвалить его – значит признать свое осуждение этим боголюбивым, Царю преданным и народолюбивым пастырем; бранить его – значит терять все в глазах верующего народа, который по одной этой брани, верно узнает и отметит детей сатаны. Лучше – молчать. Это хульников спасет, а свое дело, хоть пассивным путем сопротивления славе святого, все-таки сделает.

Хочется поэтому в день нынешнего поминовения усопшего пастыря сказать каждому верному сыну Церкви, почитающему отца Иоанна: говори, не умолкай! Этот призыв Божий апостолу Павлу, посылаемому в страны языческие и проповедующему Христа озлобленным иудеям, гремит в уши и нынешним верным слугам Божиим, действующим в оживленном и обьязычившемся современном русском обществе.

Собирайте тщательно и любовно все, что касается личности и деятельности о. Иоанна: его чудеса, случаи благодатной молитвы, записки, письма, наставления, пребывания в тех или других местах нашей родины, случаи из его жизни и проч. и проч. Мы знаем, есть счастливы, имеющие переплетенные большие тома писем батюшки, описания его путешествий, записи его бесед, даже им самим лично прочитанные и исправленные. Есть счастливые обладатели вещей, от него полученных. Со временем все будет дорого, – все, что касается этого великого и праведного человека,

все, что имело к нему какое-либо отношение.

Думается, почив, руководство и центральное действовање в этом деле принадлежат Иоанновскому монастырю в Петрограде. Здесь – его гробница, его комнаты, вещи, облачения, портреты; здесь же надобно создать общую библиотеку, в которую надлежит собрать все книги, брошюры, советы, речи, заметки об о. Иоанне на всех языках, надобно собрать копии и подлинники его писем, заметок, записок, воспоминания о нем и т. п. Необходимо создать для сего особенный и постоянный комитет со специальным поручением устроить, так сказать, музей имени и лица отца Иоанна. Можно быть вполне уверенным, что уж во всяком случае, тяжелый труд по этому делу будет в полном смысле слова благодарным. Газета «Колокол», пока единственная церковная газета, принесет великую пользу церковному делу и самосознанию, если откроет особый отдел для тех многочисленных верующих, которые в простоте сердца и без литературных прикрас или обработки могут поведать о чудесах отца Иоанна, или лично виденных, или на себе испытанных, и различных обстоятельствах его жизни, которые им известны как достоверным и личным свидетелям.

Вера и слово Божие повелевают дела Господни возвещать...

Говори, не умолкай! (Деян. XVIII, 9.)

Из путешествия по Сибири (Телеграммы с пути)⁸⁹

I. Переселенческое движение

11 марта посетил Челябинск. Вокзал наполнен переселенцами; идет стихийное движение; теперь проходит переселенцев ежедневно от 4 до 5 тысяч чел.; можно себе представить, что делается здесь в мае, когда их число достигает до 12 тыс. чел. в день, когда отправляют на Восток ежедневно по триста вагонов, наполненных переселенцами, а на пункте их проживает до 15 тыс. чел., – целый уездный город. За прошлый год проехало через Челябинск семьсот шестнадцать тысяч переселенцев и особо через Сызрань на Тургайскую область сорок пять тысяч. Это великое историческое движение народа, неуместимое в разум, таинственно по своей провиденциальной сущности. Особенно удивительно, малое число обратно возвращающихся переселенцев, лет шесть назад достигавшее двадцати и даже 28 проц.; теперь оно ниже пяти. Переселенческому управлению справедливо нужно воздать благодарную хвалу: легко строго критиковать его труды, но как трудно работать на местах при массовом движении бедного и крайне неосведомленного люда. Какова эта неосведомленность – привожу примеры: в прошлом году на пути из Барнаула в Бийск на пароходе спрашиваю женщину-переселенку: «куда направляетесь». Отвечает: «в Томск». Выражаю удивление, хочу разъяснить дело и слышу: «мы темные, – мужики все знают». А вот как знают и мужики: недавно в Челябинске спрашивают переселенцев из Люблинской губ.: «куда идете?» Они серьезно заявляют: «сначала в город Гамбург, потом в Африку». При таких условиях почему-либо отставших чрезвычайно трудно отправить в свою партию. Но всего губительнее незнание крестьянами законов переселения. Прежде, чем идти в Сибирь, надо иметь разрешение землеустроительных комиссий; самовольное переселение строжайше воспрещено; самовольные переселенцы здесь ужасно бедствуют; им нет земли, их гонят, бьют, даже жгут сами крестьяне; между тем, в нынешнем году, когда особенно строго воспрещено самовольное переселение, оно возросло сразу до невероятной цифры: до шестидесяти процентов; надо заранее парализовать зло как можно шире – через газеты и другими путями оповестить крестьянское население об условиях переселения. Много может помочь духовенство своими разъяснениями. Об этом следует не раз напечатать в синодских «Церковных Ведомостях». Здесь ужасающая нужда в Церквях и причтах. В прошлом году из Туринского уезда переселенцы возвратились обратно, указав причиной – отсутствие церквей и священников: приходилось по

полгода не крестить детей; страшились умереть без покаяния. И, слава Богу, что жив у народа этот дух, эта тоска и жажда утешения веры; но этой жаждой легко могут воспользоваться недруги православия; уже «евангельские христиане» пытались вбрасывать в вагоны переселенцев свою литературу. От издательства «Верность» сюда выслано для бесплатной раздачи восемьсот тысяч брошюр и книг религиозно-патриотического содержания и по сельскому хозяйству. Желающие жертвовать хорошие книги для бесплатной раздачи переселенцам благоволят присылать их по адресу: Челябинск, священнику Ивану Евстратову. Дело раздачи книг на месте организовано; жертвы на церкви деньгами, утварью, вещами, книгами желающие благоволят направлять по адресу: Петроград, хозяйственное управление при Св. Синоде, или: Москва, Лихов переулок, Епархиальный дом, Братство Воскресения. Оно имеет специальной задачей построение церквей для переселенцев.

II. Могилы русских воинов в Маньчжурии

Хароин. На первый день Пасхи здесь открыт отдел Московского Братства Воскресения Христова для собирания пожертвований на сооружение молитвенных памятников на могилах русских воинов, убитых в русско-японской войне. Во многих местах Маньчжурии разбросанные могилы лишены крестов, которые крадут китайцы. Могилы сравниваются с землею. Уверяют, что даже вывозят кости для удобрения полей, что производит тяжкое для русских впечатление на Востоке, которые чтят предков, особенно убитых за родину. Это гораздо больший для нас позор, чем проигранная война. Образованный здесь отдел решил следить за могилами, два-три раза в году посылать священника из Харбина объезжать могилы, служить панихиды, сноситься с властями, постепенно сооружать кресты в часовни. Местное общество горячо откликнулось на открытие отдела. Много записалось членов, в состав совета вошли самые выдающиеся лица общества. Поступили пожертвования. Желаящие помочь доброму патриотическому делу могут направлять свои жертвы по адресу: Москва, Епархиальный дом, Братство Воскресения, или: Харбин, председателю отдела Братства протоиерею Пекарскому. Нужда очень велика. Отсюда 31-го марта лично выезжаю на кладбища русских воинов по Маньчжурии, а также в Порт-Артур, Дальний и другие места.

III. Япония и Корея

Харбин. Проехал Китай и Японию, посетил Сеул, Чемульпо, а оттуда прорезал всю Корею к северу с большими неудобствами и лишениями через реку Ялу и горы Маньчжурии, мимо знаменитого Тюринчена. Посетил всюду могилы русских воинов, совершал везде панихиды. Кладбища в Пекине, Шанхае, Мацуяма и Чемульпо содержатся исправно, особенно хорошо и трогательно в Мацуяма, где выстроен от имени Русского Монархического Собрании одной русской женщиной, желающей остаться неизвестной, храм, прекрасный извне и внутри. При храме – православный священник-японец, особый причт и причтовые дома. В Чемульпо наши воины погребены на иностранном кладбище; из них известны по именам только двое, прочие неизвестны. Русских там нет, могилы одиноки. Есть предположение прах бессмертной памяти героев Чемульпо перенести в близлежащий Сеул, когда там выстроят храм православной духовной миссии. О кладбищах и храмах в Гунжулине, Мукдене, Ляояне и Вафаняне не упомянуто в портомутском договоре; они заняты японцами. Теперь требуются особые сношения с японским правительством о передаче их в наше ведение.

–

Деятельность японцев в Корее, их отношение к стране с десяти миллионным населением, имеющей свои традиции долговечного исторического существования, как самостоятельного государства, и совершенно неожиданно отданной в полное подчинение Японии, – все это, по какому-то молчаливому заговору прессы, слишком мало подвергается у нас обсуждению. А между тем, то, что делается в Корее, чревато многими и многими последствиями в будущем, и первые грозные предзнаменования их у нас уже пред глазами...

Япония открыто развивает в Корее напряженную деятельность, обращая страну в базу военных предприятий против России, делая Корею плацдармом с совершенно определенными целями – постоянно угрожать России и нанести ей при удобном случае тяжкий удар. От южного порта Кореи – Фузана, до которого от Симоносеки всего 10 часов плавания по Цусимскому проливу («море битв», по-японски), чрез Сеул (10 часов езды), Ы-чжу у Ялу (14 час. езды) и теперь уже до самого Мукдена (24 часа езды) проведена, управляемая исключительно японцами, железная дорога, прорезывающая всю Корею. Особенность дороги – огромная линия отчуждения земли; тогда как в самой Японии эта линия занимает одну

сажень, здесь в обе стороны вы видите не менее полверсты... Все это отошло к японцам... Дорога в полном смысле военно-стратегическая. Всюду войска, казармы, всюду военная охрана. Чем ближе она к пределам России, тем яснее ее задачи: подвозить войска и военные припасы.

От берегов Японии до Гензана, – это с востока Кореи, – беспрерывно движутся два специальных парохода, зафрахтованные японским военным министерством; они везут на север Кореи, к ее границе с Россией, разборные готовые мосты, подвозят военные и съестные припасы к строящимся укреплениям и каменным, что редкость в Японии, казармам. В два-три дня на случай войны на границе Кореи с Россией стоит, совершенно наготове, огромная армия, сразу же открывающая свои действия.

От берегов Дайрен, бывшего Дальнего, – с запада Кореи, – Двигутся такие же пароходы к Чемульпо и к Ялу, причем на Ялу стоят военные канонерки Японии. Корея, таким образом, стиснута военными предприятиями Японии со всех сторон. Как политическое тело, она фактически не существует. И японцы этого не скрывают: вы видите карты Японской империи, на которых Япония, северный Сахалин, Формоза и Корея одинаково окрашены розовым цветом, как части нераздельной и единой Японии.

Но то, что делается внутри страны, не поддается описанию. Корейцы нескрываяемо вытесняются из страны. Земли у них открыто отбираются и передаются японцам. Дело обыкновенно делается просто. Корейцы бедны, склонны к пьянству и опиуму. Японский предприниматель, – а они теперь покрыли своими лавочками, гостиницами и т. п. всю страну, – предлагает корейцу денег в долг, под залог земли и дома. К условленному времени кредитора на месте не оказывается, но в суде, – а суды теперь исключительно японские, – возникает дело, оно решается всегда в пользу японца, и кореец лишается надела и дома. Японцы открыли два земельных банка: один дает субсидии и пособия тем корейцам, которые соглашаются переселиться в Японию, на остров Иеддо, другой дает огромные льготы и субсидии японцам, переселяющимся в Корею. Что касается северных частей Кореи, то там стеснения имеют целью вынудить корейцев переселяться в Россию, и если бы не было препятствий для такого переселения со стороны русских законов, то мы в Уссурийском крае уже теперь имели бы не менее миллиона корейского населения. Несмотря на запрещение нашего закона принимать корейцев в русское подданство и давать им земельные наделы, все-таки корейцы десятками тысяч ежегодно переходят на жительство в пределы России.

Так Япония колонизует Корею японскими поселениями. Но это далеко не все на пути полного обезличения Кореи.

Монетная единица в Корее, прежде существовавшая, упразднена и заменена японской. Но и здесь наблюдаем тонкий и верный расчет на полное порабощение Кореи. Японский государственный банк выпустил особые иены кредитными (красными) бумажками, на коих написано: «разменивается и годен только в Корее».

Представьте, завтра японцы потеснены корейцами или русскими; они оставляют страну, и у корейцев нет ни монетной системы и ни копейки денег... Ни дома, ни за границей Корея не может ни купить, ни продать... И сами японцы не оставляют по себе никаких денежных обязательств.

Войско корейское уничтожено. Министерства – военное и иностр. Дел – упразднены. Прочие министерства существуют только по имени и заняты исключительно японцами. Император-отец принужден к отречению; его жена, королева, пользовавшаяся огромным уважением у народа, была предательски убита японцами, причем бывший в то время японский посланник в Сеуле в награду за исполненное злодеяние получил теперь повышение. Могила императрицы – самое чтимое место в Сеуле. Император сын разобщен от отца, не смеет показаться у могилы матери; он окружен японцами и лишен права разговаривать с корейцами; его сын воспитывается в Японии. Старый императорский дворец стоит пустой. Императора возят иногда по стране и заставляют говорить публично краткие речи с призывами к корейцам любить японцев, оставлять свою национальную одежду и носить японскую.

Необыкновенно тяжкая атмосфера повисла над страной; всюду шпионы; вы едете, как в военном лагере в военное время; ко всякому иностранцу японцы чрезвычайно подозрительны и всех путешественников-иностранцев старательно записывают, выдавая им особые бланки, осматривают багаж и следят за ними, как за врагами.

В среде корейцев образовалась партия предателей (Иль-чин-хой), – японофилы; во главе их стоял некто Сон, которого за это сделали министром внутренних дел.

Генеральный резидент Японии – это фактический король и повелитель Кореи, который всякое свое распоряжение может поддержать военной силой.

Какова решимость этой силы, об этом говорит прошлое Японии: в гор. Киото есть гробница Мимидзуки, что значить 80 000 ушей... Столько жертв взято было в свое время только одним победителем корейцев... И теперь, в сущности, положение не изменилось. На японцах лежит только

легкий и поверхностный слой культуры: поскобли немного, и из-под него уже смотрит дикарь.

Ни единое известие не выходит из Кореи; все покрыто глубокою тайной; газеты корейские убиты; из английских, существовала одна: Korea Daily News, которую издавал и редактировал г. Бесель. Но союзники-англичане делают все угодное японцам. Бесель без конца подвергался штрафам, потом, как англичанину вызван был на суд в Шанхай в английскую концессию, а там присужден к тюрьме на 3 месяца. Он, однако, продолжал писать откровенно о деяниях японцев в Корее. Его довели до невозможности вести ежедневную газету, которая обратилась в еженедельную, снова судили и держали в тюрьме. Минувшей Пасхой Бесель умер, всего 37 лет от роду. Так расправляются с европейцами, расправа же с корейцами прямо беспощадна.

Национальное чувство корейцев подавляется; школы корейские закрыты, вместо них на 8 000 учащихся (на всю страну) открыты школы японские; всюду воспрещено преподавание истории Кореи.

Немудрено, что корейцы, видя гибель родины, ужасающее обнищание народа, бегут в горы, образуют повстанские отряды и становятся заклятыми врагами японцев. У них нет оружия, но и при таких условиях они бесстрашно нападают на японские отряды и даже, по свидетельству и отчетам самих японцев, уничтожают их до 8 000 в год. Казненных и расстрелянных корейцев японцы скромно насчитывают до 12 000 в год. Повстанцы называют себя «Ый-бен», т. е. «войско справедливости»; это корейские черносотенцы, которые поклялись умереть за родину и всею душой ненавидят Иль-чин-хойцев.

Русские космополиты, наши собственные Иль-чин-хойцы левых газет, не раз заявляли, что-де «просвещенный абсолютизм» японцев безмерно легче, чем господство бывших корейских мандаринов: обычная бестолочь еврействующих публицистов, которые, подобно свинье, знают только «что сыто и что бито». Национального чувства не подавить этими софизмами. И действительно, «Ый-бен» растет с каждым днем, и японцы вынуждены двинуть в Корею лишнюю дивизию. Раздражение в Корее против Японии растет; корейцы отправляются учиться за границу, там образуют политические кружки и ведут тайную агитацию оттуда на родине. Любопытное явление: по всей Корее господствует убеждение, что принятие христианства целым народом спасет корейский народ от поглощения японцами. И японцы, в Японии относящиеся к миссионерам весьма терпимо, в Корее держат их под большим подозрением, а г. Сон прямо требовал их изгнания из страны. Излишне говорить, что по всей

Корее наблюдается нескрываемое тяготение к России.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что Япония приобрела в Корее нечто гораздо опаснее, чем Кавказ и Финляндия для России: горная страна, десять миллионов населения, совершенно однородного в племенном отношении, против 48 миллионов японцев, страшная ненависть, исстари укрепившаяся у корейцев против Японии, близость Китая и России, – все это обещает для Японии много тревог, не говоря уже о том, что делает ее уязвимой с суши со стороны Китая и России. И то, что случилось в Харбине, это только начало бесконечной цепи подобных же событий в борьбе Кореи против порабощительницы-Японии. Русскому обществу, во всяком случае, нужно знать действительное положение вещей в Корее и ее отношения в Японии.

IV. Переселенцы на Амуре

Благовещенск. Состоялось совещание об удовлетворении духовных нужд переселенцев Амурской области. Условия переселения здесь тяжелые: пришли в настоящем году 7 600 человек; ожидается еще 200 тысяч – в полтора раза больше прошлого года. С 1900 г. по 1 января 1908 г. устроились всего 23 т. Приблизительно через 5 лет переселенцы чувствуют себя севшими прочно. Обратное движение в прошлом году достигло 12 процентов. Ходоки часто даже не ходят осматривать участки, относясь чисто-формально к порученному делу, а потом рассказывают всякие небылицы; вследствие этого пришлось завести особые удостоверения для них от переселенческих чиновников о действительном их прибытии на участки; между тем, доли числятся за крестьянами; они закрыты для других, а потом, вследствие недобросовестности ходоков и путаницы их сведений, крестьяне от этих долей отказываются; таким образом, задерживается естественное переселение, совершаемое без ходоков. Санитарное состояние здесь не худо. Слышно, в Забайкалье есть сыпной тиф, здесь же – единичные случаи; других особо опасных заболеваний нет. В Амурской области открываются 9 новых приходов, строятся 9 церквей и 7 причтовых, средствами Святейшего Синода.

V. Духовные нужды корейцев

Владивосток, 22-го мая. Посетил русскую северную Корею, участок Посьет. Возвратившись во Владивосток, имел совещание с представителями корейской здешней слободки. Вчера окрестил 15 корейцев. При 30 приходах и церковных школах в корейских селениях, при постоянных обращениях корейцев в православие, положительно нужно катехизаторское училище. Корейцы села Анчихе, Посьетского участка, дают три прекрасных здания, землю и тысячу восемьсот рублей ежегодно. Корейцы Владивостока предлагают 8 тысяч на постройку существующей школы во Владивостоке и 1 000 руб. ежегодно. Катехизаторская школа может давать работников, нужных для миссии в Сеуле и заграничной Корее. Другая нужда – открытие особых курсов для миссионеров при Владивостокском Институте восточных языков для изучения японского, китайского, корейского, монгольского языков. Нужда в таких лицах для заграничных миссий и для воздействия миссионерского на корейцев и бурят, в пределах русских епархий Сибири и Дальнего Востока, неотложная. Все дело миссионерское страдает; между тем, в пределах Китая и Японии на русские казенные деньги мы обучаем китайцев и японцев русскому языку в особых школах, тогда как русских чужим языкам не учим. Для миссионерских курсов есть место во Владивостоке – церковь-школа в память русских воинов, убиенных в прошлую войну. Содержание 40 курсистов, управление курсами, включая летние командировки курсистов в Китай, Корею, Японию, Монголию, станет 25 тысяч в год. Институт учит их бесплатно. Другие, более благоприятные условия трудно найти. Тогда Казань удовлетворяла бы Поволжские и Приуральские епархии Западной Сибири, а Владивосток – Восточную Сибирь, Дальний Восток и заграничные миссии. Не следует забывать, что здешний Институт дал бы миссионерам высшее образование и солидное знание языков. Конечно, желательно принимать на такие миссионерские курсы лиц монашествующих или расположенных к монашеству и, главным образом, имеющих священный сан. Духовные журналы должны бы поднять и разработать этот вопрос.

VI. Переселенцы в Уссурийском крае

Хабаровск, 25-го мая. Во Владивостоке и в Хабаровске состоялись совещания об открытии новых приходов, построении церквей, причтовых домов и школьных зданий для переселенцев. За 1907 год устроилось переселенцев сорок тысяч в Уссурийском крае; за прошлый год пришло 22 тысячи, устроилось 12 тысяч; остальные же пока живут в старых селениях на заработках; в нынешнем году прибыло одиннадцать тысяч, ожидается 25 тысяч. В настоящем году условия переселения чрезвычайно тяжелые. За 20 лет не было такой поздней холодной весны и таких наводнений; небывалое весеннее наводнение совпало со временем наибольшего прилива переселенцев. Им представилась действительно печальная картина: все залито водой, сообщение со многими участками, даже центрами, например, Анучино, было совсем прервано. Уныние охватило многих, малодушные бросились назад, но не домой, а в Сибирь для поисков лучших условий водворения. Никакие убеждения не действовали, ушло обратно более четырехсот семей. Кроме этой причины, действуют другие; не мало жалоб на групповое организованное ходачество, на которое возлагалось столько надежд земствами и переселенческим управлением. Большая половина ушедших обратно семей, пришла на участки, зачисленные групповыми ходоками; эти ходоки – часто наймиты, и только; они лично не заинтересованы выбором участков и часто делают выбор недобросовестно. На этой почве свершилось в одном селении убийство ходока; конечно, нельзя делать окончательных заключений, но не дай Бог, чтобы групповое ходочество в дальнейшем давало подобные результаты. Наконец, новоселов раздражает то действительно печальное и ненормальное явление, что на великолепных казачьих и старожильческих землях вблизи городов и железной дороги частью работают и благоденствуют китайцы и корейцы, причем хозяева являются только эксплуататорами, маленькими помещиками, частью же пустуют и лежат невозделанными огромные пространства; между тем, переселенцам предлагаются отдаленные тяжелые таежные участки. Крестьянам не понять этого и не удовлетворенные в своих стремлениях к свободным землям они идут на новые поиски и новые лишения. Вообще нужно устроить в земельном отношении старожилов. Здесь нет в собственном смысле общины, а подворное личное владение, и каждый считает себя хозяином несуществующего номера в сто десятин, при большой путанице земельных отношений, которой тяготеют сами крестьяне. Совещаниями

во Владивостоке и Хабаровске к открытию намечены 15 новых причтов; в Уссурийском крае – постройки церквей-домов в пяти селениях на берегу Великого океана, где зарождается молодая русская жизнь.

VII. Опровержение

Газета «Русское Слово» 30-го апреля поместила извещение о моем пребывании в Порт-Артуре, в виде письма читателя. Газета, повидимому, злостно введена в заблуждение, ибо извещение от начала до конца не соответствует действительности и не могло быть писано человеком, действительно бывшим в Порт-Артуре, судя по несообразности его указания местности и обстоятельств дела. Пекинского епископа вовсе не было при моем посещении бывшего русского города. Церковь в нем находится не на кладбище, как указано в газете, а совершенно в другой части города, версты за четыре. В Порт-Артуре был в это время русский консул, собрались все до единого наличные русские православные люди. Немедленно по приезде мы отправились на кладбище; там была совершена панихида о русских воинах позади воздвигнутого японцами памятника, у общей братской могилы, где погребено 6 т. погибших на Высокой горе. Оттуда уже поехали осмотреть церковь. При осмотре был только монах, недавно приехавший для приема ее, и сторож. Никакого разговора с японским чиновником о церкви не было, все сказанное об этом в газете есть сплошной вымысел. Если действительно это писал порт-артурец, то, очевидно, он не из христиан, а из политических эмигрантов-евреев, называющих себя всегда за границей русскими. Их более чем достаточно и дня Дальнего и для Порт-Артура. Наконец, я вовсе не был ревизором Пекинской миссии, для этого был особо послан Синодом епископ Киренский Иоанн, которого я сопровождал в Порт-Артур и Пекин, и которого автор заметки принял почему-то за пекинского епископа. Однако, очень приятно, что газета «Русское Слово» стала так ратовать за служения панихид о воинах и так зорко охранять авторитет православных архипастырей. Прошу газеты, перепечатавшие сообщение «Русского Слова», поместить настоящее опровержение.

VIII. Амурская железная дорога

Сретенск, 8 июня. Сообщаю собранные сведения о постройке Амурской железной дороги. Головной участок, протяжением сто шестьдесят верст, строится по второму варианту – от станции Куенга, направляясь на восток. В настоящем году он будет окончен. Последняя, его тысяча кубов земляных работ сдана в феврале. Постройка двух последних паровозных депо сдана торгами в конце мая. Через два месяца начнется укладка пути; предполагено проходить в день три версты. Таким образом, к ноябрю дорога этого участка будет готова. Все необходимые здания устроены. Рабочих во время постройки насчитывается от 8 до 10 тысяч. Из них семейных не более 5 процентов. Церкви, есть в станицах, лежащих по линии дороги, числом четыре, имеются также станичные школы; сверх того, предполагено на станции Буцулей, выстроить особую железнодорожную школу. К востоку от конечного пункта головного участка на шестьсот верст до будущей станции Керек, что против Джаланды на Амуре, идет по чрезвычайно трудной для постройки дороги местности участок, теперь приготавливаемый для работ. Здесь очень мало населения, трудно проходимая тайга, местность сильно заболочена и представляет так называемую марь, т. е. сплошные кочки, достигающая высоты полтора аршина, наполовину покрытая водой. Путиами сообщения с этой линией летом служат только реки; других дорог нет; подвоз, например, леса за три версты от линии летом невозможен, и вся надежда на зимний удобный путь. От того, по сметам устройство железнодорожной временки предполагено в невероятной сумме – три тысячи рублей верста. Очень трудно доставлять летом провиант на линию. Доставка производится вьюком с перекладками по местам на лодке, далее – новое навьючивание. При таких условиях доставка пуда съестных припасов летом обходится четыре рубля. Крупная томская лошадь может везти по летней невозможной дороге не более 5 пудов, но и под такой тяжестью часто падает. Есть станции, около которых валяются несколько трупов таких павших лошадей, поломавших себе ноги на этой мари. Зимой доставка значительно легче и втрое дешевле. На указанной линии до станции Керек на всем протяжении шестисот верст произведены подготовительные для постройки дороги работы, именно, прорублены широкие просеки, которые осушат местность, облегчат в будущем труд, срезывания кочек, дадут возможность хоть каких-либо сообщений между участками и станциями. Построено сто жилых зданий, площадью до

четыре тысяч квадратных саженей. На каждом из семи участков этой линии построено по десяти барачков для рабочих, вместимостью по двадцать квадратных саженей, а также на каждом участке по три кладовые, уже теперь имеющие вполне достаточный запас провианта для рабочих, и по три хлебопекарни, уже действующие; кроме того, по местам устроены лесопильные заводы с керосиновыми и паровыми двигателями, открываются кирпичные заводы, некоторые из них уже действуют. Реки, никогда не бывшие сплавными, приспособляются к плаванию и очищаются, причем вырабатываются типы подходящих лодок, годных для передвижения по извилистому быстрому течению рек с множеством перекатов. Около домов на станциях местами устроены досчатые пути и настилки, по которым передвигаются особого рода вагонетки, но без железных рельсов и чугунных колес. К работам собственно железной дороги, начиная с полотна, на этой, линии еще не приступали, вследствие прекращения отпусков денег. Вяло идут теперь и подготовительные работы по той же причине. К глубокому сожалению, вследствие этой причины, выписанные из внутренней России, и добровольно прибывшие сюда рабочие возвращаются домой, в виду прекращения работ, а доставка их сюда в свое время обошлась по 97 руб. каждый рабочей. Добровольно рабочие сюда теперь едва ли пойдут. Между тем, многие рабочие приходили сюда с семьями. Около станций устраиваются целые поселки – культурные центры. Нельзя не отметить с горечью, что такие полезные здесь элементы населения испытывают стеснения закона, ненужные и вредные. За усадьбу берут с них плату. Деньги требуются за срубленный лес, которому не было ровно никакой цены. Лучше бы поощрять и привлекать население разными льготами, в виду пустынности края нарезать бесплатно участки, и даже выдавать семейным пособия. Указанная линия захватывает земли казенные и кабинетские, назначенные для переселенцев, и земли казачьи; она прорезывает богатейший золотоносный район, настолько важный, что уже теперь запрещено делать новые заявки ближе ста верст от железной дороги в обе стороны. На реке Амазар, ниже Аргуни, найдены новые, особенно сильные золотые прииски. Церкви на этой линии предположено строить на общие строительные суммы, на станции Ерофей Павлович, против пристани Игнашино, а также на станции Амазар. Нельзя сказать, что этого достаточно. О будущих школах нет сведений. Врачебная помощь неудовлетворительно организована за отсутствием путей сообщения. Всяду линия дороги идет от 60 до 120 верст от границы с Китаем. Так везде по Амуру, Что касается Шилки, то здесь линия местами подходит на

30 верст, но граница не здесь; она идет выше по Аргуни. Подъездные железнодорожные пути намечены к Чусовой на реке Шилке и к Джалнине по Амуру. Кроме того, намечены в разных местах четыре подъездные колесные пути. Далее от станции Корок до реки Зои против Благовещенска по всей линии будущей дороги на четыреста верст, а также далее к востоку от Зои до Хабаровска на девятьсот верст никаких подготовительных работ нет, только прошли изыскательные партии и поставлены вехи. Но здесь уже работа легче, местность для нее удобна, населения больше, доставка всего нужного удобнее. Нужда в дороге крайняя, без нее пустынный край сам собой отпадает от вас, как омертвелый. Китай приближается, выражая угрожающие намерения. Китайцы ведут колесную дорогу от Цицикара к Мохо, против Игнашина, и другую – к Айгуну, против Благовещенска. Японцы нескрываяемо и через шпионов зорко следят за нашей Амурской дорогой и, конечно, учитывают всякую задержку ее постройки. К сожалению, этот год, вследствие промедления в отпуске денег, несомненно, уже пропал для постройки дороги на всем протяжении 1 900 верст, не считая головного участка. Ожидать окончания дороги к 1911 году, как предполагалось, уже невозможно. Возражения против нее несостоятельны уже потому, что железная дорога всегда не только удовлетворяет существующие нужды, но создает и новые потребности и промыслы, которые и обслуживает. Без проведения Амурской дороги заселение края будет идти крайне медленно, и он будет представляться как бы не существующим для России. Железная дорога даст ему жизнь, а первые десять канонерок, уже плавающие по Амуру и Шилке, и семь новых, готовых уже в спуску и плаванию в Сретенске, говорят за то, что Россия готова его защищать всеми силами.

IX. Переселенцы в Забайкалье

Чита, 12 июня. Посетил в Забайкальской области переселенческий пункт в Сретенске. Затем, по приезде в Читу, состоялось совещание о духовных нуждах переселенцев.

Сретенск собственно служит для Амурской области. Теперь там до шести тысяч переселенцев ждут отправления вниз по Шилке на пароходах и баржах. При мне отправлено до тысячи. Только часть, и очень небольшая, из этого пункта идет в Нерчинский подрайон, в село Озерное. На Сретенском пункте оборудованы больницы и приемные покои. Нужда, в устройении особых помещений для опасно заразных. Теперь есть два больных сыпным тифом и 100 больных натуральной оспой; дети болеют корью. При таком множестве переселенцев необходимо здесь иметь особый причт, ибо местные священники не успевают при большом своем разбросанном приходе; прошлую зиму зимовали триста переселенцев, в будущую зиму ожидается больше. Выясняется большое неудобство правил о пособии возвратным переселенцам-ходакам в случае их бедности. Никаких удостоверений с места о бедности нет. Приходится здесь чиновникам самим проверять заявления, что очень трудно, даже невозможно. Часто настойчиво просят пособия крестьяне, которые, оказывается, имеют до пятисот рублей; с другой стороны, в случае действительной бедности, правила разрешают пособие не свыше 10 рублей, а билет иногда стоит 12 руб. Кроме того, на продовольствие нужно 5 рублей. Таким образом, пособия не достигает цели.

Всего в Забайкальской области намечено заготовить в текущем году двадцать тысяч долей, в прошлом году приготовлено и утверждено семь тысяч долей. Фактически занято в Нерчинском подрайоне сто две доли, а на Витимском подрайоне – только 12, по зачислению ходаками 711. В Сретенском пункте много переселенцев из инородцев Кубанской области, в Забайкальской области, главным образом в северной части к Востоку от Читы, назначены места переселенцам губерний Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Воронежской, затем Могилевской, Ковенской, Гродненской. Странно слышать о первых пяти перечисленных губерниях, но так решено Агентами областной земской организации; по-видимому, Забайкалье неудобно для жителей юга и степей Европейской России, впрочем, вольные переселенцы из малороссов хорошо устроились в деревне Сухая, около Байкала. Должно сказать, что агенты указанной организации, распределив к 1-му января земельный фонд между

вышеназванными пятью губерниями (Екатеринославская, потом вышла из организации), доселе не прислали ходоков, которые шли или раньше их, или позади. Приезжали только три агента, но на Витиме не было из них ни одного. Между прочим, ходоки совсем не осведомлены о Витиме, и когда, прибыв в Читу, узнают, что до Витима триста верст колесного пути, отказываются туда отправляться. По этой причине ходоки уже отказались от 481 доли в Витимском подрайоне. Что касается Берчинского подрайона, то там только в шести долях последовал отказ. Если в Нерчинском районе не пройдет железная дорога вследствие предполагаемого изменения головного участка от Сретенска вместо Куенги, то и здесь затруднится переселение. На Озерном участке теперь осели сорок дворов, все в расчете на железную дорогу.

На Озерном участке предполагается строить церковь-школу. В Сретенске и на Витиме – учредить разъездные причты. Дело переселенческое здесь только в зачатке.

Х. Переселенцы в Енисейской губернии

Красноярск. Состоялось совещание об удовлетворении духовных нужд переселенцев Енисейской губ. Переселение значительно возросло; всех переселенцев за время до 1908 года было 149 тыс. человек, между тем, только один 1908 г. дал переселенцев 43 тыс. и зачислено в этом году заходами 24 тысячи долей; тогда оставалось свободных долей к 1909 году 36 тысяч, из коих уже теперь предоставлено групповым ходакам от 27 различных губерний 35 тысяч долей; больше всего дано Полтавской земской областной организации – до 7 тысяч; но на 6 губерний, входящих в ее состав отдельных губерний, наиболее крупные по полученному числу долей следующие: Курская – 5 тысяч долей, Могилевская – 4 тысячи, Витебская, Минская – по 2 500, Орловская–2 тысячи, Псковская, Смоленская, Тамбовская – каждая до 1 500; Виленская, Калужская, Пензенская, Подольская, Саратовская – каждая до одной тысячи долей. Санитарное состояние удовлетворительно; лет через пять переселенцы, хорошо устраиваются. За прошлый и нынешний год открыто новых приходов 14, намечено еще девять, о чем и представляется Святейшему Синоду. Намечено построить средствами Св. Синода 5 церквей; открыть 8 новых церковных школ.

XI. Переселенцы в Томской губернии

Томск. Переселенческое движение в Томскую губернию поражает своими размерами. В прошлом году здесь осело двести пятьдесят тысяч; в настоящем году ожидается столько же; итак, за два года население увеличилось на полмиллиона. Трудно стоять на высоте полного удовлетворения духовных нужд новоселов. В настоящем году сразу открываются на средства Св. Синода 19 новых приходов; строятся 15 церквей; столько же причтовых домов; часть расхода, именно 43 тыс. руб., приняло на себя переселенческое управление. Однако, в виду огромного прилива переселенцев, эти затраты представляются прямо ничтожными; требуется общественная помощь – жертвы частных лиц. За короткое время число приходов епархии на местные средства удвоилось, но нужно, по крайней мере, открыть еще триста новых приходов, чтоб удовлетворить острую нужду, ибо и теперь есть приходы, в районе которых числится до восьми тысяч, по несколько отстроенных давно церквей при одном священнике в приходе. Еще менее поспевает за жизнью дело церковно-школьное. В настоящем году оказалось возможным наметить к открытию только девять новых школ со школьными зданиями; приняты меры к открытию с будущего года тридцати школ.

Огромная важность переселенческого движения в Томскую губернию ярко бросается в глаза. Необходимо заселить русскими нашу государственную границу по этой губернии: недаром мистические народные поверия, подслушанные Соловьевым и нашедшие место в его «Трех разговорах», указывают в конце мира, когда поднимется Китай, великую битву его с Россией между Бией и Катунью, «когда Белый Царь за пленен будет». Я, лично слыша это поверье, с уверенностью рассказываемое в разных селах Бийского и Змеиногорского уездов, когда проезжал их. Необходимо также как можно скорее устроить в земельном отношении алтайских инородцев, живущих оседло, на равных правах с русскими, не давая им преимуществ и не награждая утроенным количеством земли за инородческое происхождение. Это – вопрос огромной государственной важности, в котором тенденциозные и сантиментальные вопли не должны затемнять чувства справедливости к русским и ясности государственной мысли, напротив, нужно всячески усилить землеустройство и образование переселенческих участков в Алтайском округе. Здесь житница Сибири и России; значение ее не ниже, если не выше, северного Кавказа. В настоящее время переселенцы

являются пока потребителями местных продуктов, но много – через пять лет они будут их производителями. Не следует забывать, что и теперь, только за прошлый год, губерния дала отпуск продуктов от скотоводства, главным образом кож и масла, на 88 миллионов рублей, посему является вопросом первостепенной важности скорейшее проведение железной дороги от Бийска – Барнаула на магистраль, чтоб она прорезала, оживила и обеспечила развитием весь Алтайский округ, но так как хлебные и некоторые другие виды сырья не выдержат железнодорожных тарифов, то необходимо подготовить водные пути, удобные и дешевые.

По всей Сибири бьет глаза крайняя невыгодность экономических взаимоотношений, по которым вследствие отдаленности рынков и неудобств путей сообщения русский переселенец платит за нужные ему товары самые высокие цены, а свои продукты сбывает за самую низкую цену.

Очень тревожит страшное развитие повального воспаления легких на рогатом скоте, худшее, чем чума; это может обратиться прямо в бедствие, подрывая экономическое благосостояние народа, которое здесь, более чем где-либо, много зависит от скотоводства, в виду торговли продуктами скотоводства; кроме того, скот необходим для снабжения им огромного числа переселенцев. Необходимы решительные меры для борьбы с падежом скота.

Среди переселенцев особых болезней нет, уже по сей день вновь их пришло сто пятьдесят тысяч, не замедлят и остальные сто тысяч. Здесь теперь объезжает переселенческие районы Западной Сибири начальник переселенческого управления Григорий Вячеславович Глинка.

XII. Переселенцы Омской епархии

Сообщаю сведения о последней из больших переселенческих епархий – Омской, в которую входят области Акмолинская, Семипалатинская и некоторые уезды Тобольской и Томской губерний; остается посетить Тобольск, Оренбург и Уральск; но там переселенческое движение не поражает столь огромными размерами, как в Западной Сибири, в епархиях Томской и Омской. За два года Омская епархия увеличилась на триста тысяч человек; ожидается много еще в настоящем году; не надо забывать, что волна переселенцев, переваливая через Урал, прежде всего, естественно, занимает две ближайшие епархии – Омскую и Томскую. Скоро, несомненно, назреет вопрос об образовании особой епархии на юге из Минусинского, Бийского, Змеиногородского уездов, – этого требуют и миссионерские интересы, и крайняя обширность Енисейской, Томской и Омской епархий, в которых за три года осело около миллиона человек. Город Бийск имеет почти все, то нужное для особой епархии; славная Алтайская миссия отсюда будет действовать на соиотов Минусинского уезда и даже на родственных им и алтайским калмыкам инородцев, живущих в сопредельной Монголии, в приграничном районе; опыты такого влияния уже были, благодаря миссионерской ревности и прозорливости Томского архиепископа Макария. Кроме сказанного о миссии внешней, надобно иметь в виду задачи внутренней миссии, ибо вместе с переселением пришло сюда и сектантство; Омск становится центром его, степь Бельде-Гач заселяется баптистами; оживился старый раскол, так называемые киржаки, поляки, стариковщина – в Змеиногорском и Бийском уездах; таким образом, все говорит за создание новой южной епархии на границе Китая.

В настоящее время все важные для переселения места здесь посетил лично начальник переселенческого управления Г. В. Глинка, в сопровождении чиновников; особое внимание его было уделено вопросу по землеустроению киргизов. По его любезному разрешению мне удалось подробно осмотреть все учреждение, открытое здесь в связи с переселенческим движением, – это своеобразное обширное царство с самыми сложными и разнообразными нуждами, заботами и интересами.

Санитарное дело потребовало устройства больниц, амбулаторий, запасных отделений, аптечных складов.

Для передвижения по воде нужны барки, пароходы, – так что в Омске открыта особая переселенческая пристань; в течение года теперь уже

прошло водою по Иртышу вверх тридцать тысяч переселенцев, вниз – до 10 тыс. на Тару. Два года назад все годовое движение по воде не достигало десяти тысяч. Я посетил пристань: обращает особое внимание то обстоятельство, что переселенцы везут с собой во множестве плуги, сенокосилки, дорогие жатки, молотилки усовершенствованных систем; это переселенцы из Тавриды – люди состоятельные, и таких очень много.

Особо устроены переселенческим управлением свои склады земледельческих машин. За один минувший год продано крестьянам таких машин и орудий на пять миллионов рублей. Это знаменательный показатель. Самая главная заслуга таких складов состоит в том, что они нормировали цены на машины, создали конкуренцию частным фирмам, умерили их аппетиты; можно безошибочно сказать: не будь этих казенных складов, население вместо пяти миллионов уплатило бы частным, большей частью заграничным, фирмам не менее восьми миллионов рублей. Казенные склады широко распространяют машины русские, вместо заграничных, например, изделия пермских кустарей – молотилки, изделия вятских, нижегородских, уфимских кустарей – веялки, а также производства заводов Одессы, Екатеринослава. Заведующий здешними складами в конце лета отправляется на Дальний Восток: в Благовещенск, Хабаровск, чтобы там открыть по Амуру и Уссури такие же склады, используя опыт оборудования их по Омскому району. По всем отзывам, крестьяне удивительно быстро усваивают умение обращаться даже со сложными машинами.

Независимо от сего, здесь устроены обширные склады леса, продаваемого крестьянам по заготовительной цене, магазины продовольственного и семенного хлеба, оказавшие в прошлую весну незаменимую услугу населению.

В Тарском уезде открыты кустарные заводы для выработки дегтя и смолы, они очищают тайгу, открывая новые земли для переселения, кроме того, зимой дают переселенцам нужный заработок.

Огромные успехи дают опыты бурения колодцев, – теперь по американской системе устраивают полуартезианские колодцы бурением до 30 и 85 саж. глубины, раньше же бурение не превышало 10 саж. Благодаря этому найдена вода в таких местах и киргизских летниках, где никто о ней не подозревал. Результат: у природы отвоевано теперь двести тысяч десятин земли, прежде пустынной, теперь, благодаря воде, годной для переселения.

Вообще земля здесь, особенно в Акмолинской области, не уступает землям Херсонской, Екатеринославской губерний; это – теперь

установленный факт. Климатические условия и случайность урожаев не изменяют положения переселенца по сравнению, например, с жителем Екатеринославской губернии. Ярким доказательством этого служит то, что здесь поселилось девяносто тысяч неустроенных самовольных переселенцев; земли им еще не дано, ибо они устроились незаконно, посылая ходяков помимо землеустроительных комиссий, проживая по паспортам и занимаясь арендой земли. При всех жалобах на трудность жизни, когда им предлагают бесплатно отправить их на родину, они поголовно отказываются возвратиться, имея здесь хороший заработок и выгоды от аренды, что видно из сопоставления арендных российских и здешних цен: целинная земля в аренде стоит один рубль десятина, дает она сто двадцать пудов прекрасного ковыльного сена, причем цена под покос с десятины понижается до 60 коп., а под распашку не превышает рубля; правда, поднять такую землю десятина обходится до 10 рублей, но все окупается урожаями. Мятая земля ходит от 4 даже до 15 руб., и все-таки брать находят выгодным.

При таких условиях приобретает огромное государственное значение вопрос землеустройства киргизов: нельзя давать им по двести десятин на кибитку для поддержания кочевого быта, который сам собой, при заселении степей, падет, и тогда, подобно туркменам Ставропольской губернии, киргизы обратятся в помещиков, дающих землю в аренду русским переселенцам. Сами киргизы начинают понимать, что им выгодно теперь получать определенный земельный надел, обеспечивающий им полускотоводное, полугосподарское хозяйство; правительство твердо становится на этот путь, значительно раздвигающий переселенческое дело. Начальник переселенческого управления Глинка лично обследовал этот вопрос, осматривал первые опыты применения нового порядка, беседовал во многих местах с киргизами, – теперь часть земель будет отведена киргизам, часть обратится в оброчные статьи государства, и пойдет в аренду, а большая часть пойдет под переселение. За последний год возникли 187 новых поселков русских, положение которых, несмотря на тяжесть условий жизни в первое время и случайные эпидемии, теперь не только не внушает опасений, но сулит хорошее будущее. Следует пожелать только, чтобы правительственная система относительно землеустройства киргизов не менялась, не знала отступлений и исключений, – ради тенденциозных воплей и отдельных просьб отдельных личностей, всегда преследующих узкий, свой, а не государственный интерес; не твердость системы, а непоследовательность и исключения для отдельных лиц порождают недовольство среди

инородцев.

Санитарное состояние переселенцев удовлетворительно, процент заболевающих не выше, чем в России; жилищные нужды очень велики: новоселы первое время живут по квартирам, вследствие этого сильно поднялись цены на квартиры, создан особый квартирный промысел, поднялись цены на лесной материал и рабочие руки; по нужде живут в землянках, – это дает много заболеваний. При множестве лишений и неблагоприятных условий жизни, переселенцы поражают бодростью духа, отсутствием уныния, умением учитывать будущее. Часто слышишь: «Нам будет тяжело, может быть, скоро померем, но детям и внукам нашим хорошо будет».

Духовные нужды переселенцев велики: в прошлом году открыто до 40 приходских школ, теперь омское совещание, при участии начальника переселенческого управления, наметило 17 новых приходов, 6 церковных школ с построением церквей, причтовых и школьных зданий, о чем представлено Святейшему Синоду. Хотя движение в Семипалатинскую область меньше, но, в виду миссионерских целей, у Зайсана, около степи Белагач и на границе Каркаралинского уезда открыты три причта, кроме того, три разъездных причта переведены в другие районы, а на месте их прежней работы открываются причты постоянные! Работа переселенческих органов увеличится, если сильно двинется переселение в три северных уезда Семиреченской области, так как переселенцы направляются туда через Акмолинскую область.

XIII. Переселенцы в Тобольской губ.

Тобольск. Переселенческое передвижение в Тобольскую губернию выражено сравнительно слабо и направляется больше всего в южные части губернии, которые входят в состав епархии Омской. Собственно в Тобольской губернии, главным образом, Туринском, Тарском и Ишимском уездах осело семнадцать тысяч переселенцев. Очень тяжело устраиваться им в так называемых урманных местах; епархиальный отдел совещания о духовных нуждах переселенцев наметил постройку десяти церквей, открытие 7 новых приходов и семи церковных школ, о чем и представляется Св. Синоду. Особо переселенческая администрация вносит в смету довольно значительную – свыше ста тысяч рублей – сумму на церковные и школьные постройки. Санитарное состояние переселенцев удовлетворительно. Тиф в поселках Туринского уезда совершенно прекращается.

К 25-летию служебной и литературной деятельности В. М. Сковцова.

3-го сентября 1909 года исполнилось четверть века служебной, литературной и миссионерской деятельности Василия Михайловича Сковцова. Имя его известно всякому работнику церковному особенно работнику миссии, как имя автора многочисленных литературных трудов и издателя «Миссионерского Обозрения», «Колокола» и многих книг, которые давно стали настольными. В последнее время имя его еще более известно по тем бесчисленным нападкам, инсинуациям и клеветам, которые, можно сказать, ежедневно сыплются на В. М. Сковцова со страниц левых газет.

Уже одно это показывает, что в лице Василия Михайловича мы имеем далеко не рядового деятеля. Брань же левых газет, кроме того, почти всегда есть аттестация и удостоверение порядочности и честности того или другого общественного деятеля.

Начав службу в скромной должности преподавателя дух. семинарии, Василий Михайлович при графе А. П. Игнатьеве, бывшем Киевском генерал-губернаторе, был приглашен к нему на службу чиновником особых поручений со специальным назначением ведать дела о сектантах, которых тогда, под влиянием немецкой пропаганды и денежных субсидий от заграничных альянсов, появилось особенно много на юге России. С этого времени начинается особо напряженная литературно-миссионерская работа Василия Михайловича. Прежние тяжеловесные и многотомные работы и сочинения по миссионерству к тому времени частью устарели, частью были непригодны при новых условиях жизни. Василий Михайлович основывает свой особый журнал, сносится со всеми миссионерами России, издает мелкие листки и брошюры. Скоро он переносит свою работу из Киева в Петроград куда принимается на должность чиновника особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода. Здесь еще шире он ставит издательскую и литературную свою деятельность. Особенно много поработал он в памятные дни всеобщего возбуждения по поводу отлучения от Церкви графа Толстого. «Миссионерское Обозрение» в это время издавало целые книги, в качестве приложения и особых поручений, со специальной целью уяснения Толстовского зловерия и его обличения.

Начавшееся «освободительное движение» принесло много горя и лишений Василию Михайловичу. Его имя, как человека, близкого к

покойному К. П. Победоносцеву, стали безжалостно трепать разные газетные писаки, большей частью из своей же духовной братии, моментально из лакеев бывшего начальства обратившейся в лакеи начальства нового, т. е. наглой еврейской прессы. «Мисс. Обозрение» стало падать в числе подписчиков и давать убытки. Самое дело миссии подверглось и доселе подвергается глумлению и преследованию либерально-еврейских газет, достигших такого влияния, что преемник К. П. Победоносцева по обер-прокурорскому столу в Св. Синоде серьезно решил совсем упразднить миссию в Синоде и недвусмысленно показывал Василию Михайловичу свое желание совсем уволить его со службы. Величайшая, далеко не оцененная заслуга Василия Михайловича в эти дни всеобщего развала, когда духовенство совсем не имело руководящего органа, это – создание первой и пока единственной церковно-общественной газета «Колокол». Четыре года, посреди всевозможных нападков, ведет это свое детище Василий Михайлович. Тернистый путь газетного работника, редактора и издателя, страшные литературные затруднения, терзания духовные и все прочие тяготы, – все это может понять человек, только сам побывавший в этом положении. Шипение зависти, всевозможные сплетни о доходах газеты и даже субсидиях ей якобы у Св. Синода, – все это пускалось и пускается в ход, чтоб убить этот единственный орган правого воздействия на духовенство. И теперь материальные затруднения постоянно гнетут газету. Но, начав с небольшого количества подписчиков, «Колокол» достиг тиража почти в десять тысяч: количество, по условиям русской жизни, не малое. Энергия, вера и труды Василия Михайловича нравственно вполне удовлетворены, хотя материально, без пособий и субсидии, коими широко пользуются левые газеты от еврейских и масонских сил через посредство еврейских банков, газете и ее издателю подчас и теперь приходится очень трудно. Духовенство наше еще не объединилось и не прониклось сознанием необходимости действовать солидарно и прежде всего, поддерживать свой орган печати. Не умерла привычка действовать поодиночке, исключительно по личным соображениям, счетам и выгодам. Но, по-видимому, время это проходит, судя по многим и весьма знаменательным признакам. В деле пробуждения и объединения духовенства, на едином общецерковном и патриотическом подвиге, Василий Михайлович имеет несомненные и большие заслуги. Симпатичные личные качества его – незлобивость, кротость, отсутствие мелочных счетов – также привлекли к нему немало сотрудников.

От души приветствуем его в день четверть векового юбилея его

работы и сердечно желаем ему много и долго и плодотворно прожить еще для Церкви и родины.

На Царской страже. По поводу пятнадцатилетия царствования Государя Императора Николая II

«Я работаю за троих».

(Слова Государя Императора.)

В святой Библии, в книгах пророческих есть указание на то, что некоторые служения человеческие являются по преимуществу служениями благу народному; о человеке, который себя отдает такому служению, так и говорит Божественное Слово от лица Господа: «Я дал тебе стража народу Моему».

Таково по существу служение царское. Но есть цари, которым, по обстоятельствам времени, приходится нести особый, чрезвычайный подвиг труда, – подвиг неусыпной заботливости, постоянных тревог, забот, страданий за свой народ. Сказанное в полной мере приложимо к нашему кроткому и любвеобильному Царю-Самодержцу Государю Императору Николаю Второму Александровичу. Он Сам, недавно в случайно вырвавшемся слове, сказал о Себе: «Я работаю за троих»...

В настоящем 1909 году исполняется пятнадцать лет Его царствования. И если бы нужно было дать меткое наименование всему этому времени пятнадцати лет жизни и царственной работы нашего Царя, то иного не придумаешь: это, действительно, стояние на Царской страже.

Трудно вообще говорить о Царе. Он так превознесен пред Богом и людьми, Он так могуч и славен, что каждое слово в похвалу Ему может показаться лестью или угодливостью. Но на Руси вещей поэт, наш знаменитый А. С. Пушкин, оставил нам чудные строки своего стихотворения, в котором выразилась и любовь верноподданного, и достоинство общечеловеческое, и правдивость честного человека:

Нет, я не льстец, когда Царю

Хвалу свободную слагаю...

Так говорить поэт. И наша хвала Царю есть свободная хвала, свободное слово, изливающееся от любви к Нему, как к человеку. Да, Царь тоже человек. Да, и Его можно любить не только как Царя, помазанника Божия, представителя народа, как символ и олицетворение государствования, славу и честь России, – но Его можно любить, ценить, восхвалять как человека, христианина, как близкого всем нам труженика, который горит в подвиге на глазах у всей России.

И разве можно воспретить сердцу биться к Царю такою именно любовью? Разве можно положить молчание на уста? Но от избытка сердца

уста сами глаголят!

Да, пятнадцать лет царствования – это стояние нашего Царя на Его Царской страже! Ни удовольствий, ни развлечений, ни отдыха, ни личной жизни у Него не было, и нет! Все для дела, все для народа!

За все эти годы царствования каждый день – занятия делами государства, приемы, беседы, выезды, смотры войск, посещения различных учреждений и лиц, поездки в отдаленные страны ради блага Русского государства! Заботы об огромнейшей в мире Империи, заботы и тревоги по выдвинувшимся нуждам, по самым важным вопросам мировой жизни – о Великом океане, о Дальнем Востоке, об отношениях к Китаю, к Японии, к Германии, к Франции, Англии и Италии; тяжкая война, тяжкая революционная смута в народе, злодейства врагов России, покушения на жизнь Царя и Его слуг, а рядом и в это же время ни на минуту не прекращающиеся обычные, текущие государственные дела, ежедневные и ежечасные: обдумывание то торгового договора, то какого-либо закона, то внутреннего устройства крестьянства, то нового преобразования, то доклада министра, то обучения войска, то улучшения флота. И за всем надо поспеть, и везде нужно быть, и всем надо указать, ответить! Как выдерживает сердце все эти тревоги, заботы, неизбежные огорчения и волнения?! Как хватает времени на все эти труды?!

А между тем наш Царь Батюшка всегда ласков, прост, доступен, всегда готов откликнуться на всякое дело.

За троих ли только Ты работаешь, наш дорогой Печальник?

Нет, и десятерым не вмочь поднять все это бремя трудов! Каждый день слышим и читаем: Государь на отчете губернатора написал такие-то слова, на телеграмму или просьбу дал такой-то ответ; то Он выехал, то многих у Себя принимал по делам, то Сам изволил обратить на то или другое дело Свое внимание. Откуда же берутся силы, откуда берется внимание?

Сила Божия поддерживает Тебя, Царь Батюшка! Любовь да молитва народная охраняют Тебя, так что Ты не знаешь в труде устали! Любовь Твоя к народу, сердце Твое, что бьется за царство Твое, дают Тебе силы на царственный труд!

Без любви к Богу, к народу, к своему делу Царскому не трудился бы так наш Государь: не выдержать одному человеку такого напряжения. Так мать около ребенка любимого дни и ночи не знает покоя, и бодрствует над ним, и голубит, и хранит его покой и жизнь, и не ведает усталости. Но на это дает силы только великая и чудесная, святая материнская любовь.

Такая же святая и чудесная любовь, такой же труд и подвиг и у Царя

нашего на Его Царской страже, охраняющей покой и жизнь Русского народа.

Рассказывают люди, недалеко живущие от Царского дворца: поздно-поздно гаснет огонь в Царской рабочей комнате, и Он переходит в опочивальню. Но темные окна не раз еще освещаются на короткое время во тьме ночной: то Государю приносят ночью срочный вести, срочные и важный телеграммы, и Он следит за всем, что делается в Его царстве и в часы глубокой ночи...

Меняются часовые в Его дворце уставной чередой: они так и называются часовые, потому что стоят на страже известное число часов. А Царь – бессменный Страж на посту Своем, и дневной, и ночной Печальник!..

Храни Тебя, наш Родимый, наш Желанный, храни Тебя сила Господня в здравии и благополучии! И дай, Боже, Русскому народу на многие-многие лета, до глубокой и маститой старости нашего любимого Государя, до последних пределов человеческой жизни Его, под Его Царской стражей благоденствовать и благословлять Имя своего Царя-Отца, Божьего Помазанника!

1910 г.

1 января 1910 года

Три года назад в передовой новогодней статье мы, по предположениям и аналогиям с прошлым, наметили последовательный ход событий в церковной жизни нашего отечества. Тогда мы наперед указывали на то, что жар революционных выступлений скоро остынет, политический интерес скоро принизится, и в основе жизни русского народа снова выступят забытые на время вечные начала веры, богоискания и богоугождения. Тогда, говорили мы, пастырству нужно будет стать во всеоружии, чтобы направить пробудившийся религиозный интерес народа в Русло церковной жизни. Иначе, явится сектантство и, подобно Толстому в восьмидесятых годах минувшего столетия, пожнет плоды возродившегося религиозного движения и запросов религиозной совести и даст народу горшее зло, чем сама революция.

Мы и сами не ожидали, что слова наши так скоро сбудутся перед нами теперь, после революционных эксцессов, после смрадного потока порнографии, после эпидемий убийств, после всех ужасов, к которым естественно приводили притупление православного чувства и проповедь социализма, – перед нами несомненное оживление религиозных запросов и исканий как внутри Церкви, так равно и вне ее, т. е. в сфере, враждебной и Церкви, и всякой религии вообще. Еще так недавно Москва и Московская епархия, в сущности, не знали сектантства: ныне оно разливается широкой волной и требует и борьбы, и труда, и напряженных всех сил от пастырей. Но все это – только начало болезням... Самый раскол старообрядчества, эта застарелая болезнь нашей церковной жизни, теперь принимает резко, и заметно совершенно новое направление: его руководители – обычного типа «прогрессисты» политической окраски; его апологеты гораздо охотнее возвращаются в области различного рода неосторожных и в пылу спора и угара 1905 года высказанных суждений Предсоборного Присутствия, чем в старообрядческих книгах. В качестве личного мнения, которое проверим тоже года через три, если будем живы, позволю себе высказать, что многие раскольники будут разочаровываться в своей «старой вере», но, оставляя ее, будут пополнять не ряды православных и не единоверие, а шундо-баптизм. Как это на первый взгляд ни странно, но факты истории не раз подтверждают возможность и даже необходимость такого явления и резких переходов от одной крайности в другую. Наглядный пример хотя бы в известном Даниле Филипповиче, который, побросав все старопечатные книги в реку, как ненужные, не

ушел, однако, в православие, а создал секту хлыстовщины. От крайности внешней обрядовой стороны веры, возведенной в догмат, один шаг до утверждения, что «Церковь не в бревнах, а в ребрах», ибо крайности всегда сходятся.

Сектантство наступает гигантскими шагами. Недавно нам доставлены письма, получаемые православными солдатами, писанные им с родины. Со всех концов России шлют в полк родные и братья то евангелия с подчеркнутыми местами, нужными для сектантов, то брошюры и сектантские катехизисы, то прямо письма и обращения с призывом оставить православие и идти в баптизм. Благовещенск, Омск, Одесса, Киев, Ростов-на-Дону, Поволжье и обе столицы делаются видными центрами сектантства. Ежегодно мы видим здесь многолюдные баптистские съезды. Десятки журналов издаются сектантами. Баптизм обнаруживает совершенно явную тенденцию слить все секты воедино и подготовить реформацию в России. «Евангельский союз» уже действует нескрываяемо в этом Направлении; речи Львова в Государственной Думе по вероисповедным вопросам представляют буквальное повторение постановлений сектантских съездов; думских священников зовут откровенно на обсуждение вопроса о реформации, а наши собственные церковные «обновленцы» давно уже уловлены в эту предательскую сеть и уже на пути к протестантству.

В довершение всего, с одной стороны, мы читаем Указ Св. Синода «О мерах для противодействия сектантскому натиску на православную Церковь и православное население», а с другой стороны, по местам даже от деятелей миссии слышим о том, что пока все благополучно, опасности нет, а сектанты-де даже – хорошие и добрые люди... и тому подобные слащавые сантименты...

Между тем, зло разливается, и скоро не будет прихода в центральной России, где бы ни пришлось священнику стать лицом к лицу с новым и неведомым врагом – с сектантством.

При таких-то обстоятельствах необходимо теперь духовенству сплотиться около братских союзов для защиты Церкви. Такова задача Братства Воскресения Христова в Москве, отделы которого следовало бы иметь по возможности при всех приходах. Оно вызвано назревшей нуждой времени. Такова задача и открываемых братств трезвости, уставы коих разосланы по всем приходам. Если Церковь не возьмет дела трезвости в свои руки, оно обратится и уже обращается у сектантов – братцев и баптистов – в оружие борьбы против Церкви. Усиление миссионерской деятельности и подготовки духовенства предусмотрено теперь особыми

назначенными для духовенства курсами систематического опровержения сектантства и социализма, предположенными к осуществлению в 1910 году, по постановлению последнего епархиального съезда. Но всего более необходимо, по-нашему глубоко и убежденно, положительное учительство в храме⁹⁰ и развитие народной религиозно-нравственной литературы. Для последней цели учреждается в Москве особое издательство, основы коего уже выработаны; в текущем году Св. Синодом, может быть, будет утверждено положение об этом издательстве. Вот вопрос – в людях. Они есть, несомненно, но где и как найти работников и как их сплотить? Вот вопрос животрепещущий и трудный. Неужели грозная опасность для Церкви не вызовет к сплоченной деятельности духовенство? Мы верим, что назревает момент такого объединения в братствах, живых и деятельных, которое посреди современного развала общественного, когда потеряны знамена, около которых в прежнее время едилилась наша родина, поднимете вечное и единственно достойное великого народа с великим будущим знамя – святую православную веру и Церковь.

Еже буди, буди!

Пастырские курсы в Москве

В «Церковных Ведомостях» в свое время были опубликованы правила учреждения пастырских курсов в Москве, имеющих целью быстро подготовить священников для переселенческих приходов Сибири и Дальнего Востока, в виду отсутствия пастырей на месте. Разумеется, можно много, очень много рассуждать о необходимости образованных священников в наше время; можно, и притом с полной справедливостью, доказывать, что при современных требованиях, предъявляемых к священнику, даже и курс духовных семинарий для священника узок, и хотелось бы иметь всех пастырей с высшим образованием. Кто этого, в самом деле, не пожелает? Но когда с 1906 года ежегодно переходит в Сибирь по 700 000 переселенцев, а на месте духовных семинарий нет совсем (Чита, Владивосток, Омск, Верный), а из существующих семинарий (Благовещенск, Иркутск, Красноярск, Томск) выходят в год по 2–3 священника, то вопрос сводится лишь к тому, чтобы дать священников для переселенцев хоть сколько-нибудь подготовленных; надо же совершать самые неотложные таинства и службы, надо питать заброшенных в дальний край хотя бы млеком учения Христова...

Сообщены были в свое время сведения о программе учебных занятий и о порядке жизни слушателей курсов в общежитии, участии их в богослужении, проповеди и т. п. Предполагалось как можно чаще давать известия на страницах «Церковных Ведомостей» о том, что делалось на курсах, и как велись занятия. Но пришлось поместить в «Церковных Ведомостях» только одну заметку в начале занятий, посвященную этому вопросу, и прекратить до времени печатание других известий. Вызвано это было, главным образом, тем обстоятельством, что с первых же дней ведения курсовых занятий дело представилось необыкновенно трудным, и трудности его возрастали с каждой неделей. Все было ново для руководителей курсов; выяснилось множество таких сторон и подробностей жизни, которых невозможно было предусмотреть и которые постоянно отклоняли в сторону течение занятий, как оно предполагалось по общему первоначальному плану. На курсы поступили семейные люди, оставившие жен и детей дома, люди пожилые, – были курсисты 40, 45, даже свыше 50-ти лет, с которыми нужно было установить такие отношения, какие немислимы при учебном распорядке обычного типа. Жизнь в общежитии монастыря, посещение довольно отдаленной аудитории в Епархиальном доме (40 минут ходьбы), болезни и

недомогания, естественная и вполне понятная нервная повышенность слушателей, усталость, известия от семейных, оставленных на местах службы, иногда очень резко влиявшие на психику слушателей, случайный злобные выходки в левых газетах против курсов, в роде лживых заметок расстриги Огнева, – все это постоянно заставляло, так или иначе отступать от первоначального плана занятий на курсах, все это постоянно так влияло на жизнь и настроение курсистов и на самое ведение дела, что у руководителей иногда опускались руки и терялась уверенность в завтрашнем дне. Вот почему прямо невозможно было вести спокойно летопись курсов на страницах «Церковных Ведомостей», сообщать о плане работ, о видах на будущее и т. п. Слишком живое и слишком новое было дело. Славу Богу, все по Его милости, окончилось хорошо и благополучно, а многое, что поначалу казалось опасным и вредным, на самом деле послужило даже к пользе дела!

Особенно это нужно сказать о нападках левых газет: слушатели, из которых многие, по их собственному сознанию, воспитались на чтении дешевой «Биржевки», верившие газетным сплетням, на себе и воочию увидели, как изощрялись во лжи разные «Руси», «Речи» и даже quasi-правые «С. Петербургские Ведомости» (доходило до известий о том, что слушатели все разбежались, или что курсы закрыты, в то время, когда занятия шли непрерывно и ни один человек из слушателей не уходил с курсов. Ничто не помогло руководителям курсов так излечить слушателей от доверия «прогрессивным» органам печати, как сами эти органы!..

Прошений и заявлений лиц, желавших поступить на пастырские курсы, оказалось значительно больше трех тысяч. Из этого множества нужно выбрать 100 кандидатов, по своему положению наиболее подходящих к служению в Сибири. Избраны лица, главным образом, малосемейные или не имеющие детей не в школьном возрасте; десять оказались холостыми. Диаконьки, псаломщицы и учителя церковных школ распределились почти в равных частях. Занятия начались, как и было предположено, 15 октября и закончились 15 февраля. По необходимости приходилось дорожить временем, и поэтому занятия нередко происходили по праздникам, а вечерами ежедневно и непрерывно; всего было по 7-ми лекций в день. По той же причине нужно было и в учебном материале избирать только главное и существенное, многих вопросов только касаться, многое только намечать, имея главным образом в виду дать слушателям необходимый синтез богословских знаний, показать им внутреннюю связь всех отраслей богословского ведения, развить в слушателях интерес к самообразованию и научить их ориентироваться в

учебниках и учебных пособиях. Книгами слушатели были снабжены очень щедро и в этом отношении не могли пожаловаться на какое-либо лишение. Учебные предметы, проходимые на курсах, были в свое время поименованы в проспекте занятий на курсах. Сверх них дано несколько лекций по русской истории, по новой русской литературе, по архитектуре дерева, со сведениями о том, как нужно обращаться с деревом при постройках. Особо курсистам в течение двух дней самим начальником переселенческого управления и одним из его чиновников были сообщены сведения о переселенческом деле (с картами, диаграммами, со световыми картинками). Известный общественный деятель кн. А. Г. Щербатов сделал сообщение о приходе и его устройстве с точки зрения верующего и церковного мирянина. Священник Д. Аллеманов, сверх уроков пения и спевков, устроил два исторические вечера, на которых ознакомил слушателей курсов и многочисленных приглашенных гостей из интересующихся церковным делом (было до 2 000 посетителей) с историей церковного пения в России, особенно с эпохами иноземного влияния XVIII–XIX веков, и русско-народного направления в хоровом пении XIX–XX вв.

К теоретическим занятиям, которые велись путем бесед в аудитории, примыкали и практические: слушатели четыре раза в неделю сами совершали богослужения, проповедовали ежедневно, а в праздники расходились по церквам всей Москвы для проповеди за ранними литургиями, причем раздавали листки для народа, в коих большей частью была помещена та самая проповедь, которую они произносили. Таких листков роздано было до 500 000. Поздние литургии по праздникам, – чаще всего архиерейским служением, – совершались в церкви Епархиального дома, причем проповедь произносилась заведывающим курсами.

К такого же рода занятиям примыкали и частые, почти еженедельные, многолюдные (бывало свыше 3 000 человек) собрания различных церковно-просветительных и благотворительных обществ: Миссионерского Общества, Палестинского Общества, Братства Петра-митрополита, благотворительного Братства святителя Алексия, Братства Воскресения Христова, Общества религиозно-нравственного воспитания детей и др. Братство Воскресения Христова устроило для слушателей курсов четыре собрания. Здесь слушатели курсов выступали то в качестве гостей, то в положении участников и, наконец, руководителей собраний, говорили речи, делали доклады, приучались к многолюдным собраниям и к тому, как действовать в приходской жизни на общественном начале.

Собрания эти были в полном смысле и новостью, и прекрасной школой для курсистов. Здесь же они познакомились с деятельностью и организацией различных обществ, с их отчетами, руководителями и проч. Это, несомненно, расширяло их кругозор.

Другое место их деятельности и практического приготовления к пастырству, это – миссионерские беседы с сектантами и раскольниками, а также чтения в Историческом музее для рабочих. Миссионерские беседы велись в четырех пунктах Москвы и служили дополнением и иллюстрацией к теоретическим лекциям по истории и обличению раскола, сектантства и социализма, которые они слушали в аудитории. Для руководства в деле ведения бесед и чтений, особенно со световыми картинками, слушателям даны особые указания в особо посвященных этому вопросу лекциях о. Богословского. Наконец, каждый слушатель получил небольшую, но хорошо устроенную аптечку Келера (в обычной цене по 7-ми руб.) для подачи медицинской помощи в приходах.

Немалое значение для слушателей имело посещение Троицкой лавры, Ново-Иерусалимской обители и достопримечательностей Москвы (Кремль, его соборы, ризница патриаршая, палаты, музеи и т. п.). Все это важно было и в смысле обогащения их познаниями, и в смысле воспитания их духа в священной любви к России и ее прошлому, к Церкви русско-православной, столь богатой в прошлом носителями благодати и святости.

К концу занятий на курсах выяснилось, что в Сибири имеется до 150 свободных приходов; из них некоторые, за отсутствием священников, стоят без богослужений по несколько лет. Открыто на 1910 год новых до 110 приходов для переселенцев. Преосвященные Сибирские отнеслись к курсам в высшей степени участливо и с большим доверием; они согласились на рукоположение слушателей курсов вслед за окончанием их занятий, и притом в Москве, где двенадцать епископов, из коих восемь проживают на покое в различных монастырях, очень скоро, в две недели, совершили рукоположение слушателей, чтобы ускорить их прибытие в Сибирь.

К 14 февраля прибыл товарищ обер-прокурора Святейшего Синода и председатель особого Высочайше-утвержденного совещания об удовлетворении духовных нужд переселенцев в Зауральских епархиях сенатор Рогович; в присутствии его совершены были архиерейским чином всенощное бдение, литургия и благодарственный молебен, с участием и при пении слушателей курсов, которые за всеми службами произносили проповеди наизусть. Вечером 14 февраля Братство Воскресения Христова устроило слушателям прощальный вечер, причем выяснилось, что на

призыв Братства к церквам, монастырям и частным лицам оказать помощь переселенческим храмам и приходам поступило более 2 000 икон, сотни риз, подризников (более 100 новых), ценные предметы утвари церковной. Вещей поступило так много, что пришлось для отправки их взять особый вагон, с правом остановки его в епархиальных городах для передачи вещей епархиальным отделам особого совещания.

В последний день занятий на курсах, 15 февраля, слушатели помолились в Знаменском монастыре, где они прожили четыре месяца, перед иконой Знамения, родовой святынею Дома Романовых (рядом и палаты бояр Романовых), которую оставил в созданной обители святейший патриарх Филарет Никитич. В этот день служил заведывающий курсами, один, без диакона, только в присутствии слушателей. Прощальная молитва и последнее собеседование сжившихся между собою и слушателей и их руководителей – все совершилось по-семейному, и было исполнено задушевной простоты и высокого умиления.

Засим была предложена общая трапеза, совершенно обычная, какая была всегда для слушателей в монастыре; на ней присутствовали преосвященные и почетные гости. Слушатели выразили руководителям в особом адресе благодарные чувства и поднесли святую икону Спасителя, Пастыреначальника Христа.

Нельзя не отметить особого внимания к курсам со стороны московского православного общества и представителей высшего церковного и гражданского управлений. Занятия на курсах почти ежедневно кто-либо посещал: владыка-митрополит, московские преосвященные, проезжавшие через Москву деятели Сибири, прибывшие из Петрограда чины переселенческого управления, представитель председателя Совета Министров, многие почетные духовные и светские лица. Ко дню окончания курсов слушателей и руководителей приветствовали Святейший Синод, обер-прокурор, председатель Совета Министров, главноуправляющий Министерством Землеустройства и Земледелия, начальник переселенческого управления.

Попечителем и высшим руководителем курсов был Московский митрополит Владимир, который относился к курсам, как действительный попечитель. Он нашел не мало и местных материальных средств для их поддержания. Лекторами, кроме заведывающего, были: архимандрит Макарий, священник И. Васильев, больше всех потрудившийся, как помощник заведывающего курсами и делопроизводитель канцелярии, выросшей, вследствие множества поданных прошений, до больших размеров; миссионер о. И. Полянский, И. Г. Айвазов, Б. В. Назаревский, г.

Струков, протоиерей К. Марков, священник Д. Аллеманов. Отдельные лекции читали: протоиерей Х. Максимов, о. Д. Богословский, князь А. Г. Щербатов и другие. Архимандрит Модест, настоятель Знаменского монастыря, много послужил в деле внешнего устройства курсов.

В настоящее время 105 слушателей курсов уже рукоположены и отправляются в Сибирь и на Дальний Восток. Святейший Синод щедро дал им пособие на проезд.

Должен заключить свое краткое сообщение свидетельством, что религиозное настроение, трудолюбие, исправность в работах и нравственная сторона жизни слушателей ни разу и ни у кого не вызвали никакой жалобы и ни единого отрицательного замечания. Все это и сказано было в моей первой прощальной речи к слушателям, и все это еще раз с глубокою благодарною любовью к ним я обязуюсь подтвердить и в этих строках, посвященных курсам.

Переселенцы в Туркестане, Семиречье и Семипалатинской области (Телеграммы с пути в 1910 году)

I

Объехал Туркестан от персидской границы до северных пределов Сыр-Дарвинской области. Переселение сюда официально закрыто; однако, никакие запреты не могут сдержать стихийного движения переселенческой волны в край, в котором русский человек инстинктивно ищет привольных условий жизни и действительно может их найти. Неправда, что русский крестьянин неспособен жить и работать в здешних условиях землепользования и обработки высших культур.

Я лично видел крестьян, отлично справляющихся с арыками и прекрасно возделывающих хлопок, давший, например, в прошлом году до пятисот рублей дохода с десятины. Одни солдаты, служившие здесь и присмотревшиеся к поливным полям и богарным (неполивным) посевам и затем охотно здесь остающиеся на службе частной и еще охотнее на отдельной земле, могут дать прекрасный колонизационный материал, важный, сверх того, и в стратегическом отношении. В поселке Гродковском, Закаспийской обл., поселили 80 таких семейств только год назад. Они теперь уже отлично разбираются в условиях местного хозяйства, имеют хорошие хлопковые плантации.

Буквально тысячами семейств направляются сюда самовольные переселенцы. Их не могут остановить никакими препонами и принудительными мерами. Довольно беглого взгляда на этот край, чтобы видеть огромную его колонизационную емкость, по крайней мере, десяти миллионов десятин, и это при условии охранения премии киргизам и сартам за их инородческое происхождение, в виде бесконечных за ними ухаживаний, отстаивания их интересов и снабжения их такими земельными наделами и угодьями, о коих русский переселенец не смеет и помышлять. По древнему здесь закону и обычному праву, хозяином земли является тот, кто ее оросил и тем призвал к жизни. Поэтому по праву и по правде, следует все на средства казны вновь орошаемый земли, сразу же после того обычно дающие прекрасные урожаи, отдавать русским переселенцам хотя бы за определенную плату, а не сдавать их в аренду по конкурсу цен, как делается теперь. Здесь дело не коммерческое, а высшей государственной важности. Пересмотр законов в этом смысле

настоятельно необходим.

Необходимо внести полностью в край и переселенческую организацию. Доселе и в удовлетворении духовных нужд новоселов держались правил, по коим в поселки самовольцев нелегализированных не считали возможным назначать причты. Взгляд глубоко ошибочный, свидетельствующий о непонимании существа попечения Церкви о своих чадах. Церковь несет слово молитвы, утешение, просвещение не только в храмы нелегализированных поселков, но и в тюрьмы, и в каторги.

Теперь намечены в южном Туркестане 12 новых приходов. Часть их – в нелегализированных поселках. 4 такие же прихода открыты в апреле, и там уже служат священники с пастырских Московских курсов, с походными церквами, весьма удобными. Им пришлось крестить детей пятилетнего возраста, принимать в лоно Церкви отпадших, ушедших в молоканство, чтобы найти какую-либо веру и молитву. Лично мне пришлось выслушать в одном из посещенных мною поселков горькие сетования на то, что умерли два младенца без крещения.

Высшая администрация края теперь не препятствует назначений причтов в поселке самовольцев. Если нельзя по условиям земли устроить постоянной церкви, то можно обходиться походными церквами, весьма удобными. Такая церковь стоит всего триста рублей. Жертвователи, направляя такую сумму в хозяйственное управление Синода, окажут воистину великую услугу переселенцам.

Отсюда отправляюсь в Семиречье, уже открытое для переселения.

Со станции железной дороги «Арыс», где образовался уже большой самовольческий поселок, проходит до 25 тысяч переселенцев, получивших на то разрешение, и до 30 тысяч самовольцев.

Будем надеяться, что к скоро грядущему дню 50-летия завоевания Туркестана мы увидим, что русский народ приобрел этот край для России и русских целей, а не для мечтательного служения отвлеченным идеям космополитизма и через это практическим идеалам инородцев. Этого требует и благо самих туземцев, которые не перейдут на оседлый быт, пока здесь не сядут прочно русские люди. Этого требуют и государственная польза и безопасность, ибо рядом, в западном крае, куда на Кульджу проводят китайцы железную дорогу, могут неожиданно собраться тучи, загремят громы, засверкать молнии. Положение наше здесь не менее важно, чем на Дальнем Востоке.

II

Дело переселения в Семиреченской области совсем новое, поэтому требует особого внимания правительства и общества.

Устройство переселенцев ведется в Семиречье усиленным ходом. Во всех шести уездах к настоящему времени местной переселенческой организацией образованы 40 новых поселков, в которые уже водворены около 25 тысяч переселенцев; кроме того, заготовлен новый колонизационный фонд общей площадью свыше полмиллиона десятин, на которых также производится водворение наличных переселенцев. Наряду с этим, однако, повсеместно оседают самовольные выходцы из Европейской России, а также из сибирских губерний и областей. Таких самовольцев в настоящее время зарегистрировано свыше семидесяти пяти тысяч; но далеко не все прибывшие регистрируются, предпочитая устраиваться до времени самостоятельно на арендованных землях или просто захватным способом образовывая во множестве так называемые самовольческие поселки.

Переселенцы из внутренних европейских губерний, большей частью южане – крепкий, надежный элемент, оседают удачно, устраиваются зажиточно; выходцы же из сибирских губерний, где они уже были однажды водворены на казенных землях, составляющие 30 проц. общего числа водворяемых, – это отбросы переселенческого движения в Сибирь. Они во всех отношениях неблагонадежны, нежелательны, ибо устраиваются плохо и лишь засоряют благоустраиваемые поселки.

Из шести уездов – три: Копальский, Джаркентский и Пржевальский открыты для организованного переселения из внутренних губерний Европейской России на 12 000 душ мужского пола. В эти уезды, главным образом Копальский и Пржевальский, уже прибыла часть ходоков, из коих, однако, некоторые ушли, не зачислившись на участки, исключительно вследствие неудачного подбора ходоков землеустроительными комиссиями и неблагоприятных, трудных условий путей следования с юга, за отсутствием железной дороги и хороших грунтовых путей.

Участки, заготовленные для организованного переселения, качественно безукоризненны. В частности, в Копальском уезде, в многоземельной Алтын-Емельской волости, изобилующей в излишке совершенно свободными землями, не требующими для

земледелия полива, заготовлены для организованного переселения прекрасные богарные участки. Проезжая через них, я любовался превосходными землями, расположенными здесь. Удивительно, что они до сего времени оставались в киргизском владении, между тем, как киргизы почти не пользовались ими, а если и пользовались, то лишь, между прочим, для ничтожного скотоводства и кратковременных стоянок во

время летних перекочевков в горы. Таких мест, однако, здесь много осталось у киргизов еще и теперь.

Переселенческая организация стремится к скорейшему заселению надежным русским элементом Чуйской и Илийской долине и других путей, которыми следовали некогда восточные народы в эпоху Великого переселения, направляясь стихийно с востока на запад, а также далекого пограничного с Китаем Нарымского края, видя в этом могучее и верное средство для защиты страны со стороны соседнего Китая. Этими именно путями некогда шли народы с востока на запад, почему они являются историческими, проторенными и требуют к себе особого внимания со стороны России, так как одно лишь заселение сильным, в культурном отношении, русским элементом может при современном пробуждении на Востоке предотвратить наступательные движения восточных народов вновь по этим же путям, в настоящее время совершенно не защищенными.

В колонизационном отношении этот край, почти совершенно оторванный от Европейской России и отделенный от нее громадными расстояниями, благодаря удивительно благоприятным природным условиям, представляет собой непочатый уголь, манящий к себе русских людей со всех концов обширного русского государства. С проведением железнодорожного пути и по мере колонизации, этот край обещает быть в будущем богатейшим и цветущим. Здесь могут устроиться и обрести свое благополучие многие сотни тысяч русских.

Переселенческая организация в лице местных чинов ведет дружную и большую работу, заселяя край русскими людьми, но по сравнению с необъятными пространствами и поставляемыми жизнью предначертаниями, силы ее совершенно недостаточны. Особенно ощущается недостаток межевых и землеотводных чинов, число которых необходимо значительно усилить.

Со стороны главного начальника края ген.-лейт. Самсонова и военного губернатора Семиреченокой области ген.-майора Фольбаума работы переселенческой организации встречают полное, широкое сочувствие и содействие; уездная же администрация по местам, видимо, еще не вполне освободилась от киргизофильских тенденций и нередко склонна тормозить дело колонизации.

Настроение киргизов совершенно спокойное. Хотя изредка и встречается среди них оппозиционное настроение против землеотводных работ для нужд колонизации, но, во-первых, оно, говоря вообще, совершенно ничтожно, а, во-вторых, если имеет место, то исключительно под влиянием зловердной агитации непрошенных и ложных защитников

каких-то киргизских прав, совершенно не считающихся с действительными правами русских, как представителей господствующего народа в великом русском государстве. Странно, что эти антирусские идеи находят себе нередко сторонников, – далеко не всегда, правда, бескорыстных, – и среди лиц, от которых, в виду их положения, следовало бы ожидать этого меньше всего.

Среди киргизов повсеместно более и более замечается стремление к переходу к оседлой жизни на крестьянском положении. Многие ходатайствуют о поселении их кишлаками, т. е. поселками, и наделении землей наравне с крестьянами-переселенцами, причем нередко и ходатайства о приписке к русским селениям, с отбыванием всех повинностей наравне с русскими.

Несмотря на щедрое обеспечение землей киргизов-кочевников, которым оставляется земли в три, даже в четыре раза больше, чем отводится русским переселенцам, в Семиречье имеются громадные излишки как богарных, так и поливных земель, вполне пригодных для немедленной колонизации. Везде масса свободных земель, не требующих полива, но еще больше нуждающихся в искусственном орошении. Как из первых, так и из вторых необходимо теперь же, не откладывая дела в долгий ящик, образовать колонизационный фонд, приступив одновременно к ирригационному строительству на широких государственных началах.

Быстрое образование значительного числа новых переселенческих поселков, естественно, вызывает потребность и скорейшего построения церквей и церковных школ. В области всего только два разъездных причта, обслуживающие более двадцати переселенческих поселков, разбросанных на громадном расстоянии один от другого. Один из них в Пишпекском уезде, другой – в Нарымском крае. Новоселы всюду настойчиво просят о скорейшем оказании им, зачастую заброшенным в горах, нравственной духовной помощи, которой они теперь большею частью лишены. Соповещанием, бывшим в Верном под председательством местного епископа преосвященного Димитрия при участии моем, губернатора и переселенческих чинов, сверх приходов, открытых в южной части Туркестана, предположено учредить 8 разъездных причтов, и намечены к открытию 12 новых постоянных приходов. Кроме того, тем же совещанием намечены шесть местностей для образования в них монастырей, как культурных и духовных центров будущей широкой колонизации края.

Такое положение внушает уверенность в том, что дело колонизации Семиречья становится на правильный путь, идя которым оно может дать в

недалеком будущем вполне осязательные и полезнейшие результаты.

III

Семипалатинской областью я закончил объезд мест переселенческого движения, не посещенных мною в прошлом году. Земли для переселения – огромные пространства, до 45 миллионов десятин. К сожалению, на агрономическое исследование обширного края отпускается всего 13 тысяч руб., – сумма, половина которой идет на содержание личного состава служащих. Вследствие этого получают прискорбные явления; так, поселки у Джильтау, числом 12, три года назад поселены были столь неудачно на высоте 4 тысяч футов, что теперь они разбрелись в разные стороны. Пришлось даже закрыть там, равно на озере Маркакуль, специально для переселенцев открытые причты.

Каркаралинский уезд, пространством 12 миллионов десятин, совсем не обследован; только в нынешнем году посылается туда почвенно-ботаническая экспедиция.

В Семипалатинском уезде необследованных земель пять миллионов десятин. Все побережье Иртыша известно только небольшими участками.

Больше всего устраиваются переселенцы в Павлодарском уезде, все-таки на правом берегу. Уезд имеет 10 миллионов десятин земли. Здесь через 4 года новые поселки уже имеют зажиточный вид.

То же надобно сказать об уезде Устькаменогорском, где поселки можно назвать прямо богатыми.

К глубокому прискорбию, инструкция 1909 года об устройении быта киргизов, требующая давать киргизам сверх обильного Количества пастбищной земли еще и запасы земли пахотной, в размере надела русских переселенцев, на случай возможного будущего перехода киргизов к оседлости, – уже теперь положила конец русскому переселению. Ясно, что инструкция имеет значение академическое, ибо совершенно неизвестно, как сложится в будущем быт киргизов. Между тем, практические последствия ее едва ли благоприятны. Устькаменогорский, а также Зайсанский уезды, как пограничные и важные в стратегическом отношении должны быть заселены, прежде всего.

В Зайсанском уезде важнейший вопрос гидротехнический. Здесь, по-видимому, вполне возможно при надлежащих оросительных работах разведение хлопка, богатых фруктовых садов и винограда. Для выяснения этого вопроса доселе не сделано никаких опытов. Между тем, в случае, если указанные, весьма вероятные, предположения оправдаются, мы стоим накануне буквально экономического переворота и обогащения огромного заброшенного края, привлекавшего доселе только казаков Сибирского

войска, истреблявших до невероятности хищническими, прямо варварскими способами рыбу в Зайсане и Черном Иртыше во время икрометания. Рыболовство, вследствие такого хищничества, теперь подорвано в этом озере, где рыбные богатства еще так недавно были прямо баснословными.

Разрешение вопроса об ирригации уезда осложняется не только скудостью отпускаемых средств, но и недостатком знающих дело людей.

Учебных заведений для их образования нет; приходится учиться долгим опытом, путем многих ошибок. Вопреки общераспространенному в Европейской России мнению, киргизы оказываются плохими ирригаторами; они пользуются старыми арыками, проведенными очень давно еще джунгарами, но и эти оросительные работы очень несовершенны. Случается, что на площади, где при хорошем орошении можно использовать тысячу десятин, оказываются при примитивном орошении пригодными только десятин пять десять. Все остальное пропадает для эксплуатации.

Необходим как можно скорее общий водный закон, регулирующий право на воду, дающий инструкцию водопользования и предоставляющей право расширения оросительных работ на землях, уже орошенных. В Семипалатинскую и смежные области надобно усиленно привлекать к переселению людей со средствами, особенно богатых русских скотоводов, ибо не одно же только хлебопашество следует предоставлять русскому человеку! Чернозема здесь нет, но каштановые суглинки, по местам лесы, обеспечивают скотоводство хорошо. Засухи здесь нередки и грозят неурожаями. Скотоводство всегда в таких случаях явится подспорьем, и в настоящем году, вследствие бездождья, до конца мая население было в панике, опасаясь голода. Теперь прошли обильные дожди; урожай обеспечен даже выше среднего.

Следует приветствовать появление здесь агентов некоторых земств, например, Екатеринославского, которые, по примеру Полтавского, желают обследовать край и для переселенцев своей губернии указать пригодные места переселения. Они идут навстречу усилиям правительства не только знаниями и усердием, но и денежными пособиями.

Еще замечание о песках: для укрепления их, решительно не делается ничего; между тем, сама природа дает на месте отличные для того средства в виде особого кустарника, дико растущего в песчаных местностях. Вместо сохранения его, как драгоценности, население истребляет его на топливо, подготавливая в будущем песчаную пустыню.

Дело миссионерское и религиозное состояние переселенцев требуют

особого внимания. Народные суды туземцев имеют необычайно широкие права, коими нередко злоупотребляют. Недавно был случай в соседней области, когда народный суд приговорил одного киргиза к нескольким месяцам тюремного заключения только за то, что он публично одобрительно отозвался о христианстве. Отменить приговор такого суда по существу может только Государь Император. При таких условиях говорить о проповеди христианства, конечно, невозможно. Кстати, те до суды в угоду богачам-киргизам, так называемым манапам, наказывают бедняков за желание и попытки перейти на оседлый быт, что выгодно бедным, но лишает богачей возможности держать в безграничном повиновении и безысходной экономической кабале бедняков.

Что касается русского населения, то среди него растет в ужасающих размерах сектантство, за пропагандой которого при малом числе приходо-в трудно следить и трудно ей противостоять.

Самый город Омск постепенно становится крупным центром сектантства Западной Сибири, подобно Благовещенску на Дальнем Востоке. Год назад здесь был большой сектантский съезд. Крестьяне-переселенцы страшно изголодались духовно. Прибывшие с московских пастырских курсов священники рассказывают, что, когда они впервые обходили с молитвами прихожан, не было семьи, где бы ни плакали от радости. К сожалению, сектантство сделало большие успехи. Есть в епархии села, где сельские старосты-баптисты ведут пропаганду сами или через близких. Такое село, например, Бельгагач. Установлен факт перевода денег из-за границы для выдачи неопитам баптизма. Факты подобного рода относительно Кавказа мною в свое время документально были опубликованы в печати. К сожалению, крестьянские начальники иногда не понимают психологи народной веры: крестьяне собирают деньги на колокол, а начальник, насмехаясь над их желанием, советует устроить арык. Было хуже: крестьяне определяют тысячу рублей своего собственного капитала на устройство молитвенного дома, а начальник не разрешает расхода, и советует вместо этого открыть пивную лавку для увеличения сельского дохода. Последний факт имел место в Томской губернии и вызвал справедливую жалобу крестьян.

Совещанием в Семипалатинске намечено открыть в каждом уезде области по разъездному причту с походными церквями, устроить 8 новых постоянных приходо-в с построением молитвенных домов, церковных школ и причтовых помещений; намечены пять монастырей.

Семипалатинск далеко отстоит от Омска. В виду этого и ради миссионерских целей, здесь назрела нужда в открытии

полусамостоятельного викариатства.

Значение и задачи общемиссионерского сибирского съезда

Доклад при открытии Иркутского общесибирского миссионерского съезда 25 июля 1910г.

Распорядительная комиссия съезда поручила мне предложить сегодня высокочтимому собранию доклад о значении и ближайших задачах вашего съезда. Доклад мой по необходимости будет деловым и вызовет некоторые исторические справки. Высокая честь эта предложена мне потому, что Господь судил мне послужить внешним орудием для начала столь важного дела, ныне, слава Богу, осуществившегося.

В самом начале 1908 года, когда мне, как синодальному проповеднику-миссионеру и окружному наблюдателю школ, впервые поручено было Святейшим Синодом объезжать епархии Сибири, с целью открытие новых приходов в переселенческих местностях, и вместе с тем ознакомиться с постановкой и нуждами миссионерского дела в Сибири, я, прибыв прежде всего в Иркутск на собрание Иркутского миссионерского комитета, внес предложение о необходимости созыва здесь общесибирского миссионерского съезда.

Предложение мое встретило сочувствие со стороны Иркутского архипастыря, миссионерского комитета и нынешнего начальника Иркутской миссии епископа Киренского Иоанна. Им собственно мы и обязаны осуществлением нынешнего съезда, который для одной только внешней организации потребовал немало хлопот и трудов, не говоря уже о разработке вопросов его организации внутренней.

По различным причинам, от нас независимым, высшей церковной властью, сразу же разрешившей созыв съезда в принципе, самое время его открытия отложено было сначала на 1909 год, потом отсрочено еще на год.

Эти хронологические даты необходимо иметь в виду для того, чтобы правильно отнестись к предстоящей нам работе и чтобы уяснить себе значение и задачи съезда сообразно потребностям, подсказываемым ныне переживаемым временем.

Мы видим, что с того времени, как возникла мысль о нашем съезде и была принята на совещании в Иркутске, прошло более двух лет. За последнее время русская и государственная и церковная жизнь протекала неизмеримо быстро, так быстро, что два с половиной года представляются сроком далеко не малым. И действительно, за эти два года в области жизни церковной вообще и в частности, в отношении к миссионерству

произошло немало событий, значительно влияющих на занятия нашего настоящего съезда. И, прежде всего, рассуждая в начале 1908 года о сибирском съезде, мы и не предполагали, что летом того же года, совершенно неожиданно, почти без подготовительных работ будет созван всероссийский миссионерский съезд в Киеве. Самый созыв его решен был в мае 1908 года особым миссионерским совещанием при Святейшим Синоде, учреждением тоже новым, до того времени не существовавшим, имеющим ныне непосредственное отношение к вопросам и внешней и внутренней миссии. Некоторая торопливость в созвании съезда имела свои причины: то было время еще неулегшейся революции; то было время наших скорбей и тяжких недоумений по поводу отпадения многих православных в раскол, сотен тысяч православных – в католичество на западе России, татар и киргизов – в магометанство, инородцев Поволжья – в язычество; то было, наконец, время невыясненного положения православной Церкви в России, вследствие неясностей указа 17-го апреля 1905 года, в связи с подготовительными к этому акту журналами бывшего Комитета Министров, манифеста 17-го октября 1905 года и Указа 17-го октября 1906 года. Не забудьте, однако, что этими же самыми причинами руководились и мы, предлагая созвать съезд общесибирский, ибо и здесь виделось отпадение бурят-христиан в ламаизм, и здесь особенно больно давали себя чувствовать колебания в постановке и решении вероисповедного вопроса в России. Многие уже разъяснено теперь на киевском съезде; многие вопросы, – например, о расколе, сектантстве, об общих мерах борьбы с ними, – решены на этом съезде; многое утверждено Святейшим Синодом и введено в жизнь; самый вероисповедный законопроект ныне близок уже к утверждению Высочайшей властью после обсуждения его в Государственной Думе и Совете. Таким образом, многое, о чем мы намерены были рассуждать на настоящем съезде, если бы он был созван в 1908 году, теперь уже отпадает, как решенное и оконченное. Самый вопрос об отступническом движении христиан-бурят в ламаизм потерял свою остроту и в выяснении характера приговоров и прошений со стороны отпадших, и в порядке увещания отпадающих, и в выяснении связи этого явления с политическим настроением инородцев и т. п.

В 1908 году совсем не имелся в виду и съезд казанский, намеченный киевским, и ныне уже состоявшейся. И на казанском съезде также рассмотрены были многие вопросы, имевшиеся в виду для съезда иркутского, особенно вопрос о мерах борьбы с язычеством, о возвращении в Церковь отпадших и специально вопрос о борьбе с ламаизмом.

В 1908 году, после моей поездки по Сибири, мною был представлен

Святейшему Синоду отчет о нуждах миссионерского дела в Сибири. Он закончен рассмотрением только в марте текущая года, и по данным отчета, в связи с представлениями и заключениями с мест от епархиальных преосвященных, некоторые дела и вопросы, намеченные для съезда иркутского, ныне уже или решены, или находятся на пути к разрешению в Святейшем Синоде и в совете Миссионерского Общества, как одобренные и принятые миссионерским совещанием при Святейшем Синоде.

Укажу важнейшие.

Намечены меры к устранению неправильного распределения епархий в Западной Сибири и на Дальнем Востоке, часто ставящая преграды миссионерскому делу; решено приступить к изданиям миссионерская характера, с целью поднять в обществе интерес к делу миссии и тем расположить его к пожертвованиям на это святое дело.

Переведены священники-миссионеры Алтайской миссии на содержание от Святейшего Синода по общему кредиту, с освобождением употребленных на этот предмет средств Миссионерского Общества; эту же меру предположено распространить на все миссионерские причты Сибири, считая по 800 р. на причт, с тем, чтобы средства, доселе употреблявшиеся на этот предмет Миссионерским Обществом, шли в дополнение к казенному жалованью миссионерам для привлечения на миссионерскую службу лучших сил; такую же меру предположено применить и к учителям миссионерских школ, которых предположено перевести на средства синодального училищного совета, а суммы, употреблявшиеся на этот предмет Миссионерским Обществом, назначить на школьное строительство, на поддержание зданий, приобретение учебных пособий и школьных аптек; предположено также содержание начальников миссии перевести на средства Святейшего Синода, а освободившиеся от этого деньги Миссионерского Общества определить на общие миссионерские нужды; в гор. Бийск в 1908 году был вызван известный прот. Б. Крючков для беседы с раскольниками; там же открыты были курсы для учителей церковных школ Бийского уезда и Алтайской миссии; открыты должности епархиального противосектантского миссионера в Туркестане, в Иркутске; предрешено и единогласно принято миссионерским совещанием при Святейшем Синоде открытие должностей противосектантских и противораскольничьих епархиальных миссионеров в Чите и Владивостоке; отмечено и единогласно приветствуется тем же совещанием открытие епископских кафедр на Камчатке, в Семипалатинске, в Енисейской епархии со специально-миссионерской целью; тем же совещанием одобрен план открытия миссионерских

учебных заведений, представленный мной в отчете, – высших, средних и низших; тем же совещанием одобрено и единогласно решено открытие во Владивостоке особого высшего учебного заведения – миссионерских курсов для приготовления миссионеров в среде китайцев, корейцев и монголов, живущих как в России, так равно и за пределами ее, а также открытие викариатств во Владивостоке – для миссии среди корейцев, живущих в России и за границей, в Забайкальской епархии – для миссии среди монголов, живущих в России и за границей, и в Благовещенске – для миссии среди китайцев, живущих в России и в северной Маньчжурии. Открывается теперь церковноучительская школа во Владивостоке, две второклассные школы, одна – в Уссурийском крае, Другая – на Камчатке, что для епархии, совершенно лишенной до сего времени всяких низших и средних учебных заведений, находящихся под управлением местного епископа, имеет особое важное значение вообще, и для дела миссии – в частности; кроме того, открывается чрез это возможность поставить в связь учебную корпорацию церковно-учительской школы с проектируемыми Владивостокскими миссионерскими курсами.

Необходимо упомянуть, что с 1908 года переселилось в Сибирь до двух миллионов переселенцев, открыто до трехсот новых приходов, отстроено до ста храмов и молитвенных домов, учреждены особые пастырские курсы в Москве для замещения сих приходов священниками: и это весьма важный и новый фактор для миссионерского дела в Сибири.

Я наметил лишь в общих чертах все те перемены, которые произошли с 1908 года, со дня первоначального обсуждения деятельности иркутского съезда до дня его осуществления в церковной жизни Сибири и Дальнего Востока.

Естественно, может возникнуть и, действительно, у некоторых лиц, стоящих вне миссионерской работы, возникает вопрос: не лишним ли оказывается теперь наш съезд в Иркутске? Одна часть вопросов его разрешена в Киеве другая – в Казани; наконец, многое или решено, или находится на рассмотрении Святейшего Синода, и стоит на пути к разрешению: какое же после этого значение имеет наш съезд и каковы его задачи?

Для людей живой миссионерской работы совершенно недопустимы и прямо невозможны, какие бы то ни было сомнения в пользе и необходимости съезда.

И, прежде всего, как можно отрицать глубочайшую потребность и великую пользу для деятелей миссии в простом общении их между собой? Впервые, разбросанные на всем огромном пространстве Сибири, Дальнего

Востока и сопредельных с Россией стран языческих, миссионеры сходятся вместе: здесь представители миссии от Обдорска и Семипалатинска до Камчатки, Японии, Кореи, от Алтая до Туруханска, от Минусинска до Тунки и Забайкалья, от отдаленнейших пределов Якутского края до устья Амура. Собрались здесь миссионеры под небесным благодатным покровом у раки святого миссионера святителя Иннокентия, жизнь которого, от земных утеснений и скорбей до небесной славы, есть как бы символ пути всякого миссионерского делания. Собрались здесь под гостеприимный кров преемника святителя Иннокентия – маститого старца-архипастыря архиепископа Иркутского Тихона, столько лет отдавшего архипастырской и миссионерской работе Восточной Сибири. Здесь пройдут перед нами, как ободрение и живое поучение миссионерам, величавые образы двух современных апостолов: одного – архиепископа Николая, полстолетия подвизающегося в Японии и создавшего там из ничего Церковь из язычников, его представитель здесь – преосвященный Киотоский Сергей; другого, среди нас находящегося, – апостола Алтая архиепископа Макария. Каждый из них полстолетия горит на свещнице Церкви, каждый перейдет в историю; каждый примером своей жизни и деятельности показывает нам, как много может сделать одна святая ревность, молитва и благочестие в святом апостольском деле. Увидеть их, услышать их слово, вдохновиться их трудом, наконец, знать, что они были, существуют и столько сделали, – разве это не есть источник бодрости душевной? Разве при виде этих старцев, и донныне юношески бодрых в работе, не станет стыдно нам за каждый день и час, проведенный без работы в винограднике Христовом?

Восстанем, братие, воздадим привет благоговеяного почитания великим святителям Церкви!

Но с ними вместе здесь много работников миссии. Узнать, что делается у каждого из них в его уделе, услышать, как Господь помогает делу святому, какие строит ему враг спасения препоны, какие принимаются против этих препон меры, поучиться приемам проповеди и духовного воздействия на язычников и на крещеных; узнать как то и другое делается и в Японии, и на Алтае, и в Пекине, и в Обдорске, и во Владивостоке, и в Семипалатинске, и в станах бурятских, и среди татар; вдохновиться от примеров ревности; изгнать дух уныния, что невольно закрадывается в сердце; пожить столько времени в атмосфере миссионерских интересов и забот, миссионерских нужд и дел, в единой вере, в едином уповании; поднять в себе дух веры и бодрости, – разве все это не в силах освежить работников миссионерского дела, поднять их

усталые силы, окрылить, вдохновить на новый труд, на новую работу?

И если бы одно только это значение имел наш съезд: и того было бы довольно, потому что влить в сердца ваши бодрость а воодушевление – это значит подготовить нам успех и победу в борьбе с областью темной. И если апостол повелевает: «Да разумеваем друг друга в поощрении любви и добрых дел»; и если апостолы, облагодатствованные свыше изливанием огненных языков, вселенские епископы, от Христа получившие указание, как строить Церковь, имели нужду в общении; и если святые пустынноики иногда издалика приходили один к другому для назидания и соутешения, молитв и взаимной беседы, – то, что же удивительного в том, что одно только взаимное общение миссионеров само по себе уже имеет огромное, незаменимое значение и влияние для нашего дела.

Но съезду нашему предстоит решить немало вопросов и чисто-практического характера.

В Киеве и Казани даны большей частью общие указания по тем или другим сторонам миссионерского делания. Приняв их с глубокой благодарностью и уважением, как решение многих мужей науки и опыта и силы духовной, нашему съезду предстоит указать, как, в частности, применить их к делу при различных условиях здешней миссионерской работы.

Ответить же удовлетворительно этому требованию можно только тогда, когда из представленных съезду нашему докладов выяснится и изобразится общая картина миссионерского дела в Сибири и на Дальнем Востоке, со всеми его назревшими нуждами. И это – очень важное дело, впервые исполняемое, и часть его исполнения принадлежит настоящему съезду.

Часть нужд миссионерских дел, как я доложил, удовлетворена Святейшим Синодом, но несравненно большая часть вопросов, представленных в моем отчете за 1908 г., благосклонно принятых миссионерским совещанием при Святейшем Синоде, в самом Святейшем Синоде находится только в стадии рассмотрения, и получит окончательное решение в предстоящую зимнюю сессию Святейшего Синода.

Наш съезд одни из этих предположений и планов подтвердит своим авторитетным словом, дополнив новыми подробностями, осветив с новых сторон, другие видоизменит сообразно с новыми назревшими нуждами миссии. Поэтому все подобного рода дела, хотя и принятые миссионерским освещением для внесения в Святейший Синод с благоприятным заключением, не изъяты из рассмотрения нашего съезда,

хотя по некоторым из них, например, по вопросу об учреждении Владивостокских миссионерских курсов, – уже начаты Святейшим Синодом официальные сношения и последовали на место соответствующие запросы.

Жизнь идет, не останавливаясь, и предъявляет все новые и новые запросы делу миссии.

Мы видим, что за последние годы явились новые области миссионерской работы. После войн русско-китайской и русско-японской в русские пределы вселилось и ежегодно вселяется множество, целыми десятками тысяч, корейцев, китайцев и японцев. Как действовать миссии по отношению к ним – вопрос совершенно новый. Те утешительные многочисленные случаи крещения, которые мы видим среди корейцев, показывают ясно, что почва здесь для миссии не бесплодная, но даже и среди корейцев дело миссионерское совершенно не устроено; о миссионерском же воздействии на китайцев и японцев, живущих в наших пределах, можно сказать, еще не поднималось и речи.

Нельзя поэтому не приветствовать и не видеть особого явления Божественного Промысла в том, что на нашем съезде впервые вступают в братское общение с общерусским и местным сибирским миссионерским делом наши заграничный миссии: древняя Пекинская, предначатая святителем Иннокентием Иркутским, славная и благословенная успехом и стоящая в челе русской миссии, как ее украшение, миссия японская и юная, только что народившаяся, корейская. У них многому можно поучиться и в общих приемах нашей работы, и в частности прямо и непосредственно в отношении к той или другой народности – к китайцам, японцам и корейцам, ныне уже живущим не за рубежом нашего отечества, а в его пределах. Близость к нам наших заграничных миссий увеличилась и личным общением, в которое вступили некоторые из членов нашего съезда прошлым годом посещением Пекина, Токио и Сеула по поручению высшей церковной власти; разумею поездку преосвященного Иоанна, епископа Киренского, и свою собственную, с целью обозрения миссионерского дела в этих городах.

Впервые предстанет здесь, в общем собрании миссионеров Сибири, славная миссия Алтайская, во главе с апостолом Алтая архиепископом Томским. В трудах ее и опыте, в изданных ею книгах и руководствах, но еще более в живых и непосредственных указаниях со стороны деятелей Алтая, найдут себе указания, уроки и поддержку деятели тех областей Сибири, где еще гнездится язычество: Минусинск и Туруханский край, север Сибири, Якутская область, Камчатка и Амурский край, с их

немалочисленными инородцами-язычниками. Как там усилить проповедь, как организовать миссионерское дело, – все это должно быть выяснено на съезде.

Нужно ли говорить, что миссия противоламайская займет особое положение в работах съезда? Казанский съезд дал многое для борьбы с ламаизмом главным образом в пределах Астраханской и Ставропольской губернии: но, несомненно, самая сопредельность Монголии, особенности жизни здешних инородцев-ламаитов, связь с центром ламаизма, отступническое движение среди бурят в связи с общим политическим брожением, имевшим, здесь место среди инородцев, – все это, без сомнения, дает совершенно новую постановку суждений по этому вопросу.

Вопросы об учебных заведениях миссионерских и их постановке, типе, местах учреждения, о подготовке деятелей миссии, о переводческих трудах, о средствах для ведения миссионерского дела в Сибири, о положении служебном и правовом самих миссионеров, об управлении миссиями, – все это чисто-местные вопросы, и они вызовут немало труда для их разрешения.

Мы говорили доселе о внешней миссии. До настоящего времени Сибирь знала только о раскольниках, начиная со времени протопопы Аввакума, здесь появлявшихся. По местам, как, например, на юге Томской епархии, раскол поднимал и прежде голову, что заставило даже Алтайскую миссию присоединить к своим немалым трудам по обращению язычников и труды по борьбе с расколом. Но в другом месте – в Забайкалье, на Амуре, раскол был как бы локализован и не вызывал особых тревог. Сектантства Сибирь почти не знала. Не то теперь. Благовещенск и Омск, начало и конец русского переселения, становятся видными центрами молоканства и баптизма; огромное по численности переселенческое движение ежегодно несет в Сибирь новые и новые волны разнообразного сектантства из внутренней России – баптизм, молоканство, адвентизм и хлыстовщину; по линии железной дороги, начиная от Петропавловска и Омска и вплоть до Владивостока, поселяются отдельные семьи сектантов; являются они во множестве в нововозникающих русских поселках и в тех старожильческих, к которым приселены новоселы. Идет усиленная пропаганда сектантства. Мы можем указать несколько поселков и сплошь сектантских. В Омске ежегодно собираются сектантские съезды; в Благовещенске городская дума – молоканская. В Бель-Агаче удостоверена пропаганда сектантства представителями сельской власти; в том же Бель-Агаче организована

раздача денег, идущих из-за границы, неофитам сектантства; в Омской епархии удостоверены случаи пропаганды на почве обмана православных путем надписей на видах для жительства: «евангелический проповедник», дающих основание пропагандистам говорить, что они действуют по указу и с разрешения Его Императорского Величества. Вероисповедная свобода оживила и раскол: собирался собор поморцев в Змеиногорском уезде; недавно зарегистрировано в Омской епархии отпадение 900 семей из православия в раскол; на юге епархии были случаи, когда старообрядцы препятствовали киргизам принимать крещение от православных священников, уверяя их, что православие – не истинное христианство. Даже католики, переселившиеся в Сибирь и на казенные средства строящие костелы, – и те пытаются вести пропаганду среди православных, на что имеются у нас неопровержимые доказательства в виде книг, распространяемых в православном населении, и в виде официально удостоверенных сведений полиции.

С каждым годом растут новые и новые места сектантств рационалистического и мистического, увеличивается опасность для православных. Духовенству Сибири впервые приходится встречаться с этим врагом, который вовсе не страшен и совершенно несостоятелен вблизи, но довольно внушителен издали. Здесь не создано ни организации борьбы с сектантством, ни учреждений, поддерживающих это дело, ни живой школы деятелей и борцов против сектантства, ни тем более их преемства. Не так давно издана книга знаменитого революционера Степняка (Кравчинского), усердно распространяемая под заглавием «Штундист Павел Руденко»; книга составляет попытку облизать и слить воедино сектантов и политических ссыльных на почве протеста и борьбы против власти. Об этом предложу съезду особый доклад. Теперь же упоминаю об этом, чтобы показать, что в том движении диссидентов на окраины, которое иногда приветствуется печатью радостно, как приветствовалось, например, готовившееся переселение 100 000 старообрядцев из Добруджи на Амур, на самом деле – мало утешительного. Пример истории – еретические окраины Византии, сокрушившие в свое время силу православной державы и, главное, ее православную христианскую миссию на Востоке.

Вопрос о постановке внутренней миссии в Сибири, таким образом, – вопрос новый, но в то же время прямо неотложный и поэтому с особой благодарностью к высшей церковной власти мы должны приветствовать командирование на съезд таких знатоков дела, как В. М. Скворцов – по сектантству, Н. М. Гринякин и о. Д. Александров – по расколу

старообрядчества. Вместе с тем новое дело – учреждение в районах русского переселения новых приходов ежегодно не менее ста, построение церквей, учреждение новых монастырей с религиозно-просветительными и миссионерскими целями, то есть дело, лично на меня возложенное теперь, я надеюсь, найдет в съезде и поддержку, к руководству, и съезд может воспользоваться столь крупным Церковным делом, как ежегодное открытие приходов в таком количестве и монастырей, в своих целях к благу миссии, т. е. к благу св. Церкви.

Наконец, не может быть сомнения и в том, что вся указанная громада миссионерских нужд, запросов, постановлений к планов, которая пройдет здесь пред нами по шести отделам работ съезда, отзовется на оживлении деятельности и продуктивности работы епархиальных братств, представители коих здесь присутствуют, и эти братства потом, по окончании съезда, будут продолжать осуществлять его начинания, и постановления планомерной своей работе.

Мною отмечено главное и существенное в нашей предстоящей работе. Если что и опущено, то самое дело и частные доклады живой обмен мнений и суждений, – все это восполнит мой настоящий доклад.

Господь же Своею всемогущею благодатью да совершит наше дело и у плодоносит, во славу Пресвятого Своего Имени и во спасение наших многочисленных братьев сидящих во тьме неведения Бога Живаго и Истинного.

1911 г.

1 января 1911 года

Минувший год в церковной жизни Московской епархии характеризовался повышением напряженности и интереса миссионерской и церковно-просветительной работы. Он и закончился миссионерскими епархиальными курсами, слушатели коих не только тем фактом, что их собралось вдвое больше, чем, сколько было предусмотрено, но и особо повышенным, я сказал бы – временами благородно-вдохновенным настроением показали, что вопрос миссионерский назрел, и для церковно-просветительной работы наступает прямо страдное время.

Намеренно мы разделяем две стороны нашего труда: положительное учительство, т. е. вообще церковно-просветительное, и полемическое, миссионерское в узком смысле слова. Так поставлено было дело на курсах миссионерских, так оно поставлено будет на открывшихся в самом конце года, с 29 декабря, курсах законоучительских: таковы теперь требования и указания жизни. Сама миссия, должна состоять не только в «препятельных словесех», без чего, конечно, теперь невозможно обойтись в состязании с противниками, но она должна принять характер органический, т. е. создавать около миссионерского дела живые организации живых людей, те или другие учреждения, призванные к тому, чтобы расширять и углублять дело и влияние миссионера, давать ему помощников из самих мирян на местах, хранить предания дела миссии, будить и создавать в округе интерес и внимание к состоянию и положению Церкви, обуреваемой ныне волнами, пенящимися всякими сектантскими и иными срамотами, и в мужественной, воодушевленной и умелой защите ее.

Москва и Московская епархия до последнего времени находились в сравнительно благополучном положении, в смысле пропаганды сектантства. Здесь коренился раскол главным образом. Но раскол, видимо, изжил себя. За двести слишком лет, сказать по правде, он не дал ни единого выдающегося по силе пастыря, подвижника, вождя, духовного властителя дум и сердец... Это – прямо удивительное дело! Многим в «самоопределении» жизни раскола; – в избрании пастырей, в свободе от всякой церковной административной и бюрократической организации и опеки, в отсутствии всяких стеснений в распределении церковных и приходских средств и капиталов, – многим чудилось и виделось то желанное состояние православной Церкви, при котором она могла бы в безмерно большей степени процвести и обогатиться силами духовными и

материальными, чем это было доселе. Но опыт и голос жизни способны убедить какого угодно скептика в противном. Раскол являл вид кое-какой жизни, пока боролся, и злобно боролся за существование; борьбой он и жил, и она ему заменяла положительные основы и источники жизни. Повторяем, даже и при таких условиях он не дал выдающихся людей, кроме единичных фанатиков, фанатики же – не люди срочного продуктивного и продолжительного действия. Этого мало. Казалось, и нам грозили, что с объявлением «свободы совести» раскол сразу покажет свою мощь, застроит всю Русь храмами, поднимет голову, оторвет от православия многих сынов... Случилось и здесь обратное: указы 17 апреля 1905 года и 17 октября 1906 года только подчеркнули бессилие раскола. Несколько небольших вновь построенных храмов, несколько съездов, имевших исключительно демонстративный характер, несколько крестных ходов, имевших то же самое значение, – вот и все, что сделано. Объединение не удалось, даже задор полемический на беседах выдохся. Сила оказалась слабой.

В ином положении сектантство. Оно растет с 1905 года, все прибывая в силе, и связало себя с освободительными и прогрессивными течениями в нашей прессе и в русском обществе. Московская епархия окружена такими местами сектантской пропаганды, которые становятся уже очагами ее. Из Тамбовской губернии оно с силой двинулось на юг Владимирской, захватило Рязанскую губернию; в Петрограде оно крепко засело, в Тверской губернии, развивается неудержимо. При таких условиях натиск на Московскую епархию – это только вопрос времени, и, Москва, наш город, отовсюду привлекающий население, как узел железнодорожных сообщений и торговый центр, становится все более и более городом разноверным. Здесь приволье и для сектантской пропаганды; здесь она вошла в связь даже с пропагандой социализма, которому дает, наряду с экономическими и политическими основами, и религиозное обоснование. Здесь же, наконец, среди множества рабочих, извозчиков, всякого вида служащих, развинченных нервами от ненормальной и бессемейной жизни, от всякого рода эксцессов, неизбежных в огромном городе, находит себе почву и мистическое сектантство, братчество, вид хлыстовщины, принявшей за основу проповедь трезвости, как боевой ход против православия, якобы не только позволяющего, но и одобряющего пьянство... Из Москвы сектантство тянется и в деревню, но очень медленно, потому что деревня в неизмеримо большем количестве сама отдает население свое в город, чем принимает обратно. Но процесс обмена идет, и возвращающиеся на постоянное или

временное жительство в деревни рабочие люди разносят заразу всюду; мы видим по местам в епархии пока малочисленные но уже организованные сектантские собрания и общины.

Отсюда понятно, что и работа церковно-просветительная и миссионерская, прежде всего, создается в Москве. Здесь открыты были временные миссионерские курсы, но гораздо важнее курсы церковно-народные просветительные и народно-миссионерские. Они теперь действуют в 26 местах по городу и всюду привлекают множество слушателей. Занятия ведутся путем бесед, а не лекций, по строгой системе, в определенные дни и часы, в удобной обстановке, сопровождаются пением; слушателей везде мы видим избыток. Уже то одно, что «братцы» относятся к этим курсам с ненавистью и пытаются сорвать их, показывает, что курсы ударили по больному мету. Об организации этого дела будут помещены особые статьи в нашем журнале, теперь же нам хочется поставить перед сознанием собратий-пастырей лишь самую идею дела. Нас пугают, что все наши учреждения и собрания будут пусты. Но вот открыли даже для высшей интеллигенция Богословские женские курсы, и они полны; мы получаем просьбы и запросы об открытии таких же курсов для мужчин-интеллигентов. Открывали народно-миссионерские курсы – и они заполнены народом. Идеже преизбыточествует грех, изобилуете и благодать. Много ищущих истины, много преданных сынов Церкви, которых только надобно научить и сплотить около пастырей, и они будут для них незаменимыми помощниками. Пора вводить и положительную катехизацию в приходе, особо для детей, особо для вступающих в брак, для взрослых прихожан в храме. И это будет орудием воспитания народа. Нужно дать ему догму нашего учения, и тогда легко сообщить содержание и приемы полемики. И по этому вопросу выработаны и сообщены миссионерскими курсами надлежащие сведения и составлены нужные книжки. Пока все это – еще в стадии испытания и после законоучительских курсов будет объявлено для всеобщего сведения. Если к этому прибавить братства трезвости и общенародное пение, в помощь коему тоже издана дешевая книжечка, и, наконец, противосектантский катехизис для школ и народа (книжечка издана, и ныне готовится новое лучшее издание), то нам нельзя будет пожаловаться на недостаток средств для положительной и полемической приходской работы.

Незаметно статья моя переходит в отчет по миссионерским курсам. Думается, однако, что этот интерес есть всеобщий интерес пастырей. Жизнь не ждет и зовет на работу; жатвы много. В ожидании и

предвидение многих и множайших опасностей для верующего церковного народа со стороны врагов веры и Церкви, постараемся мы, пастыри, в новолетие жизни, непрестанно обновляясь силами, не уставать в нашей великой и ответственной работе воспитания народа, его духовного оздоровления и защиты от волков, ищущих расхитить церковное стадо.

Как бы ни было тяжело и мрачно впереди, мы одно знаем: слово Божие не вяжется, и чем гуще тьма, тем ярче свет Звезды...

С Новым Годом трудов и подвигов в служении Христу, дорогие собратья!

Патриотическое начинание. По поводу издания газеты «Патриот»

Мы начинаем издавать маленькую монархическую газету «Патриот». Нужда в ней, конечно, сознается всеми москвичами-монархистами, – нужда, прежде всего практическая. Нам нужно передавать известия, объявления, заявления, касающиеся всех отделов Союза и Монархического Собрания. Нельзя много злоупотреблять любезностью единственной в Москве монархической газеты «Московские Ведомости», к тому же весьма для немногих доступной по цене и потому мало распространенной среди небогатых, – а таковых множество, – монархистов. Нужда ощущается и в помещении таких статей, которые касаются нашего союзного дела, и которые не всегда могут быть напечатаны в «Московских Ведомостях», хотя бы только по недостатку места, не говоря уже о других причинах.

Думается, что в виду ожидаемого оживления деятельности нашего Союза во время недалеких уже выборов в Государственную Думу газета прямо необходима.

Мы даем ей название: «Патриот». Оговариваемся, какой мы разумеем патриотизм. К сожалению, даже среди правых, патриотизм нередко понимается в смысле европейском, то есть, в сущности, в смысле языческом. Это – национализм животный, зоологический, основанный исключительно на привязанности и любви к своему народу, к своей земле, к своему государству. На чем основывается такая привязанность? Только на том, что все это – свое. Но ведь это – не разумная причина, здесь не высокие побуждения. Так любит все свое и животное.

Христианство поднимает, осмысливает, возвышает, одухотворяет всякое естественное чувство добра и правды. Один древний христианский учитель сказал далее нечто большее: языческие добродетели, по его словам, суть только *splendida vitia* – блистательные пороки. Таков и языческий патриотизм и национализм, как коллективный эгоизм, – не более. Это мало понимают нынешние националисты в кавычках и без кавычек.

Народ русский есть народ православно-христианский, составляющий царство христианское, имеющее мировое призвание, указанное Промыслом, – призвание сохранить и распространить святую истину православия; народ наш входит в Церковь, гибель его есть потрясение Церкви, следовательно, потрясение мира и человечества, есть умаление

истины... Служить в этом смысле народу – значит служить Богу, Христу, Церкви, истине, православию, спасению мира и человечества. Патриотизм и национализм тогда – не цель, а средство для высшей цели, для служения вечной истине...

Тогда и самодержавие царей есть Божественное их посланничество, тогда и Царь есть орудие вечной промыслительной воли Божией, тогда Царь роднится и единится с народом высшим и идеальным единением и родством, – родством духовным, высшим, и идеальным равенством, – равенством перед Богом, Его законом и Его миродержавным Промыслом. Царь стоит тогда впереди Своего народа, осуществляя не Свое человеческое право, а исполняя высочайший Свой нравственный долг, как страж, как избранники, как вождь Богоданный для народа, в осуществлении вместе с народом Промыслительных целей и велений Божества. Может ли быть при таком понимании даже мысль об ограничении Царской власти? Самодержавие в таком случае не только неограниченно, но больше того, – оно по природе своей неограничимо.

Отступление от этого мировоззрения русского народа дало нам недавнюю революцию. Но посмотрите: что смяло и аннулировало революцию? Сравните революции, происшедшие, тоже по проискам масонства, в других странах. В Португалии – цареубийство, низвержение династии и рабство англо-еврейскому капиталу бесповоротное. В Турции – низвержение султана, ослабление государства до последней степени. В Персии – изгнание шаха и полная политическая протрация страны. В Китае – изгнание династии и грядущий раздел империи. Разве в этих странах не было монархистов и верных подданных? Сказать так, значит клеветать на людей. Но монархизм был там в сущности или деспотизмом, или абсолютизмом; религиозное начало, его проникавшее, или было подавлено отсутствием мирового предназначения, как в Португалии, или мирового религиозного значения, ибо не может же иметь такового издыхающее язычество Китая или выдохшееся мусульманство.

Россия вышла из революции, по сравнению с этими странами, благополучно: династия остается в силе, Царь пользуется глубочайшей любовью и благоговейным религиозным почитанием народа, об ограничении Царской власти лепечут только оевропеившиеся младенцы-интеллигенты, составлявшие едва приметную часть народа; ни в голову, ни в сердце не укладываются нам чуждые понятия конституционализма или парламентаризма; Государств. Дума и Совет – суть учреждения Царские, Царю обязанные бытием, от Него в бытии зависящие, – по существу законосоставительные, а не законодательные в европейско-

парламентарном смысле.

Чем обязана Россия такой неудаче революции?

Только святому православию, которое живо в народной душе.

Здесь и указание нам того направления, в котором должно нам развивать патриотизм, на чем его основывать, чем оживлять и чем осмысливать.

Здесь же и объяснение того, почему именно против православия и против Церкви устремлены нападки революционных партий России, несомненно, в степени гораздо большего озлобления, чем даже против самодержавия.

Полезное врагу – вредно нам. Зная это, мы и проповедуем тот воцерковленный патриотизм, тот воцерковленный национализм, который всегда отличал мировоззрение московских монархистов и составляет сущность их политического исповедания.

Что такое монархия?⁹¹

I

Вопрос. Что называется монархией?

Ответ. Монархией называется государство, в котором носителем верховной власти является одно лицо.

Воп. С каких точек зрения можно рассматривать монархию?

Отв. Монархию можно рассматривать принципиально, как известную форму верховной власти в государстве, – во-первых; во-вторых, она может подлежать рассмотрению, как известный факт истории, т. е. исторический.

Воп. В чем состоит первая точка зрения?

Отв. Согласно первой точки зрения, главное внимание должно быть обращено на внутреннюю сущность монархического принципа верховной власти; необходимо выяснить его внутреннюю природу в отношении к другим силам государства и вывести результаты, которые должны следовать в этих отношениях, в зависимости от самой сущности, самой природы монархического принципа верховной власти. Другими словами, такое рассмотрение монархии должно выяснить, каковы должны быть те формы отношений между верховной властью – монархом и другими силами государства – обществом и управительным механизмом или правительством, – отношений, которые наиболее сродны и обуславливаются самой идеей монархии. Эта точка зрения показывает, в конце концов, чем должна быть монархия в жизни, если она желает быть сама собой.

Воп. В чем состоит вторая точка зрения?

Отв. Вторая точка зрения, историческая, главным образом исследует те конкретные формы монархического типа, какие имели место в истории.

Воп. Какое соотношение существует между монархический принципом и историческими конкретными видами монархии?

Отв. Монархический принцип представляет собой результат работы человеческой мысли, которая анализировала тот материал, какой дала история. В этом смысле, как всякий принцип, и монархический является предметом мышления, которое может быть сильнее или слабее, яснее или туманнее. В историческом процессе его осуществление обуславливается длинным рядом обстоятельств, которые могут быть комбинированы различным образом. В зависимости от таких комбинаций и в виду их крайнего разнообразия, принцип, в своем осуществлении в виде тех или других конкретных форм, претерпевает в них большие или меньшие

извращения, в смысле большого или меньшего соответствия между этими формами и внутренней сущностью самого реализующегося в них принципа.

Воп. Если фактически монархический принцип реализуется в истории в извращенных видах, в большем или меньшем приближении к тому, что составляет его сущность, то до какой степени необходимо определение этой его внутренней сущности?

Отв. Определение и точное выяснение его внутренней сущности необходимо потому, что в действительности самые его извращения в исторической практике явились, главным образом, как результат слабого сознания этой сущности и внутренней природы монархического принципа.

Воп. Почему слабая сознательность может быть признана причиной исторических извращений монархии?

Отв. Политическая жизнь народов складывается в зависимости от многих действующих в ней сил, одной из которых, между прочим, является сознательное политическое творчество. Особенность последнего и даже преимущество, в отношении силы, перед другими состоит в том, что сознание дает возможность изучать условия политической и социальной жизни и направляет их по-своему для достижения тех или других целей. В этом смысле недостаточная сознательность в отношении того, что свойственно и что противоречит природе данного политического принципа, заставляет допускать такие комбинации условий социально политической жизни, какие на самом деле не только не свойственны ему, но по существу даже его искажают. Именно эта недостаточная политическая сознательность в истории стала причиной тому, что идея монархии дала в жизни такие формы, какими она сама оказалась искаженной.

II

Монархия, как принцип государственной верховной власти

Воп. Что такое государство?

Отв. Государством называется высшая форма общественности.

Воп. Что такое общественность?

Отв. Общественность является одним из основных и характернейших свойств человеческой природы.

Воп. В чем состоит это свойство?

Отв. Свойство общественности, присущее человеку, состоит в стремлении его непрерывно вступать во взаимоотношения с себе подобными.

Воп. В каких формах осуществляются такие взаимоотношения и взаимодействия?

Отв. Человек появляется на свет уже членом известной общественной единицы – семьи. Естественная присущая ему слабость и беспомощность делают необходимым неустанное попечение о нем со стороны родителей, тем связывая его с ними на довольно продолжительное время, пока он не окрепнет настолько, что в состоянии будет обходиться без их помощи. В дальнейшем, интересы собственного существования, за которые постоянно ведется борьба, интересы, связанные с необходимостью поддержания своей жизни питанием, интересы самообороны, продолжения рода и т. д., заставляют человека искать союза с себе подобными вообще, не только союза между членами одного и того же семейства, но союза многих семейств между собой. Так возникает несколько более сложная форма общества. Таким образом, самые элементарные потребности человека – питания, размножения и самозащиты – уже заставляют его соединяться с другими людьми. С развитием человека растут и его потребности, растет и необходимость их удовлетворения; каждая потребность опять становится пунктом соединения известной группы людей, заинтересованных в ее удовлетворении. Поэтому с развитием человеческих потребностей идет и рост общности, и человек чувствует себя все крепче и крепче связанным с себе подобными. Наконец, как необходимое завершение такого расслоения общества по группам, сообразно разнообразий растущего в нем интереса и потребностей, и как необходимое условие дальнейшего общественного роста и развитая, возникает некоторая высшая сила, способная к регуляции и объединению всех возможных в данном обществе интересов и возникающих на их основе социальных групп по отношению к человеку вообще. Такой силой и является государство.

Воп. Что является необходимым условием и вместе с тем результатом общественных отношений между людьми?

Отв. Таким условием и вместе с тем результатом общественных отношений является возникающая с возникновением самого общества власть.

Воп. Чем обуславливается возникновение власти в обществе?

Отв. Возникновение власти в обществе обуславливается самой природой отношений человеческого взаимодействия.

Воп. Какова природа этих отношений?

Отв. Отношения взаимодействия предполагают влияние одного члена общественной группы на другого. Каждая личность окружена другими членами данной социальной группы, которые в отношении к ней являются

условиями и силами внешними. Вступая во взаимодействие с ними, смотря по обстоятельствам, личность оказывается в состоянии власти и подчинения. Когда нет ни власти, ни подчинения, наступает состояние свободы, но оно уже не есть состояние общности, ибо общество полно борьбы, являющейся в более грубых или в более утонченных формах. Такая борьба при состоянии общности является неизбежной потому, что здесь во взаимодействие вступают внутренне самостоятельные единицы⁹².

Воп. Допускает ли факт власти какие-либо возражения?

Отв. Факт власти сам по себе является неизбежным в жизни общества, а потому представляет собой явление естественное, органическое. Ясно при этом, что сам по себе он не допускает никаких ни возражений, ни оценки. Последние же, могут иметь место только в случае, если власть и подчинение рассматриваются в виду тех целей, во имя которых власть становится властью, а подчинение допускает ее воздействие.

Воп. Какие задачи ставятся власти при ее возникновении?

Отв. Элементарной задачей власти является создание и поддержание порядка. В дальнейшем она получает значение силы, в установленном порядке осуществляющей высшие начала правды.

Воп. Чем обуславливается необходимость порядка в отношениях общности?

Отв. Как всякий процесс вообще, процесс общественного развития, в каком проявляется жизнь того или другого общества, нуждается в стройности и определенности совершения этого процесса, что и создает известный порядок, и то, что в природе достигается путем функционирования так называемых законов природы, в человеческом обществе составляет задачу власти.

Воп. Возможно ли достижение известного порядка в обществе помимо принуждения?

Отв. Осуществление общественного порядка с необходимостью предполагает наличие принуждения и без принуждения совершенно невысказано, ибо общество представляет собой кооперацию совершенно самостоятельных органических единиц, способных чувствовать, мыслить, желать – каждый по-своему, и эта способность самостоятельных переживаний со стороны каждого отдельного члена общества вносит в социальную жизнь возможность произвола, в смысле уклонения их воли от воли всего общественного организма. Поэтому в нормальной жизни общества необходимо установление заранее всем известных и для всех обязательных норм, причем обязательность эта обеспечивается

исключительно их принудительным характером⁹³.

Воп. Каким образом возникает в обществе власть?

Отв. Общественная власть есть результат самых общественных отношений, отношений взаимодействия между членами общества, в которых всякий влияет на окружающих и в то же время испытывает на себе их влияние. Общество, таким образом, в самом себе находит множество зародышей власти. Поэтому для него нет необходимости создавать власть, но стоит лишь ее признать и ей подчиниться.

Воп. Каким образом происходит установление общественного порядка?

Отв. Первоначально, на низших ступенях общественного развития, являясь известной определенностью в течение поступков, порядок просто-напросто формулирует фактические отношения между людьми, обусловленные самой природой тех взаимодействий, в какие в данном случае они вступают между собой, сообразно своим силам, способностям, возрасту, полу и т. п. Такая формулировка отношений, естественным образом складывающихся между членами данного общества, является в виде обычая, т. е. того, что «обыкли», привыкли делать.

Воп. Чем является обычай в общественной жизни?

Отв. В общественной жизни обычай является низшей формой общественного порядка, не удовлетворяя вполне этой потребности в порядке.

Воп. Почему обычай не может вполне осуществить необходимый в социальной жизни порядок?

Отв. Обычай не вполне осуществляет необходимый в жизни общества порядок потому, что, во-первых, являясь, простой формулировкой фактических отношений каждой данной группы людей, он представляет собой большое разнообразие, в зависимости от случайных и преходящих обстоятельств, и потому недостаточен для объединения всех членов данного социального организма, а также недостаточен для примирения частных и групповых интересов его. Во-вторых, обычай формулирует исключительно то, что есть, но не то, что должно быть, тем самым оставляя неудовлетворенным коренное стремление человеческой природы, требующей высших и общеобязательных норм жизни.

Воп. В каком виде возможно осуществление в общественной жизни этих более широких норм порядка?

Отв. Такие нормы устанавливаются в государственных отношениях, и момент сознания их необходимости является моментом зарождения государственности.

Воп. Какие задачи в отношении общественной жизни ставятся государству?

Отв. Государство призвано к осуществлению в общественной жизни начала правды. Началами правды оно регулирует общественные отношения, примиряя ими всевозможные частные, личные и групповые интересы членов общественного союза.

Воп. В каких формах государством осуществляются начала правды?

Отв. Начала правды осуществляются государством в праве, которое представляет собой формулу справедливости, обусловленной высшими началами правды, ибо справедливо то, что согласуется с правдой.

Воп. Если государство призвано осуществить в общественной жизни высшие начала правды, то какое значение оно получает, благодаря этому, в отношении личности и ее творческой деятельности?

Отв. Каждая личность, входящая в состав членов данного государственного союза, подчиняясь его власти, подчиняется не чему-либо внешнему и чуждому для себя, но как бы частичка своего собственного «я», лучшими его сторонами, ибо подчиняется она этой власти во имя той высшей правды, началами которой государство регулирует общественную жизнь. В этом смысле она является вполне свободной в государственном союзе, ибо подчинение тому, чему сам находишь необходимыми для себя подчиниться, есть проявление высшей свободы. Поэтому нормирование государством общественных отношений не может стеснить личное творчество; наоборот, по самому существу своей природы, оно является его лучшей охраной. То, что государство представляет собой лучшую организацию разумной свободы – общественной и личной, – доказывается теориями самих отрицателей государственности, в которых последние, на место подчинения разумной власти государства, выдвигают или господство сильнейшего – в анархии или подчинение человека стихийными силами – в проектируемом социалистическом строе, проповедники которого предполагают возможность уничтожения принудительной власти государства исключительно в виду того, что жизнь общества, вставленная в рамки коммунистического производства, будет регулироваться этими рамками. Другими словами, подчинение разумными началами отвергается во имя подчинения грубыми силами природы.

Воп. Какую форму общественности представляет собой государство?

Отв. Государство представляет собой «союз членов социальных групп, основанных на общечеловеческом принципе справедливости под соответствующей ему верховной властью»⁹⁴.

Воп. Почему государство определяется как «союз членов социальных

групп», а не просто людей?

Отв. Именно как союз членов социальных групп государство определяется потому, что расслоение по группам отдельных членов общества является необходимым и неизбежным условием возникновения государства. Человек рождается уже как член известного общественного союза, развитие соединяет его все с новыми и новыми группами, в каких он находит организованную защиту и развитие различных своих интересов. «В государственный союз вступают не просто люди, отдельные, изолированные, не имеющие других интересов, кроме государственных. У людей изолированных не может быть государственных интересов, таким людям государство не нужно и составляло бы для них бесполезное иго. Государственный интерес может явиться только у людей, уже предварительно соединившихся в более элементарные социальные группы и здесь получивших некоторые интересы, требующие согласования и охранения, а равно имеющих потребность обеспечить свою личность от эксплуатации самими же групповыми силами. Для таких людей – для членов социальных групп – государство становится действительно нужно и даже необходимо с того момента, когда переплетаются интересы этих групп, не допуская их разъединиться, но в то же время порождая их взаимную борьбу и эксплуатацию. Тут становится необходимым высший объединительный и примирительный принцип, с соответственной для его задач верховной властью»⁹⁵. Такой социальный материал, из которого может возникнуть государство, представляет собой нация, – общество, объединенное на основах единства духовных и материальных интересов – территории, географических условий, языка, верований, исторических условий развития и т. п.

Воп. Почему в основу государственного союза должен быть положен «общечеловеческий принцип справедливости»?

Отв. Примирять и регулировать частные и групповые интересы возможно, исключительно, исходя из некоторого возвышающегося над ними самими начала; ни частный, ни какой-либо групповой интерес не может лечь в основу этой регуляции. Поэтому государство постоянно стремится обосноваться на высших началах, которые тем универсальнее, тем абсолютнее, чем выше стоит умственный и нравственный уровень организующей данное государство нации, стремящейся в нем осуществить условия существования не сословного, не корпоративного, но общечеловеческого.

Воп. Почему деятельность государства требует верховенства своей

власти?

Отв. Верховенств своей власти государственная деятельность требует потому, что стать действительным регулятором общественной жизни государство может только в том случае, если ему будет предоставлена власть, идейно, по своим задачам, возвышающиеся над всеми другими.

Воп. К каким основным элементам сводится государственная структура?

Отв. Основными элементами государственной структуры являются нация или народ и верховная власть.

Воп. Что представляет собой нация в государстве?

Отв. Под именем нации объединяется вся масса групп и лиц, порождающая данный государственный порядок, организуемый верховной властью. Тем не менее, нация и государство не тождественны по своему содержанию: государство есть только один из союзов, связующих членов данной нации, и нация только некоторой частью своего существования живет в государстве, не будучи поглощаема им всецело. Нация не только способна перестраивать формы образуемого ею государства, но способна и пережить его полнейшее крушение и восстановить его много веков спустя.

Воп. Что такое представляет собой верховная власть в государстве?

Отв. Верховная власть в государстве представляет собой конкретное выражение того принципа, который принимается данной нацией, как объединительное начало, и на основах которого она желает строить свою государственность. Другими словами, обще человеческое начало справедливости, осуществить которое в общественных отношениях призвано государство, – в верховной власти находит свое видимое выражение и получает значение реальной силы.

Воп. В каких отношениях находятся между собой эти два элемента в государстве?

Отв. Верховной власти, как это выражено в самом ее имени, принадлежит полнота государственной власти, в силу которой она организует управление нацией. Эта организуемая ею система управления называется правительством. Оставаясь по отношению к верховной власти подданными, по отношению к правительству члены нации являются гражданами.

Воп. До какой степени допустимо смешение верховной власти и правительства?

Отв. Такое смешение совершенно недопустимо, в виду коренной разницы между существом верховной власти и правительства?

Воп. В чем состоит эта разница?

Отв. Верховная власть есть конкретное выражение принципа, принятого данной нацией за объединяющее начало, тогда как правительство является созданием практических условий времени и места.

Воп. В каких отношениях состоят между собой верховная власть и правительство?

Отв. В идеале верховная власть организует систему управления, известную под именем правительства, сообразно с содержанием своего собственного принципа, т. е. принципа, конкретным выражением которого она является. Однако, в действительности не всегда бывает именно так, в виду, во-первых, недостаточной степени сознания своего принципа самой верховной властью, во-вторых, в виду несовместимости практических условий с организацией правительственного механизма на основе данного принципа. В результате подобных обстоятельств правительственная организация может дать место силам и принципам прямо враждебным принципу самой верховной власти⁹⁶. Таким образом, являясь органом верховной власти, правительство, тем не менее, имеет свое самостоятельное существование, хотя источником управительной власти бывает власть верховная.

Воп. Какое различие между верховной властью и правительством существует с точки зрения их внешней структуры?

Отв. С точки зрения внешней структуры верховной власти и правительства, различие между ними сводится к тому, что первая, по природе своей, является единой, сосредоточенной и нераздельной, тогда как власть управительная, будучи основана на специализации или так называемом разделении властей, в то же время допускает в общей организации управительного механизма сочетание различных принципов.

Воп. В чем проявляется природное единство верховной власти?

Отв. Природное единство верховной власти проявляется, во-первых, в том, что в ее основе обыкновенно лежит один из трех принципов всякой власти: монархический, аристократический или демократический, причем субъектом верховной власти может явиться и известная коллективность, но исключительно такая коллективность, которая служит выражением какого-либо одного принципа. Во-вторых, в силу этого единства ей принадлежит полнота государственной власти, в трех ее проявлениях: 1) законодательном 2) судебном и 3) исполнительном, которые являются проявлениями одной и той же силы, в законодательстве устанавливающей известную общую норму, а в суде и администрации применяющей ее к частным случаям и приводящей в исполнение.

Воп. До какой степени целесообразным является учение

современного государственного права о так называемой «ограниченной монархии», допускающее возможность «сочетанной верховной власти» и распространяющее «разделение властей» на власть верховную?

Отв. Учение это является научно-ложным, ибо не соответствует действительной природе верховной власти. Так, например, Блюнчли говорит о «свободе», проявляющейся в виде контроля подданных над верховной властью. Однако, в том случае, если контроль бессилён заставить верховную власть изменить свои действия, он не имеет решительно никакого смысла. В ином же случае, когда в результате контроля те, кто здесь называются «подданными», имеют возможность заставить того кто здесь называется «верховой властью», действовать иначе, – очевидно, «подданные» на самом деле и являются верховной властью, а то, что называется верховной властью, представляет собой известную правительственную инстанцию, власть управительную, всегда подчиненную власти верховной. Таким образом, в так называемой «ограниченной» или «конституционной» монархии носителем верховной власти является вовсе не монарх, ибо власть его ограничена, но те, кто называются в данном случае подданными, т. е. народ, а, следовательно, здесь мы имеем дело с обыкновенной демократией. Что же касается до «ограниченного монарха», то он представляет собой первого министра, носителя власти управительной, в известных пределах и с известными ограничениями, переданной ему самодержавным народом, ибо в действительности верховная власть юридически ничем не ограничена. «Она не подчиняется ничьему суду, ибо если бы был высший судья, то ему бы принадлежала верховная власть»⁹⁷.

Воп. Какая ошибка в области теоретических рассуждений породила это искажение природы верховной власти в учении об «ограниченной монархии»?

Отв. Это искание основного свойства верховной власти – ее единства – обусловлено смещением понятий верховной власти и правительства, допускающего в своей организации сочетание различных принципов власти.

Воп. Почему власть управительная допускает сочетание различных принципов?

Отв. В каждом обществе постоянно живут несколько принципов власти – и монархический, и аристократический, и демократический, в недрах общественной жизни они постоянно переплетаются между собой, на тысячи пунктов, будучи связаны с государством, ибо верховная власть последнего представляет собой только преобладание одного принципа

власти над другими, которые продолжают существовать на низших ступенях общественной лестницы, и возникновение государства знаменует, собой момент возникновения идеи некоторой верховной власти, не уничтожающей частные силы, но их регулирующей и примиряющей. Поэтому искусство управления и состоит именно в том, чтобы разумнее пользоваться уже живущими в обществе элементами власти и на них строить систему управления государством.

Воп. Каким образом проявляется специализация или разделение правительственных властей?

Отв. В силу специализации правительственная власть делится, согласно трем проявлениям государственной власти, на законодательную, судебную и исполнительную.

Воп. Чем обуславливается необходимость разделения правительственной власти на законодательную, судебную и исполнительную?

Отв. Эта необходимость обуславливается тем, что со специализацией властей развивается совершенство правительственного механизма, причем устраняется возможность узурпации самой верховной власти со стороны правительственной, чему примеры мы можем видеть в истории.

Воп. Если полнота государственной власти, безусловно, сосредоточивается в руках власти верховной, то до какой степени необходимым является вообще существование власти управительной?

Отв. Юридически, в идее вся полнота управительной власти принадлежит власти верховной, но на самом деле, фактически, она ограничена своим количественным содержанием, и охватить своим непосредственным влиянием она может лишь ограниченные пределы. Это относится ко всякой верховной власти, каков бы ни был ее принцип: – монархически, аристократический или демократической. Поэтому и является необходимость известного управительного механизма, передающего центральную силу далеко за пределы сферы ее непосредственного влияния, и прямое действие верховной власти заменяется передаточным.

Воп. В каких формах может быть организовано передаточное действие в государстве?

Отв. Передаточное действие может быть организовано или в форме власти служилой, или в форме власти представительной.

Воп. Что представляет собой власть служилая?

Отв. «Власть служилая, в виде всякого рода чиновников, комиссаров и т. п., составляет тот, безусловно, необходимый и полезный

правительственный механизм, который служит для передачи и осуществления правящей воли»⁹⁸; однако, в виду того, что составными элементами этого механизма являются люди со своей собственной волей, со своими собственными желаниями и мыслями, передача при его помощи центральной воли за пределы ее непосредственного влияния легко может сопровождаться не только уклонениями, но и прямым извращением ее настоящего направления. Поэтому наилучшее действие есть прямое, и это относится не только к действию центральной власти, но всякой власти вообще, на какой бы инстанции правительственной иерархии она не находилась.

Воп. К каким функциям фактически сводится действие верховной власти в государстве?

Отв. Верховная власть юридически универсальна: если бы она не была универсальной, она не была бы верховной. В организуемой ею системе передаточного действия верховная власть действует посредством своих служилых людей, сохраняя над ними власть и контроль, в силу которых имеет право немедленного уничтожения всего ими совершенного помимо ее воли и указания. Поэтому фактически функции верховной власти сводятся к направлению и контролю относительно организуемого ею правительства.

Воп. Каким образом может быть обеспечен контроль верховной власти над правительством?

Отв. Этот контроль может быть обеспечен путем целого ряда мероприятий.

I. Освобождение верховной власти от непосредственного заведывания мелочами управления, погрязши в которые, она отвлекается от своих специальных функций направления и контроля правительственного механизма.

II. Контроль правительства со стороны самих подданных путем: 1) права апелляции к верховной власти; 2) публичности и гласности действия служебных властей; 3) права обсуждения действия властей в печати, собраниях и т. п.

III. Неоспоримым средством контроля над правительственными учреждениями является система их организации на разнородных принципах, в виде допущения, наряду с бюрократическими учреждениями, общественного самоуправления. В такой системе постоянно действует их взаимная проверка и критика.

IV. Учреждение специального органа контроля⁹⁹.

Воп. В чем состоит передача действия верховной власти посредством

представительства?

Отв. Передача действий посредством представительства заключается в том, что лицо или лица, представляющие верховную власть, не исполняют, в противоположность служилым, известное определенное поручение, но, по своему праву, действуют во имя своего доверителя, представляя самую волю его, даже в тех случаях, когда воля эта не может быть заранее известна. Таким образом, в представительстве лицу, представляющему верховную власть, как бы передается все ее самодержавие.

Воп. До какой степени целесообразными должно считаться представительство в качестве орудия передачи действия верховной власти?

Отв. «Чужую волю нельзя представлять, потому что она даже не известна заранее. Никто не может и сам знать заранее, какова будет его воля. Тем более не может этого знать представитель»¹⁰⁰. Таким образом, представительство еще дальше, чем передача действия власти при помощи служилых людей, от достижения поставленной цели.

Воп. Чем же объясняется тот факт, что представительство иногда играет очень видную роль в строении правительственного механизма?

Отв. Представительство большей частью фигурирует в демократиях, и Милль объясняет это приблизительно следующим образом: так как невозможно, чтобы народ непосредственно собирался решать свои дела, если государство переросло размеры маленького городка, то необходимо приходится вместо непосредственного народного правления организовать его из избранных народом представителей. Очевидно, здесь функция верховной власти народа сводится исключительно к избранию своих представителей.

Воп. Нет ли возможности привести в большее соответствие волю верховной власти с действием ее представителей?

Отв. В данном случае может оказаться один способ, а именно – система наказов, когда представители уполномочиваются действовать по наказам, получаемыми ими от представляемых. Но фактически это не всегда и даже очень редко выполнимо. Так, например, в отношении текущих правительственных дел, которые заранее не могут быть известными, прибегать к наказам невозможно, ибо пришлось бы непрестанно обращаться к избирателями с новыми вопросами, чем деятельность правительства по управлению страной приведена была бы в неподвижное состояние.

Воп. Сколько и каких принципов власти мы знаем?

Отв. Принципов власти мы знаем три:

- 1) монархический, когда носителем власти является одно лицо;
- 2) аристократический, когда носителем власти являются несколько лиц;
- 3) демократический, когда носителем власти является весь народ данного государства.

Воп. Какое взаимоотношение существует между этими принципами?

Отв. Существует убеждение, что принципы эти представляют собой определенную смену явлений – монархия, переходя в аристократию, а последняя, переходя в демократию. На самом же деле, между ними такого отношения неизбежной преемственности вовсе не существует, и переходить эволюционным путем один из них в другой никак не может, допуская лишь простую замену одного другим, которая знаменуется государственным переворотом, но замена эта не есть эволюционный переход одного принципа неизменно в другой определенный, но заменяют они друг друга в неопределенной последовательности. Какой бы принцип ни приобрел в данном обществе и в данную эпоху значение верховного, в этом обществе не уничтожаются и другие принципы. Решительно всегда и во всяком обществе мы замечаем существование власти единоличной, которой подчиняются даже не из уважения именно к данной личности, а потому, что во множестве случаев, по общему сознанию, распоряжаться должен кто-нибудь один. Точно также всегда существует в обществе какой-нибудь слой, которому особенно перед другими доверяют и которому подчиняются не потому, чтобы находили каждое данное лицо его особенно высоким, а по предположению, что в человеке данного слоя имеются сословные способности к управлению, что лица этого слоя имеют особую для того выработку, о которой народ заключает не из видимых ему качеств данного лица, а по принадлежности его к данному слою. Точно также нет общества, даже рабского, в котором не было бы в той или иной формы проявлений: власти демократической, то есть власти целой массы народа, не потому, чтоб она была умна или в каком-нибудь отношении лучше других, а потому, что это – масса, сила, большинство»¹⁰¹. Все эти виды власти являются совершенно самостоятельными типами, но не фазами эволюционного развития власти, как таковой, чему доказательства дает история многих народов. Многие из них знали только одну форму верховной власти, другие представляют замену одной формы другой несоответственно вышеприведенной формуле и т. д.

Воп. От каких условий в зависимости стоит признание того или другого принципа власти за верховный?

Отв. Признание известного принципа за верховный в национально-

государственной жизни зависит от психологического состояния нации, которым и определяется, какое именно начало, какой именно принцип данная нация склонна положить в основу своей общественно-политической жизни и какому она решается подчиниться.

Воп. Почему признание того или другого принципа власти за верховный обуславливается нравственно-психологическим состоянием нации?

Отв. Государство призвано осуществить в общественной жизни начала правды, которыми оно регулирует общественные отношения – частные, личные, групповые. Очевидно источник всех государственных норм – верховная власть – находится в родственной связи с идейным содержанием того начала, какое данной нацией принимается, как начало абсолютной правды, как высочайшая реальность. Этим-то содержанием обуславливается этический идеал нации, в виде того или другого кодекса моральных требований; им же обуславливается тот принцип, которому нация подчиняет свою общественную жизнь в государстве. Таким образом, признание известного принципа верховным, неизбежно вытекает из общего нравственно-психологического состояния нации, склонной подчиниться именно этому, а не какому-либо другому началу правды, во имя которой она и признает известный принцип верховной властью – источником всякого права. Восходя в своем происхождении к абсолютным началам правды, верховная власть – всегда идеократична.

Воп. В каком смысле верховная власть является идеократичной?

Отв. Идеократична она в том смысле, что, будучи, по существу своему, неограниченной и определяя собой все нормы и всякое право в государстве, верховная власть сама ограничена содержанием своего идеала, т. е. того начала, во имя которого данная нация подчиняется ее верховенству. Другими словами, являясь юридически неограниченной, не завися ни от каких юридических норм и обладая полнотой всех возможных юридических прав, – нравственно она ограничена в смысле необходимости согласоваться с содержанием народных идеалов, какими держится ее верховенство. В пределах такого согласования она – законна, за его пределами становится узурпацией. Эти пределы не подлежат точной формулировке, но постоянно чувствуются нацией.

Воп. Каким содержанием нравственно-психологических состояний нации обуславливается признание верховенства демократии?

Отв. Когда сознание нации видит основную реальность мира, мировую сущность в материальной, физической силе, естественно, что из таких воззрений неизбежно вытекает признание силы количественной за

высшей, объединяющий нацию принцип, какой ею и призывается в регуляции социально-политической жизни. Признание силы количественной, как верховного организующего начала, находит свое выражение, относительно политических форм, в демократии.

Воп. Каким образом возникает аристократия?

Отв. В смысле нравственно-психологического состояния нации аристократия предполагает со стороны нации сознание некоторого разумного закона, управляющая явлениями общественной жизни. В силу такого сознания верховенство признается за немногими «лучшими людьми», способными, по своей природе, указать и осуществить эту социальную разумность. В аристократии нация уже отдает предпочтение силе качественной перед силой физической.

Воп. Каким нравственно-психологическим состоянием нации обуславливается возникновение монархии?

Отв. Если «в нации жив и силен некоторый всеобъемлющий идеал нравственности, всех во всем приводящий к готовности добровольного себе подчинения, то появляется монархия, ибо при этом для верховного господства нравственного идеала не требуется действие силы физической (демократической), не требуется искание и истолкование этого идеала (аристократия), а нужно только наилучшее постоянное выражение ее, к чему способнее всего отдельная личность, как существо нравственно разумное, и эта личность должна лишь быть поставлена в полную независимость от всяких внешних влияний, способных нарушить равновесие ее суждения с чисто-идеальной точки зрения»¹⁰².

Воп. Почему в своей исторической практике монархия далеко не всегда и не полностью являлась истинным выражением национального идеала?

Отв. Если монархия в истории и отклонялась от истинного выражения национальных идеалов, то причиной этого является то обстоятельство, что в социальной действительности явления обуславливаются сложными комбинациями многих условий, из которых главнейшее представляет собой нравственно-психологическое состояние нации, которое и в своем признании высшей, сверх, человеческой силы может стоять на различных степенях нравственной высоты.

Воп. Чем обуславливается нравственная высота психологического состояния нации?

Отв. Обуславливается она высотой религиозных представлений и верований нации, какими с необходимостью определяется и кодекс ее моральных представлений и требований.

Воп. Одной ли религии принадлежит преимущество посредством своего влияния определять степень нравственной высоты нации?

Отв. Действительно, религия одна способна оказывать определяющее влияние на нравственное состояние того или другого народа, ибо, судя на основании фактов исторической действительности, философские системы только тогда становятся действующей силой в истории, когда их положения становятся объектом веры.

Воп. Почему требуется религиозная вера и мало одного рассудочного убеждения для того, чтоб известное положение стало силой, действительной в жизни данной нации?

Отв. Религиозная вера, по одному из ее определений, которые, тем не менее, не уничтожаются одно другим, является верой в сохранение ценности в мире. Ею определяются все ценности, ценность самой жизни и личное достоинство человека. Вера в сохранение ценности за жизнью каждого человека поддерживает его жизнедеятельность, а принципы его личного достоинства и соответствующие оценки предметов и явлений действительности, неизбежно, определяют направление этой жизнедеятельности. Между тем, философская мысль есть плод рассудочной деятельности и, не будучи объектом веры, веры и не требует, допуская лишь критический анализ. Не требуя веры, она и не создает ее, а тем самым и лишается той силы, которая способна быть известным стимулом, направляющим действия и поступки людей¹⁰³.

Воп. Чем обуславливается высота религиозных верований?

Отв. Для человека верующего эта высота обуславливается согласованностью религиозных верований с Божественным откровением; для неверующего критерием этой высоты может быть исключительно высота морального учения. И с одной, и с другой точек зрения, высочайшей формой религии для нашего времени является христианство. Степенью приближения к нему характеризуется высота нравственно-религиозных учений, ибо в нем сосредоточивается абсолютно-совершенная истина и абсолютно-совершенное добро, которые известны в настоящее время человечеству.

Воп. Если в христианстве мы признаем высочайшую истину и всесовершенное добро, какие только известны человечеству, то какое значение это имеет при оценках монархии?

Отв. Очевидно, высочайшую нравственную высоту представляет собой монархия, построенная на началах христианского учения. Чем ближе, в смысле предлагаемого ею кодекса моральных требований, религия стоит к нравственному учению христианства, тем выше будет

стоять возникающая при таких условиях монархия. Чем дальше стоит она от христианства, тем сильнее искажения последуют в отношении самой монархии.

Воп. Какое главнейшее искажение монархии известно в истории в связи с религиозным началом?

Отв. Таким искажением является деспотия.

Воп. В связи с какой религиозной концепцией может возникнуть деспотия?

Отв. Деспотия обыкновенно возникает в связи с таким содержанием религиозных верований, по которому или монарх сам является божеством, или же он признается верховной властью во имя не вполне определенной, в нравственном отношении, сверхъестественной силы, которой народ готов покоряться ради нее самой, и которой представителем для него является монарх.

Воп. Почему обожествление монарха влечет за собой деспотичность его власти?

Отв. Деспотия, в результате личного обожествления монарха, возникает потому, что никакого выше себя самого закона он ведь собой, очевидно, не признает. Всякая воля его священна, всякая его воля – закон, хотя бы сейчас он желал одного, а через секунду – совершенно противоположного.

Воп. Почему деспотия возникает тогда, когда власть монарха признается верховной во имя некоторого неведомого всемогущего божества?

Отв. В данном случае открывается место деспотии потому, что неизвестно содержание и направление воли божества, которое покровительствует монарху и заставляет всех ему подчиняться. Здесь имеется налицо только сознание некоей сверхчеловеческой силы, но нет истинно-нравственного идеала в связи с этими религиозными представлениями. Но если нет ясного, живо сознаваемого всей нацией нравственного идеала, нет и начала, ограничивающего произвол, ибо власть верховная, по существу своему, может быть ограничена исключительно содержанием выражаемого его нравственного идеала. Когда его нет, от подданных требуется слепое подчинение такому деспоту, пока неведомое божество не уничтожит его и не заменит другим. От этого зависит и порядок престолонаследия в деспотии, где мерилom в нравственной законности власти того или другого повелителя является «успех». При этом, очевидно, такое мирло правды, как «успех», не допускает различия между законной властью и узурпаторской; и нет

ничего удивительного, что для поддержания династии, прибегают нередко к убийству всех претендентов, а избиение всех братьев султана являлось иногда правилом внутренней политики. Ни о каком долге со стороны монарха в отношении управляемого им народа здесь, очевидно, не может быть и речи¹⁰⁴.

Воп. В зависимости от каких других, кроме религиозно-нравственного начала, условий, стоит возникновение монархии?

Отв. Религиозное начало и отчасти особенности социального строя являются основными условиями, от каких зависят возникновение монархии. Далее, ее возникновение стоит в зависимости вообще от всех условий, способствующих возникновению единоличной власти, какими являются условия, создаваемым ходом внутренней и внешней социально-политической жизни нации. Наконец, чистота монархических форм зависят от степени политической сознательности в стране.

Воп. Каким образом проявляется связь монархии с условиями социальной жизни нации?

Отв. «С развитием гражданского состояния монархия является тем легче, чем элементы гражданской жизни (в виде сложного группового, в зависимости от сложности интересов, какими захвачена данная нация, расслоения ее и развитая зародышей аристократического и демократического принципов власти) сложнее и чем сильнее они каждый порознь развиты. Не желая и не видя оснований к взаимному подчинению, ощущая каждый в отдельности свой собственный *raison detre*, все эти элементы способны к объединению только некоторым высшим принципом, отвлеченным от их отдельного существования, но не отрицающим их. Таким принципом является легче всего нравственный, человеческий, исходящий из идеи личности, ее прав, ее блага, ее потребностей и т. п. Являясь с таким характером, он выдвигает власть монархическую, как по существу нравственную»¹⁰⁵.

Воп. Каким образом сочетаются в монархии совокупность условий религиозного начала и социального развитая?

Отв. Возникая из комбинации той и другой категории условий, монархия является выразительницей народного нравственного идеала, который вырабатывается в результате применения, реализации народом своих понятий о правде в условиях личной и социальной жизни. Так вырабатывается народный нравственный идеал, тип борца, героя, деятеля, отца.

Воп. Какое значение для возникновения монархии имеют условия внутренней и внешней политики?

Отв. Условие внутренней и внешней политики могут благоприятствовать возникновению монархии, когда в виду необходимости энергии и единства власти, в эпохи национальной самообороны или покорения других народов, возникает потребность сосредоточить власть в руках одного лица. Но не всякая единоличная власть представляет собой верховную, ибо в тех случаях, когда условия внешней или внутренней политики выдвигают единоличную власть, она выдвигается с чисто-служебным характером, как необходимая в данный момент, форма власти, – власти управительной, служебной, но не верховной. Ясно, что, когда минует момент необходимости в такой единоличной форме власти, она может быть упразднена, и действительно упраздняется, если только она не возводится на степень власти верховной нравственными понятиями данной нации. В связи с таким ошибочным признанием и именованьем словом «монархия» всякой политической формы, когда во главе государства стоит одно лицо, стоит известное извращение монархического принципа, именуемое абсолютной монархией или прямо абсолютизмом.

Воп. Каким образом власть монарха может быть абсолютной?

Отв. По существу абсолютной может быть только власть демократии, в смысле животной, грубой, недухотворенной и лишенной высших нравственных идеалов власти, ни от кого, кроме себя самой, не зависящей и самой из себя происходящей. Не признавая никакой высшей над собой силы, народ сам представляет собой эту силу, и власть его абсолютна по природе. Если, в виду, какой бы то ни было необходимости, вся государственная власть передается в руки одного лица, то власть этого лица, по полноте передаваемых самодержавным ему народом прав, является абсолютной. Но абсолютизм единоличной власти не есть условие, делающее ее верховной. Наоборот, верховная власть в чистой, истинной монархии – неограниченна, но не абсолютна, ибо нравственно она ограничена содержанием своего идеала. Абсолютизм единоличной власти указывает на происхождение ее из демократии. Но от своего верховенства народ, не сознающий силы, высшей самого себя, по нравственному состоянию своему, отказаться не может. Он может делегировать свою власть одному лицу, которое, обладая полнотой власти в государстве, явится диктатором, правителем с неограниченной и даже абсолютной властью, но монархом, тем не менее, не будет, ибо не будет субъектом верховной власти, остающейся, по смыслу абсолютизма, при самодержавном народе, так как она неотчуждаемо по существу. Так и было в Риме, в императорский период, когда при возведении на престол

императоров все-таки сохранялась хотя бы только видимость избрания их народом, и провозглашалось знаменитое: *senatus populusque...*

Воп. Каким образом действует политическая сознательность страны в числе условий, определяющих признание монархического принципа верховным?

Отв. Сознательность, с какой и сам монарх, и нация относятся к течению политической жизни, имеет огромное значение для правильности осуществления монархического принципа в качестве верховной государственной власти. Необходимо ясное понимание данного начала власти, понимание источников его силы для сохранения его и развития¹⁰⁶. В истории множество примеров, когда монархии сами подрывали собственную силу, допуская и даже направляя усилия на создание таких условий, какими сами себя они привели к гибели и замене другими политическими формами.

Воп. В чем состоит существо монархического принципа?

Отв. Для того, чтобы один человек мог стать верховной властью для того народа, к которому он сам принадлежит и который во столько раз сильнее всякой отдельной личности, во сколько миллионы сильнее единицы, очевидно, необходима высшая, сверхчеловеческая санкция его власти. Народ отказывается от своей власти не в пользу монарха, как в абсолютизме, но во имя высшей силы, какую он чувствует над собой. Степень нравственной высоты христианских идеалов видит в монахе слугу Божия, подчиненного на своей службе Богу всецело, точно так же, как и всякий подданный, исполняя свой долг семейный и общественный, исполняет малую, возложенную на него Богом миссию. «Такой власти народ подчиняется безгранично в пределах ее Божия служения, т. е. пока монарх не заставляет подданного нарушать воли Божией и, следовательно, перестает сам быть слугой Бога. За этой же оговоркой – верховная власть монарха безгранична»¹⁰⁷, ибо здесь монарх – слуга Божий и подчинен Его воле, исполняя возложенный на него этой божественной волей долг.

Воп. Какова природа монархического принципа власти, как таковой, какими свойствами обладает эта власть?

Отв. Проф. Б. Чичерин¹⁰⁸ замечает: «Всякий образ правления имеет свои выгоды и свои недостатки, проистекающие частью из самой его формы, отчасти из способа пользоваться властью». Это положение многие желали бы применить к монархии.

Воп. Какие же выгоды представляет монархия?

Отв. По мнению Чичерина:

I. Ею наилучшим образом обеспечивается единство власти, а из

единства власти проистекает ее сила и прочность.

II. Монархия, по независимости своей, непричастна духу партии, ибо монарх стоит вне частных интересов, и для него все классы, сословия, партии совершенно одинаковы. По отношению к народу он является не личностью, а идеей.

III. Монархия лучше всего обеспечивает порядок.

IV. Нет образа правления более пригодного к совершению крупных преобразований.

V. Крупной личности точно также легче всего проявить на общую пользу свои высокие качества именно в монархии.

Воп. Каковы недостатки, приписываемые монархии?

Отв. Монархии приписывают обыкновенно следующие недостатки:

1) Династичность делает случайным замещение престола в смысле способностей монарха; может родиться гений, но может родиться и бездарность.

2) Ограниченность круга непосредственного влияния монарха в делах управления вынуждает прибегать к системе передаточного действия, при помощи чиновников, которые, действуя именем монарха, легко впадают в произвол.

3) В монархии ограничивается самодеятельность нации, так как над ней организуется всесторонняя бюрократическая опека.

Воп. До какой степени действительны эти упреки?

Отв. Первый из них указывает на обстоятельство не столь важное в деле государственного управления. Что касается двух других, приписывающих монархии склонность к бюрократической опеке нации, то они относятся не к истинной форме монархии, а к ее извращению, которое ранее упоминалось под именем абсолютизма.

Воп. Почему в монархии необходим династический порядок престолонаследия?

Отв. Он необходим потому, что, во-первых, соответствует лучшим образом самому смыслу монархии; во-вторых, потому, что обеспечивает наилучшую выработку носителей верховной власти; наконец, в-третьих, он практически необходим.

Воп. Каким образом династический порядок престолонаследия соответствует смыслу монархии?

Отв. В силу необходимости единства между монархом и народом необходимо, чтобы всегда была личность для замещения престола, личность, не возбуждающая никаких споров и сомнений. От нее требуются прежде всего не таланты, а духовная посвященность

предстоящей ей миссии – быть выразительницей нравственных идеалов своего народа; она должна быть проникнута своим долгом и, во имя этих идеалов, Божиим велением, управлять этим народом согласно началам Божественной правды. Такую личность способна дать только династия.

Воп. Каким образом династия оказывается способной дать такую именно личность?

Отв. Такую личность династия способна дать соответствующей выработкой будущего носителя верховной власти.

Воп. Каким путем происходит эта выработка?

Отв. Эта выработка происходит путем соответствующего воспитания, когда в царствующей семье передается из поколения в поколение, как вековая семейная традиция, задача и долг хранения народных идеалов, подобно тому, как они переходят от отцов к детям в самой нации. Поэтому народ, призвавший монархию к верховенству в своей общественно-политической жизни, сам стремится к династичности престолонаследия; это стремление иногда действует в нации даже в случае фактического прекращения царствующего рода, когда духовно она не допускает такого прекращения, призывая другой род наследовать прекратившемуся. Такой пример представляет русская история¹⁰⁹.

Воп. Почему династический порядок престолонаследия практически необходим в монархии?

Отв. Он необходим потому, что перед монархией открывается особая задача, не имеющая места ни при аристократии, ни при демократии, а именно – задача обеспечения государства непрерывной наличностью носителей верховной власти.

Воп. Почему династичности престолонаследия отдается предпочтение перед принципом личных достоинств, когда монарх занимает престол в силу собственных способностей?

Отв. Порядок престолонаследия согласно личным достоинствам монарха влечет за собой искажение монархической идеи.

Воп. Почему такой порядок престолонаследия может повлечь за собой искажение самой монархии?

Отв. В случае престолонаследия согласно личным достоинствам, монархическая идея искажается потому, что искажаются самые отношения между монархом и его подданными. Здесь у всякого способного человека может явиться мысль, что он-то и есть избранник Божий. Отсюда открывается возможность всяких заговоров и переворотов. Очевидно, при таких условиях монарху приходится заботиться не только о благе своих подданных, но и о сохранение собственной власти. Между

тем, согласно самой монархической идее, монарху необходимо является свободным от всякого личного стремления к власти и не обязан ею никакой человеческой воле. Этому наиболее соответствует династичность, когда предрешается за сотни и тысяча лет до ее рождения, что эта личность обязана, будет, нести власть верховенства над известной нацией.

Воп. Почему открывающаяся возможность личной неспособности носителя власти при династическом порядке престолонаследия не представляет собой достаточной причины для предпочтения порядка престолонаследия сообразно личным способностям?

Отв. Средние и даже ниже средних способности носителя верховной власти в достаточно развитом государстве не представляют собой ущерба, ибо в нем вообще способности монарха не являются решающим моментом, между тем, как порядок престолонаследия сообразно личным достоинствам, открывая необходимость избрания, искажает монархическую идею.

Воп. Почему личные способности монарха в развитом государстве не представляют собой решающего значения?

Отв. Личные способности монарха в развитом государстве решающего значения не имеют потому, что в монархии вообще необходима, в виду особенности свойства ее, искусно организованная система управления. Круг непосредственного влияния со стороны монарха, по чисто-физическим условиям, весьма ограничен. Поэтому в монархии особенно необходима разумная организация управительного механизма, построенная, кроме того, таким образом, чтобы его организация открывала широкую возможность людям способным и талантливым участвовать, в качестве сил служебных, в управлении государством. При совершенстве управительного механизма, очевидно, вопрос личных способностей монарха не имеет решающего значения для государства. Безусловно, при плохой системе управления личные способности его становятся, наоборот, моментом решающим. Однако, и они, когда все управление страной представляет собой плохую организацию, недостаточны, чтобы восполнить ее неудовлетворительность. При плохой системе управления, никакие личные способности, никакие личные таланты не выручат. Зато нравственная выработка носителей власти, необходимые для монарха, его нравственное воспитание лучше всего обеспечивается именно династическим порядком престолонаследия. Таким образом, ущерб делу государственного управления, в случае личной неспособности монарха устраним при искусстве организации правительственного механизма,

которое и без того существенно необходимо в монархии.

Воп. До какой степени непоправимым злом является ограниченность круга непосредственного влияния монарха в делах управления?

Отв. Прежде чем говорить о неизбежности системы передаточного действия в монархии, в силу того, что, по естественным причинам физической невозможности, круг непосредственного влияния монарха ограничен, следует указать на то, что в этом отношении равны в своей практике все принципы верховной власти, и аристократия с демократией совершенно таким же образом, как и монархия, с той лишь разницей, что по природе своей, монархия является более способной к лучшей организации системы управления и имеет в своем распоряжении больше средств к предупреждению и пресечению чиновничьего произвола, нежели аристократия или демократия.

Воп. Почему монархии свойственно организовать именно лучшую систему управления?

Отв. Именно в монархии может быть лучше всего организована система управления потому, что, будучи физически бессилён заведывать полностью всем делом управления страной, монарх, естественно склонен прибегать к содействию других принципов власти и легко даёт им место в системе управления, ибо, являясь их верховным примирителем, он их нисколько не отрицает, а лишь верховно организует как в самой нации, так и в управительной системе, вводя уже существующие в самой нации зачатки организаций власти и повиновения в общую организацию государственного управления. Такое построение управительного механизма на начале сочетания разнородных принципов является наилучшим, открывая широкую возможность национальному самоуправлению везде, где это возможно. С другой стороны, в монархии открывается ничем незаменимое действие монарха по его царской прерогативе, которого лишены, конечно, и демократия и аристократия и которое имеет огромное государственное значение.

Воп. Что такое представляет собой «действие по царской прерогативе»?

Отв. Действие по «прерогативе» противопоставляется действию по праву. Действие по праву есть действие в пределах юридических норм. Действие по прерогативе есть действие, не противное содержанию юридических норм, но протекающее независимо от них и сообразуясь только с обязанностью монарха – дать торжество высшей правде Божественной. (Ср. закон 3-го 1 июня 1907 г.)

Воп. Каково государственное значение действия монарха по

прерогативе?

Отв. Государство, в котором монарх сохраняет право действия по своей царской прерогативе, не представляет собой организации, закованной в рамки закона, хотя бы вопреки нарастающим с каждым днем условиям жизни, до тех пор, пока эти рамки не будут переделаны сообразно с этими новыми жизненными условиями. Согласно своему праву прерогативы, самодержавный монарх сохраняет возможность постоянно отвечать жизненным запросам нации, хотя бы они и не вмещались в установленный в данный момент рамки существующего закона, ибо он стоит над законом, вне закона и, обладая полнотой власти, способен переделать самый закон. При этом условии государство получает гибкость и наиболее соответствует принципам жизни и развития нации.

«Представим себе момент самого зарождения государства, когда верховная власть явилась для устройства государства, но еще не успела его организовать. В этот момент верховная власть заключает в самой себе все управление, на ней лежит вся целостная обязанность поддержания правды. Власть в ней не разделена: она ставит закон, судит за его нарушение, приводит свое решение в исполнение. В то же время, будучи верховенством нравственного начала, монархическая власть не знает ничего себе неподсудного, раз только в данном обстоятельстве или столкновении, так или иначе, замешан интерес нравственный. Обязанность царя – поддержать правду, а не какие-либо частные узаконения, которых еще нет. Никакое действие, по существу противонравственное, не может ссылаться на то, что закон его не воспрещал. Никакой окончательности решения или давности нарушения права, вообще ничего условного еще не создано. Равным образом нет такого частного права, которое могло бы, утверждаясь на самом себе, отрицать вмешательство действия государственной власти. Такого личного права еще никто не получал. Царь, как верховная власть нравственного начала, смотрит за всеми сам, и никакие отношения общественные, семейные, личные не могут уклониться от надзора нравственного начала, государственно олицетворенного в царе. За сим начинается правильное устройство государства, которого цели состоят в том, чтобы эту общую задачу верховной власти осуществить при посредстве системы законов и учреждений. Государство тем более совершенно, чем полнее в нем достигнута эта цель. Простой глазомер верховной власти, действие по совести заменяется действием ею направляемых и устанавливаемых законов и учреждений государственных, и введенных в государство общественных учреждений, роль же верховной власти сводится к тому,

чтобы стать только силой направляющей и контролирующей.

Но полное совершенство учреждений никогда не достижимо. Если бы даже представить себе, что в какую-нибудь данную минуту система законов и учреждений, безусловно, справедливо предусматривает способы охраны и восстановления правды, то, во всяком случае – жизнь изменяется. Естественное право, новые требования обстоятельств и совести расходятся с законами и учреждениями, которые опять делаются отсталыми и несовершенными. Если даже государственные реформы успеют быстро восстановить соответствие между новой жизнью, законами и учреждениями, то все же это сделается не раньше, чем несоответствие обнаружится на практике. Но в эти моменты, пока несоответствие еще не устранено, государство принуждено, поддерживая свой закон, тем самым поддерживать нравственное беззаконие. В эти моменты государство, с точки зрения своих благородных и высоких целей, как бы не существует.

И вот в эти моменты верховная власть обязана снова делать то, что делала, когда еще не успела построить государства: должна делать сама и по усмотрению совести то, чего неспособно сделать государство.

Но так ли редко случаются эти моменты? Конечно, почти невозможно представить, чтобы закон и государство всецело разошлись с требованиями жизни. Но в отдельных пунктах государственной жизни несоответственность закона и учреждений с требованиями действительности замечается в большей или меньшей степени всегда. Сверх того, как бы ни был совершенен и современен закон, он устанавливает лишь средние нормы справедливости, которые постоянно бывают то выше, то ниже средней. Во многих случаях законная справедливость, поэтому не совпадает со справедливостью нравственной.

Но в отношении таких случаев государство и закон, с точки зрения идеала, опять как бы не существует. Если то, что государство делает, оказывается справедливо для других, но не для меня, то я имею право жаловаться, что государство для меня не существует. А оно обязано существовать для всех. Здесь опять открывается для верховной власти задача восстановить справедливость лично, своей прерогативой. Таким образом, действие царя по прерогативе верховной власти – неустранимо с принципиальной точки зрения и не может быть поставлено ни в какие рамки. В силу принципиальной невозможности уволить верховную власть от ее обязанности поддерживать правду, она в потребных случаях должна иметь прерогативу личного действия по совести, и подданные должны иметь право апелляции царю по поводу каких бы то ни было запросов и столкновений между собой или с законными государственными

учреждениями». («Монарх. Госуд.», ч. IV.)

Воп. Какое место должен занимать монарх в системе управления государством?

Отв. Система управления государством должна быть построена таким образом:

1) Чтобы ни одна из отраслей управления не была принципиально изъята от возможности непосредственного вмешательства верховной власти. Ей принадлежат полнота государственной власти в трех ее проявлениях: законодательном, судебном и исполнительном. Хотя фактически одно лицо не в состоянии осуществить все управление государством, тем не менее, система передаточных властей в правительстве должна быть организована таким образом, чтобы, в случае злоупотребления со стороны тех или других управительных властей, монарх мог непосредственно принять участие в данной области государственного управления. Отсутствие этой возможности свидетельствует об узурпации власти монарха со стороны правительства.

2) В нормальном ходе управления возможно большая часть дел должна быть передоверяема правительственным органам, но под неременным условием законности ведения дел и с законной ответственностью всех инстанций управления. В связи с этим стоит необходимость разумной организации контроля за действием всех правительственных учреждений, к которому привлекаются сами подданные.

3) Для самой верховной власти должна быть обеспечена полнота осведомления, внимательное, компетентное обсуждение и возможно более безошибочное решение в отношении всех вопросов управления и всех нужд национальной жизни. Такая осведомленность может быть обеспечена только правильной организацией связи между верховной властью и правительством – с одной стороны, и верховной властью и нацией – с другой. Первое предполагается в предыдущем, второе может быть достигнуто системой народного представительства, в качестве органа совещательного, законосоставительного и осведомительного. Связь монарха с народом, в форме присутствия около него представительного национального органа, предполагается самой идеей монархии, по которой монарх есть единственный выразитель и представитель духа и идеалов народных, ибо для того, чтобы он мог действительно выражать их, он должен их знать, для чего необходима его постоянная связь с нацией.

4) Наконец, в самом построении управительных органов должны быть соблюдены принципы совершенства их действия.

Воп. В чем заключаются принципы совершенства действия управительных органов?

Отв. Принципы совершенства управительных властей состоят в следующем:

1) В законности действия всех управительных учреждений, деятельность которых должна протекать в установленных законом нормах.

2) Каждая власть должна быть снабжена соответствующими ее назначению полномочиями.

3) Во избежание возможного произвола со стороны властей, путем взаимного их ограничения, они должны быть специализированы, что достигается разделением властей.

4) Каждая власть должна быть ответственна сообразно с получаемыми ею полномочиями, для чего должна действовать под надлежащим контролем.

5) Правительство организуется на началах дисциплины и иерархической подчиненности в неперенной связи с осмысленностью исполнения долга; в противном случае, при безличности чиновников, государственный механизм обращается в бездушную машину.

6) В системе управления государством существенно необходимо сочетание сил аристократических и демократических.

7) В связи с сочетанием аристократического и демократического принципов в устройении государственного правления необходимо сочетание учреждений бюрократических с общественными.

8) Необходимо устройство властей, сообразное с целями своего специального действия: во всем, где требуется обсуждение, успешно действуют учреждения, построенным на началах коллегиальности; во всем требующем исполнения применимо начало единоличной власти.

9) Все органы управления должны иметь единый объединяющий их все – центр, ответственный перед верховной властью.

Воп. Каким образом происходит разделение и специализация властей в правительственном механизме?

Отв. Специализация и разделение властей происходит в нескольких направлениях: 1) по способу проявления власти; 2) по предмету ведения; 3) по широте действия.

Воп. Как делится власть по способу своего проявления?

Отв. По способу проявления, она делится на законодательную, судебную и исполнительную.

Воп. Как разделяется власть по предмету своего ведения?

Отв. По предмету своего ведения она делится на министерства; в ведении каждого из них находятся или задачи общественного порядка, или задачи экономические, или задачи защиты государства, или сношение с другими державами и т. д.

Воп. Каким образом происходит деление власти по широте ее действий?

Отв. По широте своих действий правительственная власть разделяется на общегосударственное управление, местное и специальное.

Воп. Что называется бюрократией?

Отв. Бюрократией называется та иерархическая лестница лиц и учреждений, которая служит для передачи влияния монарха по всем направлениям государственного управления, в виду физической невозможности с его стороны влияния непосредственного. Как система передаточных властей, она необходима во всяком государстве и является силой необходимой и полезной до тех пор, пока не узурпирует власти монарха. Бюрократии в монархии соответствует в демократиях, в качестве органа передачи действия, класс партийных политиканов.

Воп. Каким образом происходит бюрократическая узурпация?

Отв. По формулировки Чичерина, бюрократия из удобного орудия власти «может превратиться в самостоятельное тело, имеющее свои собственные интересы и становящееся между монархом и народом. Интерес бюрократии состоит в том, чтобы неограниченно властвовать в административной сфере. Эта цель достигается тем, что обществу дается как можно меньше способов действовать самостоятельно, а от монарха скрывается истинное положение дел. Через это все переходит в руки чиновничества. Самая воля монарха при видимом самодержавии становится от него (чиновничества) в зависимость. В результате водворяется господство официальной лжи, а внизу царит полный произвол»¹¹⁰. Очевидно, здесь по отношению к верховной власти, к монарху, практикуется не меньшая, если не большая, узурпация его власти, чем произвол в отношении народа.

Воп. До какой степени терпимой является власть бюрократии в государстве?

Отв. Бюрократия, как система передаточных властей, безусловно, необходима в государстве и в качестве такой системы представляет преимущества перед другими ее формами. Но это до тех пор, пока она остается только системой передаточных властей, правительством, но не заменяет собой верховную власть, сводя к фикции верховенство монарха.

Воп. При каких условиях бюрократия способна узурпировать власть

монарха?

Отв. Бюрократия способна узурпировать власть монарха в том случае, если ему самому усвоится значение только главной управительной власти в государстве. Очевидно, если монарх обладает исключительно полнотой управительной власти, является исключительно верховным управителем государства, то все управление должно производиться лично им самим, а всякое проявление самодеятельности нации в государственном управлении должно почитаться уже узурпацией его власти. Но так как монарх физически не может осуществлять все управление государством сам лично, то приходится прибегать к чиновничеству, которое действует именем монарха везде и повсюду. Однако, по тем же условиям физической невозможности, монарх лишен средств, контролировать лица и учреждения, действующие в управлении его именем. С другой стороны, и само общество не правоспособно не только контролировать действия правительства, но и предавать их огласке и обсуждению публично. Так бывает во всех случаях, когда монарх считается старшим правителем государства, а правительство отождествляется с понятием верховной власти. В действительности власть монарха должна быть тем, что она есть по смыслу самой монархии, а именно – властью верховной. Она-то, верховная власть, вместе с нацией составляет государство. Организуемое ею, в видах управления страной, правительство есть сила служебная, которой народ подчиняется не ради нее самой, а ради верховной власти. Как уже замечено, являясь подданными по отношению к верховной власти, члены нации для правительства суть граждане. Устанавливая для управления страной закон, монарх правительству поручает следить только за его исполнением. Если монарх не считается только правителем, только первым из бюрократов, и власть его понимается, как власть верховная, охватывающая все силы и все власти, какие порождаются нацией, – все эти силы должны быть одинаково ему близки и допустимы, ибо все они находятся под его верховенством, и хотя бы все государство находилось в ведении общественного управления, монарх не лишается этим своего верховенства. Таким образом, при понимании власти монарха, как власти верховной, другими словами, при правильном понимании самой монархии, общественное самоуправление вполне допустимо, и нет необходимости все управление государством поручать бюрократии. А этим-то и предотвращается ее перерождение из силы необходимой и полезной в силу вредную для государства.

Воп. Но, быть может, в силу принципиального согласия между монархией и принципом общественного самоуправления открывается

возможность все управление государством предоставить общественной самодеятельности?

Отв. Хотя принципиально начала общественного самоуправления и не противоречат монархической форме верховной власти, тем не менее, организация всей системы управления страной на началах общественного самоуправления создала бы плохую правительственную систему. Сама жизнь показывает, что оно далеко не везде применимо в государственном управлении, и даже в самых крайних демократиях мы встречаем свой класс чиновников, заменяющих в некоторых областях управления государством самодеятельность общественных сил.

Воп. Где необходимо и уместно в системе государственного управления допущение общественной самодеятельности?

Отв. Оно уместно и необходимо в трех направлениях:

1) В управлении, допускающем прямое действие общественных сил (демократических или аристократических). Везде, где обществу пришлось бы прибегать к передаточному действию, проявление его деятельности становится неуместным.

2) В области законосоставительной деятельности.

3) В области контроля за управлением.

Во всех трех случаях общество является действительной, незаменимой помощью для верховной власти в ее управлении страной.

Воп. В каких формах может последовать введение общественных сил в государственное управление?

Отв. Для введения общественных сил в систему государственного управления могут быть две формы:

А. Создание учреждений в области общественного и сословно-классового управления.

Б. Привлечение общественных сил в самое государственное управление.

Воп. Каким образом должно быть построено общественное управление?

Отв. Общественное управление должно быть построено следующим образом:

I. Ему должен быть предоставлен такой круг ведения, который по существу доступен этому ведению непосредственно, ибо везде, где обществу приходится прибегать к сложной системе представительства, с несколькими инстанциями передаточных выборных властей, общественная власть является фикцией, а действительная власть оказывается в руках особого слоя политиканов.

II. Избрание обществом своих представителей должно быть сословным. «Необходимо, чтобы каждая остальная группа посылала в общее управление только своих членов. Если мы допустим выбор представителей на общегражданских началах, то есть, допустим, чтобы социальные слои поручали свои дела лицам, стоящим вне данного слоя, то все местное управление быстро узурпируется политиканами, и не будет уже иметь достоинств общественного управления... Только кровный член данной социальной группы, связанный с ней бытом, духом и интересами, способен явиться ее представителем»¹¹¹.

III. Все, какие только существуют в данном государстве, социальные группы должны иметь свое представительство в общем управлении.

IV. Везде, где общество является не только с простыми совещательными функциями, но, как, например, в местных органах имеет полномочия решать дела самоуправления и приводить их в исполнение, – количество представителей от разных групп должно быть пропорционально с численным составом их, а также пропорционально их социальной и экономической важности.

V. За всеми действиями общественных учреждений должен быть установлен государственный контроль.

VI. Всякое меньшинство, считающее себя притесненным со стороны большинства того или другого органа общественного самоуправления, должно иметь право апелляции к общегосударственной власти.

Воп. Каким образом при сочетании начала бюрократического с началом общественного самоуправления должны быть распределены функции учреждений общественных и бюрократии?

Отв. В государстве, управительная система которого представляет сочетание начал бюрократического и общественного, общегосударственные функции между учреждениями общественными и бюрократией должны быть распределены следующим образом:

I. Управление местное, сословное и профессиональное должно быть предоставлено общественным учреждениям; бюрократии здесь принадлежат только функции контроля.

II. Все среднее государственное управление должно быть сосредоточено в руках бюрократических учреждений; общественным силам здесь должен принадлежать контроль и совещательное участие.

III. В высшем государственном управлении все исполнительные функции должны находиться в ведении бюрократических учреждений. Что же касается законодательства и контроля, то в них должно быть установлено соответствующее сочетание общественных и

бюрократических сил.

Воп. Почему в монархии необходима организация правительственной системы на началах сочетания бюрократических принципов с принципами общественного самоуправления?

Отв. Организация в монархии правительственной системы на началах сочетания бюрократических сил с общественными, необходима, во-первых, как предотвращение узурпации со стороны бюрократии по отношению верховной власти и произвола в отношении народа; во-вторых, как условие, дающее монарху средство контроля за действием правительства; в-третьих, как условие наилучшей организации правительственной системы вообще, ибо разнородность принципов бюрократии и общественного управления, порождая некоторое между ними соперничество, дает место взаимному их контролю, взаимной поправке и обличению всякой ошибки и злоупотребления.

Воп. Почему в монархии необходима организация народного представительства на началах сословности?

Отв. Именно на началах сословности организация в монархии народного представительства необходима потому, что, во-первых, устраняет возможность появления профессионального политиканства, во-вторых, только она способна создать такое представительство, какое необходимо в монархии.

Воп. Что такое представляет собой «профессиональное политиканство»?

Отв. «Профессиональное политиканство» представляет собой своеобразное явление на почве общегражданского общественного строя в демократиях. Оно является формой узурпации народной воли в демократии; подобно тому, как бюрократия в монархии узурпирует власть монарха, власть народа, узурпируется кучкой «профессиональных политиканов».

Воп. Каким образом становится возможной такая узурпация?

Отв. Демократия способна к прямому управлению в очень небольших размерах, а именно – поскольку для граждан возможно непосредственное общение. За этими пределами, за пределами непосредственного общения между собой, они должны кому-нибудь передоверить свою власть. Обыкновенно она доверяется выборным от народа, которые представляют народную волю. Мало того, в огромном большинстве дел управления «народной воли» вовсе и нет, и ее приходится создавать. Этим кто ни будь должен заниматься. Так возникают политические партии, которые создают класс

профессиональных политиканов и узурпируют народную власть, потому что во главе народа становятся ставленники той партии, которая на выборах берет перевес.

Воп. Если «профессиональное политиканство» есть явление, имеющее место по преимуществу в демократиях, то каким образом могут существовать опасения относительно возможности его возникновения в монархии?

Отв. Опасения эти уместны в настоящий момент и относительно монархии. Дело в том, что возникновение профессионального политиканства есть явление неизбежное при так называемом общегражданском строе который в настоящее время считается венцом социальной эволюции и насильственное введение которого во всех государствах – и демократических и монархических – считается необходимым.

Воп. Что такое представляет собой общегражданский строй?

Отв. Общегражданский строй, являясь предметом известной социально-правовой теории, представляет собой известную юридическую фикцию, ничего общего с реальной структурой общества не имеющей.

Воп. В чем состоит теория общегражданского строя?

Отв. Согласно формуле Лоренца Штейна, общественное развитие последовательно выдвигает три порядка: 1) строй родовой, 2) строй сословный, 3) строй общегражданский, в котором «значение лица определяется уже не принадлежностью его к тем или иным частным союзам, физиологическим (в строе родовом) или группирующимся около известного интереса (в строе сословном). Оно пользуется полностью права само по себе, как разумно-свободное существо, а так как в этом качестве все люди равны, то начала, определяющие начала общегражданского строя, суть свобода и равенство». Государство здесь «выделяется и образует свой собственный строй, который в свою очередь воздействует на гражданское общество, полагая предел господству частных сил и порабощению одних другими». Естественно при этом, что всякий другой общественный строй, в частности – строй сословный, рассматривается, как невозможный для развитых стран, или, уже во всяком случае, как реакционный.

Воп. Почему теория общегражданского строя представляет собой юридическую фикцию?

Отв. Юридическую фикцию она представляет собой потому, что в реальной социальной действительности нет никакого «общегражданского строя», и формула Лоренца Штейна является ложной с точки зрения

действительной эволюции общественного строя.

Воп. Каким образом в действительности происходит развитие общественной жизни?

Отв. Эволюция общественной жизни имеет несколько этапов развития, в виде простого социального строя и сложного социального строя.

I. Простой социальный строй обнимает собой:

- 1) Патриархальный строй.
- 2) Родовой строй.

II. Сложный социальный строй обнимает собой:

- 3) Наследственно и принудительно-сословный строй.
- 4) Свободно-сословный строй.

Воп. Чем объясняется происхождение юридической фикции общегражданского строя?

Отв. Она появилась с падением европейской монархии, в связи с революционными идеями XVIII в. и знаменитой хартией прав человека. В монархическом государстве общий всем интерес государства объединяется в лице монарха, а потому частные интересы нации свободно могут иметь каждый свою собственную организацию, в вид сословий; с ними-то государство себя и связывает в форме сословного представительства. С падением же монархии приходится государство строить таким образом, чтобы частные интересы не уничтожали «общий всем интерес государства». На место сословного строя юридически вводится строй общегражданский, и сословное представительство, уместное и необходимое в монархии, заменяется представительством общегражданским в народившихся демократиях.

Воп. Чем обуславливается падение западноевропейской монархии?

Отв. Падение западноевропейской монархии явилось результатом ее перерождения в абсолютизм.

Воп. Каким образом может происходить перерождение монархии в абсолютизм?

Отв. Перерождение монархии в абсолютизм связано с усвоением монарху значения первого правителя государства, которому самодержавным народом передана полнота управительной власти и по отношению к которому, поэтому, всякое проявление народного самоуправления считается узурпацией. Такая постановка власти монарха, который, впрочем, здесь уже не есть монарх, но в сущности лишь первый министр при самодержавном народе, влечет за собой развитие бюрократизма, так как всякое проявление власти в государственном

управлении должно исходить от самого монарха, а при физической невозможности этого – передается чиновникам, которые, в силу невозможности контроля за ними со стороны монарха, в конце концов узурпируют самую власть его, создавая средостение между ним и народом.

Воп. Каким образом развитие абсолютизма в Европе привело к падению монархии, вызвав на ее место демократию с ее «общегражданским строем»?

Отв. «Эпоха, предшествовавшая появлению так называемого общегражданского строя, состояла в разложении наследственно-сословного строя», в котором принадлежность к той или другой социальной группе закрепляется рождением, почему он называется принудительно-сословным, в противоположность свободно-сословному, в котором принадлежность к той или иной профессиональной группе определяется свободным выбором профессии со стороны самой личности. «Он разлагался под влиянием двух категорий явлений: во-первых, усиленное умственное развитие, огромный прогресс знаний и развитости личности создал могущественные прослойки лиц, живущих умственным трудом и множеством профессий, развившихся на основе умственного труда. Во-вторых, это же чрезвычайное развитие ума и знаний в соединении с колониальной политикой (им же порожденной) создали небывало быстрое развитие сложной промышленности, совершенно разбившей прежние рамки наследственно-сословной профессиональности и совершенно с ней несовместимой. Несовместимость эта обуславливается необходимостью свободы труда и свободного подбора лиц по способностям к профессии. Прежние сословные рамки совершенно не вмещали этого могучего разнообразия промышленного и умственного творчества. Сословность, в смысле профессиональной бытовой группировки, ничуть не исчезла, напротив, новые группы стали еще сплоченнее, чем прежние, еще более нуждались во внутренней организации, и внутри их еще более проявлялась не одна солидарность, но также и антагонизм, вызывавший к посредничеству государства. Но для возможности этого посредничества требовалось поставить государство в связь уже не с прежними, отживающими и уже почти не существующими сословиям, а с новыми кипящими жизнью группами, «классами»¹¹², как их стали называть.

В эпоху, предшествовавшую «общегражданскому строю», государство именно стало в такое нелепое положение, что нормировало жизнь тех классов, которые уже почти не существовали в действительности, и не

только игнорировало новые классы, действительно существовавшие, но даже мешало их организации и самостоятельной нормировке отношений даже их внутренними силами.

Монархия, в течение веков регулировавшая жизнь нации наследственно-сословного строя, в это время была окончательно охвачена бюрократическим маразмом – прямым последствием своего перерождения в абсолютизм.

В то время, когда государству руководимому монархией, потребовалась самая живая связь с социальным строем, чтобы удовлетворить его новым потребностям и поставить государственное действие в соответствие с действительно существующими социальными силами и потребностями их, – в это время верховная государственная власть оказалась вне всякого соприкосновения с нацией, охваченная фатальным бюрократическим «средостением».

Такова была совокупность причин экономических, политических и нравственных, вследствие которых рухнула европейская монархия и понадобилось строить новое государство, которое уже поставлено было на почву демократическую и получило исходным пунктом «общегражданский строй», при всей своей фальшивости имевший то оправдание, что действительно, за падением монархии, приходилось создать в государственной власти какое-либо представительство «общего интереса»¹¹³.

Воп. На чем в демократии основан общегражданский строй?

Отв. В демократии верховная власть принадлежит самому народу. Воля Бога и вечного Его нравственного закона здесь заменяется временной и случайной, притом фиктивной и фальсифицированной со стороны «представителей», волей народа. Демократия по существу есть богоборчество, в основе и в окончательных выводах неизбежно атеистична и материалистична. Народ есть Бог. Очевидно, в теории, каждый член нации имеет свою долю участия в общенародной власти, обладает как бы частичкой этой власти, и в этом отношении все граждане равны.

Воп. Как организуется в демократии народное представительство?

Отв. Оно организуется в соответствии с целями, которые народному представительству ставятся в демократии.

Воп. Какие цели в демократии ставятся системе народного представительства?

Отв. Посредством народного представительства в демократии формируется «народная воля» для управления страной. В виду того, что во всяком демократическом государстве, размерами своими превышающем

небольшую городскую общину, самодержавный народ лишен возможности фактически вестись дала государственного управления, и в виду того, что масса народная в большинстве случаев совершенно некомпетентна решать государственные дела, относительно которых поэтому у нее не может быть никакой своей «воли», – является необходимость создать такой орган, который представлял бы собой «народную волю» и управлял государством вместо бессильного к этому «самодержавного народа».

Воп. Каким путем образуется в демократии орган, представляющий «народную волю»?

Отв. Он образуется путем выборов народом своих представителей.

Воп. Каким образом происходят эти выборы?

Отв. Они происходят следующим образом. Так как верховная власть государства принадлежит всему народу и у каждого отдельного члена нации, по юридическим понятиям, ее – этой власти – имеется в совершенно равной доле, то выборы происходят пропорционально численности отдельных социальных групп, путем мертвого арифметического подсчета голосов, без внимания к их качеству.

Воп. В какое отношение к социальным силам становится государство при общегражданском строе?

Отв. Имея дело с «общегражданским» строем и выделяясь в нем в совершенно особую область общественной жизни, государство фактически теряет связь с нацией, ибо она реально представляет собой не нивелированную общегражданским строем массу, какой ее считает государство, но организованную в многочисленные, сообразно ее интересам и видам ее творчества, группы. С такой нацией, с таким социальным строем, при общегражданском порядке государство связи не имеет и является силой сторонней для него. Нации предоставляется право организовать политические партии, если она желает обеспечения частных социальных интересов в общегосударственном управлении. Путем этих партий проявляется связь государства с социальными силами.

Воп. Что такое представляют собой политические партии?

Отв. Политические партии представляют собой явление неизбежное при общегражданском строе. Известной группе населения, желающей получить влияние и тем обеспечить свои интересы в представительном учреждении, приходится организоваться в партии, чтобы провести туда своих кандидатов и получить большинство голосов. Для этого ей приходится склонять на свою сторону общественное мнение, вести агитацию печатно и устно и т. д. и т. д. Всем этим занимается партия. Но в виду того, что каждый отдельный член нации обыкновенно имеет свое

собственное, профессиональное занятие и часто не имеет, ни времени, ни возможности заниматься делами партии, последние переходят в руки людей, кроме партийной работы больше ничем не занятых и образующих, таким образом, класс профессиональных политиканов, или «правлящее сословие бессословного государства». Они проводят в парламент своих кандидатов, они организуют общественное мнение («делают обществу голову», по немецкому выражению), они решают в парламенте государственные дела, в их руках, таким образом, находится все управление государством. Каждая партия имеет свое собственное существование, свои собственные, отдельные от государственных, интересы. Депутат, обязанный своим избранием партии, действует в видах ее интересов, но не избирателей, подает голос под диктовку своей партии, а не по велениям совести. Нация легальным путем совершенно бессильна от них освободиться, так как их власть в государстве, как власть народных представителей, охраняется и штыком, и законом. В результате их владычество может быть свергнуто только народным восстанием. Лучший пример политиканской узурпации представляет собой американская демократия¹¹⁴.

Воп. На каких основаниях можно заключать о фиктивности общегражданского строя?

Отв. Об его фиктивности свидетельствуют факты социальной действительности.

Воп. Каким образом факты социальной действительности могут свидетельствовать о фиктивности общегражданского строя?

Отв. Действительное развитие общества не только не соответствует теории общегражданского строя, но совершенно ей противоречит, так как в настоящей эволюции социальной жизни за средневековым принудительно-сословным строем следовал не общегражданский, а свободно-сословный, какой мы и в настоящее время имеем перед глазами. Что же касается общегражданского, то он остался на бумаге, на которой писаны западноевропейские конституции, а построенные на этой юридической фикции политические формы вызвали собой, как протест против себя со стороны социальной жизни, отрицание самого государства в новейших социалистических теориях. Не успела появиться теория общегражданского строя, относительно которого Чичерин замечает, что после него «ни о каком новом общественном строе не может быть и речи», как вслед за ней раздались голоса, отрицающие самое государство. «Пока не было этого благодетельного «общегражданского» строя, – справедливо замечает Л. А. Тихомиров, – этого «высшего единства», общественные

силы терпели и общество, и государство и не считали их столь вредными, чтоб их требовалось уничтожить». Жизнь идет еще далее в своем фактическом отрицании общегражданского строя. Хотя им сословия объявлены вне государства, общественные силы, тем не менее, организуются в новые сословия. На наших глазах идет объединение рабочих в профессиональные союзы, объединение капиталистов и других, вновь возникших и продолжающих возникать, на основах развивающихся интересов, социальных слоев. Не простыми гражданами являются эти новые члены общественных групп в государстве, но стараются захватить влияние на него именно как члены данных групп, – таково действительное строение социальных сил.

Воп. С какими целями существует народное представительство в монархии?

Отв. «Старое государство ничуть не ошибалось, связывая себя с сословною жизнью нации. Но самые сословия стали уже не прежние, а, между тем, абсолютистская идея разобщила государство и общество и отняла у монархии способность почуять интересы новых социальных групп. От этого она и пала. Парламентское же государство вовсе неспособно к объединительной роли. Такая роль принадлежит по преимуществу монархии. Но для этого монархическая политика должна и в сложно-сословном обществе делать то же самое, что делала в простом сословном. Ее великое преимущество перед парламентарным государством именно в том, что монархия не имеет в своей идее тех препятствий к устройению сложно-сословного общества, какие имеет парламентарная система. Монархия не имеет перед собой задачи формировать народную волю, так как сама представляет орган национальной воли. Поэтому монархия не имеет надобности заниматься бесплодным арифметическим подсчетом голосов, стоящих за тот или иной интерес. Она может всецело посвятить свое внимание вопросу о том, что им всем вместе необходимо для гармонического действия»¹¹⁵.

Воп. Какая разница между задачами народного представительства в монархии и в демократии?

Отв. В демократии задачей народного представительства является создание народной воли. Так как верховная власть государства принадлежит там всему народу, и каждый член нации является, одинаково с другими такими же членами, носителем частички этой верховной власти, то необходимо делать подсчет, сколько единиц народной воли приходится на каждого из кандидатов, которые и занимают места в парламенте по большинству голосов. Здесь мы имеем дело с

представительством народной воли. В монархии оно не нужно. В виду того, что монархия, представляет собой верховенство народных нравственных идеалов, а монарх есть выразитель национального духа в его возвышенной, нравственной сущности, он должен постоянно находиться в непосредственном общении с нацией, «в атмосфере творчества народного духа, который проявляется иногда в деятельности чисто-личной, иногда в действии общественных учреждений и организаций и в характере представляющих их лиц»¹¹⁶. Монарху необходимо, таким образом, не представительство народной воли, но представительство народного духа, интересов, мнений.

Воп. Каким образом практически может быть достигнута задача организаций такого народного представительства?

Отв. Творчество нации находит видимое свое выражение в строении социальных сил. Чем разнообразнее, шире, богаче национальное творчество, тем сложнее социальные группировки, тем разнообразнее расслоение нации по отдельным социальным группам, так как всякая отрасль народного творчества, соединяя вокруг себя членов нации, образует из них разнообразные социальные группы. Поэтому для того, чтобы монарх состоял в действительном общении с нацией, чтобы он знал все, чем она живет «находился в атмосфере творчества» национального гения, необходимо, чтобы все разнообразные общественные группы, в которых складывается нация, были представлены около него. Это достигается в том случае, если каждая социальная бытовая группа имеет своего представителя – одного или нескольких – в общем объединяющем их около монарха учреждении, т. е. путем сословно-бытовых выборов.

Воп. Может ли монархия «душить» самодеятельность общества и личности, согласно делаемому ей в этом отношении упреку?

Отв. Только недостаточное понимание сущности монархического принципа может вызвать упрек по отношению к монархии в якобы присущем ей свойстве подавлять самодеятельность общественных сил. Монархии, наоборот, свойственно и прямо выгодно, даже неизбежно, допускать и обеспечивать самое широкое развитие национальных сил, которые вместе с тем, как самостоятельные единицы управления, вводятся ею в общегосударственную правительственную систему. Что же касается личности, то ее права, как нравственно свободного и разумного существа, именно в монархии, только в монархии и получают самое широкое признание со стороны государства, так как монархия есть носительница того самого этического начала, которое является сущностью человеческой личности.

III.

Воп. Какое значение монархический принцип имеет в политической области?

Отв. В сфере политической жизни, как форма верховной власти государства, он имеет преимущественное значение перед двумя другими принципами – аристократическим и демократическим.

Воп. Чем обуславливается его первенствующее перед другими принципами значение, как верховной власти?

Отв. Первенствующее значение монархического принципа в ряду других обуславливается его природными свойствами, которые наиболее соответствуют качествам, требуемым от верховной власти и которые получают тем большее значение, чем менее им соответствуют свойства двух других политических принципов.

Воп. Каковы свойства двух остальных принципов власти?

Отв. Оба остальных принципа – демократический и аристократический – по свойствам своим имеют и хорошие стороны, и дурные.

Воп. Каковы хорошие стороны аристократического принципа?

Отв. По формулировки Чичерина, хорошие стороны аристократии состоят в следующем:

1. Хорошо обеспеченный и образованный слой, члены которого смолоду привыкают к государственным делам, развивает в себе способности к управлению.

2. Недостаток способностей одного члена правящего сословия пополняется способностями других.

3. Аристократия лучше всего обеспечивает обдуманность решений (что не всегда бывает у одного лица, а тем более у массы).

4. Аристократия отличается наибольшей привязанностью к преданиям и историческим началам.

5. Аристократия наиболее обладает твердостью и постоянством воли.

6. Аристократия наиболее охраняет юридическую законность.

7. Аристократия в собственной же среде находит надежные орудия исполнения своих решений, не имея надобности искать их у других.

Воп. Каковы слабые стороны у аристократии?

Отв. Слабые стороны ее сводятся к следующему:

1. Недостаток единства власти и внутренние раздоры. Отсюда легкость измены, когда слабая партия или низверженный вожак готовы стать и демагогами, и даже искать поддержки у иностранцев; легки и попытки захватить диктатуру.

2. Дух корпоративности ведет к узости, неподвижности и эгоизму.
3. Аристократия отличается особенной неспособностью к крупным государственным реформам.
4. В аристократии частный интерес сословия для нее дороже народного и государственного.
5. Для охраны своего господства аристократия старается не давать хода развитию и просвещению народа.
6. Аристократия из боязни диктатуры не дает хода высоким способностям и энергии даже в собственной среде. Возвышение отдельного лица, заслоняющего собой остальных, страшит аристократию.
7. Аристократия не только мешает развитию и просвещению народной массы, но боится и ее обогащения и потому старается все богатства страны захватить в свои руки.
8. Аристократия допускает множество злоупотреблений своих членов по отношению к народу. Чванство и самомнение ее делают эти обиды и притеснения особенно чувствительными.

Воп. Пригодны ли эти свойства для верховной власти?

Отв. Все вышеперечисленные свойства совершенно непригодны для верховной власти. Лучшие черты аристократии делают ее очень ценной, только в качестве власти управительной. Что же касается до верховной, то преобладание частного интереса над общим, неподвижность, невозможность обеспечить сильную власть, неспособность к крупным реформам – совершенно делают невозможным возведение аристократии на степень государственного верховенства. Это доказывается и историей, в которой изредка лишь встречаются примеры аристократических республик, которые ко всему остальному представляют образцы весьма неудовлетворительного ведения государственных дел (Венеция, Польша и др.).

Воп. Каковы лучшие стороны демократии?

Отв. Их, в сущности, нет. Мнимо-лучшие стороны демократии сводятся к обеспечению свободы граждан, по мнению Чичерина, к возвышению чувства человеческого достоинства в них, к обеспечению также всенародного общего всем интереса.

Воп. До какой степени в демократии обеспечивается гражданам личная их свобода?

Отв. Сам же Чичерин вместе с тем говорит: «Демократический деспотизм – самый ужасный из всех. Всякий, кто не примыкает к общему течению, рискует поплатиться и имуществом, и самой жизнью, ибо разъяренная толпа способна на все, а воздерживать ее некому. Всякая

независимость преследуется, всякая своеобразность исчезает. Я не знаю страны, говорит Токвиль, где было бы менее умственной независимости и истинной свободы прений, нежели в Америке. Результатом ничем не сдержанной воли большинства является шаткость всех общественных отношений».

Воп. Каковы слабые стороны демократии?

Отв. Чичерин их рисует следующим образом. Для решения сложных государственных вопросов нужна способность высшего разряда. Между тем, демократическое начало равенства устраняет начало способности. Все граждане принимают одинаковое участие в верховной власти. А так как высшее развитие всегда составляет достояние очень незначительного меньшинства, дела же решаются большинством, то здесь, верховная власть вручается наименее способной части общества. Глупые здесь дают законы умным, и люди, оказавшиеся неспособными ничего доброго создать в жизни, призываются законодательствовать.

Далее, при демократии безграничное господство получают партии. Хотя борьба между ними, по мнению некоторых, имеет и свои хорошие стороны, но в то же время, в ней «все направлено к тому, чтобы одолеть противников, и для этого не гнушаются никакими средствами. Государственный интерес заменяется партийными целями. Организуется система лжи и ужасающей клеветы, имеющая задачей представить в превратном виде и власть, и людей. Если явный подкуп воспрещен, то косвенный практикуется с полной беззастенчивостью. Организуется особый класс политиканов, которые из политической агитации делают ремесло и средство наживы. Они являются главными двигателями и орудиями на политическом поприщ. Государство становится добычей политиканов»¹¹⁷.

Воп. До какой степени пригодна демократия к государственному духовенству?

Отв. Демократия, в качестве принципа верховной власти, уместна только в тех пределах, в каких является возможность всенародного собрания. Там же, где нет возможности непосредственного заведывания делами государственного управления, и народ передает свою волю «представителям», неизбежно открывается широкое поле для политиканства с его узурпированием народной воли.

Воп. Каковы достоинства монархии, как верховного организующего политического принципа?

Отв. I. Монархия соответствует лучшим стремлениям человеческой природы и является поэтому, показателем наиболее возвышенного

нравственно-психологического состояния нации, стоя всегда в связи с самыми благородными проявлениями жизни человеческого духа – с религией.

II. Монархия по своей природе, по своим свойствам наиболее соответствует задачам верховной власти, как таковой.

III. Монархии свойственны принципы наилучшей организации правительственной системы.

IV. По отношению к развитию и самодеятельности нации, монархии свойственно обеспечение самого широкого развития свободы, национального творчества и культурного прогресса.

Воп. Каким образом монархия соответствует лучшим стремлениям человека и является показателем наиболее возвышенного нравственно-психологического состояния нации?

Отв. Здесь мы наблюдаем разительное явление. В демократии, при полном отсутствии духа и господстве богоборного и прямо антихристового начала, власть держится большинством, которому и покоряется всякое меньшинство, ибо сила, простая физическая сила – у большинства, и оно, в случае, если меньшинство не покорится ему доброй волей, всегда может заставить его покориться своей силе. Но сила монарха, его физическая сила, во столько раз меньше физической силы всей нации, во сколько раз единица меньше миллионов. Однако, ему принадлежит полнота всей государственной власти. В чем же его настоящая сила? Сила его – в том, что он на своем посту есть слуга Божий, исполняющий Его волю. Чистая, истинная, неограниченная, самодержавная монархия – иной она быть не может, ибо если она чем-либо ограничена, то она уже не верховная власть, каковой является уже та сила, что ее ограничивает, чистая монархия есть делегация от Бога. Во имя подчинения себя Божественной воле, народ безгранично подчиняется воле монарха, твердо сознавая, и будучи уверен, что эта воля монарха никогда не разойдется с высшими велениями Божественного закона, которому он считает себя обязанным следовать в каждом своем шаге. Здесь, очевидно, общенациональное сознание подчиняет начала низшей, по своему нравственному достоинству, физической, количественной силы – сил высшей, нравственной. Для этого нужна соответствующая настроенность. Вот почему один из ученейших защитников монархии утверждает что «главная ценность самодержавия заключается не в его собственных достоинствах, а в том, что оно – симптом известного духовного строя народа»¹¹⁸.

Воп. Каким образом монархия по своим природным свойствам наиболее соответствует задачам верховной власти, как таковой?

Отв. Единство и прочность власти, положение вне партий и частных интересов, высокая степень нравственной ответственности, – ибо юридическая ответственность совершенно неуместна в отношении ни к какой верховной, хотя бы демократической власти, – уверенность в своей силе, способность к обширным преобразованиям и природная склонность к наилучшей организации системы государственного управления – являются неотъемлемыми свойствами монархии и вместе с тем характеризуют самую верховную власть, как социально-политическую силу, обуславливая успешность ее действий в государственном управлении.

Воп. Каким образом монархии свойственны принципы наилучшей организации правительственной системы?

Отв. Монархия, в силу относительной своей слабости для непосредственного управления текущими делами, предрасположена привлекать к участию в государственном управлении все социальные силы, организуя сочетанную из разных принципов управительную власть и тем, утилизируя в государственном деле лучшие свойства всех принципов власти как демократического, так и аристократического наравне с единоличным верховенством.

Воп. Почему монархии свойственно обеспечение самого широкого развития национального творчества и культурного прогресса?

Отв. Монархия есть верховенство того самого этического начала, которое является сущностью всякой личности данной нации, поэтому монархия особенно чутка по отношению к запросам и правам личности, которая в то же время в истории является, как элемент прогрессивный и субъект народного творчества.

Воп. Каким образом личности в истории принадлежит творческое начало?

Отв. Личность в истории представляет элемент прогрессивный, в то время как массы отличаются, наоборот, косностью. И в нравственном, и в умственном направлении развитие человечества совершается путем личного творчества. Нравственный прогресс возможен только для личности, но не для общества, как такового, в которое он проникает через ту же личность. Вот почему выражение нравственного идеала требует именно личности в монархии и невозможно в демократии. Умственное развитие выражается в накоплении новых идей, которые зарождаются в процессе тоже личного, индивидуального, творчества. Для появления новой идеи, нового изобретения является недостаточным простое суммирование ранее добытого знания. Новая идея только опирается на

данные этого ранее добытого знания, но для ее появления необходима наличность известного творческого начала, в призме которого ранее известные данные дали бы совершенно новые, ранее неизвестные результаты, новые их комбинации. Только по своем уже возникновении в процессе личного творчества, идея делается достоянием масс и содействует их развитию. Но для возможности и плодотворности творчества в обществе необходима достаточно широкая свобода личности.

Воп. До какой степени демократия и аристократия могут обеспечить личную свободу?

Отв. Личную свободу в смысле возможной свободы индивидуальности ни аристократия, ни демократия не в состоянии обеспечить настолько широко, как это возможно в монархии. Об этом свидетельствует история. Даже при абсолютизме, которому делают справедливый упрек в стремлении задавить общественную самостоятельность всесторонней опекой со стороны государства по отношению каждого ее малейшего проявления, уважение к личному достоинству всегда стояло высоко.

Воп. В каких словах можно резюмировать общее значение монархического принципа?

Отв. Монархический принцип, как государственная верховная власть, полнее всего отвечает высшим запросам человека, как существа нравственно-свободного и разумного, обеспечивая ему наибольшую широту, в условиях общегосударственного существования, свободного, индивидуального самоопределения.

Государственная Дума и церковная школа.

I

Есть золотое правило практической жизни: никогда не следует терять то, что раз приобретено. Если бы в данный момент тот или другой предмет хозяйства оказывался даже совсем без употребления, умный хозяин не выбросит его вон; он знает, что придет время, когда этот предмет может опять очень и очень пригодиться. Тем более неразумно выбрасывать из хозяйства то или иное орудие, когда оно еще в действии, когда оно долгим опытом показало свою пользу и пригодность, когда его в данное время нельзя заменить ничем лучшим. Ничего нет хуже, как в подобном случае, выходить не из практических соображений и нужд данной минуты, не из опыта жизни и работы, а из капризной решимости узнать и испытать нечто новое, или – еще хуже – из отвлеченных рассуждений и желания экспериментировать на живом деле, без уверенности в том, что эксперименты эти могут пройти для дела с пользой, или, по крайней мере, безвредно.

Все это приходит невольно на мысль в настоящее время, когда, судя по раздававшимся в Государственной Думе и первого, и второго, и даже третьего созыва, речам, близко обсуждение и решение вопроса: быть или не быть в России церковной школе...

Удивительна судьба этой тысячелетней и многострадальной школы: долго она существовала одинокой; единственным светочем в глухих углах по св. Руси светила она народу. Не говоря уже о глубокой старине, в самое последнее столетие жизни России почти никто другой, кроме служителей Церкви, не шел к русскому крестьянину с грамотой и учением, пока существовало крепостное право. И, естественно, никто против церковной школы, против ее существования тогда не возражал и никто с ней не боролся. Больше того: предписания свыше и в царствование Императора Александра I-го¹¹⁹, и в царствование Императора Николая I-го¹²⁰ настойчиво требовали от духовенства неослабленного подвига учительства в школах. Все, что было грамотного тогда среди русского народа, получало научение в церковных школах. Никто им не помогал, никто за ними не следил и никто ими не интересовался. Однако, из поколения в поколение среди замкнутого в узкий сословный строй духовенства передавались и укреплялись навык и склонность к учительству. Пришла потом пора освобождения крестьян; ясно стало всем, что русскому простому человеку, отныне свободному, нужно, как воздух, школьное образование. Опять

православное духовенство впереди всех сословий, без каких бы то ни было напоминаний, с воодушевлением, навеянным великим актом освобождения, отдалось просветительной деятельности. Граф Д. А. Толстой в 1861 году в своем отчете по духовному ведомству засвидетельствовал: «Духовенство обнаружило такие учительные силы, каких тщетно было бы ожидать от какого-либо другого ведомства или учреждения и каким могли бы позавидовать любая из просвещенных стран Европы».

Плоды просветительной деятельности духовенства в этот доземский период налицо: в 1865 году $\frac{2}{3}$ всех приходов России имели уже церковно-приходские школы¹²¹, с количеством учащихся свыше 400 000. Опять не было оказано этим школам никакой денежной помощи, и они были оставлены без всякого внимания и руководства. Опять против них никто не возражал и никто не боролся с ними. В конце 60-х годов явились новые работники на ниве начального народного образования – Министерство Народного Просвещения и земства. Стали открываться министерские и, в большем числе, земские училища. Справедливости требует сказать, что духовенство радостно приветствовало их и всеми силами помогало новому делу. Об этом можно привести свидетельства и министров народного просвещения и, что особенно важно, – самих земских деятелей. В очерке деятельности Пошехонского земства, например, читаем: «В 1866 году в уезде открыто 12 земских школ, из них 9 в домах священников, 1 в доме диакона...; учащими в них назначены священники, 2 диакона, 6 псаломщиков и 2 жены священников»... Большинство ходатайств перед земством об открытии школ исходило от священников. Директор народных училищ Ярославской губернии в отчете за 1876 год говорит: «Духовенство за труд преподавания Закона Божия с самого открытия земской школы отказывается от вознаграждения. Кроме того, многие из духовенства могут быть названы основателями школ». Самые лучшие и благоустроенные свои школы, иногда со зданиями, на собственный счет выстроенными, духовенство дарило земству. Ссылаемся на отчеты земских управ по Ярославской губернии, где фактов подобного рода, указано, не мало¹²². Довольно почитать проповеди проповедников конца 60-х и 70-х годов, чтобы видеть, как духовенство способствовало укреплению земских школ и приветствовало их появление, располагая к ним народ и общественное мнение. Не так отнеслись новые работники к старой школе церковной: ей было объявлено гонение, и она стала таять и хиреть на глазах у всех. Духовенство уступило лучшие свои школы земствам, передавало им здания, школы же, уютившиеся в сторожках и в домах

духовенства, постепенно стали закрываться. Только в Киевской епархии, духовенство, слишком сжившееся со школами и в прошлой истории борьбы с унией и католичеством, привыкшее видеть в школах оплот православия, не согласилось передать школы в другое ведомство, – не согласилось отойти от дела просвещения. В отдельных случаях наблюдалось такое же явление и в других епархиях. Немало было священников и клириков, которые не могли расстаться со школами и продолжали учительствовать. Школы их не были пусты. И вот, против них было объявлено открытое гонение. В Киевской епархии, при митрополите Арсении, который стал во главе борьбы за церковную школу, не удалось сломить упорство духовенства: оно здесь боролось за них целой корпорацией. В других епархиях выделялись отдельные личности, не желавшие расстаться с дорогим делом. Против них были направлены меры административного воздействия. Доходило дело по местам до того, что священников полицейской властью выводили из школ и применяли к ним взыскания и кары, включительно до арестов и тюремного заключения. Знаменитый Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» в свое время с горечью отмечал такие случаи.

Упорство духовенства основывалось отчасти на том, что оно уже выработало в себе особую склонность к школьному делу и считало его своим достоянием и неотъемлемым правом, отчасти же и на пастырской ревности, смущенной тем обстоятельством, что земская школа во многих местах стала обнаруживать открыто противорелигиозное и противоцерковное направление¹²³. Многих священников смущало, например, то, что в числе книг для новых земских и министерских школ, по случайному ли недосмотру, или по злему намерению какого-либо одного лица, не значилось св. евангелие, а так как все книги, не помещенные в каталоге, считались для школ запрещенными, то выходило так, что евангелие изгнано из школы. Не следует забывать, что в то время евангелие впервые было переведено и напечатано на русском языке и впервые стало доступно народу. Поэтому пропуск евангелия в каталог имел особое значение, и, в самом деле, трудно было объяснить его недосмотром и забывчивостью составителей. Тем не менее, упорство духовенства в значительной степени было сломлено, и оно, молча, отступило; к 1884 году осталось только около 5 000 церковных школ (из 21 000, бывших в 1865 году) с 137 000 учащимися. Ушла огромная сила от народного просвещения! Общее число школ в России понизилось, и через 15 лет после 1865 года, к которому относятся вышеприведенные данные относительно числа церковных школ, т. е. в 1880 году, училищ

министерских и земских, в общем, было меньше, чем прежде церковных. Подвинулось ли дело народного образования? Едва ли. Не спорим, что школы качественно, в смысле методической проработки учебного материала и количества сообщаемых знаний, улучшились, – это и естественно, так как на их содержание стали отпускаться казенные суммы, и учитель вместо прежних грошей, которые он получал от родителей своих учеников, теперь имел определенный оклад жалованья, а в школах стали выдаваться даровые учебники и учебные пособия. Однако, мы должны сказать, что церковные школы до 1865 года чему-нибудь же учили своих учеников; ведь не могли же они существовать только на бумаге, как это ныне принято утверждать; во-первых, церковная власть в то время не требовала от духовенства открытия школ, и поэтому они не могли значиться для отчетности, в целях выслужиться перед начальством; во-вторых, и это главное, за обучение детей духовенство получало небольшую плату от родителей учеников, что, между прочим, для многих из духовных лиц служило подспорьем к причтовым доходам, а родители, конечно, не стали бы платить за обучение несуществующих учеников в несуществующих школах¹²⁴.

В царствование Императора Александра III-го, но по идеям, уже назревшим в предшествовавшее царствование, и по решению Государственного Совета, состоявшемуся в 1879 году (это нужно хорошо запомнить противникам церковной школы), была воссоздана церковно-приходская школа по Правилам 13 июня 1884 года. Она не вытесняла министерских и земских училищ, а заняла свое особое место. Духовная власть всегда говорила и повторяла, что в нашей бедной просветительными средствами стране, при 60% безграмотных в среде мальчиков, и 75% в среде девочек школьного возраста, для школьной работы всем ведомствам найдется место. Тем не менее, церковная школа, восстановленная в своих правах и в своем существовании, встречена была необыкновенно враждебно со стороны передовой русской интеллигенции. Интеллигенция наша, ничего не говорила против немецких церковных школ; она даже отстаивала тайные школы ксендзов в Западном крае и возмущалась фактами их закрытия со стороны администрации; ничего не говорила передовая пресса и против многочисленных школ при мечетях, поставленных в педагогическом отношении столь низко, что они даже не заслуживают названия школ; прогрессивная печать всегда приветствовала школы сектантские и раскольничьи с их религиозным характером обучения и воспитания, беспощадно осуждала всякие репрессивные меры, направленный в Закавказье против армянских церковно-приходских школ,

с передачей их под контроль Министерства Народного Просвещения, ничего не возражала против школ раввинских при синагогах, применявших к детям жестокие наказания во вкусе средних веков и заставлявшим детей-евреев бессмысленно задалбливать человеконенавистнический талмуд. Но удивительное дело, – против православных церковно-приходских школ поведен был интеллигенцией и прогрессивной печатью систематический и столь жестокий и озлобленный поход, что одно это озлобление невольно заставляло видеть в этой борьбе что-то донельзя пристрастное, скрывающее свои настоящие побуждения и вместо них выставляющее, как маску, возражения общепедагогического характера.

Казалось бы, что при любви к просвещению и при искреннем желании видеть как можно больше школ в стране, прогрессивные газеты должны были приветствовать решение церковной власти открывать при церквях школы. Взамен этого школа церковная слышала только одни нападки. В объяснение этого некоторые указывают на то, что школа церковная стала получать крупные отпуска от казны, которые могли бы пойти на усиление просветительной работы Министерства и земств. Но в первые 10 лет после своего восстановления церковная школа не получала никаких крупных отпусков¹²⁵, а между тем нападки на нее в эти годы были даже значительно сильнее, чем в последующее время.

Причина ненависти и клеветнической травли против церковной школы лежала в ее принципе: церковная школа поставила себе целью воспитание народа в духе сохранения церковности и государственности; она открыто объявляла себя противореволюционной силой. И вот она была объявлена знаменем реакции, учреждением ретроградным, врагом прогресса и просвещения. Во вражде к церковной школе объединились все противорелигиозные, противцерковные, противогосударственные и противорусские, – все отрицательные элементы русского общества, все, что мечтало о разделении русской национальности, о господстве иноверцев, о государственном перевороте, о господстве социалистических и демократических идеалов, столь враждебных религии и церковности. Сюда присоединились российские либералы, в оппозиции правительству полагающие существо своих политических воззрений и часто сами не понимающие, чего им нужно, а также все, увидевшие в церковной школе опасного конкурента в школьном деле или опасавшиеся усиления влияния духовенства на народ и умаления своего собственного влияния и силы в народе. Русская интеллигенция, демократическая на словах, а в основе своей неисцелимо барствующая, всегда смотрела на духовенство, как на

плебеев, которых надо держать в черном теле...

Всем этим элементам было, за что ненавидеть восстановленную церковную школу, как истинно-народную, истинно-воспитательную. Она, без сомнения, мешала революционным замыслам и, конечно, надолго отодвинула и значительно смягчила и понизила ту разрушительную волну революции, которая прокатилась по лицу русской земли в 1905–6 г. и которая не окончила своего пагубного действия и до настоящего времени. В этом и была вина церковной школы, и этого ей никогда не простят приверженцы революции и государственного переворота. Неудивительно поэтому, если левое крыло Государственной Думы, к сожаленью, доселе бывшее в ней столь многочисленным, при первой же возможности обрушилось на церковную школу со всей неудержимой злобой клеветы и ненависти.

Не для таких критиков церковной школы пишутся настоящие строки. Это люди предубежденные, не способные принять истину. Переубедить их невозможно. Партийная стачка, предвзятость и пристрастие обычно наперед решают не судить ненавистное лицо или дело, а осудить. И мы заранее знали, что будут говорить в Государственной Думе о церковной школе левые партии и как решат вопрос об ее существовании. Однако, они будут сохранять декорум справедливости и основательности, играя цифрами и фактами, и этим могут ввести в заблуждение многих таких русских людей, которые хотели бы знать истину и не потеряли к этому способности. Для них и предназначаются настоящие строки.

II

Несмотря на ожесточенные преследования «передовой» русской печати, церковная школа в России за время существования после своего восстановления сделала поразительные успехи. Ниже, по ходу наших рассуждений, мы будем приводить подробные статистические данные о церковных школах. При этом мы будем брать цифры к 1906 году, – к году, когда впервые о них стала судить Государственная Дума. Это тем более необходимо, что и статистика министерских и земских школ обработана только до 1906 года. Ограничимся пока лишь наиболее крупными и общими сведениями.

В 1884 году (год восстановления церковной школы) церковных школ было 5 517 с 137 313 учащимися, в 1905 году – 42 892 с 1 990 508 учащимися, из них: 18 церковно-учительских с 1 272 учащимися, 2 учительско-певч. курс, с 65 учащ., 421 второклассных с 21 698 учащимися, 615 двухклассных с 70 767 учащимися, 24 869 одноклассных с 1 358 420 учащимися, 16 969 школ грамоты с 538 286 учащимися.

Всех учащихся лиц в церковных школах всех разрядов состояло: в должности законоучителей 43 678, учителей и учительниц 50 520; причем учителей из членов причта 5 452 особых учителей и учительниц 45 068; учителей, бесплатно обучающихся, 4 595 человек.

Из светских учителей и учительниц состояло правоспособных в церковно-приходских школах 22 563 лица, или 81,12%, в школах грамоты – 7 349 лиц, или 43,31%, считая в этом последнем числе кончивших второклассную школу 3 968 чел. обоего пола.

На устройство и содержание всех церковных школ за все время было получено всего 162 356 118 рублей, из них духовенством изыскано и привлечено на нужды просвещения 76 303 276 р.

За счет этих средств (казенных и местных) ежегодно содержалась целая армия учащихся лиц, требующая в последнее время на свое содержание свыше 9 000 000 рублей в год.

За счет тех же средств выстроены школьные здания, составляющие в общей сложности ценность свыше 44 000 000 рублей, причем 12 294 здания начальных школ находятся на монастырской и церковной земле.

Земельных участков в пользовании школ, состоит свыше 11 000 десятин, причем наибольшая часть принадлежит церквам.

Школьный инвентарь во всех школах достигает стоимости свыше 3 000 000 рублей.

Книжное имущество в школах (учебники, учебные пособия и книги для чтения) составляют ценность свыше 8 000 000 рублей.

Для народного чтения при церковных школах открыто 31 110 библиотек.

Для содействия внешкольному образованию предлагалось народу до 145 913 чтений в 11 109 школах.

Издательская комиссия Училищного Совета при Св. Синоде пускает в школьное и народное обращение книг, в общем, до 4 000 000 экземпляров в год.

Капитала, пожертвованного специально на церковно-приходские школы, состояло 4 277 980 рублей.

Число церковных школ за первые 23 года существования увеличилось в 8 раз, число учащихся в них – в 15 раз. На каждую одноклассную школу приходилось в среднем 54 ученика, на каждую двухклассную – 115.

Итак, предлежит решить вопрос: оставить, или уничтожить 42 000 школы с 2 миллионами учащихся? И если уничтожить, какому кровожадному кумиру и во имя чего потребовалась такая страшная жертва?

Но прежде остановимся на вопросе: действительно ли предполагается упразднение церковных школ и действительно ли школы эти составляют в государственном нашем хозяйстве такое орудие просвещения, которое нельзя терять и выбрасывать и которого в данную минуту заменить нечем? Ведь в Государственной Думе не желают запретить духовенству, если оно пожелает, открывать школы или продолжать ведение школьного дела на местные средства, а желают только взять из Св. Синода отпускаемый из казны на содержание церковных школ деньги и передать их Министерству Народного Просвещения, в котором и объединить и сосредоточить все школьное дело. На эти деньги – до 10 миллионов рублей – Министерство откроет новые школы, которые и поставит на надлежащую педагогическую высоту, освободив от того «клерикального духа», которым будто бы пропитана церковная школа.

Министерством Народного Просвещения, как известно, внесен в Государственную Думу проект о всеобщем обучении в России, близкий к осуществлению. Дело стоит только за окончательным словом Государственного Совета. Из данных, опубликованных в речи министра народного просвещения, которой он предварил внесение сказанного проекта, видно, что для осуществления всеобщего обучения в России нужно иметь до 250 000 училищ вместо имеющихся теперь 90 000 министерских, земских и церковных школ. Таким образом, церковные школы представляют половину всех существующих в России начальных училищ. Принимая во внимание то обстоятельство, что Министерство в своем расчете потребного числа школ руководствовалось лишь общим числом детей школьного возраста в России, полагая по 50 учеников на школу, и имея в виду, что крестьянство наше расселено по деревням, которые должны будут иметь особые школы, менее чем на 50 учащихся, так как теперь во многих местах крестьяне при содействии и поощрении правительства переходят на хуторское хозяйство, – будет безошибочно сказать, что 250 000 школ, даже сверх существующих 90 000 едва-едва будут в состоянии сделать первоначальное обучение общедоступным. Нам кажется, что цифру школ придется удвоить... Перед нами, следовательно, задача грандиозная. Потребуется огромные средства на школьное строительство, на учебники и учебные пособия, на усиление инспекций. Но главным образом потребуются не менее 300 000 учителей, а по нашим предположениям – не менее 500 000 учителей. Откуда их взять? Не нужно забывать, что имеющее возрасти минимум в 4 раза число начальных училищ потребует соответственного увеличения учебных заведений низших, средних и высших, общеобразовательных и специальных.

И вот, в то время, когда дорога каждая самая незначительная сила духовная или материальная, которая может быть пригодна для школьного дела, нам обещают отстранить от школы до 60 000 священников и диаконов и подвергнуть страшному потрясению 42 000 школ с 2 миллионами учащимися, а кроме того, отбросить от школьного дела местные материальные средства, т. е. взносы церквей, монастырей, братств, попечительств и частных пожертвований, – те взносы, что за время существования церковной школы с 1884 года составили 76 миллионов рублей при 86 миллионах отпуска от казны, не считая неисчислимых жертв, которые несет духовенство натурой, – бесплатным трудом, содержанием и отводом нужных зданий, бесплатными разъездами по школьным делам в уездные и губернские города и т. п. При этом должно помнить, что в последнее время, ежегодная сумма местных поступлений выразилась в устойчивой сумме 6 миллионов рублей в год, и сумма эта, что особенно замечательно, осталась такой же даже в 1905 году, когда народ, вследствие экономических потрясений и по другим причинам, по местам совершенно перестал платить земские сборы, поставив земские школы в крайне затруднительное положение...

Думают, что передача Министерству Народного Просвещения девяти миллионов рублей, которые ныне отпускаются из Государственного Казначейства в пособие церковным школам, на число школ, не повлияет, что Министерство на эти средства быстро создаст то же количество школ, только стоящих качественно выше и чуждых клерикализма. Разберемся в этом вопросе и представим себе картину положения в случае, если такой проект осуществится.

Предположим, что девять миллионов рублей, отпускаемых ныне из Государственного Казначейства в пособие церковным школам, будут переданы в Министерство Народного Просвещения. По проекту Министерства, вводится не принудительно обязательное начальное обучение, а только общедоступное. Предполагается отпускать на всякую школу по 360 рублей в год, при условии, что расходы на здание и содержание школы возьмет на себя местное общество. По такому расчету Министерство может открыть на сказанную сумму 25 000 школ, т. е. почти на 20 000 школ меньше, чем ныне состоит в духовном ведомстве. Но если Министерство будет твердо держаться этого правила, и не пойдет со своей помощью к населенно в деле школьного строительства и содержания школ, а равно снабжения их учебниками и учебными пособиями, то ему придется открывать свои училища только в городах и в селениях людных и богатых, которые в состоянии выстроить здания, снабдить их всем

необходимым и поддерживать их в исправности. Такие местности и теперь, конечно, имеют уже школы, следовательно, Министерство вынуждено будет закрывать школы именно там, где в них население нуждается, и открывать в тех местах, где особой помощи со стороны казны не требуется. Далее. Новые 25 000 школ потребуют соответствующего усиления инспекции. Таковая Министерству ныне обходится по 30 рублей на школу. Придется, значит, или прибавить 750 000 рублей к девяти миллионам, или уменьшить число школ на две тысячи. При этом, рассчитывая по 360 рублей на школу, мы имеем в виду только школы одноклассные. Следовательно, придется или пожертвовать школами высшего типа (421 второклассных-учительских и 615 двухклассных), или, отчислив на их содержание нужную сумму, еще уменьшить общее число одноклассных школ, по крайней мере, на две тысячи. Итак, мы уже спускаемся до 21 000 школ, которые сможет содержать Министерство Народного Просвещения на девять миллионов рублей вместо 42 000 школ церковных.

Но это расчет, принятый при предположении условий самых благоприятных. Он никогда не осуществится на деле. Правильным и безошибочным будет расчет, основанный на средней стоимости школы, как эта стоимость определяется в данное время. Цифры нам известны. Одноклассное городское училище стоят Министерству в среднем 1 700 рублей в год, сельское – 655 рублей, двухклассное городское – 2 200 рублей, столько же и двухклассное сельское, высшее народное училище стоит 6 000 рублей. Стоимость показана в круглых цифрах ниже, действительных цифр. При таком расчете, если ваять за среднее 1 000 рублей на школу, мы получим только 9 000 школ, если же примем во внимание необходимость денежных отпусков на постройку школьных зданий и будем отпускать хоть на 500 школ ежегодно по 3 тысячи рублей (сумма незначительная), то число школ, содержимых на девять миллионов рублей, еще опустится и дойдет до 7 500. Вот что получит Россия вместо ныне существующих церковных школ. Не трудно видеть, в какой мере поднимется просвещение в стране и в какой степени, начальное образование станет общедоступным. В деле народного образования мы пойдем назад, и потребуются еще четверть века, пока мы относительно числа школ сравняемся с тем, что мы имеем в настоящее время¹²⁶.

Против приведенных соображений могут возразить: церковные школы увеличились в числе, главным образом, благодаря местным средствам, которые могут быть употреблены на школьное дело и после того, как оно будет изъято из ведения духовенства и передано в Министерство

Народного Просвещения.

Но если легко оперировать над цифрами, когда отпуск денег идет из казны, то совсем в иное положение мы становимся, когда перед нами столь случайный источник поступлений, как местные средства и пожертвования. Попробуем разобраться по возможности и в этом вопросе.

И прежде всего, нужно поставить вопрос: с отобранием казенного пособия на церковные школы последует ли принудительное запрещение Церкви заниматься делом народного образования, хотя бы и без помощи от казны, или, при условии изыскания местных средств, духовенство по-прежнему сохранит право свободно содержать и вести свои церковные школы? По-видимому, о принудительном отобрании церковных школ у духовенства и о запрещении ему иметь школы, нет и речи: напротив, преобладает мнение, что следует разрешить открытие школ явочным порядком, кому угодно. Трудно поэтому допустить, чтобы Государственная Дума, допуская явочный порядок открытия школ для всех граждан без изъятия, допуская конфессиональные школы еврейские, бурятские, сектантские, немецкие, католические, армянские, мусульманские и т. д., воспретила бы только русскому духовенству иметь свои школы. Но такая постановка дела сразу полагает конец всяким рассуждениям о местных средствах. Там, где такие средства имеются, они и пойдут на церковные, а не на министерские школы. Там, где их слишком мало и не достаточно для содержания школы, они прекратятся или будут направлены на другие благотворительные цели. Только самая незначительная часть их пойдет на министерские училища.

Конечно, число церковных школ сразу значительно сократится и дело церковно-школьное, особенно на первых порах, сильно понизится. Сократится деятельность издательской комиссии, и ежегодно рассылаемой огромной, учебной литературе – до четырех миллионов экземпляров – положен будет конец; церковно-школьная инспекция – епархиальные и уездные наблюдатели, целая армия образованных работников, останутся не у дела и, главное, нельзя будет использовать их Министерству, потому что все эти работники – лица духовные; до 400 зданий второклассных школ, стоящие 20–25 тысяч каждое, или запустеют, или получат другое назначение; до 12 000 зданий начальных школ, находящихся на церковной или монастырской земле, юридически и фактически принадлежащих церквам и монастырям, в случае закрытия церковных школ получат также другое назначение; церковные сторожки, свободные от жилья причтовые дома, частные дома, ныне занимаемые церковными школами, будут возвращены к прежнему употреблению; 4 500 лиц, ныне бесплатно

обучающих в церковных школах, и 5 400 учителей из членов причтов, ныне занимающихся в школах, – опять целая армия бесплатных школьных работников отойдет от дела; из 45 000 учителей и учительниц церковных школ большинство пойдут неизвестно куда; 11 000 десятин земли, состоящих в пользовании школ, но юридически принадлежащих церквам, отойдут от школ; огромную часть четырехмиллионного капитала, жертвованного специально на те, или другие церковные школы, в случае смерти жертвователей и закрытия школ придется обратить в собственность церквей, на имя коих деньги были жертвованы; школьный инвентарь, стоящий до 3 миллионов рублей, частью придется распродавать, книжное имущество школ, стоимостью свыше 3 миллионов рублей, 31 000 систематических библиотек, – все это передастся в большей части, за исключением того, что останется в уцелевших школах, в церковные библиотеки.

Перед нами картина полного разгрома дела налаженного, укрепившегося, создавшего около себя десятки тысяч работников, раскинувшего целую сеть зданий и учреждений. Для кого и для чего потребуются такие жертвы? Для чего такой погром? Трудно дать ответ.

Немного меняется картина и в том случае, если, вопреки всяким ожиданиям¹²⁷, духовенству будет прямо и категорически воспрещена школьная работа, а школы церковные со всем их имуществом, со всеми зданиями, земельными участками и пожертвованными капиталами будут принудительно отчуждены, отняты и отданы, как собственность, Министерству Народного Просвещения.

Конечно, духовенство подчинится насилию и не станет грозить, по современному обычаю, вооруженным восстанием. Но думается, всякое правительство, даже самое антихристианское, задумается перед такой страшной и опасной мерой, и остановится в решительный момент... Неужели и в самом деле всему есть предел, кроме насилий во имя либеральных соображений в попечении о свободе.

Допуская и оправдывая подобную меру, что же можно возразить против обратного проекта: отдать принудительно все министерские и земские училища в ведение, распоряжение и собственность духовного ведомства?.. Вся сила решения вопроса в ту или другую сторону, следовательно, будет лежать не в принципиальном значении права и правды, а лишь в случайной группировке лиц и партий, стоящих у правительственного кормила. Но это путь слишком опасный, который приведет не только к полному развалу дела народного образования, но и к крушению самого государства.

Предположим, однако, что принудительное отобрание школ церковных совершится. С материальной стороны, и в этом случае дело мало выиграет. Конечно, в виде единовременного приобретения поступит в распоряжение Министерства ценное приобретение – здания, земельные участки, школьный инвентарь, даже капиталы. Но пожертвований и поступлений в виде ежегодной суммы никакими мерами насилия нельзя, ни создать, ни вызвать, а в них-то и главная сила в деле поддержания училищ. Как велики эти жертвы и как они увеличиваются сообразно тому, обеспечивает ли себя дело из посторонних источников, видно из данных церковно-школьной статистики. В первые 10 лет существования церковной школы, когда она получала от казны самое ничтожное пособие – всего за 10 лет 1 300 000 рублей, местные поступления достигли крупной суммы – 13 000 000 рублей, т. е. на рубль казенного пособия приходилось 10 рублей местных средств. Когда во второе десятилетие казенное пособие значительно было увеличено, местные средства стали выражаться в цифре: на рубль казенный – рубль местных средств, в 8-е десятилетие, когда сумма казенного отпуска еще более возросла, местные средства еще более понизились и стали составлять 75–80 коп. на казенный рубль. Мы говорим здесь, конечно, не об абсолютной сумме местных средств, – она обнаруживала непрерывную тенденцию к повышению и достигла 6 миллионов рублей в год, – а имеем в виду лишь отношение ее к сумме казенного пособия. Нет никакого сомнения, что местные средства, ныне поступающие на содержание церковных школ главным образом от церквей, монастырей, братств, попечительств и т. п. учреждений, с отобранием церковных школ, и притом насильственным и оскорбительным, прекратятся. Как отнесутся частные лица-жертвователи к подобному явлению, видно из тех заявлений, которые уже ныне поступили в Св. Синод и в Училищный Совет при Св. Синоде: жертвователи, смущенные одними слухами об упразднении церковных школ, заявляют, что они, в случае, если такие слухи подтвердятся, теперь же дают пожертвованным капиталам иное назначение и ни в каком случае не согласны отдать их в распоряжение Министерства Народного Просвещения.

Мы отметили и показали, как, в сущности, немного выиграет, с материальной стороны, дело просвещения народного в случае принудительного отобрания от Церкви школ церковных со всем их имуществом и капиталами: на ежегодное поступление местных средств в той сумме, какая ныне поступает на церковные школы, рассчитывать будет невозможно. Но есть во всем этом другая сторона, внутренняя,

чисто-нравственная, – то впечатление, те влияния и настроения, которые явятся плодом подобного насилия. Россия – не Франция. У нас не было, и нет клерикализма. Церковь у нас помогала государственному строению, а не разрушала его. И вот, для верующей и преданной Церкви части русского народа явится совершенно непонятный и ничем не вызванный факт – гонение на Церковь. Духовенство будет оскорблено подобным актом и устранено от просветительного дела. В государственном строении дан будет прецедент насилия, ничем, в сущности, не вызванного, в сфере, особенно требующей чуткости и нежности в воздействии на нее, – в сфере религиозно-церковной. Доселе духовенство, благодаря деятельному участию в деле народного просвещения, вырабатывало и выработало много почтенных и энергичных работников школьных; оно на этой почве сближалось с образованными классами общества. Достаточно сказать, что во всех уездных городах, под председательством местных протоиереев и священников, в уездных отделениях училищных советов работали вместе представители администрации, земства, городов и местного общества. Это поднимало и поднимает престиж духовенства в стране, это же, что, может быть, не менее важно, поднимало и поднимает его и в собственных глазах. Создалась специальная церковно-школьная литература. Явились также писатели-педагоги, как Рачинский и Ильминский, – не говорим уже о многих, еще здравствующих. В короткое время намечена и осуществляется последовательная система школ: грамоты, одноклассных, двухклассных, второклассных, церковно-учительских. Открыты церковно-приходские собрания, церковно-приходские советы, как органы оживления и возвышения приходской жизни, которые в числе первых задач и забот ставят развитие и поддержание местных церковных школ... Бесплатный труд 40 000 заведывающих школами и законоучителей будет насильственно прекращен; здания, уступаемые ныне под церковные школы, принадлежащие церквям, монастырям, членам причтов и частным лицам, будут отданы для другого назначения. Все этому будет положен конец. Во имя чего и для чего? Для чего будут принесены эти жертвы? Для чего понадобятся все эти явления жизни: недоумевающий народ, оскорбленное духовенство, озлобленные представители приходов, выбранные в церковно-приходские советы?

В ответ на эти вопросы раздаются различные обвинения против церковных школ. Нужно рассмотреть их положительную и отрицательную сторону, чтобы решить, действительно ли недостатки церковной школы перевешивают ее достоинства и заслуги, и уж так ли они велики, так ли неисцельны, что взывают прямо к ее уничтожению?

III

Очень легко браниться и критиковать. В этом каждый себя считает сильным. Еще легче наперед условиться: не судить о деле, а осудить его. Посему, прежде всего, следует устранить из нашего обсуждения такую именно предвзятую мерку. Постараемся избежать и другой крайности: говорить о деле, с целью оправдать его, во что бы ни стало. Пусть ясно будут указаны и достоинства и недостатки церковной школы.

К сожалению, мы переживаем такое время, когда то, что одни считают достоинством, другие признают недостатком и даже преступлением. В таком именно положении находится и церковная школа; поэтому и в этом отношении, прежде всего, следует условиться и оговориться.

Если задачей школы ставят не укрепление добрых и благочестивых нравов и навыков, если дух покорности властям в семье, обществе и государстве почитается знаком принижения личности, если требуют от школы воспитания детей в сознании не обязанностей, а прав и в желании отстаивать эти права, хотя бы путем насилия и крови, если стремятся внушить детям нежелание мирного и совместного существования и взаимной работы, на общую пользу всех классов и сословий, а классовую борьбу, основанную на зависти и ненависти, – скажем прямо, если желают видеть в школе орудие и надежное пособие для революционирования масс, та мы наперед должны сказать, что церковная школа для людей, держащихся таких воззрений, безответна и подложит немедленному уничтожению. Но о всяком явлении нужно судить с точки зрения его основной идеи и тех задач, к которым оно стремится, как к идеалу. Именно в отступлении от этого элементарного правила и кроется причина путаницы понятой в обсуждаемом предмете. Церковная школа по своей идее, по своему существу не должна и не может служить делу революции. Осуждать ее за это – все равно, что требовать от священника проповеди атеизма. К прискорбию, такое именно отношение мы и видим к церковной школе. Для многих ее обвинителей и недоброжелателей ее значение, как противореволюционного оплота, и есть истинная причина самой злобной ненависти к ней; все прочие обвинения – лишь поводы и прикрытие, а не причины. С точки зрения таких обвинителей, чем церковная школа выше, лучше и ближе к своему идеалу, тем она хуже и вреднее. Разумеется, для таких лиц совершенно «бесполезно что-либо говорить и писать в защиту церковной школы. Мы имеем в виду тех, кто в христианском воспитании детей видит заслугу школы, кто против принципиальной стороны церковной школы, в смысле основ воспитания, ничего не имеет, и кто,

если осуждает церковную школу, то осуждает ее не за верность ее принципу, а за отступление от него или недостаточное его осуществлено. Это, прежде всего, нужно иметь в виду, иначе то, что ниже мы поставим в заслугу и в достоинство церковной школе, напротив, будет вменено ей в преступление.

Церковная школа назначена для русского православного народа. Мы утверждаем, что ее идея близка и дорога русскому народу, и только этим объясняем то удивительное явление, что церковная школа при всех материальных лишениях, при множестве неблагоприятных условий для своего существования, при постоянной и озлобленной травле со стороны либеральных и радикальных органов печати, неизменно ширилась и росла количественно и качественно. Когда она восстановлена была в 1884 году, то вынуждена была ютиться в сторожках, в домах причтовых, в наемных квартирах. Это сразу было поставлено ей в вину. Обвинение имело бы основание, если бы при этом прежде существовавшие школы министерская и земская, имевшие прекрасные здания, уничтожались и заменялись бы новыми, церковными, теснившимися в лачужках. Ничего подобного не было, и обвинение само собой отпадает. Бедность – не порок и за бедность не осуждают. С высот сытого мирозерцания либеральных чиновников и земцев, школа бедная была мерзостью, а бедный русский народ, не привыкший жить в хоробах, увидел, напротив, в бедной церковной школе свое родное и близкое детище и сразу же стал с полным доверием отдавать ей своих детей. Этим мы вовсе не хотим приветствовать и идеализировать нищету. Мы только отмечаем факт бедности русского народа и то, что вследствие такой бедности ему не претила церковная школа, не блиставшая с внешней стороны. Будь русский народ богатым, чего и пошли ему Бог, то и его народная церковная школа была бы сразу не бедной, а богатой. Но что школа церковная была по душе нашему народу, видно из того, что через 25 лет после ее восстановления число церковных школ возросло по сравнению с 1884 годом в 8 раз, а число учащихся – в 15 раз и ныне достигло почтенной цифры – 2 миллионов, причем на одноклассную школу приходилось в 1905 году 54,6 ученика, а на двухклассную – 115 учеников. Явление это, красноречивое само по себе, не нуждается в комментариях. Довольно сказать, что в проекте Министерства Народного Просвещения относительно общедоступного начального образования предполагается на одноклассную школу в среднем 50 учащихся... Ясно, что церковная школа уже теперь переросла эту норму и, во всяком случае, упреку в не посещаемости детьми и в недоверии населения не подлежат. Нужно при этом принять во внимание и то

обстоятельство, что в общее число школ церковных включены малочисленные школы миссионерские в Сибири, по Волге и на Кавказе, а также школы тех поселений, где число православных незначительно; это обстоятельство, конечно, понижало среднюю цифру учеников в школе, и следовательно, по отношению к чисто-русскому православному населению внутри России эту цифру нужно еще увеличить.

Народу нравится в церковной школе то, что она воспитывает детей его около семьи, в родном приходе, в родной деревне, не вызывая в них отвращения к крестьянской деревенской жизни и не возбуждая желания отливаться из сел в города. С точки зрения пролетарской, конечно, это – преступление, но с точки зрения нравственной и широко-государственной, здесь – несомненная заслуга. Школа церковная не вычерпывает из деревни последних интеллектуальных сил, напротив, оставляет их на месте и тем способствует поднятию, а не принижению местной жизни. Она и привилась, главным образом, в глуши, в деревнях, вдали от проезжих дорог, там, где богатой школе других ведомств трудно устроиться по бедности и незначительности населения. Любопытно и то, что такие места, как Камчатка (23 церковной школы), Туруханск и другие, северные и неприятные места, имеют исключительно церковные школы. За обладание такими местами, по-видимому, ни Министерство, ни земство не склонны спорить с церковными школами.

Народ верующий ценит в детях набожность и церковность и радуется, видя детей своих в храме не немymi, не бездеятельными и не бессознательными посетителями. Народ знает, что в этой связи с религией и храмом лежат залого семейственности, хозяйственности и нравственной порядочности их детей. Инстинктивное чутье не обмануло народ. Это ясно сказалось в последние три года развития в России революционного движения. Общеизвестен факт, что в этом движении учителя начальных школ министерских и земских были всюду замешаны буквально тысячами. Ими, главным образом, начиналась, продолжалась, да и доселе ведется в деревне революционная агитация. Они устраивали «учительные союзы», которые, как, например, в Кубанской области, были центром и носителями революционной пропаганды. В программе Всероссийского учительского союза Закон Божий исключен из школы. На 2-м делегатском съезде учителей средней школы в 1906 году в этом же смысле состоялось решительное и единогласное постановление. Были случаи участия в революции и учителей церковных школ, но эти случаи настолько редки, что в собственном смысле являются исключением, которое может быть объяснено только особой эпидемией и безумием последних лет,

охватившими Россию. Справедливо ответил один из государственных деятелей наших графу С. Ю. Витте в ответ на заявленное последним обвинение учителей церковных школ в революционной деятельности: «для перечисления их достаточно пальцев на двух руках; хватит на всю Россию». Впрочем, мысль эта и не нуждается в особом подтверждении; она признана теми, чье свидетельство для нас в данном случае особенно примечательно, – самими революционерами, ибо они не имели бы такой ненависти в церковной школе и ее деятельность, если бы видели в них годное для своих целей орудье.

Мы можем, напротив, указать подавляющее число примеров, которые свидетельствуют о том, что церковная школа всюду являлась надежным орудьем борьбы с революцией. Укажем эти примеры во всех концах России.

В дни погромов, одно время охвативших, как эпидемия, крестьянство, ни одна церковная школа не была тронута. В Саратовской губернии, где погромы помещичьих усадеб были особенно многочисленны, мы видим удивительное явление. Здесь погромы, главным образом, наблюдались в тех уездах и селениях, где не было церковных школ совсем, или они тонули в подавляющем количестве школ других ведомств. Напротив, в уездах с густой сетью церковных школ и в селениях, где церковные школы имеют первенствующее просветительное значение, погромов не было или они, начинаясь, тотчас же вызвали против себя протест лучшей части крестьянства и протекали сравнительно в самой слабой форме. Таковы уезды: Вольский, Камышинский и Хвальинский, где земства или передали земские школы духовному ведомству, или щедро субсидировали церковные школы, так что церковные школы там являются преобладающим типом училищ. Таковы большие села: Дорофеевка (второклассная церковная школа мужская и одноклассная, очень большая, женская), Карабулак (две церковных школы), обе Саратовского уезда, Вязовка и Колояр, Вольского уезда, Кутьино Петровского уезда (везде имеются школы церковные второклассные, очень людные одноклассные, школ других ведомств совсем нет); небольшие селения: Аряш, Петровского уезда (двухклассная церковная школа с дополнительным учительским курсом и одноклассная школа), Потловка, Сердобского уезда (имеется второклассная школа и прекрасная женская одноклассная – на средства землевладелицы г-жи Рихтер).

В той же Саратовской губернии в то время, когда совершались захваты чужих имений, прекращались взносы казенных и земских повинностей, – в это самое время крестьянские общества и отдельные лица

продолжали жертвовать деньгами, земельными участками и проч. в пользу церковных школ. Таковы общества: Садовское, Вольского уезда, постановившее приговором израсходовать 1 500 рублей на церковную школу и дать десятину усадебной земли; то же самое сделало общество селения Змеевки, Сердобского уезда; отпустили деньги на построение церковных школ общества сел. Нового-Чарчима, Кузнецкого уезда, сел. Сухой Терешанки, Хвальнского уезда (по 600 рублей), сел. Новой-Яблонки, того же уезда (1 200 рублей), и т. д. Жители сел. Арпадака, Балашовского уезда, просили устроить у них церковную школу и второклассную и готовы были дать для нее 2 000 рублей деньгами и 3 десятины земли; жители дер. Еременихи, того же уезда, готовы были дать 3 десятины земли и 3 000 рублей и т. д., – и это в годы обеднения народа и земельной тесноты в такой беспокойной губернии, как Саратовская. Чтобы не утомить внимание подробным перечнем сел и деревень, довольно сказать, что в 1905–6 гг. в 30 местах Саратовской губернии крестьяне строили на свои средства здания церковных школ и отводили для них земельные участки. Факт этот сам за себя говорит. Автор настоящей статьи потому и избрал Саратовскую губернию, что ему пришлось ознакомиться с церковными школами Саратовской епархии более или менее подробно. Несомненно, таковы же факты и по другим епархиям, ибо Саратовская епархия не имеет ровно ничего, сравнительно с другими местностями России, что заставляло бы население особенно дорожить именно церковными школами. То же явление, автор наблюдал в Самарской, Симбирской и Курской епархиях, на северном Кавказе и в Закавказье, в Сибири и т. д.

В Закавказье центром революционного движения была Гурия, которая была ареной народного волнения в последние пять лет. Несомненными данными установлено, что в Гурии министерские училища и состоящие при них библиотеки-читальни принимали главное участие в революционной агитации, и учителя этих училищ арестовывались буквально десятками. В 1905–6 гг. движение охватило всю Гурийско-Мингрельскую епархию (Озургетский, Новосенакский и Зугдидский уезды Кутаисской губернии); всюду учителя министерских школ являлись главной революционной силой. В это время из церковных школ оказались замешанными в революционном движении не более 4–5 человек, и это при нищенском вознаграждении учителей церковных школ, при всеобщем бойкоте, который был объявлен им за отказ от участия в восстании. В Тифлисе в 1905 году ученики министерских начальных школ бросали занятия, разрывали Царские портреты, устраивали сходки и выносили

постановления о том, чтобы были изгнаны те или иные учителя, чтоб ученикам было предоставлено право избирать и судить учителей. То же повторилось в Кутаисе, Ланчхутах и в других местах Закавказья. Ничего подобного не было по церковным школам, которые спокойно продолжали свое дело. По селениям Закавказья десятками сжигали здания министерских училищ; по отношению к церковным школам были только два подобных случая. И это невзирая на яростную агитацию, направленную именно против церковных школ. На северном Кавказе в Осетии мы видим буквально единичные школы Министерства Народного Просвещения и тут же рядом в 80 приходах насчитываем до 85 церковных школ, буквально переполненных, из них около 19 двухвласных. Полудикое население всюду строило для школ здания, отводило участки земли, давало прислугу и проч. Начиналось сильнейшее волнение среди осетин в 1905 году; агитация революционная здесь падала, как и в Гурии, на почву самую благоприятную: на вековую склонность населения к разбою, возведенному в воззрениях туземцев в некоторый вид удалства и геройства. И все-таки влияние школы церковной, которая в Осетии действовала 50 лет, (школы содержались Обществом восстановления православного христианства с 1859 года), было так благотворно, что анархии и беспорядкам не нашлось места в Осетии. В Сибири в печальные октябрьские дни 1905 года в Благовещенске, в Чите, особенно в Иркутске и Томске начальные городские школы были сплошь увлечены общим революционным движением настолько, что на целые недели прекращали учение. Церковные школы во всех этих городах, как это самолично наблюдал автор настоящих строк в 1905 году, продолжали учение беспрепятственно. Даже на церковно-учительских школах, где учатся взрослые юноши, эпидемии забастовок, отразилась в Иркутске и Томске в степени самой незначительной, по сравнению с учительскими министерскими семинариями, гимназиями и реальными училищами.

Может ли народ не ценить этой заслуги и этого достоинства церковной школы? Думается, что если бы весь русский народ действительно охвачен был самым сильным и всеобщим революционным движением, и тогда бы он настолько сохранил здравый разум, естественное чувство нравственной порядочности и любви к собственным детям, чтобы возмущаться и негодовать при виде участия учащихся не только низших школ, но даже средних и высших училищ в общем политическом движении. Только крайнее безумие может хоть сколько-нибудь допускать и оправдывать подобное позорное и пагубное явление.

Выше уже отмечено, что даже в разгар «освободительного движения»,

когда под влиянием агитации крестьяне по местам перестали уплачивать всякие взносы, сумма взносов на церковные школы не понизилась. Сопоставьте с этим сведения, опубликованные в газетах, например, – что в Кадниковском земстве, Вологодской губернии, приходилось чуть ли не закрывать 30 школ, вследствие того, что крестьяне отказывалась платить учителям жалованье, определенно мотивируя свой отказ недовольством по поводу революционной деятельности учителей; что в Ржевском земстве, Тверской губернии, где школы, судя по ревизии 1903 года, оказались складами революционной литературы, учащие земских школ сидели без жалованья; что в Курской губернии большинство уездных земств оказались без средств... и т. д. Вывод вытекает сам собой.

Итак, школа церковная, несомненно, любя русскому народу, как близкая, понятная, родная, истинно-народная школа. Она близка ему и потому, что не погнушалась беднотой народной и первая, в виде школ грамоты, явилась в самые глухие, убогие деревни... Бедна и дешева такая школа; ее средняя стоимость – 136 руб. в год (против 655 рублей для министерской школы); ее помещение скудно и убого сравнительно со зданием министерских и земских училищ, иногда отстроенных с большой роскошью. Но нужны ли бедному народу богатые школьные здания? Полезны ли они? Не родят ли они в ученике привычки к непосильному и недоступному для него комфорту? Не почувствует ли он по возвращении из школы домой отвращения и ненависти к своему бедному дому, к своей небогатой семье, к своему незатейливому быту? Не потянет ли его из селения и деревни в город на сомнительное существование пролетария, вечно недовольного, а в отношении строения государственного и народного являющегося элементом самым вредным и разрушительным? На все эти вопросы приходится отвечать только утвердительно...

Скажут: невелика заслуга и той школы, которая желает фиксировать за народом бедность и вытравить в нем стремление к лучшему. Но это обвинение будет недобросовестно. Не эту мысль мы желаем провести. Мы утверждаем, что для бедной русской деревни не нужны школы – дворцы, а нужна школа, которая соответствовала бы по зданию и обстановке идеалу зажиточного, хорошего русского крестьянина, была бы гигиенически здоровой, просторной, опрятной, но не роскошной, чтобы она давала и порождала осуществимые стремления и пожелания у крестьянских детей, а не несбыточные мечтания, которых, кроме тоски жизни и постоянного недовольства, ему ничего не принесут. По народу – школа, по духу народа – дух школы, по идеалам народа – идеалы народной школы. Иначе вы сделаете брешь в народном мировоззрении, порвете с его извечными

стремлениями... Может ли удержаться такая школа? А если искусственно она удержится, то полезна ли она? Нет, она будет постепенно производить двойственность жизни, убивать цельность народной души, ослаблять духовную силу народа. Не в том ли и причина нашей слабости, не в том ли причина того, что самая наука нам впрок не идет; что наши школы дошли до последней глубины падения, – не в том ли, что школа наша была искусственной, что не выросла она из недр народного духа, а просто пересажена с чужой почвы... И вышло по поговорке: что немцу здорово, то русскому – смерть...

Стеснение, гонение или насильственное закрытие и воспрещение церковной школы грозит именно усилением разрыва школы с духом народа, со всеми гибельнейшими последствиями такого разрыва.

IV

Принципиальную ценность церковной школы совершенно невозможно отрицать. Можно указывать лишь на практические ее недостатки и на условия существования, которые мешают правильному развитию церковно-школьного дела. На этих соображениях мы и остановимся и, взвесив их, увидим, действительно ли сказанные недостатки неисцельны, а условия неблагоприятные неустранимы. Если же ни того, ни другого не наблюдается, то вопрос о церковной школе в ее настоящем положении сводится к постепенному улучшению и реформированию дела, а вовсе не к его полному уничтожению. Таков ход всякого живого дела.

Но прежде всего, вспомним одно соображение, о котором мы говорили вскользь выше. Согласимся, что недостатков церковной школы много и они велики. Это обстоятельство имело бы огромное и решающее значение для ее существования в том случае, если бы церковная школа имела тенденцию вытеснить собой всякую другую школу, если бы она простирала претензии и требования на те, казенные суммы, который отпускаются теперь в распоряжение Министерства Народного Просвещения. Этого, однако, нет; церковная школа живет и работает рядом со школами всех типов и всех ведомств, порождая лишь благородное соревнование в этом великом деле; подчеркивая в своей деятельности воспитательные цели, воспитательный элемент, она тем самым напоминает об этом и школам других ведомств. В свою очередь, и сама она, видя превосходство в постановке учебной части в других школах, постоянно вынуждена обращать свое внимание и на эту важную область. Получается только общая польза. И в настоящее время, желание все школьное дело сосредоточить исключительно в своих руках и собрать

все школьные капиталы в свою кассу, мы видим не у церковной школы, ведь высказывались ни раз пожелания передать отпускаемые из казны на церковные школы суммы, почему-то в кассу Министерства Народного Просвещения, хотя бы и без упразднения церковных школ... Таким образом, в стремление к исключительности церковная школа неповинна. Но, существуя рядом с другими типами школ, при свободном соревновании с ними, пусть, же от жизни, а не от мертвых соображений, теория не от умалчиваемых требований неверия или революции она ждет себе приговора. Жизнь же пока, как мы видели, свидетельствует о том, что церковная школа свое Божие и Государево дело делала и делает и со стороны русского народа, и верующей его части, – а эта часть – почти весь народ, – пользуется сочувствием, материальной и нравственной поддержкой. Если бы церковная школа шла в разрезе с народными идеалами и, будучи против воли, искусственно навязана духовенству и населению и держалась только насилием и приказом, она давно была бы пустой, а в последние годы революционного развала погибла бы сама собой. Действительность, однако, показала совершенно иное. И теперь одновременное существование рядом с церковной школой школ других типов предохраняет ее от обвинения в том, что она осуждена самой жизнью. Когда это случится, школа церковная сама собой прекратит свое существование. С этой точки зрения и нужно судить о всех ее недостатках, о всех против нее обвинениях.

Каковы же эти обвинения?

«Школа церковная существует только на бумаге; иначе и быть не может; она заведена приказом по начальству, которое поощрением священников и членов клира наградами и повышениями создало среди них стремление выслужиться, и толкнуло их на путь обмана... Все рапорты и донесения об открытии школ представляют сплошной вымысел; по бумагам числилось сотни школ, в действительности имелись единичные, жалкие, заведенные на случай ревизии школы, чаще всего имеющие подставных учеников, выкраденных из школ министерских и земских, которых обычно и показывают проезжающим архиереям. Школа церковная, поэтому ненавистна самому духовенству и составляет навязанную ему обузу». Что сказать на такое, к сожалению и удивлению, ходячее обвинение?

Создали его в свое время газеты противоположительственного и противоцерковного направления, а теперь его повторяют уже не газеты, – слишком стыдно им существующее выдавать за несуществующее, – а люди, школ церковных не выдавшие и составившие мнение о них давно по

газетным известиям, которых они никак не могут забыть. На первых порах существования церковных школ, действительно, по местам отмеченное явление имело место. Но против него со всей силой боролось само духовенство, епархиальное начальство, во всяком случае, этого явления никогда не замалчивали в духовном ведомстве, бичевали его и печатно, и административными распоряжениями. Для того, чтоб убедиться в этом, достаточно прочитать епархиальные органы 80-х и 90-х гг., отчеты о ревизиях и поездках по епархиям архиереев и особенно отчеты епархиальных наблюдателей в то время, когда они впервые стали работать по церковно-школьному делу. Явление это, печальное по существу, было, однако, и понятным и естественным. Так начинается всякое новое дело. Духовенство не по своей вине уже 20 лет не занималось в школах, когда вышли известные правила 13 июня 1384 года, снова возлагавшие на него обязанности и права открывать церковно-приходские школы. Выросло целое поколение священников и дьяконов, которым была чужда эта мысль смолоду; мало того, в конце 60-х и в 70-х гг. по ошибочным соображениям графа Д. А. Толстого, число приходов и духовенства было значительно сокращено, дьяконы – эти по преимуществу учителя школьные – были совсем упразднены в приходах, священникам приходилось обслуживать огромные районы с несколькими церквами и селениями, прежде составлявшее несколько приходов, а теперь соединенные механически в один приход. Приходилось сразу в 1884 году, и восстанавливать прежние закрытые приходы, и назначать вновь дьяконов, и заводить школы. Понятно, что для многих дьяконов, частью по малой подготовленности к делу, которой неоткуда было взять вследствие 20-летнего перерыва в самом существовании церковных школ, частью по обычной немощи человеческой, уклоняющейся от нового труда, притом и не оплачиваемого, – для многих дьяконов дело школьное представлялось трудным, нежелательным и они уклонялись от него всячески, а в случаях, когда уклониться было невозможно, прибегали к ложным донесениям об открытии школ. Несомненно, немало было таких донесений и по карьерным соображениям, из желания выслужиться, со стороны благочинных, священников, дьяконов. Люди – всегда люди. То же ведь наблюдалось и в других ведомствах, в частности и в Министерстве Народного Просвещения. Немало школ числилось только на бумаге так называемых волостных, районных в Сибири, в Закавказье. Автор поименно мог бы указать их по Карсской области, в Елисаветпольской губернии, в Томской губернии – даже всего пять лет тому назад.

Но все эти явления в церковно-школьном деле имели место лишь

вначале. Пишущий эти строки был сам учителем и законоучителем церковной школы всего через 3 года после опубликования правил 1884 года, был наблюдателем церковных школ в благочинническом округе, был уездным, епархиальным, потом окружным наблюдателем в четырех епархиях, наконец, в течение шести последних лет обозревал церковные школы в различных епархиях России, по поручению училищного совета при Св. Синоде. Таким образом, за 20 лет перед его глазами прошла история церковной школы. Можно сказать, с начала 90-х годов школы «бумажные» совсем перестали существовать, и теперь их давно совсем нет. Этому способствовало много обстоятельств. Будущие священники в духовных семинариях с 1884 года стали подробно проходить педагогику и дидактику, заниматься в образцовых школах и, поступая в клир, уже вперед знали, что школа в приходе так же необходима, как и храм, что занятия в школе так же для них обязательны, как богослужение. Дьяконы стали определяться на места при обязательном условии выдержания экзамена на звание учителя и после данных пробных уроков в образцовых школах при духовных семинариях. Но и дьяконы-учителя скоро стали замещаться специальными учителями светскими, как только церкви и приходы нашли возможным взыскать, при пособии от казны, средства на уплату им содержания, так что в настоящее время более $\frac{3}{4}$ всех учащихся в церковных школах уже не члены причта, а особо приглашенные лица, специальные учителя и учительницы. Наконец, создана была правильная церковно-школьная администрация и особая инспекция: епархиальные училищные советы и их уездные отделения, епархиальные и уездные наблюдатели, а во главе поставлен училищный совет при Св. Синоде, имеющий ныне до 5 лиц центрального инспекторского надзора. Школы «на бумаге» стали невозможны, и их нет уже не менее 20 лет.

Нужно заметить, что много недоразумений в этот вопрос внесли так называемые школы грамоты, которые и доньше, как элемент, так сказать, текучий, могут возникать и упраздняться, давая поводы к нареканиям в бумажном существовании. Это своего рода частные школы, но по закону порученные надзору духовенства. Вот что говорит о них официальная «Записка» училищного при Св. Синоде совета:

«Под названием церковно-приходской школы в первое время значились школы начального обучения не одинаковые по своему строю. Сюда входили школы церковно-приходские, одноклассные, с установленными программами и в известной степени обязательным курсом начального обучения, не ниже курса начального народного училища Министерства Народного Просвещения. Но сюда же,

причислялись и школы простейшие, для которых объем курса определялся не программами, а знаниями, умением и усердием учителя; это – школы грамоты.

«Никакая другая школа не имеет столько права на признание ее народной, как школа грамоты. Она подлинно – создание самого народа и его бедности. В самом примитивном виде это – почти домашняя школа. В селе или деревне находился грамотей-крестьянин. В зимнее время свой досуг он с охотой посвящал обучению детей. Договаривался с родителями детей о плате за обучение в течение зимы, испрашивал благословение и разрешение приходского священника и начинал дело.

«Особого здания для школы не строилось, а учитель понедельно переходил из одной избы в другую к родителям учащихся: жил у одного, питался у него за столом, а через неделю переходил к другому и т. д. Сплошь и рядом такая школа, пробывшая одну зиму или ползимы в одной деревне, переходила на другую зиму или на вторую половину зимы в соседнюю деревню.

«Плата деньгами была различная, от 70 или 80 к. за зиму с мальчика или девочки до 1 руб. и даже до 1 руб. 50 коп., редко ежемесячно от 30 коп. Учили тут, с утра и до вечера, на глазах всех домашних.

«Школа эта была прямо школой религиозного воспитания, потому что родители требовали и строжайше следили, чтобы дети здесь учились молитвам, заповедям, читать по церковному и молиться. Само собой понятно, что кроме того дети учились читать и по-русски, считать и писать (последнее не всегда). Были примеры, и не редкие, когда познания самого учителя, его усердие и таланты и помощь священника возвышали школу грамоты до вполне успешной конкуренции с нормальной одноклассной школой.

С самого начала школа грамоты по своему строю, условиям возникновения и существования являлась слишком непостоянной, подверженной многим случайностям: Весьма часто она закрывалась неожиданно или так же неожиданно переходила в другое место без всяких формальных чьих-либо разрешений, что порождало немало недоразумений до так называемых «школ на бумаге»; десятками и даже сотнями они закрывались и открывались. Было время, когда они подвергались преследованию со стороны гражданской власти, как не узаконенные и закрывались полицией.

«Между тем, при бедности нашего крестьянина, при крайней недостаточности у нас училищ для элементарного образования, при разбросанности наших селений на огромных пространствах, часто селений

маленьких, в десяток-другой дворов, пока никак нельзя обойтись без маленькой школки, так привычной и так доступной народу.

«Духовенство считало себя вдвойне обязанными взять под свое особое покровительство эту созданную бедным народом школу и приложило старание по мере сил и средств упорядочить ее, помочь ей и средствами, и указаниями, и личным участием в научении детей. Для некоторых школ грамоты удалось устроить особое, хоть небольшое здание или нанять более или менее удобное и постоянное помещение и обставить ее самыми необходимыми школьными принадлежностями; тогда подыскивался сюда и учитель уже не из простых грамотеев, а более сведущий, опытный, с определенным, вознаграждением, иногда до 150 рублей в год.

«В 1891 году были выработаны особые правила о школах грамоты, узаконяющие их бытие и устанавливающие некоторую организацию их, с подчинением ответственному ведению и руководительному наблюдению приходского священника. В «Положении же о церковных школах» 1902 года определен даже и курс школы – не менее двух лет, а что особенно важно, – указан повышенный образовательный ценз учителя или учительницы. Этим уже узаконился более определенный тип школы грамоты.

«Число школ грамоты, возросши в 1899 году до наибольшей цифры 21 900, с каждым годом уменьшается, частью за преобразованием их, где к тому представляется возможность, в церковно-приходские; частью за открытием начальных училищ земских или министерских, упразднявших надобность в школах грамоты; частью же, как это особенно резко проявилось в 1901 и 1905 гг., за недостатком средств содержания на месте. Теперь, по последним отчетным сведениям 1905 г., состоит таких школ 16 969 с 588 286 учащимися (в среднем на 1 школу 31 учен.)».

Итак, обвинение в том, что школы церковные существуют только на бумаге, устарело и теперь совершенно несостоятельно. Трудно показать на бумаге два миллиона учащихся и 43 000 школ... Если бы это было в действительности, то и самая вражда к церковным школам прекратилась бы, ибо нельзя же, в самом деле, ненавидеть пустое место... Это было бы борьбой против крепостного права, уже не существующего, или lamentациями по поводу жизни и быта бурлаков, существование которых уже отошло в область преданий.

Правда ли, что церковные школы ненавистны самому духовенству, как насильно и искусственно ему навязанные? Ответом служит внушительная церковно-школьная статистика. Не только трудно, прямо невозможно было бы достигнуть такого успеха дела одним приказом

власти, если бы в самом духовенстве не было людей, искренно любящих школьное дело, отдающихся ему со всем увлечением благородного идеализма. Говорить все можно, но тогда нужно признать, что и вера, и православие у нас держатся только приказом власти. Однако, 50 000 храмов по лицу всей России, монастыри, богомоления, множество святых подвижников свидетельствуют о совершенно обратном. Таково же и красноречивое свидетельство 43 000 церковных школ. Если школа министерская имеет своего Ушинского, то и церковная имеет своих Рачинских и Ильминских, если школа министерская и земская могут указать на тысячи безвестных, но беззаветных работников народного просвещения, то церковная школа может указать их гораздо больше. Мы видели и знаем епископов, отдававших десятки тысяч рублей в обеспечение созданных ими школ; мы видели и знаем священников, открывавших в своих приходах по 3, 4 и 5 училищ, отдававших для школ свои дома или помещавших их в своих тесных квартирах. Мы знаем дьяконов, бесплатно, но с величайшим усердием ведущих церковно-школьное дело. Мы знали и знаем окончивших курс духовных академий и семинарий, с увлечением занимавшихся в школах... Вот самая недавняя газетная заметка из жизни духовенства Московской епархии:

«Недавно, 26 сего апреля (1911 г.), нам пришлось быть на скромных, но редких по своей торжественности похоронах сельского псаломщика-учителя А. И. Ильинского. А. И. Ильинский, 29 лет состоял псаломщиком при церкви села Лыткина, Звенигородского уезда, занимая в то же время должность учителя грамоты в том же селе. Школа грамоты у него была собственная, им основанная; с самого поступления на должность псаломщика, будучи молодым человеком, за отсутствием в округности каких-либо училищ, псаломщик Ильинский сознал необходимость грамотности для детей своего прихода, а потому и начал обучать их без всяких собственных средств, лишь пользуясь материальной помощью на книги и учебные пособия от покойной княгини Н. Б. Трубецкой, которой принадлежало тогда село Лыткино. Так, он в 8-арш. собственной избе, при всевозможных лишениях, потому что означенный приход едва ли не самый беднейший во всей Московской епархии, будучи сам человеком семейным, работал на ниве духовного просвещения целые 29 лет, делая грамотными 15–20 детей ежегодно.

«Мы сами видели малышей, последних учеников и учениц покойного, в церкви умильно молящихся за своего покойного учителя. А когда подошли к его могиле и спросили могилокопателей: «вы, не учились ли у Андрея Ивановича?» то слышали в ответ: «Как же, мы, ученики его, рады,

что пришлось заплатить долг своему учителю». Соборное служение, стройное пение сошедшихся родственников и друзей покойного, присутствие за богослужением настоящих и бывших учеников и учениц покойного, а также многих прихожан церкви произвели на нас сильное впечатление, а глубоко прочувствованное слово одного из священников, охарактеризовавшего покойного, как редкого в наше время, при тяжелых внешних условиях, труженика, поголовно заставило всех присутствующих плакать, а нас – в тоже время и радоваться, что еще не перевелись и действуют в темных углах матушки-Руси полезные работники для народа, исполняющие свою работу по призванию».

Конечно, в семье не без урода. Есть священники и дьяконы, ненавидящее школу, но ведь это, большей частью, те «пастыри», которые пошли в свое служение «не ради Иисуса, а ради хлеба куса», те, для которых и прямое священническое служение представляет обузу. Несомненно, и то, что в среде учащихся в церковных школах не из членов клира преобладает настроение утилитарное, ремесленническое. Но и это явление, – увы! – обычное для всех сторон жизни. Люди с идеалами и чистыми порывами, работающие с увлечением, обладающие огнем творчества, – всегда и везде редки. Сколько говорили и писали о высоком идеализме земских учителей, и сами они не стеснялись печатно и устно хвалиться своей искренней преданностью делу народного образования. Но вот несколько лет тому назад введена была винная монополия, открылись места сидельцев и сиделиц в казенных винных лавках, с окладами, вдвое превышающими содержание учителя. И что же? На каждое место оказались десятки кандидатов из учителей и учительниц земских школ... Явление это можно было поголовно наблюдать, например, во Владимирской губернии. Идеализм не выдержал даже такого грубого испытания. Думаем, что материальные расчеты и житейские соображения у учащихся в церковных школах не выше, чем у их коллег по школам земским и министерским. Что же касается духовенства, то мы глубоко убеждены, что оно в своих не только лучших, но и рядовых представителях глубоко привязано к церковно-школьному делу и почувствует себя униженным и оскорбленным, если от него это дело будет отнято.

«В церковной школе нет подготовленных учителей... Для духовенства, дело школьное, является второстепенным и третьестепенным и даже отвлекает его от прямых обязанностей. Не то в Министерстве Народного Просвещения и в земстве. Там школьное дело – прямое дело, поэтому там мы видим достаточный контингент подготовленных и годных лиц для школьной работы».

Рассмотрим и это обвинение.

Земство, как и Церковь, школьное дело имеет только в числе других забот и обязанностей, так что с этой стороны оно не имеет никаких преимуществ. Но если для земства трудно связать вместе дело школьное с хозяйственным, пожарным, дорожным и лечебным, то для Церкви не только легко, но прямо необходимо соединить его со своим религиозно-нравственным делом. Было бы, действительно, странным и непонятным, если бы Церковь поступала иначе. Только партийная пристрастность, только неразборчивость политической борьбы могут отрицать за Церковью право и обязанность религиозно-нравственного воспитания подрастающего поколения путем школьного обучения. Вся прошлая история русской православной Церкви, вся история христианской Церкви на Западе, в среде католичества и всех видов протестантства, вся история миссионерского дела во всех странах мира, у всех народов, – вот убедительное доказательство того, что школьное дело для Церкви – не второстепенное, не третьестепенное, а прямое дело, жизненное, вытекающее из самой природы Церкви, из существа ее призвания.

Остается сказать о подготовленности учителей. Если когда, то особенно теперь, в наши печальные дни полного развала министерской школы высшей, средней и низшей, следовало бы помолчать об этом. «Подготовленные» профессора довели университеты до полного уничтожения в них науки; «подготовленные» учителя средних школ совершенно развратили гимназии и реальные училища. В этой области школы светские и духовные сравнялись. Зато в области начальной школы, как мы видели выше, церковная школа оказалась гораздо устойчивее, чем министерская и земская.

Вопрос о «подготовленности» учителей вызван лишь недоразумением. В школах грамоты в 1905 году насчитывалось 43% учителей правоспособных, в церковно-приходских школах 81% учителей имели звание учителя (теперь 100%). О лицах духовных не говорим: священники все по образованно выше министерских и земских учителей. Интересна сравнительная статистика в этом отношении в одной из центральных и наиболее культурных русских губерний – в Ярославской. Перед нами «Вестник Ярославского Губернского Земства» за 1904 год, № 1–2. Здесь помещено исследование обозревателя выставки Северного края, по которому значит: в 1903 году учащихся с достаточной подготовкой в земских школах было 67%, а в церковных до 77%! Еще интереснее вопрос: из каких же классов состоят учащие в земских школах? По наследованию самого Ярославского губернского земства: «Начальное образование в

Ярославской губернии за 1898/7 учебный год», оказывается, что среди учащихся 80% из духовного звания! Выводы ясны. Ярославская губерния – не исключительное явление. То же мы встретим во всех губерниях средней России.

Обыкновенно вопрос переводят на учебную область. Повторяют без конца, что школа церковная ничему не учит что это – школа псалтырная, она живет зубрежкой. Такие, увы, истинно не Божественные речи раздалась и в Государственной Думе. Небезызвестный Немирович-Данченко в своих письмах о русско-японской войне договорился даже до того, что неудачу нашу военную приписывал именно тому, что народ наш имеет у себя церковную школу, а японцы – министерскую... В одном селении (Путятинское) в Амурской области агитаторы так настроили такими соображениями крестьян, что те просили о закрытии у них церковной школы, ссылаясь на то, что из-за нее опять русских разобьют японцы... (Они потом три раза меняли приговор и остались, в конце концов, при церковной школе, когда им разъяснили всю нелепость обвинений церковной школы).

Обвинителям такого рода, очевидно, совершенно неизвестны программы церковных школ. Эти программы нисколько не ниже школ земских и министерских; окончившие курс церковных школ держат экзамены на право льготы по воинской повинности не только по тем же программам по которым держат их ученики министерских и земских школ, но и в обязательном присутствии представителей от Министерства Народного Просвещения. Статистика показывает, что до 10% общего числа учащихся в церковных школах ежегодно успешно оканчивает курс учения и получает установленные свидетельства. Что особенно важно, и ученики школ грамоты очень часто, наравне с учениками одноклассных школ, выдерживают испытания на льготу по воинской повинности. Мы могли бы привести по епархиям Курской, Саратовской, Самарской, Ставропольской, не мало свидетельств директоров и инспекторов народного просвещения, с похвалой письменно отзывающихся об успехах по учебным предметам, в церковных школах. В Курской епархии в экзаменационных комиссиях в конце года по церковным школам принимал участие и инспектор народных училищ, как непременный член епархиального училищного совета.

Насколько вкоренилось предубеждение против церковной школы, показывает следующий живой и наглядный пример. В 1903 год, совершенно случайно в селении Мцхет был проездом известный сенатор и член Государственного Совета И. ф. Г-ъ, человек, которого уж никак

нельзя заподозрить в пристрастии к церковной школе. Имея свободное время, в ожидании лошадей, высокий путешественник из любопытства зашел в местную церковную школу. Ее вел при 80 учащихся инородцев местный псаломщик-учитель. Труд обучения инородцев русскому языку и на русском языке требует большого умения и большого усердия. Петроградский гость был совершенно изумлен, просидев урок в школе, теми успехами, которых достиг учитель. Отблагодарив учителя, он сделал запись о своем впечатлении в книгу для посетителей и заметил: «Я никак не ожидал, что в церковной школе можно достигать таких результатов»(!). Школа была не из выдающихся; таких школ в Грузинской епархии было не мало.

Такова сила предубеждения. Чтобы закончить аргументацию по данному вопросу, приведем требования программ министерской одноклассной школы и церковной. В третьем отделении по русскому языку в министерской школе требуется: «Толковое и выразительное чтение с устной и письменной передачей прочитанного. Повторительная и поверочная диктовка. Составление несложных описаний по данному плану и писем по данным образцам».

В школе церковной программа изложена подробнее, но по содержанию тождественна. Выписываем главное и нужное: «Усовершенствование в чтении с обращением особого внимания на выразительность. Чтение статей описательных, повествовательных, географических, исторических и деловых, с устным изложением прочитанного. Выделение основной мысли и плана статьи («толковое» чтение). Предупредительный и поверочный диктант. Письменный пересказ прочитанной статьи... Составление описаний по вопросам учителя. Составление рассказов по данному плану... Составление писем»...

Спрашивается: какая разница?

Берем арифметику. В школе министерской требуется: «Нумерация и 4 действия над числами любой величины. Действия над составными именованными числами. Простейшие вычисления с дробями. Решение устных и письменных задач».

В школе церковной: «Производство действий над числами любой величины. Составные именованные числа и действия над ними. Квадратные и кубические меры. Упражнения над дробями. Задачи и примеры».

Итак, программы, учебники, образовательный ценз учителей, учебные требования в церковной школе несколько не ниже, чем в школе земской и министерской. Если церковная школа является «псалтырной» потому, что

придает первенствующее значение Закону Божию и религиозному воспитанию, то это – такие «недостатки», которых дай Бог побольше для церковной школы.

Когда говорят о недостатках в учебной части церковных школ, то забывают одно; этот недостаток легко и совершенно устраним, лишь только улучшатся материальные средства школ церковных; поэтому Государственной Думе можно устранить недостатки в учебном строе церковной школы не упразднением ее и не насильственной передачей в другое ведомство, а средством самым простым – отпуском потребных сумм на ее содержание. Можем с уверенностью сказать, что если в этом отношении школа церковная будет выведена из состояния пасынка и падчерицы и приравнена к министерской и земской, т. е. если на каждую церковную школу будет отпущено по 360 рублей в год, причем и оо. законоучители получают справедливое вознаграждение за свои труды, то в самое короткое время церковная школа в учебном отношении если не превзойдет школу других ведомств, то будет нисколько не ниже ее.

Большей частью для иллюстрации дурной постановки учебного дела в церковной школе берут школу грамоты. Приведем, свидетельство о деятельности такой школы в новом крае, среди русских поселенцев, – приведем этот свиток, в котором вписано рыдание, жалость и горе, – и мы увидим, что не осуждать нужно убогую эту школу и ее деятелей, а воздать ей благодарный доземной поклон. Речь об епархии Оренбургской¹²⁸.

«У нас в епархии школы церковные поставлены и ведутся крайне плохо: жалко и не стоит терять на них земские средства». Вот каким диссонансом раздался в зале одного заседания один голос. «Школы плохи, поэтому не нужно им помогать, не нужно их улучшать!» Аналогичен и потому одинаков по силе был бы эффект, если бы кто среди ясного и тихого дня сказал «смотрите, какая буря: отворяйте двери и окна». Ведь это суждение так же поражает своим противоречием очевидности и страдает внутренним разладом мысли, как и высказанное в заседании заявление.

«Заглянем в наши церковные школы не мимоходом, не с высоты своего положения, не с быстротой ревизора обширного края и многих учреждений. Осмотрим их внешность и внутреннюю обстановку не с видом только внимания. Послушаем в них преподавание и поверим успехи, стараясь не смущать малых сих своим неожиданным появлением, своим незнакомым и внушительным видом и не всегда понятными вопросами. По внешности получится значительное разнообразие, а внутренний строй окажется, в общем, одинаков во всех этих школах. Мы

знаем этих школ до пятидесяти. Перед вашим представлением открывается ряд маленьких домиков, иногда без кровли, или с дерновой крышей, отличающихся от обывательских крестьянских жилищ только отсутствием или пустотой двора и сиротливым видом, а иногда ветхостью, с тусклыми окнами, с покривившимися стенами, при отсутствии фундамента. Вывески на этих домиках иногда показывают, что это – школы грамоты, а чаще убогие хаты эти не трубят перед собой о своем назначении; ведь посетители и без того их знают. Входим внутрь часто по животрепещущим ступеням немудрого крыльца. Довольно темно от тусклых окон, заслоненных более половины спинами учащихся, и душно в малом, низеньком помещении от спертого воздуха. За партами самого неизысканного устройства сидят, поневоле плотно сомкнувшись, дети, нередко в отцовских зипунах и материных или сестриных кофтах. Школа полна настолько, парты так неудобны, что писать крайне трудно. Некоторые школьники, – приходилось не раз наблюдать, – стоят вблизи парт, с книжкой или доской в руке, за неимением места. В пространстве в 2–3 шага, где-нибудь в углу под полатями, помещается бедненько одетый учитель и повешена классная доска, ибо передний угол, как более светлый, нужнее для учеников. Бывало, что так называемая «куть» перед печкой, занималась сиротой-хозяйкой дома и подле стесненного сверху и кругом учителя неизбежно проносились во время занятий горшки и прочий домашний скарб. А в степи, в новых поселках и заимках, случалось спускаться в занесенную снегом хату, отведенную для школы грамоты, как в подземную шахту, и при входе зажигать огонь, чтобы увидеть учеников и учителя, приютившихся в полусветлом переднем углу за классной доской, совершенно затемняющей вход. Школьные помещения – здесь в зависимости от малочисленности недавно пришлого и не обжившегося люда и от отсутствия внешних средств к их удобному устройству. В той же зависимости от количества обитателей хаты – и специальные здания. Возникновение их подобно древним обыденным церквям по быстроте постройки и усердию жителей. Они не отличаются изяществом, но удобны и обширны настолько, что является, возможность отгородить в них маленький алтарь для служения прибывшим священником литургии. Таких новых школ возникло в одном новом крае в один год пятнадцать. Еще появились две-три впоследствии, и больше открывать их негде, потому что каждая заимка не менее 10 дворов уже имеет в этом крае свою школу, представляющую нередко и молитвенный дом. На эти школы грамоты, во внимание к их исключительным условиям, отпускается епархиальным училищным советом сравнительно большее пособие, чем на

другие школы грамоты епархии. Но на них не поступало, по крайней мере, за первые два года существования, как и на школы церковно-приходские, ни одной копейки из средств управления краем, хотя обильно отпускались на школы министерские. В этих школах грамоты, по особому ходатайству, учитель получал от совета исключительно высший оклад от 60 до 100 руб., в то время как во внимание к подобным же особым условиям, но без внимания к религиозно-просветительной цели школы этого края, министерская школа низшего разряда при 5–6 учащихся инородцах имела возможность платить учителю 25 руб. в месяц, благодаря щедрости местного управления. А в других местах давно заселенного остального края епархии школы грамоты далеко не получают и тех сумм, какие назначаются школам того степного края, и в большинстве 36 рублей, отпускаемые училищным советом, оказываются нередко единственным источником их содержания¹²⁹. Мы знаем школы грамоты, где учителю было положено от церкви 12 рублей и столько же от совета. Показанная нами картина тесноты, неудобств и убожества, картина, общая для большинства школ грамоты, особенно применима к этим школам, и, однако, в них велось дело обучения грамоте; они не прикрывались. Не правда ли, что картины этих школ неприглядны, особенно по сравнению с благоустроенными на щедрые средства школами? А для лиц, воспитанных в высших сферах, такие нередко встречающиеся картины наших необеспеченных школ грамоты неприятны настолько, что вызывают естественный протест со стороны эстетического чувства и потрясают изнеженные нервы. Колорит этой картины, усиленный сквозь призму субъективную, предрасполагает видеть и внутреннее убожество соответственно внешнему, – и заключение о школе готово. Неуклюжим поклоном учителя-крестьянина дополняется неприятная картина, хотя этот же учитель искренно примет благословение посетителя-священника. Два-три вопроса высокого посетителя (а кто не высок для самой низкой крестьянской среды?) приводят в смущение учителя и учеников: они робеют и немеют, или отвечают невпопад. Дальше быть в этой обстановке элегантному посетителю нельзя; он поверил свои предположения; он удаляется, удрученный убожеством, внешним и, как он убежден, внутренним. Но если посетитель вооружится терпением побыть подольше, посидеть, послушать; если первую робость учителя и учеников он сумеет победить; если он узнает, отчего происходит внешнее, а иногда действительно, и внутреннее убожество, то он избавится от невыгодного мнения о школе грамоты. Он заметит, что и здесь, быть может, не с таким успехом, как в благоустроенной начальной школе, идет то же обучение

грамоте; он заметит, что и среди этого убожества непредставительный учитель удовлетворительно ведет дело в скромной программе этой школы: у него удовлетворительно читают по-русски и по-славянски и, часто встречается, поют многое из служб церковных. Такой посетитель узнает, что внешняя неприглядность и убожество – следствие необеспеченности школы, и удивится терпению и самоотверженности учителя, который в большинстве за 3 рубля¹³⁰ в месяц совершает свой труд, как нетребовательный, скромный работник; посетитель откроет смьшленость этих жалких на вид детей; он будет приятно поражен тем, что при неудобстве помещения, при бедности библиотеки, при самом скромном образовательном цензе учителя (а часто и без него), – словом, при всех неблагоприятных к ведению школы условиях, успехи школы все же обнаруживаются и дело ее делается.

«А если бы посетителю представилась возможность при своем путешествии, после частых и продолжительных остановок в дымных зимовках полудиких инородцев, заглянуть и в самую убогую школу грамоты, то, по сравнению, он понял бы ее значение, он не только беспристрастно, но вполне сочувственно отнесся бы к этому рассаднику народности и православной церковности. Если бы случилось ему в праздничный день, прямо с пути неожиданно заглянуть в такие степные школы, он был бы потрясен тем общим стройным пением в ней, и ее питомцев и всей толпы и тем единодушием в молитве, какое сказывается в этом дружном пении молитв, которое раздается в степи, среди полудиких нехристиан. У него не хватило бы духу сказать слово в осуждение этой школы, и тут бы он почувствовал ее великое значение, если он сам – русский, сын православной Церкви. Мы имели счастье видеть эти картины и переживать их чувствами. Мы упомянули о школах степной и дикой местности, как потому, что на них по контрасту с окружающим, рельефнее выступает и для слабых глаз, их великое значение (ведь известно, истинная оценка делается по сравнению, но не с тем, с чем сравнивать нельзя), так и потому, что они значительны по количеству в этой епархии и что лицо, высказавшее строгое суждение, если знает церковные школы епархии, то тем более должно было знать эти именно школы населяемого края. Таковы по убожеству внешнему, таковы по своему доброму направлению и значению в большинстве школы грамоты этой епархии.

«Как это ни странно, школа грамоты той епархии, которую мы имеем в виду, нередко становится в ряд, возвышается до уровня по объему и успехам предметов с начальной школой министерской и выпускает своих

питомцев со свидетельствами на льготу 4 разряда по воинской повинности. Присутствие на таких испытаниях специалистов другого учебного ведомства служит достаточной гарантией беспристрастия и не дает права подозревать ее руководителей в чрезмерной снисходительности. Если же такая школа грамоты становится обеспеченной в большем против указанного размера, и получает на свое содержание с местными средствами до 120 рублей от епархиального училищного совета, то она пропорционально возвышается и по успехам, и по объему преподаваемого, она более чем оправдывает затрачиваемые на нее казенные средства, жалеть о которых не приходится; она ежегодно делает успешные выпуски своих питомцев, не стыдясь представить их на испытание в школу церковно-приходскую или министерскую; она по скромности только не ходатайствует для себя официального переименования и вывески церковно-приходской школы. Если бы мы могли указать одну только такую школу грамоты с объемом преподавания и успехом начальной школы, то и единичным случаем нельзя пренебрегать в рассуждении об успехах школы грамоты. Но мы знаем целый ряд таких школ грамоты, в которых успех и объем преподавания поставлен выше, чем от них можно требовать, чем требуется официально от их назначения. Официальные отчеты свидетельствуют ежегодно о выпусках из этих школ. А неофициальное, близкое внимательное наблюдение за преподаванием в них, обнаруживает самоотверженные, искреннее, полезные особенно по воспитанию, труды немудрых учителей. Остается благоговеть перед делом Божиим в деле скромной деревенской школы грамоты. Честь этой школе и слава!»

«Школы церковные душат формальностями и бюрократизмом». Но здесь надобно припомнить всю бюрократичность школ министерских, чтобы осуждать церковные. Нужно припомнить, как С. А. Рачинскому, профессору Московского Университета, инспектор народных училищ не позволил преподавать в сельской школе, потому что... Рачинский не имел свидетельства на звание начального учителя: профессору Университета после того пришлось выдерживать испытание на это звание в уездном училище!..

В школе церковной, особенно же в школе грамоты, никогда не могло и не может быть ничего подобного. В ней столько свободы в преподавании, в программах, столько приспособленности к местным условиям, в ней и на самые программы, распоряжениями церковно-школьного начальства установлен такой свободный взгляд (как на примерный), что говорить о бюрократизме школы церковной совсем не

приходится. Обвинители этого рода, кроме фразы, никакими фактами своих обвинений не подтверждают.

«Школы церковные совершенно не имеют надзора». Вот обвинение, которое раздается гораздо чаще и которое, как всякому с первого взгляда видно, совершенно противоречит обвинению в бюрократизме. Говорить о безнадзорности церковной школы могут только люди, совершенно не знакомые с делом. Училищные советы и их уездные отделения в епархии вполне соответствуют по числу и по обязанностям таковым же губернским советам и их отделениям. Епархиальных наблюдателей церковных школ столько же, сколько и директоров народных училищ, с той только разницей, что наблюдатель, свободный от канцелярских трудов и переписки по назначению и выдаче жалованья учащим, по отчетности в контрольные палаты и проч., – чем завалены директора народных училищ, – действительно разъезжает по епархии и посещает школы. Уездных наблюдателей церковных школ гораздо больше по числу, чем инспекторов народных училищ. Во многих епархиях уездные наблюдатели – священники бесприходные. Присоедините к числу лиц, надзирающих за школами, епархиального архиерея, благочинных, – их до 5 в каждом уезде, – и, наконец, самое главное, местного приходского священника, как заведующего. Есть ли что-либо подобное в земской и министерской школе, где учитель или учительница, часто 17–20 лет от роду, являются и учащими и заведующими, где девушка 17 лет, вышедшая из IV класса прогимназии, по должности заведывающей является в школе начальницей по отношению к законоучителю, часто почтенному и убеленному сединами старцу, духовному отцу целого прихода, во всяком случае, гораздо высшему ее и по образованию, и по службе, и по опыту?

Судя по статистическим сведениям о школах, например, Ярославской губернии¹³¹, подавляющее большинство учащихся – люди молодые, в возрасте от 20 до 25 лет. Без прочного и солидного образования, в возрасте, когда человек склонен к увлечениям, к сомнениям, к бурным порывам к свободе, к религиозным отрицаниям и проч., – что положительного может дать народу такая корпорация учителей, оставленная без надзора и предоставленная всецело себе? Что удивительного, что эта среда – самая революционная среда? Учитель земской и министерской школы ничего не видит и впереди в смысле улучшения своей участи. Оттого он озлоблен и при первой возможности совсем оставляет учебную службу. В школе церковной есть для учителя в будущем выход к служению в клире, в сане дьякона и священника, и, чем он усерднее, тем более ему обеспечен этот выход. И в то же время такой

выход не удаляет его от школы совершенно.

Где же безнадзорность? Кто знает, как живет земский учитель, что он читает и проповедует народу, каков он по своему нравственному настроению и поведению? Кто его остановит в случае увлечений? Никто. А учитель церковной школы всегда под надзором священника. Весьма возможно, что в этом-то и причина ненависти к церковной школе со стороны тех, которые желают, по выражению Писарева, скорее «поймать таракана» и путем школы вернее и скорее революционировать народные массы и будущих солдат...

Мы разобрали все возражения против церковной школы и видели, что из них нет ни одного такого, которое повелительно требовало бы ее уничтожения. Недостатков в церковной школе, конечно, как и во всяком деле и во всякой школе, очень много, но все они устранимы. И главное средство к их устранению – не суровость суда, не лишение средств содержания, а наоборот, вполне заслуженные церковной школой привет, ласка и забота со стороны государственных учреждений, если они действительно являются государственными, если они будут желать блага народу, умиротворения и просвещения его, если они будут «русскими и по духу», как того желает Государь Император в манифесте 3 июня 1907 года.

V

Но как бы ни отнеслась Государственная Дума к церковной школе, будущее этой школы зависит, к счастью, не от Думы и не от какого-либо другого учреждения. Источник жизнеспособности этой школы – в ней самой, в ее связи с Церковью. С этой стороны она неуничтожима, как неуничтожима Церковь. Отвергнет государство церковную школу, – можно сказать, тем хуже для государства, а школа все-таки останется. Если она не погибла в Италии и Франции, если мы видим ее сильной в Германии, Бельгии, в Англии, в Америке и особенно в Норвегии (во всех этих странах на церковную школу отпускаются крупные суммы и со стороны государства), если она процветает даже в турецкой Греции, то тем более она останется в России. Государственная Дума, если решается уничтожить церковную школу, тем показывает только то, что она напрасно называется Государственной Думой, ибо это – мера совершенно не государственная.

В России не было клерикализма. Гонение на школу церковную, как акт недоверия и гонения против самой Церкви, будет первым шагом к насаждению именно клерикализма. К. П. Победоносцев выражался, что в России нет и не должно быть собственно ни церковной, ни земской, ни министерской школы, а есть, в сущности, только школа государственная.

В этом смысле субсидия от казны церковным школам была проявлением глубокой государственной мудрости.

Отнимите эту субсидию: школа церковная, конечно, многое потеряет, долго будет болеть, изыскивать средства существования, сократится в числе, быть может, наполовину, но она останется, и уж тогда-то останется она только и исключительно церковной, чуждой государству и от него отделенной. Это ли нужно?

Никакая Дума не может уничтожить религии и Церкви: запросы религиозные и потребность общения в отправлении религиозного служения – вечны. Никакая Дума не уничтожит приходской общины, понимаемой в чисто-религиозном смысле. А если так, то приходская община, самоопределяясь в будущем, не только будет иметь церковно-приходскую школу, но и земскую, и министерскую подчинит и своему влиянию, и своему надзору, ибо для семьи, для родителей, – а они – члены приходской общины, – далеко не безразлично, кто, чему и как учат их детей. В передовых странах Европы все больше и больше сознают, а в Норвегии и Швеции и осуществляют то положение, что управление, заведывание и руководство начальными школами из центра государства или отдельных областей невозможно, что это – право и обязанность, прямой интерес и прямое дело мелкой местной единицы. По отношению к школе, приход в России и будет такой именно единицей. Его может государство не признавать, может не давать ему прав юридического лица и мелкой земской единицы. Но оно не может его уничтожить, как единицы церковной, нравственной, привычной, исторически сложившейся и исторически оправданной. Мы, несомненно, на пути к оживлению прихода. Если ни распоряжение Св. Синода об учреждении церковно-приходских советов, ни собор не дадут приходу организации, то, во всяком случае, это сделает сама жизнь. И теперь, что бы ни говорили, у нас есть приход. Будущее несет ему не уничтожение, а укрепление. Всякое гонение на Церковь, всякий удар, ей нанесенный, будет ее усиливать, будет усиливать и приход, и приходскую церковную школу. Кому же полезно и нужно обратить эту неумирающую силу, доселе бывшую положительной, в силу оппозиционную по отношению к государству? Кому нужен разгром церковно-приходской школы? Кому нужен раздор Церкви и государства? Кому полезно их разделение? Во всяком случае, не людям мира и порядка, не людям, любящим родину и желающим ей блага и процветания.

Государственная Дума, слава Богу, – не все в России. И основные законы, и реальные примеры уже показали, что у нас в России два пути законодательства: один – обычный, через Государственную Думу и Совет,

а другой – чрезвычайный, – действие прерогативы Царской самодержавной власти. И мы уверены, мы глубоко убеждены, что Венценосный Покровитель Церкви русской, Блюститель всякого в ней благочиния, не отдаст судьбы Церкви на окончательное усмотрение Государственной Думы и никогда не согласится на уничтожение или ослабление церковной школы.

Воссозданная в 1884 году, Его незабвенным Родителем, укрепившаяся в эти четверть века своей жизни и деятельности, оказавшая столько великих услуг делу просвещения и нравственного воспитания русского народа, церковная школа умереть не может.

Учение хлыстов и примыкающих к хлыстовству мистических сект о Боге, сравнительно с откровенным учением православной Церкви¹³²

(к епархиальным миссионерским курсам)

В выяснении догматики таких религиозных направлений, как хлыстовщина, пригодных только для темного, невежественного люда, не способного к отвлеченной деятельности мысли, первоначальная история секты играет далеко немаловажную роль; здесь тщетны были бы поиски какой-нибудь наперед составленной цельной и законченной системы вероучения, на основании которой и устроилась бы последующая жизнь секты; напротив, здесь система вероучения является уже в конце, когда секта проживает довольно продолжительное время, подвергаясь всевозможным влияниям и случайностям; здесь все догматическое учение и, в частности, учение о Боге развивается и определяется как бы по лицам деятелей, появляющихся время от времени в секте: объявляет, например, себя Данило Филиппович Богом Саваофом – является учение о возможности вселиться Божеству в человека и действовать в нем; появляются далее несколько христов в секте – возникает учение о возможности перевоплощений Сына Божия в людях и т. д. Основания для возникающих таким образом учений подыскиваются уже после, когда появление того или другого учения уже сделалось фактом, получило уже свое жизненное значение. Поэтому, чтобы представить себе ясно и определенно учение хлыстов о Боге вообще, необходимо проследить, хотя в самых кратких чертах самую историю возникновения и развития хлыстовского учения.

В 1631 году крестьянин Костромской губернии, Юрьевецкого уезда, Данило Филиппович, прибывши во Владимирскую губернию и взошедши на гору Городину (в Муромском уезде), объявил себя «превышним Богом Саваофом. По рассказу хлыстов, к нему слетел с неба Сам Господь Саваоф со всеми небесными силами, которые потом снова вознеслись на небо, а Господь Саваоф остался на земле, воплотившись в Даниле Филипповиче, сделавшемся с этого времени «живым Богом».

Из этого рассказа хлыстов уже видно учение их о том, что Бог может вселяться в человека, жить и действовать в нем. Но факт воплощения в Данила Филипповича Господа Саваофа служит только как бы прологом дальнейшего религиозного учения хлыстов. «Живой Бог», пожив среди

людей и научив их нравственному закону посредством данных им 12-ти заповедей, умер, и с тех пор, Сам Господь Саваоф уже не сходил на землю и Сам не воплощался ни в ком, но Он положил начало появления среди людей Христа, – Сына Божия. Он «дал божество» и сделал Христом одного из первых Своих последователей – Ивана Тимофеевича Сулова, воплотив в него Божественную силу (не Лицо) – Сына Божия. Сулов и начинает собой целый ряд «христов» среди «людей божиих», как называют себя хлысты. На первых порах явление Господа Саваофа во плоти и учение о возможности перевоплощений Иисуса Христа, хлысты объясняли только упадком веры и благочестия среди людей и необходимостью «подновить» их. Только впоследствии, когда мысль о перевоплощениях Божества успела окрепнуть в сознании хлыстов, – только тогда это учение их приняло вид цельной и определенной теории, для которой уже подысканы были и другие основания, кроме практических соображений о необходимости поддерживать падающее благочестие в людях, – основания и из Священного Писания. В этой-то теории и установлен был ясный и определенный взгляд на Божественное Лицо истинного Господа Иисуса Христа и вообще на Бога, троичного, по учению христианскому, в Лицах.

Так как учение об Иисусе Христе – Сыне Божиим занимает самое видное место в хлыстовской догматике, и так как этим учением объясняются и все вообще воззрения хлыстов на Божество, то мы и изложим прежде всего учение хлыстов об Иисусе Христе. Сущность этого учения может быть сведена к следующему: Иисус Христос, по взгляду хлыстов, не есть Бог; Он – такой же простой человек, рожденный по общим законам природы, как и все другие. Но за Его высочайшие нравственные качества, – за святость Его жизни и беспорочность сердца, Он удостоился того, что в душу Его вселился Сам Бог Своей силой – Сыном Божиим, воплотился, жил и действовал в Нем. Этот обожествленный человек Иисус действительно жил и проповедовал, как свидетельствуют об этом евангелия. Он даровал людям нравственный закон и Своим примером научил их высочайшей нравственности, но этой деятельностью Его в служении роду человеческому и ограничилась; искупления рода человеческого от греха, проклятия и смерти, как об этом учит православная Церковь, не было, так как в нем, по учению хлыстов, отрицающих первородный грех, не было необходимости. Христос имел Своих последователей, возбудил затем ненависть и зависть Своих врагов, был предан на скорби, страдания, унижение, был вознесен на крест, умер и воскрес, причем обстоятельства всех этих великих событий земной жизни Господа, уже вопреки евангельским повествованиям, передаются

хлыстами в их духовных стихах или «распевцах» в самом искаженном виде. После Своего воскресения Иисус Христос не удалился с земли, не вознесся на небо, как учит православная Церковь, – Он остался на земле и присутствует среди людей, и притом видимыми образом, перевоплощаясь из одного человека в другого. Воплощение, деятельность, страдания, смерть, воскресение, – словом, вся евангельская история Сына Божия повторялись не раз в мире, и в то время, когда эта история кончается в одном избранном в одном христоносителе, она начинается уже в другом.

Что касается учения хлыстов о Духе Святом, то и Он, по учению хлыстов, не имеет личного бытия, но так же, как и Сын, есть Божественная сила, вечно обитающая в людях – в хлыстовских пророках и в самих хлыстах. Бог во Христе явился и является, как Сын, а Христос является в пророках Своих, как Дух Святой. Дух Святой, как поется в одной хлыстовской песне, «во всем помогает, на всякий день, на всякое время»; находится Он на «седьмом небе», но его можно оттуда «сманить» к хлыстам и Он видимо обнаруживает Свое присутствие в действиях и словах хлыстов во время их тайных радений и особенно, в изречениях их пророков.

Таким образом, из всего вышесказанного видно, что Бог, по учению хлыстов, вечно присутствует в мире, среди мира, смешивается с миром и, наполняя Собою все, постоянно видимо открывается в людях по различию Своих тройственных сил (а не Лиц) – то как Отец, то как Сын, то как Дух Святой. В Даниле Филипповиче – как Отец Саваоф, в Христе – как Сын, а Сын в пророках хлыстовских – как Дух Святой. Следовательно, воззрение хлыстов на Божество совершенно пантеистическое, оно напоминает собой тройственный переход абсолютной гегелевской идеи из бытия в небытие, из небытия в бывание и т. д., или учение Спинозы, что Бог и природа суть не что иное, как две стороны одной и той же сущности, одного и того же бытия. Здесь, несомненно, сказывается связь хлыстовства с древними церковными ересями, особенно павликиан, богомилов и друг. Это же пантеистическое воззрение проводит хлыстов также к отрицанию еще одного из главнейших догматов христианских – догмата о троичности Лиц в Боге, превращающегося у хлыстов в учение о тройственности сил в Едином Боге. Мы об этом уже выше говорили.

Таково в общих чертах учение хлыстов о Боге. Если мы будем теперь рассматривать это вымышленное хлыстовское учение сравнительно с богооткровенным учением св. православной Церкви о том же предмете, то увидим, что оно во всех выше указанных пунктах противоречит и Священному Писанию, и Священному Преданию, – единственным

вероучительным источником Церкви. В самом деле, на чем основывают хлысты свое учение о необходимости постоянных перевоплощений Бога или, точнее оказать, Сына Божия в людях? Практические соображения, приводимые ими относительно необходимости всегдашнего «подновления» падающего на земле благочестия, мало того, что неприложимы к Богу, как Существу всемогущему, не подчиняющемуся никаким законам необходимости, свободному, премудрому, неприложимы к Нему, как к Существу личному, самосознающему, самостоятельному, – эти соображения наводят еще на неразрешимый с точки зрения хлыстовского учения вопрос, – почему же до пришествия Господа Иисуса Христа на землю, не было этой необходимости перевоплощения Бога, а после Спасителя, давшего людям нравственный закон, духовно обновившего все человечество, сообщившего людям благодатные дары для преуспевания в вере и нравственности, вдруг явилась эта необходимость? Хлысты и сами сознают всю нелепость и бездоказательность приведенной мысли, и потому стараются подыскать места из Священного Писания, которые при искаженном и совершенно неправильном толковании их будто бы говорят в защиту их учения о необходимости перевоплощения Сына Божия в людях. Такими местами служат для них слова Спасителя, что Он пребывает в том, кто соблюдает Его заповеди (Иоанн. XIV, 23), вопрос волхвов, – где Христос рождается (а не родился) и др. Но Священное Писание – богодухновенно, оно, верно самому себе, в нем поэтому нет противоречий; посему, не вступая в подробный разбор приводимых хлыстами мест из Священ. Писания, мы в свою очередь укажем только те места из того же Священного Писания, которые прямо говорят против хлыстовского учения о Боге, а в частности о Сыне Божиим – Иисусе Христе.

Святый верховный апостол Павел в послании своем к Галатам пишет: «но и аще мы, или ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет» (Гал. I, 8). А апостолы проповедали нам не такого Христа, каким представляют Его хлысты. Они проповедали нам Христа, как истинного Господа и Бога, родившегося чудесно наитием Св. Духа, единосущного Отцу, но, однако, самостоятельного, личного – ипостасного, искупившего весь род человеческий от греха, проклятия и смерти. Стоит только вдуматься в начальные строки евангелия от Иоанна: «В начала бе Слово... и Бог бе Слово», чтобы понять учение апостолов об Иисусе Христе. Да и Сам Господь Иисус Христос называет Себя Богом, Сыном Божиим (Иоан. V, 20, 21), и притом сыновство Его Богу не нравственное, как думают хлысты, а Он, по собственным Его словам, есть Сын Божий

Единородный (Иоан. III, 16, 18), и притом такой, Который пребывающий в самом лоне Отца (Иоан. I, 18; V, 20).

Если же к этому мы присоединим еще и то, что Свящ. Писание Новозаветное приписывает Иисусу Христу и Божеское естество, и Божеские свойства, и единосуще со Отцем и Духом, то станет вполне ясно, что Он называется Сыном Божиим в подлинном смысле, а не в каком-либо переносном, как думают хлысты. Далее, Христос, Спаситель мира, предсказанный точно и ясно еще в Ветхом Завете, в Которого верует православная Церковь, приходил на землю для искупления растленного грехами и потерявшего возможность примириться с разгневанным Божественным Правосудием рода человеческого, приходил единожды. Наделив верующих благодатными дарами Св. Духа, оставив им в руководство в деле спасения основанную Им Церковь, Христос не ограничил число искупленных Им каким-либо временем, или народом, или местом, – искупление, совершенное Им однажды, имеющее безграничное значение в очах Божиих, умиротворившее вполне, даже с избытком разгневанное Божие правосудие, искупление это вечно, как и Сам Христос Господь вечен и неизменяем – «вчера и днесь той же и во веки» (Евр. XIII, 8), а не перевоплощается, не изменяется, как думают хлысты; искупление это простирается на все времена, следовательно не ограничивается временем, простирается на всех людей, следовательно не ограничивается каким-либо народом, в каком бы месте он ни жил. Итак, все хлыстовские христы суть богохульники и религиозные самозванцы, Христос же, Которого исповедует св. православная Церковь, непогрешимая в своих верованиях, сидит теперь одесную Бога Отца, а вовсе не живет среди людей, в смысле постоянных перевоплощений в них. Он один раз приходил в мир и одна только Дева Мария удостоилась быть Его беспорочной, безмужнею Матерью, как и поет православная Церковь, обращаясь к Богородице: «обрела бо еси благодать пред Богом, ея же никогда же обрете другая... едина бо ты всех царя примешь во утробе, воплощаема... ты бо едина мати Сына Божия пронаречеся, чистая!» (Служба на Благовещ. Канон на утрени. Ирмосы 1, 5, 6.) Христос есть «единый ходатай Бога и человека, единый нам искупитель, давший себе избавление за всех» (I Тим. II, 5, 6), как исповедует вместе со св. Писанием и св. Церковь в своем Символе веры: верую «и во единого Господа Иисуса Христа Сына Божия... (чл. 2), нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес» (чл. 3). Он есть единый наш Учитель (Мф. XX III, 8), единый Основатель нашего благочестия (I Кор. III, 11), Он един и вечен, как едина и вечна и самая вера наша – «един Господь, едина вара, едино

крещение»... (Ефес. IV, 4, 5, 6), и истинное благовествование о Христе есть также едино (Гал. I, 8), именно то, которое проповедали нам св. апостолы, осененные благодатью Святого Духа.

Что касается пантеистического воззрения хлыстов на троичность не лиц, а сил в Боге, то нужно заметить, что в подтверждение этого ложного мнения хлысты не найдут ни одного места, ни одной йоты в Свящ. Писании, которым руководится Церковь в своем учении. Напротив, Свящ. Писание ясно говорит о действительной личности и разделенности Трех Божеских Лиц. В подтверждение этого можно сослаться, например, на слова евангелия, говорящего о Крещении Господа: «И крестився Иисус, взыде абие от воды: и се отверзошася Ему небеса и виде Духа Божия, сходяща, яко голубя, и грядуща на Него. И се глас с небесе, глаголя: Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих» (Мф. III, 16, 17). Здесь, очевидно, различаются как Лица – Отец, свидетельствующий с неба о Сыне, Сын, крестившийся во Иордане, и Дух Святой, видимым образом нисходящий на Сына Божия. Еще яснее видны действительность и разделенность Божеских Лиц из обетования Спасителя апостолам: «И аз умолю Отца и иного Утешителя даст вам»... и немного далее: «Утешитель же, Дух Святой, его же послет Отец во имя Мое, той вы научит всему»... (Иоан. XIV, 16 и 26). Здесь ясно и отдельно говорится о всех Трех Лицах Божеских: о Сыне, Который говорит – аз умолю; об Отце – умолю Отца; о Духе Св., Который называется иным Утешителем. Этот Утешитель отличен от Сына – иной, отличен от Отца, ибо будет Им послан, и Сын отличен от Отца, ибо обращается к Нему, как отдельное Лицо.

В частности Священное Писание каждому в отдельности Лицу Св. Троицы усвояет, напр., ведение (Отцу: Мф. XI, 27; Сыну: Иоан. X, 15; Духу Св.: I Кор. II, 11), усвояет волю (Иоан. V, 30; Иоан. XVII, 24; Деян. XV, 28), деятельность (Иоан. V, 17, 19; Иоан. V, 17, 36; I Кор. XII, 7, 10), – следовательно, усвояет всем Лицам Святой Троицы действительную личность.

Итак, учение хлыстов о Боге совершенно противоречит Священному Писанию и Священному Преданию, – этим вероучительным источникам святой православной Церкви, а потому – совершенно ложно, и ведет последователей своих к погибели.

1912 г.

Новогодние думы (к 1 января 1912 года)

С каждым годом становится яснее и яснее, как на судьбе и положении Церкви исполняется древнее слово пророка: «вем тя, яко посреди скорпиев живещи». И это приходится говорить не в смысле только общем и принципиальном, – как Церковь воинствующая, она, конечно, имеет и должна иметь множество врагов, – но и в смысле особенному по отношению даже к тем, которые считают себя принадлежащими к числу ее сынов, и формально не порвали с ней связи. Воистину, часто «враги человеку – домашние его»!

Один из вдумчивых наблюдателей современности сказал о современной русской жизни, что она насквозь пропитана ненавистью». Безотрадная характеристика! Но если она верна относительно политических партий, сословий и бытовых групп русского общества и их взаимоотношений, то еще вернее она относительно чувств, питаемых ими к Церкви. И если ненависть часто слепа, то и в указанной сфере она остается такой же. Мы видим, что нарождающееся и усиливающееся сектантство в полном смысле слова живет и дышит только ненавистью к православию. Довольно беглого наблюдения над жизнью сектантства, чтобы видеть это: вполне верной является мысль, что если взять у сектантства ненависть к православной Церкви, то ему прямо нечем будет жить, – настолько оно лишено своего собственного положительного содержания. Но в сектантстве такая ненависть, если не извинительна, то, по крайней мере, с известной точки зрения, понятна. Совсем в ином виде представляются отношения к Церкви вне сектантства. И здесь ненависть не менее яростная, не менее слепая и неразборчивая в средствах борьбы, но совершенно необъяснимая и непонятная с точки зрения обычных и естественных человеческих чувств и отношений. Мы разумеем широте, так называемые прогрессивные круги общества, и особенно нашу прогрессивную печать. В самом деле, если вы, ненавистники Церкви, по убеждениям и настроением – атеисты, то, что вам Гекуба и что Гекубе вы? Тогда бы вы были просто равнодушны к Церкви, к христианству, мусульманству, еврейству, ко всякой религии вообще. Но почему у вас такая ненависть именно к православной Церкви и такая нежная заботливость о сектах, и притом не о всех, а только о тех, которые особенно вредят православию? Почему на страницах прогрессивных газет сквозит уважение к католическим ксендзам, к протестантским пасторам, почему не сообщается мерзостей о монастырях армянских, католических,

почему такая предупредительность к ламам калмыцким и бурятским, – и только по отношению к православным епископам, священникам, монахам, позволяются в печати невероятно гнусные ругательства и заведомо ложные обвинения, подрывающие всякий авторитет Церкви? Можно подумать, что православная Церковь по преимуществу чем-то озлобила прогрессивных мыслителей. Так и говорит: она слишком связала себя с господствующим политическим строем, и потому на нее заодно с этим строем обрушивается и направляется ненависть врагов рабства и защитников свободы. Но посмотрите печать Германии: там такая же, точно тактика, применяется к протестантству; во Франции и Италии, то же самое видим по отношению к католичеству, хотя оно уже никакого касательства не имеет там к политическому строю; даже в Турции та же тактика после революционного переворота стала применяться к мусульманству.

Очевидно, есть какая-то сила, идущая борьбой против всякой религии вообще, приемы ее – искусны и соблазнительны, ибо нападения прикрываются всегда благими побуждениями борьбы за свободу и счастье людей.

Но если вы, строгие судьи и ненавистники Церкви, радеете о вере, о христианстве, о благе самой Церкви, – и такие уверения встречаются нередко, – то откуда же, ненависть ваша? Если Церковь больна, по вашему мнению, то пожалейте ее, больных ее членов лечите; если есть в ней недостатки – идите и исправляйте, но не бичом ненависти, а елеем любви и послушания. Кто же топчет ногами больную мать только за то, что она больна? Если Церковь, как вы говорите, задавлена государством, лишена свободы, обратилась в прислужницу мирской власти, то идите в веру, ревности, в любви, в молитве, в благочестии, в участии в таинствах церковных и приобщении благодати Святаго Духа, – в стихии церковной, и помогите Церкви выйти к свободе, к полноте силы и воздействия на людей, идите на помощь Иерархии, а не в противодействие ей. Что же мы видим вместо этого? Люди, холодные к вере, рассуждают усиленно о церковном обновлении. Люди, никогда фактически не поработавшие в приходе, и если приблизившиеся к нему раз в жизни, то только в целях властолюбия и контроля, в гордыне и самомнении, вопят о реорганизации прихода. Люди, никогда не освятившиеся ее таинствами, говорить о реформе Церкви, церковного управления и благодатного воспитания верующих. И что еще сказать: даже служители Церкви ревнуют об обновлении Церкви, без преувеличения сказать, часто тем больше, чем заметнее у них холодность сердца, леность к службе и молитве,

распущенность тела и духа, склонность к рационалистическим и протестантским взглядам, пренебрежение к древнему церковному преданию и горделивая непокорность к власти вообще, к церковной в частности и в особенности... Читаете их писания и поражаетесь, как много слов о любви, и как много духа ненависти, как много на словах заботы о Церкви, и как много неуважения к тому, без чего Церковь обращается в рассыпанную храмину, – разумею церковное священноначалие, дисциплину, каноны, уставы и все прочее, столь ненавистное свободолюбивому духу наших доморожденных модернистов...

Тяжкая тревога закрадывается в сердце при виде этой зияющей бездны ненависти, окружающей Церковь и истинно-церковных людей. Мы видим опасность: все эти рассуждения, таящие ненависть к Церкви, однако, прикрытые и замаскированные то общелиберальными и прогрессивными фразами о свободе, гуманности и прочих приманках современности, то о свободе и силе самой Церкви, делают свое пагубное дело. Государство, видя, что сила Церкви умалилась, и она не имеет прежней «популярности», выражаясь современным пошлым языком, – с легкостью отказывает Церкви в покровительстве, думая угодить прогрессивным течениям и – тщетная надежда! – привлечь их на свою сторону. У тайного врага Церкви сразу получается осуществление двух целей: подрыв Церкви и подрыв государства... В обществе, среди простодушных людей, читающих газеты и принимающих газетные фразы за чистую монету, из года в год растет недоверие и нерасположение к Церкви. У верующих порождается растерянность, недоумение, полное непонимание и незнание, кому же и чему верить. В молодом поколении год от году возрастает недоверие и отчужденность от Церкви. Всюду и везде, особенно среди простого народа, падает авторитет Церкви, подготавливается почва для равнодушия, бесцерковья, и восприятия всякого вида сектантства или даже особого «мужицкого нигилизма», самого страшного по своим проявлениям и последствиям.

Картина тяжелая. В довершение всего мы замечаем еще новый и опасный ход к усилению недуга: нас хотят уверить, что недуг этот и есть собственно настоящее здоровье. Раздаются речи из уст деятелей даже духовной литературы, что разделения и партии в Церкви есть явление законное, больше того – желательное, естественное и даже полезное для Церкви. Ссылаются лицемерно на слова апостола о том, что подобает среди нас и ересям быти, да явятся искуснейшие... Взывают к старому, давно осужденному правилу: сотворим злая, да приидут благая... Хотят видеть в разделениях признак жизни Церкви.

Не то подсказывают нам Божие слово, наше собственное нравственное сознание и опыт веков истории Церкви. Разделение производит отец разделения и греха – дьявол, ему одному они доставляют мрачную радость, он только видоизменяет виды и способы своей вековой борьбы против Христа и Его дела – Его Церкви. Против него самого наша борьба заключается, наоборот, только в единении верующих, к которому призывал нас Сам Спаситель. Все заветные стремления и пожелания чистой и христианской души сходятся в молитве о пришествии царства Божия, которое есть правда и мир, и радость, а не партийность и разделения, всего менее желанные в Церкви. Бог наш, по апостолу; не есть Бог вражды, но Бог мира. Наконец, и все уроки истории говорят о том, что самые благородные деятели человечества, от первобытного союза семейного и, начиная с древнейших попыток объединения людей в первых всемирных монархиях, искали единства, мира, а не раздора среди людей.

Какие же пути к церковному объединению открываются ныне перед нами, применительно к современным условиям жизни? Оставим в стороне споры о ценности и желательности чисто внешней поддержки Церкви со стороны государства. Такая поддержка есть логический вывод из понятия о государстве, как человеческом, а не животном союзе, о государстве, имеющем не одни утилитарные, но и духовные цели и задачи. Отсутствие ее есть грозный признак забвения государством своего существования и предтеча его распада и ослабления. Принципиальное отрицание ее означает безразличие к тому, будут ли совпадать требования религиозной совести членов государства с требованиями государственного закона и права, и будут ли закон и право в государстве питаться из вечных источников религиозной правды и религиозного закона: конфликт и двоевластие в области духа – явление роковое в жизни народов.

Но практическое решение этого вопроса зависит не от нас. Мы можем, мы должны доказывать всегда, везде и всем, что государство свойственными ему силами обязано с положительной стороны содействовать Церкви в осуществлении ее задач, и с отрицательной – пресекать все, что мешает Церкви углублять и расширять ее духовную работу среди верующих, подданных государства. Но не в наших силах, повторяем, осуществить практически это правило.

Но будет осуществлена такая поддержка государства или не будет, осуществляется ли она в большей или меньшей степени – одной только этой поддержки мало для успешной работы Церкви, больше того – она есть нечто самое последнее в таковой работе. Главное – это внутреннее объединение членов Церкви с тем, чтоб они опознали себя, как

православных членов Церкви, чтоб они уразумели обязательность для них борьбы за дело Христово, чтоб они соединялись вместе организованными коллективными единицами и давали отпор надвигающейся области тьмы. Жизнь общественная развивается, организуется, разбивается на известные группы, вырабатывает способы и орудия такой организации в кружках, газетах, чтениях, лекциях, взаимном проникновении общими интересами. Враги Христа и Церкви широко использовали и используют эту эволюцию общественной русской жизни. Почему же людям церковным в области жизни церковной не воспользоваться теми же средствами? Грешно молчать и грешно бездействовать. Неразумно оставаться упорно в старых формах воздействия Церкви на верующих.

Катехизация и духовная организация широких масс, – катехизация положительная и миссионерски-охранительная, организация группами и приходами вокруг пастырей Церкви, а приходов – вокруг епископов составляет теперь насущную потребность времени. Нам угрожают закрытием школ церковных: больно, горько, но не губительно для Церкви. Те же здания, те же моральные и материальные средства, что отданы были школе, обратятся на это новое великое дело. Катехизация народа в Церкви; устройство для взрослых прихожан особых катехизаторских и миссионерских курсов, с правильным и долговременным обучением слушателей и начаткам, и более глубоким истинам веры; катехизация детей в особые часы в храме или в тех же школьных помещениях; катехизация юношей и девушек, особенно имеющих вступить в скором времени в брак, на особых для них временно открываемых курсах, отдельно мужских и женских, – вообще усиление положительного учительства в храме и во внебогослужебное время, – без всех этих мер мы теперь в борьбе, как без оружия на войне. Надобно и собирать армию духовную, и вооружать ее. Дело это, к сожалению, новое. Будь оно у нас давним и привычным, не было бы теперь столь печальных обстоятельств в жизни церковной и того беспомощного положения, в котором слишком часто находится ныне наш православный народ. Дело это и очень трудное, одному священнику не понести его. Но, несомненно, должен выработаться теперь и новый вид служения низших клириков и учителей, – служения катехизаторского. Добрались же того, что дьяконы все стали правоспособными учителями, о чем до 1885 г. и помыслить было невозможно. Несомненно и то, что сам верующий народ даст в этом деле великое число помощников для пастыря как из среды мужчин, так и в особенности из среды ревностных и религиозных женщин, которые будут незаменимы на женских катехизаторских и миссионерских курсах.

Здесь собственно, по нашему мнению, начало и тайна того оживления приходской жизни, о котором теперь так много говорят и люди церковные, и часто люди малоцерковные: приход можно и оживить, и утвердить на началах религиозных, на началах духовного единения пастыря и пасомых в молитве, изучении воли Божией, уяснения общественного богослужения, и ознакомлены с историей Церкви, по жизни вечно живых ее святых деятелей. Прочее приложится. Но, ни бюрократическим приказом, ни участием прихожан в распоряжение церковными делами, – особый предмет мечтания прогрессивных обновителей прихода, – ни унижительным подчинением пастырей пасомых до циничного простого найма их, ни пресловутым выборочным началом – прихода не создать. Материальные основы его жизни и строй взаимного контроля, недоверия и чисто-внешних, юридических, а не нравственно-семейственных взаимоотношений пастыря с пасомыми – убьют и тот несовершенный приход, который мы еще сохранили. Выборное же начало, мы глубоко убеждены, ускорит этот процесс, как привитие к организму сильно действующего яда.

Учительство, как оно выше указано в новых формах катехизации народа, сразу подготовит почву и для организации приходской жизни. Всего прихода все равно сразу нельзя организовать. Будут ли приходское собрание и приходской совет, все-таки вне их воздействия окажется семья, женщины, подростки, дети. Да и какая, в сущности, организация от редких приходских собраний? И какие по преимуществу интересы будут занимать приходской совет? Ведь все сведется к распорядительным и денежным вопросам и функциям. Катехизация же даст настоящую духовную связь пастыря с пасомыми и укрепит ее навсегда.

Мы глубоко убеждены, что высказанные мысли, в сущности простые и азбучные, все более и более будут находить распространение, и будут привлекать к себе внимание пастырей и пасомых. Картина современной церковной жизни тяжелая, но для отчаяния нет никаких оснований. Людей верующих, людей, преданных Церкви, людей, любящих православие любовью крепкой, как смерть, людей, почитающих пастырство, – великое множество. Еще больше таких, что ждут только призыва и указания форм и способов служения Церкви. Жива еще русская набожная душа, еще не пошла она на путь сынов человеческих, не разлюбила она святую и веру Божией. Нельзя не верить в силу и святость и победное шествие Церкви, нельзя не верить и в будущее духовное развитие нашего народа. Минет переживаемая тяжелая полоса; поднимется общий труд пастырей и пасомых. О, дайте русскому православному народу религиозное обучение,

религиозное ведение, дайте ему изнутри сорганизоваться на духовно-церковной основе, раскройте перед его сознанием необходимость борьбы за духовные сокровища нашей жизни – и, как иней перед теплыми лучами весеннего солнца, исчезнут и станут страхи сектантства, неверия и бесцерковья. Побольше веры, надежды, бодрости, побольше церковности и церковной разумной общенародной работы!

Возвращение дара любви¹³³

Возлюбленные отцы и братья! Что мне сказать на слова вашего столь доброго привета и адреса?

Человеку естественно смущаться, когда он, особенно если это неожиданно и вопреки всем предположениям, слышит в лицо себе похвалы и свидетельство добрых чувств любви и уважения. В таком именно положении нахожусь и я в настоящие минуты.

Но еще более смущается в таком случае человек, если ему свидетельствуют свое уважение и любовь люди и по внутреннему достоинству, и по внешнему положению – «носящие достоинство некое». А таковы именно вы. Все вы – служители Христа и Церкви, большинство – пресвитеры: сан и служение, которые я лично чту превыше всего в мире, сан людей, дерзающих и уполномоченных быть ходатаями перед Пренебесным Богом, быть полномочными послами от грешного мира пред Его бесконечным величеством, рука коих творит Тело Христово и служит столь часто как бы диском в священнослужении, уста коих изрекают властное слово разрешения грехов, на неже и ангелы, до высочайших херувимских и серафимских чинов, власти не имеют. И тем больше отсюда мое смущение.

Но из него всегда дает выход то же самое наше пресвитерское служение. Мы – проповедники научения Христова. И позвольте мне, хоть на краткое время, стать в этом именно положении, отвечая вам на слова привета, любви и похвалы.

Есть выражение апостола: «Им же похвала в студе их», – они хвалятся тем, что постыдно. Ясно, что, смотря по тому, за что хвалят и благодарят, можно судить о нравственной высоте и о достоинстве тех, кто воздает похвалу. Я, принимающий ее, свидетельствую, что ее вам продиктовали не мои заслуги и достоинства, а ваша любовь и усердие. Но вы, похваляющие, полной мерой и воспримите цену похвалы в том смысле, как это сейчас мной отмечено. В чем же вы видите достойное и ценное? Вы указываете это в своем адресе.

В преданности Богу и Церкви, в служении Христу, особенно словом, трудом веропроеповедничества, ревностью по вере... Вы можете ошибиться и ошибаетесь, видя все это во мне, но вы не ошибаетесь в том, что эти добродетели достойно и праведно ценить высоко.

Да будут же, дорогие собратья, все эти дары и с вами, ибо вы их цените и любите, хотите и ищете видеть их в других, и до любви

усматриваете даже там, – разумею себя, – где, может быть, они только в зачатке и даже только в теоретическом стремлении, – увы! – мало или совсем не осуществленном!

К словам приветия вы присоединяете и дар – святую икону Богоматери.

От святого дара не отказываются. Икона Богоматери будет мне навсегда напоминать Сибирь и Дальний Восток и наши здесь дружные и любовные совместные труды. Я стареюсь, и оный страшный путь всей земли все чаще и чаще представляется моим помыслам. Да свершится во всем и во всех Божья воля! Суждено ли мне быть здесь еще, или нет, того не ведаю. Каждый из нас может сказать с апостолом, что «грядущи связаны духом, яже мне хотящего приключится не ведый». Однако, святыня эта будет знаком нашего духовного с вами общения. Ведомо вам и то, что мне приходится идти часто над зияющей бездной ненависти человеческой. Страшно заглядывать в нее, и нередко сердце сжимается от боли и естественных страхований.

В эти минуты ваш святой дар будет у меня пред глазами – укреплением и утешением. Он мне будет говорить о том, что на пути моем встречал я не одних врагов, но встречал и друзей, не одну ненависть, но и любовь, а любовь, заслуженная ли она или незаслуженная, – все равно, есть сила положительная, созидательная и поднимающая.

От всей души позвольте мне всех вас, дорогие друзья, поблагодарить, поблагодарить и за то, что ваша любовь избрала столь деликатно и просто чисто-семейный круг для этого семейного же торжества, очевидно, чтобы не волновать без нужды мой дух и не усугублять усталости, которую мы все чувствуем при окончании нелегких занятий.

Да воздаст вам Бог всеми своими дарованиями! Не скрываю, вы глубоко утешили меня, притом в памятные дни моей жизни, когда исполняется 25 лет с того дня, как я, по окончании курса учения, вступил в самостоятельную жизнь и работу. Не считая себя достойным общественного внимания, я и не хотел отмечать никак этого дня. Вы это сделали без всякого уговора. Итак, я действительно стараюсь, я уже усталый конь на борозде... Идите вместо нас, не поминайте нас лихом, и дай вам Бог успеха в деле Божьем мерою полною и утрясенною. Если же милость ваша будет, помянуть меня в молитве живого или мертвого, то примите заранее за то мою глубокую сердечную благодарность. Есть состояние духа и переживания, когда ничего не ищешь, кроме участливой молитвы.

Адрес, поднесенный слушателями миссионерских курсов в Хабаровске

Ваше Высокопреподобие, достоуважаемый протоиерей о. Иоанн Иоаннович!

В настоящее время все большего и большего возрастания сект и неверия, когда силы тьмы готовы обрушиться со всей силой на святую православную Церковь, больше, чем когда-либо, от пастырей Церкви и лиц, преданных ей, требуется особенная стойкость, твердость и сплоченность в борьбе с врагами веры, необходимы познания для успешного обличения лжеучений сектантских.

Все это дали нам настоящие курсы. Здесь мы обогатились необходимыми познаниями в миссионерском деле, ближе друг друга узнали и объединились и, главное, чувствуем в себе приток новых сил, подъем духа, готовность работать с новым рвением на ниве Христовой, – мы чувствуем себя обновленными.

Духовенство обеих епархий давно уже сознавало необходимость миссионерских курсов.

Но не было у нас, ни средств, ни лиц, способных вести это дело. И вот вы, о. протоиерей, первый, сердцем отозвались на нашу острую нужду, – у вас первого загорелась мысль о курсах для нашей дальневосточной окраины; вы же взяли на себя труд ходатайства пред Святейшим Синодом о разрешении их, и об отпуске необходимых средств; вы же приняли на себя и главную работу на курсах.

И вот, считая себя всем обязанными вам, мы счастливы, принести вам свою глубокую, искреннюю, сердечную благодарность за все; благодарим за неусыпные труды и заботы, как по ведению курсовых занятий, так и по самому их направлению, выразившемуся в стремлении пробудить нас от губельного сна, ободрить и вдохновить нас на дело, к которому мы и призваны, из разрозненных, рассыпанных – собрать воедино.

И поверьте, о. протоиерей, ваш труд не будет напрасным и забытым, не будет искрой, брошенной в воду. То воодушевление, то рвение, которое вы пробудили в нас своими огненными речами, не заглохнут, не замрут, и порукой тому тот священный трепет, который мы чувствовали в общении с вами, тот восторг, который порой охватывал наши сердца.

И, возвратясь к своим местам, и в шумные города, и в глушь, и в темноту деревенских приходов, – мы долго, долго будем помнить о вас, и частицы света, зароненные вами в наши сердца, разрастутся в могучее

пламя, – передадим его другим, осветим им окружающий мрак и согреем благодатным светом и теплом Христовой любви многие холодные души, жаждущие и алчущие Христовой истины и правды.

Молим Господа, чтоб Он надолго сохранил вас цело, здраво, невредимо долгоденствующе на пользу св. веры православной и отечества – дорогой России.

И позвольте, глубокоуважаемый о. протоиерей, уверить вас, что мы никогда не забудем вас; никогда в наших сердцах не изгладится память о курсах, где мы провели столько часов в высокой духовной радости. Хотелось бы, чтобы и вы не забыли нас, и просим принять на молитвенную о нас память и как залог духовного единения Албазинскую икону Божией Матери – Небесной Покровительницы здешнего края, перед которой мы вместе молились и вместе получали благодать молитвенного утешения.

(Следует до ста подписей).

Адрес, поднесенный слушателями миссионерских курсов в городе Тобольск

Ваше Высокопреподобие, глубокочтимый и многоуважаемый о. протоиерей Иоанн Иоаннович!

Закончившиеся ныне миссионерские курсы для духовенства Тобольской епархии, происходившие под вашим твердым и умелым руководством, являются для нас, принимавших в них то или иное участие, и для всей епархии нашей таким высокой важности событием, что благодетельные последствия его не только трудно теперь исчислить, но и предусмотреть.

Всем нам известно, что с объявлением новых вероисповедных законов, отменивших прежние ограничения старообрядцев и сектантов в делах веры, и устранивших прежние преграды при переходе православных в старообрядчество и сектантство, последние вышли из прежнего приниженного положения, гордо подняли свою голову и дружными соединенными усилиями устремились, на православную Церковь и вместо господствующей сделали ее если не гонимой, то едва терпимой.

К услугам их и на защиту их, якобы гонимых и угнетаемых, стал интеллигентный и полуинтеллигентный маловерующий класс, большинство прессы, находящейся в руках инородцев и преимущественно евреев, и три первые Государственные Думы, состоявшие из представителей интеллигенции и инородцев.

И старообрядцы Тобольской епархии очень хорошо поняли и оценили выгоды для себя наступившего момента: они стали одна за другой открывать общины, строить храмы, молитвенные дома, вести деятельную пропаганду, уловлять всякими правдами и неправдами в свои сети нетвердых в вере чад православной Церкви, распространять свою литературу и поносить, злословить православную Церковь.

А усиленное в последние годы переселенческое движение в Сибирь, вместе с увеличением количества чад Тобольской Церкви, внесло и нездоровый элемент в среду православных, в лице различного рода сектантов: баптистов адвентистов, иеговитов и т. д., и т. подобное. Такое положение православной Церкви требовало от духовенства особенно усиленной и напряженной деятельности, – притом совершенно новой, к которой оно не привыкло и к которой оказалось недостаточно подготовленным.

По обстоятельствам времени ему надлежало не только научать свою

паству истинам православной веры и Церкви, но предостерегать ее от врывающихся в нее, под видом овец, хищных волков, раскрывать погибельные сети, в которые они стараются, под личной заботой о спасении душ, уловить неопытных и нетвердых в вере, обличать их козни и злые замыслы, отражать все стрелы вражды, которыми они стараются разрушить ограду Церкви, и разъяснять всю фальшь и неправду похулений на святое православие.

Вот к этой-то новой деятельности духовенство Церкви Тобольской, как и других церквей, в большинстве мало или совсем не было подготовлено. Хотя оно болело и скорбело душой о смутах и колебаниях среди своей паствы, особенно болело о расхищении своего стада волками хищными, но нередко при воем искреннем желании не знало, как помочь надвинувшемуся горю и как предотвратить грядущую беду. Ему не достаточно знакомо было самое лжеучение старообрядцев и сектантов, тем более малознакомы были ему методы и приемы обличения неправоты этого лжеучения и способы отражения нападков на православную Церковь. При таком положении дела оно должно было оставаться со скорбью в сердце безмолвным зрителем грядущего на Церковь нашествия различных врагов и супостатов. Сознавалась поэтому настоятельная нужда и потребность в ознакомление со всем этим духовенства людьми осведомленными, изучившими специально старообрядчество и сектантство и искушенными в борьбе с ними на опыте. Навстречу этой назревшей нужде и потребности выступили епархиальные преосвященные Тобольска, и совет Епархиального Братства, принявшее на себя заботу об устройстве для указанной цели в Тобольске миссионерских курсов. Духовенство епархии отнеслось весьма сочувственно к мысли об этих курсах, что и выразило на своих благочиннических собраниях ассигнованием из церковных сумм на расходы по устройству этих курсов по 7 руб.

Оставалось дело за не многим – за приведением в исполнение, за осуществлением этого важного и полезного дела; но здесь-то и встретились препятствия, которые едва не заставили отказаться от всякой мысли о миссионерских курсах в Тобольской епархии. Не было на месте лица, которое приняло бы на себя обязанности руководителя курсов; поиски его в других соседних епархиях также были безрезультатны в течение трех лет. Но после долгих и тщетных поисков, Бог послал нам в лице вашем, глубокочтимый о. протоиерей Иоанн Иоаннович, такого умелого, многосведущего и опытного руководителя миссионерскими курсами, на какого мы не осмеливались рассчитывать. Проезжая в

прошедшее лето 1911 года Сибирь, с целью благоустройства главным образом церковной жизни переселенцев, вы посетили и Тобольск, где в числе других миссионерских нужд Тобольской епархии сообщено было вам о необходимости, по обстоятельствам времени, устройства для духовенства миссионерских курсов и затруднительности приискания для них руководителя. Совершенно неожиданно для нас вы изъявили желание принять сами на себя нелегкую обязанность быть таким руководителем, Как-то не верилось, чтобы это могло осуществиться. Думалось, что тяжелые труды по ведению пастырских и иных курсов в Москве зимой, и другая разносторонняя и многосложная деятельность, неблагоприятно могут отразиться на здоровье вашем, что поездка ваша на Дальний Восток, включая сюда Сахалин и Камчатку, может утомить вас настолько, что вы не найдете времени или откажетесь от намерения руководить курсами в Тобольске. Но, славу Богу, все наши страхи и опасения не оправдались.

В памятный для нас день –15 июля сего года – вы стали со своей миссионерской дружиной во главе наших миссионерских курсов и своими речами при открытии их сразу же завоевали и покорили себе сердца всех нас. Мы тогда увидели, что наш о. руководитель приехал дело делать и сумеет сделать прекрасно и с великой пользой то святое дело, за которое взялся, и – всецело отдались его преосвященному водительству. Сначала и до последнего часа ваших занятий курсисты с неослабляющим интересом слушали полные захватывающего интереса, глубокосодержательные и прекрасно изложенные лекции, или вернее – беседы ваши. Ими вы сообщили в популярном изложении, при умелом выборе материала, столько интересных и полезных сведений о современном движении религиозной мысли, стремящейся к отделению от Церкви, что потребовались бы годы на изучение его по книгам, которые, впрочем, не везде можно и найти, а для более обстоятельного изучения расколо-сектантства, снабдили каждого курсиста всеми необходимыми пособиями и подробно перечислили и другие авторитетные, серьезные исследования по расколо-сектантству. Ваше благоговейное совершение богослужения, отчетливое и выразительное при этом произношение возгласов и такое же чтение молитвословий, ваша красноречивая, сердечная и одушевленная проповедь, всегда на злободневные вопросы данного момента, никогда не изгладятся из нашей памяти и будут служить для нас образцом, как следует совершать богослужение, чтобы оно производило благотворное действие на молящихся, и как назидать свою паству живым словом. А ваша приветливость, искренность, доступность и простота в обращении довершили дело нашего преклонения перед вами и связали нас узами

глубокого уважения, нелицемерной преданности и сердечной любви с вами, глубокоуважаемый о. протоиерей Иоанн Иоаннович.

Верьте, что посеянное вами здесь семя упало не на каменистую почву и несомненно принесет плод «ово сто, ово же шестьдесят, ово тридесят» (Матф. XIII, 23), и позвольте нам, членам совета Епархиального Братства во имя Святого Великомученика Димитрия Солунского и всем участвовавшими на курсах, во главе со своим высокопочтимым и благостнейшим архипастырем, в виду успешного окончания занятий на курсах, выразить вам глубочайшую благодарность за то, что вы для блага нашей Тобольской епархии понесли тяжелый бескорыстный труд занятий на наших курсах, – позвольте вам высказать задушевное пожелание, чтобы Господь сохранил на многие и многие годы в добром здоровье жизнь вашу, посвященную всецело служению Его святой Церкви с великой для нее, при ваших богатых духовных дарованиях, пользой.

Почтительнейше просим вас, выше высокопреподобие, на молитвенную память о нас и в знак нашего глубокого уважения, любви и преданности принять сию святую икону. Не ценна она, не дорога она... Но мы хорошо знаем, что вы не ищете и не собираете злата или серебра. Пусть же икона сия напоминает вам о том, что в далекой, бедной и глухой Тобольской епархии также есть сердца, преданные вам, всегда благодарные за те добрые семена, которых вы посеяли здесь и которых нельзя оценить никаким золотом и серебром, и горячо молящиеся о вашем благоденствии и благополучии.

(Следуют подписи: Алексей, епископ Тобольский и Сибирский, и более ста подписей священников, диаконов и псаломщиков).

Речь епископа Тобольского и Сибирского Алексия, сказанная в день закрытия Тобольских миссионерских курсов

Досточтимый о. протоиерей Иоанн Иоаннович!

От лица Тобольской Церкви, приношу вам сердечную благодарность за устройство, успешное ведение и окончание пастырско-миссионерских курсов. Кто и как бы в безумной злобе и зависти против вас ни трактовал ваше дело устройства Московских пастырских курсов и настоящих передвижных пастырско-миссионерских курсов, но я, положа руку на сердце, вынуждаюсь сказать вам следующее, особенно после близкого ознакомления с вами и вашим делом. Ваша пастырская ревностная деятельность за последние четыре-пять лет связана с Сибирью, этим далеким и заброшенным краем. Но сюда, в этот край за это именно время переселилось до четырех миллионов русских переселенцев. Духовная жизнь этих миллионов людей была бы обречена на духовный голод, или попала бы в руки тех, которые приходят лишь для того, чтобы украсть, убить и погубить овец стада Христова (Иоан. X, 10). Не без указания Промысла Божия духовное устройство переселенцев по Высочайшему повелению поручено вам, и вы сразу же поняли, что для новых сел переселенческих нужны храмы и школы, нужны пастыри, учителя, руководители и охранители народных масс переселенцев. И вот сразу же появляются пастырские курсы в Москве, учредителем и руководителем которых являетесь вы. Курсы дали и дают целую дружину сибирских переселенческих иереев и псаломщиков. Правда, курсы на первый раз были слишком краткосрочны, что не могло не отразиться на богословской подготовке курсистов. Но это явление было делом крайней необходимости. Вскоре время обучения на курсах было несколько увеличено. Кроме того, выбор слушателей, поступающих на курсы, как видно, был весьма осмотрительный; принимались и принимаются, особенно за последнее время, учителя и дьяконы, пробывшие на местах службы около десяти лет. Так или иначе, но острая нужда в пастырях для Сибирских переселенческих приходов была сразу же, удовлетворена.

Приготовив им, переселенческих Сибирских районов пастырей и клириков, вы являетесь теперь к ним уже на места их служения, являетесь с новым церковно-просветительным делом, миссионерско-пастырскими курсами, этими передвижными миссионерскими училищами, своего рода

пророческими школами. Курсы эти, прежде всего, являются прямым дополнением к пастырским Московским курсам, но они имеют и общецерковное злободневное значение: в виду выступлений на Церковь православную со стороны раскольников, и особенно сектантов, они являются подготовительной миссионерской школой для пастырства вообще. А так как курсы имеют слишком широкую организацию, отвечая запросам не только пастырей и борцов за честь и целостность Церкви Христовой, но и являясь публичной лекционной школой для всех слушателей из общества, то они имеют, наконец, и общеназидательное, апологетическое значение.

Есть хорошая пословица, гласящая, что солдат без ружья немислим, как борец за веру, Царя и отечество. Точно так же трудно и пастырю Церкви, не имея под руками соответствующих книг, специальной литературы, выступать в качестве борца против современных врагов Церкви Христовой. Вы, о. протоиерей, несете сюда, в далекую Сибирь, не только устное слово, но и снабжаете каждого из своих слушателей целой миссионерской библиотекой. Это – огромная заслуга ваша. Кто знает, испытал по личному опыту, что значит работать без книг, без библиотеки, тот поймет всю ценность этой вашей заслуги. Ведь борцов не только надо научить, но и вооружить, по крайней мере, так поступают все современные враги Церкви Христовой. Странно было бы и нам не воспользоваться этим вражеским примером, Знание – сила, и эту силу дадут защитникам веры и Церкви те библиотеки, что вы, о. протоиерей, везете с собой и раздаете нам.

Боюсь, о. протоиерей, утруждать вас и беспокоить ваше смирение. Одно скажу: не всякий миссионер согласится оставить центр культурной жизни, как вы – Москву, и ехать куда-то в Хабаровск, на Камчатку, на Сахалин, в какой-то заброшенный глухой деревянный Тобольск. А вы это делаете, отдавая себя в жертву всяким случайностям и неудобствам апостольской миссии. История устройства религиозного быта русских переселенцев сибирских запишет на своих страницах ваше имя и отведет ему самое почетное место.

Храни же вас Бог на многие лета для продолжения той великой миссионерской службы, на которую Промысл Божий поставил вас за эти последние годы!

Пастырско-миссионерские курсы в Сибири и на Дальнем Востоке летом 1912 года

Миссионерское совещание при Святейшем Синоде, состоящее под председательством высокопреосвященного архиепископа Волынского Антония, в минувшую зимнюю сессию Святейшего Синода, при обсуждении мер, направленных к возвышению и оживлению миссионерского дела, пришло к заключению, что одной из наиболее целесообразных и поэтому желательных таковых мер является учреждение по епархиям пастырско-миссионерских курсов для духовенства и главным образом для священников. Одному из членов совещания поручено, поэтому, представить особый доклад совещанию о правилах и организации курсов. Особенно такие курсы признаны необходимыми для окраин и для тех епархий, в которых раскол и сектантство представляются явлением новым и незнакомым для духовенства, а духовенство, по тем или другим причинам, недостаточно ознакомлено с историей и обличением расколо-сектантства и с мерами борьбы с ним.

Нет нужды доказывать, что Сибирь, Средняя Азия и Дальний Восток, прежде всего, испытывают нужду в подобных курсах, о чем не раз и заявлено было Святейшему Синоду епархиальными преосвященными и в отчетах по епархии, и в особых епархиальных представлениях с места.

Раскол в Сибири – явление давнее, но с 1905 года, после объявления «свободы», а главным образом вследствие усилившихся сношений внутренней России с Сибирью и огромного переселенческого туда движения, сибирский раскол зашевелился и заметно поднял голову. Московские раскольнические съезды, ежегодно созываемые, с особым вниманием стали относиться к Сибири; сюда стали являться выдающиеся начетчики раскольнические, вроде Мельникова и Варакина; австрийщина употребляет все усилия объединить разнообразные толки и согласия старообрядчества в Сибири в своей лже-иерархии; открываются новые раскольнические «архиерейские» кафедры, учреждаются монастыри мужские и женские. Православной миссии нельзя было оставаться равнодушной к этому явлению.

Но особенно заметно и быстро наводняет Сибирь сектантство – баптизм, адвентизм, а теперь местами, как, например, в Маньчжурии – и хлыстовщина. Это уже – явление совершенно новое в Сибири и притом исключительно заносное. По всей линии огромной по протяжению сибирской железнодорожной магистрали осели общины сектантские;

почти во всех переселенческих приходах есть открытые сектанты или лица с сектантским настроением, особенно на Дальнем Востоке, куда переселенцы пришли, главным образом, из старых гнезд штунды – из губерний Киевской, Херсонской, Екатеринославской и друг. В Омской епархии баптизм насаждается трудами известного Г. И. Мазаева. Довольно сказать, что конференции баптистские выделили Сибирь в особый район с центром правления в Омске, адвентисты образовали в Сибири также особое «поле», во главе которого стоит «благословенный проповедник» Лебсак в Омске, доказывавший на последнем адвентистском съезде, что страна Тубал, упоминаемая у пророка (Ис. LXVI, 19), есть Тобол – Тобольск, т. е. Сибирь, как обетованная страна для проповеди адвентизма; «благословенный проповедник», – нечто вроде «епископа», – у адвентистов имеется и в Иркутске; адвентизм распространен в Маньчжурии, особенно в Харбине. Если верить справочнику, изданному Фетлером, баптистские общины всюду имеются в Сибири; мы видим фотографические снимки групп выдающихся баптистов в баптистских журналах, а по статистическим сведениям Департамента Духовных Дел (иной статистики пока не имеем) адвентисты Сибири составляют 30% всего числа адвентистов Империи. Слобода Николаевская, что при Красноярском вокзале, сразу стала видным центром сектантства, имеет два молитвенные дома баптистов, и все это в 5–6 лет. В Харбине, Хайларе, станции Маньчжурии, Никольске-Уссурийском, станции Донской, селе Лутковке, – всюду мы видим баптистские общины. Таких местечек можно указать и еще не мало.

Между тем, Сибирь и Дальний Восток до 1905 года, главным образом, были поприщем только внешней миссии. Не без больших препятствий удалось созвать в 1910 году, после двухлетних хлопот, в Иркутске общесибирский миссионерский съезд.

Из докладов, представленных на съезде, обрисовалась удручающая картина распространения расколо-сектантства в Сибири; открыто и решительно заявлено было на съезде о необходимости немедленной организации внутренней миссии в Сибири и на Дальнем Востоке, – так открыто и решительно, что вопросы миссии внешней на съезде совершенно неожиданно отошли как бы на второй план. Епархиальные миссионеры к тому времени были только в Благовещенске, Томске и Омске, притом в Благовещенске и Томске на весьма скудных окладах. Нужно было всюду учредить должности епархиальных миссионеров, и, слава Богу, теперь они имеются во Владивостоке, Чите, Иркутске, Красноярске и Туркестане; усилена миссия и в Томске. Таким образом,

есть теперь всюду осведомленный и осведомляются лица, призванные следить за расколо-сектантством, делать о том доклады епархиальным властям и руководить духовенством в миссионерской его работе.

Все выше кратко изложенное представлено было мной, как синодальным миссионером, в более обширном отчете, снабженном цифровыми и иными данными, Святейшему Синоду в 1911 году, после летней в том же году моей поездки по Сибири и Дальнему Востоку. В заключение отчета, в соответствии с вышеотмеченными пожеланиями миссионерского совещания при Святейшем Синоде, мной было указано на необходимость, после всех уже принятых мер для организации внутренней миссии в Сибири, призвать к миссионерству и само духовенство, учредив для него особые пастырско-миссионерские курсы, окружные и епархиальные. Таковые и намечены были на первое время в Хабаровске – окружные для двух епархий: Благовещенской и Владивостокской, в Тобольске и Ташкенте – епархиальные. Выбор мест определялся, с одной стороны, представлениями со стороны епархиальных преосвященных, с другой – наличием местных средств для удовлетворения вызываемых на курсы священников и клириков денежным путевым пособием. С будущего 1913 года намечены таковые же курсы в Иркутске для епархий Восточной Сибири и в каком-либо удобном месте для Западной Сибири. Удалось в настоящее лето провести курсы только в Хабаровске и Тобольске; Ташкентские курсы, вследствие перемещения бывшего Туркестанского преосвященного Димитрия на Таврическую кафедру и вследствие возникших затруднений в удовлетворении слушателей путевым пособием, а также в приискании помещений для аудитории и общежития курсистов, Святейшим Синодом отложены на май месяц 1913 года. Может случиться, что эти курсы будут окружными для епархий Туркестанской, Оренбургской и Уральской; вопрос об этом выяснится в недалеком будущем путем совещаний на местах.

Курсы в Хабаровске и Тобольске продолжались приблизительно по 4 недели. На Хабаровские курсы явилось 120 слушателей, поровну из епархий Благовещенской и Владивостокской. Главными участниками курсов были священники; их было до 90% всего состава. Сюда же были вызваны оканчивающие курсы Раздольнинской второклассной школы в числе 6 человек, наиболее возрастных и способных. На Тобольских курсах было 106 слушателей и также в подавляющем большинстве – священники. На тех и других курсах приняли участие заслуженные оо. протоиереи и иереи, уездные наблюдатели, благочинные; Тобольске курсы, например, усердно посещали лица с высшим образованием: о. ректор семинарии

достопочтеннейший протоиерей Гагинский, кафедральный протоиерей – выдающийся пастырь о. Димитрий Смирнов, законоучителя гимназий и т. п. лица. Это сразу дало курсам серьезный характер и парализовало то неблагоприятное отношение к курсам, которое уже назревало среди духовенства, – отношение страха и некоторой конфузливости, как к учреждению для недоучек и мало осведомленных членов клира. Посещение курсов преосвященными Евгением Благовещенским, архиепископом Владивостокским Евсеем в Хабаровске и преосвященным Тобольским Алексием в Тобольске также много способствовало их авторитету в глазах духовенства и самих курсистов. В Хабаровске преосвященные были гостями, и поэтому посещение ими курсовых занятий по необходимости было кратковременными. В Тобольске же вновь прибывшие епископ Алексей, бывший ректор Академии, прекрасно знающий миссионерское и особенно проповедническое дело, как выдающийся проповедник, стал к курсам в ближайшие отношения непосредственного руководства делом, посещал лекции, сам делился со слушателями своим опытом и наблюдениями, произносил образцовые поучения и т. п.

Всем преосвященным непосредственно перед открытием курсов мной, как заведывающим, представлен был на одобрение и утверждение общий план курсов. По этому плану и организованы были курсы и в Хабаровске, и в Тобольске, с некоторыми особенностями и различиями по местным условиям.

Лекций и занятий в день было много, до 9 час. Распределялись они так: с 9 до 12 час. дня – три лекции, главным образом учебного характера, преимущественно для повторения пройденного на других лекциях путем спрашивания слушателей и для разбора мест Священного Писания, неправильно понимаемых сектантами, для прочтения по Библии этих мест, а равно и текстов, опровергающих сектантские лжемудрования. Здесь же вырабатывались миссионерские поучения на следующий воскресный день для произнесения во всех церквах города; вырабатывались или разбирались беседы для «миссионерских» вечере и для предстоящей проповеди для интеллигенции в главном храме города. Эти занятия были закрытыми. После часового перерыва и сытного завтрака давались еще три лекции с 1 ч. до 4 ч. дня, чисто-лекционным способом; главным образом, на эти часы падали историко-критический обзор раскола и сектантства, история и обличение социализма, сведения об оккультных сектах. Эти лекции были открытыми для всех и, действительно, на обоих курсах они довольно усердно посещались

интеллигенцией; были слушатели и слушательницы из высших слоев интеллигенции, которые не пропустили буквально ни одного дня занятий. После обеда и отдыха, с 7 час. до 10 час. вечера снова начинались занятия: это были так называемые «вечерние семинарии», три раза в неделю; здесь, на основании разобранного по обличению расколо-сектантства теоретического материала, лекторы должны были вырабатывать примерные планы публичных бесед с заблуждающимися, знакомить слушателей с напечатанными таковыми планами и цельными беседами (по книгам и брошюрам г. Айвазова, Д. И. Боголюбова, епископа Сильвестра, по «Миссионерскому Сборнику» В. М. Скворцова и др.). В эти же вечерние часы два раза в неделю назначались и публичные беседы с раскольниками и сектантами, которые, особенно в Хабаровске, всегда привлекали множество слушателей из города. Занятий было, таким образом, очень много каждый день; иначе поступить было невозможно. Нельзя было продлить курсы на 1½–2 месяца: тогда и приходы страдали от столь продолжительного отсутствия пастырей, что особенно тяжело для одноштатных приходов, а таковы все приходы на Дальнем Востоке и почти все в Тобольской епархии; да и сами слушатели, в числе свыше 100 человек, не могли оторваться от семейных и хозяйственных дел на долгое время; наконец, и суммы, отпущенные от Св. Синода на содержание курсов в дополнение к местным средствам, в количестве 3.000 руб. в Хабаровске и 1.500 руб. для Тобольска, не позволяли продолжить курсы более 4 недель. Приходилось работать одним сплошным подъемом сил, и нужно сказать, что духовенство показало и здесь, что слава о необычайной выносливости и трудоспособности духовного сословия создавалась и крепко держится на Руси не напрасно; слушатели с неослабевающей бодростью и высоким усердием работали по 9 час. в сутки до последнего дня курсовых занятий. Посещение занятий в полном смысле слова было безукоризненным; случаев заболеваний не было.

Из Москвы и Петрограда мной были привезены все необходимые для занятий на курсах книги, брошюры, листки. Это составило одну из главных статей расхода на организацию курсов из казенных синодальных сумм; но расход этот был, безусловно, необходим. Надо было дать слушателям оружие духовное в руки; надо было им дать средства для самообразования в миссионерских предметах. И как священнику из заброшенной деревни Дальнего Востока знать всю миссионерскую литературу, выбрать нужное для выписки? Нелегко выписать и избранные книги и получить их в целостности и вовремя. Библиотечка, данная важному слушателю, заключала в себе до 100 названий различных книг и брошюр;

здесь была Священная Библия; противосектантские катихизисы г. Варжанского; история сект о. Кутепова; справочники о. Смолина; брошюры по отдельным вопросам противосектантской миссии гг. Айвазова, Белогорского, Кальнева, издания В. М. Скворцова, сочинения, по истории и обличению социализма протоиерея Восторгова; брошюры под общим заглавием: «За веру евангельскую», «За веру Божию», «На страже Православия» разных авторов, – издания книгоиздательства «Верность»; миссионерская газета «Церковность» – каждому слушателю; полное, в 500 страниц, издание бесед со старообрядцами протоиерея И. Полянского; в Тобольске – 20 экз. «Выписок» Озерского, оба тома, и 106 экз. истории раскола – Плотникова и другие книги. Библиотечки были розданы бесплатно. Кроме того, за плату, но с уступкой 40–50% против объявленной продажной цены и без уплаты за пересылку, слушателям предлагались книги по миссии: о. Буткевича, «Щит веры» о. Смолина, «Симфония» его же и друг. подобные книги и брошюры, который, как показал опыт, покупались курсистами охотно и с любовью. По крайней мере, привезенных книг не хватило, особенно книг «Щит веры» и «Меч духовный», а привезено их было и в Хабаровск, и в Тобольск больше, чем для половины слушателей.

Лекционный способ занятий применялся только на открытых курсовых занятиях; в другие часы лекции сменялись и сопровождались беседами, colloquium ами, повторением пройденного, причем слушатели записывали те сведения, которые сообщались им дополнительно к тем руководствам, которые им были розданы на руки.

Воскресные и праздничные дни были – для слушателей курсов днями особого рода трудов – молитвенных и проповеднических. В течение предшествующих перед воскресением двух-трех дней на курсовых занятиях вырабатывалось под руководством о. заведывающего миссионерская проповедь полемического, апологетического или охранительного содержания. Она переписывалась в Хабаровске, потому что местные типографии оказались не в силах быстро и за умеренную плату напечатать проповедь в нескольких тысячах экземпляров, а в Тобольске проповедь печаталась в 5 000 экземплярах, и затем слушатели приносили ее одновременно во всех церквях города: в Хабаровске – в 5 храмах, в Тобольске – в 13 храмах; в Тобольске напечатанная проповедь после литургии раздавалась народу. Проповеди, сказанные в Хабаровске, напечатаны в Тобольске и также розданы слушателям Тобольских курсов, как примерные. Таким образом, составлены и написаны пять поучений под заглавиями: «Гибельная самонадеянность», «Как спастись», «Ревность

не по разуму», «Вера жизненная», «Пастыри и пасомые». Кроме этих печатных трудов, во время курсов напечатаны: «Учение хлыстов и примыкающих к хлыстовству сект о Боге, сравнительно с учением о том, православной Церкви»; эта брошюра протоиерея Восторгова напечатана и роздана в Хабаровске, в виду обнаружения хлыстовских «кораблей» и радений в Харбине и Хайдара Владивостокской епархии; напечатана еще брошюра лектора-священника С. Толпегина, Владивостокского епархиального миссионера: «О необходимости в деле опасения добрых дел и благодатной помощи», – беседа с сектантами, веденная на Дальнем Востоке; она напечатана и роздана курсистам в Тобольске и будет потом разослана и слушателям Хабаровских курсов.

Во всех церквах, где проповедовали курсисты, они же и совершали богослужение, всегда соборно, по 3 и 5 священников с дьяконами. В главном храме города в Хабаровске два раза совершали богослужение приезжавшие преосвященные, в другие праздники – о. заведующий, и он же все время говорил здесь проповеди для интеллигенции, на темы: «Подложная научность» – о социализме; «Религия и нравственность», «Ценность жизни» – по поводу лекций, недавно перед тем прочитанных в городах Сибири и Дальнего Востока Григорием Петровым на эту тему; «Удаление Христа из жизни»; «Старое, но вечно юное»; «Церковное общение». В гор. Тобольске такие проповеди произносились преосвященным Алексием – о воспитании, о Воскресении Христовом, о незлобии; частью же проповеди для интеллигенции произносились о. заведующим курсами: о значении православия в истории России, о подражании Богоматери, о почитании святыни. Характера миссионерского были: слово преосвященного Тобольского епископа Алексия о миссионерстве, перед началом курсов, напечатанное и розданное курсистам, и четыре олова о. заведывающего: два на молебствиях при открытии курсов и два – при их закрытии.

После обеда вечером в воскресные дни совершались с участием всех курсистов так называемые «миссионерские вечерни»: служилась торжественная вечерня с общенародным пением и затем следовала часовая беседа с народом, прерываемая пением 8–9 молитв, избранных в связи внутренней с ходом самой беседы. Такие беседы проведены были заведывающим протоиереем И. Восторговым: о жажде духовной, о бытии Божиим, о бессмертии души, о религии, Промысле и Церкви, о Кресте, о почитании Богоматери. Нужно сказать, что подобного рода беседы особенно привлекли внимание слушателей курсов, как примерные и доступные для подражания и для повторения их в приходах.

Наконец, по праздничным же дням были предлагаемы для городской интеллигенции публичные лекции; слава Богу, они проходили всегда при совершенно переполненном зале. Три лекции были сказаны протоиереем И. Восторговым на темы: «О ценности жизни» – по поводу выступления на эту тему Григория Петрова, «Силы обновления жизни», «Церковь и жизнь», одна лекция о. Папшевым: «Лик Христов», и в Тобольске одна лекция, привлекавшая необычайное множество слушателей и захватившая всю огромную аудиторию, была прочитана преосвященным Тобольским Алексием на тему: «Жизнь без Бога»; лекция эта была напечатана. О всех таких лекциях, публичных беседах и т. п. жители Хабаровска и Тобольска были оповещаемы напечатанными и розданными в храмах объявлениями на особых листах и объявлениями в местных газетах.

Наш обзор молитвенных и проповеднических трудов курсистов был бы не полон, если бы мы не упомянули о днях высокого религиозного воодушевления, пережитых слушателями курсов и в Хабаровске, и в Тобольске по случаю принесения в тот и другой город местных святынь. Слушатели Хабаровских курсов через о. заведывающего обратились с просьбой к преосвященному Благовещенскому Евгению изменить маршрут следования чудотворной Албазинской иконы Богородицы с таким расчетом, чтобы святыня могла прибыть в Хабаровске во время курсовых занятий. Владыка милостиво на это соизволил, и вот 14 июня учредилось в гор. Хабаровске великое торжество: утром весь город – войска, горожане и 120 слушателей курсов, большинство в священном облачении, встречали святыню. С пристани она принесена была в собор; здесь совершена была о. заведывающим Божественная литургия с молебствием и акафистом, в сослужении с 18 священниками, и сказано было слово о почитании святыни, а вечером святая икона была принесена в помещение курсов – в здание реального училища, где имеется и своя домовая церковь. Народу оказалось так много, что, в виду благоприятных условий погоды, решено было совершить вечерню и акафист на площади перед церковью. Особенность службы состояла в том, что акафист весь целиком был пропет слушателями и народом, разделившимися на два хора. Здесь же в присутствии пришедших молокан и баптистов, о. заведывающим было сказано миссионерское поучение «О почитании Богородицы». В ближайший воскресный день было назначено «религиозно-нравственное собрание» для горожан, и здесь, после речи о. заведывающего, 7 слушателей курсов, один за другим, выходили перед многочисленной аудиторией с речами, посвященными уяснению торжества сретения и почитания святыни. Все это дало слушателям Хабаровских курсов много

незабываемых и возвышающих минут религиозного подъема. Многие из них прямо с курсов отправились к гор. Владивостоку и Никольску-Уссурийскому, чтобы принять участие в грандиозном крестном ходе до Уссурийского Шмаковского Николо-Троицкого монастыря; ход занял 400 верст и на всем его протяжении на всех остановках говорились соответствующие поучения народу, раздавалась религиозно-нравственная литература и проч.

В Тобольске начало курсов совпало с пребыванием в городе весьма чтимой местным населением Абалакской чудотворной иконы Богоматери. Слушатели курсов привяли участие в торжественных проводах иконы в Абалак 24 июля, причем во главе с архипастырем совершали богослужение вечернее и утреннее, молебствие, провожая икону далеко за город. При этом о. заведывающим также было сказано народу примерное миссионерское и общеназидательное поучение.

На курсах было преподано: историко-критический обзор раскола и особенно сектантства, причем сверх имеющегося у курсистов материала, который они находили в книгах Плотникова, о. Кутепова («История сект») и в историческом отделе «Миссионерской Памятки» о. Смолина, им сообщались дополнительные сведения, особенно по обзору молоканства, баптизма, адвентизма и хлыстовства, а в Тобольской епархии, по местным условиям, сверх того, – иеговизма; разбор мест Священного Писания, пререкаемых сектантами-рационалистами и мистиками; разбор новейших, после 1905–6 гг., возражений старообрядцев, предъявляемых ими теперь православным пастырям и миссионерам, а в Тобольске, по местным епархиальным условиям, подробный разбор и других вопросов противораскольнической полемики; методика церковного миссионерского проповедничества, приходской и народной миссии, катехизации прихожан в храме и вне храма, народно-катехизических и народно-миссионерских курсов, миссионерского преподавания Закона Божия в школе и вообще приходского устройства; методика публичных и частных бесед с сектантами – с практическими публичными собеседованиями, каковых в Хабаровске было четыре¹³⁴: со старообрядцами – «О Церкви» и «О святости Греко-Российской Церкви», с сектантами – «Об иконопочитании», «О крещении и крещении младенцев», а в Тобольске, за отсутствием в городе старообрядцев и сектантов, – два примерные, с одними слушателями курсов; ознакомление с существующим вероисповедным законодательством в России и особо, с распоряжениями гражданского правительства и церковно-школьного начальства об обучении детей раскольников и сектантов Закону Божию в школах

министерских и церковных; история социализма – утопического (кратко) и научного, распространение социалистических учений в России, критика основных положений социализма с научной (кратко) и с философской, исторической, психологической, особенно же с религиозно-нравственной точек зрения; опровержение идей и положений «христианского социализма», способы мирной борьбы с атеистическим и революционным социализмом, насколько они доступны церковно-проповедному слову, приходской организации и возможному для пастыря участию его в общественной жизни; ознакомлено с новейшими и оккультными направлениями религиозной мысли и жизни; теософия, спиритизм (в Благовещенской епархии есть спиритуалисты-догматики, с правильно действующими организациями в Благовещенске, Хабаровске, Хайдаре, в связи с Московским центральным Обществом; имеется даже свой журнал и книгоиздательство), масонство; «религиозное обновление», как оно проявляется и отображается в религиозно-философских кружках, в литературе и т. д.; заграничный «модернизм», уроки из его истории и современного положения для русской церковной жизни в так называемом «обновленчестве».

По местным условиям предположено было преподавать основы миссионерской работы среди язычества и мусульманства (последнее имеется в Тобольской епархии). О язычестве, дано 6 лекций только на Хабаровских курсах (шаманизм: религии корейцев и китайцев; примерные первоначальные беседы с указанными язычниками православного миссионера). На Тобольских же курсах вместо этого Тобольским епархиальным братством и училищным советом признано было за лучшее отвести 14 часов на методику преподавания Закона Божия в начальной школе; эти часы распределены были так: 6 – на теоретические лекции по методике Закона Божия, 4 – на практические уроки (4 типические урока даны для детей в присутствии курсистов) и 4 – на примерное распределение миссионерского материала по закону Божию, применительно к существующим школьным программам.

Общее число лекций при усиленных занятиях было доведено до 140 на обоих курсах. Вот, для примера, распределение лекций на Тобольских курсах:

История сектантства – 20 лекций.

История раскола – 12 лекций.

Обличение сектантства – 30 лекций.

Обличение раскола – 28 лекций.

История и обличение социализма – 16 лекций.

Закон Божий (методика) – 14 лекций.

Большую половину лекций (история сектантства, обличение мистических сект, методика проповедования, катехизация, оккультные секты и модернизм, история и обличение социализма, миссионерское преподавание Закона Божия, устройство приходское) на обоих курсах дал заведывающий курсами протоиерей И. И. Восторгов; лекторами в Хабаровске были: Благовещенский епархиальный миссионер о. Папшев, Владивостокский епархиальный миссионер о. Толпегин, противоязыческий миссионер о. Кудрявцев и по ознакомлению с корейским язычеством – о. Огай, природный кореец; на «семинариях» же – бывший баптистский «пресвитер», ныне православный священник о. Крупенин; оо. Огай и Крупенин окончили Московские пастырские курсы. В Тобольске лекторами были: вышеупомянутый о. С. Толпегин (обличение раскола), о. И. Васильев, Н. А. Городков, преподаватель местной семинарии (история и часть обличения раскола), и по методике Закона Божия – о. Преображенский, инспектор классов епархиального женского училища.

В Хабаровске, курсы, благодаря любезности генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, он же и попечитель учебного округа, устроились в здании реального училища; внешнее устройство их, снабжение столом, спальными принадлежностями и проч. вызвало очень много хлопот и трудов. В Тобольске курсы помещались в здании духовного училища, причем особая курсовая комиссия местного братства, во главе с протоиереем о. Д. Смирновым, взяла на себя исключительно все заботы о столе, помещении и т. п., так что заведывающий курсами был совершенно свободен от этих весьма тяжелых забот. Внутренний распорядок жизни на курсах поддерживался самими же курсистами, из среды которых избраны были: благочинный, помощники благочинного, эконо́м, дежурные по кухне, в спальнях и т. п.

Курсы и в Хабаровске и в Тобольске выросли в крупное общественное явление и привлекли к себе самое живое внимание горожан и духовенство. Сами слушатели курсов создали во время занятий то высокое и важное настроение, которое достойно было собравшихся пастырей Церкви, их сана и важности того дела, для изучения коего они собрались. Местная гражданская власть относилась с большим интересом к курсам, не только присутствуя на торжествах открытия курсов и заключительных актах, но и на самых лекциях. Тобольский губернатор г. Станкевич лично просил о. заведывающего в его присутствии предложить лекции об адвентизме, прослушал их и вел записи, имея в виду сильное распространение

адвентизма на юге Tobольской епархии, особенно в уездах, входящих в состав Омской епархии.

Слушатели курсов при открытии занятий, через соответствующую власть, заявили о горячих чувствах верноподданства Его Императорскому Величеству Государю Императору и о готовности работать всемерно во славу Церкви и для укрепления духовного единства окраин с центром на основе святого православия и удостоились получить милостивый ответ Его Императорского Величества. Равным образом они выразили глубокую благодарность Святейшему Синоду за учреждение курсов.

Нужно думать, что они получили удовлетворение на курсах, о чем можно судить по их особливым адресами и заявлениям, открыто сделанными о заведывающему курсами.

Дай Бог, чтобы миссионерский интерес, миссионерское воодушевление все более и более развивались среди духовенства Сибири и Дальнего Востока. Миссионерскими курсами заключается ряд мер, направленных к созданию и возвышению на этой окраине внутренней миссии. Остается пожелать, чтобы пастырско-миссионерские курсы повторялись, возможно, чаще во всех епархиях Сибири, теперь, – с открытием должностей епархиальных миссионеров, – уже при помощи местных сил.

Из миссионерской практики в Москве

По поводу моей статьи, напечатанной в новогоднем номере «Церковных Ведомостей» за текущей 1912 год, под заглавием «Новогодние думы»¹³⁵, я получил очень много писем с запросами и братскими пастырскими суждениями по затронутым в статье вопросам. Письма эти шли и от моих бывших учеников по пастырским курсам, – что, конечно, совершенно естественно и что приносило приятную неожиданность, – и от людей, мне совершенно незнакомых. Как мог, я отвечал моим корреспондентам, но доселе не мог исполнить их просьб о том, чтобы на страницах тех же «Церковных Ведомостей» поделиться с собратьями сведениями о том, как практически осуществлялись в Москве те мероприятия, которые мной намечены в вышеуказанной моей статье. Причин молчания было две: во-первых, переобременение всякого рода делами при ведении одновременно пастырских, псаломщических курсов для Сибири, высших богословских женских и народно-катехизаторских и миссионерских курсов по Москве, во-вторых, мне захотелось до конца довести опыты ведения катехизации народа, издания для потребностей катехизации особых книг и брошюр, а также применения к делу брошюр и книг, прежде изданных, чтобы судить обо всем не теоретически, а на основании указаний живой жизни.

Должен оговориться, что Москва, конечно, – не пример для деревни во всех отношениях; мало того, у нас в распоряжении, при необычайной отзывчивости и сочувствии к миссии владыки-митрополита Владимира, имелась армия, и довольно внушительная, наших сотрудников, разумею слушателей пастырских, псаломщических и церковно-учительских курсов. Но то, что делается здесь в широком масштабе, можно применить, приспособившись к местным условиям, к масштабу малому, а главное, здесь имеется в виду, прежде всего все-таки известный принцип церковно-просветительной работы. И то, что делалось в столице в ста местах, можно для сельского прихода попытаться сделать в одном месте.

Еще одна оговорка. Должен признаться, что я встретил, хотя и в очень редких случаях и не сочувствие высказанным мною взглядами о положительном учительстве в Церкви, о развитии катехизации народа, о подготовке его к самостоятельному обличению расколо-сектантства и к самостоятельной защите истин православия. Мне указывали, что я становлюсь на точку зрения, враждебную миссионерам «старой школы», что я изменяю взглядам, группировке лиц и направленно церковной

работы, которым я сам принадлежал и принадлежу, что я искажаю и подменяю самое понятие миссионерства и миссии, заменяя их поучениями на общеназидательные темы, каковыми должна задаваться вообще пастырская, а не специфически-миссионерская проповедь. Обязуюсь поэтому, прежде всего и здесь высказать свой взгляд ясно и определенно. Он указан в словах Христовых: «подобает и сия творити, и оных не оставляти». Я никогда, не держался взглядов лиц, желающих быть новаторами в деле миссии, унижающих или даже уничтожающих публичные беседы с сектантами, обличение их заблуждений; такие беседы – дело и высокое, и святое, и безусловно, необходимое в миссии, которая по самой природе своей не может быть иной, как только «боевой». Посему я относился и отношусь с уважением к именам и деятельности таких работников миссии, как В. М. Скворцов со многими его учениками, или выведенными при его помощи и посредства к делу миссии лицами, каков, например, И. Г. Айвазов, к таким работникам, как покойный протоиерей К. Крючков, или ныне здравствующие о. Полянский, г. Кальнев, о. Кутепов и друг. Но я далек от мысли охуждать или отрицать народно-приходскую миссию, понимаемую, очевидно, не в смысле специфически-миссионерских бесед и выступлений, но в более широком смысле катехизации народа в положительных истинах веры и нравственности и миссионерской его подготовки. В выражениях, не допускающих никаких недоумений и сомнений, говорят о сем «Правила об устройстве внутренней миссии», утвержденные Святейшим Синодом в 1908 году, в первых двух отделах о народно-приходской и пастырско-приходской миссии; о том же, думается, говорит и новое именование, данное епархиальным деятелям миссии: «миссионер-проповедник». Таким образом, ниже мы и будем говорить об опытах народно-приходской и пастырско-приходской миссии, каковая и в «Правилах» именуется «миссией», следовательно, не представляет ни искажений, ни отрицания миссионерского дела. Есть не мало епархиальных миссионеров, которые, принадлежа по своим воззрениям к миссионерам «старой школы», по тем или другим причинам, от них зависящим или не зависящим, целыми годами не ведут никаких специфически-миссионерских боевых бесед и прений; думается, что они не перестают вследствие этого быть миссионерами и не могут жаловаться на то, что им, при всем желании работать, нечего делать. Нечего им делать может быть только и исключительно при нежелании работать и при лукавом намерении чем-либо оправдать свою бездеятельность. Миссионерское дело – безбрежный океан работы.

Пишет мне один батюшка из западной России:

«Я, – сельский священник, живущий, если так можно выразиться, у истоков и корней великого ствола нашей православной Церкви, – должен засвидетельствовать, что вопросы, затронутые вами в вашей статье «Новогодние думы», пропечатанной в первом номере «Церковных Ведомостей», касаются чрезвычайно жизненных и существенных сторон современного состояния наших православных приходов. В тысячу раз правы, утверждая и доказывая в вышеупомянутой статье, что духовная организация, катехизация и положительное учительство в храме составляют насущную потребность нашего времени. Во время пастырской практики мне очень часто приходится убеждаться в справедливости ваших суждений относительно важности усиления положительного учительства в храмах, дабы наши православные приходы представляли нечто более устойчивое, цельное и несокрушимое. Так примерно: исповедуя православных прихожан, во время так называемых у нас в Малороссии «отпустов», не одного только своего уезда, но и соседних, я удостоверился, что наши прихожане не знают существенных молитв, заповедей Господних, важнейших правил и предписаний нашей православной Церкви; по этой-то причине, полагаю, и связь большинства наших прихожан с православной Церковью неглубокая, чаще всего поверхностная, посему и в отношении прихожан к судьбам своей Церкви проявляется какое-то равнодушие, а иногда и враждебность. После этого нет ничего удивительного в том, что наш прихожанин с такой легкостью, без угрызений совести, угоняется в католичество, сектантство и т. п. Наоборот, совершая чин обращения католиков и униатов в православие, мне приходилось наблюдать среди них какую-то тревогу и беспокойство, а также выслушивать такого рода вопросы: «А кто теперь научит меня и моих детей русскому «Отче нашу», а также «Божиим приказаниям»? Из таких запросов можно заключить, что у католиков положительное знание молитв, заповедей, а также правил и предписаний церковных пустило в осознание их глубокие корни. У нас же, в православных организациях, нужно сознаться, на дело катехизации и положительное учительство смотрят, к сожалению, сквозь пальцы, как на нечто маловажное и излишнее. Вот наступило время Великого поста и исповеди наших прихожан; посему, полагаю, было бы своевременным, чтобы православные священники пред исповедью проверяли, знают ли их прихожане важнейшие молитвы, нравственные правила, а также руководства и предписания нашей православной Церкви. Конечно, одному приходскому священнику со столь важным делом, как катехизация, самому одному не

управиться. Очевидно, к этому важному делу необходимо привлечь и ближайших помощников приходских священников, т. е. дьяконов, а в большинстве случаев – псаломщиков. К этому же делу, возможно, полагаю, привлечь и учителей церковных школ, а также взрослых девиц, окончивших духовные училища, пока их, как свободных от занятий, не успели использовать для своих целей революционные элементы прихода.

Да к чему мне про это дело так подробно распространяться. Разве эти мои слова и пожелания не останутся только словами и пожеланиями? Разве не такова, скажите, будет судьба и вашей столь важной статьи «Новогодние думы»? Возможно еще, что многие прочитали эту вашу статью, пожалуй, даже побеседовали о значении катехизации, но скоро все это забыли и пропустили мимо ушей, как забыли ваши убедительный слова на ту же тему, пропечатанных в «Церковных Ведомостях» за прошлый год (см. № 48, стр. 2049). Я полагаю, что настало время, когда о положительном учительстве в наших храмах и катехизации уже недостаточно писать и говорить, но жизненно необходимо от слов переходить к делу. И вот, допустим, я в своем приходе начну дело положительного учительства и катехизации, тогда, несомненно, вокруг соседи не замедлят упрекать меня в каких-то новшествах, а то, пожалуй, готовы будут уличить чуть ли не в католической ереси. Очевидно, в целях возрождения наших православных приходов необходимо предложить всем или однородным группам православных приходов определенные руководства и однообразные правила православной катехизации. Такие правила и руководства следовало бы оформить на каком-либо небольшом съезде духовенства до созыва Всероссийского Собора православной Церкви. Ведь устраиваются же у нас в последнее время съезды представителей православной Церкви и по не столь важным и жизненным вопросам. Наконец, чтобы столь важный и жизненный вопрос приходской организации, как дело катехизации, снять с мели, для этого, полагаю, достаточно вашего личного доклада Святейшему Синоду. Возбужденный вами вопрос о катехизации и духовной организации наших приходских общин достаточно назрел, назрел не только в той епархии, где я служу, но и во всей России.

Во всяком случае я надеюсь, что вы, о. протоиерей, по возбужденному вопросу напишете мне пару слов от себя, где я найду ответ, как быть и что делать? Сообщите, как вы ведете дело в Москве?»

Пишет мне еще один священник с противоположного конца России, с берега Великого океана, где он, как бывший слушатель пастырских курсов, теперь священствует в небольшом, заброшенном переселенческом

приходе, духовно-изголодавшемся за много лет одиночества без пастыря, без богослужения и проповеди. Привожу выдержки, выбрасывая то, что касается личных отношений.

«...Скажу кое-что из пережитого мною в далекой стороне и на новом для меня поприще. Говоря с вами по душе, откровенно и справедливо, как я и привык к вам обращаться, скажу, что бремя, на меня возложенное, для меня радостно, и я просто не замечаю, как бежит время, так как я с первого же дня моего приезда до сего времени со своими прихожанами переживаю как будто сплошной праздник, какое-то неопишуемое торжество. Не знаю, долго ли такое настроение продолжится, оставит ли у всех такие неизгладимые следы, какие оно оставляет у меня, так как главную причину его я знаю и опишу ее и вам.

Сельцо мое по населению очень маленькое: 200 душ с лишним, и когда жители его затеяли создать у себя свой храмик, то окружающие села над ними смеялись и уверяли, что им вовек не видать у себя причта. Но кучка киевцев, изжаждавших по своим храмам и торжественным церковным службам, не унывала, а тянулась изо всех сил, лишалась хлеба, рубашки, но созидала храмик. Когда же я, наконец, будучи долгожданным, явился в село, то все поголовно, от мала, до велика, прибежали посмотреть и убедиться воочию, что батюшка уже действительно есть. Многие из хозяев и хозяек падают предо мною на колена, и со слезами просят не покинуть их, не прогневаться на их неустройство и бедность во всем, как это делали другие священники, приезжавшие смотреть их приход. Тут же все начали давать обещание довести начатое до конца и привести в надлежащий порядок. Когда же я заговорил к ним на своем наречии, то начался прямо общий плач от радости. На другой день моего приезда – это было 24 дня – я служил первую литургию. О, что эта была за картина! Всю службу стояли все до одного на коленях, все в слезах, у всех торжество. Не нужно было никаких комментариев, взглянувши на эту картину, чтобы убедиться, что народ действительно голоден в духовной пище, сильно тоскует по родной, милой вере. Мое короткое вступительное слово ободрило всех, порадовало души и укрепило веру в то, что я именно прислан к ним, что я буду с ними, и крестьяне, желая выразить свою радость, просили позволить им звонить в наши маленькие колокольчики, чтобы более усладиться, как они говорили, «нашей первой Пасхой за 15 лет». Сейчас после литургии явились ко мне опять домохозяева с хлебом каждый, с пожеланием счастливой совместной жизни и тут же собрали деньги на пересылку походной церкви, на паникадило, 2 иконы, седмисвечник и другие вещи, кто, чем мог: и яйцами, и зерном, и вещами,

и деньгами. Тут же наградили и меня на первое обзаведение разной скотинкой и птицей. Попросили пойти с крестным ходом по селу и освятить его, а также пойти на кладбище помолиться за их усопших, погребенных без отпевания. И как первую мою службу, так и до сего времени все со своими семьями аккуратно посещают все церковные службы, а что дети – так поголовно все и всегда. Всю первую седмицу все почти село говело, с тем, чтобы по прошествии месяца, перед Пасхой отгответь вторично.

За Божественной литургией преждеосвященных Даров в пяток я как-то невольно прослезился. Это перешло на вою толпу и все поголовно начали плакать, так что пол Церкви был смочен весь слезами, а хор певчих до того расплакался, что всю литургию пел сам псаломщик. Я сызмала никогда не мог плакать, но здесь так расплакался, что хоть приостанавливай литургию, – и так вдвоем с плачем и отслужили. Первый, раз выплакался со всеми на приходском кладбище, когда служил «радоницу». Как только вошел на кладбище с крестным ходом, – а оно в дремучем лесу, – так все до одного, даже до полусотни корейцев, пали на колена, и начался общий плачь, а потом уже слезная молитва. Говорю: «Люди, чего же плакать? Будем радоваться, что Господь сподобил нас огласить эту глушь и окружающих, дикарей-язычников Божиим словом». Отвечают: «Мы и плачем вид великой радости и боимся, шоб вы нас ны покинули, бо мы ныдостойны маты такого батюшку». Разнеслась молва кругом о новом батюшке и изредка стали наведываться к нам жители других сел, а раз уже кто наведалься, то в следующий раз приходит с целым десятком других, и так, что до сих пор почти половину моего полного храма молящихся составляют посторонние. Узнав о новом батюшке, и благочинный и немедленно приехал узнать, в чем дело. Что же нашел? У меня, прежде всего, совершаются все службы чинно, без каких-либо пропусков ни в чем, аккуратно, в свое время и благоговейно. Хор, мною основанный и разученный, поет все просто, но так стройно и приятно, подобного чему здесь нигде нет. Каждую службу произносится слово. Открыты попечительства: церковное и школьное, открыты, по примеру Москвы, народные катехизаторские курсы и «Общество сестриц», исключительно из одних женщин. Состоит оно в следующем: приходит какая-либо женщина, заявляет, что она желает освещать своими средствами какую-либо лампадку, либо свечу и вносит, по своему желанию, на это дело посильную жертву, другая – другую и так все. Та освещает надвратную лампаду, другая – запрестольную, 2–3 – седмисвечник, 4–5 – паникадило, и так распределено почти все Освещение

храма. Староста, по мере надобности, ставит свечи, масло, а они уж ему выплачивают то, что стоит, или же вносит разом, кто сколько может. Та оплачивает потребное количество ладана, та – вина. Просфоры пекут они же. Они же и содержат на свой счет 20 больших (на подобие дьяконских) свечей, которые держатся всякими женщинами, зажженными в руках во время полиелея и от пения Трисвятого до молитвы Господней за литургией. Вставные в них свечи покупаются у нас же. Эти свечи вышиною до 2-х аршин и каждая с иконой Марии Магдалины, которая избрана покровительницей нашего Общества, и в день ее памяти, 22 июля, у нас бывает большой, торжественный праздник, с большим стечением народа из окрестных сел, – с обедом для всех прибывших и обхождением вокруг церкви с крестным ходом. На этих-то женщин мной возложены и некоторые послушания натурой. Им внушено, что со званием сестрицы сопряжено неопустительное посещение всех церковных служб, достойная подражания, христианская жизнь и поведение, трезвость, забота о благолепии храма. Никакие меры преследований не употребляются, а все поручается собственной совести.

За все это мной записываются в особый синодик их имена для заздравного поминовения и имена их ближайших родных усопших для поминовения за всеми заупокойными службами. Общество это, а особенно его дух, понравились многим, и из окрестных сел начали стекаться женщины, с просьбой записать их в сестрицы, причем вносить добровольно, без всяких определений с нашей стороны, от 3 до 10 рублей на освещение какой-либо лампы. Таким путем собралась у нас порядочная сумма денег. На них купили Евангелие 11¹/₂х9 вершков, шкафы для облачений и библиотеки, плащеницу, гробницу, икон на 25 руб., купель, водосвятную чашу, 6 Миней месячных и много других вещей, а теперь уже собирают на икону Марии Магдалины, и уже собрано около 12 рублей.

В общем, не скажу, чтобы не было некоторого раздражения против нас. Но, несомненно, все это уляжется и успокоится. А если бы посмотрели и послушали, как наши «сестры», образовавшие женские народно-катехизаторские курсы, поют, отвечают молитвы, Священную Историю, говорят о Церкви, о таинствах, обличают штунду, – тогда, думаю, и последние возражения против нового дела умолкнут».

Пишет еще один из курсистов-священников и сообщает любопытные факты: завел он воскресные вечерни «миссионерские», с беседами и общим пением, и по два раза в неделю народно-миссионерские курсы, – и оказалось, что за десятки верст отстоящие деревни отозвались на новое

дело, так что нашлось до восьми человек из этих деревень, неопустительно посещавших эти занятия...

Факты говорить сами за себя.

Нигде так часто не встречается священник со своими пасомыми, как в храме во время богослужения. Здесь, прежде всего мы и имеем место для катехизации. Между утреней и литургией (казалось бы удобным, по идее – на литургии оглашенных) возможно постоянное и систематическое катехизирование. Всего важнее здесь давать вопросы краткие, в небольшом количестве, с ответами наперед определенной и совершенно одинаковой всегда редакции, без чего немислимы обще, хоровые ответы всех присутствующих. Метод здесь один: сначала предварительная устная беседа катехизирующего, сведенная к одной мысли в заключении, затем данный вопрос и на него ответ, тот самый, который изложен в заключение беседы, и потом несколько раз – повторение вопроса катехизатором, и общий одинаковый ответ всех присутствующих. В следующий раз – новая беседа, новый вопрос-ответ, но с непременно повторением первого, и т. д.

Где взять и найти вопросы-ответы для такой первоначальной катехизации?

Мной издана брошюра «Народно-Миссинерские и Катехизаторские Курсы» с подробными программами занятий, с указанием учебников и пособий и с руководящими статьями по этому вопросу. В статье «Положительное учительство» мной приводятся 25 вопросов-ответов, исчерпывающе весь круг катехизического знания для народа (издана и листком, за 1 коп., сотнями – за $\frac{1}{2}$ к.). Брошюру о курсах, равно как и все нижепоименованные издания и листки можно выписывать из книгоиздательства «Верность»: Москва, Лихов пер.; цена ей 15 коп. с пересылкой. Независимо от сего, мной издана книжечка за 1 копейку под названием «Слово Здравое», в ней отделы: «Об истинной вере; О жизни христианской; О благодати Божией, христианских священнодействиях и молитвах». Книжечка имеет в виду главным образом детей.

Там же, в дополнение указанного ряда вопросов, напечатана статья, изданная за 1 коп. и отдельным листком: «В помощь церковно-народной катехизации. Правило молитвенное». В листке приведены текстуально и полностью начальные молитвы, молитвы утренние, дневные, вечерние, символ веры, заповеди закона Божия и, что составляет особенность, – заповеди церковные, столь мало у нас известный не только простому народу, но и образованным классам общества, – увы! – не исключая лиц, получивших даже богословское образование. При выписке листка сотнями

он обходится $\frac{1}{2}$ коп.

Для того, чтобы в предшествовавшей катехизации беседе (которая, безусловно, необходима) изложить кратко учение православной веры, мной издано за 1 коп. «Краткое поучение новокрещеным», превосходно написанное преосвященным, ныне Витебским, епископом Никодимом. Его можно излагать и по частям. Кому нужно взять беседы шире и подробнее, тому будет чрезвычайно полезна брошюра того же епископа Никодима: «История нашего спасения во Христе Иисусе»; в ней – точность и церковность богословского изложения и вместе – простота и доступность языка. Цена ей 5 коп., и ее также можно получать из книгоиздательства «Верность», как и все выше и нижеупомянутые книги, листки и брошюры. Последнюю брошюру епископа Никодима «История нашего спасения» мы приобрели сразу в количестве 10 000 экземпляров для раздачи в гор. Челябинске проезжающим переселенцам; нам лично от крестьян в Сибири приходилось слышать о ней необычайно восторженные отзывы. Но незаменимым и притом цельным пособием и даже руководством для катехизации народа в храме, – руководством, которому можно следовать прямо буквально, не отступая от него, ни на одно слово, может служить брошюра архиепископа Томского Макария: «Простые речи о великих делах Божиих». В этой брошюре отпечатлелся весь многолетний опыт славного миссионера, проповедника веры во языцех алтайских. Практическая ценность ее, независимо от внутренних достоинств, состоит в том, что ее можно дать в руки псаломщику, учителю, грамотному благочестивому и благонадежному «сотруднику» миссии, – и по этой брошюре, не отступая от текста, они могут без всякого опасения впасть в ошибку вести катехизацию народа.

При выписке и получении указанного пособия в большое смущение может привести одно обстоятельство: слишком большое разнообразие изданий брошюр и листков архиепископа Макария и, в частности, его «Простых речей»; они продаются то каждая речь в отдельности, то вместе все, в соединении с другими брошюрками. Не зная точно их наименования, можно выписать одно, а получить другое. Поэтому считаем нужным здесь дать некоторые указания относительно выписки указанного руководства и вообще ознакомления с многочисленными сочинениями архиепископа Макария, посвященными делу катехизации. Лучше всего для этого выписать полное собрание его сочинений (от Тузова из Петр. или из Томска из епархиальной библиотеки); это очень большой том, ценою 2 руб. 50 коп. Если это дорого и непосильно, советуем выписать из Томской епархиальной библиотеки все «Простые речи», все брошюры

«Единое на потребу» и все «Листки» архиепископа Макария. Это обойдется около 1 рубля, но в наборе брошюр, числом до 50, найдутся прекрасные беседы, поучения, полезные для священника.

Собственно же, в целях катехизации, надобны следующие брошюры: 1) «Наставление о молитве и молитвенных поклонах» (ц. 2 к.); в этой брошюре нет Символа веры, 10 заповедей закона Божия и 8 заповедей церковных». Посему в дополнение к ней нужно иметь наше издание: «В помощь церковной катехизации. Правило молитвенное» (ц. 1 к.). 2) «Простые речи о великих делах Божиих» (ц. 4 к.) (в полном издании четырех речей она значится второй). 3) «Как следует веровать, жить и молиться и церковная дисциплина» (в полном издании четырех речей это – речь третья) (ц. 2 к.). 4) «Простые речи о Церкви» (ц. 2 к.). Всего на 12 коп. Очень советуем брошюры, обозначенные под цифрой 2 и 3, выписать и отдельными изданиями, и, кроме того, в особой книжечке «Простые речи» (числом четыре), в которой помещены, сверх указанных двух, еще две «речи», одна – по счету в книжечке первая, – служащая дополнением и повторением, нами обозначенной под цифрой 2 (в отдельном издании эта последняя, имеет то достоинство, что в конце все содержание сведено к вопросам, разбитым по статьям, чего нет в совместном издании четырех речей), другая – по счету в книжечке четвертая – может служить предметом для бесед и с образованными слушателями; при очень простом изложении. Цена четырех речей в одной книжке – 12 к. Таким образом, все пособия для катехизатора, изданные архиепископом Макарием, могут быть приобретены или за 12 к., или за 24 к., – цены не обременительные.

Все доселе сказанное касается катехизации самой элементарной, и притом совершаемой в храме во время воскресного или праздничного богослужения.

Должно, однако, заметить, что такая катехизация в храме крайне неудобна и поэтому бывает мало полезна. Время для нее избрать трудно; богослужение само по себе продолжительно; богомольцам, катехизируемым, приходится стоять; в храме часто бывает тесно, холодно, главное же – богомольцы не всегда одни и те же, постоянно меняются, и поэтому катехизация не достигает цели прочного, цельного и последовательного научения, является по необходимости отрывочной. Храм и богослужение лучше всего оставить местом для обычной общеназидательной проповеди, а также и для повторения, лучше сказать, для свидетельства и исповедания уже известных при катехизации истин, а самую катехизацию перенести на внебогослужebное время и совершать вне храма. Правда, для этого может служить, где это есть, и притвор

церковный, который можно отделять от храма завесой, поставив здесь скамьи для сидения, но все же, по многим соображениям, желательно перенести занятия вне храма, – в школу, в особую аудиторию, в частный дом. Здесь сразу занятия катехизацией вступают в такие условия, которые дают возможность дать им систему и последовательность. Здесь мы уже переходим к народно-катехизическим курсам, которые могут быть одновременно и миссионерскими. Они назначаются для известной группы лиц, поставленных в одинаковые условия, особо для детей, особо для вступающих в браки, причем отдельно для юношей и отдельно для девушек; особо для взрослых, тоже отдельно для мужчин, отдельно для женщин, притом в объеме: а) элементарной вышеуказанной катехизации, б) повторных и дополнительных катехизических занятий, в) тех же занятий, но с присоединением изучения Библии и противосектантского или противораскольнического катехизиса. Занятия должны продолжаться 3–6 месяцев, по два раза в неделю. Слушатели должны быть немногочисленны, хотя бы даже и 2–3 человека, но непременно одни и те же лица. Такие курсы теперь ведутся во многих местах Москвы, главным образом в помещениях церковных школ, и имеют до 8 000 слушателей, которые объединяются ныне в «Братстве Воскресения», имеют свою газету «Церковность» (по подписке стоит 1 рубль в год с пересылкой, издание «Верность»), которую покупают оптом по $\frac{1}{2}$ коп. за номер и распространяют, продавая по 1 коп. за номер, причем газета идет в продажу по 12–15 тысяч экземпляров каждый праздник, при 160 книгоношах из самих слушателей миссионерских и катехизических курсов.

Несколько раз в месяц мы в Москве собираем слушателей народно-катехизических и народно-миссионерских курсов на общее собрание. Здесь они, разделяясь по отдельным курсам, соревнуя друг с другом, выступают с докладами, читают статьи, стихотворения, поют изученные песнопения и т. д. В виду невозможности найти подходящее помещение для всех курсистов, мы стали собирать курсы группами, по очереди. Собрания всегда полны и всегда оживлены. Нельзя описать того воодушевления, которое испытывают слушатели курсов, когда их собрание посещают владыка-митрополит или преосвященные викарии. Зал Епархиального дома вмещает около 3 000 человек, если они стоят: и зал всегда полон. Часто мы раздаем здесь слушателям литературу из издательства «Верность». Газета «Церковность» для таких собраний прямо незаменима; ее распространяют 160 книгонош.

Как вести такие курсы, по каким программам, по каким учебникам, –

все это изложено в особой нами изданной упомянутой выше брошюре «Народно-Миссионерские и Катехизические Курсы» (ц. 15 к.); в брошюре имеется и примерное слово поучения при учреждении курсов, и руководящие статьи, и речь при открытии отдела просветительного братства, ведающего курсами, и т. д. Остается теперь сказать лишь о тех изданиях и книгах, которые могут быть полезными и необходимыми для ведения курсов, сверх тех руководств и пособий, которые указаны в брошюре о курсах. Эти книги, главным образом, необходимы для взрослых слушателей и для ведения занятий не элементарных, а дополнительных. Из книг Священного Писания важно иметь Паримийник и Новый Завет, если уж нельзя приобрести всю Библию на русском языке, с подробными указателями богослужебных чтений из книг Ветхого и Нового Завета. Для изучения веры и нравоучения хорошо иметь классическое руководство: «Начатки». Для кого эта книга велика или кажется неудобной по изложению или по другим причинам, мы предлагаем изданную «Верностью» книжечку: «Здоровое учение» – опыт православного катехизического учения, цена ей 5 коп. В изложении этой книги, равно и самого первого катехизиса, для детей и неграмотных, вышеупомянутая брошюра «Слово Здоровое» (1 к.) принято в ответы и вопросы вводить чисто-народные меткие возражения, присловья, иногда рифмованные. Это удобно для запоминания и очень оживляет занятия. Для примера приводим по «Слову Здоровому» выдержки из отдела «О жизни христианской»:

Вопрос. Чем смирение может нас утешать?

Ответ. Бог гордым противится, смиренным дает благодать.

Воп. Нельзя ли молодым погрешить, а в старости покаяться?

Отв. Не греши молодым, не сумеешь грешить старым. Никто нам не ручался, что до старости доживем.

Воп. Хорошо ли жить кротко и тихо?

Отв. Кто живет кротко и тихо, не увидит лиха.

Воп. Хорошо ли правдой жить?

Отв. Кто правды желает, тому Бог помогает.

Воп. Что милость дает?

Отв. Милостивому человеку и Бог подает.

Воп. Как должно мириться?

Отв. Одному покориться, другому поступиться.

Воп. Зачем же нам мириться и людям уступать?

Отв. Где мир да ладь, там Божья благодать.

Воп. Кто велел, чтобы христианин терпел?

Отв. Сам Бог терпел и нам велел.
Воп. Как нужно жить?
Отв. Жить – Богу служить.
Воп. Как должно все делать?
Отв. С Бога начинай и Господом кончай.
Воп. Почему начинать все с Бога?
Отв. Без Бога ни до порога.
Воп. Что бывает, когда кто Бога забывает?
Отв. Кто Бога забывает, того Бог карает.
Воп. Кого должно любить больше всех?
Отв. Больше всех должно любить Бога.
Воп. Кого любить после Бога?
Отв. Любить ближних, то есть всех людей, а особенно родителей, родных, единоверцев, людей одного с вами народа и отечества.
Воп. Кого надобно особенно почитать?
Отв. Родителей, Богопоставленного Царя, духовных и светских начальников и всех старших.
Воп. Что на свете делать лестно?
Отв. Молиться усердно и работать честно.
Воп. Без работы плохо-ль жить?
Отв. Без работы быть – даром жить.
Воп. Худо-ль воровать?
Отв. Лучше по миру собирать, чем чужое брать.
Воп. Много ли проку в зависти?
Отв. В лихости и зависти нет ни проку, ни радости.
Воп. Что тому, кто малым недоволен?
Отв. Кто малым недоволен, тот и большего не достоин.
Воп. Чем нам руководиться в жизни?
Отв. Заповедями христианскими.
Воп. Какие заповеди дал нам Христос Спаситель?
Отв. Заповеди блаженства.
Воп. Сколько заповедей блаженства?
Отв. Заповедей блаженства девять.
Воп. Чему в них Господь учил?
Отв. Смирению, покаянию, кротости, правдивости, чистоте и милосердию, миролюбию, терпеливости.

Остается сказать о противосектантском катихизисе для курсов. Таковой издан «Верностью» под заглавием: «Образец здравого учения», составил Н. Варжанский под нашей редакцией; цена ему 12 коп.; о книге

имеются весьма одобрительные отзывы и рецензии известного миссионера епископа Сильвестра (Ольшевского), игумена Сергия, о. Колосова и др. Она весьма удобна также для двухклассных и второклассных школ, в которых изучается сектоведение, и как показал опыт, легко усваивается слушателями.

Для истории и обличения социализма изданы составленные протоиереем И. Восторговым брошюры для народа: 1) «Можно ли христианину быть социалистом?» цена 1 коп.; 2) «Берегитесь обманных речей», цена 5 коп.; книги для руководителей курсов: 1) «Противосоциалистический катехизис», цена 50 коп.; 2) «Христианство и социализм», цена 20 коп.; 3) «Христианский социализм», цена 25 коп.; 4) печатается обширная работа по истории социализма»¹³⁶.

Сверх того, имеются в складе «Верности» книги, переведенные митрополитом Владимиром: Флейшман – «Против социал-демократии», Хесле – «Беседы священника с рабочим и крестьянином». Последнюю книгу особенно рекомендуем как весьма полезную для пастырей.

В заключение я могу сказать собратьям-пастырям одно: попробуйте только раз завести народно-катехизические или народно-миссионерские курсы; возьмите хоть несколько человек для обучения, проведите через 4–6 месяцев правильного обучения: ручаюсь, что потом от этого святого дела и радостного труда сами уже не отойдете. Вы увидите преданных прихожан, отличных и осведомленных сотрудников по миссии, воистину чад духовных, любовно преданных Церкви и пастырю. Вкусите и видите; прииди и виждь, – вот единственно путь к тому, чтобы убедиться в пользе курсов. Надо собирать чад Церкви, скреплять их, единить пасомых, вооружать духовным оружием, и тогда мы будем пастырями, а не требоисправителями, не формальными лекторами-проповедьяками с церковной кафедры, а будем стоять в центре живого дела, окруженные живыми людьми, близкими нам, верующими и ревностными, – и тогда посрамится всякое сектантство. Тогда будет успешна борьба с тем, что может быть, опаснее открытого сектантства: с сектантствующим настроением, с сомнениями и недоумениями, которые часто долго живут среди членов Церкви, постепенно охлаждая их преданность православию, пока без видимого и открытого разрыва с ним, практически отчуждают их от союза с Церковью – и потом обуславливают в будущем уже прямое, но яркое и упорное отпадение в сектантство. Тогда не будет упрека со стороны отпадших, который часто слышится теперь при увещаниях остаться в православии, не будет таких заявлений об уходе из Церкви: «ведь нас никто ничему не учил в православной Церкви, а если останемся,

опять никто учить не будет»... Нужна, безусловно нужна специальная миссия, нужны специальные миссионеры, но их одних мало, с ними вместе, как воины с вождями, должны идти люди Божии, к коим так часто обращает Церковь Свои воодушевляющие призывы, указывая на Первоводдя всех подвижников миссии Христа, Царя Церкви: «Дерзайте убо, дерзайте, людие Божии, ибо той победит враги, яко всесилен».

Вероисповеданный вопрос¹³⁷

Не по Уложению о Наказаниях, не по циркулярам, и не по примерам Запада надобно разрешать этот вопрос в России. Надо посмотреть в него гораздо глубже и сообразно религиозно-нравственному сознанию нашего русского православного народа.

Государство имеет подданных; подданные управляются законами государства; законы же для своего содержания должны иметь какой-либо источник.

Но подданные государства в тоже время являются и сынами Церкви, и по совести своей должны исполнять заповеди и наставления Церкви.

Если источник заповедей Церкви и законов государства один, то есть Божие слово, то в совести подданных, нет и не может быть конфликта и раздвоения. Если же государство, объявляя полную веротерпимость, свободу пропаганды не только всяких вер, но и неверия, таким образом, уже отходит от святого и вечного источника законодательства, то оно черпает содержание закона из мнений большинства, из воли народных представителей, из модных господствующих философских, или социальных учений. Заповеди же Церкви по-прежнему покоятся на слове Божиим. Что же выходит? Между законами гражданскими и религиозными велениями совести происходит разноречие, столкновение несогласие, – и тогда как поступить гражданину?

Он должен нарушить или долг религиозный, или долг гражданский.

Лучшие не согласятся поступиться требованиями совести; худшие с легким сердцем преступят их.

Итак, на кого же рассчитана такая веротерпимость? На худших. А эти худшие будут ли надежными слугами государства? Изменив легко Богу, еще легче они изменят и человеку. Вот конец нового направления вероисповедного законодательства.

Государи византийские требовали иногда от подданных следовать разным ересям, ими выдуманнами, – моноселитству, иконоборчеству. Что же вышло? Ослабление, разделение Византии и падение ее. На Западе бывало так, что государи требовали одного, а папы – другого, и разрешали подданных от присяги королям, налагали интердикты на целые страны. Что вышло? Ослабляли и папство, и государей Европы. Не потому ли и теперь западноевропейское законодательство вероисповедное, столь завидное для русских прогрессистов, покоится на шатком основании народоправства и является внеконфессиональным, что там давно приобрели

печальную привычку жить в духовной раздвоенности? Теперь для чего-то потребовалось к этой раздвоенности приучать и русский народ.

Варфоломеева ночь и сицилийские вечерни, однако, ярко указывают на то, что бывает среди людей при религиозных разномыслиях. Зачем же их насаждать, укреплять или пассивно поддерживать отсутствием противодействия?

Социализм уверяет, что он религии не трогает, и что религия, с его точки зрения, есть частное дело. Вы видели, что частным делом оно не может быть по своему существу. Религия не может быть половинчатой, она захватывает окрашивает и направляет всю жизнь человека. Ей нужно или отдать все, или ничего. Вера или неверие, с Богом или против Бога: середины нет.

Такую-то невозможную по существу середину и желает создать новое европейское вероисповедное законодательство, пересаживаемое в Россию, и оттого-то предупреждать государство от вступления на таковой путь есть долг всякого верующего сына Церкви и всякого истинного патриота.

Послесловие к тому IV

В настоящий том, вопреки предположениям, не могли вместиться все мои церковно-публицистические статьи и статьи, касающиеся миссионерства, поэтому продолжение их будет посвящен еще один том – шестой, а дальнейшее печатание проповедей, начиная с 1909 года, таким образом, будет продолжаться с седьмого тома.

В связи с значительным увеличением томов «Полного собрания сочинений», цена на все собрания будет увеличена, отдельные же тома оставлены в прежней цене – по 2 руб. 50 коп.

Протоиерей И. Восторгов.

Примечания

- ¹ - Написано в 1887 году.
- ² - Существуют раскольники-поповцы, не приемлющие австрийского «священства» и доселе пользующиеся «беглыми от Великокороссийской Церкви попами».
- ³ - О всех этих безобразиях раскольничьих попов во время, предшествовавшее появлению австрийской иерархии, см. у проф. Ивановского, в его «Публичных лекциях об австр. священстве», помещенных в «Правосл. Обозр.» 1868 г. т. XXXVI.
- ⁴ - Эти правила приводятся ниже
- ⁵ - Эта мысль вполне подтверждается и церковными канонами; см. VI-го Всел. Соб. пр. 20-е.
- ⁶ - Правила эти собраны в изданной в Петрограде книге, которая носит название «Беседы к глаголемому старообрядцу».
- ⁷ - Подобный взгляд не раз проводился некоторыми более беспристрастными раскольниками в задушевной переписке между собой еще в 30-х годах настоящего столетия. См. вышецитируемые лекции проф. Ивановского.
- ⁸ - Собрание сочинений архим. Павла Прусского, ч. 1. стр. 683.
- ⁹ - См. проф. Субботина: «История Белокриницкой иерархии».
- ¹⁰ - «История Белокр. иерархии» Субботина.
- ¹¹ - См. «Публичные лекции об австрийском священстве» профес. Ивановского. («Правосл. Обозр.» 1868 г., т. XXXVI. стр. 214)
- ¹² - В таком виде приводят раскольники выдержку из указанного правила, придерживаясь чтения принятой и уважаемой ими книги «Кормчей»; в нашей «Книге правил», заменившей собой «Кормчую», это место читается несколько иначе, хотя смысл и в том и в другом чтении остается один и тот же.
- ¹³ - См. «Беседы к глаголемому старообрядцу», стр. 126.
- ¹⁴ - Собрание сочинений. ч. I. С. 677.
- ¹⁵ - Речь на публичном акте Елисаветпольской гимназии в 1895 году.
- ¹⁶ - См. книгу Лопухина: «Законодательство Моисея».
- ¹⁷ - Сказано на торжественном акте Елисаветпольской гимназии, в октябре 1896 г.
- ¹⁸ - Сын беднейшего дьякона Тульской губернии, умершего, когда

митрополиту Исидору было всего 3 недели от роду, терпел ужасающую нужду, так что получал иной раз подавание, лапти от прохожих. Об этих неведомых благодетелей покойный любил вспоминать потом и в молитвах, и в частных разговорах.

¹⁹ - Писано в 1900 г.

²⁰ - Писано 13 января 1901 г.

²¹ - Писано 14 января 1901 г.

²² - Писано в Тифлисе 18 января 1901 г.

²³ - Сказано в Тифлисе в собрании Отдела Общества в 1901 г.

²⁴ - Ст. в «Духовн. Вестн. Грузинского Экзарха»

²⁵ - Азимптом значит: линия, которая, усиленно приближаясь к кривой и простираясь хотя бы до бесконечности, никогда не может с ней встретиться.

²⁶ - Напечатано во II-м томе «Полного собрания сочинений», стр. 145.

²⁷ - В апреле месяце 1608 г.

²⁸ - См. том, II «Полн. собр. соч.», стр. 210.

²⁹ - Оконская, по русски называемая Оконская икона, вероятно, принесена в Грузию во время турецких зверств из гор. Иконии (откуда и получала название) в Мал. Азии, где была колыбель христианства и где раздавалось проповедное слово ап. Павла в его первое и второе путешествие. (См. Деян. Апост., гл. XVI и д.)

³⁰ - Выписывать можно от автора: Петроград, церковь Спасо-Преображения, за Московской заставой. Цена 25 коп.

³¹ - Желающим иметь руководство для правильного устройства кладбищ можно указать на ст. протоирея Замятия: «Правила устройства и пользования кладбищами». (Можно выписывать из редакции «Вятск. Епарх. Ведомост».)

³² - В записке вице-адмирала Серебрякова от 11-го декабря 1852 г., напечатанной в X т. «Актов Кавк. Археогр. Ком.». (стр. 240), имеются указания, что магометанство начало усиленно распространяться среди горцев западного Кавказа только с 1820-х годов; до этого же времени у них сохранялись весьма заметные следы христианства с примесью остатков язычества.

³³ - Селезнев: «Рукоп. К позн. Кавк.», т. I, стр. 59–66, 103–185; Груз. Летоп., изд. Босс, свид. Евсевия и Иеронима.

³⁴ - По словам Евсея, апостол «был убит суанами близ Диоскур (Сухум) и погребен в Никопси». Снанеты («суаны»), еще по свидетельству

Пливия, владели землями близ (30 верст) Диоскур.

³⁵ - Понеже, – говорится в одной рукописи, – все святогорские отцы, советовавшие с собою за высоким благословением святейшего господина отца кир Гавриила, патриарха Цареградского, избраша единому быть между греческими и болгарскими монастырями, русским, дабы отовсюду приходящие стравники, хотящие там быти, при нем пребывание имели (Рукоп. архим. Варлаама 1705 г.).

³⁶ - Хождение на Афон и пребывание там русских продолжались во все века, с XI до XIX. Ученик св. Сергия – Епифаний, совершивший путешествие на Восток, был на Афоне в XIV в. Рукописные сказания паломников, посещавших Царьград, Афон, Палестину, существуют уже в XV веке, например «Хождение Зосимы, иеродиакона Троице-Сергиева монастыря» (1420 г.) С XVI века хождения афонцев в Россию повторяются чаще, и они составляют свои описания Афона для русских (Исаия в XV в. и в XVI в. при Грозном игум. Паисий и друг.). Известно, что и Максим Грек, это светлое явление в русской истории, прибыл в Россию с Афонской горы, где предавался научным занятиям.

³⁷ - Курсив подлинника.

³⁸ - Сухумская городская школа.

³⁹ - См. отзыв обер-прокурора 3-го февраля 1877 г., запрос экзарху Грузии 4-го марта 1877 года, ответ экзарха после сношений с имеретинским епископом и рапорт его Свят. Синоду 31-го декабря 1877 года, доклад Наместнику 8-го февраля 1878 года.

⁴⁰ - В газете «Русь» за 1883 г. помещена статья об Абхазии; здесь отмечено благотворное влияние обители на туземцев в смысле приучения их к труду. Абхазец, который прежде чуждался труда, «которого ни за какие деньги нельзя было прежде нанять для сельской или иной работы», теперь охотно идет в монастырь, работает вместе с монахами, учится у них приемам хозяйственного труда и, усвоив себе те или другие познания и навыки, возвращается домой и заводит у себя, на своей богатой и благодарной земле, хозяйство – подобие монастырского. (См. книгу А. Л. об Абхазии).

⁴¹ - Две такие школы уже существуют; обитель отпустила на их содержание вечным вкладом 20 000 руб. в распоряжение Сухумского епархиального училищного совета.

⁴² - Архим. Иерон предлагает теперь отпускать от обители ежегодно 5 000 руб. на содержание стипендий абхазцев и абхазок в различных духовно-учебных заведениях и второклассных школах. Великий дар!

⁴³ - См. II том «Полного собрания сочин.», стр. 244.

⁴⁴ - См. II том «Полн. СОБР. Соч.», стр. 250.

⁴⁵ - Из отчета о ревизии церковных школ в Грузинском экзархе в 1904 г. Подробные отчеты см. «Приложения» к IV т. «Полное СОБР. Сочин.».

⁴⁶ - Поступили пожертвования от педагогического персонала Тирзнинской второклассной школы, Душетских школ, Михайловского греческого прихода Эрмванской губернии и друг.

⁴⁷ - Государь, весьма любивший древние церковные памятники, много потрудился для возобновления некоторых из них, а для собрания этих памятников в его именно царствования изданы определенные правила относительно охранения имеющихся в церквях и монастырях предметов древности и относительно сношений с Археологической Комиссией и с Академией Художеств в случаях реставрации памятников древности. (Указы Св. Синода 10 октября – 16 ноября 1890 года и 21 сентября – 16 ноября 1894 года).

⁴⁸ - Отзывы иностранцев о покойном Государе и некоторые мысли и выражения заимствованы автором из слов прот. П.Я. Светлана в 40-й день по кончине Государя, напечатанного в «Душепол. Член.» за 1894 год.

⁴⁹ - «Акты Кавк. Археогр. Компесс». I. 151 стр.; ср. «Гражд. управл. Закавказьем» Иваненко изд. Кавк. Окр. Штаба, т. XII-й. стр. 4–5.

⁵⁰ - По списку в «Акт Кавк. Археогр. Ком.» т. I, № 161, членов царского дома при последнем царе Георгии XIII насчитывалось до 80; но сюда нужно прибавить огромную царскую родню.

⁵¹ - См. книгу: «Последние годы царств. Георгия XIII» Кишмишева.

⁵² - Модзалевский: «Очерки по истории просвещ. На Кавказе» в «Памятн. Книг Кавказск. Учебн. Окр.»

⁵³ - В Грузии в год присоединения ее к России было 13 епархий и при множестве старинных монастырей всего 75 монахов, считая и архиерейские дома с братией; стремление к иноческой жизни угасло в народе. См. у еп. Кириона: «Кратк. Оч. Истор. Груз. Церкви в XIX стол». Стр. 40. Белого духовенства было, наоборот, чрезмерно много: при 80 000 грузин было у них 746 священников, 146 диаконов и 661 церковников; ясно, что это духовенство было нищим и невежественным и только без нужды обременяло народ, и без того разоренный, и совершенно не способствовало просвещению. Могли бы помогать делу монастыри, многочисленно в крае, но они, как видно из вышеизложенного, были пусты.

⁵⁴ - К сожалению, в последнее время после того, как окончившим курс Ардонской семинарии открыт доступ в некоторые высшие учебные заведения, число кандидатов в священники и учителей из осетин сильно сократилось; к тому же по некоторым причинам и, главным образом, вследствие повышения требований на приемных испытаниях в семинарию, южные осетины совсем почти перестали поступать в нее. Следствия очень печальны: в последние два года некого ставить в священники в осетинские приходы, в экзархате некого посылать учителями в осетинские школы.

⁵⁵ - «Тифлисский Листок». 1903 № 59.

⁵⁶ - Напечатано во II томе «Полного Собрания Сочинений». Стр. 477, под заглавием «Благо в смерти».

⁵⁷ - Собрание имело целью обсуждение указ Св. Синода об оживлении приходской жизни.

⁵⁸ - Линский: «Полит. Словарь», стр 241.

⁵⁹ - См. указанное сочинение Рейснера, стр. 409.

⁶⁰ - Анатолий Франс: «Отделение церкви от государства».

⁶¹ - Впрочем, президент обязательно должен быть христианином; еврей, мусульманин, язычник президентом быть не может. Таким образом, и здесь нет безусловного паритета.

⁶² - Стр. 30, 35.

⁶³ - См. например, литературно-философский сборник «Свободная совесть» и в нем статьи гг. Котляревского, Эртеля и особенно Астрова, стр. 313; журн. «Новый Путь» за 1903 г., ст. К. Арсеньева «Свобода совести и веротерпимость».

⁶⁴ - Рейснер: «Государство и верующая личность» стр. 6.

⁶⁵ - Ibid., стр. 11.

⁶⁶ - Познышев, стр. 88.

⁶⁷ - Герссен и Нольде: «Современные конституции».

⁶⁸ - Ibid., стр. 354.

⁶⁹ - Познышев, стр. 88.

⁷⁰ - Ibid., стр. 63.

⁷¹ - Познышев, стр. 90.

⁷² - Рейснер: «Государство и верующая личность», ст. 422.

⁷³ - Кн. 1, ст. Котляревского, стр. 193.

⁷⁴ - Чичерин: «История политич. учений», I, 424.

⁷⁵ - Цитир. по К. Каутскому «Т. Мор и его «Утопия». См. Познышева,

стр. 74–75.

⁷⁶ - Подробности считаем излишними. Интересующиеся найдут их в сказанном сочинении Познышева, стр. 164–196; здесь приложена и сравнительная таблица религиозных деликтов и наказаний за них в разных государствах.

⁷⁷ - См. у Познышева, стр. 119, и у Рейснера в последней статье, стр. 422.

⁷⁸ - Указание на то, что при обработке земли духовенство иногда прибегает к наемным рабочим, не имеет смысла: разве можно проследить за всеми земледельцами России, кто из них исключительно своими руками работает над землей, а кто по старости, болезни, малосемейности и другим случайным причинам, вынужден нанимать рабочие руки для обработки земли или уборки хлеба.

⁷⁹ - Припомним, что один из радикальных газетных писак недавно приписал «Горе от ума Фонвизину»... Помню одного такого же оратора по церковному вопросу: он бросал историческими справками и фактами, он сыпал ими в речи, как из рукава и... оказалось, смешивал патриарха Филарета с митрополитом Филаретом...

⁸⁰ - Все это – выдержки из либеральных циркуляров одного из попечителей учебного округа весьма недавнего времени.

⁸¹ - Недавно знакомый рассказывал мне, что книги Ренана разложены для пользования публики на столах в приемных у нескольких евреев – дантистов и дантисток города Москвы. Даже этим путем идет пропаганда неверия!

⁸² - Справедливо было бы Гурию отчислить к Имеретинской епархии по тождеству языка имеретин и гурийцев, и епархии называть по имени городов, а не племен. Ни древняя Церковь, ни теперешняя практика на православном Востоке и в России не знают таких наименований епархий и епископов по племенам.

⁸³ - См. у проф. Заозерского «О церковной власти», у проф. Курганов, Скабакевича в сочинениях «Об отношениях властей церкви и государственности в Византии».

⁸⁴ - Можно вставить для легкости усвоения лишний вопрос: Чем соединены члены Церкви?

⁸⁵ - В этот день на гробницу о. Иоанна была возложена св. икона святителей Московских, принесенные в дар и в молитвенного и благоговейного почитания покойного пастыря от всех Московских

патриотических союзов Икона больших размеров, древнего письма, работы известного В. П. Гурьянова, на золотом чеканном фоне; поставлена в киот и перед нею возложена неугасимая лампада.

⁸⁶ - «Христианская философия», стр. 97.

⁸⁷ - По окончании службы одна добрая душа вручила говорившему пакет, в котором оказалось 100 руб. Об этом было сообщено игумене Ангелине и причту, и говорившей, приложено еще 100 руб., внес их, как первую лепту, для устройства будущего хранилища (музея) имени о. Иоанна. От имени Московских патриотических союзов внесена была сумма и на обеды бедным в память незабвенного батюшки о. Иоанна.

⁸⁸ - Статья, напечатанная в газете «Колокол» за 1909 г., № 872.

⁸⁹ - В начале 1909 года была совершена поездка по обширной Сибири, Китаю, Корее Манчжурии в целях ознакомления с духовными нуждами православных. Печатаемый материал был передан в Московские и Петроградские газеты по телеграфу, а потому носит сжатый характер.

⁹⁰ - Нужные брошюры: архиеп. Макария, еп. Никодима и прот. И. Восторгова по этому вопросу имеются в Братстве Воскресения Христова в Москве (Лихов пер., Епарх. дом) и продаются все за 20 коп.

⁹¹ - В русской литературе имеется прекрасная и обстоятельная работа, выясняющая начала монархического строя, а именно: «Монархическая Государственность» Л. А. Тихомирова, в четырех частях. Большой объем книги и высокая ее цена делают ее доступной лишь немногим. Кроме того, язык книги не приспособлен к пониманию широких народных масс. Вследствие этого мы делаем краткое изложение главных мыслей указанного сочинения в катехизической форме, что значительно облегчает понимание и усвоение предлагаемого материала.

⁹² - «Власть, с одной стороны, и подчинение – с другой вовсе не являются непременно результатом какого-либо насилия, подавления одной личности другой. Как замечает К. П. Победоносцев (Московский Сборник), в сложной натуре человека есть, между прочим, несомненное искание над собой власти, которой он мог бы подчиниться. Это – сила «нравственного тяготения», «потребность воздействия одной души на другую». «Сила эта – замечает автор, – естественно, без предварительного соглашения, соединяет людей в общество». Она же «заставляет в среде людской искать другого человека, к кому приражаться, кого слушаться, кем руководствоваться». «Это очень глубоко подмеченная черта нашей психологии, – черта, которую можно назвать женственной, но которая обща всему роду человеческому. Она вовсе не есть выражение слабости,

по крайней мере, по существу, но выражает поэтическое созерцание идеала, искомого нами и чарующего нас в частных воплощениях своих, вызывающего наше преклонение и подчинение, ибо идеалом нельзя владеть, а ему можно только подчиняться, как высшему нас началу. Эта черта, особенно у женщин, выражает, однако, целую серию общечеловеческих добродетелей: смирения, скромности, искренней радости при отыскании идеального, без зависти к тому, что оно выше нас, а с одной чистой готовностью поставить это высшее в образец себе и руководство. Подобно тому, как стремление в ненависти может породиться не только могучей силой, но также грубой необузданностью природы, демоническим тщеславием, так и стремление к подчинению не всегда является результатом слабости, но и лучших тончайших свойств природы нашей». (Л. А. Тихомиров: «Монархическая Государственность». Ч. I. 1905 г. Москва).

⁹³ - Для жизни каждому необходима уверенность в некотором, правильном порядке явлений, с которым можно было бы сообразоваться в своих поступках и расчетах. Как бы ни был какой-нибудь порядок несовершенен, или даже возмутительно несправедлив и жесток, – к нему все-таки возможно приспособиться, если известно, по крайней мере, заранее, что те или иные нелепости возведены в систему и существуют твердо. Тогда их по крайней мере можно стараться избегать, или хоть не тратить бесполезно силы на достижение того, что, благодаря данной твердо установленной несправедливости или нелепости, невозможно. Люди, благодаря чрезвычайному богатству своих внутренних сил, могут жить и развиваться даже при самых ужасных условиях, если только эти условия возведены в ясный и определенный порядок, все стороны которого заранее известны, а потому для каждого допускают возможность предвидения и расчета. Но если никакого порядка, даже нелепого, совсем нет, если все для всех является неожиданно, случайно, не допуская никакого предвидения, соображения и расчета, – жизнь становится невозможной. Конечно, полного отсутствия всякого порядка человечество никогда не знало, ибо при первых же признаках такой анархии люди немедленно начинают самостоятельно организоваться в доступные им группы, вводя в них доступный им порядок. В истории мы видим лишь очень относительные случаи анархии, но и в них человечество становится жертвой таких бедствий, что готово подчиниться скорее какой угодно жестокой и несправедливой власти, лишь бы только ее господство дало общий для всех и всем известный порядок. «Определенный порядок – это первая потребность человека в общественном состоянии. Для создания же

этого порядка необходимо, чтобы некоторая власть, способная к принуждению, привела произвольные личные хотения к подчинению некоторых общеместным и общеобязательным*. (Там же)

⁹⁴ - Л. А. Тихомиров: «Монархическая Государственность», ч. I. Москва, 1905 г.

⁹⁵ - Там же.

⁹⁶ - В таком положение была, например, французская монархия в конце XVIII веке. В таком положении находятся в настоящее время многие монархии. Во всех таких случаях правительство, организуемое верховной властью, может стать даже орудием переворота, ниспровержение этой верховной власти, ибо, действуя в духе какой-либо другой формы правления, правительство становится могущественнейшим ее пропатором в умах нации и постепенно заменяет, например, монархию демократией». В виду того, что «каждая организация, раз сложившись, стремится вырасти как можно больше, стать как можно более самостоятельной и, по мере возможности, господствовать над другими», правительственные учреждения, не отвергая в принципе своего подчинения верховной власти, «естественно стремятся быть фактически возможно более от нее независимыми и действовать самостоятельно. При всяком ослаблении политического искусства со стороны верховной власти, эта тенденция правительственных учреждений развивается до самых вредных размеров. Посему в истории борьбы магистратов и верховной власти занимает очень видное место. История Рима наполнена ею как во времена царей, так и по извержении их во времена республики. Наиболее полный образчик покорение верховной власти, магистратурой представляла Япония последних столетий (до переворота низвергнутого Сеогунов). Микадо, в принципе самодержавный, по внешности обоготворяемый, был превращен фактически в тюремного заточника в своем дворце и безусловно оттерт и от правления, и от народа системой магистратуры с Сеогуном во главе. В менее поразительных размерах то же явление замечается в истории многих монархий. В истории демократии оно еще сильнее. Так в современной Франции, – как и вообще в парламентарных странах, – народ, по принципу самодержавный, отстранен от всякого влияние на дела, и его воля почти не существует в них (за исключением минут революционных вспышек). В Северо-Американской республике это явление заметно иногда еще сильнее, особенно в восточных штатах» (Там же)

⁹⁷ - В. Чичерин: «Курс Государственной науки», ч. I.В

вышеуказанном своем труде Л. А. Тихомиров в следующих словах объясняет происхождение учения об «ограниченной» монархии: «Это конституционное учение – создание не объективной научной мысли, а требований чисто-практических, необходимости как-нибудь осмыслить политическое строение революционной эпохи XVIII и XIX веков, – сверх того испытало тяжелое давление со стороны бессвязной уличной мысли, соединившееся с давлением непродуманной теории «прогресса». Под такими спутанными влияниями у юристов явилось учение о том, будто бы современная эпоха создает в политике нечто невиданное, новое, «современное государство». На самом деле оно составляет не что-либо существенно новое, а есть лишь появление демократии в качестве верховной власти. Только поэтому и является требование «контроля» со стороны этих яко бы «подданных». На самом деле они в Европе – уже не подданные, а носители верховной власти: то же «правительство», которое (например) Влунчли, по старой памяти, продолжает считать «верховой властью», уже давно перестало ей быть, а стало лишь «делегированной властью», народным комиссаром, исполняющим веление верховной власти народа. Вот что имеется в действительности так называемого современного государства».

⁹⁸ - Л. А. Тихомирова: «Монархическая Государственность», часть I.

⁹⁹ - Приведенные здесь способы контроля намечены у Л. А. Тихомирова в вышеуказанном сочинении.

¹⁰⁰ - Там же.

¹⁰¹ - Там же.

¹⁰² - Там же.

¹⁰³ - «Значение религиозного элемента на социально-политическое творчество сохраняется и в настоящее время. Не говоря уже об огромной массе верующих различных вероисповеданий, даже и сами считающие себя неверующими выступают на политическо-социальную реформу с представлениями чисто-религиозного характера. Огюст Конт, создав свою «религию человечества», не сделался главой современности только из-за частностей своей религии. Но верование в некоторое коллективное существо – «человечество», вечно живущее в смене поколений и даже имеющее некоторый общий разум, глубоко засело в тех людей XIX века, которые отреклись от христианства. Точно также и современный социализм (марксизм) все более принимает форму обожествления материальных, сил производства. Когда мы вспомним, как чисто-атеистическая философия буддизма, отвергнув Бога, населила небо своими

обожествленными «мудрецами», – и только с той поры, т. е. перейдя из философско-нравственного атеизма в чисто-языческую религию, стала способна к социально-политическому творчеству, – то мы вовсе не найдем невероятным появление через 100–200 лет алтарей и «духов» Маркса и Энгельса в новом социалистическом язычестве производительных сил природы». (Там же.)

¹⁰⁴ - Характер деспотии носили древние монархии на Востоке. Им же отмечены монархии мусульманского мира. Согласно религиозной концепции ислама «Бог и человек помещены в двух противоположных полюсах существования, вследствие чего между ними нет филиации. Всякая реализация Божественного элемента, нисходящего к человеку, и всякое одухотворение элемента, восходящего от человека, – сами собой исключаются. Религия становится чисто-внешним отношением между всемогущим созданием и создателем, безусловно, чуждым свободы и обязанным лишь слепо повиноваться своему владыке (это и есть смысл арабского слова «ислам»). Этой простоте религиозной идеи соответствует столь же простое решение задачи социально-политической. Человек и человечество не имеют перед собой задач какого-либо прогресса. Нет никакого нравственного возрождения для личности и тем более для общества. Все принижено до уровня чисто-естественного существования. Идеал низведен до той степени, при которой возможно немедленное, непосредственное его осуществление. Мусульманское общество не способно иметь других целей, кроме развития материальной силы и наслаждения земными благами. Вся задача мусульманского государства – распространять оружием ислам и управлять правоверными абсолютной властью по правилам элементарной справедливости, изложенным в Коране». (W. Solovieff: «La Russie et l'Église universelle») Таким образом, вся нравственность здесь сводится к внешнему исполнению ряда правил, и такой простотою моральных требований ослабляется нравственный характер монархии, что яснее всего сказывается в порядке престолонаследия, по которому избранника высших сил может указать только успех, так как в успехе усматривается помощь свыше. Для направления действий этого избранника высших сил, по неясности воли последних, или, точнее, по неясности характера этой воли, не имелось указаний, кроме воли самого правителя. Проблески высшего Религиозного сознания порождают кое-какие признаки долга правителя. Но это – крупинки, которые у более нравственно-развитой личност могут создать высокий образчик правления, но не могут создать общего идеала царя. В конце концов, для Востока Чингис-Хан и Шах-Надир столь же идеальны,

как Гарун-Аль-Рашид». (Л. А. Тихомиров: «Монархическая Государственность», ч. I.)

¹⁰⁵ - Там же.

¹⁰⁶ - «Так, например, демократы, выражающие мнения, дух и стремления количественной силы нации, естественно должна поддерживать все условия, при которых количественная сила большинства сохраняет способность преобладать над силой качественной, или нравственно-идеальной. Масса народа в демократии должна быть как можно выше. Все проявления аристократии умственной или какой бы то ни было – опасны для демократии (как верховной власти). Господство над умами и совестью какого-либо авторитетного нравственного идеала, способного стать более авторитетным, нежели народная воля, – столь все опасно. Политика уравнивания существенно необходима для сохранения демократии в качестве власти верховной. Аристократы, чтобы оставаться государственной верховной силой, должны и в действительности поддерживать качественное превосходство свое. Одни привилегии и фактическое господство не могут упрочить ее, и она должна в политике своей преследовать цель оставаться качественно высшей силой, как сословие гражданское, военное или промышленное. В свою очередь, и монархия для развития и поддержания своего, должна опираться на силы, именно ей свойственные. Так, например, и для монархии нужна могущественная организация управления, высокое техническое, соединяющее единство действие с совершенством социальных властей и т. д. Но прежде всего монархии приходится заботиться о своей способности быть выразительницей высшего нравственного идеала, а, следовательно, заботиться больше всего о поддержании и развития условий, необходимых для сохранения в народе всех высших идеальных стремлений и тех условий, которые для самого монарха наиболее обличают возможность чутко и наблюдать душу народную, чтобы быть всегда с ней в единение. История полна примерами падения монархии, не сознающих первенствующей важности условий этого порядка. Известно, как часто подрывает монархию иногда даже разделяемая ею носителями распущенность придворных нравов. Также обычная ошибка – устремление всего внимания на развитие безусловности власти и организации правительственного механизма в таком направлении, чтобы эта централизованная правительственная машина могла взять на себя исполнение всех жизненных функций нации. Между тем, эта идея правительственного всевластия есть именно глубоко демократическая, и увлечение ею

монархическими правительствами более всего подготовило почву для социальной демократии. (Там же.)

¹⁰⁷ - Там же.

¹⁰⁸ - Б. Чичерин: «Курс Государственной науки».

¹⁰⁹ - Русская монархия представляет очень замечательный и поучительный образчик постановки династичности. У нас, вследствие господства родового начала, при возникновении государственности на дело верховного управления был сразу призван целый род, целая династия, не один Рюрик, но вместе со своими братьями. С этим правящим родом русская нация родилась, сложилась, выработала все основы, с ним она падала и воскресала и, в конце концов, так сжилась, что не представляла себе своей монархии без этой вечной династии. Но вот в действительности она пресеклась. И что же? Народ прямо не признает этого факта. В этом отношении грамота об избрании Михаила Феодоровича Романова представляет документ очень любопытный по своему внутреннему смыслу. Внешний исторический факт, несомненно, и заведомо для всех членов земского собора и для всех местных собраний, с которыми сносились члены земского собора, и вообще для всего русского народа, сходившиеся на эти собрания, состояла в том, что Михаил Федорович избран на царство. Могли избрать иного, были и другие кандидаты. Но грамота об избрании Михаила Феодоровича с Рюриковичами подробно перечисляет зато всех наших великих князей и царей, даже ранее Владимира святого. Исторически тут можно привести немало критики. В грамоте упоминается даже «прекрасно цветущий я пресветлый корень Августа Кесаря», от которого при прежних царях легендарно производили Рюрика. Дойдя, наконец, до Феодора Иоановича, грамота не скрывает, что Михаил Феодорович – только «сродич» его, но делает его в такой форме, что подучается впечатление наследственности. «Все православные крестьяне всего Московского государства, от мала и до велика и до сущих младенцев, яко едиными усты вопияху и взываху, глаголюще, что быть на Владимирском и на Московском, и на Новгородском государствах и царствах и т. д... Государем Царем и Великим Князем всея Руси Самодержавцем прежних великих и т. д. царей, от их Царского благородного корени блаженной памяти и хвалы, достойного Великого Государя Царя и Великого Князя Федора Иоановича всея Руси Самодержца сродичу, благоцветущей отрасли от благочестивого корени родившемуся – Михаилу Феодоровичу Романову Юрьеву». И вот Михаил Феодорович как бы входит в прежнюю династию. В этом кроется глубокий

смысл и великая сила. Такое постановление всего народа, включительно «младенцев» (что фактически и заведомо для всех есть невозможность), это твердое решение есть факт психологический, который не менее реален, чем факт генеалогии, ибо, благодаря ему, преемственность действительно остается духовно-непрерывной». (Л. А. Тихомиров: «Монарх. Государств.», ч. IV.)

¹¹⁰ - Когда бюрократия умеет оградить себя от надзора, она характеризуется четырьмя главными отрицательными свойствами: она рассматривает и решает всякое дело не с точки зрения пользы государственной, а с точки зрения того поста, на котором ей досталось данное дело в руки; во-вторых, она постоянно заботится и изоощряет свои способности и изобретательность в том, чтобы в каждом деле отклонить от себя в нем ответственность; для этого, в-третьих, она изоощряется в придумывании способов обхода законов, и установлений, чтобы, например, направить дело помимо установленных учреждений, заручиться предрешением дела, совсем отклонить от себя дело, затянуть его перепиской с другими ведомствами и т. п. В-четвертых, она направляет свои способности, знания и таланты не к достижению наиболее полезного для народа и государства способа окончательного разрешения дела, а к выставлению его сегодня в одном свете, а завтра в другом, смотря по меняющимся вкусам меняющегося начальства, причем достигает виртуозности в баллотировании взглядами на дело и в придумывании компромиссов, откладываящих полное разрешение его. Стараясь сбросить с себя ответственность или обойти законы, представители бюрократии охотно доводят дело до верховной власти, подписью которой часто и прикрывается то, что ответственная власть должна была бы исполнить сама. Все это ведет к тому, что никакая власть уже не действует самостоятельно за свой страх и совесть... Отсюда невероятная волокита в делах. Явилось множество способов и приемов, вошедших в плоть и кровь бюрократии, как, например, канцелярская отписка, разные препирательства о подведомственности дела и всякая ненужная переписка, чтобы только столкнуть с себя дело или ответственность, заставить дело скитаться годами, без результата, по канцеляриям. При таких условиях кто же считается «талантливым» чиновником? Тот, кто всего изобретательнее в лабиринте способов свалит с себя и начальства дело, или по крайней мере ответственность за принятую меру на других, если бы даже для того потребовалось вовлечь в эту ответственность самого монарха, прикрывшись его санкцией. Одно из вреднейших последствий этого – то, что при таких условиях часто нельзя в мероприятиях правительства

разобрать докуда вовлечена в них власть монарха, где кончается она и начинается власть правительства? Отсюда невозможность гласности и представления публичного обсуждения действий правительства. С другой стороны, последствием ослабевшей действительности является усиливающееся хищение... Виноватых в большинстве случаев не оказывается, и редко кто несет ответственность за свои действия». (Н. П. Семенов: «Самодержавие как государственный строй». СПб. 1905 г. Издано на правах рукописи.)

¹¹¹ - Л. А. Тихомиров: «Монархич. Государств.», ч. IV

¹¹² - Классы – такие социальные группы, которые не признаны государством, как сословия, и могут стать сословиями, когда они признаны государством.

¹¹³ - Л.А. Тихомиров: «Монархич. Государственность», ч. IV.

¹¹⁴ - В четвертой части «Монархия. Государственности» Л. А. Тихомиров, согласно материалам, которые дает Брайс в своем сочинении «Американская республика», следующим образом описывает владычество партий в Америки: «Партии захватили здесь все общественные должности не только центрального, но и местного управления». «Политика сделалась такой же прибыльной профессией, как адвокатура, маклерство, торговля шерстяными материями, составление промышленных компаний». Политиканы в результате своих стараний, получают должности на жалованье. Сверх того, «всякий занимающий значительную должность на федеральной службе, в штате или муниципиях, в особенности же член конгресса, находит случай оказывать услуги богатым людям или компаниям, а за эти услуги его вознаграждают втайне деньгами». Насколько велики доходы политиканского чиновничества, видно из громадных сумм, которые они охотно уплачивают своим партиям за получаемые через них «выборные» якобы народом должности. Избирательные расходы покрываются партийными сборами со всех политиканов, сообразно с выгодами мест, которые они добиваются получить. Так, за должность судьи в Нью-Йорке политикан уплачивает партии около 15 000 долларов, за окружного стряпчего – 15 000 дол., за члена конгресса – около 4 000. В 1887 г. демократические кружки Нью-Йорка потребовали за должность контролера – 25 000 дол., за назначение в сенаторы (штата) – 5 000 дол., между тем, контролер получает ежегодно жалованья 10 000 дол., следовательно, за три года – 30 000, из коих он уплатил партии 25 000, так что ему остается «честного» дохода всего 5 000 дол. на три года, по 1 600 дол. в год! В Америке хороший рабочий

получает больше, и, конечно, не из-за этой жалкой суммы политикан добивается несколько лет дорваться, хотя бы всего на три года до места контролера... Сенатор же получает всего по 1 500 дол. в год и выбирается всего на два года. Следовательно, он на своем месте получит только 3 000 дол., а уплачивает за него 5 000 дол. Ясно, что этот убыток покрывается очень недурными «доходами». В виду того, что при конкуренции партий, постоянно чередующихся в захвате общественных должностей, места непрочны, то, получая их, ставленники пользуются, чтобы нажиться «в запас». «По всему вероятно, – говорит Брайс, – более 200 000 людей занимаются исключительно политикой и добывают этим способом средства к существованию». Весь слой этих деятелей пользуется в Америке общим презрением порядочных людей за свою безнравственность и беспринципность. Вопросы о долге общественном, пользах отечества и т. п. для них не существуют. Вся задача «политики» – в получении мест и нажив. В политиканских кружках, которые составляют самую душу партий, руководителями бывают даже иностранцы, так как «кружки», всем ворочающие, составляют организацию почти тайную, которая даже предпочитает неизвестность, чтобы тем удобнее крутить по своему париями. Эти полуконфиденциальные кружки составляют самую суть партии. Они не только доставляют лучшие места для своих членов, но стараются наложить свое иго на весь город, замещая городские должности, своими креатурами и заставляя законодательное собрание штата издавать такие статуты, которые нужны для кружка. Влияние их громадно. Начальник кружка раздает должности, награждает за преданность, наказывает за неповиновение, составляет план кампании, ведет переговоры о заключении трактатов. Он обыкновенно избегает гласности, предпочитая сущность власти ее блеску, и опасен для противников особенно тем, что скрывается, как паук за паутиной. Это начальник кружка Boss. Иногда случается, что весь штат подчиняется влиянию такого интригана. Это всегда человек очень способный, почти всегда принадлежит к числу членов конгресса, чаще всего член федерального сената. Президенту республики знакомо его имя, министры за ним ухаживают, а между тем, это – всегда самый отпетый в нравственном отношении карьерист. Но эти люди – «звезды» в небе политиканства. Внизу партий гнездятся личности, которых уже никто прямо на порог не пустит. «В бедных Нью-йоркских кварталах политические кружки нередко состоят из преступников, их родственников и сообщников... Президентом одной сильной полуполитической ассоциации был вор по профессии». «И вот организации таких людей владеют самодержавным американским

народом!» – восклицает Л. А. Тихомиров.

¹¹⁵ - Л. А. Тихомиров: «Монарх. Госуд.», ч. IV.

¹¹⁶ - Там же.

¹¹⁷ - Одна из «прогрессивных» партийных газет в России – «Речь» (орган к. д. партии) с циничной откровенностью заявила «Если то или другое лицо нельзя устранить и обвинить никакими средствами, остается одно – клевета».

¹¹⁸ - Д. Х.: «Самодержавие». Опыт схематического построения этого понятия.

¹¹⁹ - Правила 26 января 1804 года.

¹²⁰ - Указ Св. Синода 29 окт. 1836 г.; § 14 Уст. дух. консистор. 1841 года.

¹²¹ - В 32 000 приходах насчитывалось тогда 21 420 школ с 413 524 учащимися.

¹²² - Постановление Мышкинского земства 3 сент. 1870 г.; отчеты Углического, Мологского, Пошехонского земств. См. брош. свящ. К. Рождественского: «Слово правды о церк. школе, изд. 2, стр. 15–18.

¹²³ - Автор из времени собственного детства и обучения в тогдашней школе мог бы привести и указать весьма характерные в этом отношении факты. Но живы еще люди, нас учившие...

¹²⁴ - Дед автора этой статьи, дьякон, жил и питался исключительно платой за обучение детей, каковых имел до 70-ти.

¹²⁵ - В 1884 году на церковные школы было отпущено от казны всего 55 000 р. в год (при 5 500 школах), в 1893 году, при наличии 27 000 церк. школ, на них было отпущено из казны 175 500 руб. в год.

¹²⁶ - Приведенная аргументация остается в силе и в случае предположенного повышения отпуска по 10 миллионов Минист. Народного Просвещения в течение 10 лет.

¹²⁷ - Примеры Франции и Италии, однако, могут соблазнить левую и наших законодателей, и отобрание школ, церковных земель, имуществ – вовсе не так несбыточно, по крайней мере, в намерениях русских прогрессистов: речи, раздавшиеся в I-й Государственной Думе, показали, что «свобода» предназначена во всяком случае не для Церкви...

¹²⁸ - Из брош. М. Х. «Недовольным успехом церковной школы», стр. 18.

¹²⁹ - Так было в 1900 г., когда писалась эта статья.

¹³⁰ - Как было, по крайней мере, до 1900 года.

¹³¹ - «Начальное образование в Ярославской губ. за 1896–7 учебн. год» изд. Ярослав. губ. земства, стр. 263.

¹³² - Московские «братцы» и Петроградские Чуриковцы, шалуны на юге России, «беседники» самарские, «бабушкино согласие» – примыкают к хлыстовщине.

¹³³ - Речь на ответ поднесения св. иконы и адресов от слушателей Хабаровских (18 июня 1912 г.) и Тобольских (2 авг. 1912 г.) пастырско-миссионерских курсов. Приводятся далее и самые адреса и речи епископа Алексия, как имеющие миссионерский интерес.

¹³⁴ - На всех публичных беседах было необычайное множество православного народа: доказательство, как важны эти беседы для самих православных.

¹³⁵ - См. стр. 610 настоящего тома.

¹³⁶ - Все эти труды вошли в V-й том (в двух частях) «Полного собрания сочинений» под общим заглавием: «Социализм при свете христианства».

¹³⁷ - Статья из газеты «Патриот» № 7, 1912 г.

Содержание

Полное собрание сочинений. Том IV	1
священномученик Иоанн Восторгов	
1887 г.	2
Раскольническая австрийская иерархия с точки зрения	
церковных канонов	3
1895 г.	14
Суд над Иисусом Христом с юридической точки зрения 15	15
1896 г.	34
Деятельность Императора Николая I-го на пользу	
просвещения России и в частности Кавказского края ¹⁷	35
Молитвенный дом и благотворительные при нем учреждения	
в местности гор. Тифлиса «Колючая балка»	60
1899 г.	68
Памяти митрополита Исидора, бывшего экзарха Грузии (1799–	
1899)	69
1900 г.	72
Русская православная миссия в Урмии в 1900 г.	73
Кукийские церковно-приходские миссионерские школы в	
городе Тифлисе 19	75
1901 г.	81
Торжество в Бодбийском женском св. Нины монастыре ²⁰	82
Памяти просветительницы Грузии 21	86
Столетие присоединения Грузии 22	88
К юбилею присоединения Грузии к России	91
Общество ревнителей русского исторического просвещения в	
память Императора Александра III ²³	94
Из отзывов печати о лжеучении графа Л. Толстого ²⁴	98
Православие в Персии	110
1902 г.	117
Церковно-грузинское пение в школах	118
Путешествие высокопреосвященнейшего Алексия, экзарха	
Грузии, по Карсской области, Эриванской и Тифлисской	121
губерниям	
К столетию министерств (20 декабря 1902 г.)	147

к столетию министерств (20 декабря 1902 г.)	147
1903 г.	150
Обозрение Грузинского экзархата архиепископом Алексием, экзархом Грузии ²⁷	151
Православие в Японии. Чтение, предложенное 26 февраля 1904 года в торжественном собрании Тифлисского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III	217
Проявление патриотических чувств в школах. Из отчета о ревизии церковных школ в Грузинском экзархате ⁴⁵	232
Съезд епархиальных наблюдателей церковных школ	234
Церковная деятельность на Кавказе в царствование Императора Александра III. Речь в торжественном собрании Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III 20 октября 1901 г., к десятилетию со дня кончины Царя-Праведника	236
Памяти Императора Александра III. Смысл и значение его царствования. Чтение в собрании Тифлисского отделения Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра 20 октября 1904 года, по случаю десятилетия со дня кончины Государя	249
Церковная школа в Закавказье. Сообщение, предложенное 14 декабря 1901 г. в помещении учебного Музея церковных школ в Петрограде, по случаю годовщины музея	264
1905 г.	291
Преосвященный Вениамин, епископ Горийский. Некролог	292
1906 г.	299
К вопросу о приходе. Сказано в пастырском собрании Московского духовенства 22 февраля 1906 г.	300
Памяти И. А. Грекова, мученика за русское дело на Кавказе	320
По поводу убийства М. Я. Герценштейна	323
Государственная Дума и православно-русская Церковь	326
Поход против религии и христианства	362
С кем нам соединяться?. Речь на третьем Всероссийском патриотическом съезде в Киеве	370
К вопросу об автокефальности грузинской Церкви: Общее положение. Политические условия. Практические затруднения	373

затруднения.	
1907 г.	387
Год старый и новый для пастырского делания	388
Новый выборный закон и духовенство	394
«Провокация правительства»	400
Дума и духовенство	403
I. Кадетские вождения	404
II. Кадеты и Русская церковь	407
III. с кем идти духовенству в думе?	411
IV. Духовенство и октябристы	413
V. Духовенство и монархисты	417
VI. Нужды церкви	420
VII. Ошибки и опасности	422
Дар «различения духов». Речь, сказанная 18 октября 1907 г. в Русском Монархическом Собрании по поводу избрания в почетные члены публициста Л. А. Тихомирова	425
1908 г.	428
1 января 1908 года	429
Самомнение в разрешении вопросов церковной жизни	433
В защиту Православной Церкви. По поводу нового вероисповедного закона. Тезисы, предложенные на обсуждение IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве.	437
Положительное церковное учительство	442
Доклад IV Всероссийскому миссионерскому съезду в Киеве	448
1909 г.	463
В Иоанновском монастыре. I. Вечная память – в Церкви. (Слово, сказанное в день памяти трех вселенских святителей Московских в Иоанновском монастыре в Петрограде 30 января 1909 года.) II. (Слово, произнесенное на панихиде в церкви-усыпальнице о. Иоанна Кронштадтского. 30 января 1909 г.)85	464
Говори, не умолкай. По поводу отношения левых газет к памяти о. Иоанна Кронштадтского88	469
Из путешествия по Сибири (Телеграммы с пути)89	471
I. Переселенческое движение	472
II. Могилы русских воинов в Маньчжурии	474
III. Япония и Корея	475

III. Япония и корейцы	475
IV. Переселенцы на Амуре	480
V. Духовные нужды корейцев	481
VI. Переселенцы в Уссурийском крае	482
VII. Опровержение	484
VIII. Амурская железная дорога	485
IX. Переселенцы в Забайкалье	488
X. Переселенцы в Енисейской губернии	490
XI. Переселенцы в Томской губернии	491
XII. Переселенцы Омской епархии	493
XIII. Переселенцы в Тобольской губ.	497
К 25-летию служебной и литературной деятельности В. М. Сворцова.	498
На Царской страже. По поводу пятнадцатилетия царствования Государя Императора Николая II	501
1910 г.	504
1 января 1910 года	505
Пастырские курсы в Москве	508
Переселенцы в Туркестане, Семиречье и Семипалатинской области (Телеграммы с пути в 1910 году)	514
Значение и задачи общемиссионерского сибирского съезда	523
1911 г.	533
1 января 1911 года	534
Патриотическое начинание. По поводу издания газеты «Патриот»	538
Что такое монархия? ⁹¹	541
Государственная Дума и церковная школа.	589
Учение хлыстов и примыкающих к хлыстовству мистических сект о Боге, сравнительно с откровенным учением православной Церкви ¹³²	630
1912 г.	636
Новогодние думы (к 1 января 1912 года)	637
Возвращение дара любви ¹³³	644
Адрес, поднесенный слушателями миссионерских курсов в Хабаровске	646
Адрес, поднесенный слушателями миссионерских курсов в городе Тобольск	648
Речь епископа Тобольского и Сибирского Алексия, сказанная в	

Речь епископа тобольского и сибирского Алексия, сказанная в день закрытия Тобольских миссионерских курсов	652
Пастырско-миссионерские курсы в Сибири и на Дальнем Востоке летом 1912 года	654
Из миссионерской практики в Москве	666
Вероисповеданный вопрос	681
Послесловие к тому IV	683
Примечания	684